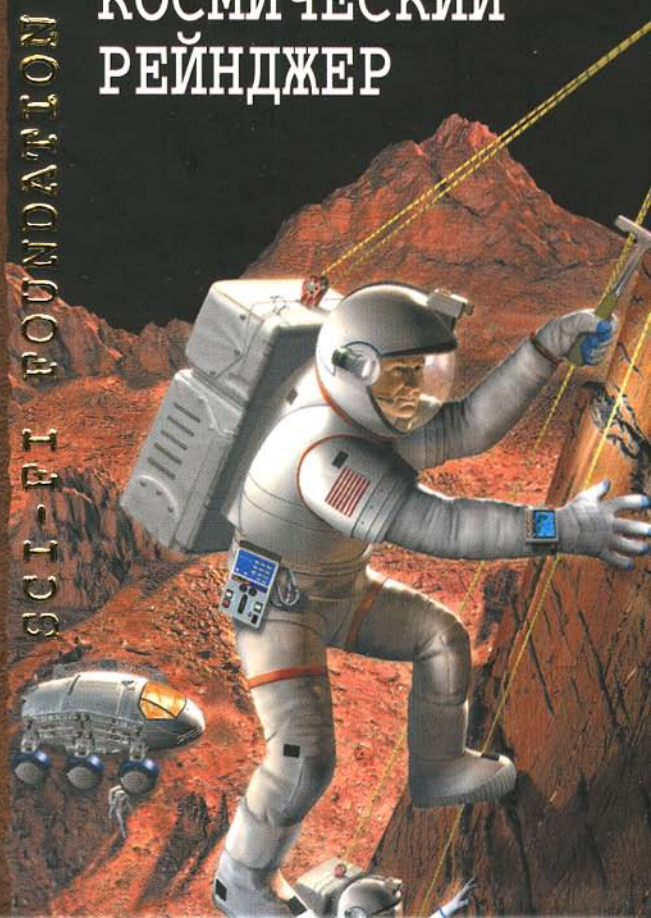
Весь

АЗИМОВ

КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙНДЖЕР

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION



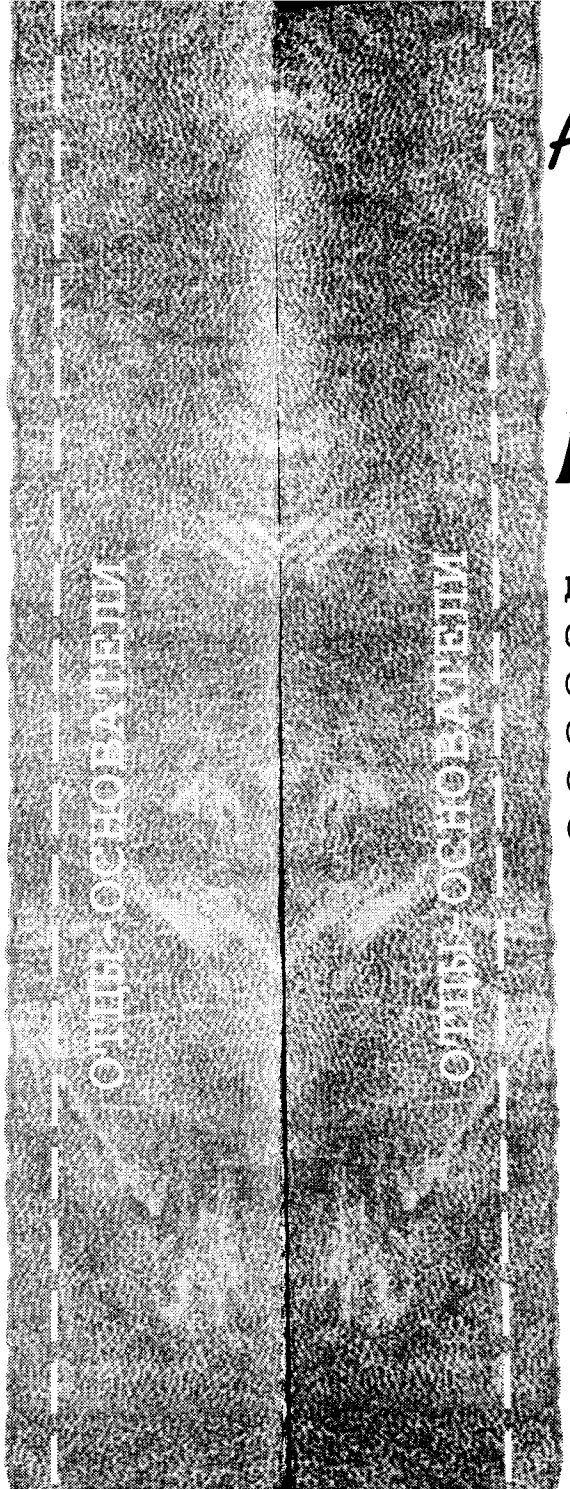
Весь

АЗИМОВ

Весь

АЗИМОВ

Я, РОБОТ
СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
ТРАНТОРИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ПУТЬ К АКАДЕМИИ
АКАДЕМИЯ
АКАДЕМИЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ
КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ
КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙНДЖЕР



Айзек

АЗИМОВ

Дэвид Старр, Космический Рейнджер
Счастливчик Старр и пираты астероидов
Счастливчик Старр и океаны Венеры
Счастливчик Старр и большое солнце Меркурия
Счастливчик Старр и спутники Юпитера
Счастливчик Старр и кольца Сатурна

Москва
Эксмо
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
А 35

Isaac Asimov

LUCKY STARR AND THE PIRATES OF ASTEROIDS
Copyright © 1954 by Isaac Asimov
LUCKY STARR AND THE OCEANS OF VENUS
Copyright © 1954 by Isaac Asimov
LUCKY STARR AND THE BIG SUN OF MERCURY
Copyright © 1956 by Isaac Asimov
LUCKY STARR AND THE MOONS OF JUPITER
Copyright © 1957 by Isaac Asimov
LUCKY STARR AND THE RINGS OF SATURN
Copyright © 1958 by Isaac Asimov

All rightshme-33 arj reserved
This translation published by arrangement with the Doubleday Broadway Publishing Group, a division of Random House, Inc.

Составитель серии *Д. Байкалов*
Оформление художника *А. Саукова*
Серия основана в 2008 году

Азимов А.
А 35 Космический Рейнджер: Фантастические произведения / Айзек Азимов; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо, 2008. — 672 с. — (Весь Азимов).

ISBN 978-5-699-30047-1

Дэвид Старр еще в детстве лишился родителей, ставших жертвами космических пиратов. Он уцелел и получил лучшее образование в Галактике, став стройным красавцем-спортсменом со стальными мышцами и аналитическим умом первоклассного ученого. К тому же Дэвид стал самым молодым членом Совета Науки, организации, обладающей неограниченными полномочиями. Но при всех своих выдающихся качествах Дэвид Старр, прозванный Счастливчиком, одержим жаждой приключений, несколько склонен к авантюризму и к тому же обладает недюжинным чувством юмора. А это значит, что Айзек Азимов приготовил нам встречу не со скучным среднестатистическим суперменом, методично спасающим мир, а с настоящим фантастическим героем, следить за историей которого одно удовольствие!

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-30047-1

© Перевод. Д. Арсеньев, 2008
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Дэвид Старр, Космический Рейнджер

Уолтеру Брэдбери,
без которого эта книга не была бы написана

ОТ АВТОРА

Эта книга была впервые опубликована в 1952 году, и описание поверхности и атмосферы Марса соответствует астрономическим представлениям того времени.

Однако с 1952 года знания астрономов о Солнечной системе необыкновенно расширились благодаря использованию радаров и ракет.

28 ноября 1964 года космический аппарат, известный как «Маринер IV», вылетел в направлении Марса. 15 июля 1965 года «Маринер IV» обогнул Марс на расстоянии немного менее 6000 миль, записал данные и сделал фотографии, которые были по радио отправлены на Землю.

Оказалось, что плотность марсианской атмосферы равна лишь одной десятой того, что считали раньше. Вдобавок фотографии показали, что поверхность Марса усеяна кратерами, похожими на лунные. С другой стороны, не было обнаружено никаких признаков каналов.

Последующие космические аппараты, направленные в сторону Марса, показали, что на Марсе меньше воды, чем думали раньше, и что его ледяные шапки, видимые с Земли, состоят из замерзшей двуокиси углерода, а не из воды.

Это значит, что жизнь в любой форме гораздо менее вероятна на Марсе, чем считали астрономы в 1952 году.

Надеюсь, что читателям тем не менее книга понравится, но я не хотел бы, чтобы их ввел в заблуждение материал, считавшийся «точным» в 1952 году, но с тех пор устаревший.

АЙЗЕК АЗИМОВ
Ноябрь 1970 г.

1. СЛИВЫ С МАРСА

Дэвид Старр в тот момент как раз смотрел на этого человека и поэтому видел, как все произошло. Он видел, как этот человек умер.

Дэвид терпеливо дожидался доктора Хенри, наслаждаясь при этом атмосферой новейшего ресторана Интернационального Города. Наконец-то он мог по-настоящему отпраздновать свой диплом и статус полноправного члена Совета Науки.

Ожидание не вызывало у него раздражения. Кафе «Верховное» все еще блестело от свежей хромосиликоновой краски. Приглушенный свет, ровно разливавшийся по всему залу, не имел видимого источника. На столе Дэвида, у стены, стоял маленький блестящий куб, в котором виднелась крошечная трехмерная копия оркестра, чья негромкая музыка доносилась из глубины зала. Палочка дирижера представляла собой полудюймовую движущуюся вспышку. Поверхность стола была самой современной модификацией силового поля и, если бы не специальное мерцание, оставалась бы совершенно невидимой.

Спокойные карие глаза Дэвида внимательно изучали соседние столики, полускрытые в нишах; Дэвид занимался этим не со скуки, а потому, что люди интересовали его гораздо больше новейших технологических побрякушек, которые были собраны в кафе «Верховное». Трехмерное телевидение и силовые поля были чудом десять лет назад, но с тех пор к ним привыкли. Люди же не меняются, и даже теперь, через десять тысяч лет после постройки пирамид и пяти тысяч лет после взрыва первой атомной бомбы, в них кроется неразрешимая загадка и нечто удивительное.

Девушка в красивом платье негромко смеялась, глядя на сидевшего напротив нее мужчину; человек средних лет в неудобном выходном костюме набирал номера меню робота-

официанта, а его жена и двое детей внимательно следили за ним; два бизнесмена оживленно разговаривали за десертом.

Именно тогда, когда взгляд Дэвида упал на бизнесменов, это и произошло. Один из них, с налитым кровью лицом, конвульсивно дернулся и попытался встать. Второй, слабо вскрикнув, протянул к нему руку в тщетной попытке помочь, но первый уже упал в кресло и начал медленно сползать под стол.

Дэвид вскочил и в три шага преодолел расстояние между столиками. Прикосновением пальца к сенсору рядом с телевизором он опустил фиолетовый занавес с флюоресцирующим рисунком на открытую сторону ниши: теперь сцена не привлечет внимания. Многие посетители вообще предпочитали такое уединение.

Второй бизнесмен, потрясенный всем происшедшим, наконец обрел голос. Он сказал:

— С Мэннингом что-то случилось. Какой-то припадок. Вы врач?

Голос Дэвида был спокойным и ровным. В нем звучала уверенность:

— Сидите спокойно и не шумите. Сейчас здесь будет управляющий, и все, что возможно, будет сделано.

Он поднял упавшего, как куклу, хотя тот был плотного телосложения. Потом отодвинул как можно дальше стол; пальцы его при этом сверхъестественным образом задержались в дюйме над поверхностью силового поля стола. Затем он положил человека в кресло, расстегнул магнитный зажим его куртки и начал делать искусственное дыхание.

У Дэвида не было иллюзий. Он знал эти симптомы: неожиданный прилив крови к лицу, утрата голоса и дыхания, несколько минут борьбы за жизнь — и конец.

Занавес отлетел в сторону. Управляющий удивительно быстро отозвался на сигнал тревоги, который Дэвид нажал перед тем, как покинул свой столик. Управляющий был низенький, полный, в черном тесном костюме консервативного кроя. Он явно был взволнован.

— Здесь что-то... — Он, казалось, съежился при виде неподвижно лежащего человека.

Оставшийся в живых посетитель говорил с истерической поспешностью:

— Мы обедали, когда у моего друга произошел приступ. А кто этот человек, я не знаю.

Дэвид оставил свои тщетные попытки. Отбросив густые каштановые волосы со лба, он спросил:

— Вы управляющий?

— Я Оливер Гаспер, управляющий кафе «Верховное», — с удивлением ответил толстяк. — Кто-то со столика 87 подал сигнал тревоги, но столик пуст. Мне сказали, что молодой человек только что вбежал в нишу столика 94, и вот я здесь. — Он повернулся. — Пойду за врачом.

Дэвид сказал:

— Не торопитесь. Бесполезно. Этот человек мертв.

— Что?! — воскликнул второй и бросился к приятелю с криком: — Мэннинг!

Дэвид удержал его, прижав к столу.

— Спокойней. Помочь ему нельзя, а шуметь не нужно.

— Да, да! — быстро согласился Гаспер. — Нельзя расстраивать других посетителей. Но послушайте, сэр, все же врач должен осмотреть этого беднягу, чтобы установить причину смерти. Я не могу допустить нарушений закона в своем ресторане.

— Мне жаль, мистер Гаспер, но в данный момент я запрещаю осмотр этого человека кем бы то ни было.

— О чем это вы говорите? Если человек умер от сердечного приступа...

— Давайте не устраивать бесполезных дискуссий. Как вас зовут, сэр?

Оставшийся в живых посетитель покорно ответил:

— Эжен Форестер.

— Ну что ж, мистер Форестер, мне нужно точно знать, что ели вы и ваш спутник.

— Сэр! — Маленький управляющий смотрел на Дэвида выпученными глазами. — Вы полагаете, что причина в пище?

— Я ничего не полагаю. Я задаю вопросы.

— У вас нет права расспрашивать. Кто вы такой? Я требую, чтобы этого беднягу осмотрел врач.

— Мистер Гаспер, это дело Совета Науки.

Дэвид обнажил внутреннюю поверхность запястья, загнув гибкий металлитовый рукав. В первое мгновение была видна только кожа, потом она потемнела и появился черный овал, внутри которого блеснули и заплясали желтые огоньки, образуя знакомый рисунок Большой Медведицы и Ориона.

Губы управляющего задрожали. Совет Науки — не официальный правительственный орган, но его члены зачастую значили больше, чем правительство.

Он сказал:

— Простите, сэр.

— Не нужно извиняться. Мистер Форестер, ответьте, пожалуйста, на мой первый вопрос.

Форестер пробормотал:

— Мы заказали обед номер три.

— Оба?

— Да.

— Были ли какие-нибудь замены?

Дэвид углубился в лежащее на столике меню. Кафе «Верховное» предлагало внеземные деликатесы, но обед номер три был одним из наиболее обычных на Земле: овощной суп, телячьи отбивные, жареный картофель, горошек, мороженое и кофе.

— Да, замена была. — Форестер нахмурился. — Мэннинг заказал на десерт марсливы.

— А вы нет?

— Нет.

— А где эти марсливы сейчас? — Дэвид когда-то пробовал их. Сливы, растущие в обширных теплицах Марса, сочные и бескосточковые, со слабым ароматом корицы, дополняющим фруктовый вкус.

Форестер сказал:

— Он их съел. А что, вы считаете?..

— За какое время до приступа?

— Примерно за пять минут, мне кажется. Мы даже не закончили кофе. — Он болезненно побледнел. — Они отравлены?

Дэвид не ответил. Он повернулся к управляющему:

— Что вы скажете о марсливах?

— В них не было ничего ненормального. Ничего. — Гаспер в волнении схватил занавес и лихорадочно скомкал, но при этом продолжал бормотать еле слышным шепотом: — Свежая поставка с Марса, проверенная и одобренная правительством. Только за последние три вечера мы продали несколько сотен порций. Ничего подобного не случалось.

— Все равно, прикажите исключить марсливы из меню, пока мы не проверим их вторично. А теперь, на случай, если дело не в них, пожалуйста, принесите какой-нибудь пакет, чтобы мы смогли забрать остатки обеда для проверки.

— Сейчас. Сейчас.

— И, конечно, никому об этом не рассказывайте.

Управляющий вернулся через несколько секунд, вытирая вспотевший лоб носовым платком. Он сказал:

— Никак не могу этого понять. Никак не могу.

Дэвид сложил в пакет пластиковые тарелки с остатками пищи, добавил то, что осталось от поджаренных булочек, закрыл вощеные чашки, в которых подавали кофе, и отставил их в сторону. Гаспер перестал непрерывно потирать руки и потянулся к контакту на краю стола.

Но Дэвид опередил его, и, вздрогнув от неожиданности, управляющий обнаружил, что его запястье крепко стиснуто сильными пальцами.

— Сэр, но крошки!

— Я их тоже заберу.

С помощью карманного ножа Дэвид собрал все крошки, острое лезвие легко скользило по невидимой поверхности силового поля. Самому Дэвиду не нравились подобные столешницы. Их абсолютная прозрачность вовсе не способствовала расслаблению. Обедающие, видя висящие в пустоте тарелки и чашки, испытывали напряжение. Приходилось слегка выводить поле из фазы, что вызывало непрерывное мерцание и создавало впечатление твердой поверхности.

В ресторанах же такие столы пользовались популярностью, поскольку нужно было лишь слегка, на долю дюйма, приподнять поле, чтобы уничтожить все прилипшие крошки и капли. Только закончив собирать остатки пищи, Дэвид позволил Гасперу проделать эту операцию, вначале отключив предохранитель, а затем используя специальный ключ. Поверхность стола в момент стала совершенно чистой.

— Еще минутку. — Дэвид взглянул на циферблат своих часов, потом слегка отогнул занавес. — Доктор Хенри! — позвал он негромко.

Долговязый мужчина средних лет, сидевший за тем самым столом, за которым пятнадцать минут назад сидел Дэвид, вздрогнул и удивленно оглянулся.

Дэвид улыбнулся.

— Я здесь! — И прижал палец к губам.

Доктор Хенри встал. Костюм висел на нем, редеющие седые волосы были тщательно зачесаны на лысину.

— Мой дорогой Дэвид, ты уже здесь? — спросил он, подходя к нише. — А я думал, что ты опаздываешь. Но что случилось?

Улыбка исчезла с лица Дэвида. Он ответил:

— Еще один.

Доктор Хенри зашел за занавес, взглянул на мертвого и пробормотал:

— Надо же!

— Никак не ожидал увидеть такое прямо здесь, — заметил Дэвид.

— Я думаю, — доктор Хенри снял очки и прочистил их слабым силовым полем своего карманного очистителя, — я думаю, лучше закрыть ресторан.

Гаспер беззвучно, как рыба, глотнул воздух и сдавленно произнес:

— Закрыть ресторан?! Он открыт всего неделю. Это катастрофа. Настоящая катастрофа!

— Всего лишь на час или около того. Нужно убрать тело и осмотреть вашу кухню. Вы ведь хотите, чтобы мы раскрыли загадку пищевого отравления, и для вас будет гораздо менее удобно, если мы будем заниматься всем этим в присутствии обедающих.

— Очень хорошо. Ресторан будет в вашем распоряжении, но мне нужен час, чтобы все посетители кончили обедать. Надеюсь, огласки не будет.

— Никакой, уверяю вас. — Морщинистое лицо доктора Хенри было очень серьезно. — Дэвид, позвони в Зал Совета и попроси Конвея. У нас для таких случаев разработана процедура. Он знает, что нужно делать.

— А я должен оставаться? — неожиданно вмешался Форестер. — Я плохо себя чувствую...

— Кто это, Дэвид? — спросил доктор Хенри.

— Он обедал вместе с умершим. Его зовут Форестер.

— Ага. Боюсь, мистер Форестер, вам придется поболеть здесь.

В ресторане было холодно, и он производил неприятное впечатление своей пустотой. Пришли и ушли молчаливые оперативники. Они тщательно, атом за атомом, проверили кухню. Теперь в зале остались только доктор Хенри и Дэвид. Они сидели в пустой нише. Света не было, а кубики трехмерного те-

левидения на каждом столе ничем не отличались от простых стекол.

Доктор Хенри покачал головой.

— Мы ничего не выясним. Я это знаю по опыту. Прости, Дэвид. Не так мы хотели отметить твой выпуск.

— Для этого еще будет время. Вы в своих письмах упоминали случаи пищевого отравления, так что я был подготовлен. И все же я не думал, что нужна такая абсолютная секретность. Если бы я об этом знал, постарался бы быть осторожнее.

— Бесполезно. Нельзя вечно скрывать это дело. Мало-помалу информация просачивается. Люди видят, как человек умирает за едой, потом слышат об аналогичных случаях. И всегда за едой. Плохо дело, а будет еще хуже. Ну, поговорим об этом подробнее завтра, когда будешь у Конвея.

— Подождите! — Дэвид пристально посмотрел в глаза старшему собеседнику. — Что-то беспокоит вас больше, чем смерть одного человека или даже смерть тысячи. Что-то, чего я не знаю. Что это?

Доктор Хенри вздохнул.

— Боюсь, Дэвид, что Земля в большой опасности. Большинство Совета в это не верит, Конвей убежден лишь наполовину, но я уверен, что эти преднамеренные пищевые отравления есть хитрая и жестокая попытка захватить контроль над экономической жизнью Земли и над парламентом. И до сих пор, Дэвид, совершенно неизвестно, кто за этим стоит и как это осуществляется. Совет Науки совершенно беспомощен!

2. ЖИТНИЦА В НЕБЕ

Гектор Конвей, глава Совета Науки, стоял у окна своего кабинета на последнем этаже Башни Науки, стройного сооружения, возвышающегося над северными пригородами Интернационального Города. Город сверкал в ранних сумерках. Скоро вспыхнут белые огни вдоль оживленных пешеходных дорог. Как жемчуга, будут переливаться здания, когда оживут окна. Центральное место в пейзаже, открывающемся из окна, занимали отдаленные купола Залов Конгресса и среди них здание Исполнительной Власти.

Он был один, никто не мог его потревожить, кроме доктора Хенри, — автоматический замок кабинета был настроен на

его отпечатки пальцев. Конвей чувствовал, что его напряжение начало спадать. Скоро здесь будет Дэвид Старр, неожиданно и чудесным образом выросший и готовый к исполнению своего первого поручения в качестве члена Совета. Конвей ждал его, будто собственного сына. Впрочем, в некотором смысле так оно и было. Дэвид Старр — его сын: его и Августа Хенри.

Вначале их было трое: он сам, Гус Хенри и Лоуренс Старр. Они вместе учились, вместе поступили в Совет Науки и вместе проводили первые расследования; а затем Лоуренс Старр получил повышение. Этого следовало ожидать: из них троих он был самым талантливым.

Он получил должность на Венере, и впервые за все время они взялись за новую работу не вместе. Лоуренс улетел с женой и сыном. Жену звали Барбара. Прекрасная Барбара Старр! Ни Хенри, ни сам Конвей так и не женились: ни одна девушка не могла сравниться с Барбарой в их памяти. Когда родился Дэвид, они стали дядей Гусом и дядей Гектором, так что ребенок в конце концов стал путаться и называть отца дядей Лоуренсом.

А потом на корабль, в котором семья Лоуренса летела на Венеру, напали пираты. Это было массовое убийство. Пираты не берут в космосе пленных, и через два часа свыше ста человек были мертвы. Среди них — Лоуренс и Барбара.

Конвей помнил день, помнил даже минуту, когда эта новость достигла Башни Науки. Патрульные корабли ринулись в космос, выслеживая пиратов; они атаковали пиратские логова в астероидах с беспрецедентной яростью. Поймали ли они того самого пирата, который взорвал идущий на Венеру корабль, так и осталось неизвестным, но с этого года силы пиратов были значительно подорваны.

Патрульные корабли обнаружили кое-что еще: крошечную спасательную шлюпку, летящую по опасной орбите между Венерой и Землей и издающую по радио холодные автоматические призывы о помощи. Внутри нашли ребенка, испуганного четырехлетнего мальчика, который много часов отказывался говорить, повторяя только:

— Мама сказала, чтобы я не плакал.

Это был Дэвид Старр. События, рассказанные им, были увидены детскими глазами, но представить случившееся было нетрудно. Конвей и по сей день ясно видел эти последние ми-

нуты на погибающем корабле: Лоуренс Старр умирает в контрольной рубке, куда врываются пираты; Барбара с бластером в руке с отчаянной торопливостью усаживает Дэвида в шлюпку, стараясь как можно лучше настроить приборы, и выпускает шлюпку в космос. А потом?

У нее в руках было оружие. До последнего мгновения она использовала его против врагов, а когда это стало невозможно, — против себя.

Конвею было больно думать об этом. Больно было и тогда, и он хотел сопровождать патрульные корабли, чтобы своими руками превращать пиратские пещеры в пылающие океаны атомного уничтожения. Но члены Совета Науки, сказали ему, слишком ценны, чтобы рисковать ими в полицейских акциях, — поэтому он остался дома и читал бюллетени новостей, едва они появлялись на ленте телепроектора.

Вместе с Августасом Хенри они усыновили Дэвида и посвятили свои жизни тому, чтобы стереть ужасные воспоминания из его памяти. Они стали для Дэвида отцом и матерью, лично присматривали за его воспитанием, растили его с одной мыслью: сделать его таким, каким был Лоуренс Старр.

Он превзошел их ожидания. Ростом с Лоуренса, шести футов в высоту, длинноногий, жесткий, с холодными нервами и мышцами атлета, с четким, точным умом первоклассного ученого. И кроме того, в его каштановых, чуть волнистых волосах, в ясных, широко расставленных карих глазах, в ямочке на подбородке, которая исчезала, когда он улыбался, — во всем этом было что-то, неуловимо напоминавшее Барбару.

Он пронесся сквозь годы обучения, оставляя за собой след искр и пепла от прежних рекордов как на игровых полях, так и в аудиториях.

Конвей был обеспокоен.

— Это неестественно, Гус. Он превосходит отца.

А Хенри, который не верил в праздные речи, попыхивал трубкой и гордо улыбался.

— Мне не хочется этого говорить, — продолжал Конвей, — потому что ты будешь надо мной смеяться, но есть в этом что-то не вполне нормальное. Вспомни, ребенок двое суток находился в космосе, от солнечной радиации его защищал лишь тонкий корпус шлюпки. Он находился всего лишь в семидесяти миллионах миль от Солнца в период максимальной активности.

— По-твоему, Дэвид должен был сгореть? — спрашивал Хенри.

— Не знаю, — пробормотал Конвей. — Воздействие радиации на живую ткань, на человеческую живую ткань имеет свои загадки.

— Естественно. Это не та область, в которой можно проводить эксперименты.

Дэвид окончил колледж с высочайшими баллами. На дипломной работе он умудрился выполнить оригинальную работу по биофизике. Затем, несмотря на молодость, стал полноправным членом Совета Науки.

Четыре года назад Конвея избрали главой Совета. За подобную честь он отдал бы жизнь, но он хорошо понимал, что, если бы Лоуренс Старр жил, избран был бы более достойный.

После этого его контакты с Дэвидом стали редкими и случайными, потому что быть главой Совета Науки означает посвятить себя проблемам всей Галактики. Даже на выпускных экзаменах Конвей видел Дэвида лишь мельком. За последние четыре года они и разговаривали-то едва ли четыре раза.

Поэтому его сердце так забилось, когда он услышал, как открывается дверь. Он повернулся и быстро пошел навстречу вошедшим.

— Гус, старина, — Конвей протянул руку. — Дэвид, мальчик!

Прошел час. Была уже ночь, когда они смогли перестать говорить о себе и обратились к делам Вселенной.

Начал Дэвид. Он сказал:

— Я сегодня впервые был свидетелем смерти от отравления, дядя Гектор. Я знал достаточно, чтобы предотвратить панику. Но хотел бы знать больше, чтобы помешать самому отравлению.

Конвей мрачно кивнул.

— Столько не знает никто. Я полагаю, Гус, это был опять марсианский продукт?

— Не могу отрицать это, Гектор. В деле фигурируют марсианские сливы.

— Было бы хорошо, — опять заговорил Дэвид Старр, — если бы вы рассказали мне все, что мне дозволено знать.

— Все очень просто, — горько усмехнулся Конвей. —

Ужасно просто. За последние четыре месяца около двухсот человек умерло сразу после употребления в пищу выращенных на Марсе продуктов. Яд неизвестен, и симптомы не указывают ни на какую болезнь. Быстрый полный паралич нервов, контролирующих работу диафрагмы и мышц груди. Вследствие этого паралич легких и смерть через пять минут.

Дело даже хуже. В нескольких случаях жертвы были обнаружены вовремя, к ним применяли искусственное дыхание, как сделал и ты, и даже искусственные легкие. Все равно смерть через пять минут. Останавливается сердце. Вскрытие же не показывает ничего, кроме невероятно быстро развивающегося поражения нервов.

— А сама отравленная пища? — спросил Дэвид.

— Тупик, — ответил Конвей. — Отравленный кусок или порция полностью усваиваются. Другие образцы того же сорта на столе и в кухне абсолютно безвредны. Мы скармливали их животным и даже добровольцам. Исследование содержимого желудка мертвых не дает никаких результатов.

— Откуда же вы тогда знаете, что пища отравлена?

— Потому что смерть во всех случаях наступает после приема в пищу марсианских продуктов — это не просто совпадение.

— И, по-видимому, болезнь не заразна, — задумчиво сказал Дэвид.

— Нет. Хвала звездам за это. Но и без того положение тяжелое. Пока нам удается сохранять все в полной тайне, спасибо Планетарной полиции. Двести смертельных случаев за четыре месяца для населения Земли — все еще ничтожное число, но оно может увеличиться. И если люди Земли будут считать, что любой кусок марсианской пищи может оказаться их последним, — последствия будут ужасны. Даже если будет умирать по-прежнему пятьдесят человек в месяц из пяти миллиардов жителей Земли, каждый сочтет, что он может оказаться в числе этих пятидесяти.

— Да, — согласился Дэвид, — а это значит, что рынок марсианской пищи перестанет существовать. Огромные убытки для марсианских фермерских синдикатов.

— Это еще что! — Конвей пожал плечами, отбрасывая проблему фермерских синдикатов, как нечто незначительное. — А больше ты ничего не видишь?

— Вижу, что сельское хозяйство Земли не сможет прокормить пять миллиардов человек.

— Точно. Мы не можем прожить без продуктов с колониальных планет. Через шесть недель на Земле начнут умирать с голода. И если люди будут бояться марсианской пищи, предотвратить голод не удастся. Я не знаю, сколько мы еще продержимся. Каждая новая смерть — это новый кризис. Разнесут ли об этом последнем случае теленовости по всему свету? Всплывет ли правда? И к тому же существует еще теория Гуса.

Доктор Хенри откинулся, утрамбовывая табак в трубке.

— Я уверен, Дэвид, что эпидемия пищевых отравлений — не естественный феномен. Он слишком широко распространен. Сегодня в Бенгалии, на следующий день в Нью-Йорке, потом на Занзибаре. За этим кроется чей-то разум.

— Говорю тебе... — начал Конвей.

— Если какая-то группа пытается захватить контроль над Землей, что может быть лучше, чем ударить по нашему слабейшему месту — запасам продовольствия? Земля — наиболее населенная планета Галактики. Это естественно, поскольку она родина человечества. Но именно это делает нас слабыми, так как мы не можем прокормить себя. Наша житница в небе: на Марсе, на Ганимеде, на Европе. Если прекратить импорт любым способом — пиратскими нападениями или гораздо более тонко, как сейчас, — мы быстро станем беспомощны. Вот и все.

— Но если это так, не должна ли такая группа связаться с правительством, хотя бы для того, чтобы предъявить ультиматум? — спросил Дэвид.

— Пожалуй, так, но, возможно, они ждут своего часа, ждут, чтобы мы созрели. Или они напрямую связаны с фермерами Марса. Колонисты себе на уме, они не доверяют Земле и, в сущности, если поймут, что их благополучие под угрозой, могут присоединиться к преступникам. Может быть, даже, — он яростно запыхтел трубкой, — они сами... Но я никого не обвиняю.

— А моя роль? Что, по-вашему, должен делать я? — спросил Дэвид.

— Позволь мне ему объяснить, — сказал Конвей. — Дэвид, мы хотим, чтобы ты отправился в Центральную лабораторию на Луне. Ты будешь членом группы, занимающейся расследованием этой проблемы. В настоящий момент там получают об-

разцы всех продуктов, доставляемых с Марса. Мы обязаны найти там отравленную пищу. Половина всех образцов скармливается крысам, остальные исследуются всеми доступными нам способами.

— Понимаю. И если дядя Гус прав, у вас, вероятно, есть еще одна команда на Марсе?

— Очень опытные люди. Ну а ты готов отправиться на Луну сегодня же?

— Конечно. В таком случае могу ли я уйти, чтобы подготовиться?

— Разумеется.

— Не будет ли возражений против того, чтобы я летел в своем корабле?

— Вовсе нет.

Оставшись одни в пустом кабинете, двое ученых долго молчали, глядя на сказочные огни города.

Наконец Конвей сказал:

— Как он похож на Лоуренса! Но ведь он так молод. Дело опасное.

Хенри спросил:

— Ты на самом деле считаешь, что это сработает?

— Несомненно, — Конвей рассмеялся. — Ты слышал его последний вопрос о Марсе. Он не собирается отправляться на Луну. Я хорошо его знаю. Это лучший способ защитить его. Официальные записи будут утверждать, что он на Луне; Центральной лаборатории приказано доложить о его прибытии. Когда он на самом деле окажется на Марсе, твои заговорщики, если они существуют, не заподозрят, что он член Совета, а он, конечно, сохранит инкогнито, думая, что дурачит нас. — И, помолчав, добавил: — Он умен. Он может сделать то, чего не можем мы. К счастью, он еще молод и им можно управлять. Через несколько лет это будет невозможно. Он будет видеть нас насквозь.

Негромко звякнул коммуникатор. Конвей включил его.

— В чем дело?

— Личное сообщение для вас, сэр.

— Для меня? Передавайте, — он удивленно посмотрел на Хенри. — Может, заговорщики, о которых ты болтаешь?

— Открой, тогда и увидим, — предложил Хенри.

Конвей вскрыл конверт. В несколько мгновений он просмотрел послание, потом рассмеялся, бросил его Хенри и откинулся в кресле.

Хенри подобрал листок. На нем было лишь две строчки: «Пусть будет по-вашему. Лечу на Марс». И подпись: «Дэвид».

Хенри расхохотался.

— Все в порядке, тебе пока удается управлять им.

И Конвей не мог не присоединиться к нему.

3. РАБОТНИКИ ДЛЯ МАРСИАНСКИХ ФЕРМ

Для прирожденного землянина Земля — это третья планета звезды, известной жителям всей Галактики как Солнце. Но в официальной географии понятие «Земля» включает нечто гораздо большее: Землей являются все тела Солнечной системы. Марс — такая же Земля, как сама Земля, и мужчины и женщины Марса — тоже земляне, хотя живут на другой планете. Во всяком случае по закону. Они принимают участие в голосовании за Всепланетный Конгресс и за Планетарного Президента.

Но это лишь постольку поскольку. Земляне Марса считают себя особой и лучшей породой, и новичку предстоит пройти долгий путь, прежде чем марсианские фермеры перестанут видеть в нем просто туриста, ничего из себя не представляющего.

Дэвид Старр почувствовал это почти сразу, как только вошел в здание Бюро набора работников на фермы. Вслед за ним вошел маленький человек. Настоящий малыш, не больше пяти футов двух дюймов. Если бы их с Дэвидом поставили лицом к лицу, то нос этого человечка как раз уперся бы Дэвиду в грудь. У вошедшего были светло-рыжие прямые волосы, зачесанные назад, и широкий рот. Одет он был в типичный для Марса двубортный комбинезон с открытым воротом и ярко раскрашенные, доходящие до щиколоток сапоги, столь популярные среди марсианских фермеров.

Дэвид направился к окну, над которым горела надпись «Наем на фермы». За ним послышались шаги, и высокий голос окликнул его:

— Погоди. Замедли шаги, приятель.

Маленький человек смотрел на него.

Дэвид спросил:

— Я могу быть вам полезен?

Окинув его взглядом с ног до головы, человечек протянул руку и небрежно уперся в талию землянина.

— Как давно со старых сходней?

— С каких сходней?

— Ты довольно массивен для землянина. Там у вас тесно?

— Да, я с Земли.

Руки коротышки одна за другой опустились вниз, ловко щелкнув о голенища его сапог. Это был фермерский жест самоуверенности.

— В таком случае, — сказал он, — может, ты подождешь и позволишь местному уроженцу заняться делом?

— Пожалуйста, — ответил Дэвид.

— А если у тебя есть возражения, можем разобраться с ними, когда тебе будет удобно. Меня зовут Верзила. Я Джон Верзила Джонс, но можешь любого в городе просто спросить о Верзиле. — Он помолчал, потом добавил: — Это мое прозвище, землянин. Возражений нет?

Дэвид серьезно ответил:

— Вовсе нет.

Верзила сказал:

— Хорошо, — и направился к окну, а Дэвид, чье лицо расплылось в улыбке, как только Верзила повернулся к нему спиной, сел и стал ждать.

Он всего двенадцать часов на Марсе. За это время Дэвид успел только зарегистрировать под вымышленным именем корабль в большом подземном гараже за пределами города, снять на ночь номер в одном из отелей и часа два побродить по городу под куполом.

На Марсе только три таких города, и это неудивительно, так как содержание огромных куполов и создание непрерывного потока энергии, поддерживающего в городах земную температуру и силу тяжести, обходятся очень дорого. Этот, Винград-сити, названный так в честь Роберта Кларка Винграда, первого человека, достигшего Марса, — самый большой.

Он почти не отличается от любого земного города, как кусочек Земли, вырезанный и пересаженный на другую планету; как будто жители Марса, в самой ближайшей точке орбиты отстоящие от родины на тридцать пять миллионов миль, пытались скрыть этот факт от самих себя. В центре города, где эл-

липсоидальный купол достигает четверти мили в высоту, есть даже двадцатиэтажные здания.

Не хватает только одного. Нет солнца и голубого неба. Купол прозрачен, и, когда светит солнце, его свет равномерно рассеивается на всех десяти квадратных милях. Но интенсивность света в любом месте купола невысока, и небо кажется бледно-бледно-желтым. Создается впечатление облачного дня на Земле.

Когда наступает ночь, купол постепенно бледнеет и растворяется в абсолютной беззвездной черноте. Но тут вспыхивают уличные огни, и Винград-сити становится еще больше похож на земные города. В зданиях искусственный свет используется круглосуточно.

Дэвид Старр поднял голову при громких звуках голосов, донесшихся со стороны окна.

— Говорю вам: это черный список! Клянусь Юпитером, меня занесли в черный список! — кричал Верзила.

Человек за окном, казалось, заволновался. У него были пушистые баки, которые он нервно перебирал пальцами.

— У нас нет никакого черного списка, мистер Джонс... — попытался он урезонить разошедшегося малыша.

— Меня зовут Верзила! В чем дело? Ты боишься быть дружелюбным? Несколько дней назад ты меня называл Верзилой.

— У нас нет черных списков, Верзила. На фермах просто не нужны работники.

— О чем это ты болтаешь? Тим Дженкинс позавчера получил работу в две минуты.

— У Тима Дженкинса опыт в управлении ракетами.

— Я не хуже Тима могу управлять ракетой.

— Да, но ты здесь обозначен как сеятель.

— И очень хороший. Что, сеятели не нужны?

— Послушай, Верзила, — уговаривал человек за окном. — Я внесу тебя в список. Это все, что я могу сделать. Как только что-нибудь подвернется, я дам тебе знать. — Он отвернулся и уставился в книгу записей, с деланой сосредоточенностью читая ее страницы.

Верзила отошел от окна, но потом через плечо бросил:

— Ну ладно, но я буду сидеть здесь, и, как только ты получишь запрос на работника, я туда отправлюсь. Если меня не захотят принять, я хочу, чтобы они сами мне об этом объявили. Мне, ты понял? Мне, Дж. Верзиле Дж., лично!

Человек в окне ничего не ответил. Что-то бормоча себе под нос, Верзила сел. Дэвид Старр встал и подошел к окну: в здании никто не появился, и оспаривать его очередь было некому.

Он сказал:

— Мне нужна работа.

Человек поднял голову, взял бланк занятости и ручной принтер.

— Какая работа?

— Любая работа на ферме.

— Вы родились на Марсе? — спросил клерк, отложив принтер.

— Нет, сэр. Я с Земли.

— Извините. Никакой работы.

— Послушайте. Я могу работать и нуждаюсь в работе. Великая Галактика, здесь что, действует закон против приема на работу землян? — воскликнул Дэвид.

— Нет, но вряд ли вы сможете работать на ферме, не имея никакого опыта.

— Но мне все равно нужна работа.

— Легко найти работу в городе. Следующее окошко.

— Я не могу работать в городе.

Человек за окном задумчиво посмотрел на Дэвида, и тот без труда разгадал значение его взгляда. Люди прилетали на Марс по многим причинам, и одна из них — Земля для некоторых становилась слишком неудобным местом жительства. Когда объявлялся розыск беглеца, города Марса тщательно прочесывали (в конце концов, они ведь часть Земли), но никто и никогда не находил разыскиваемого на марсианских фермах. Для фермерских синдикатов лучший фермер — тот, кому больше некуда деться. О таких беглецах заботились и защищали их от земных властей, признаваемых только наполовину и еще больше презираемых.

— Имя? — сказал клерк, снова придвинув к себе бланк.

— Билл Уильямс, — ответил Дэвид, указав имя, под которым зарегистрировал корабль.

Клерк не спросил никакого удостоверения.

— Где я смогу вас отыскать?

— Отель «Лендис», номер 212.

— Есть опыт работы в условиях низкой гравитации?

Вопросы следовали один за другим, но большая часть граф

в бланке осталась пустой. Клерк вздохнул, сунул бланк в щель для автоматического микрофильмирования, подшил его и добавил к постоянным документам бюро.

Он сказал:

— Я дам вам знать, — но голос его звучал не очень обнадеживающе.

Дэвид отвернулся. Он почти ничего не ждал от этого визита, но теперь, по крайней мере, у него есть законный статус искателя работы. Следующий шаг...

Он резко повернулся. В помещение входили три человека. Малыш Верзила гневно вскочил со своего места. Теперь он стоял лицом к вошедшим, руки его свободно свисали, но оружия в них не было.

Вошедшие остановились, и тот, что стоял позади, рассмеялся и сказал:

— Похоже, здесь могучий щенок Верзила. Может, работу ищет, босс?

У говорившего были широкие плечи и приплюснутый нос. Во рту — изжеванная сигара с зеленым марсианским табаком. Ему не мешало бы побриться.

— Тише, Гризволд, — остановил передний.

Это был полный, не очень высокий человек, кожа на щеках и затылке — гладкая и ровная. Одет он был в типичный марсианский комбинезон, но из гораздо более хорошего материала, чем у остальных фермеров. Высокие сапоги были украшены розовой спиралью.

Во время своих путешествий по Марсу Дэвид Старр ни разу не встречал сапог с одинаковым рисунком, и все были кричаще яркими. Это был признак индивидуальности среди фермеров.

Верзила приблизился к вошедшим, его маленькая грудь раздувалась, лицо гневно исказилось. Он сказал:

— Мне нужны мои документы, Хеннес. Я имею право их получить.

Хеннесом оказался полный человек впереди. Он спокойно ответил:

— Ты не заслуживаешь никаких документов, Верзила.

— Но я не могу получить никакую работу без приличных бумаг. Я работал на вас два года и выполнял свое дело.

— Ты делал больше, чем просто выполнял свое дело. Прочь с дороги! — Хеннес протопал мимо Верзилы, подошел к окну и

сказал: — Мне нужен опытный сеятель, хороший работник. И достаточно высокий, чтобы сменить этого малыша, от которого я избавился.

Верзила услышал это.

— Клянусь космосом, — завопил он, — ты прав, я делал больше, чем мне полагалось. Я замечал то, что не должен был замечать, вот что ты хочешь сказать. Я видел, как ты уезжаешь в пустыню ночью, а на следующее утро делаешь вид, что нигде не был. Вот меня и вышвырнули без всяких документов...

Хеннес раздраженно оглянулся через плечо.

— Гризволд, — приказал он, — убери этого придурка.

Верзила не отступил, хотя из Гризволда можно было бы сделать двух таких, как он.

— Ну, хорошо. Подходите по одному, — сказал он высоким голосом.

Но обманчиво медленной, ровной походкой к нему подошел только Дэвид Старр.

Гризволд сказал:

— Приятель, ты стоишь у меня на дороге. Мне нужно выбросить отсюда кое-какой мусор.

— Все в порядке, землянин. Пропусти его ко мне, — выкрикнул, высунувшись из-за Дэвида, Верзила.

Дэвид не обратил на это внимания. Гризволду он сказал:

— Ведь это общественное место, приятель. Мы все имеем право находиться здесь.

— Давай не спорить, приятель, — ответил Гризволд и грубо положил руку на плечо Дэвиду, намереваясь отбросить его в сторону.

Но левая рука Дэвида перехватила запястье Гризволда, а правая устремилась к плечу противника. Гризволд, вращаясь, отлетел назад и ударился о пластиковую перегородку, разделявшую помещение.

— Уж лучше я поспорю, приятель, — сказал Дэвид.

Клерк с криком вскочил из-за стола. Другие чиновники высунулись из своих окошек, но не пытались вмешаться. Верзила со смехом хлопнул Дэвида по спине:

— Неплохо для землянина.

На мгновение Хеннес, казалось, застыл. У третьего фермера, низкорослого и бородатого, с бледным лицом человека, явно проводящего слишком много времени под неярким солн-

цем Марса и слишком мало под искусственным освещением города, нелепо отвисла нижняя челюсть.

К Гризволду медленно возвращалось дыхание. Он потряс головой. Пнул упавшую на пол сигару. Потом поднял голову — в глазах его была ярость. Он оттолкнулся от стены, и в руке его сверкнула сталь.

Но Дэвид сделал шаг в сторону и поднял руку. Маленький изогнутый цилиндр, который обычно удобно лежал у него под правой рукой, выдвинулся из рукава в ладонь.

— Осторожнее, Гризволд. У него бластер, — крикнул Хеннес.

Дэвид приказал:

— Брось лезвие.

Гризволд выругался, но металл звякнул о пол. Верзила бросился вперед и подобрал его, усмехаясь Гризволду в лицо.

Дэвид протянул руку за лезвием и бросил на него быстрый взгляд.

— Хорошая игрушка для фермера, — сказал он. — Разве на Марсе не действует закон о силовых полях?

Это было самое отвратительное оружие в Галактике. Внешне обычное лезвие из нержавеющей стали, чуть толще обычного ножа, удобно ложащееся в руку. Внутри находился крошечный генератор, создававший невидимое силовое поле, острое, как бритва, длиной не более девяти дюймов, способное разрезать любую материю. Броня против такого поля бесполезна, и, поскольку оно с одинаковой легкостью разрезает и мышцы, и кость, его удар почти неизбежно смертелен.

Хеннес встал между ними.

— А где твое разрешение на бластер, землянин? Убери его, и будем квиты. Пошли отсюда, Гризволд.

— Минутку, — сказал Дэвид, когда Хеннес повернулся. — Вы ищете работника?

Хеннес снова повернулся к нему, брови его удивленно поднялись.

— Я ищу работника. Да.

— Отлично. А я ищу работу.

— Мне нужен опытный сеятель. У тебя есть опыт?

— Пожалуй, нет.

— Когда-нибудь убирал урожай? Пескоходом сможешь управлять? Короче, как я могу судить по твоему костюму, — он сделал шаг назад, чтобы получше разглядеть Дэвида, — ты

землянин, который случайно неплохо обращается с бластером. Мне ты не нужен.

— Даже в том случае, — голос Дэвида опустился до шепота, — если я скажу, что интересуюсь пищевыми отравлениями?

Лицо Хеннеса не изменилось, и он, не моргнув глазом, произнес:

— Не понимаю тебя.

— Подумайте получше. — Дэвид слегка улыбался, но в его улыбке не было веселья.

— Работать на марсианской ферме нелегко, — сказал Хеннес.

— Я привык к нелегкой работе.

Фермер взглянул на крепкую фигуру Дэвида.

— Может, ты и прав. Ладно, мы тебя будем кормить, дадим три смены одежды и пару сапог. Пятьдесят долларов за первый год, выплата в конце года. Если весь год не проработаешь, никакой оплаты.

— Согласен. А что за работа?

— Единственная, на какую ты способен. Будешь помощником в столовой. Если хватит мозгов, сможешь продвинуться; если нет, там и проведешь весь год.

— Договорились. А как насчет Верзилы?

Верзила, во время разговора переводивший взгляд с одного на другого, пронзительно воскликнул:

— Нет, сэр, я на этот набитый песком мешок не работаю. И вам не советую.

Дэвид через плечо бросил:

— А небольшая работа в обмен на документы?

— Ну, разве что с месяц, — протянул Верзила.

— Он твой друг? — спросил Хеннес.

Дэвид кивнул.

— Да, я без него не поеду.

— Беру его тоже. Один месяц, и пусть он держит рот закрытым. Никакой платы, только документы. Пошли отсюда. Мой пескоход снаружи.

Впятером они вышли, Верзила и Дэвид шли сзади.

— Я у тебя в долгу, приятель, — сказал Верзила. — Если буду нужен — только свистни.

Пескоход был открытым, но Дэвид видел щели под боками, откуда выдвигались панели, и тогда машина служила хорошим укрытием от песчаных бурь Марса. Колеса широкие, что-

бы не тонули в песке. Минимум стекла, да и то сливается с металлом, как будто они родились вместе.

Кругом было полно народу, но никто не обращал внимания на самое обычное зрелище — пескоход с фермерами.

Хеннес сказал:

— Мы сядем впереди. Ты с приятелем садись сзади, землянин.

Говоря это, он занял место водителя. Приборы управления располагались перед ним на щите, выше — ветровое стекло. Гризволд сел справа от Хеннеса.

Верзила устроился сзади. Дэвид собирался последовать за ним, когда Верзила неожиданно воскликнул:

— Берегись!

Кто-то подбирался сзади. Дэвид успел полуобернуться. У дверцы стоял второй спутник Хеннеса, с бледным бородатым лицом. Дэвид действовал быстро, но было уже поздно.

Последнее, что он увидел, — блеск оружия в руке этого человека, потом послышался какой-то мягкий звук. Чувства боли не было, далекий голос произнес:

— Хорошо, Зукис. Садись сзади и присматривай за ними.

Голос, казалось, доносился с конца длинного туннеля. Потом какое-то движение — и абсолютная пустота.

Дэвид Старр упал на сиденье без признаков жизни.

4. ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

Рваные полосы света проплывали мимо. Дэвид Старр ощутил сильное покалывание во всем теле и давление на спину. Последнее объяснялось тем, что он лежал лицом вверх на жестком матраце. А покалывание, как он знал, было последствием действия станнера, оружия, которое парализовало нервные окончания у основания мозга.

Прежде чем полосы света приобрели смысл, прежде чем он полностью осознал происходящее, Дэвид почувствовал, что его трясут за плечи и шлепают по щекам. Свет устремился в его открытые глаза, и он поднял ноющую руку, чтобы предотвратить следующий шлепок.

Над ним склонился Верзила, его маленькое кроличье личико с круглым вздернутым носом придвинулось совсем близко.

— Клянусь Ганимедом, я уже думал, что тебя прикончили, — сказал он.

Дэвид приподнялся на онемевшем локте.

— Я так себя чувствую, будто это почти правда. Где мы?

— В фермерской тюрьме. Бесполезно пытаться выбраться: двери закрыты, окна зарешечены. — Голос его звучал угнетенно.

Дэвид пощупал под рукой. Бластера не было. Естественно! Этого можно было ожидать.

— Тебе тоже досталось станнера, Верзила? — спросил он.

Верзила покачал головой.

— Зукис уложил меня рукоятью пистолета. — Малыш с отвращением осторожно потрогал голову. Потом выпалил: — Но я перед этим чуть не сломал ему руку.

За дверью послышались шаги. Дэвид сел. Вошел Хеннес, с ним пожилой человек с вытянутым усталым лицом. Его бледно-голубые глаза под густыми седыми бровями, казалось, постоянно щурились. На нем был городской костюм, вполне земного типа. Даже марсианских сапог на нем не было.

Хеннес заговорил сначала с Верзилой.

— Убирайся в столовую и, если только выйдешь без разрешения, будешь разорван надвое.

Верзила скорчил рожу, махнул Дэвиду:

— Пока, землянин, — и вышел с громким топотом.

Хеннес, проводив его взглядом, закрыл дверь. Потом повернулся к человеку с седыми бровями.

— Это он, мистер Макиан. Называет себя Уильямсом.

— Вы рисковали, Хеннес. Если бы он умер, вместе с ним исчезла бы ценная нить.

Хеннес пожал плечами.

— Он был вооружен. Мы не могли иначе. Во всяком случае, он перед вами, сэр.

Дэвид отметил, что они говорят о нем так, будто его здесь нет или он — неодушевленная часть кровати.

Макиан повернулся к нему, взгляд его был жестким.

— Я хозяин этого ранчо. Свыше ста миль в любом направлении — все это владения Макиана. Я указываю, кого освободить, а кого заключить в тюрьму. Я говорю, кто работает, а кто голодает, даже кто живет и кто умирает. Ты меня понял?

— Да, — ответил Дэвид.

— Тогда отвечай откровенно, и тебе нечего бояться. Но,

если попытаешься что-нибудь скрыть, мы все равно узнаем. И тогда придется тебя убить. Ты по-прежнему меня понимаешь?

— Понимаю.

— Тебя зовут Уильямс?

— Таково мое имя на Марсе.

— Ладно. Что ты знаешь о пищевых отравлениях?

Дэвид спустил ноги с кровати и начал рассказывать:

— Моя сестра умерла, когда поела хлеба с джемом. Ей было всего двенадцать лет, и она лежала мертвая, а на губах джем. Мы вызвали врача. Он сказал, что это пищевое отравление, и велел ничего не есть в доме, пока он не вернется со специальными инструментами. Но он так и не вернулся. Вместо него пришли другие. Пришел большой начальник. С ним сыщики. Начальник велел нам описать все происшедшее. И сказал, что это был сердечный приступ. Мы пытались спорить с ним. Это нелепо: у сестры было здоровое сердце. Но он нас не слушал. Сказал, что, если будем распространять глупые сплетни о пищевом отравлении, у нас будут неприятности. Банку джема он забрал с собой. Даже рассердился на нас за то, что мы вытерли джем с губ сестры. Я попытался связаться с врачом, но медсестра уверяла, что его нет. Я ворвался в кабинет — врач был там. Он сказал, что его диагноз неверен. Он, похоже, боялся разговаривать со мной. Я пошел в полицию, но там меня не стали слушать. Джем из банки, которую забрал тот человек, был единственным, чего в этот день не ели остальные. Банку только что открыли, ее привезли с Марса. Мы люди старомодные и предпочитаем обычную пищу. Джем был единственным марсианским продуктом в доме. Я рылся в газетах, пытаясь выяснить, были ли еще случаи пищевых отравлений. Все это казалось мне очень подозрительным. Я даже поехал в Интернациональный Город. Ушел с работы и решил так или иначе выяснить, кто убил мою сестру, кто за это отвечает. Но всюду натыкался на глухую стену, а потом появились полицейские с ордером на мой арест. Я почти ожидал этого и опередил их на шаг. Сюда, на Марс, я явился по двум причинам. Во-первых, это единственная возможность не попасть в тюрьму (хотя сейчас мне так уже не кажется), во-вторых, потому что кое-что я все-таки узнал. В ресторанах Интернационального Города было несколько случаев подозрительных смертей, и во всех этих случаях к столу подавали марсианские деликатесы. Поэтому я решил, что найду ответ на Марсе.

Макиан тер пальцем подбородок. Он сказал:

— Звучит правдоподобно. Как вы считаете, Хеннес?

— Нужно взять у него имена и даты и все проверить. Мы ведь не знаем, кто он на самом деле.

Голос Макиана звучал почти жалобно:

— Вы ведь понимаете, что мы не можем этого сделать. Я не хочу, чтобы поползли слухи. Это поставит под угрозу синдикат. — Он повернулся к Дэвиду. — С тобой поговорит Бенсон, наш агроном. — Потом снова повернулся к Хеннесу: — Оставайтесь здесь до прихода Бенсона.

Примерно через полчаса пришел Бенсон. Все это время Дэвид лежал на кровати, не обращая никакого внимания на Хеннеса, тот отвечал ему тем же.

Открылась дверь, и послышался голос:

— Я Бенсон.

Мягкий неуверенный голос принадлежал круглолицему человеку лет сорока, с редеющими волосами песочного цвета и в очках без оправы. Его маленький рот растянулся в улыбке, и он произнес:

— А вы, вероятно, Уильямс?

— Верно, — ответил Дэвид Старр.

Бенсон внимательно оглядел молодого землянина, как бы исследуя его взглядом. Потом спросил:

— Вы расположены к насилию?

— Я безоружен, — ответил Дэвид, — и нахожусь на ферме, полной людей, готовых убить меня, если я что-то сделаю не так.

— Верно. Не оставите ли нас, Хеннес?

Хеннес вскочил на ноги.

— Это опасно, Бенсон.

— Пожалуйста, Хеннес. — Бенсон кротким взглядом посмотрел сквозь очки.

Хеннес что-то проворчал, раздраженно шлепнул рукой по голенищу сапога и вышел. Бенсон закрыл за ним дверь.

— Видите ли, Уильямс, за последние полгода я стал тут важной шишкой. Даже Хеннес меня слушается. Но я все еще не привык к этому. — Он опять улыбнулся. — Скажите. Мистер Макиан говорит, что вы были свидетелем смерти в результате пищевого отравления.

— Умерла моя сестра.

— О! — Бенсон покраснел. — Извините. Я понимаю, это

для вас болезненная тема, но не расскажете ли подробности? Это очень важно.

Дэвид повторил то, что рассказывал раньше Макиану.

Бенсон спросил:

— И все произошло быстро?

— От пяти до десяти минут после еды.

— Ужасно. Ужасно. Вы даже не понимаете, как это ужасно. — Он нервно потирал руки. — Во всяком случае, я хочу кое-что объяснить вам, Уильямс. И хотя о многом вы догадались сами, я чувствую вину за смерть вашей сестры. Все мы на Марсе виноваты, пока не раскроем загадку. Видите ли, эти отравления продолжаются уже несколько месяцев. Кое-кто из нас начинает понимать суть происходящего.

Мы проследили путь всей отравленной пищи и уверены, что ее нет ни на одной ферме. Но кое-что выяснилось: вся отравленная пища отправляется из Винград-сити; остальные два города ни при чем. Это, несомненно, указывает на источник инфекции в самом городе, и Хеннес занимается этим направлением. Он по ночам ездит в город в собственные разведывательные экспедиции, но пока ему ничего не удалось выяснить.

— Понятно. Это объясняет замечание Верзилы, — сказал Дэвид.

— Что? — Лицо Бенсона удивленно дернулось, потом прояснилось. — А, вы имеете в виду того малыша, который все время кричит. Да, он однажды заметил отъезд Хеннеса, и Хеннес вышвырнул его с фермы. Хеннес очень вспыльчивый человек. Я думаю, он был не прав... Нет никакого сомнения, что весь яд проходит через Винград-сити. Это порт целого полушария.

Сам мистер Макиан считает, что инфекция сознательно распространяется какими-то людьми. Он и некоторые другие члены синдиката получили предложения продать фермы по смехотворно низким ценам. Но есть ли связь между предложением и этой ужасной историей?..

Дэвид внимательно слушал. Потом спросил:

— А кто сделал эти предложения?

— Откуда нам знать? Я видел письма. Там говорится, что, если предложения будут приняты, синдикат получит закодированное послание на определенной волне. В письмах также говорится, что с каждым месяцем цена будет понижаться на десять процентов.

— А нельзя проследить, откуда эти письма?

— Боюсь, что нет. Они пришли обычной почтой с пометкой «Астероиды». Можно ли отыскать кого-нибудь в астероидах?

— Поставили ли в известность Планетарную полицию?

Бенсон негромко рассмеялся.

— Думаете, мистер Макиан или любой другой член синдиката обратится по такому поводу в полицию? Для них это объявление войны. Вы не понимаете марсианский менталитет, мистер Уильямс. Здесь не обращаются к закону, если уверены, что справятся самостоятельно. Ни один фермер так не поступит. Я предложил, чтобы информацию довели до сведения Совета Науки, но мистер Макиан не согласился даже на это. Он сказал, что Совет и так этим занимается — без всякого успеха, и он постарается обойтись без него. И тут на сцене появляюсь я.

— Вы тоже этим занимаетесь?

— Да. Я ведь местный агроном.

— Так назвал вас мистер Макиан.

— Угу. Строго говоря, агроном должен заниматься сельскохозяйственной наукой. Меня учили поддерживать плодородность почвы, правильный севооборот и прочее. Агрономов немного, и тут можно выдвинуться, хотя фермеры иногда теряют терпение и считают нас, выпускников колледжей, слабоумными резонерами без всякого практического опыта. Но я прошел дополнительную подготовку в области ботаники и бактериологии, поэтому мистер Макиан назначил меня старшим во всей программе по расследованию пищевых отравлений на Марсе. Остальные члены синдиката с этим согласились.

— И что же вы обнаружили, мистер Бенсон?

— Не больше, чем Совет Науки. Это неудивительно, учитывая, насколько меньше у меня оборудования и научной помощи сравнительно с Советом. Но я разработал некоторые теории. Отравление происходит слишком быстро и может вызываться только бактериальным ядом. Во всяком случае, об этом говорит поражение нервов и все остальные симптомы. Я подозреваю сугубо марсианские бактерии.

— Что?

— На Марсе есть жизнь, знаете ли. Когда на нем впервые появились земляне, здесь уже были простейшие формы жизни. Огромные водоросли, чей сине-зеленый цвет был замечен в

телескопы еще до начала космических путешествий. На водорослях были обнаружены бактериеподобные формы и даже маленькие насекомоподобные существа, которые свободно передвигались, но питались, как растения.

— Они по-прежнему существуют?

— Конечно. Мы очистили от них большие площади поверхности, прежде чем превратить их в фермы, и заселили почвы земными бактериями, необходимыми для растений. Но на неосвоенных землях марсианская жизнь по-прежнему процветает.

— Но как она может поражать наши растения?

— Хороший вопрос. Видите ли, марсианские фермы не похожи на земные, к которым вы привыкли. На Марсе фермы не открыты Солнцу и воздуху. Марсианское солнце не дает достаточно тепла для земных растений, и тут нет дождей. Но зато есть хорошая плодородная почва и достаточно двуокиси углерода, которой в основном питаются растения. Поэтому растения на Марсе живут под огромными стеклянными плитами. Их высаживают, за ними ухаживают, их убирают почти полностью автоматически, так что наши фермеры — это прежде всего механизаторы. Фермы искусственно орошаются системой, берущей начало у ледяных шапок и охватывающей всю планету.

Я вам все это рассказываю, чтобы вы поняли: трудно обычным путем заразить растения. Поля закрыты и охраняются со всех сторон, но только не снизу.

— А это что значит? — спросил Дэвид.

— Это значит, что внизу находятся марсианские пещеры, а в них могут жить разумные марсиане.

— Люди?

— Нет, не люди. Но разумные существа. У меня есть основания считать, что на Марсе живут разумные существа, заинтересованные в том, чтобы стереть землян с лица своей планеты.

5. ОБЕД

— Какие у вас есть основания?.. — начал Дэвид.

Бенсон выглядел смущенным. Он медленно провел рукой по голове, приглаживая редкие волосы, почти не закрывающие лысину. Сказал:

— Не такие, чтобы я смог убедить Совет Науки. Не такие,

которые смогли бы убедить мистера Макиана. Но я считаю, что я прав.

— Хотите поговорить об этом?

— Не знаю. Откровенно говоря, я давно не разговаривал ни с кем, кроме фермеров. А вы, очевидно, окончили колледж. По какому предмету вы специализировались?

— По истории, — быстро ответил Дэвид. — Моя тема — международная политика в раннеатомный период.

— Ага. — Бенсон выглядел разочарованным. — А были у вас какие-нибудь естественно-научные курсы?

— Несколько химических, один зоологический.

— Понятно. Мне пришло в голову, что я мог бы убедить мистера Макиана позволить вам помогать мне в лаборатории. Работы немного, учитывая, что у вас нет специальной подготовки, но это лучше того, что вам предложит Хеннес.

— Благодарю вас, мистер Бенсон. Но что же марсиане?

— А, да. Все очень просто. Вы, должно быть, не знаете, но под поверхностью Марса, в нескольких милях под поверхностью, есть огромные пещеры. Это установлено наблюдениями за землетрясениями, вернее, за марсотрясениями. Некоторые исследователи считают, что пещеры появились естественным путем в результате действия воды, когда на Марсе еще существовали океаны. Но недавно уловили излучение, идущее снизу. Источник его может быть только разумным. Сигналы слишком упорядоченны.

Если подумать, все станет ясным. На молодом Марсе было достаточно воды и кислорода для поддержания жизни, но сила тяжести здесь только две пятых земной, поэтому и вода, и кислород медленно улетучивались в космос. Если на планете существовала разумная жизнь, она должна была предвидеть это. Марсиане построили гигантские пещеры под поверхностью своей планеты и переселились туда с достаточным запасом воды и воздуха, чтобы жить бесконечно долго, если сохранять одинаковый уровень населения. Теперь предположим, что эти марсиане обнаруживают на поверхности своей планеты новый разум — жизнь с другой планеты. Предположим, они отвергают нас или боятся нашего неизбежного вмешательства. То, что мы называем пищевыми отравлениями, может быть бактериологической войной.

Дэвид задумчиво произнес:

— Да, я вас понимаю.

— Но поймет ли синдикат? Или Совет Науки? Ну, неважно. Вскоре вы будете работать со мной, и, может, вместе нам удастся убедить их.

Бенсон улыбнулся и протянул маленькую руку, которая потонула в большой руке Дэвида.

— Наверно, теперь вас выпустят, — сказал он.

Его действительно выпустили, и впервые за все время Дэвид смог наблюдать жизнь марсианской фермы. Она, разумеется, была укрыта куполом, как и город. Дэвида это не удивило. На Марсе иначе нельзя: только купол дает возможность свободно дышать и чувствовать привычную силу тяжести.

Естественно, купол был гораздо меньше городского. В самом высоком месте он едва достигал ста футов, его прозрачная поверхность видна была во всех подробностях. Полоски белого флюоресцирующего света перекрывали слабый свет солнца. Закрытая территория занимала около половины квадратной мили.

Впрочем, за исключением первого вечера, у Дэвида было мало времени для наблюдений. Ферма полна людей, и всех их нужно кормить трижды в день. По вечерам, когда работа заканчивалась, людям, казалось, не было конца. Дэвид стойко держался за раздаточным столом, а мимо него проходили фермеры с пластиковыми тарелками. Дэвид со временем узнал, что такие тарелки изготовляются специально для Марса. От тепла человеческой руки они размягчаются, их можно согнуть и запаковать пищу, если необходимо нести ее в пустыню. Так они сохраняют тепло и не дают проникнуть песку. В куполе они снова распрямляются и используются как обычные тарелки.

Фермеры обращали на Дэвида мало внимания. Только Верзила изредка махал ему рукой. Его маленькая фигурка скользила среди столов, где он заменял бутылочки и баночки с соусами и пряностями. Для малыша это было значительное понижение в социальном статусе, но он отнесся к нему философски.

— Всего лишь на месяц, — объяснил он как-то, когда они на кухне готовились к обеду, а повар вышел по каким-то делам, — и большинство парней знают, в чем дело, и не пристают ко мне. Конечно, есть Гризволд, Зукис и вся их банда: крысы, которые лижут сапоги Хеннеса. Но во имя космоса, какое мне дело? Я здесь на несколько недель.

В другой раз он сказал:

— Не беспокойся, что парни не ладят с тобой. Они знают,

что ты землянин, но не знают, что для землянина ты слишком хорош, как я это знаю. Хеннес постоянно за мной подглядывает, и Гризволд тоже; не хотят, чтобы я разговаривал с парнями, а то бы я им все объяснил. Но они поймут.

Однако шло время, а для Дэвида все оставалось по-прежнему: порция тушеной картошки, черпак гороха, маленький кусочек мяса (продуктов животноводства на фермах мало, их привозят с Земли). Затем фермер сам брал немного печенья и чашку кофе. За ним другой фермер с тарелкой — еще порция тушеной картошки, еще черпак гороха и так далее. Для всех, похоже, Дэвид Старр был всего лишь землянином с черпаком в одной руке и большой вилкой в другой. У него не было даже лица, только черпак и вилка.

Повар просунул голову в дверь, его свиные глазки смотрели поверх свисавших щек.

— Эй, Уильямс, бери ноги в руки и тащи еду в особую столовую.

Макиан, Бенсон, Хеннес и некоторые другие, занимавшие более высокое положение или долго прослужившие, обедали в отдельной комнате. Они сидели за столами, и пищу им приносили. Дэвиду уже приходилось их обслуживать. Он поставил подходящую для этого случая посуду на сервировочный столик и покатил его в столовую.

Начав со столика, за которым сидели Макиан, Хеннес и еще двое, Дэвид ловко скользил между обедающими. Возле Бенсона он задержался. Агроном с улыбкой взял тарелку, сказал «Здравствуйте» и начал с аппетитом есть. Дэвид с добросовестным видом наклонился над его столиком, чтобы стряхнуть невидимые крошки. Губы его оказались возле уха Бенсона, и он едва слышно прошептал:

— Кто-нибудь здесь, на ферме, отравился?

Бенсон вздрогнул, услышав это, и удивленно взглянул на Дэвида. И тут же отвел глаза, стараясь выглядеть равнодушным. Он отрицательно покачал головой.

— А овощи ведь марсианские, — прошептал Дэвид.

Громкий голос прозвучал в комнате. Грубый крик с дальнего столика:

— Клянусь космосом, долго ли этот земной осел будет идти ко мне?

Это был Гризволд. Его лицо было так же покрыто щетиной, как и в день их знакомства. Вероятно, он все же иногда

бреется, подумал Дэвид, потому что щетина не становится длиннее, но и короче тоже не становится.

Гризволд сидел за последним столиком. Он продолжал что-то бормотать, кипя от гнева.

Рот его скривился.

— Тащи тарелку, жокей с подносом. Быстрее, быстрее.

Дэвид продолжал неторопливо двигаться, и, когда он наконец добрался до стола Гризволда, тот в бешенстве замахнулся на него вилкой. Но Дэвид реагировал быстро, и вилка ударилась о поднос.

Держа поднос в левой руке, правой Дэвид перехватил запястье Гризволда. Сжал. Трое приятелей задиры вскочили из-за столика, оттолкнув стулья.

Прозвучал голос Дэвида, негромкий, ледяной, смертельно ровный:

— Опусти вилку и попроси прилично, не то получишь все сразу.

Гризволд вырывался, но Дэвид продолжал держать его. Коленом он прижимал стул Гризволда, не давая тому откинуть его.

— Проси прилично, — повторил Дэвид. Улыбка его была обманчиво мягкой. — Как воспитанный человек.

Гризволд тяжело дышал. Вилка выпала из его онемевших пальцев. Он проворчал:

— Дай мне поднос.

— И все?

— Пожалуйста. — Он выплюнул это слово.

Дэвид поставил поднос на стол и выпустил побледневший кулак Гризволда, из которого отхлынула вся кровь. Растерев бесчувственную руку, Гризволд поднял вилку и в ярости оглядел столовую, но на лицах присутствующих было только равнодушие или насмешка. Фермеры Марса — суровые люди: каждый должен уметь постоять за себя.

Макиан встал.

— Уильямс, — позвал он.

Дэвид подошел.

— Да, сэр.

Макиан ничего не сказал о происшествии, только внимательно оглядел Дэвида, как будто увидел его впервые. Потом спросил:

— Хотите участвовать в завтрашней проверке?

— В проверке, сэр? А что это такое? — Дэвид незаметно осмотрел столик. Бифштекс Макиана исчез, но горох оставался, картошка тоже почти не тронута. Очевидно, у Макиана не было аппетита Хеннеса: у того тарелка уже опустела.

— Проверка — это ежемесячный объезд фермы. Это старый фермерский обычай. Мы исследуем растительность, ищем случайные поломки, проверяем состояние и работу ирригационного оборудования и механизмов, выявляем случаи браконьерства. В проверке должно участвовать как можно больше людей.

— С радостью, сэр.

— Хорошо! Я думаю, вы справитесь. — Макиан повернулся к Хеннесу, который внимательно слушал с холодным, лишенным выражения взглядом. — Мне нравится этот парень, Хеннес. Может, из него выйдет толк. Да, Хеннес... — тут Макиан понизил голос, и Дэвид, отходя, не мог уловить ни слова, но по быстрому взгляду, который владелец фермы бросил в сторону столика Гризволда, он понял, что это было не слишком лестное замечание в адрес фермера.

Дэвид Старр сквозь сон услышал шаги и насторожился еще до того, как проснулся. Он мгновенно соскользнул с кровати и забрался под нее. В свете тусклых флюоресцентных ламп появились чьи-то голые ноги. Во время сна лампы приглушались, но продолжали гореть, иначе было бы совершенно темно.

Дэвид выжидал. Он слышал, как шуршат простыни, потом голос:

— Землянин, землянин, где, во имя космоса...

Дэвид коснулся одной из ног и был вознагражден: кто-то резко отпрыгнул и затаил дыхание.

Пауза, затем перед ним вырисовалась бесформенная в полутьме голова.

— Землянин, ты здесь?

— А где мне еще спать, Верзила? Под кроватью лучше всего.

Малыш раздраженно и сварливо ответил:

— Я мог бы закричать и оказался бы по уши в дерьме. Мне нужно с тобой поговорить.

— Давай. — Дэвид неслышно рассмеялся и забрался обратно в кровать.

Верзила начал:

— Ты слишком подозрителен для землянина.

— Еще бы, — ответил Дэвид. — Я намерен долго прожить.

— Не проживешь, если не будешь осторожен.

— Нет?

— Нет. Я дурак, что пришел сюда. Если меня застукают, пропали мои бумаги. Но ты мне помог, и теперь моя очередь. Что ты сделал этой гниде Гризволду?

— Небольшая потасовка в столовой.

— Потасовка? Он вне себя от ярости. Хеннес с трудом его сдерживает.

— Ты мне это хотел сказать, Верзила?

— Отчасти. Я видел их за гаражом перед самым сном. Они не знали, что я там, а я помалкивал. Хеннес вынимал из Гризволда всю начинку: сначала за то, что тот начал ссору в присутствии Старика, потом за то, что не сумел кончить то, что начал. Гризволд ничего не желал слушать. Говорил только, что прикончит тебя. Хеннес сказал... — Верзила внезапно замолчал. — Ты разве не говорил, что, по-твоему, Хеннес чист?

— Похоже, так.

— А эти ночные поездки?

— Ты застукал его только раз.

— Этого достаточно. Если все законно, почему не говорить об этом открыто?

— Не мне это объяснять, но мне кажется, что все по закону.

— В таком случае что он имеет против тебя? Почему не отзовет своих псов?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, когда Гризволд кончил говорить, Хеннес велел ему держаться поодаль. Он сказал, что ты будешь завтра на проверке, вот тогда настанет время. Поэтому я и решил предупредить тебя, землянин. Лучше воздержись от проверки.

Дэвид был по-прежнему спокоен.

— Для чего настанет время, Хеннес сказал?

— Я больше ничего не слышал. Они отошли, а я не мог за ними пойти, они бы меня увидели. Но мне все кажется ясным.

— Может быть. Но лучше попробуем узнать, что они на самом деле имели в виду.

Верзила придвинулся, как будто хотел в полутьме получше разглядеть лицо Дэвида.

— Как это?

— А как ты думаешь? Поеду на проверку и дам им возможность попробовать, — ответил Дэвид.

— Не делай этого! — выдохнул Верзила. — Ты на проверке с ними не справишься. Ты ведь ничего не знаешь о Марсе, землянин.

— Тогда считай, что это самоубийство, — флегматично отозвался Дэвид. — Подождем и увидим. — Он потрепал Верзилу по плечу, повернулся и снова уснул.

6. «В ПЕСКИ!»

Предпроверочная суматоха под куполом фермы началась, как только включили основное освещение. Стоял страшный шум и дикая суета. Пескоходы строились в колонны, каждый фермер занимался своей машиной.

Макиан мелькал тут и там, нигде надолго не задерживаясь. Хеннес своим ровным энергичным голосом распределял задания и назначал маршруты по обширным просторам фермы. Проходя мимо Дэвида, он остановился.

— Уильямс, вы по-прежнему намерены участвовать в проверке?

— Не хотел бы пропустить ее.

— Ладно. Поскольку своей машины у вас нет, даю вам из наших запасов. Это теперь ваш пескоход, и вы должны содержать его в рабочем состоянии. Любые поломки и повреждения, которых, как мы сочтем, можно было бы избежать, за ваш счет. Понятно?

— Согласен.

— Я назначаю вас в отряд Гризволда. Я знаю, что вы с ним не ладите, но он наш лучший полевой работник, а вы землянин без всякого опыта. Поэтому вам нужен хороший руководитель. Пескоход сможете вести?

— Думаю, что после небольшой практики смогу вести любую машину.

— Да? Дадим вам возможность доказать это. — Он уже собрался уходить, когда кто-то заметил: — А ты куда это собрался?

В помещение сбора только что вошел Верзила. На нем были новый комбинезон и сапоги, начищенные до зеркального блеска. Волосы тщательно прилизаны, а розовое лицо гладко выскоблено. Он протянул:

— На проверку, Хеннес... мистер Хеннес. Я не в заключении, и, как у всякого фермера с лицензией, у меня есть свои права, хоть вы и приставили меня к обедам. Это значит, что я могу участвовать в проверках. Это также значит, что у меня есть право на свою машину и на свой старый отряд.

Хеннес пожал плечами.

— Ты, наверно, начитался книг про всякие права, и я даже верю, там все это есть. Но еще неделя, Верзила, еще одна неделя. Если после этого ты хоть раз покажешь нос на территории мистера Макиана, я попрошу настоящего человека наступить на тебя и раздавить.

Верзила угрожающе шагнул к Хеннесу, но тот уже отвернулся, и Верзила обратился к Дэвиду:

— Когда-нибудь надевал маску, землянин?

— Нет, никогда. Но, конечно, я о них слышал.

— Слышать — не значит пользоваться. Я проверил одну для тебя. Сейчас покажу тебе, как это делается. Нет, нет, убери пальцы отсюда. Смотри, как я держу. Вот так. Теперь на голову и проверь, чтоб постромки сзади не перепутались, не то получишь головную боль. Можешь что-нибудь видеть?

Лицо Дэвида превратилось в чудовищную пластиковую морду, а два шланга, идущих к цилиндрам с кислородом, еще более увеличивали нечеловеческую уродливость его облика.

— Трудно дышать? — спросил Верзила.

Дэвид тщетно пытался вдохнуть воздух, но ему пришлось сорвать маску.

— Как ты ее включаешь? Тут нет никакого клапана.

Верзила рассмеялся.

— Это тебе за то, что ты меня напугал прошлой ночью. Клапан не нужен. Цилиндры включаются автоматически под действием тепла твоего лица и испарений; и автоматически отключаются, как только снимаешь маску.

— Значит, в ней что-то не в порядке. Я...

— Все в порядке. Она действует при давлении в одну пятую нормального, и, конечно, ты не можешь вдохнуть, когда находишься под куполом. Снаружи все будет в порядке: хоть и одна пятая нормы, зато чистый кислород. У тебя будет столько же кислорода, сколько ты получаешь всегда. Помни только одно: вдыхать нужно через нос, а выдыхать через рот, иначе очки затуманятся, а это плохо.

Верзила с важным видом обошел высокую стройную фигуру Дэвида и покачал головой.

— Не знаю, как быть с твоими сапогами. Черное и белое! Ни один марсианин такого не наденет.

И он с удовольствием посмотрел на собственные желто-зеленые сапоги.

— Ничего. Лучше иди к своему пескоходу. Кажется, все готово к выезду, — посоветовал Дэвид.

— Ты прав. Ну ладно. Следи за изменением тяготения. Если не привык, это перенести труднее всего. И, землянин...

— Да?

— Держи глаза открытыми. Ты знаешь, о чем я.

— Спасибо. Постараюсь.

Пескоходы выстроились по девять в ряд. Всего было больше ста машин, в каждой сидел фермер и смотрел вперед. Пескоходы были исписаны граффити — образцами местного юмора. Пескоход, переданный Дэвиду, пестрел подобными остротами, оставшимися от полудюжины предшествующих владельцев, начиная с «Берегитесь, девушки!» на пулеобразном носу машины до «Это не песчаная буря, это я» на заднем бампере.

Дэвид забрался в машину и закрыл дверцу. Она прилегала очень плотно. Не было ни малейшей щели. Прямо над головой помещался вентилятор, очищающий воздух и уравновешивающий давление внутри и вне машины. Лобовое стекло было не совсем прозрачным. Его покрывал легкий налет — свидетельство множества песчаных бурь, выдержанных пескоходом.

Мимо прошел, яростно жестикулируя, Гризволд. Дэвид открыл дверцу.

Гризволд крикнул:

— Опусти передний щиток, придурок. Никакой бури нет.

Дэвид поискал нужную кнопку и нашел ее на ручке рулевого управления. Ветровые щиты, которые, казалось, были сплавлены с металлом, скользнули вниз, в специальные щели. Видимость улучшилась. «Конечно, — подумал Дэвид, — в марсианской атмосфере вряд ли нас ждет беспокоящий ветер. Сейчас лето. Не должно быть холодно».

Его окликнули:

— Эй, землянин!

Он оглянулся. Ему махал Верзила. Он тоже был в группе Гризволда. Дэвид помахал ему в ответ.

Начала подниматься секция купола. Девять машин неуклюже двинулись вперед. Секция закрылась за ними. Прошло несколько минут, она снова открылась, за ней было пусто. Туда въехало еще девять машин.

Неожиданно и громко прозвучал в ушах голос Гризволда. Дэвид повернулся и увидел маленький передатчик. Зарешеченное окошко над рулем оказалось микрофоном.

— Восьмой отряд, готовы?

Последовательно зазвучали голоса:

— Номер один готов; номер два готов; номер три готов.

После номера шесть наступила пауза. Всего на несколько секунд. Потом Дэвид отозвался:

— Номер семь готов.

Последовало:

— Номер восемь готов.

И последним откликнулся Верзила:

— Номер девять готов.

Секция купола снова поднялась, и машины рядом с Дэвидом двинулись. Он осторожно нажал на реостат, управляющий током, идущим через двигатель. Его пескоход дернулся, едва не уткнувшись в бампер передней машины. Дэвид отпустил реостат, чувствуя, как машина дрожит. Еще осторожнее он повел ее. Секция закрылась за ними, как некий туннель.

Дэвид услышал резкий свист: из секции выкачивали воздух, должно быть, под основной купол. Он почувствовал, как ускоренно бьется сердце, но руки его еще крепче сжали руль.

Одежда его раздулась, и воздух начал выходить сквозь щель между сапогами и бедром. В руках и на подбородке закололо, он почувствовал, как его распирает изнутри. Несколько раз Дэвид сглотнул, чтобы уменьшить боль в ушах. Через пять минут он почувствовал, что дышит с трудом: не хватало кислорода.

Другие надевали маски. Он сделал то же самое, и на этот раз кислород ровно потек в легкие. Дэвид глубоко дышал, выдыхая через рот. Руки и ноги у него по-прежнему покалывало, но уже меньше.

Теперь секция открылась прямо перед ним, и впереди блеснули в слабом свете солнца красноватые пески Марса. Из восьми глоток послышался единодушный крик:

— В пески!

И первая машина двинулась.

Традиционный фермерский клич высоко звучал в разреженной атмосфере Марса.

Дэвид отпустил реостат, и его пескоход медленно пополз к границе между металлом купола и песками Марса.

И тут его ударило!

Неожиданное изменение силы тяжести было подобно падению с тысячефутовой высоты. Сто двадцать фунтов веса Дэвида из двухсот исчезли, когда он пересек границу, и он почувствовал, будто его ударили в живот. Он крепче сжал руль, а ощущение падения, падения, падения продолжалось. Пескоход резко вильнул.

Послышался голос Гризволда. В нем сохранилась грубая хрипота, хотя разреженный воздух слабее передавал звуки:

— Номер семь! Назад в линию!

Дэвид боролся с рулем, боролся с собственными чувствами, пытался ясно видеть. Он лихорадочно вдыхал кислород. Постепенно становилось лучше.

Он видел, как Верзила беспокойно посматривает в его сторону. Снял руку с руля, чтобы помахать, потом опять сосредоточился на дороге.

Марсианская пустыня почти плоская; плоская и голая. Здесь нет ни кустика. В частности, этот район был мертв уже неизвестно сколько миллионов лет. Но тут Дэвиду пришло в голову, что, возможно, он ошибается. Возможно, пески еще недавно были покрыты сине-зелеными микроорганизмами, пока не пришли земляне и не выжгли их, чтобы получить место для фермы.

Передние машины поднимали столбы пыли, которая тихо, как в замедленной съемке, вздымалась и так же тихо падала.

Машина Дэвида двигалась с трудом. Он добавлял и добавлял скорости, но что-то было не в порядке. Другие пескоходы тяжело ползли по пустыне, а он прыгал, как заяц. При малейшей неровности поверхности, на каждом незначительном скальном выступе его машина взлетала. Она медленно поднималась в воздух на несколько дюймов, продолжая вертеть колесами в пустоте, и так же медленно опускалась, сильно дергаясь, когда колеса касались поверхности.

Дэвид отстал, а когда попытался прибавить скорость,

прыжки стали еще выше. Конечно, это результат уменьшившейся силы тяжести, но почему на других она не действует?

Становилось холодно. Даже летом температура на Марсе едва выше точки замерзания. Дэвид мог прямо смотреть на солнце. Карликовое солнце на бледном небе светило так слабо, что были видны три-четыре звезды. Атмосфера Марса слишком разреженная, чтобы они потерялись в рассеянном свете, как это происходит в голубом небе Земли.

Снова зазвучал голос Гризволда:

— Машины номер один, четыре и семь — налево. Машины номер два, пять и девять — направо. Машины два и три — старшие в своих подсекциях.

Машина Гризволда — номер один — начала поворачивать налево, и Дэвид, следя за ней взглядом, заметил темную линию на горизонте. Номер четыре следовал за первым, и Дэвид резко повернул руль налево, чтобы не отстать.

То, что произошло вслед за этим, захватило его врасплох. Его машину резко занесло, и он едва успел это понять. Отчаянно повернув руль в направлении поворота, Дэвид включил энергию на полную мощность, чувствуя, как колеса цепляются за почву. Пустыня вокруг закружилась, так что видна была сплошная краснота.

Высокий голос Верзилы прозвучал в передатчике:

— Нажми срочное торможение! Справа от реостата.

Дэвид отчаянно искал срочное торможение, что бы оно ни значило, и не находил. Темная линия снова появилась перед глазами и исчезла. На этот раз она была резче и шире. Даже при быстром вращении Дэвиду стала ужасающе ясна ее природа. Это была одна из трещин Марса, длинная и прямая щель, подобная гораздо более многочисленным лунным трещинам. Такие расселины в поверхности планеты возникли много миллионов лет назад, когда планета ссыхалась. В ширину они достигали нескольких сотен футов, а глубину не испытывал ни один человек.

— Розовая плоская кнопка, — кричал Верзила. — Нажимай ногами повсюду!

Дэвид так и поступил, и что-то под его ногой поддалось. Раздался резкий скрежет, и быстрое вращение прекратилось. Поднялись облака пыли, Дэвид задыхался и ничего не видел.

Склонившись над рулем, он ждал. Машина определенно двигалась медленнее. И наконец остановилась.

Дэвид откинулся в кресле, чтобы перевести дух. Потом снял маску и стал протирать ее внутреннюю поверхность. Холодный воздух жег нос и глаза. Снова надев маску, Дэвид огляделся. Одежда его стала красновато-серой от пыли, на подбородке застыла грязь. На губах он чувствовал пыль, все внутри машины было покрыто грязью.

Две остальные машины из его подсекции остановились рядом. Из одной выбирался Гризволд, лицо его под маской было чудовищным. Он сказал:

— Землянин, ремонт машины за твой счет. Хеннес тебя предупреждал.

Дэвид открыл дверцу и выбрался. Снаружи машина выглядела еще хуже. Шины порваны, сквозь них торчат большие зубья — очевидно, это и есть экстренное торможение.

— Ни одного цента из моей платы. С машиной что-то не в порядке, — ответил Дэвид.

— Это точно. Водитель. Тупой, неповоротливый водитель — вот что неладно у этой машины.

Со скрежетом подошел еще один пескоход, и Гризволд повернулся к нему.

Щетина его взъерошилась.

— Убирайся отсюда, подпружная вошь! Берись за работу!

Из кабины выпрыгнул Верзила.

— Сначала взгляну на машину землянина.

Верзила весил на Марсе меньше пятидесяти фунтов. Один легкий прыжок — и он оказался рядом с Дэвидом. На мгновение склонился рядом с его пескоходом, потом выпрямился.

— А где прутья балласта, Гризволд?

— Что за прутья балласта, Верзила? — спросил Дэвид.

Коротышка быстро заговорил:

— Когда выводят эти машины в низкое тяготение, надевают по обе стороны оси тяжелые брусья. В высоком тяготении их снимают. Прости, приятель, но я и подумать не мог...

Дэвид остановил его. Губы его сжались. Теперь понятно, почему его машина прыгала, когда остальные спокойно двигались по поверхности. Он повернулся к Гризволду.

— Ты знал, что их нет?

Гризволд выругался.

— Каждый сам отвечает за свою машину. Если ты не заметил, что их нет, это твоя вина.

Постепенно подъехали все машины. Вокруг спорящих об-

разовался кружок заросших мужчин, они спокойно и внимательно слушали и не вмешивались.

Верзила бушевал.

— Ты кусок кварца, а этот парень новичок. Он не мог знать...

— Тише, Верзила, — прервал его Дэвид. — Это мое дело. Вторично спрашиваю, Гризволд. Ты знал об этом заранее?

— А я тебе говорил, землянин. В пустыне каждый заботится о себе сам. Я тебе не мамочка.

— Ладно. В таком случае проявлю заботу прямо сейчас. — Дэвид осмотрелся. Они находились на самом краю пропасти. Еще десять футов, и он был бы мертв. — Однако ты тоже позаботься о себе, потому что я беру твою машину. Можешь отвести мою назад на ферму или оставаться здесь — мне все равно.

— Клянусь Марсом! — Рука Гризволда метнулась к бедру.

Из кружка зрителей послышался хриплый крик:

— Честная схватка! Честная схватка!

Законы марсианской пустыни суровы, но они не допускают, чтобы у одного из противников было преимущество. Все понимают необходимость этого, и все следят за соблюдением правил. Только такая взаимная договоренность спасает от внезапных ударов ножом в спину или выстрелов из бластера в живот.

Окинув взглядом жесткие лица окружающих, Гризволд сказал:

— Под куполом. За работу, парни.

Дэвид возразил:

— Встретимся и под куполом, если захочешь. А пока посторонись.

Он не спеша пошел вперед, и Гризволд отступил.

— Ты, тупой новичок! Честная схватка в масках невозможна. У тебя есть что-нибудь в голове?

— Тогда снимай маску, — предложил Дэвид, — а я сниму свою. Останови меня в честной схватке, если сможешь.

— Честная схватка! — одобрительно зашумели в толпе, а Верзила крикнул:

— Снимай маску или отступи, Гризволд!

Он прыгнул вперед и сорвал с бедра Гризволда бластер.

Дэвид поднял руку к своей маске.

— Готов?

Верзила скомандовал:

— Считаю до трех.

Фермеры возбужденно кричали. В остром предвкушении они ждали поединка. Гризволд затравленно оглянулся.

— Один... — начал счет Верзила.

При счете «три» Дэвид спокойно снял свою маску и отбросил ее вместе с цилиндрами в сторону. Он стоял, беззащитный, сдерживая дыхание в непригодной для человека атмосфере Марса.

7. ВЕРЗИЛА СОВЕРШАЕТ ОТКРЫТИЕ

Гризволд не шевельнулся, его маска оставалась на месте. Со стороны зрителей послышался угрожающий рев.

Дэвид, быстро как мог, рассчитывая каждый прыжок в слабом тяготении, неуклюже подскочил к нему (казалось, будто он движется в воде, с трудом преодолевая ее сопротивление) и схватил за плечо. Увернувшись от колена фермера, одной рукой он молниеносно схватил Гризволда за подбородок, а другой сорвал с него маску и отшвырнул в сторону.

Гризволд, пронзительно крича, метнулся было за ней, но вовремя остановился и плотно закрыл рот, чтобы не терять воздух. Он вырвался, слегка пошатываясь, и начал кружить вокруг Дэвида.

Прошла уже почти минута с того момента, как Дэвид сделал последний вдох. Легкие его были напряжены. Гризволд с налитыми кровью глазами продолжал кружить. Ноги его пружинили, движения были грациозны. Он привык к низкому тяготению и хорошо контролировал свое тело. Дэвид мрачно подумал, что сам он на это не может рассчитывать. Одно неосторожное движение — и он растянется.

Сдерживать дыхание становилось все трудней. Дэвид старался держаться на расстоянии. Он видел, как болезненно исказилось лицо Гризволда. У Дэвида легкие спортсмена. А Гризволд слишком много ел и пил, чтобы быть в хорошей форме. Тут взгляд Дэвида упал на трещину. Она находилась всего в четырех футах за ним — отвесная, вертикальная, крутая пропасть. Именно к ней Гризволд старался его оттеснить.

Дэвид перестал отступать. Через десять секунд Гризволд нападет. Должен напасть.

И Гризволд напал.

Дэвид увернулся и поймал его на плечо. Развернувшись от толчка, он ударил Гризволда в подбородок, добавив к силе кулака всю инерцию движения противника.

Гризволд слепо зашатался. Одним громким выдохом он выпустил весь воздух и набрал полные легкие смеси аргона, неона и двуокиси углерода. Медленно, ужасающе медленно он начал падать. Из последних сил Гризволд попытался подняться, почти встал, но снова начал падать, шагнул вперед, пытаясь сохранить равновесие...

Дэвид услышал крики. На дрожащих ногах, слепой и глухой ко всему, кроме своей маски, он прошел к машине. Заставляя свое измученное, жаждущее кислорода тело двигаться медленно и с достоинством, он надел цилиндры, а потом маску. Наконец он сделал гигантский вдох, и кислород полился в его легкие, как холодная вода в иссушенный желудок.

Целую минуту он мог только дышать, широкая грудь поднималась и опадала в быстрых и частых движениях. Наконец он открыл глаза.

— Где Гризволд?

Все собрались вокруг него, впереди стоял Верзила, который удивленно посмотрел на него.

— Ты разве не видел?

— Я сбил его с ног. — Дэвид осмотрелся. Гризволда нигде не было видно.

Верзила сделал ныряющий жест рукой.

— В трещине.

— Что? — Дэвид нахмурился под маской. — Дурацкая шутка.

— Вовсе нет.

— Через край, как прыгун в воду.

— Клянусь космосом, он сам виноват.

— Чистая самозащита с твоей стороны, землянин.

Фермеры говорили одновременно.

Дэвид остановил их:

— Подождите, что случилось? Я сбросил его туда?

— Нет, землянин, — звенел Верзила. — Это не ты. Ты его ударил, и этот червь упал. Потом попытался встать. Снова начал падать и тогда, чтобы сохранить равновесие, шагнул вперед, не видя, что перед ним. Мы пытались удержать его, но было уже поздно — он упал вниз. Если бы он не пытался прижать тебя к краю пропасти, чтобы сбросить, этого бы не случилось.

Дэвид оглядел окружающих. Они смотрели на него.

Наконец один из фермеров протянул жесткую руку:

— Отличное шоу, фермер.

Слова прозвучали спокойно, но это означало признание. Всеобщее напряжение спало.

Верзила торжествующе закричал, подпрыгнул на шесть футов и медленно опустился, выделывая ногами такие па, какие не доступны ни одному танцору на Земле. Остальные еще более сгрудились вокруг Дэвида. Люди, которые раньше называли его только «землянин» и «ты», теперь хлопали его по спине и говорили, что им может гордиться Марс.

Верзила закричал:

— Парни, продолжим осмотр. Разве нам нужен для этого Гризволд?

Все заревели:

— Нет!

— Ну так как? — Верзила запрыгнул в свой пескоход. — Пошли, фермер, — позвал он Дэвида, и тот занял место в машине, пятнадцать минут назад принадлежавшей Гризволду.

Снова над марсианской пустыней прокатился клич:

— В пески!

Новость быстро распространилась по всем уголкам фермы. Пока Дэвид маневрировал между стеклянными стенами, известие о конце Гризволда стало известно повсеместно. Вернувшись, Дэвид понял, что стал знаменитым.

Обычного ужина в этот день не было. Все поели в пустыне перед возвращением, поэтому через полчаса после возвращения фермеры собрались в умирающем свете марсианского дня перед главной конторой.

Несомненно, к этому времени Хеннес и сам Старик знали о происшествии. Среди собравшихся было немало из «банды Хеннеса» — людей, появившихся после того, как Хеннес стал управляющим. Их интересы были тесно связаны с его интересами, и уж они-то все доложили начальству. Толпа гудела в предвкушении интересного шоу.

Дело было даже не в том, что многие ненавидели Хеннеса. Он был энергичен и не груб. Но его не любили. Он был холоден и всегда держался на расстоянии, у него не было умения легко сходиться с людьми, как у предыдущего управляющего.

На Марсе, с его минимальными социальными различиями, это серьезный недостаток. Таких людей недолюбливают. Да и сам Гризволд был кем угодно, только не любимцем фермы.

Стояло такое оживление, какого ферма Макиана не видела за последние три марсианских года, а марсианский год лишь чуть-чуть короче двух земных.

Когда появился Дэвид, его встретили приветственными возгласами. Лишь небольшая группа в стороне выглядела мрачно и враждебно.

В конторе, должно быть, услышали приветственные возгласы, потому что Макиан, Хеннес, Бенсон и еще несколько человек тут же вышли оттуда. Дэвид подошел к основанию высокого крыльца конторы, на верхней ступеньке которого остановился Хеннес. Так они стояли с минуту, глядя друг на друга.

Дэвид сказал:

— Сэр, я пришел объяснить сегодняшний инцидент.

Голос Хеннеса звучал спокойно:

— Ценный работник фермы Макиана погиб сегодня в результате вашей с ним ссоры. Твое объяснение изменит этот факт?

— Нет, сэр, но Гризволд был побежден в честной схватке.

Из толпы послышался голос:

— Гризволд хотел убить парня. Он забыл надеть на оси его машины прутья для балласта — случайно.

Саркастический тон последнего слова был поддержан сдержанным смешком.

Хеннес побледнел. Кулаки его сжались.

— Кто это сказал?

Наступило молчание, потом из глубины толпы послышался негромкий покорный голос:

— Учитель, это не я.

Там стоял Верзила, сцепив перед собой руки и скромно глядя под ноги.

Снова послышался смех, на этот раз громкий.

С видимым усилием подавив ярость, Хеннес обратился к Дэвиду:

— Вы утверждаете, что на вашу жизнь покушались?

— Нет, сэр, — ответил Дэвид. — Я утверждаю, что была честная схватка в присутствии семи свидетелей. Человек, участвующий в честной схватке, должен рассчитывать только на свои силы. Или вы хотите установить новые правила?

Из толпы послышались одобрительные возгласы. Бросив взгляд на фермеров, Хеннес закричал:

— Жаль, что вас втягивают в дело, о котором вы потом пожалеете. Вы заблуждаетесь. А теперь возвращайтесь к работе, вы все, и будьте уверены, что ваше поведение сегодня вечером не будет забыто. Что касается вас, Уильямс, то мы еще обдумаем ваш случай. Это не конец.

Он с грохотом захлопнул за собой дверь в контору, и после некоторого колебания за ним последовали остальные.

В тот же день Дэвида вызвали к Бенсону. Праздничный вечер, традиционно последовавший за инспекцией, затянулся, и Дэвид был вынужден присутствовать на нем. Не было никакой возможности уйти к себе. Вечер был утомителен, к тому же за сегодняшний день Дэвид очень устал. Поэтому, входя в кабинет Бенсона и наклоняясь, чтобы не задеть притолоку, он громко зевнул.

— Входите, Уильямс, — пригласил Бенсон. На нем был белый халат, и в лаборатории стоял резкий запах животных, доносившийся от клеток с крысами и хомяками. — Вы выглядите сонным. Садитесь.

— Спасибо, — ответил Дэвид. — Я на самом деле хочу спать. Чем могу быть вам полезен?

— Это я могу быть вам полезен, Уильямс. Вы в опасности и можете оказаться в еще большей опасности. Боюсь, что вы не очень хорошо представляете себе марсианские традиции. У мистера Макиана есть полное право расстрелять вас, так как смерть Гризволда можно считать убийством.

— Без суда?

— Нет, но Хеннес всегда найдет двенадцать фермеров, которые засвидетельствуют все, что он захочет.

— Но с остальными фермерами у него будут неприятности, если он попытается это сделать.

— Знаю. Я снова и снова повторял это ему весь сегодняшний вечер. Не думайте, что мы с Хеннесом так уж ладим. Для меня он слишком авторитарен, слишком склонен, кстати, к своим собственным идеям, таким, как его деятельность частного детектива, о которой я вам рассказывал. И мистер Макиан полностью со мной согласен. Он предоставил Хеннесу все прямые контакты с людьми, поэтому и не вмешался, но потом

он прямо в лицо сказал Хеннесу, что не будет сидеть и смотреть сложа руки, как ферма погибает из-за какого-нибудь мошенника типа Гризволда. Хеннес пообещал дать вареву остыть, но все равно он этого не забудет. А Хеннес — не лучший из врагов здесь.

— Придется рискнуть.

— Мы можем свести риск к минимуму. Я попросил у Макиана вас в качестве помощника. Даже без специальной подготовки вы будете мне очень полезны. Будете кормить животных, чистить клетки. Я научу вас анестезировать и делать инъекции. Немного, но это удержит вас от встреч с Хеннесом и успокоит нравы на ферме. Мы не можем допустить конфликта, понимаете? Согласны?

С полной серьезностью Дэвид ответил:

— Это будет падением моего социального статуса: меня сегодня признали настоящим фермером.

Ученый нахмурился.

— Оставьте, Уильямс. Не воспринимайте серьезно, что вам говорят эти глупцы. Фермер! Ха! Просто название для полуобученного сельскохозяйственного рабочего, больше ничего! Вы будете глупцом, если станете всерьез воспринимать местные представления о социальном статусе. Послушайте, работая со мной, вы поможете раскрыть загадку пищевых отравлений, поможете отомстить за свою сестру. Ведь вы за этим прилетели на Марс, не так ли?

— Я буду работать с вами, — сказал Дэвид.

— Хорошо. — Круглое лицо Бенсона осветилось довольной улыбкой.

Верзила осторожно заглянул в дверь и прошептал:

— Эй!

Дэвид закрыл дверцу клетки и повернулся к нему.

— Привет, Верзила.

— Бенсон здесь?

— Нет. Уехал на весь день.

— Хорошо. — Верзила вошел, ступая осторожно, как будто боялся даже случайно коснуться чего-нибудь в лаборатории.

— Не говори мне ничего против Бенсона.

— Кто, я? Он просто... ну, ты понимаешь, — Верзила повертел пальцем у виска. — Какой взрослый мужчина явится на

Марс, чтобы возиться со зверьками? И он всегда объясняет нам, как выращивать растения, как убирать урожай. А что он знает? Нельзя этому научиться в земном колледже. Он думает, что он умнее нас, настоящих фермеров. Знаешь, к чему это приводит? Иногда приходится его шлепнуть. — Он мрачно посмотрел на Дэвида. — А теперь взгляни на себя. В ночной рубашке играешь няньку для крыс. Зачем тебе это?

— Это ненадолго, — сказал Дэвид.

— Ладно, — Верзила на минуту задумался, потом неуклюже протянул руку. — Я пришел попрощаться.

Дэвид пожал ее.

— Попрощаться?

— Мой месяц кончился. Теперь у меня есть документы, и я могу получить работу в другом месте. Я рад, что встретился с тобой, землянин. Может, еще увидимся. Ты недолго будешь оставаться под началом Хеннеса.

— Подожди. — Дэвид не отпускал руку малыша. — Ты ведь будешь в Винград-сити?

— Пока не найду работу. Да.

— Хорошо. Я уже с неделю жду такого случая. Сам я не могу оставить ферму, Верзила, поэтому не выполнишь ли ты мое поручение?

— Конечно. Ты только скажи.

— Дело немного рискованное. И тебе придется вернуться.

— Ладно. Хеннеса я не боюсь. К тому же есть возможность встретиться так, что он даже знать не будет. Я на ферме Макиана гораздо дольше его.

Дэвид силой усадил Верзилу. Присел рядом и перешел на шепот.

— На углу улиц Канала и Фобоса в Винград-сити есть библиотека. Получи там для меня несколько книгофильмов и проектор. Какие именно книги — вот в этом запечатанном...

Внезапно Верзила схватил Дэвида за руку и задержал ее ладонью наружу.

— Эй, что ты делаешь?

— Хочу кое-что увидеть, — от волнения Верзила тяжело дышал. Он загнул рукав, обнажил запястье Дэвида и внимательно изучал его.

Дэвид не пытался освободиться. Он спокойно смотрел на собственное запястье.

— Что за идея?

— Неправильная, — пробормотал Верзила.

— На самом деле? — Дэвид без усилий отнял руку и обнажил второе запястье. — Чего же ты ищешь?

— Ты знаешь, что я ищу. Твое лицо с самого начала показалось мне знакомым. Но я не мог вспомнить... Кто из землян сможет явиться сюда и за месяц доказать, что он — прирожденный фермер? Мне пришлось ждать, чтобы ты послал меня в библиотеку Совета, чтобы утвердиться в своих догадках.

— Я тебя по-прежнему не понимаю, Верзила.

— А я думаю, понимаешь, Дэвид Старр. — Торжествуя, он чуть не выкрикнул это имя.

8. НОЧНАЯ ВСТРЕЧА

— Потише, приятель! — остановил его Дэвид.

Верзила перешел на шепот:

— Я часто видел тебя на видеолентах. Но почему нет знака на твоем запястье? Я слышал, все члены Совета так помечены.

— Где ты об этом слышал? И кто тебе сказал, что библиотека на углу Канала и Фобоса принадлежит Совету?

Верзила вспыхнул:

— Не смотрите на фермера свысока, мистер. Я жил в городе. Я даже учился в школе.

— Прошу прощения. Я не хотел тебя обидеть. Ты мне поможешь?

— После того, как пойму, что у тебя с запястьем.

— Это нетрудно. Бесцветная татуировка становится видна, только когда я захочу.

— Как это?

— Дело в эмоциях. Каждая человеческая эмоция сопровождается особыми гормональными изменениями, влияющими на состав крови. Под действием одной и только одной эмоции изменения в крови активируют татуировку. Я знаю, какие чувства в себе вызвать, чтобы это произошло.

Внешне Дэвид оставался спокойным, но на его правом запястье появилось и медленно потемнело пятно. На мгновение блеснули золотые точки Большой Медведицы и Ориона и тут же погасли.

Лицо Верзилы сияло, руки его автоматически начали опус-

каться для щелчка по голенищам — жеста одобрения у фермеров Марса, но Дэвид резко схватил его за руки.

— Эй! — сказал Верзила.

— Пожалуйста, никакого шума. Ты со мной?

— Конечно, я с тобой. Вернусь сегодня вечером с тем, что тебе требуется. А сейчас объясню, где мы встретимся. Снаружи есть место, возле Второй Секции... — И он шепотом пустился в объяснения.

Дэвид кивнул.

— Хорошо. Вот конверт.

Верзила взял конверт, сунул за голенище и сказал:

— В сапогах самого высокого качества внутри есть специальный карман, мистер Старр. Знаешь об этом?

— Знаю. Не смотрите свысока на фермера и вы. Кстати, Верзила, меня все еще зовут Уильямс. И последнее. Только работники библиотеки сумеют безопасно для себя вскрыть конверт. Если попробует кто-то другой, будет ранен.

Верзила выпрямился.

— Никто его не откроет. Есть люди выше меня. Может, ты думаешь, что я этого не понимаю, но я понимаю. Но все равно, выше или нет, никто, повторяю, никто не отберет у меня конверт, предварительно не убив меня. Больше того, я и сам не буду его открывать, если ты подумал об этом.

— Подумал, — согласился Дэвид. — Я стараюсь просчитывать все варианты, так что на всякий случай подумал и об этом.

Верзила улыбнулся, шутливо погрозил Дэвиду кулаком и исчез.

Бенсон вернулся перед самым обедом. Выглядел он удрученным, его полные щеки обвисли.

Он равнодушно поздоровался.

Дэвид мыл руки. Это была особая процедура. Сначала руки погружали в специальный раствор, который использовался повсюду на Марсе для этой цели. Затем их сушили под потоком горячего воздуха, а вода между тем утекала обратно в резервуары, где подвергалась очистке, чтобы вернуться в общее пользование. Вода на Марсе дорога, и там, где можно, ее использовали неоднократно.

— Вы выглядите уставшим, мистер Бенсон, — обратился к нему Дэвид.

Бенсон тщательно закрыл за собой дверь и выпалил:

— Шесть человек умерли вчера от пищевого отравления. Самое большое число жертв для одного дня. Положение становится все хуже, а мы ничего не можем сделать. — Он сверкнул стеклами очков в сторону клеток. — Все животные живы, вероятно.

— Все живы, — подтвердил Дэвид.

— Что же мне делать? Ежедневно Макиан спрашивает, не обнаружил ли я что-нибудь. Он думает, что я могу найти ответ утром у себя под подушкой? Я сегодня был в хлебных амбарах, Уильямс. Океан пшеницы, тысячи и тысячи тонн, подготовлены к отправке на Землю. Взял сотни образцов. Пятьдесят зерен здесь, пятьдесят там. Проверил все углы в каждом амбаре. Брал образцы на глубине в двадцать футов. Но что с этого? При нынешних обстоятельствах было бы преувеличением считать, что заражено одно зерно на миллиард. — Он подтолкнул к нему чемоданчик, который принес с собой. — Думаете, среди пятидесяти тысяч зерен здесь есть одно из миллиарда? Один шанс из двадцати тысяч!

Дэвид сказал:

— Мистер Бенсон, вы говорили мне, что на ферме никто не умер, хотя едят здесь почти исключительно марсианскую пищу.

— Да.

— А во всем Марсе?

Бенсон нахмурился.

— Не знаю. Вероятно, смертей не было, иначе я бы знал об этом. Конечно, жизнь не так жестко контролируется на Марсе, как на Земле. Фермер умирает, и его обычно хоронят без всяких формальностей. И вопросов не задают. — Потом резко спросил: — Почему вы спрашиваете?

— Просто думаю, что, если это марсианская бактерия, люди на Марсе могли к ней привыкнуть. У них иммунитет.

— Гм. Неплохая идея для неспециалиста. Очень неплохая. Я подумаю над этим. — Он потянулся и потрепал Дэвида за плечо. — Идите поешьте. Новые образцы начнем испытывать завтра.

Когда Дэвид уходил, Бенсон осторожно доставал из чемоданчика тщательно упакованные и надписанные маленькие пакетики, в одном из которых могло находиться отравленное зернышко. К утру все зерна будут смолоты, каждая порция

тщательно разделена на двадцать частей — одни пойдут на корм, другие — для испытаний.

К утру. Дэвид про себя улыбнулся. Где он будет к утру? И будет ли он вообще жив к утру?

Ферма под куполом спала, как гигантское доисторическое чудовище, свернувшееся на поверхности Марса. Бледно мерцала остаточная флюоресценция. В тишине стало слышно обычно незаметное низкое гудение атмосферных аппаратов: они сгущали марсианский воздух до нормального земного уровня и добавляли необходимое количество кислорода, который поступал из обширных теплиц.

Дэвид быстро перебегал от тени до тени с осторожностью, в которой не было особой необходимости. Никто не следил за ним. Когда он достиг выхода номер семнадцать, жесткая поверхность купола, находившаяся невысоко над ним, еще более снизилась. Он задел ее головой.

Дверь открылась, и Дэвид вошел внутрь. Карманный фонарик осветил стены, контрольное табло. Никаких надписей на приборах не было, но объяснения Верзилы были достаточно точными. Дэвид нажал желтую кнопку. Слабый щелчок, пауза, затем шипение, гораздо более громкое, чем тогда, когда они выбирались на машинах. Поскольку выход был маленьким, рассчитанным на трех-четырех человек, а не на несколько машин, воздух уходил гораздо быстрее.

Дэвид надел маску и подождал, пока шипение совсем стихнет. Это означало, что давление снаружи и внутри уравновесилось. Тогда он нажал красную кнопку. Внешняя секция стены поднялась, и он вышел наружу.

На этот раз ему не нужно было управлять машиной. Он лег на жесткий холодный песок и подождал, пока выворачивающее наизнанку ощущение пройдет и он привыкнет к изменению силы тяжести. На это потребовалось около двух минут. «Еще несколько переходов, — мрачно подумал Дэвид, — и у меня будет то, что фермеры называют «гравитационными ногами».

Он встал, чтобы осмотреться, и невольно застыл в восхищении.

Впервые видел он ночное небо Марса. Звезды те же, что видны и с Земли, и очертания созвездий привычны. Расстояние от Земли до Марса, само по себе очень большое, тем не менее совершенно незначительно по сравнению с расстояниями до ближайших звезд. Но если положение звезд и не изменилось, сильно изменилась их яркость.

Разреженная атмосфера Марса не затемняла их, они сверкали жестко и алмазно-ярко. Луны, конечно, не было, во всяком случае такой, как на Земле. Дэвид поискал глазами крошечные спутники Марса — Фобос и Деймос, пяти и десяти миль в диаметре — две огромных горы, летящие в космосе. Они настолько малы, что, несмотря на близость к планете, гораздо ближе к Марсу, чем Луна к Земле, — Фобос и Деймос видны не как диски, а как две ярких звезды, незнакомые земному небу. Дэвид думал, что сможет узнать их, но... вероятно, они находились по другую сторону планеты.

Низко на западном горизонте он заметил еще кое-что и медленно повернулся в ту сторону. Это, безусловно, была самая яркая звезда в ночном небе, ее сине-зеленое свечение было невыразимо прекрасно. Рядом находилась еще одна звездочка, желтоватая, яркая, но гораздо меньшая, чем ее соседка.

Дэвиду не нужны были звездные карты, чтобы узнать Землю и Луну — двойную «вечернюю звезду» Марса.

Он оторвал взгляд от небосвода, повернулся к невысокому скальному выступу, видневшемуся в свете фонарика, и пошел. Верзила велел ему использовать этот выступ как ориентир. Марсианская ночь была холодна, и Дэвид с сожалением подумал о тепле марсианского солнца, находившегося в ста тридцати миллионах миль.

Пескоход в слабом свете звезд был почти невидим, и Дэвид услышал негромкий гул двигателя раньше, чем увидел машину.

Он позвал:

— Верзила! — И тот выглянул.

— Великий космос! — сказал Верзила. — Я уже думал, ты заблудился.

— Почему двигатель работает?

— Легко объяснить. Как иначе мне не замерзнуть? Но его не услышат. Я знаю это место.

— Получил фильмы?

— Получил ли я? Не знаю, что было в твоей записке, но пять-шесть ученых кружили вокруг меня, как спутники. «Мистер Джонс то» и «Мистер Джонс это». Я говорю: «Меня зовут

Верзила». Тогда: «Мистер Верзила, пожалуйста». Во всяком случае, — Верзила щелкнул пальцами, — до конца дня мне выдали четыре фильма, два проектора и ящик с меня размером, который я не открывал, а также дали на время (или в подарок, я не знаю) пескоход, чтобы отвезти все это.

Дэвид улыбнулся, но не ответил. Он вошел в приятную теплоту машины и быстро, торопясь обогнать приближающееся утро, установил проекторы и вставил в каждый из них фильм. Прямой просмотр, конечно, быстрее и удобнее, но даже в теплой кабине все-таки нужна маска, и выпуклые прозрачные очки делали прямой просмотр невозможным.

Пескоход медленно двигался в ночи, почти точно повторяя маршрут колонны Гризволда в день проверки.

— Не понимаю, — сказал Верзила. В течение пятнадцати минут он что-то бормотал про себя, и теперь ему пришлось повторить дважды, прежде чем Дэвид ответил.

— Что не понимаешь?

— Что ты делаешь. Куда идешь. Думаю, это мое дело, потому что отныне я с тобой. Я сегодня весь день думаю, Ст... Уильямс. У мистера Макиана всего лишь несколько месяцев назад испортился характер, а до того он был совсем неплохим парнем. Появился Хеннес — новая метла. И Зубрила Бенсон вдруг оказался наверху. До того как все это началось, он был никем, а сейчас он всегда среди шишек. Ко всему прочему ты здесь, и Совет Науки делает все, что тебе нужно. Если происходит что-то важное, я должен знать, что именно.

— Ты видел карты, которые я просматривал? — спросил Дэвид.

— Конечно. Просто старые карты Марса. Я видел их миллион раз.

— А ту, с заштрихованными участками? Знаешь, что они означают?

— Любой фермер тебе скажет. Там должны быть внизу пещеры, хотя я в это не верю. Вот мои доказательства. Как, во имя космоса, можно сказать, что лежит под нами в двух милях, если никто никогда там не был? Ответь мне.

Дэвид не стал описывать Верзиле успехи сейсмографии. Он спросил:

— А о марсианах слышал?

Верзила начал:

— Конечно. Что за вопрос... — Тут пескоход накренился и заскрежетал, рука малыша судорожно вцепилась в руль. — Ты имеешь в виду настоящих марсиан? Марсианских марсиан, не людей-марсиан вроде нас? Марсиан, которые жили до прихода людей?

Его тонкий смех резко прозвучал в машине, а когда он восстановил дыхание (смеяться и дышать одновременно в маске невозможно), он сказал:

— Ты говоришь совсем как этот парень Бенсон.

Дэвид оставался серьезным.

— Почему ты так говоришь?

— Однажды мы поймали его за чтением книги об этом и высмеяли. Летящие астероиды, как он рассердился! Называл нас невежественными крестьянами, я тогда посмотрел в словарь и объяснил парням, что это значит. Поговаривали даже о том, чтобы поколотить его, время от времени его случайно толкали после этого. Больше он никогда при нас не упоминал марсиан. Но, вероятно, решил, что ты как землянин поддашься этому кометному газу.

— Ты уверен, что это кометный газ?

— Конечно. А что еще? Люди живут на Марсе сотни и сотни лет и никогда не видели ни одного марсианина.

— А если они в пещерах на глубине в две мили?

— И пещер никто не видел. К тому же как марсиане туда попали? Люди были на Марсе повсюду, но нигде нет лестницы, ведущей вниз. Или лифта.

— Ты уверен? А я видел.

— Что? — Верзила оглянулся через плечо. — Разыгрываешь?

— Пусть не лестницу, но вход. И он не менее двух миль глубиной.

— А, ты имеешь в виду трещину. Это ничего не значит. Марс полон трещинами.

— Точно, Верзила. И у меня подробная карта этих трещин. Вот здесь. Есть одно интересное обстоятельство, которое, как мне кажется, никто не заметил. Ни одна трещина не пересекает пещеры.

— А что это доказывает?

— Это имеет смысл. Если ты строишь герметически закрытую пещеру, нужна ли тебе дыра в крыше? Все трещины под-

ходят близко к пещерам, но нигде не касаются их, как будто марсиане использовали их для входа при строительстве.

Пескоход неожиданно остановился. В тусклом свете проекторов, все еще установленных для просмотра карт на белом экране, лицо Верзилы показалось хмурым.

Он сказал:

— Минутку. Всего одну минутку. Куда мы едем?

— К трещине, Верзила. Примерно в двух милях от того места, где нашел свой конец Гризволд. Это ближайший подход к пещерам в районе фермы Макиана.

— А потом?

— Как только доберемся, я спущусь в нее, — спокойно ответил Дэвид.

9. В ТРЕЩИНЕ

— Ты серьезно? — спросил Верзила. — Ты хочешь сказать, — он попытался улыбнуться, — что есть настоящие марсиане?

— А ты поверил бы мне, если бы я сказал, что они есть?

— Нет. — Верзила пришел к внезапному решению. — Но это неважно. Я сказал, что участвую в этом деле и назад не подамся. — Машина снова двинулась.

Слабый марсианский рассвет осветил окрестности, когда пескоход приблизился к трещине. Последние полчаса он шел медленно, разрезая тьму мощными фарами, иначе, как сказал Верзила, они могли бы найти трещину слишком быстро.

Дэвид выбрался из машины и приблизился к гигантскому разлому. Внутрь свет еще не проник. Черная зловещая дыра тянулась в обоих направлениях сколько охватывал глаз, а противоположный ее край казался неопределенным серым выступом. Дэвид посветил фонариком вниз, луч растаял в пустоте.

Сзади подошел Верзила.

— Ты уверен, что это то самое место?

Дэвид осмотрелся.

— Согласно картам, тут ближайший подход к пещерам. Далеко ли мы от фермы?

— Около двух миль.

Землянин кивнул. Маловероятно, чтобы тут появились фермеры, особенно сразу после проверки.

Он сказал:

— Не будем откладывать.

— А как ты собираешься это сделать? — спросил Верзила.

Дэвид уже извлек из машины ящик, который Верзила привез из Винград-сити. Он открыл его и достал содержимое.

— Когда-нибудь видел такое? — спросил он.

Верзила покачал головой. Рукой в перчатке потрогал две длинные шелковистые веревки, соединенные поперечинами на интервалах в двенадцать дюймов.

— Веревочная лестница?

— Да, лестница, но не веревочная. Это крученый кремний, легче магния, прочнее стали, и температура Марса ему не страшна. Используется обычно на Луне, где сила тяжести низкая, а горы высокие. На Марсе для него особого применения нет — слишком плоская планета. Мне повезло, что Совет нашел одну штуку в городе.

— А что она тебе даст? — Верзила оглядел лестницу до конца, на котором оказался металлический шар.

— Осторожнее, — предупредил Дэвид. — Если предохранитель отключен, можешь пораниться.

Осторожно взяв шар в свои сильные руки, он что-то повернул в нем. Послышался резкий щелчок, но шар, казалось, не изменился.

— Теперь смотри. — Почва Марса становилась все тоньше и совсем исчезала у трещины, обнажая голую скальную поверхность. Дэвид наклонился и слегка прижал шар к скале, красноватой в утреннем свете. Отнял руку, и шар остался на месте, держась под непривычным углом.

— Подними.

Верзила взглянул на Дэвида, наклонился и попробовал поднять. Малыш выглядел очень удивленным, потому что шар остался на месте. Верзила дернул его изо всех сил, но тот даже не сдвинулся.

Верзила сердито спросил:

— Что ты сделал?

Дэвид улыбнулся.

— Когда предохранитель спущен, нажатие на шар высвобождает тонкое силовое поле длиной примерно в двенадцать дюймов, которое врезается в скалу. Конец поля расширяется в двух направлениях, образуя букву Т. Концы поля не острые, а тупые, так что, дергая в разные стороны, шар не высвободишь. Единственный способ — оторвать его вместе со скалой.

— А как его снять?

Дэвид пропустил в руках стофутовую лестницу, на противоположном конце оказался такой же шар. Он повернул его, прижал к скале. Шар остался на месте, а примерно через пятнадцать секунд первый шар отпал.

— Если активируешь один шар, второй автоматически отключается. Конечно, если включить предохранитель на активированном шаре, он тоже отключится, — Дэвид наклонился, проделал это и поднял шар, — а другой останется действующим.

Верзила присел на корточки. На месте шаров виднелась узкая щель примерно в четыре дюйма длиной. Он не мог бы вставить в нее даже ноготь.

А Дэвид Старр продолжал:

— У меня воды и пищи на неделю. Боюсь, кислорода хватит не больше чем на два дня. Но ты все равно жди неделю. Если не вернусь, вот письмо, доставишь его в Совет.

— Подожди. Ты ведь не думаешь всерьез, что эти сказочные марсиане...

— Я думаю о многом. Я могу сорваться. Может подвести лестница. Могу случайно укрепить ее в слабом месте. Все, что угодно. Могу я на тебя рассчитывать?

Верзила выглядел разочарованным.

— Забавно. Я буду сидеть здесь, пока ты рискуешь.

— Так действует команда, Верзила. Тебе это должно быть известно.

Дэвид встал на самый край трещины. Перед ним на горизонте поднималось солнце, небо бледнело и из черного становилось фиолетовым. Трещина, однако, оставалась непроглядно темной бездной. Разреженная атмосфера Марса плохо рассеивает свет, и, только когда солнце будет в зените, вечная тьма в ее глубине просветлеет. Дэвид аккуратно опустил лестницу в трещину. Она не издала ни звука, касаясь стены; шар прочно удерживал ее на краю скалы. В ста футах внизу послышалось, как один или два раза ударился второй шар.

Дэвид дернул лестницу, чтобы проверить ее прочность, затем, сжимая в руках верхнюю поперечину, опустился в бездну. Конечно, на Марсе человек испытывает чувство полета, но не в этот раз: собственный вес Дэвида, включая два цилиндра с кислородом, самых больших, какие нашлись на ферме, был почти равен нормальному земному.

Голова его в последний раз показалась над поверхностью.

Верзила смотрел на землянина широко раскрытыми глазами. Дэвид сказал:

— Теперь уходи и уведи с собой машину. Верни в Совет фильмы и проекторы, а здесь оставь скутер.

— Ладно, — кивнул Верзила. На всех пескоходах есть четырехколесные платформы, которые могут передвигаться со скоростью пятьдесят миль в час. Они неудобны и не дают никакой защиты ни от холода, ни от песчаных бурь. Но когда пескоход выходит из строя в нескольких милях от дома, скутер лучше, чем ожидание, пока тебя найдут.

Дэвид Старр посмотрел вниз. Было слишком темно, чтобы видеть другой конец лестницы; она просто уходила во тьму. Свободно свесив ноги, он начал спускаться на руках, считая при этом перекладины. При счете восемьдесят он протянул руку, поймал свободный конец лестницы и принялся раскачивать его, предварительно закрепив ноги и освободив обе руки.

Дотянувшись до второго шара, он прижал его к скале справа от себя. Тот остался на месте. Дэвид дернул, шар не поддался. Дэвид быстро переместился, захватив перекладину, так чтобы лестница снова могла свисать. Одной рукой он придерживал ее, ожидая, когда она поддастся. Когда это произошло, он оттолкнул ее от себя, чтобы шар сверху не задел его.

Он ощутил слабый маятниковый эффект, когда шар, тридцать секунд назад находившийся наверху, теперь раскачивался в ста восьмидесяти футах под поверхностью Марса. Дэвид посмотрел вверх. Видна была широкая полоса фиолетового неба, но он знал, что по мере его спуска она будет все более сужаться.

Он спускался все ниже, через каждые восемьдесят перекладин устанавливая новый якорь, вначале справа от себя, затем слева, но сохраняя общее вертикальное направление.

Прошло шесть часов, Дэвид вновь остановился, немного поел и глотнул воды из фляжки. Все, что он мог сделать для отдыха, — зацепиться ногами и немного расслабить ноющие руки. Ни разу во время спуска не встретился горизонтальный уступ, достаточно широкий, чтобы на нем можно было перевести дыхание. Такого уступа не было видно на всем пространстве, освещенном фонариком.

Это было плохо и в другом отношении. Дорога наверх, если, конечно, она состоится, будет еще более сложной. Придется каждый раз переставлять шар, насколько сможет дотянуться

рука. Конечно, это можно сделать, и это делалось не раз — но на Луне. На Марсе тяготение в два раза сильнее, и подъем будет ужасно медленным, гораздо медленнее спуска. Да и спуск, мрачно подумал Дэвид, достаточно медленный. Он спустился не более чем на милю.

Внизу только чернота. Вверху сузившаяся полоска неба посветлела. Дэвид решил подождать. Его часы показывали половину одиннадцатого по земному времени. На Марсе сутки лишь на полчаса больше земных. Скоро солнце будет над головой.

Он трезво размышлял, что карты марсианских пещер могут быть лишь приблизительными, так как составлены на основании отражения волн. При малейшей ошибке он может оказаться в нескольких милях от истинного входа в пещеры.

Да входа и вообще может не быть. Пещеры могут быть природным образованием, как Карлсбадская пещера на Земле. Правда, эти марсианские пещеры достигают сотен миль в длину.

Он почти сонно ждал, вися на лестнице в темноте и тишине. Сгибал и разгибал онемевшие пальцы. Даже в перчатках ощущался марсианский холод. Пока он спускался, движение давало тепло; но стоило на минуту остановиться, и сразу охватывал холод.

Он уже почти решил возобновить спуск, чтобы не замерзнуть, когда заметил тусклые проблески. Подняв голову, он увидел медленно опускающуюся полоску солнечного света. Солнце пришло в трещину. Потребовалось десять минут, чтобы свет достиг максимума и стал виден весь солнечный диск. Хотя и маленькое, на земной взгляд, солнце занимало четверть ширины трещины, Дэвид знал, что светло будет примерно с полчаса, а потом на двадцать четыре часа вернется тьма.

Раскачиваясь, он быстро огляделся. Стена трещины оставалась ровной. Шершавая, но тем не менее вертикальная. Как будто кто-то прорезал поверхность плохо заточенным ножом. Противоположная стена теперь была значительно ближе, чем на поверхности, но Дэвид решил, что понадобится спуститься еще на милю, прежде чем он сможет ее коснуться.

И пока он еще ничего не обнаружил. Ничего!

И тут Дэвид увидел темное пятно. Дыхание со свистом вырывалось из его груди. В одном месте стена была значительно темнее. То ли особый выступ, то ли тень. Дело не в этом. А в том, что пятно прямоугольное. У него совершенно правильные

прямые углы. Оно должно быть искусственным. Похоже на дверь в скале.

Дэвид быстро перехватил нижний шар лестницы, потянулся как можно дальше в направлении пятна, закрепил шар, потом второй в том же направлении, но дальше. Умоляя солнце продержаться еще немного, он торопливо переставлял шары в надежде, что пятно — не оптическая иллюзия.

Солнце пересекло пропасть и коснулось ее противоположного края. Желто-красная скала, лицом к которой он висел, снова становилась серой. Но противоположная стена пока была освещена, и он все еще мог видеть пятно. Теперь Дэвид находился от него в ста футах, и каждая перестановка шара приближала его еще на ярд к цели.

Сверкая, солнечный свет скользил по противоположной стене, и, когда Дэвид достиг края пятна, трещина снова погрузилась во тьму. Пальцы в перчатках нащупали края углубления. Гладкая, безупречно ровная линия. Такое может создать только разум.

Солнечный свет ему больше не нужен. Достаточно фонарика. Он просунул лестницу в углубление и услышал, как сухо стукнул внизу шар. Горизонтальная поверхность!

Он быстро спустился и через несколько минут стоял на скале. Впервые более чем за шесть часов у него под ногами была прочная опора. Он подтянул лестницу, поставил шар на предохранитель и дезактивировал его. Оба конца лестницы были свободны.

Обмотав лестницу вокруг пояса и руки, Дэвид осмотрелся. Углубление в скале имело примерно десять футов в высоту и шесть в ширину. Освещая дорогу фонариком, он прошел вглубь и оказался лицом к лицу с гладкой стеной, преграждавшей путь.

Это тоже работа разума. Иначе не может быть. Но все же это прочный барьер, и дальше ему не пройти.

Вдруг Дэвид ощутил резкую боль в ушах и повернулся. Возможно только одно объяснение. Каким-то образом давление воздуха увеличивается. Вернувшись назад, Дэвид не удивился, обнаружив, что отверстия, через которое он прошел, больше нет, его закрыла сплошная скала.

Сердце его забилось быстрее. Очевидно, он в чем-то вроде воздушного шлюза. Осторожно сняв маску, Дэвид вдохнул. Легким было приятно, и воздух не обжигал холодом.

Он подошел к внутренней стене и стал уверенно ждать, пока она не отодвинется.

Она поднялась, но за минуту до этого Дэвид почувствовал, что его руки плотно прижаты к телу, как будто на него набросили и затянули лассо. Он удивленно вскрикнул, но и ноги оказались в таком же положении.

И вот, когда внутренняя стена поднялась и открылся вход в пещеру, Дэвид не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

10. РОЖДЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО РЕЙНДЖЕРА

Дэвид ждал. Не было смысла говорить в пустоту. Очевидно, существа, соорудившие пещеру и так сверхъестественно лишившие его способности двигаться, могут не только это.

Он почувствовал, как какая-то сила приподнимает его и медленно наклоняет назад. Его тело повисло параллельно полу. Он попытался выгнуть шею и посмотреть в глубь пещеры, но обнаружил, что сделать это почти невозможно. Правда, голову держали не так прочно, как руки и ноги. Создавалось впечатление, что голову обхватывает прокладка из упругой мягкой резины, которая поддавалась под натиском, но лишь немного.

Его плавно понесло через шлюз. Похоже, что плывешь в теплой ароматной воде, в которой можно дышать. Когда его голова — последняя часть тела — покинула шлюз, Дэвид провалился в глубокий и спокойный сон без сновидений.

Дэвид Старр открыл глаза. Он не мог определить, сколько прошло времени, но, придя в себя, сразу ощутил рядом с собой присутствие чужой жизни. Только вот откуда это чувство?

Было очень жарко, как в летний солнечный день на Земле. Тусклый красноватый свет окружал его, но едва ли был способен помочь что-либо увидеть. Поворачивая голову, Дэвид с трудом разглядел стены небольшой комнаты. Никакого движения, никаких видимых признаков жизни.

И все-таки где-то рядом действовал мощный разум. Дэвид чувствовал это, но почему, объяснить не мог.

Он осторожно попробовал шевельнуть рукой, она поднялась без всяких помех. Удивленный, он сел и обнаружил, что

сидит на мягкой поверхности, которая слегка пружинила под ним, но природу которой он в полутьме не мог определить.

Неожиданно послышался голос:

— Существо осознает свое окружение...

Последняя часть высказывания была мешаниной бессмысленных звуков. Дэвид не смог определить направление, откуда доносился голос. Казалось, он идет отовсюду и ниоткуда.

Вновь раздался голос, но уже другой. Отличие было слабым. Второй голос был чуть мягче, ровнее, может быть, женственнее:

— Как ты себя чувствуешь, существо?

Дэвид сказал:

— Я вас не вижу.

Снова зазвучал первый голос (Дэвид думал о нем как о мужском):

— Как я и утверждал... — Опять бессмысленные звуки. — Ты не можешь видеть разум.

Последняя фраза была не вполне понятной.

— Я могу видеть материю, — ответил Дэвид, — но тут не хватает света.

Наступило молчание, будто эти двое совещались. Затем какой-то предмет мягко ткнулся в руку Дэвида. Его фонарик.

— Это имеет значение для твоего восприятия света? — спросил мужской голос.

— Конечно. Разве вы не видите?

Он зажег фонарик и осветил все вокруг. Комната была пуста, и в ней не было ничего живого. Поверхность, на которой он сидел, была прозрачна для света и находилась примерно в четырех футах над полом.

— Как я и говорила, — возбужденно зазвенел женский голос. — Зрение существа активируется коротковолновым излучением.

— Но большая часть излучения этого инструмента в инфракрасной области. Я судил по этому, — возразил ее собеседник.

Свет становился ярче. Вначале он был оранжевым, затем желтым и наконец стал белым.

Дэвид попросил:

— А нельзя ли сделать прохладнее?

— Температура помещения точно соответствует температуре твоего тела.

— Все равно я предпочитаю прохладу.

Они сделали так, как он просил. Это уже хорошо. Прохладный ветер освежил Дэвида. Подождав, пока температура упадет до двадцати градусов, он остановил их.

— Я думаю, вы общаетесь прямо с моим мозгом. Почему же я слышу, как вы говорите на интернациональном английском? — мысленно обратился к своим невидимым собеседникам Дэвид.

Мужской голос ответил:

— Последняя фраза бессмысленна, но, конечно, мы общаемся. А как иначе это можно делать?

Дэвид кивнул самому себе. Это объясняло перерывы в восприятии. Когда использовалось слово, которому в сознании Дэвида не было эквивалента, он слышал бессмысленный шум. Умственные помехи.

Женский голос произнес:

— Существуют легенды, что в ранней истории нашей расы наш мозг был закрыт друг для друга и мы общались символами при помощи зрения и слуха. Из твоего вопроса я заключаю, что у вас и сейчас так, существо.

— Это так. Как давно я в пещере? — отозвался Дэвид.

Мужской голос:

— Меньше одного обращения планеты. Приносим извинения за те неудобства, что мы тебе причинили, но для нас это первая возможность исследовать живым одно из новых существ с поверхности. До этого к нам попадало несколько, одно совсем недавно, но все они не функционировали, и количество информации, полученной при их изучении, естественно, было ограниченно.

Дэвид подумал, не Гризволд ли был недавно полученным трупом, и осторожно спросил:

— Вы закончили меня осматривать?

Быстро ответил женский голос:

— Ты боишься вреда. В твоем мозгу есть отчетливая мысль, что мы можем быть настолько жестоки, что вмешаемся в функционирование твоего тела, чтобы получить информацию. Как ужасно!

— Простите, если я вас оскорбил. Просто я незнаком с вашими методами.

Мужской голос:

— Мы знаем все необходимое. Мы вполне можем молекулу за молекулой рассмотреть твое тело вообще без физического контакта. Сведений, которые дают наши психомеханизмы, вполне достаточно.

— А что это за психомеханизмы?

— Ты знаком с трансформацией материи в разум?

— Боюсь, что нет.

Последовала пауза, затем мужской голос коротко:

— Я исследовал твой мозг. Боюсь, судя по его строению, ты не в состоянии понять мои объяснения.

Дэвид почувствовал, что его поставили на место.

— Прошу прощения, — извинился он.

Снова мужской голос:

— Я задам тебе несколько вопросов.

— Пожалуйста, сэр.

— Что означает последняя часть твоего утверждения?

— Просто манера почтительного обращения.

Пауза.

— А, понятно. Вы усложняете свои коммуникационные символы в соответствии с лицом, с которым общаетесь. Странный обычай. Но не будем отвлекаться. Скажи мне, существо, ты излучаешь много тепла. Ты болеешь или это нормально?

— Вполне нормально. Мертвые тела, которые вы осматривали, имели температуру окружающей среды. Но пока мы живы, наши тела поддерживают нужную постоянную температуру.

— Значит, вы не аборигены этой планеты?

— Прежде чем ответить, могу ли я узнать, каким будет ваше отношение к такому существу, как я, если оно с другой планеты? — спросил Дэвид.

— Уверяю тебя, что ты и все другие такие же существа для нас совершенно безразличны, за исключением того, что удовлетворяет наше любопытство. Я вижу в твоем мозгу беспокойство по поводу наших мотивов. Ты боишься нашей враждебности? Отбрось эти мысли.

— А разве вы не можете прочесть в моем мозгу ответы на все вопросы? Зачем вы меня расспрашиваете?

— Без прямой коммуникации я могу прочесть только эмоции и общее отношение. Но ты существо и не поймешь. Для точной информации общение должно включать волевое усилие. Если это тебе поможет, я сообщу, что у нас есть все основания считать, что твоя раса происходит с другой планеты. Во-

первых, структура ваших тканей совершенно отличается от структуры тел живых существ, когда бы то ни было существовавших на этой планете. Во-вторых, температура твоего тела показывает, что ты с другой, более теплой планеты.

— Вы правы. Мы с Земли.

— Последнего слова я не понимаю.

— С планеты, более близкой к Солнцу.

— Вот как! Очень интересно. Когда наша раса переселилась в пещеры, примерно полмиллиона оборотов планеты назад, мы знали, что на вашей планете есть жизнь, хотя и неразумная, вероятно. Была ли ваша раса тогда разумной?

— Вряд ли, — ответил Дэвид.

Значит, миллион лет прошел с тех пор, как марсиане оставили поверхность своей планеты.

— Очень интересно. Я должен сообщить эту информацию непосредственно Центральному Разуму. Идем, ****.

— Позволь мне остаться, ****. Я хотела бы еще пообщаться с этим существом.

— Как хочешь.

Женский голос:

— Расскажи мне о твоем мире.

Дэвид свободно заговорил. Он чувствовал приятную расслабленность. Все подозрения улетучились, и не было никаких причин, почему он не может отвечать правдиво и полностью. Эти существа добры и настроены дружески. Он выплескивал информацию.

А потом она освободила его мозг, и он внезапно замолк. Дэвид гневно спросил:

— Что я говорил?

— Ничего плохого, — заверил его женский голос. — Я просто сняла запреты с твоего мозга. Я не осмелилась бы на это, если бы **** был здесь. Но ты ведь только существо, а мне так интересно. Я знала, что твоя подозрительность слишком глубока, что ты не будешь говорить свободно без маленькой помощи с моей стороны. Твои подозрения совершенно безосновательны. Мы никогда не будем вредить вам, существа, пока вы не вторгнетесь к нам.

— Но ведь мы уже вторглись, — возразил Дэвид. — Мы заняли всю вашу планету.

— Ты по-прежнему испытываешь меня. Ты мне не веришь. Поверхность планеты не представляет для нас никакого интереса. Здесь наш дом. И все же, — женский голос звучал почти взволнованно, — есть что-то возбуждающее в путешествиях с планеты на планету. Мы хорошо знаем, что существует множество планет и множество звезд. Подумать, что существа, подобные тебе, наследуют все это... Это так интересно, что я снова и снова благодарю за то, что мы вовремя почувствовали твои неуклюжие попытки добраться до нас и успели сделать отверстие.

— Что! — Дэвид не мог сдержать возгласа, хотя и знал, что звуковые волны, созданные его голосовыми связками, останутся незамеченными и только его мысли будут услышаны. — Вы сделали отверстие?

— Не я одна. **** помог. Поэтому нам и дали возможность исследовать тебя.

— Но как вы его сделали?

— Ну, пожелали.

— Не понимаю.

— Но это просто. Разве ты не видишь мой разум? Но я забыла. Ты существо. Видишь ли, уходя в пещеры, мы должны были уничтожить многие тысячи кубических миль материи, чтобы расчистить место для себя под поверхностью. Материю некуда было девать, и мы превратили ее в энергию и ** ** ** ** **.

— Нет, нет, я не понимаю.

— Не понимаешь? В таком случае я могу только сказать, что энергия запасалась таким образом, что ее можно извлечь усилием воли.

— Но если вся материя, из которой состояли огромные пещеры, превратилась в энергию...

— Ее будет очень много. Конечно. Мы жили этой энергией полмиллиона вращений, и рассчитано, что ее хватит еще на двадцать миллионов вращений. Еще до того, как мы ушли в пещеры, мы начали изучать соотношения разума и материи, а с тех пор мы так продвинулись в этой области, что совершенно оставили материю в том, что касается наших личных потребностей. Мы состоим из чистого разума и энергии, мы никогда не умираем и никогда не рождаемся. Я здесь с тобой, но так как ты не видишь разум, ты не можешь меня воспринимать иначе, как только своим мозгом.

— Но такие, как вы, могут овладеть всей Вселенной.

— Ты боишься, что мы будем соперничать во Вселенной с такими материальными существами, как ты сам? Что мы будем сражаться за место под звездами? Глупо. С нами здесь вся Вселенная. Нам достаточно нас самих.

Дэвид молчал. Потом медленно поднял руки к голове, ощутив нежнейшее прикосновение каких-то невидимых пальцев к своему мозгу. Он впервые почувствовал это и отшатнулся.

— Опять прошу прощения, — зазвучал ее голос, — но ты такое интересное существо. Твой мозг сообщил мне, что другие существа в большой опасности и ты подозреваешь, что мы можем быть ее причиной. Уверяю тебя, существо, это не так.

Слова прозвучали очень просто, но Дэвид поверил.

Он спросил:

— Ваш товарищ говорил, что химия моих тканей совершенно отлична от любой жизненной формы на Марсе. Как это?

— Твои ткани состоят из азотного материала.

— Это белок! — воскликнул Дэвид.

— Я не понимаю этого слова.

— А из чего состояли ваши ткани?

— Из ** ** ** **. Это совершенно другое дело. В них практически не было азота.

— Значит, вы не можете предложить мне пищи?

— Боюсь, что нет. **** говорит, что любая органическая материя с нашей планеты для тебя ядовита. Мы можем составить только простейшие соединения для твоего пропитания, но сложных азотистых соединений без специального изучения — не можем. Ты голодно, существо? — В голосе ее безошибочно распознавалось сочувствие и забота (Дэвид предпочитал об этих мыслях по-прежнему думать как о голосе).

— Пока у меня еще есть своя пища, — ответил он.

Женский голос сказал:

— Мне неприятно думать о тебе просто как о существе. Как тебя зовут? — Потом, будто боясь, что он не понял, добавила: — Как другие существа опознают тебя?

— Меня зовут Дэвид Старр.

— Не понимаю. Есть отдаленная связь со Вселенной и звездами. Тебя зовут так, потому что ты путешествуешь в космосе?

— Нет. Многие путешествуют в космосе. «Старр» не имеет особого значения. Это просто звук, чтобы отличить меня от

других, как ваши имена тоже просто звуки. По крайней мере мне они такими кажутся, я их не понимаю.

— Жаль. У тебя должно быть имя, которое означало бы, что ты путешествуешь в космосе, летишь от одного мира к другому. Если бы я была таким существом, как ты, мне хотелось бы, чтобы меня называли Космическим Рейнджером.

Так из уст живого существа, которого он не видел и никогда не смог бы увидеть, Дэвид Старр впервые услышал имя, под которым буквально вся Галактика будет его знать.

11. БУРЯ

Более глубокий и размеренный голос сформировался в мозгу Дэвида. Он серьезно произнес:

— Приветствую тебя, существо. **** дала тебе хорошее имя.

— Уступаю тебе место, ****, — попрощался женский голос.

И по тому, что мягкое прикосновение к его мозгу прекратилось, Дэвид безошибочно понял, что обладательница этого голоса больше не находится с ним в мысленном контакте. Он осторожно повернулся, все еще руководствуясь иллюзией, что у этих голосов есть направление, и обнаружил, что его земное сознание по-прежнему пытается в привычных образах представить то, с чем никогда раньше не сталкивалось. Голос, конечно, не имел направления. Он находился внутри его мозга.

Существо с глубоким голосом оценило его затруднения. Оно сказало:

— Ты встревожен тем, что твои чувства не дают тебе возможности воспринимать меня, а я не хочу, чтобы ты был обеспокоен. Я могу принять на себя некоторую физическую внешность, но это будет лишь плохой и неадекватный двойник. Тебе это поможет?

Тут же Дэвид Старр увидел в воздухе перед собой свечение. Полоса мягкого сине-зеленого света примерно в семь футов высотой и в фут шириной.

— Вполне достаточно, — удовлетворенно ответил он.

Глубокий голос продолжил:

— Хорошо! А теперь позволь объяснить, кто я такой. Я администратор ***** ***. Ко мне пришло сообщение о появле-

нии живого образца новой поверхностной жизни. Я осмотрю твой мозг.

Название должности нового голоса для Дэвида было набором бессмысленных звуков, но он безошибочно уловил чувство достоинства и ответственности, сопровождавшие эту должность. Тем не менее он твердо сказал:

— Я предпочел бы, чтобы вы оставались вне моего мозга.

— Твоя скромность вполне понятна и достойна похвалы, — сказал глубокий голос. — Объясню, что я буду придерживаться только самой внешней поверхности. Я буду добросовестно избегать вторжения в твой внутренний мир.

Дэвид бесполезно напряг мышцы. Долгие минуты он ничего не ощущал, даже иллюзорного легкого прикосновения к мозгу, которое появлялось, когда в его мозг проникала обладательница женского голоса, на этот раз не было — им занимался более опытный исследователь. И все же Дэвид знал, не понимая, как это можно знать, что участки его мозга один за другим осторожно раскрываются, потом закрываются, без боли и беспокойства.

Глубокий голос сказал:

— Благодарю тебя. Вскоре тебя отпустят и вернут на поверхность.

Дэвид вызывающе спросил:

— Что вы нашли в моем мозгу?

— Достаточно, чтобы пожалеть вас, существа. Мы, представители Внутренней Жизни, были когда-то подобны вам, поэтому можем понять вас. Вы лишены равновесия со Вселенной. У вас ищущий мозг, который стремится понять то, что смутно чувствует, но он не обладает истинными, более глубокими чувствами, которые одни могут открыть вам реальность. В тщетных попытках отыскать в потемках истину вы устремляетесь к краям Галактики. Я уже сказал, **** назвала тебя правильно. Ваша раса — раса космических рейнджеров.

Но какая в этом польза? Истинная победа внутри. Чтобы понять материальную вселенную, вы сначала должны развестись с ней. Мы отвернулись от звезд, обратившись внутрь самих себя. Мы отступили в пещеры своего единственного мира и оставили свои тела. У нас больше нет смерти, за исключением случаев, когда мозг отдыхает; нет рождения, кроме случаев, когда ушедший отдыхать мозг должен быть заменен.

Дэвид возразил:

— Но вам не хватает самих себя для полноты ощущений. Некоторые из вас испытывают любопытство. Существо, говорившее со мною, хотело знать о Земле.

— **** недавно родилась. Ее дни едва равны ста обращениям этой планеты вокруг Солнца. Ее контроль над мыслями несовершенен. Мы, достигшие зрелости, можем легко постигнуть все разнообразие путей, по которым могла бы развиваться ваша земная история. Из них лишь немногие доступны для вашего понимания, и не хватило бы бесконечности, чтобы исчерпать разумом все мыслимые модели возможного развития одного вашего мира, и каждая была бы не менее захватывающа, чем та, что соответствует реальности. Со временем **** узнает, что это так.

— Но вы сами побеспокоились осмотреть мой мозг.

— Чтобы удостовериться в том, что уже подозревал. Ваша раса имеет возможности для роста. При благоприятном стечении обстоятельств через миллион обращений вашей планеты вокруг Солнца она может достигнуть уровня Внутренней Жизни. Это было бы хорошо. У моей расы появится в вечности товарищ, и это товарищество будет взаимовыгодно.

— Вы говорите, мы можем достигнуть этого, — взволнованно спросил Дэвид.

— У вашей расы есть тенденции, которых никогда не было у нашей. Из твоего мозга я ясно вижу, что есть тенденции, направленные против блага всех.

— Если вы говорите о таких вещах, как преступление и война, то из моего мозга вы могли увидеть, что большинство человечества борется с антисоциальными тенденциями и что хотя прогресс медленный, но несомненный.

— Я вижу это. Я вижу больше. Я вижу, что ты сам хочешь блага для всех. У тебя здоровый сильный мозг, и его сущность я не прочь бы видеть среди нас. Я хотел бы помочь тебе в твоих стараниях.

— Как? — спросил Дэвид.

— Твой мозг опять полон подозрений. Расслабься. Моя помощь не подразумевает вмешательство в вашу жизнь, уверяю тебя. Такое вмешательство неприемлемо для вас и недостойно меня. Позволь мне вначале указать на два наиболее значительных ваших несоответствия.

Во-первых, поскольку вы состоите из нестабильных ингредиентов, вы краткоживущие существа. Ты сам распадешься и

перестанешь существовать через несколько вращений вашей планеты. А если ты испытаешь хоть сколько-нибудь значительное давление — одно из тысячи возможных, — ты умрешь еще раньше. Во-вторых, ты считаешь, что должен работать в тайне, однако недавно подобный тебе отгадал твою истинную сущность, хотя ты скрывал ее. Правильно ли я говорю?

Дэвид ответил:

— Правильно. Но что с этим можно сделать?

— Это уже сделано и находится у тебя в руке, — послышалось в ответ.

Пальцы Дэвида ощутили что-то мягкое. Он едва не уронил его. Почти невесомый кусок... чего?

Глубокий голос спокойно предупредил его невысказанную мысль:

— Это не кисея, не волокно, не пластмасса, не металл. Это не материя вообще в том смысле, в каком вы понимаете материю. Это *****. Надень ее на глаза.

Дэвид послушался, и ткань отделилась от его руки, будто обладала собственной примитивной жизнью, мягко и тепло обернулась вокруг каждой выпуклости его лба, глаз, носа; но она не мешала ему дышать и смотреть.

— А что это дает? — спросил он.

Еще до того, как прозвучали его слова, перед ним возникло зеркало — так же тихо и быстро, как возникает мысль. В нем он мог смутно разглядеть себя. Его фермерский костюм от сапог до широкого воротника казался слегка не в фокусе, за постоянно колеблющейся пеленой, как будто тонкий дым висел в воздухе и не исчезал. От верхней губы и выше все терялось в сиянии, которое не ослепляло, но сквозь которое ничего не было видно. Тут же зеркало исчезло, вернувшись в обширный склад энергии, откуда было извлечено.

Дэвид удивленно спросил:

— Таким меня увидят другие?

— Да, если у них такой же сенсорный аппарат, как у тебя.

— Но я прекрасно вижу. Значит, лучи света проходят сквозь экран. Почему же тогда они не выходят, открывая мое лицо?

— Они выходят, как ты говоришь, но при этом меняются и позволяют видеть только то, что увидел ты. Чтобы объяснить полнее, мне нужны концепции, недоступные твоему восприятию.

— А остальное? — Дэвид медленно провел руками над окружившей его дымкой. Он ничего не почувствовал.

Глубокий голос снова ответил на его невысказанную мысль:

— Ты ничего не чувствуешь. Но то, что кажется тебе дымкой, на самом деле барьер, который ослабляет коротковолновое излучение и непроницаем для любых материальных объектов размера молекулы и больше.

— Вы хотите сказать, что это персональное защитное поле?

— В грубом приближении да.

Дэвид воскликнул:

— Великая Галактика, это невозможно! Определенно доказано, что ни один механизм, который под силу унести человеку, не может создать маленькое силовое поле, способное отразить излучение и материальные объекты.

— Так и есть в той науке, которую вы, существа, способны развивать. Но маска, которая на тебе, не источник энергии. Наоборот, это запас энергии, который пополняется, например, от нескольких секунд пребывания на солнце, таком, как на нашей планете. Далее, это механизм, освобождающий энергию по мысленному приказу. Поскольку твой мозг не способен контролировать этот механизм, он сам улавливает сигналы твоего мозга и действует автоматически. Теперь сними маску.

Дэвид поднес руку к глазам, и опять, отвечая на его мысленный приказ, маска снялась и в руках его оказался кусочек кисеи.

Глубокий голос послышался в последний раз:

— А теперь ты должен оставить нас, Космический Рейнджер.

И мягко, как только можно себе представить, сознание покинуло Дэвида Старра.

Никакого переходного периода не было и при возвращении сознания. Оно вернулось сразу и полностью. Не было даже мгновенной неуверенности в местонахождении, никакого «Где это я?».

Дэвид точно знал, что его ноги стоят на поверхности Марса; что на нем опять обычная маска и он дышит через нее; что он точно на том месте, с которого начал спуск в трещину; что слева от него, полускрытый скалами, находится скутер, оставленный Верзилой.

Он даже знал, каким образом его вернули на поверхность.

Но это была не память — информация, сознательно помещенная в мозг, вероятно, чтобы еще раз показать удивительные возможности переходов материи-энергии. Марсиане проделали для него туннель. Подняли его вопреки тяготению и пронесли с почти реактивной скоростью, превращая сплошную скалу перед ним в энергию и возвращая энергию в состояние материи за ним, пока он снова не встал на поверхность.

А еще в его мозгу звучали слова, которых он реально никогда не слышал. Они звучали женским голосом, знакомым по пещере, их значение было просто: «Не бойся, Космический Рейнджер!»

Дэвид сделал шаг и понял, что теплого, земноподобного окружения, которое поддерживали для него марсиане, больше не существует. Холод по контрасту ощущался еще болезненнее, а ветер был сильнее, чем когда-либо. Солнце стояло низко на востоке, как и тогда, когда он начинал спуск. Но сколько рассветов минуло с тех пор? Он не знал, сколько времени прошло, пока он был без сознания, но чувствовал, что его спуск происходил не более двух суток назад.

Небо изменилось, казалось, оно стало более голубым, а солнце покраснело. На мгновение задумавшись, Дэвид нахмурился, потом пожал плечами. Просто он привыкает к марсианскому ландшафту, вот и все. Окружающее становится более знакомым, и по привычке он все подгоняет под земные образцы.

Но пора возвращаться в купол. Скутер, конечно, не так быстр и удобен, как пескоход. Чем меньше времени он в нем проведет, тем лучше.

Дэвид осмотрел скальные образования и почувствовал себя старым жителем Марса. У местных фермеров в песках есть множество ориентиров. Надо двигаться к скале, похожей на «арбуз со шляпой», продолжать путь в этом направлении, пока не поравняешься с «космическим кораблем с двумя сбитыми двигателями», пройти между ним и скалой, «похожей на ящик без крышки»... Грубый метод, но он не требует специальных приборов, а только хорошей памяти и живого воображения, чего у фермеров всегда было в изобилии.

Дэвид двигался по курсу, который рекомендовал ему Верзила: так он скорее вернется к куполу и не заблудится среди бесконечных скал. Скутер продвигался вперед, подпрыгивая на неровностях и поднимая тучи пыли. Ноги Дэвида прочно стояли в специальных углублениях, а руки крепко сжимали руль. Он не уменьшал скорость. Даже если скутер перевернется, вряд ли он сильно пострадает при низком марсианском тяготении.

Но было обстоятельство, которое заставило его остановиться: странный привкус во рту и жжение на подбородке и вдоль позвоночника. На зубах поскрипывало. Дэвид с отвращением посмотрел на хвост пыли, который тянулся за ним, как ракетный выхлоп. Странно, что пыль обогнала его, окружила, проникла вперед и попала в рот.

Впереди и вокруг! Великая Галактика! От внезапной догадки что-то холодное сдавило его сердце и горло.

Он замедлил скорость скутера и направился к ближайшему скальному выступу, где машина не могла поднимать пыль. Тут он остановился и подождал, пока воздух прочистится. Но он не прочистился. Ощупав языком полость рта, Дэвид ужаснулся, обнаружив там огромные пыльные наросты. Он взглянул на покрасневшее солнце и голубое небо с новым пониманием. Увеличение количества пыли в воздухе вызвало рассеивание света, отняв синеву у солнца и добавив ее к цвету неба. Губы Дэвида пересохли, тело все сильнее зудело.

Сомнений больше не было. С мрачной решимостью он забрался в скутер и устремился на максимальной скорости по скалам, гравию и пыли.

Пыль!

Пыль!

Даже на Земле были хорошо известны пылевые бури Марса, которые только по названию напоминали песчаные бури земных пустынь. Это были самые смертоносные бури во всей Солнечной системе. Ни один человек в истории Марса, застигнутый, как Дэвид Старр, в милях от дома без защиты пескохода, еще не перенес пылевую бурю. Люди в страшных муках умирали в пятидесяти футах от купола, а находившиеся внутри не осмеливались на вылазку без пескохода.

Дэвид Старр знал, что лишь минуты отделяют его от мучительной смерти. Пыль уже безжалостно набивалась в щели его маски. Он чувствовал, как от нее слезятся и слепнут его глаза.

12. НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Природа марсианских песчаных бурь известна недостаточно хорошо. Подобно Луне, поверхность Марса в основном покрыта тонкой пылью. Но, в отличие от Луны, Марс обладает

атмосферой, способной приводить эту пыль в движение. Обычно это не причиняет неудобств. Марсианская атмосфера разрежена, и в ней не бывает сильных ветров.

Но иногда, по непонятным причинам, хотя возможна связь с электронной бомбардировкой из космоса, пыль становится электрически заряженной, и каждая пылинка начинает отталкиваться от соседних. Даже без ветра пылинки стремятся взлететь. Каждый шаг поднимает облако пыли, которая не оседает, но остается взвешенной в воздухе.

Когда к этому добавляется ветер, есть все условия для настоящей пыльной бури. Пыль никогда не бывает такой густой, чтобы препятствовать зрению; опасность не в этом. Убивает всепроницаемость пыли.

Частицы пыли так малы, что проникают повсюду. Одежда их не задерживает; укрытие в скалах от них не спасает; даже маска, плотно прилегающая к лицу, не может помешать отдельным пылинкам проникнуть внутрь.

В разгар бури достаточно двух минут, чтобы появился невыносимый зуд, пять минут буквально ослепляют человека, а пятнадцать убивают его. Даже небольшая буря, которую человек просто не заметит, способна вызвать покраснение кожи, которое называется «пылевым ожогом».

Дэвид Старр знал все это и многое другое. Он чувствовал, что его кожа уже начала краснеть. Он непрерывно кашлял, но это не помогало ему прочистить горло. Он пытался держать рот плотно закрытым, выдыхая через самое маленькое отверстие, какое только мог создать, но пыль продолжала ползти внутрь, минуя губы. Скутер дергался, пыль подобралась и к его двигателю.

Глаза Дэвида вспухли и почти не открывались. Слезы собрались внутри маски и затуманили очки, впрочем, он все равно не мог ничего видеть.

Ничто не могло остановить крошечные пылинки, кроме герметического купола или корпуса пескохода. Ничто.

Ничто?

Испытывая сводящий с ума зуд, разрываясь от кашля, Дэвид напряженно думал о марсианах. Знали ли они о приближающейся буре? Могли ли знать? Отправили бы они его на поверхность, если бы знали? Из его мозга они должны были извлечь информацию, что для возвращения назад у него есть

только скутер. Они могли бы с легкостью перенести его к куполу, даже внутрь купола.

Они знали, что приближается буря. Дэвид вспомнил, как марсианин с глубоким голосом неожиданно принял решение вернуть его на поверхность, как будто торопился, чтобы буря застала Дэвида.

И все же последние слова... Слова, произнесенные женским голосом, которые он не слышал и которые, следовательно, специально были закреплены в его сознании, пока его выносило сквозь скалу на поверхность, — эти слова были: «Не бойся, Космический Рейнджер».

Только подумав об этом, Дэвид уже знал ответ. Одной рукой роясь в кармане, другой он ухватился за маску. Как только он приподнял ее, частично защищенные до тех пор нос и глаза получили свежую порцию обжигающей и раздражающей пыли.

Появилось непреодолимое желание чихнуть, но Дэвид подавил его. Невольный вдох наполнит легкие пылью. Само по себе это может быть смертельным.

Он достал из кармана полоску кисеи и, позволив ей обернуться вокруг его глаз и носа, снова надел маску.

Только теперь он чихнул. Это означало, что он вдохнул огромное количество бесполезных газов марсианской атмосферы, но пыль с ними не прошла. Часто и глубоко вдыхая, Дэвид старался захватить как можно больше кислорода, при выдохе выбрасывая изо рта пыль; время от времени он сознательно вдыхал через рот, чтобы предотвратить кислородное отравление.

Постепенно слезы вымыли пыль из глаз, новая не поступала, и Дэвид обнаружил, что может смотреть. Его тело было затянуто дымкой силового поля, и он знал, что верхняя часть его головы невидима в сиянии.

Молекулы воздуха свободно проходят через щит, но пылинки, как бы ни были они малы, все же для щита велики и задерживаются им. Дэвид видел этот процесс невооруженным глазом. Пылинка, достигнув щита, останавливалась, а энергия ее движения конвертировалась в свет, поэтому в каждом месте такого соприкосновения возникала крошечная вспышка. Все тело Дэвида было окружено фейерверком таких вспышек, тем более ярких, что пробивавшееся сквозь пыль красное и дымное солнце Марса оставляло поверхность в полутьме.

Дэвид хлопками очистил от пыли одежду. Пыль поднима-

лась клубами; она была слишком тонка, чтобы ее можно было увидеть, хотя щит не препятствовал этому. Пыль свободно уходила, а вернуться не могла. Постепенно Дэвид почти очистился. Он с сомнением взглянул на скутер и попытался завести его. В ответ послышался лишь краткий скрежещущий звук, затем тишина. Этого и следовало ожидать. В отличие от пескоходов, у скутеров двигатели не закрыты герметически.

Придется идти. Но эта мысль его уже не пугала. Купол фермы всего лишь в двух милях, а кислорода у него в изобилии. Об этом позаботились марсиане перед его возвращением.

Ему показалось, что теперь он понимает их. Они знали, что приближается буря. Может, даже сами ее вызвали. Было бы странно, если бы они, хорошо изучившие марсианскую атмосферу, обладающие столь развитой наукой, не постигли бы причин и механизмов пыльных бурь. Но, посылая его в самый центр бури, они снабдили его совершеннейшей защитой. Его не предупредили о предстоящем испытании и не рассказали, как пользоваться вуалью. Если он заслуживает их дара — силового защитного экрана, он сам позаботится о себе. Если же нет, он недостоин подарка.

Дэвид мрачно усмехнулся, морщась при этом от боли. Боль вызывал каждый шаг, когда одежда соприкасалась с воспаленными участками кожи. Марсиане холодно и без всяких эмоций рисковали его жизнью, но он почти согласился с ними. Он сообразил достаточно быстро, чтобы спастись, но он этим нисколько не гордился. Следовало бы вспомнить об их подарке гораздо раньше.

Силовое поле, окружавшее его, делало передвижение более легким. Он заметил, что поле покрывает и подошвы его сапог, так что они не соприкасались с марсианской поверхностью, а останавливались примерно в четверти дюйма над нею. Отталкивание от поверхности становилось эластичным, как будто он передвигался на множестве мелких стальных пружин. Это вместе с низкой силой тяжести позволяло ему преодолевать расстояние, отделявшее его от купола, гигантскими прыжками.

Он торопился. Больше всего в эти минуты он мечтал о горячей ванне.

К тому времени, как Дэвид добрался до входа в купол, буря уже кончалась и огненные вспышки, окружавшие его, превратились в отдельные искорки. Теперь можно было без опасения снять маску с глаз.

Когда Дэвида впустили, вначале все смотрели на него молча, затем послышались возгласы: все находившиеся на дежурстве фермеры окружили его.

— Летящий Юпитер, это Уильямс!

— Где ты был, парень?

— Что случилось?

Смешанные возгласы и одновременные вопросы заглушил резкий крик:

— Как ты прошел сквозь пыльную бурю?

Вопрос услышали все, наступило молчание.

Кто-то сказал:

— Посмотрите на его лицо. Оно похоже на очищенный помидор.

Конечно, это было преувеличением, но с достаточной долей правды, чтобы произвести впечатление на всех собравшихся. Дэвиду расстегнули воротник, плотно обхватывавший шею, чтобы предохранить от марсианского холода. Его усадили и вызвали Хеннеса.

Хеннес явился через десять минут, он соскочил со скутера и подошел с видом одновременно раздраженным и сердитым. Никакого облегчения при виде благополучно вернувшегося работника у него не было.

Он выпалил:

— Что все это значит, Уильямс?

Дэвид поднял глаза и холодно ответил:

— Я заблудился.

— Ты так это называешь? Исчез на два дня и просто заблудился? Как тебе это удалось?

— Я подумал, что немного пройдусь, но забрел слишком далеко.

— Ты решил глотнуть воздуха и две ночи бродил по Марсу? И хочешь, чтобы я этому поверил?

— Разве хоть один пескоход пропал?

Хеннес еще больше покраснел, и один из фермеров торопливо вмешался:

— Он не в себе, мистер Хеннес. Он был в пыльной буре.

Хеннес ответил:

— Не будь дураком. Если бы он был в пыльной буре, то не сидел бы здесь живым.

— Я знаю, — ответил фермер, — но посмотрите на него.

Хеннес посмотрел внимательней. Краснота обожженной кожи была так очевидна, что он не мог с этим не считаться.

— Ты был в буре?

— Боюсь, что так.

— Как тебе удалось выжить?

— Мне встретился человек, — ответил Дэвид. — Человек в дыме и свете. Пыль ему не мешала. Он называл себя Космическим Рейнджером.

Все придвинулись еще ближе. Хеннес яростно обернулся.

— Во имя космоса, убирайтесь отсюда! — взревел он. — За работу! А ты, Джоннитель, выведи пескоход.

Прошел почти час, прежде чем Дэвид добрался до горячей ванны. Хеннес никому не позволял приблизиться к нему. Снова и снова, шагая по своему кабинету, он неожиданно останавливался, яростно поворачивался и спрашивал:

— Что это за Космический Рейнджер? Где ты с ним встретился? Что он говорил? Что он делал? Что это за дым и свет?

На все это Дэвид лишь слегка качал головой и отвечал:

— Я решил пройтись. Заблудился. Человек, называющий себя Космическим Рейнджером, привел меня назад.

Наконец Хеннес сдался. Появился врач. Дэвид получил свою горячую ванну. Тело его смазали кремами, сделали инъекцию нужных гормонов. Он не мог избежать и укола сопорита. И уснул, прежде чем извлекли иглу.

Дэвид проснулся в лазарете на чистых прохладных простынях. Покраснение кожи заметно сошло. Он знал, что от него не отвяжутся, но теперь ждать оставалось уже недолго.

Он был уверен, что знает тайну пищевых отравлений, знает почти все. Недоставало только одного-двух звеньев и, конечно, улик.

Дэвид услышал у изголовья легкие шаги и еле заметно напрягся. Неужели все опять начинается? Так быстро? Но это оказался всего лишь Бенсон. С поджатыми пухлыми губами, с всклокоченными волосами, с обеспокоенным лицом он стоял над кроватью, держа в руках что-то похожее на старомодное ружье.

— Уильямс, вы не спите?

— Вы же видите, что нет.

Бенсон провел ладонью по вспотевшему лбу.

— Никто не знает, что я здесь. Мне не следует тут быть.

— Почему?

— Хеннес убежден, что вы связаны с пищевыми отравлениями. Он кричит об этом Макиану и мне. Утверждает, что вы были где-то и ничего не объясняете, выдумывая нелепые истории. Что бы я ни сделал, боюсь, вы в опасности.

— Что бы вы ни сделали? Вы не верите в мою виновность?

Бенсон наклонился, и Дэвид ощутил на своем лице его влажное дыхание:

— Не верю. Потому что считаю ваш рассказ правдой. Поэтому я и пришел сюда. Я должен расспросить вас об этом покрытом светом и дымом существе. Вы уверены, что это была не галлюцинация, Уильямс?

— Я видел его.

— А откуда вы знаете, что он человек? Он говорил по-английски?

— Он вообще не говорил, а по фигуре похож на человека. Вы думаете, это марсианин?

— Ах, — губы Бенсона дернулись в судорожной усмешке, — вы помните мою теорию. Да, я считаю, это был марсианин. Думайте, думайте! Они выходят на поверхность, и любая информация теперь чрезвычайно ценна. У нас так мало времени.

— Почему? — Дэвид приподнялся на локте.

— Конечно, вы не знаете, что произошло после вашего ухода, но, откровенно говоря, Уильямс, мы все в отчаянии. — Он протянул похожий на ружье предмет и спросил: — Вы знаете, что это такое?

— Я видел его у вас раньше.

— Это мой гарпун для забора образцов, мое собственное изобретение. Я беру его с собой, отправляясь в продовольственные склады города. Он выбрасывает маленькую пустую пульку на проволоке в, скажем, амбар с зерном. Через некоторое время после выстрела в передней части пульки открывается отверстие и полость заполняется зерном. После этого отверстие закрывается. Я вытаскиваю пульку и забираю образец. Изменяя время открывания отверстия, я могу брать образцы с любой глубины.

Дэвид сказал:

— Очень изобретательно, но зачем вы его принесли с собой?

— Потому что думаю, не выбросить ли его в мусор, после того как уйду от вас. Это мое единственное оружие против отравителей. И ничего хорошего оно мне не дало и определенно не даст в будущем.

— Что случилось? — Дэвид схватил Бенсона за плечо и крепко сжал. — Расскажите.

Бенсон поморщился от боли и начал говорить:

— Все члены фермерских синдикатов получили новые письма. Несомненно, что письма и отравления исходят от одних и тех же людей, вернее, существ. В письмах это признается.

— И что же в этих письмах?

Бенсон пожал плечами.

— Зачем вам подробности? Главное: от нас требуется полная капитуляция, иначе пищевые отравления возрастут тысячекратно. Я верю, что это может быть и будет сделано. В таком случае Землю, и Марс, и вообще всю Систему охватит паника. — Он встал. — Я говорил Хеннесу и Макиану, что верю вам, что Космический Рейнджер — ключ ко всему делу, но они не слушают меня. Хеннес, мне кажется, даже подозревает, что я с вами.

Казалось, что он полностью поглощен своими несчастьями.

Дэвид спросил:

— Сколько у нас времени, Бенсон?

— Два дня. Нет, это было вчера. У нас тридцать шесть часов.

Тридцать шесть часов!

Придется действовать быстро. Очень быстро. Но, может, он успеет. Сам не зная того, Бенсон дал Дэвиду недостающее звено для разгадки.

13. В ДЕЛО ВСТУПАЕТ СОВЕТ

Бенсон ушел минут через десять. Ничто из сказанного Дэвидом относительно его теорий о марсианах и отравлениях не удовлетворило агронома, и его обеспокоенность росла.

Внезапно он засобирался:

— Не хочу, чтобы меня застал Хеннес. Мы... немного повздорили.

— А как же Макиан? Он ведь на нашей стороне?

— Не знаю. Через два дня он будет разорен. Думаю, что он

не сможет противостоять Хеннесу. Мне лучше уйти. Если придумаете что-нибудь — что угодно, — дайте мне знать.

Он протянул руку. Дэвид быстро пожал ее, и Бенсон исчез.

Дэвид сел в постели. С самого утра его тоже не отпускало, возрастая с каждой минутой, чувство острого беспокойства. Одежда его была брошена на стул в другом конце комнаты. Сапоги стояли у кровати. Он не решился осматривать их в присутствии Бенсона, не осмелился даже взглянуть на них.

«Может быть, — без всякой надежды подумал он, — их не стали обыскивать». Сапоги фермера священны. Украсть у фермера сапоги, как и украсть пескоход в пустыне, — непростительное преступление. Когда фермер умирал, сапоги погребали вместе с ним, и их содержимое не трогали.

Дэвид порылся во внутренних карманах каждого сапога по очереди, но пальцы его встретили пустоту. В одном из карманов перед уходом был носовой платок, в другом — несколько мелких монет; они исчезли. Несомненно, его одежду тоже обыскали; этого он ожидал. Но, может, шов на сапогах не стали проверять? С замиранием сердца Дэвид сунул пальцы в открывшуюся щель одного из сапог. Мягкая кожа достигла подмышки и смялась, когда Дэвид просунул руку до самого носка. Какое огромное облегчение испытал он, когда ощутил мягкое прикосновение кисеи марсианской маски!

Вчера он не предвидел укол сопорита, но на всякий случай перед ванной спрятал маску туда. Редкая удача, что его сапоги не осмотрели более тщательно. Придется впоследствии быть осторожнее.

Он сунул маску в боковой карман сапога и застегнул его. Сапоги были начищены во время его сна, это хорошо само по себе и показывает то почти инстинктивное уважение, которое оказывают фермеры сапогам, кому бы они ни принадлежали.

Его одежда также была вычищена. Ее блестящий пластик блестел, как новый. Карманы, конечно, были пусты, но все их содержимое было свалено беспорядочной кучкой на стуле под одеждой. Дэвид разобрал эту кучку. Кажется, ничего не пропало. Даже носовой платок и монеты из карманов сапог здесь. Он надел белье, носки, комбинезон и наконец сапоги. Он уже застегивал пояс, когда в комнату вошел рыжебородый фермер.

Дэвид поднял голову и холодно спросил:

— Что тебе нужно, Зукис?

— Куда это ты собрался, землянин? — бросил рыжебородый.

Его маленькие глаза злобно горели, и Дэвиду показалось, что выражение лица фермера было таким же, как в день их первой встречи. Дэвид вспомнил пескоход Хеннеса возле бюро, вспомнил, как садился в него, вспомнил бородатое сердитое лицо и оружие, выстрелившее прежде, чем он смог защититься.

— Туда, куда не требуется твое разрешение, — ответил Дэвид.

— Неужели? Ошибаешься, мистер, придется тебе остаться здесь. Приказ Хеннеса. — Зукис своим телом преграждал выход. Два бластера нарочито заметно свисали с его пояса по бокам.

Зукис ждал. Затем его неопрятная борода разделилась надвое, он улыбнулся, обнажив желтые зубы, и сказал:

— Подумай, может, изменишь свое решение?

— Может, — ответил Дэвид. И добавил: — Кое-кто заходил ко мне только что. Как это случилось? Разве ты не сторожил?

— Заткнись, — рявкнул Зукис.

— Или тебе заплатили, чтобы ты немного отвлекся? Хеннесу это не понравится.

Зукис плюнул, но промахнулся, на полдюйма не достав сапог Дэвида.

Дэвид спросил:

— Хочешь снять бластеры и попробовать снова?

— Следи за собой, если хочешь жить, — ответил Зукис и вышел, закрыв за собой дверь. Через несколько минут послышался звон металла и дверь снова открылась. Зукис принес поднос. На нем была желтая каша и что-то зеленое, растительное.

— Овощной салат, — сказал Зукис. — С тебя хватит.

Грязный большой палец придерживал край подноса. Другой край подноса помещался на тыльной стороне ладони, так что рука фермера не была видна.

Дэвид выпрямился, отпрыгнул в сторону и упал на матрац. Зукис, застигнутый врасплох, в тревоге обернулся, и Дэвид, используя пружины матраца как дополнительный ускоритель, прыгнул на него.

Они тяжело столкнулись, одной рукой Дэвид вырвал у противника поднос, а другой схватил его за бороду.

Зукис упал и хрипло заорал. Сапог Дэвида опустился ему на руку, ту самую, что скрывалась под подносом. Крик перешел в вопль боли, пальцы разжались, выпустив взведенный бластер.

Отпустив бороду, Дэвид успел перехватить другую руку фермера, устремившуюся ко второму бластеру. Дэвид резко дернул ее, повернул и прижал к груди Зукиса. Потом потянул.

— Тише, — сказал он, — иначе я вырву тебе руку.

Зукис подчинился. Глаза его выкатились из орбит, влажное дыхание вырывалось с шумом.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Зачем ты прятал бластер под подносом?

— Чтобы защищаться. На тот случай, если ты набросишься на меня, а мои руки будут заняты.

— Почему же ты не попросил кого-нибудь войти с тобой и прикрыть тебя?

— Я об этом не подумал, — взвыл Зукис.

Дэвид чуть сильнее прижал его руку, и рот Зукиса скривился от боли.

— А не расскажешь ли правду, Зукис?

— Я... я должен был убить тебя.

— А что ты сказал бы Макиану?

— Что ты... пытался сбежать.

— Твоя собственная идея?

— Нет, Хеннеса. Это дело Хеннеса. Я только выполнял приказ.

Дэвид отпустил его руку, поднял с пола один бластер, второй достал из кобуры.

— Вставай.

Зукис перевалился на бок, застонал, прижав к груди руку, которую Дэвид чуть не вырвал из плеча.

— Что ты будешь делать? Ты ведь не станешь стрелять в невооруженного человека?

— А ты не стал бы?

Неожиданно раздался новый голос:

— Опустите оружие, Уильямс, — произнес он.

Дэвид быстро обернулся. В дверях стоял Хеннес, направив на него бластер. За ним Макиан, с бледным напряженным лицом. Глаза Хеннеса ясно показывали его намерения, бластер не дрожал.

Дэвид отбросил бластеры, которые только что отобрал у Зукиса.

— Подтолкните их ко мне.

Дэвид повиновался.

— Хорошо. Что случилось?

Дэвид ответил:

— Вы знаете, что случилось. Зукис пытался убить меня по вашему приказу, но я при этом не сидел спокойно.

Зукис затараторил:

— Нет, сэр, мистер Хеннес. Нет, сэр. Ничего подобного. Я принес ему еду, когда он прыгнул на меня. Мои руки были заняты подносом, я не мог защититься.

— Замолчи, — презрительно оборвал Хеннес. — Тобой мы займемся позже. Убирайся отсюда и через секунду возвращайся с наручниками.

Зукис поднялся.

— А зачем наручники? — спросил Макиан.

— Этот человек — опасный обманщик, мистер Макиан. Помните, я привел его, потому что он как будто знал о пищевых отравлениях?

— Да. Да, конечно.

— Он рассказал о своей младшей сестре, отравившейся марсианским джемом, помните? Я проверил его рассказ. Не слишком много людей умерло пока таким образом. Чуть меньше двухсот пятидесяти. Легко было проверить всех, и я это сделал. Среди них не было двенадцатилетней девочки, у которой был бы брат в возрасте Уильямса и которая умерла бы, поев марсианского джема.

Макиан удивился.

— И давно вы об этом знаете, Хеннес?

— Знал почти сразу после его появления. Но пока ничего не предпринимал. Хотел узнать, зачем он явился. Я приставил к нему Гризволда, чтобы тот за ним следил...

— Чтобы он меня убил, — прервал Дэвид.

— Да, вы будете так утверждать, потому что сами убили Гризволда, заподозрив его. — Хеннес повернулся к Макиану. — Потом он умудрился втереться в доверие к этому мягкоголовому простофиле Бенсону, чтобы следить за нашим продвижением в расследовании отравлений. И вот последнее. Три дня назад он исчез из купола и не объясняет зачем. Хотите знать зачем? Он докладывал нанявшим его людям — тем, что стоят за всем этим. Не может быть простым совпадением, что ультиматум пришел как раз тогда, когда его не было.

— А где были вы? — вдруг спросил Дэвид — Перестали

следить за мной после смерти Гризволда? Если знали, чем я занят, почему не послали на поиски отряд?

Макиан удивился и начал:

— Ну...

Но Дэвид прервал его:

— Позвольте мне закончить, мистер Макиан. Я думаю, Хеннеса тоже не было в куполе в ту ночь, когда я ушел, и два последующих дня тоже. Где вы были, Хеннес?

Хеннес шагнул вперед, рот его дергался. Дэвид поднес к лицу сжатую в руке маску. Он не верил, что Хеннес выстрелит, но готов был использовать ее.

Макиан положил руку на плечо Хеннеса.

— Передадим его Совету.

Дэвид быстро спросил:

— При чем тут Совет?

— Не ваше дело! — рявкнул Хеннес.

Зукис вернулся с наручниками. Это были пластмассовые прутья, которые легко гнулись в любом направлении, а приняв нужную форму, застывали. Они были бесконечно прочнее веревок или даже обычных металлических наручников.

— Вытяните руки, — приказал Хеннес.

Дэвид молча повиновался. Наручники дважды обернули вокруг его рук. Зукис с усмешкой сильно затянул их, потом выдернул стержень, что вызывало мгновенную перегруппировку молекул и затвердение прутьев. При этом выделялось немало энергии, наручники нагрелись. Еще один прут стянул ноги Дэвида.

Дэвид спокойно сел на кровать. В одной руке он по-прежнему сжимал свою маску. Замечание Макиана о Совете показало Дэвиду, что он недолго будет оставаться в заключении. А пока пусть события развиваются.

Он снова спросил:

— Так при чем тут Совет?

Но можно было и не спрашивать. Снаружи послышался шум, и в комнату с воплем стремительно влетел человек:

— Где Уильямс?

Это был сам Верзила, большой, как жизнь, которая, впрочем, не так уж и велика. Он не обратил внимания ни на кого, кроме сидящего Дэвида. Заговорил быстро, прерывисто:

— Я ничего не знал о пыльной буре, пока не оказался в куполе. Кипящий Церес, тебя должно было поджарить! Как ты

выкарабкался? Я... я... — И тут вдруг он заметил положение Дэвида и в ярости обернулся: — Кто это, во имя космоса, его связал?

К этому моменту Хеннес пришел в себя. Он схватил Верзилу за воротник комбинезона и грубо дернул, так что чуть не поднял его маленькое тело:

— Я говорил тебе, слизняк, что случится, если снова поймаю тебя здесь!

Верзила закричал:

— Отпусти, мягкоротый подонок! Я имею право находиться здесь. Даю тебе полторы секунды, или будешь отвечать перед Советом Науки.

— Ради Марса, Хеннес, отпустите его, — попросил Макиан.

Хеннес выпустил воротник:

— Убирайся отсюда!

— Ни за что в жизни. Я уполномоченный представитель Совета. Прибыл вместе с доктором Сильверсом. Спросите его.

И он указал на высокого худого человека, показавшегося в двери. Имя подходило ему[1] — волосы его были серебристо-белыми и усы — того же цвета.

— Если позволите, — сказал доктор Сильверс, — я принимаю на себя руководство. Правительство в Интернациональном Городе объявило чрезвычайное положение, и с этого момента все фермы находятся под контролем Совета Науки. Я сам буду контролировать ферму Макиана.

— Я ожидал чего-нибудь подобного, — с несчастным видом пробормотал Макиан.

— Снимите наручники с этого человека, — приказал доктор Сильверс.

— Он опасен, — возразил Хеннес.

— Ответственность беру на себя.

Верзила подскочил и щелкнул каблуками.

— С дороги, Хеннес.

Хеннес побледнел от гнева, но не сказал ни слова.

Спустя три часа доктор Сильверс снова встретился с Макианом и Хеннесом в личных помещениях Макиана. Он сказал:

[1]Silver по-английски — серебряный. *(Прим. перев.)*

— Мне нужны данные о продукции фермы за шесть последних месяцев. Я хочу встретиться с вашим доктором Бенсоном в связи с его попытками раскрыть тайну пищевых отравлений. У нас шесть недель для решения проблемы. Не больше.

— Шесть недель? — взорвался Хеннес. — Вы хотите сказать «один день».

— Нет, сэр. Если до окончания срока ультиматума у нас не будет ответа, весь экспорт продовольствия с Марса прекращается. Мы не сдадимся, пока остается хоть один шанс.

— Клянусь космосом! — сказал Хеннес. — Земля умрет с голода.

— Не за шесть недель, — ответил доктор Сильверс. — На это время с введением регулирования запасов хватит.

— Будет паника, бунты, — сказал Хеннес.

— Верно, — мрачно согласился доктор Сильверс. — Это будет не совсем приятно.

— Вы уничтожите фермерские синдикаты, — простонал Макиан.

— Они в любом случае будут уничтожены. Доктора Бенсона я хочу увидеть сегодня вечером. Завтра в полдень у нас будет четырехстороннее совещание. Завтра в полночь, если к тому времени на Марсе и в Центральной лаборатории на Луне ничего не будет найдено, эмбарго вступает в силу, и начнутся приготовления к всемарсианской конференции представителей синдикатов.

— А это зачем? — спросил Хеннес.

— У нас есть основания полагать, что тот, кто скрывается за этим безумным преступлением, тесно связан с фермами, — ответил доктор Сильверс. — Преступники слишком много знают о фермах.

— А как насчет Уильямса?

— Я допросил его. Он подтверждает свой рассказ. Согласен, достаточно странный. Я отправил его в город, там его будут допрашивать подробнее; если необходимо, под гипнозом.

Прозвучал входной сигнал.

— Откройте дверь, мистер Макиан, — сказал доктор Сильверс.

Макиан повиновался, как будто не был владельцем крупнейшей фермы на Марсе и тем самым одним из самых богатых и влиятельных людей Солнечной системы.

Вошел Верзила. Он вызывающе посмотрел на Хеннеса. Потом доложил:

— Уильямс в пескоходе под охраной направляется в город.

— Хорошо, — ответил доктор Сильверс, поджав тонкие губы.

В миле от купола фермы пескоход остановился. Дэвид Старр, в обычной маске, вышел из него. Помахал водителю, который высунулся и сказал:

— Помните! Выход номер семь! Там вас впустят.

Дэвид улыбнулся и кивнул. Он посмотрел вслед пескоходу, направляющемуся в город, и повернул обратно на ферму.

Конечно, люди Совета здорово помогли ему. Они помогли ему в маскировке: он открыто уехал и тайком возвращается, но никто, даже доктор Сильверс, не знает, зачем ему это нужно.

Все звенья загадки на месте, но нужны еще доказательства.

14. «Я КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙНДЖЕР!»

Усталый и злой, Хеннес вошел в свою спальню. Усталость объяснялась просто: было уже три часа ночи. За последние двое суток он почти не спал, а последние шесть месяцев жил в постоянном напряжении. Но он считал необходимым присутствовать на встрече этого доктора Сильверса из Совета с Бенсоном.

Доктору Сильверсу это не понравилось. А вот и причина гнева, который охватил Хеннеса. Доктор Сильверс! Самоуверенный старик явился из города и считает, что за сутки доберется до истины, тогда как наука всей Земли и всего Марса месяцами безрезультатно бьется над нею. Хеннес сердился и на Макиана, который размяк, как хорошо смазанные сапоги, и превратился в лакея этого белоголового дурака. Макиан! Два десятилетия он был легендой и самым жестким владельцем крупнейшей фермы Марса.

А тут еще Бенсон с его вмешательством! Хеннес так хорошо придумал, как устранить этого новичка Уильямса самым быстрым и легким способом. Плюс Гризволд и Зукис, слишком тупые, чтобы выполнить все необходимое и преодолеть мягкость Макиана и сентиментальность Бенсона.

Хеннес ненадолго задумался, не принять ли таблетку сопо-

рита. Ему нужно выспаться, чтобы быть в форме на следующий день, а гнев может не дать ему уснуть.

Он покачал головой. Нет. Он не может рисковать: самые главные события могут произойти ночью, а он будет в одурманенном состоянии.

В качестве компромисса он защелкнул магнитный замок. И даже толкнул дверь, чтобы убедиться, что он действует. В мужской и неформальной атмосфере марсианских ферм двери почти никогда не запирались, и бывало, что изоляция протиралась и замки выходили из строя, но никто годами этого не замечал. Его собственная дверь, насколько он помнил, не запиралась ни разу с того времени, как он приступил к работе.

Замок в порядке. Дверь даже не дрогнула, когда он потянул ее. С этим все.

Он тяжело вздохнул, сел на кровать и снял сапоги, сначала один, потом другой. Устало потер ноги, снова вздохнул и застыл от неожиданности, но тут же сунул руку под подушку, даже не осознавая своего движения.

На лице его застыло изумление. Не может быть. Не может быть! Значит, глупый рассказ Уильямса — правда? Значит, нелепые теории Бенсона о марсианах в конце концов не совсем...

Нет, он отказывается верить. Скорее кто-то решил подшутить над ним.

Но темнота комнаты была освещена холодным голубовато-белым сиянием без всякого блеска. В этом свете стали видны кровать, стены, кресло, шкаф и даже сапоги, которые он только что снял. И еще — похожее на человека существо, голова которого была озарена свечением, скрывавшим черты лица; можно было различить лишь нечто вроде дымчатого облачка.

Хеннес почувствовал, что прижимается спиной к стене. Он и не заметил, что так отодвинулся.

Послышался глухой и гулкий голос:

— Я Космический Рейнджер!

Хеннес выпрямился. Преодолев оцепенение, он заставил себя успокоиться и спросил твердым голосом:

— Что тебе нужно?

Космический Рейнджер ничего не ответил и даже не пошевелился, а Хеннес не мог оторвать от него глаз.

Управляющий ждал, грудь его вздымалась, но существо из дыма и света было неподвижно. Вероятно, это робот, запро-

граммированный только на одну фразу. На мгновение Хеннес задумался над этой мыслью и тут же ее отбросил. Он стоял рядом с ящиком бюро и, несмотря на свое состояние, не забыл об этом. Рука его медленно потянулась к ящику.

Его движения были хорошо различимы в свете, исходившем от призрака, но тот не обратил на него внимания. Рука Хеннеса в якобы невинном жесте опустилась на поверхность бюро. Робот, марсианин, человек, кто бы он ни был, не знает секрета бюро. Он спрятался в его комнате, но комнату не обыскивал. А если и сделал это, то чрезвычайно искусно, потому что взгляд Хеннеса не обнаружил в комнате ничего необычного; все стоит на своих местах и нет ничего лишнего, кроме самого Космического Рейнджера.

Пальцы Хеннеса коснулись незаметного углубления в крышке бюро. Механизм самый обычный, и мало у кого из управляющих на Марсе его нет. Старомодный, как старомодно и само деревянное бюро — эта традиция восходит к далеким дням беззакония первых поселенцев Марса, но традиции умирают с трудом. Углубление чуть сдвинулось, и в стенке бюро открылся тайник. Хеннес был готов к этому, рука его метнулась к бластеру, лежащему в тайнике.

Теперь бластер был нацелен на существо, которое за все это время так и не шевельнулось. Его руки, или то, что должно было ими служить, свисали неподвижно.

Хеннес чувствовал, как к нему возвращается уверенность. Робот, марсианин, человек — противостоять бластеру он не сможет. Оружие маленькое, и выбрасываемый им снаряд ничтожен по размеру. Металлические пули старых «ружей» по сравнению с ним настоящие скалы. Но выстрел из бластера гораздо смертоноснее. Как только его снаряд запущен, любое препятствие детонирует крохотный атомный взрыватель, который превращает часть его массы в энергию, и в этом превращении препятствие — скала, металл, человеческая плоть — исчезает в сопровождении негромкого звука, как будто потерли пальцем о резину.

Хеннес тоном, в котором звучала угроза, не меньшая, чем в его грозном оружии, спросил:

— Кто ты? Что тебе нужно?

Привидение медленно повторило:

— Я Космический Рейнджер!

Губы Хеннеса изогнулись в жестокой ярости, и он выстрелил.

Снаряд покинул ствол, понесся к привидению, достиг его и был остановлен. Был остановлен мгновенно, не дойдя четверти дюйма до тела. Даже сотрясение от этого удара не прошло через барьер силового поля, которое поглотило всю энергию движения, превратив ее в свет.

Но этот свет не был заметен. Его затмило яркое свечение взорвавшегося снаряда. Снаряд превратился в энергию, но так как при остановке не встретился с материальным препятствием, которое могло бы поглотить вспышку, на кратчайшую долю секунды в комнате как будто вспыхнуло солнце размером с булавочную головку.

Хеннес с громким криком закрыл глаза руками, будто пытался защитить их от физического удара. Но было слишком поздно. Несколько минут спустя, когда он решился отвести руки, его горящие, воспаленные глаза ничего не увидели. Он открывал и закрывал их, но перед ним плыла лишь чернота с мерцающими красными пятнами. Он не видел, как Космический Рейнджер мгновенно метнулся к его сапогам, обыскал их внутренние карманы, открыл магнитный замок двери и исчез за несколько секунд до того, как собралась неизбежная толпа и послышались тревожные возгласы.

Хеннес услышал голоса. Все еще закрывая рукой глаза, он закричал:

— Хватайте его! Хватайте! Он в комнате. Задержите его, проклятые марсианские трусы!

— В комнате никого нет, — отозвалось с полдюжины голосов, а кто-то добавил: — Пахнет выстрелом из бластера.

Твердый, более властный голос произнес:

— Что случилось, Хеннес?

Это был доктор Сильверс.

— Вторжение, — ответил Хеннес, дрожа от гнева и раздражения. — Никто его не видел? Что это с вами? Вы... — но не смог произнести больше ни слова. Мигающие глаза его слезились, смутный свет снова начал поступать в них. Он чуть не сказал: «Вы что, ослепли?»

Сильверс опять спросил:

— Кто вторгся? Можете его описать?

Но Хеннес лишь беспомощно покачал головой. Как он может объяснить? Рассказать о кошмаре из дыма, который говорил и которому бластер не причинил никакого вреда, а ослепил выстрелившего человека?

Доктор Сильверс вернулся в свою комнату в унылом на-

строении. Тревога, прогнавшая его из комнаты во время подготовки ко сну, бесцельная беготня людей, отсутствие объяснений со стороны Хеннеса — все это лишь булавочные уколы. Он с беспокойством думал о завтрашнем дне.

Он не верил в победу, в эффективность эмбарго. Снабжение продовольствием прекратится. На Земле кое-кто узнает или, что еще хуже, придумает для этого причину, и результаты будут ужаснее самого массового отравления.

Дэвид Старр полон уверенности, но пока его действия ничего не дали. Рассказ о Космическом Рейнджере — плохая выдумка, способная лишь возбудить подозрение таких людей, как Хеннес; она чуть не привела его к смерти. Молодому человеку повезло, что он, Сильверс, прибыл вовремя. Дэвид не потрудился объяснить, зачем ему понадобилась эта выдумка. Он только сказал, что должен уехать в город и тайно вернуться. Когда доктор Сильверс получил первое послание Старра — его доставил этот малыш, зовущий себя, вопреки очевидному, Верзилой, — он связался со штаб-квартирой Совета на Земле. И ему приказали выполнять все распоряжения Дэвида Старра.

Но как такой молодой человек...

Доктор Сильверс остановился. Странно! Дверь в его комнату, которую он в спешке оставил открытой, открыта попрежнему, но внутри не горит свет. Однако он его не выключил уходя. Он хорошо помнит, что свет оставался гореть, когда он торопливо устремился по коридору к лестнице.

Неужели кто-то выключил свет в странном порыве экономии? Вряд ли.

Внутри тихо. Сильверс извлек бластер, распахнул шире дверь и твердо направился к тому месту, где находился выключатель.

Чья-то рука зажала ему рот.

Он попытался вырваться, но рука была большой и мускулистой, а голос показался ему знакомым.

— Все в порядке, доктор Сильверс. Я просто не хотел, чтобы вы от удивления вскрикнули.

Руку отняли. Доктор Сильверс спросил:

— Старр?

— Да. Закройте дверь. Ваша комната будет для меня лучшим укрытием, пока идут поиски. Во всяком случае, я должен поговорить с вами. Хеннес рассказал, что случилось?

— В сущности, нет. Вы с этим связаны?

Улыбка Дэвида в темноте была не видна.

— Некоторым образом, доктор Сильверс. Хеннеса навестил Космический Рейнджер, и в суматохе я сумел незаметно пробраться в вашу комнату.

Вопреки самому себе старый ученый повысил голос:

— О чем это вы говорите? Я не в настроении шутить.

— Я не шучу. Космический Рейнджер существует.

— Этого не может быть. Ваш рассказ не произвел впечатления на Хеннеса, а я заслуживаю правды.

— Теперь, я уверен, на Хеннеса он подействовал, а завтра и вы узнаете истину. Тем временем послушайте. Космический Рейнджер, как я сказал, существует, и на него наша надежда. Мы участвуем в рискованной игре, и, хотя я знаю, кто стоит за отравлениями, это знание может оказаться бесполезным. Нам противостоят не один-два преступника, намеренных при помощи шантажа заработать несколько миллионов, а организованная группа, стремящаяся к захвату власти во всей Солнечной системе. Даже если мы арестуем лидеров, я уверен, деятельность группы будет продолжаться, если только мы не узнаем о ней все подробности.

— Укажите мне лидера, — мрачно сказал доктор Сильверс, — и Совет узнает все подробности.

— Не будем торопиться, — так же мрачно ответил Дэвид. — Мы должны получить ответ, окончательный ответ за двадцать четыре часа. После этого срока, даже если мы победим, победа не остановит смерти миллионов на Земле.

Доктор Сильверс спросил:

— Что в таком случае вы намерены делать?

— Теоретически, — ответил Дэвид, — я знаю отравителя и способ, которым производились отравления. Но для того, чтобы у преступника не было возможности отрицать свою вину, я должен иметь вещественные доказательства. Мы их получим до наступления вечера. Но даже тогда, чтобы получить от него полную информацию, мы должны совершенно сломить противника морально. Здесь мы используем Космического Рейнджера. Да, собственно, он уже начал действовать.

— Опять этот Космический Рейнджер. Вы околдованы им. Если он существует, если это не ваша выдумка, жертвой которой должен стать и я, кто он или что он? Откуда вы знаете, что он вас не обманет?

— Не могу объяснить подробностей. Знаю только, что он

на стороне человечества. Верю ему, как самому себе, и принимаю на себя всю ответственность за него. Вы должны действовать в соответствии с моими указаниями, доктор Сильверс, иначе, вынужден сообщить, мы обойдемся без вас. Игра настолько важна, что даже вы не можете встать на моем пути.

Невозможно было ошибиться в его твердой решимости. Доктор Сильверс в темноте не видел выражения лица Дэвида, но ему этого и не было нужно.

— Что я должен сделать?

— Завтра в полдень вы встречаетесь с Макианом, Хеннесом и Бенсоном. В качестве личного телохранителя возьмите с собой Верзилу. Он мал ростом, но быстр и бесстрашен. Пусть центральное здание охраняют люди Совета, они должны быть вооружены магазинными бластерами и газовыми пулями — на всякий случай. Теперь запомните: между пятнадцатью минутами первого и половиной уберите охрану и наблюдение с заднего входа в здание. Я гарантирую безопасность. И не удивляйтесь, что бы потом ни произошло.

— Вы там будете?

— Нет. В моем присутствии нет необходимости.

— И что же?

— Вас посетит Космический Рейнджер. Он знает все, что знаю я, а его обвинения для преступников прозвучат убедительнее.

Вопреки себе, доктор Сильверс почувствовал прилив надежды.

— Вы думаете, нам удастся?

Наступила длинная пауза. Потом Дэвид Старр сказал:

— Откуда мне знать? Я только надеюсь.

Еще одна пауза. Доктор Сильверс почувствовал сквознячок: открылась дверь. Он повернул выключатель. Комнату залил свет, но Дэвида в ней уже не было.

15. В ДЕЛО ВСТУПАЕТ КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙНДЖЕР

Дэвид Старр действовал как мог быстро. От ночи осталось совсем немного. Напряжение и возбуждение отходили, и он начинал чувствовать усталость, которую отказывался признавать часами.

Его маленький карманный фонарик светил тут и там. Дэвид от всей души надеялся, что то, что он ищет, не находится под дополнительными запорами. Если же дело обстоит именно так, то он вынужден будет использовать силу, а ему не хотелось привлекать к себе внимания. Сейфа не видно, и ничего, что могло бы выполнять его роль, — тоже. Это и хорошо и плохо. Предмет его поисков должен быть легко досягаем, но в то же время его может совсем и не быть в комнате.

Жаль, особенно после того, как он с таким трудом раздобыл ключи от этой комнаты. Хеннес не скоро оправится после выстрела в Космического Рейнджера.

Дэвид улыбнулся. Вначале он удивился почти так же, как Хеннес. Слова «Я Космический Рейнджер» были первыми словами, которые он произнес сквозь силовой барьер со времени возвращения из марсианских пещер. Он не помнил, как там звучал его голос. Возможно, он вообще и не слышал его. Возможно, под влиянием марсиан он просто воспринимал свои мысли, как и их мысли.

Здесь, на поверхности, звук собственного голоса поразил его. Он совершенно не ожидал такой пустоты и гулкой глубины. Конечно, он тут же пришел в себя и все понял. Хотя его щит пропускал молекулы воздуха, вероятно, он снижал скорость их движения. И это вмешательство, естественно, отражалось на звуковых волнах.

Дэвид не сожалел об этом. Голос тоже помогал ему.

Щит хорошо сработал против бластера. Вспышка не была поглощена полностью: он ясно ее видел. Но эффект по отношению к нему был ничтожен, если сравнить с Хеннесом. Методично, продолжая размышлять обо всех этих вещах, он осматривал полки и ящики.

Свет фонаря застыл. Дэвид отодвинул все лишнее и извлек небольшой металлический предмет. Он поворачивал его, рассматривая в слабом свете. Нажимал небольшую кнопку, которая приводила объект в разные положения, и смотрел, что получается.

Сердце его билось учащенно.

Вот последнее доказательство. Доказательство правоты всех его рассуждений — рассуждений, которые казались такими основательными и полными, но под которыми не было ничего, кроме логики. Но теперь логику подтверждало нечто сделанное из молекул, нечто такое, что можно потрогать.

Он положил находку в карман сапога, рядом с марсианской маской и ключами, взятыми у Хеннеса. Закрыл за собой дверь и вышел. Купол над головой начал заметно сереть. Скоро вспыхнет главное освещение, и день официально начнется. Последний день — либо для отравителей, либо для всей земной цивилизации.

А пока у него есть возможность немного поспать.

Ферма Макиана застыла в морозном спокойствии. Мало кто из фермеров даже догадывался о разворачивающихся событиях. Было ясно, что происходит нечто серьезное, но более ничего угадать было невозможно. Некоторые шептали, что Макиан был уличен в серьезных финансовых злоупотреблениях, но никто в это не верил.

Зачем было бы по такому поводу посылать армию?

Сжимая в руках магазинные бластеры, жестколицые люди в мундирах окружили центральное здание фермы. На крыше установили два артиллерийских орудия. И все вокруг здания опустело. Все фермеры, кроме тех, кто должен был поддерживать функционирование жизнеобеспечивающего оборудования, были удалены в казармы. Немногим оставшимся было строго приказано заниматься только своей работой.

Ровно в 12.15 два человека, охранявшие задний вход в здание, разделились, разошлись в разные стороны и исчезли, оставив вход без охраны. В 12.30 они вернулись и заняли свои посты. Один из артиллеристов впоследствии утверждал, что видел, как в этот интервал кто-то входил в здание. Он признавал, что видел входящего только мгновение, да и вообще его рассказ не имел смысла, так как он утверждал, что это был человек, охваченный огнем.

Ему никто не поверил.

Доктор Сильверс ни в чем не был уверен. Вообще ни в чем. Он не знал, с чего начать встречу. Взглянул на остальных четырех сидевших за столом.

Макиан. Выглядит так, будто не спал целую неделю. Вероятно, так оно и есть. Пока что он не произнес ни слова. Сильверс засомневался, полностью ли Макиан осознает окружающее.

Хеннес. В темных очках. На мгновение он их снял, и глаза его оказались воспаленными и злыми. Теперь он сидит, что-то бормоча про себя.

Бенсон. Тихий и удрученный. Накануне доктор Сильверс провел с ним несколько часов и не сомневался, что неудача в исследованиях для Бенсона — большое горе. Он рассуждал о марсианах, природных марсианах, как о причине отравлений, но Сильверс не воспринимал этого всерьез.

Верзила. Единственный человек, чувствующий себя вполне счастливым. Разумеется, он понимает суть кризиса лишь частично. Вот он откинулся в кресле, очевидно польщенный, что находится рядом с такими значительными лицами, и наслаждается своей ролью.

И еще одно кресло поставил к столу Сильверс. Оно стояло пустое и ожидающее. Никто ничего не сказал по этому поводу.

Доктор Сильверс кое-как поддерживал разговор, делая какие-то незначительные замечания. Как и пустое кресло, он ждал.

В 12.16 Сильверс поднял голову и медленно встал не в состоянии произнести ни слова. Верзила оттолкнул свой стул назад и присел, как бы собираясь прыгнуть. Голова Хеннеса резко дернулась, побелевшие пальцы судорожно сжали край стола. Бенсон огляделся и всхлипнул. Но Макиан, казалось, вовсе не был потрясен. Он поднял голову и, очевидно, принял увиденное за еще один странный элемент мира, который он вдруг перестал понимать.

Фигура у входа произнесла:

— Я Космический Рейнджер.

Яркий свет в комнате частично приглушил окружавшее его сияние, дым, окружающий его голову, стал более заметным, чем ночью, когда его видел Хеннес.

Космический Рейнджер вошел. Почти автоматически все отодвинулись, так что пустое кресло оказалось в одиночестве. Космический Рейнджер сел, лицо его было невидимо, руки он вытянул вперед и положил на стол, но они на него не легли. Между столом и руками сохранялось с четверть дюйма пустоты.

Космический Рейнджер сказал:

— Я пришел поговорить с преступниками.

Последующее гнетущее молчание нарушил Хеннес. Его голос был полон яда:

— Вы имеете в виду воров?

Он поднял руку к темным очкам, но не снял их. Пальцы его заметно дрожали.

Ответ Космического Рейнджера прозвучал медленно и глухо.

— Да, я вор. Вот ключи, которые я взял из ваших сапог. Мне они больше не нужны.

Металлические ключи ударились о стол рядом с Хеннесом. Тот не взял их.

Космический Рейнджер продолжал:

— Но воровство должно было предотвратить гораздо большее преступление. Например, преступление доверенного управляющего, который проводил ночи в Винград-сити в поисках отравителей.

Лицо Верзилы радостно осветилось.

— Эй, Хеннес, — воскликнул он, — похоже, вас сопровождали.

Но Хеннес слышал и видел только привидение через стол от себя.

— В чем же здесь преступление? — спросил он.

— Преступление, — сказал Космический Рейнджер, — в быстром полете в сторону астероидов.

— Почему? Зачем?

— Разве не из астероидов пришел ультиматум отравителей?

— Вы обвиняете меня в том, что я стою за отравлениями? Я отрицаю это. Где ваши доказательства? Если, конечно, вы считаете, что нужны доказательства. Может, вы думаете, что ваш маскарад заставит меня согласиться на ложь?

— Где вы были двое суток до поступления ультиматума?

— Не буду отвечать. Я отрицаю ваше право допрашивать меня.

— Тогда я отвечу за вас. Механизм отравления находится в астероидах, на старой пиратской базе. А мозг всей организации здесь, на ферме Макиана.

Тут Макиан с трудом встал, рот его кривился.

Космический Рейнджер взмахом дымной руки усадил его и продолжал:

— Вы, Хеннес, связник.

Теперь Хеннес снял очки. Его пухлое гладкое лицо с воспаленными глазами застыло.

Он сказал:

— Вы мне наскучили, Космический Рейнджер, или как еще вы себя называете. Это совещание, как я понимаю, было со-

звано, чтобы найти меры борьбы с отравителями. А теперь оно превратилось в глупое судилище с бездарным актером, и я ухожу.

Доктор Сильверс потянулся мимо Верзилы и схватил Хеннеса за руку:

— Пожалуйста, останьтесь, Хеннес, я хочу услышать больше. Никто не обвинит вас без доказательств.

Хеннес отбросил руку Сильверса и встал. Верзила спокойно произнес:

— Мне приятно будет видеть, как вас пристрелят, Хеннес. Именно это и произойдет, если вы выйдете за дверь.

— Верзила прав, — подтвердил Сильверс. — Снаружи вооруженные люди, которым приказано никого не выпускать без моего разрешения.

Хеннес в бессильной ярости сжимал и разжимал кулаки. Наконец выдавил:

— Больше ни словом не участвую в этой незаконной процедуре. Вы все свидетели, что меня удержали силой.

Он сел и сложил руки на груди.

Снова заговорил Космический Рейнджер:

— И все же Хеннес только связник. Он слишком большой злодей, чтобы быть истинным злодеем.

Бенсон слабым голосом прошептал:

— Вы говорите противоречиями.

— Только внешне. Подумайте о преступлении. Можно многое сказать о преступнике по тому преступлению, что он совершает. Во-первых, пока умерло сравнительно мало людей. По-видимому, преступники могли добиться своего гораздо быстрее, если бы начали широкомасштабное отравление, вместо того чтобы просто угрожать в течение шести месяцев, все время рискуя быть пойманными и ничего не получая взамен. Что это означает? Кажется, их предводитель не решается убивать. Это не похоже на Хеннеса. Большую часть информации я получил от Уильямса, которого сейчас здесь нет и от которого я знаю, что после его появления на ферме Хеннес несколько раз пытался организовать его убийство.

Хеннес, забыв свое решение, закричал:

— Ложь!

Космический Рейнджер, не обращая на это внимания, продолжал:

— Итак, у Хеннеса убийство не вызывает никаких угрызений совести. Придется поискать кого-то с более мягким харак-

тером. Но что может заставить по всей видимости мягкого человека убивать людей, которых он никогда не видел, которые не причинили ему никакого вреда? В конце концов, хотя отравлению подверглась ничтожная доля процента населения Земли, отравленных несколько сотен. Из них пятьдесят детей. Очевидно, за этим стоит сильнейшее стремление к богатству и власти, побеждающее мягкость. А что за этим стремлением? Возможно, жизнь, полная раздражения, рождающая болезненную ненависть ко всему человечеству, желание показать всем, кто презирает его, какой он на самом деле великий человек. Мы ищем человека, обладающего сильным комплексом неполноценности. И где мы его находим?

Теперь все напряженно следили за Космическим Рейнджером. Даже к Макиану вернулась отчасти его прежняя острота восприятия. Бенсон нахмурился в размышлении, а Верзила перестал улыбаться.

Космический Рейнджер продолжал:

— Самый главный ключ к разгадке в том, что последовало за прибытием Уильямса на ферму. Его сразу заподозрили в том, что он шпион. Легко было доказано, что его рассказ об отравлении сестры — ложь. Хеннес, как я сказал, был осужден за убийство. Предводитель, с его более чувствительной совестью, избрал другой метод. Он постарался нейтрализовать опасного Уильямса, вступив с ним в дружеские отношения и изображая враждебные отношения с Хеннесом.

Подведем итоги. Что мы знаем о предводителе преступников? Он совестливый человек, который кажется дружелюбным по отношению к Уильямсу и враждебным к Хеннесу. Человек с сильным комплексом неполноценности, развившимся вследствие жизни, полной унижений, потому что он отличен от других, меньше...

Последовало резкое движение. Стул оттолкнули от стола, маленькая фигурка с бластером в руке быстро попятилась.

Бенсон вскочил и закричал:

— Великий космос, Верзила!

Доктор Сильверс хрипло воскликнул:

— Но... но я привел его с собою как телохранителя. Он вооружен.

Мгновение Верзила стоял с поднятым бластером, глядя на всех блестящими маленькими глазками.

16. РЕШЕНИЕ

Верзила сказал высоким твердым голосом:

— Не торопитесь с выводами. Может показаться, что Космический Рейнджер описывает меня, но он еще не назвал имени.

Все смотрели на него и молчали.

Верзила неожиданно подбросил бластер, поймал его за ствол и бросил на стол, по которому оружие шумно проехалось в направлении Космического Рейнджера.

— Я говорю, что этот человек не я, и вот мое оружие в доказательство.

Затянутая дымом фигура потянулась за бластером.

— Я тоже говорю, что это не тот человек, — сказал Рейнджер, и бластер отправился обратно к Верзиле.

Верзила поймал его, сунул в кобуру и снова сел.

— А теперь продолжайте, Космический Рейнджер.

Космический Рейнджер сказал:

— Это мог бы быть Верзила, но слишком многое указывает, что это не он. Во-первых, вражда между Хеннесом и Верзилой началась задолго до появления Уильямса.

Доктор Сильверс возразил:

— Но послушайте. Если предводитель изображал враждебные отношения с Хеннесом, то это могло быть сделано не ради Уильямса. Просто часть заранее разработанного плана.

Космический Рейнджер ответил:

— Вы верно рассуждаете, доктор Сильверс. Предводитель, кем бы он ни был, должен сохранять полный контроль над деятельностью банды. Он должен суметь навязать собственное мнение относительно убийств группе наиболее отчаянных преступников в системе. Есть только одна возможность для этого: так организовать дело, чтобы без него они не могли продолжать. Как? Контролируя запасы яда и способ отравления. Разумеется, Верзила ни на то, ни на другое не способен.

— Откуда вы знаете? — спросил доктор Сильверс.

— У Верзилы нет подготовки, он не может придумать и изготовить яд, наиболее смертоносный из всех известных. У него нет ни лаборатории, ни ботанических и бактериологических знаний. У него нет доступа к продовольственным складам Винград-сити. Но все это, однако, подходит к Бенсону.

Агроном, сильно вспотевший, слабо запротестовал:

— Что вы пытаетесь делать? Проверить меня, как проверили только что Верзилу?

— Я не проверял Верзилу, — ответил Космический Рейнджер. — Я никогда и не обвинял его. Я обвиняю вас, Бенсон. Вы мозг и предводитель заговора отравителей.

— Нет. Вы сошли с ума.

— Вовсе нет. Я в своем уме. Первым вас заподозрил Уильямс и передал мне свои подозрения.

— У него не было для этого причин. Я был откровенен с ним.

— Слишком откровенны. Вы допустили ошибку, сказав ему, что, по вашему мнению, источник яда — марсианская бактерия, питающаяся растительностью ферм. Как агроном, вы должны знать, что это невозможно. Марсианская жизнь не протеиновая в своей основе и может питаться земной растительностью не больше, чем мы скалами. Итак, вы сознательно солгали, и это сразу поставило вас под подозрение. Уильямс даже считает, что вы сами приготовили экстракт из марсианских бактерий. Этот экстракт — сильнейший яд. Как вы считаете?

Бенсон отчаянно воскликнул:

— Но как я могу распространять яд? Это бессмыслица.

— У вас есть доступ к подготовленному к отправке продовольствию. После первых отравлений вы получили доступ ко всем складам города. Вы рассказывали Уильямсу, что берете образцы из разных амбаров, с разных уровней одного и того же амбара. Вы рассказали ему, что используете изобретенный вами гарпун.

— Но что в этом плохого?

— Очень много. Прошлой ночью я забрал у Хеннеса ключи и открыл ими единственное помещение на ферме, которое постоянно закрывают, — вашу лабораторию. И там я нашел вот это. — Он показал маленький металлический предмет.

Доктор Сильверс спросил:

— Что это, Космический Рейнджер?

— Приспособление Бенсона для забора образцов. Оно крепится к концу его гарпуна. Смотрите, как оно действует.

Космический Рейнджер нажал кнопку на одном конце.

— Выстрел гарпуна, — сказал он, — взводит этот предохранитель. Вот так! Теперь смотрите.

Послышалось слабое жужжание. Оно кончилось через пять секунд, на переднем конце заборника появилось отверстие, которое через секунду закрылось.

— Так он и должен работать, — воскликнул Бенсон. — Я не скрывал этого.

— Да, не скрывали, — строго ответил Космический Рейнджер. — Вы с Хеннесом целыми днями спорили об Уильямсе. У вас не хватало духу убить его. Наконец вы захватили с собой гарпун и принесли его к постели Уильямса, чтобы проверить, удивится ли он и, может, чем-нибудь себя выдаст. Ничего не получилось. А Хеннес не соглашался ждать еще. Так был послан для убийства Зукис.

— Но что плохого с заборником? — спросил Бенсон.

— Позвольте еще раз продемонстрировать его действие. На этот раз, доктор Сильверс, следите за обращенной к вам стороной.

Доктор Сильверс склонился к столу, внимательно наблюдая. Верзила, опять обнаживший бластер, следил одновременно за Бенсоном и Хеннесом. Макиан встал, щеки его пылали. Снова был взведен предохранитель, снова открылось отверстие на конце, но на этот раз все увидели, как отошел в сторону металлический щиток на нейтральной стороне заборника и за ним масляно блеснуло углубление.

— Теперь вы знаете, как все происходило, — сказал Космический Рейнджер. — Всякий раз, как Бенсон брал образцы: несколько зерен пшеницы, фрукт или лист салата — продукт смазывался бесцветным резинообразным экстрактом марсианских бактерий. Яд, несомненно, простой, он не разлагается в ходе приготовления пищи, неизбежно оказываясь в куске хлеба, банке джема, в детских консервах. Хитрый дьявольский трюк.

Бенсон колотил по столу:

— Это ложь, гнусная ложь!

— Верзила, — попросил Космический Рейнджер, — заткните ему рот. Стойте рядом с ним и не давайте ему двигаться.

— Послушайте, — запротестовал доктор Сильверс, — вы предъявили обвинение, но надо дать ему возможность оправдаться.

— На это нет времени, — ответил Космический Рейнджер, — и вы скоро получите доказательство, которое удовлетворит и вас.

В качестве кляпа Верзила использовал носовой платок. Бенсон сопротивлялся, но после того, как Верзила стукнул его рукоятью бластера, сидел неподвижно.

— В следующий раз, — сказал Верзила, — ударю так, что у вас будет сотрясение мозга.

Космический Рейнджер встал.

— Вы все заподозрили или сделали вид, что подозреваете Верзилу, когда я говорил о комплексе неполноценности у человека, который мал. Но маленьким можно быть не только ростом. Верзила компенсирует недостаток роста воинственностью и громогласным выражением собственного мнения. И его за это уважают. Бенсон же, живя на Марсе среди людей действия, обнаружил, что его презирают как «фермера из колледжа», на него смотрят сверху вниз те, кого он считает гораздо ниже себя. Компенсировать это наиболее трусливым видом убийства — еще одно проявление малости.

Но Бенсон — человек неуравновешенный. Вырвать у него признание трудно, если вообще возможно. Однако Хеннес не худший источник информации относительно замыслов отравителей. Он может сказать, где именно в астероидах располагается их база. Он расскажет, где хранится яд, который предполагалось начать использовать завтра. Он может рассказать многое.

Хеннес фыркнул.

— Я ничего не могу вам сказать и ничего не скажу. Если застрелите меня и Бенсона на месте, все будет и без нас продолжаться точно так же. Поступайте как хотите.

— Будете ли вы говорить, — спросил Космический Рейнджер, — если я гарантирую вам личную безопасность?

— Кто поверит вашим гарантиям? Я по-прежнему утверждаю, что невиновен. Убив нас, вы ничего не добьетесь.

— Вы понимаете, что, если не будете говорить, могут умереть миллионы мужчин, женщин и детей?

Хеннес пожал плечами.

— Хорошо, — сказал Космический Рейнджер. — Я уже говорил о действии марсианского яда, изобретенного Бенсоном. Оказавшись в желудке, он быстро усваивается; парализуются

мышцы груди; жертва не может дышать. Мучительная смерть от удушья затягивается на пять минут. Конечно, это происходит, когда яд попадает сразу в желудок.

Говоря это, Космический Рейнджер достал из кармана небольшую стеклянную пулю. Он открыл боковое углубление заборника и налил оттуда в пулю прозрачную вязкую жидкость.

— Теперь, — продолжил он, — если мы поместим яд в рот, дело пойдет несколько по-другому. Яд будет поглощаться гораздо медленнее и действовать более постепенно. Макиан, — неожиданно окликнул он, — вот человек, который предал вас, использовал вашу ферму, чтобы организовать отравления и уничтожить фермерский синдикат. Свяжите ему руки.

И Космический Рейнджер бросил на стол наручники.

Макиан с криком долго сдерживаемого гнева бросился на Хеннеса. На мгновение гнев вернул ему утраченную юношескую силу, и сопротивление Хеннеса было тщетным.

Когда Макиан сделал шаг назад, Хеннес был привязан к стулу, руки его сведены сзади и закреплены наручниками.

Тяжело дыша, Макиан сказал:

— После разговора я с удовольствием разорву вас на куски собственными руками.

Космический Рейнджер обошел стол и медленно приблизился к Хеннесу, держа перед собой в двух пальцах стеклянную пулю. Хеннес отпрянул. На другом конце стола отчаянно забился Бенсон, и Верзила пинком заставил его успокоиться.

Космический Рейнджер захватил нижнюю губу Хеннеса и оттянул ее, обнажив зубы. Хеннес старался отвести голову, но Космический Рейнджер чуть сдавил пальцы, и Хеннес испустил сдавленный крик.

Космический Рейнджер опустил пульку в пространство между губой и зубами.

— Я думаю, пройдет не менее десяти минут, прежде чем через полость рта вы усвоите достаточно яда, чтобы он начал действовать, — сказал он. — Если вы до того времени согласитесь говорить, я уберу яд, и вы сможете промыть рот. В противном случае яд начнет медленно действовать. Постепенно вам станет все труднее и труднее дышать, и наконец, примерно через час, вы умрете от удушья. Но своей смертью вы ниче-

го не добьетесь, потому что демонстрация будет очень наглядна для Бенсона, и мы получим от него всю правду.

На висках Хеннеса выступили капли пота. Он закашлялся.

Космический Рейнджер терпеливо ждал.

Хеннес закричал:

— Я буду говорить! Буду! Уберите его! Уберите!

Слова звучали неразборчиво, но его намерения и отчаянный ужас, исказивший лицо, были достаточно ясны.

— Хорошо! Вам лучше делать записи, доктор Сильверс.

Прошло три дня, прежде чем доктор Сильверс вновь увиделся с Дэвидом Старром. Он мало спал в эти дни и очень устал, но это не помешало ему с радостью приветствовать Дэвида. Верзила, все это время не оставлявший доктора Сильверса, был также обрадован.

— Сработало, — сказал доктор Сильверс. — Вы, конечно, слышали об этом. Сработало удивительно хорошо.

— Знаю, — с улыбкой ответил Дэвид. — Космический Рейнджер мне все рассказал.

— Значит, вы снова виделись с ним?

— Очень ненадолго.

— Он почти сразу исчез. Я упомянул о нем в своем докладе: мне пришлось это сделать. Но чувствую я себя дураком, хотя у меня есть свидетели: Верзила и старый Макиан.

— И я, — добавил Дэвид.

— Да, конечно. Ну, с этим покончено. Мы отыскали запасы яда и очистили астероиды. Не менее двух дюжин человек получат пожизненное заключение, и Бенсон в конце концов станет трудиться на общее благо. Его эксперименты над марсианской жизнью были в своем роде революционными. Может быть, результатом его открытия, при помощи которого он хотел захватить контроль над Землей, станет целая серия новых антибиотиков. Если бы несчастный глупец добивался научного признания, он был бы великим человеком. Хорошо, что признание Хеннеса остановило его.

Дэвид сказал:

— Это признание было заранее тщательно рассчитано. Космический Рейнджер всю предшествующую ночь работал над этим.

— Ну, я сомневаюсь, чтобы какой-нибудь человек смог противостоять угрозе отравления, которая встала перед Хеннесом. Что бы случилось, если бы на самом деле Хеннес был не виноват? Космический Рейнджер сильно рисковал.

— Вовсе нет. Никакого яда не было. Бенсон это знал. Думаете, Бенсон бы оставил в своей лаборатории образец яда, как очевидное доказательство против себя? Думаете, мы могли бы случайно отыскать этот яд?

— Но яд в пульке?

— ...простой бесцветный желатин. Бенсон догадался об этом. Поэтому Космический Рейнджер и не пытался вырвать у него признание. Поэтому он приказал заткнуть ему рот, чтобы Бенсон не смог говорить. Хеннес тоже мог бы догадаться, если бы не страх.

— Ну пусть меня выбросят в космос! — пораженно воскликнул доктор Сильверс.

Он еще долго потирал подбородок, даже когда наконец попрощался и отправился спать.

Дэвид повернулся к Верзиле.

— А что ты теперь будешь делать, Верзила?

Верзила ответил:

— Доктор Сильверс предложил мне постоянную работу в Совете. Но не думаю, что соглашусь на это.

— Почему?

— По правде говоря, мистер Старр, я предпочел бы отправиться туда же, куда и ты.

— Я отправляюсь на Землю, — сказал Дэвид.

Они были одни, но Верзила осторожно оглянулся, прежде чем заговорил.

— Мне кажется, что ты еще побываешь во многих местах... Космический Рейнджер.

— Что?

— Конечно. Я узнал тебя в первое же мгновение, как только ты вошел в дыме и огне. Поэтому я и не воспринял серьезно обвинение в отравлении. — Лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Ты понимаешь, о чем говоришь?

— Конечно. Лица твоего я не видел, не видел деталей костюма, но на Рейнджере были твои сапоги, и совпадали рост и телосложение.

— Совпадение.

— Может быть. Подробностей я не видел, но цвет сапог различил ясно. Ты единственный из известных мне фермеров, который согласился носить черно-белые сапоги.

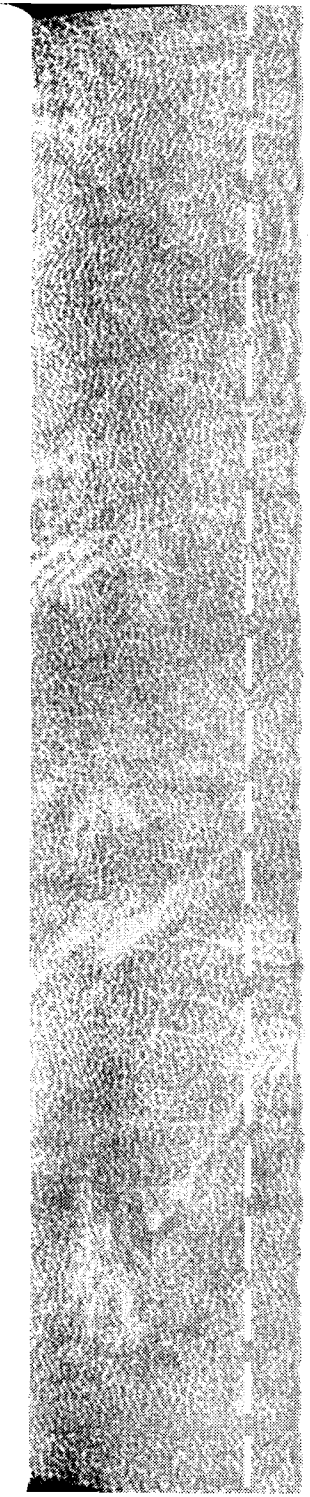
Дэвид Старр откинулся и захохотал.

— Ты выиграл. Ты на самом деле хочешь присоединиться ко мне?

— Сделал бы это с гордостью, — ответил Верзила.

Дэвид протянул руку, и они обменялись рукопожатием.

— Значит, отныне мы вместе, — сказал Дэвид.



Счастливчик Старр и пираты астероидов

Фредерику Полу,
логической несообразности — милому агенту

1. ОБРЕЧЕННЫЙ КОРАБЛЬ

Пятнадцать минут до старта. «Атлас» застыл в ожидании. Гладкие полированные борта космического корабля блестели в ярком земном свете, заполнившем небо Луны. Тупой нос глядел вверх, в пустое пространство. Вакуум окружал его, а под ним простиралась мертвая пемза лунной поверхности. Количество экипажа — ноль. На борту нет ни одного человека.

Доктор Гектор Конвей, глава Совета Науки, спросил:

— Который час, Гус?

Он чувствовал себя неудобно в помещении Совета на Луне. Ему было бы уютнее, находись он на Земле, на вершине иглы из камня и стали, которую называют Башней Науки. В окне открывался бы вид на Интернациональный Город. Конечно, на Луне пытались создать видимость комфорта. В помещениях — фальшивые окна, а за ними ярко освещенные картины земной жизни, естественно освещенные. Свет за окном в течение дня менялся, соответствуя утру, полудню и вечеру. А в периоды сна за окном все темнело, и свет становился темно-синим. Но для землянина типа Конвея этого было недостаточно. Он знал, что, если разбить стекло, за ним окажутся только раскрашенные миниатюры, а дальше — другое помещение или, может быть, скальные породы Луны.

Доктор Августас Хенри, к которому обратился Конвей, взглянул на часы. Попыхивая трубкой, он проговорил:

— Еще пятнадцать минут. Не о чем беспокоиться. «Атлас» в прекрасной форме. Я сам вчера проверил.

— Знаю. — У Конвея абсолютно седые волосы, и выглядит он старше худощавого Хенри, хотя они ровесники. Он сказал:

— Я беспокоюсь о Счастливчике.

— Счастливчике?

Конвей застенчиво улыбнулся.

— Боюсь, я перенял привычку. Я говорю о Дэвиде Старре. Сейчас все его так зовут. Ты разве не слышал?

— Счастливчик Старр? Счастливчик? Прозвище ему подходит. Но где он сам? В конце концов, это его идея.

— Совершенно верно. Такие идеи могут возникать только у него. Думаю, в следующий раз он возьмется за сирианский консулат на Луне.

— Хорошо бы.

— Не шути. Иногда мне кажется, что ты одобряешь его стремление все делать в одиночку. Я потому и прилетел на Луну: присмотреть за ним, а не за кораблем.

— Если ты прилетел за этим, Гектор, ты отлыниваешь от работы.

— Ну не могу же я всюду ходить за ним, как курица за цыпленком. С ним Верзила. Я сказал малышу, что сниму с него кожу живьем, если Счастливчик решит в одиночку вторгнуться в сирианский консулат. — Хенри рассмеялся. — Говорю тебе, он это сделает, — проворчал Конвей. — И что всего хуже, выйдет, разумеется, сухим из воды.

— Ну и что?

— Это еще больше подбодрит его, и однажды он чрезмерно рискнет, а он для нас слишком ценен, мы не должны его потерять!

Джон Верзила Джонс, покачиваясь, шел по утоптанной глиняной поверхности и с величайшей осторожностью нес свою кружку пива. Псевдогравитация не распространялась за пределы города, поэтому в районе космопорта приходилось самому справляться с полем тяготения Луны. К счастью, Джон Верзила Джонс родился и вырос на Марсе, где тяготение составляет две пятых земного, так что ему не было особенно трудно. На Марсе он весил бы пятьдесят фунтов, а на Земле сто двадцать. Он подошел к часовому, который, забавляясь, следил за ним. Часовой был в мундире Национальной лунной гвардии и привык к местному тяготению. Джон Верзила Джонс сказал:

— Эй! Не стой так мрачно. Я принес тебе пиво. Выпей!

Часовой удивился, потом с сожалением отказался:

— Не могу. На посту нельзя.

— Ну ладно. Справлюсь сам. Я Джон Верзила Джонс. Зови меня Верзила.

Он доходил часовому только до подбородка, а тот не был особенно высок, но когда Верзила протянул руку, он это делал как бы сверху вниз.

— Меня зовут Берт Уилсон. Ты с Марса? — Часовой взглянул на красно-зеленые полусапожки Верзилы. Только фермер с Марса может оказаться в таких сапогах в космосе.

Верзила с гордостью посмотрел на них.

— А как же. Сижу здесь уже неделю. Великий космос, что за скала эта Луна! Вы, парни, так и сидите, не выходя на поверхность?

— Иногда выходим. По делу. Там не на что смотреть.

— Хотел бы я выйти. Не люблю сидеть в курятнике.

— Вон там выход на поверхность.

Верзила взглянул туда, куда указывал палец сержанта. Коридор, тускло освещенный на удалении от Луна-сити, сужался и переходил в расщелину в стене. Верзила сказал:

— У меня нет костюма.

— Даже если бы захотел, ты не смог бы выйти. Без специального пропуска никому не разрешен выход — на время.

— А почему?

Уилсон зевнул.

— Там готовится к старту корабль. — Он взглянул на часы. — Минут через двенадцать. Может, после этого строгости отменят. Я не знаю, в чем дело.

Покачиваясь на пятках, часовой смотрел, как остатки пива исчезают в глотке Верзилы.

— А где брал пиво? В портовом баре Пэтси? Там много народу?

— Пусто. Слушай, что я тебе скажу. Тебе нужно пятнадцать секунд, чтобы туда добраться. Я постою за тебя и присмотрю, чтобы ничего не случилось.

Уилсон вожделенно посмотрел в направлении бара.

— Лучше не надо.

— Как хочешь.

Никто из них, похоже, не заметил фигуры, прокравшейся мимо по коридору и исчезнувшей в расселине, которая вела к прочной двери — выходу на поверхность. Ноги Уилсона сами пронесли его несколько шагов к бару. Потом он сказал:

— Нет! Не стоит!

Десять минут до старта. Это была идея Счастливчика Старра. Он находился в кабинете Конвея, когда пришло сообщение, что корабль земного регистра «Уолтхем Захари» был вскрыт пиратами, груз исчез, офицеры превратились в замороженные трупы, а большинство экипажа оказалось в плену. Сам корабль был слишком поврежден, чтобы пираты его захватили. Но все, что можно было с него снять, они сняли, даже инструменты и двигатели. Дэвид сказал:

— Наш враг — пояс астероидов. Сто тысяч скал.

— Больше. — Конвей выплюнул сигарету. — Но что мы можем сделать? Даже когда Земная империя была полна сил, мы не смогли справиться с поясом астероидов. Десять раз отправлялись туда и очищали осиные гнезда, но оставляли достаточно, чтобы они возрождались и причиняли новые беды. Двадцать пять лет назад, когда...

Седовласый ученый замолчал. Двадцать пять лет назад родители Дэвида были убиты в космосе, а сам он, маленький мальчик, в одиночестве блуждал в пространстве. В спокойных карих глазах Счастливчика не отразилось никакого чувства.

— Беда в том, что мы даже не знаем, сколько астероидов и где они.

— Естественно. Нужно сто кораблей и сто лет, чтобы пометить все астероиды приличного размера. И даже тогда тяготение Юпитера не перестанет изменять их орбиты.

— Можно попробовать. Пусть до пиратов дойдет слух о картографической экспедиции. Если мы пошлем один корабль, они не будут знать, что это немыслимая работа, и, побоявшись последствий картографирования, атакуют его.

— И что тогда?

— Допустим, мы пошлем автоматический корабль, полностью оборудованный, но без экипажа.

— Дорогое удовольствие.

— Оно может оправдаться. Корабль снабдим шлюпками, которые автоматически стартуют, когда приборы корабля зарегистрируют характерные колебания приближающегося гиператомного двигателя. Что сделают пираты?

— Расстреляют шлюпки, возьмут корабль на абордаж и отведут на свою базу.

— На одну из своих баз. Верно. Увидев шлюпки, они не удивятся, не найдя на борту экипажа. Ведь, в конце концов, это

безоружный исследовательский корабль. От такого корабля не стоит ждать сопротивления.

— К чему ты ведешь?

— Предположим дальше, что корабль должен взорваться, если температура его корпуса поднимется выше двадцати градусов от абсолютного нуля, а так и будет, если его приведут в ангар на астероиде.

— Ты предлагаешь мину-ловушку?

— Огромную. Она расколет астероид на части и уничтожит десятки пиратских кораблей. Больше того, обсерватории на Церере, Весте, Юноне или Палладе зарегистрируют вспышку. Тогда мы сможем отыскать уцелевших пиратов и извлечь из них ценную информацию.

— Понятно.

Так началась работа над «Атласом».

Молчаливая фигура в расщелине, ведущей на поверхность, работала с уверенной быстротой. Запечатанные приборы, контролирующие доступ к шлюзу, подались под действием игольного теплового луча. Защитный металлический диск скользнул в сторону. Пальцы в черных перчатках стремительно работали несколько мгновений. Затем диск вернулся на свое место.

Дверь в шлюз раскрылась. Сигнал тревоги на этот раз не прозвучал, проводка за диском была выведена из строя. Фигура вошла в шлюз, дверь за нею закрылась. Перед тем как открыть дверь, ведущую из шлюза в вакуум, человек развернул принесенный с собой гибкий пластик. Он забрался в него. Материал полностью покрыл его тело, только перед глазами осталась прозрачная силиконовая пластина. К поясу был прикреплен маленький цилиндр с жидким кислородом, шланг от него шел к капюшону. Это был полукосмический костюм, предназначенный для краткого пребывания в безвоздушном пространстве; он гарантировал безопасность только на полчаса.

Берт Уилсон, удивленный, покачал головой.

— Ты слышал?

Верзила раскрыл рот.

— Я ничего не слышал.

— Готов поклясться, что закрылась дверь шлюза. Но сигнала тревоги нет.

— А он должен быть?

— Конечно. Всегда следует знать, когда дверь открывается. Сигнал колоколом, когда есть воздух, и светом, когда его нет. Иначе кто-нибудь может оставить дверь открытой и весь воздух из корабля или коридора уйдет.

— Ну хорошо. Но ведь тревоги нет, значит, не о чем и беспокоиться.

— Не уверен.

Низкими прыжками, каждый из которых покрывал двадцать футов в слабом лунном тяготении, часовой по коридору добрался до входа в шлюз. Остановившись на пути у стенной панели, он активировал три ряда флюоресцентных ламп, и все вокруг залил дневной свет. Верзила следовал за ним более неуклюже, рискуя при каждом прыжке приземлиться носом.

Уилсон извлек бластер, осмотрел дверь, потом взглянул вдоль коридора.

— Ты уверен, что ничего не слышал?

— Ничего, — ответил Верзила. — Конечно, я не прислушивался.

Пять минут до нуля. Пемза разлеталась из-под ног человека в полукосмическом костюме, двигающегося к «Атласу». Космический корабль блестел в земном свете, но в безвоздушном пространстве Луны свет ни на миллиметр не проникал в тень хребта, частично скрывавшую корму. Тремя длинными прыжками фигура миновала освещенную часть и скрылась в тени корабля.

Человек на руках поднялся по лестнице, перелетая сразу через десять ступенек. Он добрался до корабельного шлюза. Через мгновение шлюз открылся. На «Атласе» появился пассажир. Один-единственный.

Часовой стоял перед шлюзом и с сомнением смотрел на него. Верзила продолжал болтать.

— Я здесь уже неделю. Должен ходить следом за приятелем и следить, чтобы он не попал в неприятности. Каково это для такого космического бродяги, как я? Даже возможности увильнуть не было...

Измученный часовой сказал:

— Отдохни, друг. Послушай, ты хороший малыш и все такое, но давай в другой раз.

Еще несколько мгновений он смотрел на приборы шлюза.

— Забавно.

Верзила начал зловеще потеть. Его лицо покраснело. Он схватил часового за локоть и развернул его, чуть не уронив при этом.

— Эй, приятель, ты кого это назвал малышом?

— Послушай, уходи!

— Минутку. Давай кое-что выясним. Не думай, что я позволю всякому насмехаться над собой только потому, что я не такой высокий, как сосед. Давай. Попробуем. Поднимай кулаки, иначе я расквашу тебе нос. — Он подпрыгивал и уворачивался.

Уилсон удивленно смотрел на него.

— Что в тебя вселилось? Перестань говорить глупости.

— Испугался?

— Я не могу драться на посту. К тому же я не хотел обидеть тебя. Я занят делом, и мне некогда с тобой возиться.

Верзила опустил кулаки.

— Эй, похоже, корабль стартует.

Звука, разумеется, не было: звук в вакууме не распространяется, но поверхность под их ногами слегка качнулась в ответ на удары ракетных выхлопов, поднимавших корабль.

— Все в порядке. — Уилсон сморщил лоб. — Наверно, не стоит сообщать в рапорте. Во всяком случае, уже слишком поздно. — И он забыл о приборах шлюза.

Старт! Люк выложенной керамическими плитами стартовой шахты раскрылся над «Атласом», и главные двигатели выбросили в шахту свои газы. Медленно и величественно корабль начал подниматься. Скорость его росла. Он прорезал черное небо и превратился в звезду среди множества звезд, а потом исчез совсем.

Доктор Хенри в пятый раз взглянул на часы и сказал:

— Ну, корабль ушел. Должен был уже уйти. — И черенком трубки указал на циферблат.

Конвей предложил:

— Свяжемся с администрацией порта.

Пять секунд спустя они на экране увидели опустевший порт. Стартовая шахта все еще была открыта. Даже в страшном морозе лунной ночи она дымилась. Конвей покачал головой.

— Какой прекрасный был корабль.

— Он все еще прекрасен.

— Я думаю о нем в прошедшем времени. Через несколько дней он превратится в поток расплавленного металла. Это обреченный корабль.

— Будем надеяться, что база пиратов тоже обречена.

Хенри печально кивнул. Они оба повернулись на звук открывшейся двери. Но это был всего лишь Верзила. Он улыбался.

— О ребята, как хорошо в Луна-сити. С каждым шагом чувствуешь, как к тебе возвращается твой вес. — Он топнул и два или три раза подпрыгнул. — Попробуйте сами, — предложил он, — только не ударьтесь о потолок, глупо будете выглядеть.

Конвей нахмурился.

— Ты не знаешь, где Счастливчик?

— Да, знаю. Скажите, «Атлас» взлетел?

— Да, — ответил Конвей. — А где же все-таки Счастливчик?

— На «Атласе», конечно. Где же ему еще быть?

2. ПАРАЗИТЫ КОСМОСА

Доктор Хенри уронил трубку, она подпрыгнула на линолитовом покрытии пола, но он не обратил на это внимания.

— Что?

Конвей покраснел, и его лицо резко контрастировало с белоснежными волосами.

— Это шутка?

— Нет. Он забрался туда за пять минут до старта. Я разговаривал с часовым, парнем по имени Уилсон, и не дал ему вмешаться. Я уже готов был подраться с этим парнем и показал бы ему пару приемов, — он проделал в воздухе один-два резких удара, — но тот струсил.

— Вы позволили ему? И не предупредили нас?

— Как я мог? Я во всем должен подчиняться Счастливчику. Он сказал, что должен сесть в последнюю минуту и так, чтобы никто не знал, иначе вы и доктор Хенри помешаете ему.

Конвей простонал:

— Он это сделал. Клянусь космосом, Гус, я должен был не доверять этому марсианину размером с пинту. Верзила, вы глупец! Вы знаете, что корабль — ловушка?

— Конечно. Счастливчик тоже знает. Он велел не посылать за ним корабль, иначе все пойдет насмарку.

— Пойдет насмарку? Через час мы его догоним.

Хенри схватил своего друга за рукав.

— Может, не стоит, Гектор. Мы не знаем его планов, но можно доверять его способности выбираться из любого положения. Давай не вмешиваться.

Конвей откинулся, содрогаясь от гнева и беспокойства.

Верзила продолжал:

— Он добавил, что мы встретимся с ним на Церере, и еще, доктор Конвей, он просил передать, чтобы вы не давали волю своему характеру.

— Вы... — начал Конвей, и Верзила торопливо покинул комнату.

Орбита Марса осталась позади, и солнце заметно уменьшилось. Дэвид Старр любил тишину космоса. После того как он окончил колледж и начал работать в Совете Науки, не поверхность планет, а скорее космос был его домом. «Атлас» — комфортабельный корабль. Он снабжен продовольствием в расчете на полный экипаж, запас был не полон, но это должно было объясняться потреблением по дороге к астероидам. Во всех отношениях корабль должен выглядеть так, будто до самого появления пиратов имел полный экипаж. Счастливчик съел синтобифштекс с дрожжевых полей Венеры, марсианское печенье и бескостного цыпленка с Земли.

«Растолстею», — подумал он, наблюдая за небом. Он находился уже достаточно близко, чтобы рассмотреть крупные астероиды. Видна была Церера, самый большой из них, почти пятисот миль в диаметре. Веста находилась по другую сторону от Солнца, но Юнона и Паллада тоже были видны. С помощью корабельного телескопа он нашел бы их больше — тысячи, может быть, десятки тысяч. Им нет числа.

Некогда считалось, что между орбитами Марса и Юпитера существовала планета, которая очень давно разорвалась на осколки, но на самом деле этого не было. Злодеем оказался

Юпитер. Когда формировалась Солнечная система, гигантское гравитационное поле Юпитера искажало пространство на сотни миллионов миль. Под влиянием тяготения Юпитера космические частицы за орбитой Марса не смогли собраться в единую массу. Вместо этого образовались мириады малых миров. Из них четыре наибольших имеют свыше ста миль в диаметре. Полторы тысячи — от десяти до ста миль. Тысячи (никто точно не знает, сколько) — с диаметром от мили до десяти миль и десятки тысяч — менее мили; впрочем, эти малые астероиды все равно гораздо больше великой пирамиды. Их так много, что астрономы прозвали их «паразитами космоса».

Астероиды разбросаны по всему району между Марсом и Юпитером, каждый движется по своей орбите. Ни одна известная человеку планетная система в Галактике не обладает подобным поясом. В некотором смысле это хорошо. Астероиды послужили промежуточными пунктами для достижения больших планет. Но в чем-то это и плохо. Любой преступник, оказавшийся в поясе астероидов, мог не опасаться быть пойманным, разве что по редчайшей случайности. Никакая полиция не смогла бы обыскать все эти летающие горы. Самые маленькие астероиды не принадлежали никому. На больших располагались обсерватории, самая известная из них — на Церере. На Палладе — бериллиевые шахты, а Юнона и Веста стали главными заправочными станциями. Но, помимо них, оставалось свыше пятидесяти тысяч астероидов значительных размеров, над которыми у Земной империи не было абсолютно никакого контроля. На некоторых из них мог размещаться целый флот, на других — один-единственный крейсер, и еще оставалось место для запаса питания, воды и топлива на полгода. И их невозможно нанести на карту. Даже в древние доатомные времена, до космических полетов, когда было известно всего полторы тысячи астероидов, этого сделать не удавалось. Их орбиты тщательно рассчитывали при помощи астрономических наблюдений, но все равно астероиды «терялись». Потом их находили вновь, но уже в другом месте.

Дэвид очнулся от раздумий. Чувствительный эргометр воспринимал пульсации космоса. Он находился на контрольном пульте корабля. Прибор был изолирован от устойчивого потока солнечной энергии, прямой или отраженной от планет. То,

что он принимал сейчас, было характерной чередующейся пульсацией гиператомного двигателя. Старр включил эргограф, и приток энергии отразился в ряде линий. Счастливчик рассматривал полоску разграфленной бумаги, и его челюсти сжимались.

Существовала возможность встречи с обычным торговым или пассажирским кораблем, но характер излучения был совсем иной. У приближающегося корабля — двигатели высокого класса, и притом непохожие на земные. Прошло пять минут, прежде чем накопилось достаточно данных для расчета направления движения и расстояния до источника энергии. Старр отрегулировал экран для наблюдений через телескоп, и все его поле заполнилось звездами. Он старательно рассматривал бесконечно молчаливые, бесконечно далекие, бесконечно неподвижные звезды, пока его глаз не уловил движение, а данные различных линий эргометра не слились в сплошной нуль. Это пират. Несомненно! Он видел очертания той его половины, что блестела на солнце. Стройный грациозный корабль, скоростной и маневренный. И к тому же чужой на вид.

«Сирианская конструкция», — подумал Счастливчик. Он следил за медленно выраставшим на экране кораблем. Не за таким ли кораблем следили его отец и мать в последний день их жизни?

Дэвид Старр едва помнил отца и мать, но видел их фотографии и слышал бесконечные рассказы о Лоуренсе и Барбаре Старр от Хенри и Конвея. Они были неразлучными друзьями: высокий серьезный Гус Хенри, холерический упрямый Гектор Конвей и быстрый смешливый Ларри Старр. Они вместе учились в школе, одновременно окончили колледж, поступили в Совет и все назначения выполняли вместе. А потом Лоуренс Старр получил повышение и должен был по делам лететь на Венеру. Так он, его жена и четырехлетний сын оказались на корабле, на который напали пираты. Многие годы Дэвида преследовали мысли о том, каким был последний час на умирающем корабле. Вначале повреждение главного двигателя на корме корабля, пока пираты и их жертва были разделены в пространстве. Затем взрыв шлюзов и абордаж. Команда и пассажиры в скафандрах, чтобы не погибнуть, когда вскроют люки. Экипаж вооружен и ждет. Пассажиры прячутся внутри суд-

на без всякой надежды. Женщины плачут. Дети кричат. Его отец не был среди прячущихся. Он был членом Совета. Он был вооружен и сражался. Дэвид уверен в этом. Одно короткое воспоминание сохранилось в его памяти. Его отец, высокий сильный человек, стоит с бластером в руке, и на лице редкое для него выражение гнева. Дверь контрольной рубки с грохотом падает, врывается облако черного дыма. И мать, с заплаканным и грязным лицом, которое ясно видно сквозь прозрачный шлем, усаживает его, Дэвида, в шлюпку. «Не плачь, маленький, все будет хорошо...»

Это единственные слова матери, которые он помнит. Затем грохот, и его прижимает к спинке кресла.

Шлюпку нашли через два дня, когда поймали автоматически подаваемый сигнал запроса помощи. Вслед за этим правительство организовало грандиозную кампанию против пиратов астероидов, и Совет вложил в нее все свои силы. Пираты поняли, что убийство одного из членов Совета оборачивается большой бедой. Обнаруженные на астероидах базы были уничтожены, а угроза нападений пиратов сведена к минимуму на двадцать лет. Но Счастливчик часто гадал, нашли ли тот самый пиратский корабль, на котором находились люди, убившие его родителей? Определить это было невозможно.

А теперь угроза возродилась в менее красочном, но гораздо более опасном виде. Пиратство больше не было уделом одиночек. Оно все более походило на организованную борьбу с земной торговлей. Больше того, по манере ведения военных действий Дэвид чувствовал, что за всем этим стоит один мозг, одно стратегическое решение. Он знал, что должен отыскать этот мозг.

Он еще раз взглянул на эргометр. Регистрируемый поток энергии усилился. Встречный корабль находился на расстоянии, на котором космическая вежливость требует обмена обычными посланиями и взаимной идентификации. Кстати, расстояние позволяло пиратам начать враждебные действия. Пол под Старром дрогнул. Это не залп бластеров другого корабля, а отдача отходящих шлюпок. Поток энергии стал достаточно силен, чтобы активировать автоматический контроль шлюпок. Еще толчок. Еще. Пять подряд.

Дэвид внимательно следил за приближающимся кораблем.

Пираты часто расстреливают такие шлюпки, отчасти из извращенного желания позабавиться, отчасти чтобы помешать беглецам описать их корабль, если они еще не сделали этого по субэфиру. На этот раз, однако, корабль не обратил на шлюпки никакого внимания. Он приблизился. Выскочили магнитные зажимы и закрепились на корпусе «Атласа»; два корабля оказались прочно скрепленными, их движения в космосе уравнялись. Счастливчик ждал.

Он слышал, как вначале открылся, потом закрылся шлюз. Он слышал звон шагов и звуки снимаемых шлемов, потом голоса. Он не двигался. В дверях появился человек. Шлем и перчатки он снял, но вся его фигура была одета в покрытый льдом космический костюм. Когда костюм из космоса, где почти абсолютный ноль, попадает в теплую и влажную атмосферу корабля, он обычно покрывается льдом. Лед начал таять. Только сделав два шага в рубку, пират заметил Дэвида. Он остановился, на его лице застыло почти комическое выражение удивления. Счастливчик успел заметить редкие черные волосы, длинный нос и белый шрам от носа к губам, который делил верхнюю губу на две неравных части.

Дэвид спокойно выдержал удивленный взгляд пирата. Он не боялся, что его узнают. Активно действующие члены Совета работают тайно, они понимают, что слишком хорошее знакомство с их внешностью заметно уменьшает шансы на успех. Лицо его отца появилось в субэфире только после смерти. С чувством горечи Счастливчик подумал, что, возможно, большая известность предотвратила бы нападение пиратов. Но он знал, что это глупо. К тому времени, когда пираты увидели Лоуренса Старра, было уже слишком поздно останавливать нападение. Дэвид сказал:

— У меня бластер. Использую его, если ты возьмешься за свой. Не двигайся.

Пират открыл рот. Снова закрыл.

Дэвид продолжал:

— Если хочешь позвать остальных, давай.

Пират подозрительно посмотрел на него, потом, не отрывая взгляда от бластера Старра, крикнул:

— Тут парень с пистолем!

Послышался смех, затем кто-то приказал:

— Тихо!

Еще один человек вошел в рубку.

— Отойди, Динго, — сказал он.

Космический костюм он снял и представлял собой совершенно неуместное на корабле зрелище. Одежда его могла быть сшита в самой модной мастерской Интернационального Города и больше подходила для торжественного обеда на Земле. Рубашка выглядела шелковистой, как бывает только у лучших сортов пластекса. Ее радужный цвет, не кричащий, а скорее приглушенный, сливался с цветом брюк, которые плотно облегали ноги, так что если бы не расшитый пояс, они казались бы одним целым с рубашкой. На руке была повязка, соответствующая поясу, на шее — мягкий голубой платок. Кудрявые каштановые волосы завиты и хорошо ухожены. Он был на полголовы ниже Дэвида, но по его поведению молодой советник видел, что любое предположение о мягкости характера, сделанное на основании пижонского костюма, будет неверным. Новоприбывший заговорил приятным голосом:

— Меня зовут Антон. Не опустите ли вы ваш бластер?

Старр спросил:

— И буду застрелен?

— Возможно, через некоторое время, но не сейчас. Я вначале хотел бы вас расспросить.

Дэвид не опустил оружие. Антон добавил:

— Я держу свое слово. — На его щеках появились красные пятна. — Это моя единственная добродетель среди тех, что люди считают добродетелями, но ее я держусь крепко.

Счастливчик отдал бластер, и Антон передал его другому пирату.

— Возьми, Динго, и убирайся отсюда. — Он повернулся к Старру. — Другие пассажиры улетели в шлюпках? Верно?

Дэвид сказал:

— Это ловушка, Антон...

— Капитан Антон, пожалуйста. — Он улыбнулся, но ноздри его раздулись.

— Это ловушка, капитан Антон. Очевидно, вы знаете, что на борту не было ни экипажа, ни пассажиров. Вы знали это, еще не ступив на борт.

— На самом деле? Откуда вы это взяли?

— Вы приблизились к кораблю без сигналов и предупреждающих выстрелов. Вы не ускорялись. Вы игнорировали стартовавшие шлюпки. Ваши люди вошли в корабль спокойно, как

будто не ожидали сопротивления. У человека, который первым вошел сюда, бластер был в кобуре. Выводы очевидны.

— Хорошо. А вы что делаете на корабле без экипажа и пассажиров?

Старр решительно ответил:

— Я прибыл сюда, чтобы увидеться с вами, капитан Антон.

3. ДУЭЛЬ НА СЛОВАХ

Выражение лица Антона не изменилось.

— Ну вот вы и встретились со мной.

— Но не один на один, капитан. — Счастливчик медленно растянул губы в улыбке.

Антон быстро оглянулся. Свыше десяти его людей, в космических костюмах на разной стадии их снятия, набились в рубку и слушали с интересом. Капитан слегка покраснел. Он повысил голос:

— А ну, подонки, займитесь своими делами. Мне нужен полный отчет о состоянии корабля. И держите оружие наготове. На борту могут быть еще люди, и, если кого-нибудь из вас поймают, как Динго, я вышвырну его в шлюз.

Началось медленное сдержанное передвижение наружу.

Голос Антона перешел в крик:

— Быстро! Быстро! — Одно движение, и в руке его оказался бластер. — Стреляю при счете три. Один... два...

Никого не осталось. Антон снова взглянул на Дэвида. Глаза его блестели, и воздух порывисто вырывался изо рта.

— Дисциплина — великое дело, — выдохнул он. — Они должны бояться меня. Бояться больше, чем пленения Земным флотом. Тогда у корабля один мозг и одна рука. Мой мозг и моя рука.

«Да, — подумал Счастливчик, — один мозг и одна рука. Но чьи? Твои?»

На лицо Антона вернулась улыбка, мальчишеская, дружеская и открытая.

— Теперь говорите, что вы хотели.

Дэвид пальцем указал на бластер капитана, все еще обнаженный и готовый к действию, и улыбнулся так же.

— Имеете желание пристрелить меня? Давайте, и покончим с этим.

Антон был потрясен.

— Великий космос! Вы хладнокровный человек. Я стреляю, когда хочу. Так мне больше нравится. Как ваше имя?

Бластер по-прежнему был нацелен на Счастливчика.

— Уильямс, капитан.

— Вы высокий человек, Уильямс. И кажетесь сильным. Но стоит мне нажать пальцем, — и вы мертвы. Я считаю это очень поучительным. Два человека и один бластер — в этом весь секрет власти. Вы когда-нибудь думали о власти, Уильямс?

— Иногда.

— Вам не кажется, что в ней единственный смысл жизни?

— Может быть.

— Я вижу, вам не терпится перейти к делу. Начнем. Почему вы здесь?

— Я слышал о пиратах.

— Мы люди астероидов, Уильямс. Никаких других названий.

— Это мне подходит. Я прилетел, чтобы присоединиться к людям астероидов.

— Вы мне льстите, но мой палец по-прежнему на курке бластера. Почему вы хотите присоединиться к нам?

— Все возможности на Земле закрыты, капитан. Человек, подобный мне, не может быть бухгалтером или инженером. Я мог бы даже управлять фабрикой или возглавлять собрания держателей акций. Не имеет значения. Все это рутина. Я знал бы свою жизнь с начала до конца. Ни приключений, ни неопределенности.

— Вы философ, Уильямс. Продолжайте.

— Есть, конечно, колонии, но меня не привлекает жизнь фермера на Марсе или смотрителя чанов на Венере. Меня привлекает жизнь на астероидах. Вы живете трудно и опасно. Тут человек может добиться власти, как вы. Вы сами сказали, что власть — единственный смысл жизни.

— И вы спрятались на пустом корабле?

— Я не знал, что он пустой. Мне нужно было где-то спрятаться. Законное космическое путешествие стоит дорого, а билеты в пояс астероидов в наши дни не продают. Я знал, что этот корабль — часть картографической экспедиции. Дошли слухи, что он направляется к астероидам. Поэтому я ждал почти до старта. Когда все готовились к взлету, а люки еще были открыты, мой приятель отвлек внимание часового. Я думал,

что мы остановимся на Церере: она должна быть главной базой астероидной экспедиции. Мне казалось, что оттуда я доберусь до места без труда. Экипаж составят астрономы и математики. Забери у них очки — и они ослепнут. Направь на них бластер — и они умрут или испугаются. На Церере я мог бы связаться с пи... с людьми астероидов. Очень просто.

— Но на борту вас ждал сюрприз. Верно? — спросил Антон.

— Еще бы. Никого на борту, и, прежде чем я это понял, корабль взлетел.

— А к чему бы это, Уильямс? Как вы считаете?

— Не знаю. Не могу понять.

— Ну что ж, посмотрим, не найдем ли разгадку вместе. — Он указал бластером на выход и резко сказал: — Пошли!

Глава пиратов вышел из рубки в длинный центральный коридор корабля. Из двери впереди вышло несколько человек. Они обменивались негромкими замечаниями, но все замолчали при виде Антона. Антон приказал:

— Подойдите.

Все приблизились. Один из них тыльной стороной руки вытер седые усы и сказал:

— Никого на борту, капитан.

— Хорошо. Что вы о нем думаете?

Пиратов было четверо. Но постепенно их количество росло, присоединялись все новые. Голос Антона стал резким.

— Что вы думаете о корабле?

Вперед протиснулся Динго. Он снял костюм, и теперь Дэвид мог разглядеть его. Широкий, тяжелый, руки слегка согнуты и свисают с мускулистых плеч. На пальцах пучки черных волос, шрам на верхней губе дергается. Он, не отрывая взгляда от Старра, ответил:

— Мне не нравится.

— Тебе не нравится корабль? — резко спросил Антон.

Динго колебался. Он расправил плечи, выпрямил руки.

— Воняет.

— Как это? Что ты хочешь сказать?

— Я мог бы разобрать его консервным ножом. Спросите остальных, они согласятся. Эта клетка скреплена зубочистками. Продержится не больше трех месяцев.

Послышался одобрительный ропот. Человек с седыми усами добавил:

— Прошу прощения, капитан, но проводка местами держится только на изоляции. Плохая работа. Изоляция кое-где прогорела.

— Вся сварка сделана в спешке, — заметил другой. — Вот такие щели, — он показал толстый грязный палец.

— Как насчет ремонта? — поинтересовался Антон.

Динго ответил:

— Потребуется целый год и еще воскресенье. Не стоит труда. Да мы и не можем это сделать здесь. Придется брать на одну из скал.

Антон повернулся к Дэвиду и вежливо объяснил:

— Мы всегда называем астероиды скалами, понимаете?

Счастливчик кивнул.

Антон продолжал:

— По-видимому, мои люди считают, что им не летать в этом корабле. И как вы думаете, зачем Земное правительство отправило пустой корабль, к тому же так плохо собранный? Как добычу для пиратов?

— Я недоумеваю все больше и больше, — сказал Дэвид.

— Продолжим обследование.

Антон пошел первым, Счастливчик за ним. Остальные молча двигались сзади. Старр ощущал мурашки на затылке. Антон шел прямо и бесстрашно, как будто не ожидал нападения Счастливчика. Конечно, он не ожидает. За Счастливчиком достаточно вооруженных людей.

Они осмотрели маленькие помещения, сконструированные с величайшей экономией: компьютерное помещение, маленькая обсерватория, фотолаборатория, камбуз и каюты. Потом перешли на нижний уровень по узкой изогнутой трубе, которую в поле псевдогравитации можно было настраивать как ведущую и «вверх» и «вниз». Дэвиду велели спускаться первым, Антон последовал за ним так близко, что Старр едва успел увернуться (его ноги слегка подгибались от неожиданно вернувшейся тяжести) от сапог капитана. Жесткие тяжелые космические сапоги миновали его лицо на расстоянии дюйма. Сохранив равновесие, Старр гневно повернулся, но Антон приятно улыбался, его бластер был нацелен прямо в сердце Дэвида.

— Тысяча извинений, — сказал он. — К счастью, вы весьма проворны.

— Да уж, — пробормотал Счастливчик.

На нижнем уровне располагались двигатели и энергоустановки. Тут же были пустые ангары шлюпок, запасы пищи, воды, топлива, освежители воздуха, атомная экранировка. Антон негромко спросил:

— Ну, и что вы об этом думаете? Может быть, все низкосортное, но ничего необычного я не вижу.

— Трудно сказать, — ответил Старр.

— Но вы прожили на корабле несколько дней.

— Конечно, но я не разглядывал его. Просто ждал, пока он придет куда-нибудь.

— Понятно. Ну что ж, вернемся на верхний уровень.

Дэвид опять путешествовал по трубе первым. На этот раз он легко приземлился и с грацией кошки отпрыгнул на шесть футов. Прошли секунды, прежде чем из трубы появился Антон.

— Нервничаете? — спросил он.

Счастливчик вспыхнул.

Один за другим появлялись пираты. Антон не стал дожидаться всех, а пошел по коридору.

— Знаете, — сказал он, — можно подумать, что мы осмотрели весь корабль. Большинство людей сказало бы так. А вы?

— Нет, — спокойно ответил Дэвид, — мы еще не были в душевой.

Антон нахмурился, приятное выражение покинуло его лицо, место его занял гнев, но тут же исчез. Антон поправил прическу и с интересом взглянул на свою руку.

— Что ж, заглянем и туда.

Пираты свистнули или удивленно воскликнули, когда открылась соответствующая дверь.

— Прекрасно, — пробормотал Антон. — Прекрасно. Роскошно, я бы сказал.

Действительно! Сомнений в этом не было. Три душа, приспособленных для мытья (теплая вода) и закаливания (горячая и ледяная); с полдюжины раковин для умывания, хромированных, с углублением для шампуня; установки для сушки волос; игольные стимуляторы кожи. Не было упущено ничего из необходимого.

— Тут нет ничего второсортного, — отметил Антон. — Как шоу в субэфире, а, Уильямс? Что вы на это скажете?

— Я в затруднении.

Улыбка Антона исчезла, как космический корабль, пролетевший по экрану.

— А я нет. Динго, подойди сюда.

Глава пиратов обратился к Старру:

— Простая проблема. Мы имеем корабль, сляпанный на скорую руку. На нем никого. Все делалось в спешке. А ванная по последнему слову. Почему? Просто для того, чтобы здесь было как можно больше труб. А это для чего? Чтобы мы не заподозрили, что одна или две из них поддельные... Динго, которая из них?

Динго пнул одну.

— Не пинайся, ублюдок! Разбери ее.

Вспыхнуло микротепловое ружье. Динго отвел проводку.

— Что это, Уильямс? — спросил Антон.

— Провода, — кратко ответил Дэвид.

— Я вижу, болван. — Капитан неожиданно разъярился. — Что еще? Я вам скажу, что еще. Проводка должна взорвать весь атомит на борту корабля, как только мы приведем его на базу.

Счастливчик отпрянул.

— Откуда вы знаете?

— Удивлены? Вы не знали, что это большая мина? Не знали, что мы должны были бы отвести корабль на ремонт? Не знали, что вместе с базой должны были превратиться в огненную пыль? Вы здесь наживка, чтобы мы были по-настоящему одурачены. Только я не дурак!

Его люди придвинулись ближе. Динго облизал губы.

Антон резко поднял бластер, и в глазах его не было и тени милосердия.

— Подождите! Великая Галактика, подождите! Я об этом ничего не знаю. Вы не имеете права расстреливать меня без причины. — Он напрягся для последнего прыжка, для предсмертной схватки.

— Не имеем права? — Антон неожиданно опустил бластер. — Как вы смеете так говорить? На борту у меня все права.

— Вы не должны убивать полезного человека. Людям астероидов такие нужны. Не выбрасывайте одного из них.

Некоторые пираты одобрительно зашумели. Послышался голос:

— У него хорошая начинка, капитан. Мы смогли бы...

Голос замер, как только Антон повернулся.

Антон вернулся к Старру.

— А что делает вас полезным человеком, Уильямс? Отвечайте, и я подумаю.

— Я сражусь с любым из вас. На кулаках или на любом оружии.

— Да? — Антон оскалил зубы. — Вы это слышали, ребята? — Послышался подтверждающий рев. — Вы бросаете нам вызов, Уильямс. Любое оружие, а? Хорошо. Выберетесь живым, и вас не расстреляют. Я подумаю, не сделать ли вас членом моего экипажа.

— Ваше слово, капитан?

— Мое слово. Я его никогда не нарушаю. Экипаж слышал меня. Если выйдете живым.

— С кем я буду сражаться?

— С Динго. Он хороший человек. Всякий, кто его победит, очень хороший человек.

Счастливчик взглядом измерил огромную глыбу хрящей и мускулов, стоящую перед ним, и уныло согласился с капитаном. Глаза Динго блестели от предвкушения. Дэвид спросил:

— Какое-либо оружие? Или на кулаках?

— Оружие! Точнее — толчковые пистолеты. Толчковые пистолеты в открытом космосе.

На мгновение Старру трудно было сохранить спокойствие. Антон улыбнулся:

— Вы боитесь, что испытание недостойно вас? Не бойтесь. Динго лучше всех управляется с толчковым пистолетом во всем флоте.

Сердце Счастливчика упало. Дуэль на толчковых пистолетах требует искусства. Очень большого! Когда он занимался этим в колледже, это был спорт. Когда схватываются профессионалы, это смертельно. А он не профессионал!

4. ДУЭЛЬ НА ДЕЛЕ

Пираты столпились на наружной поверхности «Атласа» и своего собственного корабля сирианской постройки. Некоторых удерживали магнитные подошвы башмаков. Другие, чтобы лучше видеть, повисли в пространстве, прикрепленные к корпусу магнитными кабелями. В пятидесяти милях друг от друга находились два шара-гола из металлической фольги. На

борту фольга в свернутом виде занимала не больше трех квадратных футов, а в пространстве раскрывалась в стофутовые тончайшие поверхности из бериллиево-магнезиумного сплава. Не затененные в великой пустоте космоса, шары вращались, и отражение солнца от их поверхности видно было на многие мили.

— Правила вы знаете, — громко послышался в наушниках Старра, очевидно и Динго тоже, голос Антона.

Дэвид видел одетую в скафандр фигуру противника как солнечную точку в миле от него. Шлюпка, привезшая их, двигалась назад, к пиратскому кораблю.

— Вы знаете правила, — доносился голос Антона. — Тот, кого вытолкнули за пределы его площадки, проиграл. Если никого не вытолкнут, проигрывает тот, у кого раньше истощится заряд толчкового пистолета. Никаких ограничений во времени. Нет положения вне игры. У вас пять минут для подготовки. Использовать толчковые пистолеты только после моей команды.

«Нет положения вне игры», — подумал Счастливчик. Он выдал свою цель. Толчковые дуэли как легальный спорт обычно проводятся на расстоянии не более ста миль от астероида по крайней мере пятидесяти миль в диаметре. В таком случае игроки испытывают пусть слабое, но определенное тяготение. Его недостаточно, чтобы помешать подвижности. Но его вполне достаточно, чтобы отыскать дуэлянта с истощенным зарядом пистолета в космосе. Даже если его не подберет спасательная шлюпка, ему нужно только потерпеть несколько часов, от силы один-два дня, и тяготение приведет его на поверхность астероида.

Здесь же поблизости на сотни тысяч миль нет ни одного астероида. Толчок будет продолжаться бесконечно. И скорее всего закончится в Солнце, много времени спустя после того, как неудачливый дуэлянт погибнет от отсутствия кислорода. В таких условиях обычно, когда один из соперников выходит за определенные пространственные границы, объявляется положение вне игры и противников возвращают на место. Сказать «нет положения вне игры» — все равно что сказать «дуэль до смерти».

Голос Антона четко и ясно слышался через мили пространства, разделяющие его и приемник в шлеме Старра. Он произнес:

— Две минуты до начала. Включите световые сигналы.

Дэвид опустил руку и нажал кнопку на груди. Цветная металлическая фольга, ранее намагниченная, сейчас развернулась над его шлемом. Это был миниатюрный гол. Фигура Динго, которая раньше казалась лишь светлой точкой, превратилась в большой красный сигнал. Его собственный сигнал, Счастливчик это знал, ослепительно зеленый. А большие голы белые. Даже в эти мгновения частью мозга Дэвид продолжал обдумывать ситуацию. С самого начала он попытался возразить:

— Послушайте, я согласен, понимаете? Но пока мы будем забавляться, могут подойти правительственные корабли...

Антон презрительно рявкнул:

— Забудьте о них. Ни один патрульный корабль не зайдет так далеко в скалы. У нас в пределах вызова сто кораблей и тысяча скал, где мы можем укрыться. Надевайте костюм.

Сотня кораблей! Тысяча скал! Если это правда, пираты ни разу не показывали полностью свою силу. Что происходит?

— Осталась минута! — донесся через пространство голос Антона. Старр решительно извлек два своих толчковых пистолета. Это были предметы L-образной формы, присоединенные пружинистой гибкой трубкой к похожему на пончик цилиндру с газом (жидкой двуокисью углерода под большим давлением). Цилиндр был прикреплен к его поясу. Когда-то соединительная трубка делалась из металла. Металл крепче, но и массивнее, поэтому он добавлял инерционную массу. А в толчковых дуэлях очень важно целиться и стрелять быстро. Когда изобрели силикон, способный сохранять гибкость при космических температурах и не делаться липким под прямыми лучами солнца, повсеместно стали использовать этот более легкий материал.

— Можно стрелять! — выкрикнул Антон.

Мгновенно выстрелил один из пистолетов Динго. Жидкая двуокись углерода вырвалась из иглоподобного отверстия и превратилась в газ. В шести дюймах от жерла газ застывал линией крошечных кристаллов, и линия эта растягивалась на мили. Кристаллы летели в одну сторону, Динго — в противоположную, как космический корабль на ракетных двигателях в миниатюре. Трижды вспыхивала кристаллическая линия и таяла удаляясь. Она была направлена в космос прямо от Счастливчика. Динго набирал скорость, приближаясь к нему. Ви-

димое положение обманчиво. Видно было только, как ярче стал сигнал Динго, но Старр знал, что расстояние между ними быстро сокращается. Чего ожидать и какую защитную стратегию выбрать, он не знал. Ему нужно было, чтобы намерения противника стали яснее.

Динго был уже достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть человеческую фигуру с головой и четырьмя конечностями. Он двигался мимо и не делал попыток изменить свой курс. Казалось, он намерен оставаться слева от Дэвида. Тот продолжал ждать. Крики, звучавшие в микрофонах, стихли. Хотя соперники были далеко, наблюдатели видели их световые сигналы и вспышки линий. «Они чего-то ждут», — подумал Счастливчик. Все произошло неожиданно.

Вспышка двуокиси углерода, еще одна справа от Динго, и линия его полета резко сместилась в сторону молодого советника. Дэвид приготовил свой пистолет, чтобы выстрелить вниз и избежать сближения. «Это самая безопасная стратегия, — подумал он, — двигаться как можно меньше и сберегать двуокись углерода». Но Динго не продолжил свой полет к противнику. Он выстрелил прямо перед собой и начал уменьшаться. Старр следил за ним и слишком поздно уловил блеск струи. Линия двуокиси углерода двигалась прямо вперед, а Счастливчик — налево, и в определенный момент они встретились. Он почувствовал сильный удар в плечо.

Кристаллы двуокиси крошечные, но они растягиваются на мили и двигаются с большой скоростью. В мгновение они все ударились о костюм Дэвида. Костюм задрожал, послышались возбужденные крики.

— Попал, Динго!

— Что за выстрел!

— Прямо к голу! Вы только поглядите!

— Прекрасно! Прекрасно!

— Смотрите, как вертится этот шут гороховый!

Были и другие возгласы, более сдержанные. Счастливчик вращался, вернее, ему казалось, что небо и звезды вращаются вокруг него. Мимо прозрачной лицевой пластины его шлема звезды проносились белыми полосками, как будто они сами были кристалликами двуокиси углерода. Он не видел ничего, кроме этих многочисленных полосок. Казалось, что удар на несколько мгновений отнял у него способность думать.

Удар в солнечное сплетение и другой — в спину послали

его еще дальше по траектории в пустое пространство. Он должен что-то предпринять, иначе Динго будет гонять его, как футбольный мяч, по всей Солнечной системе. Прежде всего остановить вращение и сориентироваться. Он вращался по диагонали, через левое плечо и правое бедро. Нацелив толчковый пистолет в направлении, противоположном вращению, Дэвид выпустил струю двуокиси углерода. Звезды замедлили свой полет и превратились в сверкающие точки. Небо вновь стало знакомым небом космоса.

Одна звезда оставалась слишком яркой. Дэвид знал, что это его гол. Почти напротив виднелся гневно-красный сигнал Динго. Старр не мог позволить вытеснить себя за пределы гола, иначе дуэль будет окончена и он погибнет. Миля за гол — таково стандартное правило прекращения дуэли. Но, с другой стороны, он не должен и сближаться с противником. Он поднял пистолет прямо над головой, нажал кнопку и держал так. Отсчитал минуту, прежде чем разжал палец, и все шестьдесят секунд чувствовал давление на шлем. Он стремительно двигался вниз. Отчаянный маневр. В одну минуту он выбросил почти половину своего запаса двуокиси углерода.

Динго хрипло крикнул:

— Грязный трус! Желтокожий кривляка!

Крики аудитории взвились до неба.

— Как он улепетывает!

— Он прошел мимо Динго. Динго, покажи ему!

— Эй, Уильямс, не увиливай!

Счастливчик снова увидел красное пятно — сигнал своего врага. Он должен продолжать двигаться. Больше ничего не остается. Динго — профессионал, он попадет в пролетающий мимо дюймовый метеорит. А он сам, печально подумал Дэвид, на расстоянии мили не попадет и в Цереру. Попеременно используя свои пистолеты, Счастливчик стрелял налево, направо, затем быстро направо, налево и снова направо.

Никакого результата. Как будто Динго предвидел его действия, он двигался следом неотвязно, срезая углы. Дэвид почувствовал пот на лбу и вдруг понял, что больше не слышит криков. Он не помнил точно, когда они прекратились, но как будто оборвали нить. Одно мгновение слышались крики и смех пиратов, а в следующее — мертвая тишина космоса. Он вылетел за пределы досягаемости радиосвязи? Невозможно! Радиопередатчики космических костюмов, даже простейшего

типа, передадут его голос на тысячи миль в космосе. Он перевел рычаг громкости до максимума.

— Капитан Антон!

Но ответил грубый голос Динго:

— Не кричи. Я тебя слышу.

Счастливчик сказал:

— Перерыв. У меня что-то с радио.

Динго был достаточно близко, чтобы рассмотреть очертания человеческой фигуры. Вспышка, и он еще ближе. Дэвид отодвинулся, но пират последовал за ним.

— Все в порядке, — сказал Динго. — Просто повреждение в радио. Я ждал. Ждал. Давно мог выбить тебя за гол. Но ждал, пока перестанет работать радио. Транзистор маленький. Я повредил его перед тем, как ты надел костюм. Можешь по-прежнему говорить со мной. Действует на одну-две мили. Вернее, пока можешь говорить со мной. — И он громко рассмеялся своей шутке.

Счастливчик сказал:

— Не понимаю.

Голос Динго стал резким и грубым.

— Ты застал меня на корабле с бластером в кобуре. Захватил меня врасплох. Сделал из меня дурака. Никто не может захватить меня врасплох, выставить дураком перед капитаном и долго жить после этого. Я не хочу, чтобы ты проиграл и кто-то другой тебя прикончил. Я сам прикончу тебя. Сам!

Динго был совсем близко. Старр почти видел его лицо за пластиной шлема.

Дэвид перестал увертываться. Его постоянно переигрывают. Он подумал, не полететь ли прямо на самой большой скорости, какую сможет развить. А что потом? И удовлетворит ли его такая смерть, в бегстве?

Надо сражаться. Он прицелился. Но когда линия кристаллов пролетела там, где мгновение до этого находился Динго, его уже не было. Счастливчик попытался еще и еще, но Динго ускользал, как летающий демон. Вдруг Дэвид почувствовал удар пистолета противника и снова закружился. Он отчаянно пытался остановить вращение, но прежде чем смог это сделать, тело противника ударилось о его тело. Динго крепко обхватил его.

Шлем к шлему. Пластина к пластине. Счастливчик смотрел на белый шрам, разрезающий верхнюю губу пирата. Шрам растянулся: Динго улыбался.

— Привет, приятель, — сказал он. — Рад с тобой встретиться.

На мгновение Динго, казалось, отделился, развел руки, но ноги его продолжали крепко удерживать противника, лишая его подвижности. Стальные мускулы Старра напряглись, он попытался освободиться — безуспешно. Частичное отступление освободило Динго руки. Он высоко поднял одну, держа пистолет рукоятью вниз, и опустил прямо на лицевую пластину Дэвида. Голова Старра дернулась от неожиданного удара. Безжалостная рука взметнулась снова, а вторая обхватила Дэвида за шею.

— Не двигай головой, — фыркнул пират. — Я сейчас кончу.

Старр знал, что это случится, если только он не будет действовать быстро. Глассит прочен и крепок, но ударов металла он долго не выдержит. Дэвид протянул руку, выпрямил ее и постарался оттолкнуть голову Динго. Динго высвободился от руки Дэвида и снова ударил его. Выпустив оба своих пистолета, которые повисли на соединительных трубках, Счастливчик перехватил соединительные трубки оружия Динго и сжал их в пальцах металлических перчаток. Мускулы на его руках напряглись в болезненном усилии, челюсти сжались, кровь стучала в висках... Динго, охваченный радостным предчувствием, не обращал ни на что внимания, смотрел только на лицо своего противника, искаженное, как он думал, страхом. Еще раз опустилась рукоять пистолета. На пластине появилась зловещая трещина в форме звезды.

Но тут вселенная, казалось, сошла с ума. Вначале одна и сразу вслед за этим другая соединительные трубки пистолетов Динго разорвались, и неуправляемый поток двуокиси углерода рванулся из обоих отверстий. Трубки извивались, как сумасшедшие змеи, Дэвида понесло сначала в одну сторону, потом в другую в безумном и неуправляемом ускорении.

Динго закричал от удивления, и его хватка ослабла. Они почти разъединились, но Счастливчик продолжал держаться за ноги пирата. Поток двуокиси углерода ослаб, и Старр стал подниматься по телу своего противника, перехватываясь руками. Теперь казалось, что противники неподвижны. Случайное направление потоков оставило их без видимого вращения. Пистолеты Динго, теперь мертвые и обвисшие, находились в том

же положении, в каком были при последнем толчке. Все казалось спокойным, как смерть. Но это была иллюзия. Счастливчик знал, что они летят с огромной скоростью в направлении, которое придал им последний толчок. Они вдвоем затеряны в космосе.

5. ОТШЕЛЬНИК НА СКАЛЕ

Счастливчик теперь был за спиной Динго и крепко держал его ногами. Он заговорил негромко и решительно:

— Ты меня слышишь, Динго? Не знаю, где мы и куда направляемся, но и ты не знаешь. Значит, мы нужны друг другу, Динго. Ты готов заключить сделку? Ты можешь установить наше местонахождение, можешь связаться по радио с кораблем, но не можешь вернуться без двуокиси углерода. У меня ее хватит на обоих, но мне нужно знать, куда направляться.

— Иди в космос, шлюха! — заревел Динго. — Покончив с тобой, я получу твои пистолеты.

— Не думаю, — холодно ответил Счастливчик.

— Думаешь и их использовать до конца? Давай! Давай, потрошитель! Что это тебе даст? Капитан пришлет за мной, а ты будешь плавать с разбитым шлемом и замерзшей кровью на лице.

— Не совсем так, мой друг. Тут кое-что у тебя на спине, знаешь ли. Может, ты не чувствуешь сквозь металл, но уверяю тебя, оно тут.

— Толчковый пистолет. Ну и что? Он ничего не значит, пока мы вместе. — Но он прекратил попытки освободиться от Дэвида.

— Я не часто сражаюсь на толчковых пистолетах, — звучал оживленный голос Счастливчика. — Но о самих пистолетах знаю больше тебя. Выстрелами из них обмениваются на расстоянии в мили. Тут нет сопротивления воздуха, чтобы замедлить поток или перемешать его, но есть внутреннее сопротивление. В самом потоке есть внутренние движения. Кристаллы ударяются друг о друга и замедляются. Линия газа расширяется. Если промахнешься, она уйдет в космос и исчезнет, но если попадешь, даже после миль полета ударяет, как лягающийся мул.

— О чем, во имя космоса, ты болтаешь? К чему ведешь? —

Пират изворачивался с бычьей силой, и Старр с трудом удерживал его.

Дэвид сказал:

— Вот к чему. А что, как ты думаешь, случится, если двуокись углерода ударит на расстоянии двух дюймов, прежде чем внутренние возмущения уменьшат ее скорость и расширят поток? Не гадай. Я тебе скажу. Она пройдет сквозь твой костюм, как пламя паяльной лампы, и сквозь тело тоже.

— Ты спятил! Говоришь как сумасшедший!

Динго яростно бранился, но тело его застыло.

— Попробуй, — предложил Старр. — Двигайся! Мой пистолет прижат к твоему костюму, и я держу палец на кнопке. Попробуй.

— Ты меня дурачишь, — огрызнулся Динго. — Это не чистая победа.

— У меня на плите трещина, — ответил Счастливчик. — Все увидят, кто нарушил правила. Даю тебе полминуты на решение.

В молчании проходили секунды. Старр уловил движение руки Динго. Он сказал:

— Прощай, Динго!

Динго хрипло закричал:

— Подожди! Подожди! Я увеличиваю дальность радио, — и позвал: — Капитан Антон... Капитан Антон...

Потребовалось полтора часа, чтобы их вернули на корабль.

«Атлас» двигался сквозь пространство вслед за пиратским кораблем. Автоматическое управление заменили ручным, и на «Атласе» оставили экипаж из трех человек. Как и раньше, на корабле находился только один пассажир — Счастливчик. Его закрыли в каюте, и людей он видел только тогда, когда ему приносили пищу. «Продукты с «Атласа», — подумал Дэвид. — То, что от них осталось». Большую часть продуктов и то оборудование, без которого можно было обойтись при управлении кораблем, переместили на пиратское судно. Первый раз пищу принесли все трое. Это были худощавые люди, коричневые от ничем не смягченных в космосе солнечных лучей.

Они молча дали ему поднос, осторожно осмотрели каюту, подождали, пока он вскроет банки и согреет их содержимое, затем унесли оставшееся. Старр предложил:

— Садитесь, приятели. Не нужно стоять, пока я ем.

Они не ответили. Один, самый худой из них, с некогда разбитым носом, свернутым на сторону, и с резко выступающим кадыком, посмотрел на остальных, как будто был склонен принять приглашение. Но не встретил ответа. В следующий раз еду принес один Сломанный Нос. Он поставил поднос, вернулся к двери, которую оставил открытой. Выглянув в коридор, он закрыл дверь и сказал:

— Я Мартин Манью.

Счастливчик улыбнулся.

— А я Билл Уильямс. Остальные двое не хотят разговаривать со мной?

— Они друзья Динго. А я нет. Может, ты и служишь правительству, как считает капитан, а может, и нет. Не знаю. Но что касается меня, всякий, кто поступил с этим ублюдком Динго, как ты, хороший парень. Динго умник и всегда играет жестоко. Когда я был новичком, он втянул меня в толчковую дуэль. Чуть не разбил меня об астероид. Без всякой причины. Потом заявил, что это была ошибка, но он не допускает ошибок с пистолетом. Когда ты притащил эту гиену за штаны, у тебя появилось немало друзей.

— Рад слышать.

— Но следи за ним. Он никогда не забудет. И не оставайся с ним наедине даже через двадцать лет. Говорю тебе. Дело не только в том, что ты его победил. Еще эта история с потоком двуокиси углерода, который мог бы пробить металлический костюм. Все смеются над ним, а он бесится. Парень, как он бесится! Лучше этого ничего нет. Надеюсь, приятель, босс даст тебе разрешение.

— Босс? Капитан Антон?

— Нет, босс. Главный мужик. А хорошая пища на вашем корабле. Особенно мясо, — пират смачно облизнулся. — Устаешь от всех этих дрожжевых болтанок, особенно когда сам следишь за чанами.

Дэвид подбирал остатки пищи.

— А кто этот парень?

— Какой?

— Босс.

Манью пожал плечами.

— Великий космос! Не знаю. Такие, как я, с ним не встречаются. Просто ребята говорят. Кто-то ведь должен быть боссом.

— Очень сложная организация.

— Парень, ты и не узнаешь, пока не присоединишься к нам. Послушай, я пришел сюда разбитым. Не знал, за что приняться. Думал, если захватим несколько кораблей, я получу свой и все будет в порядке. Но, знаешь, лучше бы я умер с голоду.

— Не получилось, как ты хотел?

— Нет. Ни разу не участвовал в рейдах. Да и никто из нас не участвует. Только немногие, вроде Динго. Он все время в деле. Ублюдок, ему это нравится. Мы иногда получаем женщин, — пират улыбнулся. — У меня была жена и ребенок. Не поверишь теперь, верно? У нас собственное производство. Свои дрожжевые чаны. Иногда я выполняю поручения в космосе, как сейчас, например. Впрочем, хорошая жизнь. И тебе понравится, если присоединишься. Такой, как ты, быстро получит жену и устроится. Или тебе нравятся приключения?

— Да, Мартин. Надеюсь, босс даст мне разрешение.

Счастливчик проводил его до двери.

— Кстати, куда мы направляемся? На одну из баз?

— Просто на одну из скал. Я думаю, на ближайшую. Останешься там, пока не получишь разрешения. Так мы обычно делаем.

Закрывая дверь, он добавил:

— Не говори никому, что я с тобой разговаривал. Ладно, приятель?

— Конечно.

Оставшись один, Старр медленно ударил кулаком по ладони. Босс. Просто разговоры? Слухи? Или за этим есть что-то? А остальная часть беседы? Придется ждать. Галактика! Если бы только у Хенри и Конвея хватило ума не вмешиваться.

У Дэвида не было возможности разглядеть «скалу» при приближении «Атласа». Он не видел ее до тех пор, пока в сопровождении Мартина Манью и другого пирата не вышел из шлюза и она не предстала перед ним в ста ярдах внизу. Астероид был самым типичным. Счастливчик решил, что он около двух миль в длину. Угловатый и покрытый утесами, как будто великан оторвал вершину скалы и швырнул в космос. Солнечная сторона серо-коричневого цвета. Астероид заметно поворачивался, тени на его поверхности перемещались.

Старр оттолкнулся от корабельного корпуса. Навстречу ему медленно поднимались утесы. Когда руки его коснулись скалы, инерция движения потянула вниз все тело, и он медленно начал падать, пока не ухватился за выступ и не обрел равновесия.

Он встал. Окружающий ландшафт можно было бы принять за планетарный, но за ближайшим утесом не было ничего, кроме пустоты космоса. Звезды, заметно передвигавшиеся по небу с движением астероида, блестели ярко и жестко. Корабль, занявший круговую орбиту, неподвижно висел над головой. Пираты провели Дэвида около пятидесяти футов по поверхности скалы. Они проделали этот путь двумя длинными прыжками. Часть скалы скользнула в сторону, и из отверстия показалась одетая в скафандр фигура.

— Ладно, Шельн, — грубовато сказал старший. — Он здесь. Теперь ты за него отвечаешь.

Голос отвечавшего прозвучал мягко и устало:

— И сколько он пробудет со мной, джентльмены?

— Пока мы не вернемся. И не задавай вопросов.

Пираты повернулись и прыгнули вверх. Тяготение астероида не могло их остановить. Они постепенно уменьшались, и через несколько минут Старр увидел блеск струи кристаллов: один из них корректировал направление с помощью толчкового пистолета. Маленький пистолет, используемый для таких целей, входил в стандартное оборудование космического костюма. В нем находился встроенный патрон с двуокисью углерода. Еще несколько минут, и корма корабля засветилась. Корабль тоже начал уменьшаться.

Дэвид знал, что без знания собственного положения в пространстве бесполезно следить за направлением улетающего корабля. А он ничего не знал, кроме того, что находится где-то в поясе астероидов. Он так глубоко погрузился в размышления, что вздрогнул, услышав мягкий голос другого человека:

— Как здесь прекрасно! Я выхожу редко и иногда забываю об этом. Только взгляните!

Счастливчик повернулся налево. Маленькое Солнце начало выходить из-за неровного края астероида. Через мгновение оно стало таким ярким, что на него невозможно было смотреть. Это была сверкающая двадцатикредитная золотая монета. Но небо оставалось таким же черным, и звезды светили так же ярко. Так всегда бывает на лишенных атмосферы небесных

телах, где газообразная оболочка не рассеивает солнечный свет и не окрашивает небо в голубой цвет. Человек с астероида продолжал:

— Через двадцать пять минут оно будет заходить. Иногда, когда Юпитер близко, можно его разглядеть. Он похож на стеклянный шарик, а его четыре спутника, как искры, выстраиваются в военный строй. Но это случается раз в три с половиной года. Не сейчас.

Дэвид резко прервал:

— Эти люди зовут вас Шельн. Это ваше имя? Вы один из них?

— Вы хотите спросить, не пират ли я? Нет. Но признаю, что меня можно обвинить в пособничестве. Меня зовут не Шельн. Просто так называют всех отшельников. Сэр, меня зовут Джозеф Патрик Хансен, и, поскольку мы проведем с вами в близком соседстве неопределенный период, надеюсь, мы станем друзьями.

Он протянул руку в металлической перчатке, и Счастливчик пожал ее.

— Я Билл Уильямс, — сказал он. — Вы говорите, что вы отшельник. Значит ли это, что вы живете тут постоянно?

— Совершенно верно.

Дэвид посмотрел на гранитно-слюдяную поверхность и нахмурился.

— Выглядит не очень приятно.

— Тем не менее я постараюсь, чтобы вам было удобно.

Отшельник коснулся скалы, из которой вышел, и часть ее снова отошла в сторону. Старр заметил, что края отверстия скошены и отделаны ластиумом или каким-то аналогичным материалом, по-видимому, чтобы не допустить утечки воздуха.

— Заходите, мистер Уильямс, — пригласил отшельник.

Счастливчик вошел. Скала за ним закрылась. Тут же вспыхнула лампа и осветила помещение. Это оказался маленький шлюз, способный вместить не более двух человек. Зажегся красный сигнал, и отшельник предложил:

— Можете открыть лицевую пластину. У нас есть воздух.

Сам он уже проделывал это.

Дэвид открыл шлем и набрал полные легкие чистого свежего воздуха. Неплохо. Лучше, чем корабельный воздух. Определенно. Но когда внутренняя дверь шлюза открылась, Счастливчик удивленно выдохнул.

6. ЧТО ЗНАЛ ОТШЕЛЬНИК

Даже на Земле Старр нечасто видел такие роскошные комнаты. Эта достигала тридцати футов в длину, двадцати в ширину и тридцати в высоту. Вдоль стен антресоль, а под ней и над ней стены уставлены книгофильмами. На пьедестале — проектор, на другом — модель Галактики из материала, похожего на жемчуг. Освещение скрытое. Войдя в комнату, Дэвид почувствовал тяготение псевдогравитационных установок. Оно не было установлено на земную норму. Старр определил силу тяготения как среднюю между земной и марсианской: достаточно для сохранения полной мышечной координации и вместе с тем остается определенное ощущение легкости. Отшельник снял костюм и подвесил его над белым пластиковым корытом, чтобы в него падали капли: когда они вступили в теплую влажную атмосферу комнаты, на скафандрах сразу образовался слой льда.

Отшельник был высокий стройный человек, с розовым гладким лицом, но волосы у него были седые, густые брови тоже, а вены четко выделялись на тыльной стороне рук. Он вежливо сказал:

— Разрешите вам помочь.

Счастливчик пришел в себя.

— Все в порядке. — Он быстро снял костюм. — У вас тут необычное место.

— Вам нравится? — Хансен улыбнулся. — Потребовалось немало лет, чтобы оно так выглядело. Но это еще не все, что есть в моем маленьком доме. — Он был полон спокойной гордости.

— Представляю себе, — ответил Дэвид. — Должна быть энергетическая установка для тепла и света, не говоря уже о псевдогравитационном поле. Нужны очистители воздуха, запасы воды, пищи, многое другое.

— Совершенно верно.

— Жизнь отшельника не так плоха.

Отшельник был одновременно горд и польщен.

— Она и не должна быть плохой, — сказал он. — Садитесь, Уильямс, садитесь. Хотите выпить?

— Нет, благодарю вас. — Счастливчик опустился в кресло. Внешне обычное сиденье и спинка маскировали диамагнитное поле, которое подалось лишь настолько, чтобы достигнуть

равновесия со всеми изгибами его тела. — Разве что отыщете чашечку кофе?

— Запросто. — Старик прошел в альков. Через несколько секунд он появился, неся чашку с ароматным дымящимся кофе. Потом принес другую для себя.

Хансен слегка коснулся носком ноги кресла Дэвида, и ручка кресла развернулась в небольшой столик. Отшельник поставил чашку в специальное углубление. При этом он пристально взглянул на молодого человека.

— В чем дело? — спросил Старр.

Хансен покачал головой:

— Ничего. Ничего.

Они смотрели друг на друга. Свет в других частях комнаты ослаб, и ярко освещалась только та часть, где они сидели.

— А теперь извините любопытство старого человека, — сказал отшельник. — Я бы хотел спросить, почему вы пришли сюда.

— Я не пришел. Меня привели, — ответил Счастливчик.

— Вы хотите сказать, что вы не из...

— Нет, я не пират. Пока, по крайней мере.

Хансен поставил свою чашку и обеспокоенно посмотрел на молодого человека.

«Не понимаю, — подумал тот. — Может, я говорил то, чего не должен был».

— Не беспокойтесь. Скоро я буду одним из них.

Старр допил кофе и, тщательно выбирая слова, начал рассказ с посадки на «Атлас» на Луне и до настоящего времени. Хансен внимательно слушал.

— А теперь, когда вы кое-что увидели, молодой человек, вы уверены, что именно этого хотите?

— Уверен.

— Почему, во имя Земли?

— Точно. Из-за Земли и того, что она со мной сделала. Там не место для жизни. А вы почему пришли сюда?

— Боюсь, это долгая история. Не тревожьтесь, я не стану ее рассказывать. Давным-давно я купил этот астероид как место отдыха, и он мне понравился. Я все увеличивал помещения, привез с Земли мебель, привозил книгофильмы. Постепенно здесь оказалось все, что мне необходимо. И тогда я подумал, а почему бы мне не поселиться тут постоянно. И я поселился.

— Конечно. Почему бы и нет? Вы умны. Там, на Земле,

беспорядок. Слишком много людей. Слишком много рутинной работы. Почти невозможно добраться до планет, а когда доберешься, твой удел — физическая работа. У человека нет никаких перспектив, если только не попадешь в астероиды. Я не так стар, чтобы осесть на месте. А для молодых здесь — свободная жизнь, полная приключений. Можно стать боссом.

— Те, что уже стали боссами, не любят молодых людей с такими мыслями. Антон, например. Я его видел и знаю.

— Может быть, но до сих пор он держал свое слово, — сказал Дэвид. — Обещал, что, если я выиграю у Динго, у меня будет шанс присоединиться к людям астероидов. Похоже, что такой шанс у меня есть.

— Похоже, что вы здесь, только и всего. Что, если он вернется с доказательством — или с тем, что он зовет доказательством, — что вы человек правительства?

— Этого не будет.

— А если будет? Просто чтобы избавиться от вас?

Лицо Счастливчика потемнело, и снова Хансен с любопытством взглянул на него, слегка нахмурившись при этом. Старр повторил:

— Не будет. Он понимает ценность полезных людей. И почему вы поучаете меня? Вы здесь с ними заодно.

Хансен опустил глаза.

— Это правда. Мне не следовало вмешиваться. Просто я очень долго был один, и мне хочется говорить и слышать звук другого голоса. Послушайте, уже время обеда. Если хотите, поедим молча. Или будем говорить на любую избранную вами тему.

— Спасибо, мистер Хансен. Не обижайтесь.

— Хорошо.

Дэвид вслед за Хансеном прошел в небольшую кладовую, заполненную консервами и концентратами всех видов. Фабричные марки были ему незнакомы. Содержимое указывалось яркой гравировкой, которая была неотъемлемой частью металла банки. Хансен сказал:

— У меня в специальном холодильнике обычно хранилось свежее мясо. На астероиде сохранять нужную температуру — не проблема, но вот уже два года мяса нет.

Он выбрал с полок полдюжины банок плюс контейнер с концентрированным молоком. По его просьбе молодой человек взял запечатанную емкость с водой с нижней полки. Отшельник быстро накрыл стол. Банки были с самоподогревом, они раскрывались в тарелки, а внутри уже находились ножи и вилки. Хансен с улыбкой сказал, указывая на банки:

— У меня целая долина, полная этих банок. Пустых, конечно. Собрались за двадцать лет.

Пища была вкусная, но необычная, сделанная на основе дрожжей — такую производят только в Земной империи. Нигде в Галактике перенаселение не достигает такого размера, нигде нет таких бесчисленных миллиардов, поэтому и потребовалось изобретение дрожжевой пищи. На Венере, где производится большая часть дрожжевых продуктов, умеют делать почти любые имитации: бифштексы, орехи, масло, конфеты. Они не менее питательны, чем настоящие. Но для Дэвида вкус был не совсем венерианским. С каким-то острым оттенком.

— Простите за любопытство, — спросил он, — но ведь все это требует денег?

— О да, и они у меня есть. На Земле у меня недвижимость. Очень значительная. К моим чекам всегда относятся с уважением, вернее, относились еще два года назад.

— А что случилось тогда?

— Перестали приходить корабли с припасами. Слишком рискованно из-за пиратов. Это был тяжелый удар. У меня были большие запасы, но могу представить себе, каково пришлось остальным.

— Остальным?

— Другим отшельникам. Нас здесь сотни. Не все такие удачливые, как я. Очень немногие могут позволить себе такие удобства, но самое необходимое у них есть. Обычно это старики вроде меня; жены их умерли, дети выросли, мир кажется им чужим и враждебным. Если у них есть деньги, они могут освоить маленький астероид. Правительство не взимает налогов. Любой астероид менее пяти миль в диаметре к вашим услугам. Если хотите, вам установят субэфирный приемник, и вы будете поддерживать связь со вселенной. Если нет, можете ограничиться книгофильмами, раз в год корабль привезет вам новости, а в остальном будете есть, отдыхать, спать и ждать смерти. Иногда мне хотелось бы познакомиться с некоторыми из них.

— Почему же вы не познакомились?

— С ними не так-то легко познакомиться. В конце концов они хотят быть одни. И я тоже.

— Что же вы сделали, когда перестали приходить корабли с припасами?

— Вначале ничего. Я решил, что правительство вмешается и поправит положение, а моих припасов хватит на месяцы. В сущности, я продержался бы и год. Но потом появились корабли пиратов.

— И вы примкнули к ним?

Отшельник пожал плечами. Лицо его приобрело беспокойное выражение, и они закончили обед в молчании. Потом он собрал тарелки из банок, вилки и ножи и положил в контейнер в нише, ведущей к кладовой. Старр услышал быстро удаляющийся металлический звук. Хансен сказал:

— Псевдогравитация не распространяется на мусоропровод. Толчок воздуха — и все отправляется в долину, о которой я вам говорил. Она на расстоянии в милю от нас.

— Мне кажется, — заметил Счастливчик, — что если бы вы дунули посильнее, то избавились бы от банок навсегда.

— Конечно. Большинство отшельников так и поступают. Может быть, даже все. Но мне это не нравится. Напрасная трата воздуха, да и металла. Когда-нибудь эти банки могут понадобиться. Кто знает? К тому же хоть большинство банок улетит, я уверен, что некоторые будут кружить вокруг астероида, как маленькие луны. Мне не нравится мысль о том, что меня будут сопровождать собственные отбросы. Хотите закурить? Нет? Не возражаете, если я закурю?

Он закурил сигару и с довольным вздохом продолжал:

— Люди астероидов не могут снабжать меня табаком регулярно, поэтому здесь курение — редкое удовольствие.

Дэвид спросил:

— Они поставляют вам все остальное?

— Да. Воду, запасные части, элементы энергоустановки.

— А вы что для них делаете?

Отшельник рассматривал горящий кончик сигары.

— Немного. Они используют мой астероид. Сюда прилетают корабли, а я о них не сообщаю. Ко мне они не заходят, а что они на остальной части скалы делают, не мое дело. Не хочу знать. Так безопасней. Иногда оставляют людей, вот как вас, потом их забирают. Думаю, иногда они тут производят мелкий ремонт. В обмен мне привозят припасы.

— А других отшельников они тоже снабжают?

— Не знаю. Возможно.

— Для этого нужно очень много припасов. Где они их берут?

— Захватывают корабли.

— Этого не хватит, чтобы снабжать сотни отшельников и их самих. Я хочу сказать, для этого нужно множество кораблей.

— Не знаю.

— И вас это не интересует? Вы ведете спокойную жизнь, но, может, ваша пища с корабля, чей экипаж превратился в замороженные трупы, кружащиеся вокруг какого-нибудь астероида, как человеческие отбросы. Вы когда-нибудь думали об этом?

Отшельник болезненно покраснел.

— Вы мстите за то, что я вас поучал. Вы правы, но что я могу сделать? Я не покинул и не предал правительство. Это оно покинуло и предало меня. На Земле я плачу налоги. Почему же меня не защищают? Я зарегистрировал свой астероид в Земном бюро внешних миров. Он — часть Земной империи. Я имею право ожидать защиты от пиратов, но ее нет. Если мои поставщики продовольствия холодно сообщают, что больше не могут меня снабжать ни за какие деньги, что мне делать? Вы можете сказать: возвращайся на Землю. Но как оставить все это? Здесь мой собственный мир. Мои книгофильмы, великая классика, которую я люблю. У меня есть даже экземпляр Шекспира — пересняты настоящие страницы древней печатной книги. У меня есть пища, вода, уединение: такого мне не найти нигде во Вселенной.

Не думайте, что выбор был легким. У меня есть субэфирный передатчик. Я могу связаться с Землей. Есть маленький корабль, на котором я могу улететь на Цереру. Люди астероидов знают об этом, но они верят мне. Они знают, что теперь у меня нет выбора. Как я вам говорил, когда мы только встретились, в некотором смысле я их пособник. Я помогал им. По закону я теперь пират. Если я вернусь, меня ждет тюрьма, может быть, казнь. Даже если нет, если я в обмен на информацию буду прощен, люди астероидов никогда об этом не забудут. Они отыщут меня, где бы я ни скрывался, разве что правительство будет меня охранять до конца жизни.

— Похоже, вы в трудном положении.

— Вы так думаете? — спросил отшельник. — Может, я и получу охрану за соответствующую помощь.

Теперь была очередь Счастливчика сказать:

— Не знаю.

— Вы мне поможете.

— Не понимаю вас.

— Послушайте, я вас кое о чем предупрежу, а вы поможете мне.

— Я ничего не могу сделать. О чем предупредите?

— Убирайтесь с астероида раньше, чем вернется Антон со своими людьми.

— Ни за что. Я пришел, чтобы присоединиться к ним, а не возвращаться домой.

— Если останетесь, останетесь навсегда. Останетесь мертвецом. Они не возьмут вас в экипаж. Вы не подойдете.

Лицо Старра исказило гневное выражение.

— О чем это, во имя космоса, вы толкуете, старик?

— Вот опять. Когда вы сердитесь, я ясно вижу это. Вы не Билл Уильямс, молодой человек. Какое отношение вы имеете к члену Совета Лоуренсу Старру? Вы его сын?

7. НА ЦЕРЕРУ

Глаза Дэвида сузились. Он чувствовал, как напряглись мышцы его правой руки, как рука сама потянулась к бедру, где не висел бластер. Но он не двинулся. Голос его оставался спокойным:

— Чей сын? О чем это вы?

— Я уверен, — отшельник наклонился вперед, в искреннем порыве схватив Дэвида за руку. — Я хорошо знал Лоуренса Старра. Он был моим другом. Помог мне однажды, когда я нуждался в помощи. А вы его копия. Я не мог ошибиться.

Счастливчик отнял руку.

— Это бессмыслица.

— Послушайте, молодой человек, вам важно не выдавать вашего настоящего имени. Может, вы не доверяете мне. Я не прошу вас об этом. Я признал, что сотрудничал с пиратами. Но все равно послушайте. У людей астероидов хорошая организация. Потребуются недели, но, если Антон заподозрил вас, они не остановятся, пока все не проверят. Их не обманешь. Они узнают правду, узнают, кто вы на самом деле. Будьте уверены в этом. Они установят ваше настоящее имя. Улетайте, говорю вам. Улетайте!

Дэвид сказал:

— Если я тот самый парень, о котором вы говорите, старик, то вы навлекаете на себя неприятности. Я так понимаю, что вы отдаете мне свой корабль.

— Да.

— А что вы будете делать, когда пираты вернутся?

— Меня здесь не будет. Вы не поняли? Я хочу улететь с вами.

— И оставить все здесь?

Старик колебался.

— Да, это трудно. Но другой такой возможности у меня не будет. У вас есть влияние, должно быть. Может быть, вы сами член Совета. Вы здесь на секретной работе. Вам верят. Вы сможете защитить меня, поручиться за меня. Вы предотвратите наказание, проследите, чтобы меня не нашли пираты. Совет за это многое получит, молодой человек. Я расскажу все, что знаю о пиратах. Буду помогать чем только смогу.

Дэвид спросил:

— Где ваш корабль?

— Значит, договорились?

Корабль действительно оказался маленьким. Им пришлось идти к нему гуськом по длинному коридору, снова облачившись в защитные костюмы.

Старр спросил:

— Достаточно ли близко Церера, чтобы увидеть ее в корабельный телескоп?

— Да.

— Вы узнаете ее?

— Несомненно.

— Тогда пошли на борт.

Передняя часть безвоздушной пещеры, где был спрятан корабль, открылась, как только пришли в действие его двигатели.

— Управляется по радио, — объяснил Хансен.

Корабль был заправлен и снабжен провизией. Все механизмы работали нормально, корабль легко поднялся и устремился в пространство со свободой, возможной лишь там, где почти полностью отсутствуют гравитационные поля. Впервые Счастливчик увидел астероид Хансена из космоса. Он заметил долину с выброшенными банками, она была ярче окружающих скал.

Хансен сказал:

— Теперь расскажите мне. Вы ведь сын Лоуренса Старра?

Дэвид, нашедший на борту заряженный бластер, пристегивал к поясу кобуру.

— Меня зовут Дэвид Старр. Друзья называют меня Счастливчик.

Церера — великан среди астероидов. Она достигает пятисот миль в диаметре. Обычный человек, стоя на ней, весит два фунта. У нее сферическая форма, и, находясь близко к ее поверхности, можно подумать, что это приличного размера планета. Но если бы Земля была полой, туда пришлось бы бросить четыре тысячи таких тел, как Церера, чтобы заполнить ее.

Верзила стоял на поверхности Цереры в раздувшемся костюме, обшитом дополнительным свинцом для веса; сапоги его были на толстой свинцовой подошве. Это была его собственная идея, но она оказалась бесполезной. Он все еще весил меньше четырех фунтов, и любое движение грозило унести его в космос. Он уже два дня находился на Церере после быстрого перелета с Луны вместе с Конвеем и Хенри. Они ждали радиосигнала Старра, сообщения о том, что он возвращается. Гус Хенри и Гектор Конвей нервничали. Они боялись за Дэвида, опасаясь, что его могли убить. Но он, Верзила, знал его лучше. Счастливчик выйдет из любого положения. Он им говорил об этом. А когда наконец пришел сигнал Дэвида, он снова сказал им об этом. И все же, стоя на замерзшей поверхности Цереры, ничем не отделенный от звезд, он сознался себе самому, что испытывает облегчение.

С того места, где он стоял, виднелся купол Обсерватории, нижние ее этажи скрывались за близким горизонтом. По вполне понятным причинам это была самая большая в Солнечной системе обсерватория. В той части Солнечной системы, что находится внутри орбиты Юпитера, у Венеры, Земли и Марса есть атмосферы, и уже этот факт делает их неподходящими для астрономических наблюдений. Атмосфера, даже разреженная, как на Марсе, скрывает детали. Звезды дрожат и мерцают, наблюдать невозможно. Самое большое тело без атмосферы внутри орбиты Юпитера — Меркурий, но он так близок к Солнцу, что обсерватория, расположенная в его сумеречной зоне, специализируется в наблюдениях над светилом. Для этого достаточно сравнительно небольшого телескопа.

Второе большое безвоздушное тело — Луна. И здесь обстоятельства продиктовали специализацию. Например, прогноз погоды благодаря лунным наблюдениям стал очень точным и долговременным, поскольку вся земная атмосфера хорошо видна с расстояния в четверть миллиона миль. А третье лишенное атмосферы тело — Церера, и она подошла лучше всего. Почти полное отсутствие тяготения позволило создать огромные линзы и зеркала без опасности их повреждения; не возникал даже вопрос о провисании, так как на Церере у них нет собственного веса. Сооружение телескопа не потребовало больших усилий. Церера в три раза дальше от Солнца, чем Луна, и солнечный свет там слабее в восемь раз. Быстрое вращение поддерживает на Церере постоянную температуру. Короче, Церера — идеальное место для наблюдений за звездами и внешними планетами. Только накануне Верзила смотрел на Сатурн через тысячедюймовый отражательный телескоп; шлифовка его зеркала потребовала двадцати лет постоянного напряженного труда.

— С какого это спутника? — спросил он.

Над ним посмеялись.

— Ни с какого, — был ответ.

Над приборами трудились трое, они действовали согласованно. Тусклое красное освещение еще более померкло, и в черной пустоте, куда он смотрел, появилось светлое пятно. Прикосновение к приборам увеличило резкость. Верзила удивленно свистнул. Это был Сатурн!

Сатурн, трех футов шириной, точно такой, каким он несколько раз видел его из космоса. Ярко выделялось тройное кольцо, и можно было разглядеть три похожих на шарики спутника. Сзади — многочисленные пылинки звезд. Верзила хотел посмотреть с другой точки, но картина не изменилась, когда он переместился.

— Это ведь только изображение, — сказали ему, — иллюзия. Она одинакова с любой точки.

Теперь, с поверхности астероида, Верзила мог разглядеть Сатурн невооруженным глазом. Светлая точка, но ярче точек звезд. Отсюда Сатурн кажется вдвое ярче, чем с Земли, так как он на двести миллионов миль ближе. Земля находилась по другую сторону Солнца и представляла не очень впечатляю-

щее зрелище, особенно рядом со светилом, которое само было размером с горошину. Шлем Верзилы неожиданно зазвенел от громкого звука, донесшегося из микрофона.

— Эй, коротышка, шевелись. Подходит корабль.

Верзила подпрыгнул. Нелепо размахивая руками, он закричал:

— Кто назвал меня коротышкой?

Но в ответ послышался смех.

— Сколько берешь за обучение полетам, малыш?

— Я тебе покажу малыша! — яростно закричал Верзила. Он достиг вершины своей параболы и медленно начал опускаться. — Как тебя зовут, умник? Скажи свое имя, и я сверну тебе шею, как только вернусь и сниму костюм.

— Дотянешься до моей шеи? — послышался насмешливый ответ, и Верзила взорвался бы и разлетелся на мелкие куски, но тут он увидел снижающийся корабль.

Он поскакал гигантскими неуклюжими прыжками по выровненной поверхности, которая служила посадочным полем, стараясь точно угадать место, где сядет корабль. Корабль опустился в дымящуюся шахту с легкостью перышка. Когда открылся шлюз и показалась высокая фигура Дэвида, Верзила закричал от радости, высоко подпрыгнул, и они обнялись. Конвей и Хенри были менее экспансивны, но обрадовались не меньше. Каждый схватил Старра за руку, как бы желая убедиться, что он действительно перед ними.

Счастливчик рассмеялся.

— Что с вами? Дайте передохнуть. В чем дело? Вы думали, я не вернусь?

— Послушай, — сказал Конвей, — в следующий раз лучше посвящай нас в свои сумасбродные планы.

— Но если план покажется вам сумасбродным, вы меня не отпустите.

— Оставим это. За то, что ты сделал, я могу навсегда оставить тебя на Земле. Могу прямо сейчас арестовать тебя, отстранить от работы и выбросить из Совета, — сказал Конвей.

— И что же из этого вы собираетесь сделать?

— Ничего, ты, проклятый переросший тупица. Но в будущем я тебе покажу!

Счастливчик повернулся к Августасу Хенри.

— Вы ведь не позволите ему?

— Откровенно говоря, я ему помогу.

— Тогда сдаюсь заранее. Послушайте, я хочу познакомить вас с одним джентльменом.

До сих пор Хансен держался сзади и, по-видимому, забавлялся этим обменом любезностями. Двое старших членов Совета были так заняты Дэвидом, что даже не заметили присутствия постороннего.

— Доктор Конвей, — сказал Старр, — доктор Хенри. Это мистер Джозеф Хансен. На его корабле я вернулся. Он мне очень помог.

Старик отшельник обменялся рукопожатиями с двумя учеными.

— Вы, наверно, не знакомы с доктором Конвеем и доктором Хенри, — спросил Счастливчик.

Отшельник покачал головой.

— Они важные фигуры в Совете Науки, — продолжал Старр. — Когда поедите и передохнете, они поговорят с вами и, я уверен, помогут вам.

Час спустя двое старших членов Совета серьезно смотрели на Счастливчика. Доктор Хенри мизинцем утрамбовал табак в своей трубке и спокойно закурил, слушая рассказ его о приключениях среди пиратов.

— Ты рассказал об этом Верзиле? — спросил он.

— Только что разговаривал с ним, — ответил Старр.

— И он не побил тебя за то, что ты его не взял с собой?

— Он был недоволен, — признал Счастливчик.

Но Конвей был настроен более серьезно.

— Корабль сирианской постройки? — пробормотал он.

— Несомненно, — ответил Старр. — По крайней мере у нас есть эта информация.

— Она не стоила такого риска, — сухо отозвался Конвей. — Меня очень беспокоит другая часть информации. Очевидно, сирианцы проникли в сам Совет Науки.

Хенри серьезно кивнул.

— Да, я тоже заметил это. Очень плохо.

Дэвид спросил:

— А как вы это установили?

— Галактика, мальчик, это очевидно! — взревел Конвей. — Конечно, над подготовкой корабля работала большая группа, и при всех предосторожностях информация могла утечь. Но

ведь замысел ловушки и само исполнение этого замысла были известны только членам Совета, и то далеко не всем. Где-то в этой маленькой группе есть шпион, но я готов поручиться за любого. — Он покачал головой. — Но как иначе объяснить?

— Не нужно объяснять, — сказал Счастливчик.

— Не нужно? А почему?

— Потому что связь с сирианцами была временной. Сирианское посольство получило информацию от меня.

8. ВЕРЗИЛА БЕРЕТ ВЕРХ

— Конечно, не прямо, через одного из известных шпионов, — подчеркнул Дэвид, пока двое старших ошеломленно смотрели на него.

— Я тебя не понимаю, — негромко сказал Хенри. Конвей, по-видимому, вообще лишился дара речи.

— Это было необходимо. Я не должен был вызвать у пиратов подозрений. Если бы они нашли меня на корабле, который считали бы картографическим, меня без разговоров застрелили бы. С другой стороны, если меня находят на корабле-ловушке, тайна которого им стала известна, как они считают, случайно, они поверят, что я заяц. Разве вы не понимаете? На картографическом корабле я всего лишь член экипажа, который не сумел уйти вовремя. На корабле-ловушке я тупица, который и не подозревает, во что ввязался.

— Все равно тебя могли застрелить. Могли разгадать твою двойную игру и посчитать тебя шпионом. В сущности, так и произошло.

— Это правда, — согласился Счастливчик.

Конвей наконец взорвался.

— А как насчет первоначального плана? Мы должны были взорвать одну из их баз или нет? Когда подумаю о месяцах, потраченных на подготовку «Атласа», о вложенных в это средствах...

— Что бы нам дал взрыв одной из их баз? Мы говорили о большом пиратском ангаре, но это только пожелания. Организация, базирующаяся в астероидах, должна быть децентрализованной. Пираты, вероятно, держат в одном месте не больше трех-четырех кораблей. Для большего просто нет места. Взрыв

трех-четырех кораблей — ничто по сравнению с тем, чего бы мы достигли, если бы я проник в их организацию.

— Но ты не проник, — сказал Конвей. — Несмотря на весь риск, ты потерпел неудачу.

— К несчастью, пираты, захватившие «Атлас», оказались слишком подозрительны, а может, слишком умны. Постараюсь в дальнейшем не недооценивать их. Но не все потеряно. Мы теперь знаем, что за ними Сириус. И еще — у нас мой друг отшельник.

— Он нам не поможет, — заметил Конвей. — По твоему рассказу выходит, что он старался иметь как можно меньше дел с пиратами. Что он может знать?

— Может быть, он скажет нам больше, чем сам считает возможным, — холодно возразил Дэвид. — Например, он уже сообщил нам кое-что, позволяющее продолжить попытки проникнуть внутрь организации.

— Ты не пойдешь снова, — торопливо заявил Конвей.

— Я и не собираюсь, — сказал Старр.

Глаза Конвея сузились.

— А где Верзила?

— На Цереpе. Не волнуйтесь. Вообще-то, — тень беспокойства промелькнула на лице молодого человека, — он должен был бы быть здесь. Его задержка начинает меня беспокоить.

Джон Верзила Джонс при помощи особого пропуска миновал охрану контрольной башни. Бормоча что-то, он чуть не бежал по коридору. Его курносое лицо раскраснелось так, что почти исчезли веснушки, короткие рыжеватые волосы торчали, как проволочная изгородь. Счастливчик часто говорил Верзиле, что тот носит вертикальную стрижку, чтобы казаться выше, но Верзила всегда яростно это отрицал. Он пересек фотоэлектрический луч, и дверь перед ним раскрылась. Войдя внутрь, Верзила огляделся.

Дежурных было трое. Один с наушниками сидел у субэфирного приемника, другой — у компьютера, третий — у выпуклого экрана. Верзила спросил:

— Кто из вас, полоумных, назвал меня коротышкой?

Все трое одновременно повернулись к нему с удивленными лицами. Человек с наушниками снял один из них с левого уха.

— Кто, во имя космоса, ты такой? Как ты сюда попал?

Верзила выпрямился и расправил свою маленькую грудь.

— Меня зовут Джон Верзила Джонс. Друзья зовут меня Верзилой. Никто не зовет меня коротышкой, оставаясь при этом невредимым. Я хочу знать, кто из вас сделал такую ошибку.

Человек с наушниками сказал:

— Меня зовут Лем Фиск, можешь называть меня как угодно, только уходи отсюда. Уходи, или я спущусь, возьму тебя за ногу и вышвырну.

Сидевший у компьютера заметил:

— Эй, Лем, это тот самый чокнутый, что бродил по порту недавно. Не трать на него время. Вызови охрану, пусть его выведут.

— Глупости, — заявил Лем Фиск, — нам для него не нужна охрана.

Он совсем снял наушники и поставил субэфирный приемник на автоматический прием. Потом сказал:

— Ну что ж, сынок, ты пришел сюда и очень приятным образом задал приятный вопрос. Я тебе отвечу не менее приятно. Коротышкой тебя назвал я, но погоди, не выходи из себя. У меня была причина. Ведь ты на самом деле такой высокий парень. Такой большой глоток воды. У тебя такие огромные карманы. Мои друзья смеялись, когда я назвал тебя коротышкой.

Он достал из кармана пачку сигарет. Улыбка на его лице стала ласковой.

— Спускайся сюда! — взревел Верзила. — Спускайся и подкрепи свое чувство юмора кулаками.

— Характер, характер, — сказал Фиск и прищелкнул языком. — Эй, малыш, хочешь сигарету? Королевского размера. Почти такая же длинная, как ты. Но как подумаешь, может возникнуть затруднение. Трудно будет решить, ты ли куришь сигарету или она тебя.

Остальные двое громко рассмеялись.

Лицо Верзилы стало совершенно красным. Слова хрипло вырывались из его горла.

— Ты будешь драться?

— Я лучше покурю. Жаль, что ты не хочешь присоединиться ко мне. — Фиск откинулся назад, выбрал сигарету и держал ее перед собой, как бы восхищаясь ее стройной белизной. — В конце концов, не могу же я драться с ребенком.

Он улыбнулся, поднес сигарету к губам и обнаружил, что в руке ничего нет.

Его большой и указательный пальцы по-прежнему находились на расстоянии трех четвертей дюйма друг от друга, как будто что-то держали. Но сигареты в них не было.

— Осторожней, Лем! — воскликнул человек у экрана. — У него игольное ружье.

— Никакого игольного ружья, — фыркнул Верзила. — Всего лишь жужжалка.

Разница значительная. Снаряды жужжалки — так называли тренировочный пистолет — тоже в форме иглы, но они хрупки и не разрываются. Их используют для тренировок и игр. Попав в человека, такая игла не причиняет серьезного вреда, но при этом бывает очень больно. Улыбка исчезла с лица Фиска. Он закричал:

— Осторожней, сумасшедший! Я мог бы ослепнуть.

Сжатый кулак Верзилы оставался на уровне глаза. Из него высовывался тонкий ствол жужжалки. Верзила сказал:

— Я тебя не ослеплю. Но могу попасть так, что ты не сможешь сидеть целый месяц. Как видишь, я метко стреляю. А ты, — бросил он через плечо сидевшему у компьютера, — двинешься еще на дюйм к сигналу тревоги, и игла жужжалки будет у тебя в руке.

Фиск спросил:

— Чего ты хочешь?

— Спускайся и дерись.

— Против жужжалки?

— Я ее уберу. На кулаках. Честный бой. Твои приятели последят за этим.

— Я не могу бить такого маленького, как ты.

— Тогда не нужно его и оскорблять. — Верзила поднял жужжалку. — И я не меньше тебя. Может, снаружи так кажется, но внутри я такой же большой, как ты. Может, даже больше. Считаю до трех.

Он прицелился.

— Галактика! — выругался Фиск. — Спускаюсь. Друзья, будьте свидетелями, что он меня вынудил. Постараюсь не слишком покалечить этого придурка.

Он спрыгнул с навеса. Человек, сидевший у компьютера, занял его место у приемника. Фиск был ростом в пять футов десять дюймов, на восемь дюймов выше Верзилы. Маленькая

фигура его противника походила скорее на мальчишескую. Но мышцы Верзилы находились под стальным контролем. Он без всякого выражения на лице ждал приближения Фиска. Тот не побеспокоился о защите. Просто вытянул правую руку, как будто хотел схватить Верзилу за воротник и вышвырнуть за дверь.

Верзила нырнул под его руку и быстро нанес несколько ударов левой — правой в солнечное сплетение. В то же мгновение Верзила отпрыгнул. Фиск позеленел и сел, со стоном держась за живот.

— Вставай, великан, — сказал Верзила. — Я тебя жду.

Остальные двое застыли от неожиданности.

Фиск медленно поднялся. Лицо его исказилось от гнева, но на этот раз он приближался медленно. Верзила отскочил. Фиск бросился вперед, но промахнулся на два дюйма. Он нанес удар правой, и рука его на дюйм не достала до челюсти Верзилы. Верзила прыгал, как пробка на волнующейся поверхности воды. И отражал все удары.

Фиск, нечленораздельно крича, слепо бросился на малыша, надоедливого, как москит. Но тот отскочил в сторону и резко ударил открытой ладонью по гладко выбритой щеке противника. Раздался громкий щелчок, как от метеорита, пробивающего атмосферу планеты. На лице Фиска отчетливо проступили следы четырех пальцев. Мгновение он стоял ошеломленный. Как нападающая змея, Верзила подскочил снова, его кулаки ударили в челюсть Фиска. Тот полусогнулся и упал. И тут Верзила услышал сигнал тревоги.

Не колеблясь, он повернулся и бросился к двери. Пробежав мимо троих удивленных охранников, он исчез.

— А почему мы ждем Верзилу? — спросил Конвей.

Дэвид ответил:

— Вот как я вижу сложившуюся ситуацию. Нет ничего, что было бы нам нужнее, чем информация о пиратах. Я имею в виду информацию изнутри. Я попытался ее добыть, но не получилось. Теперь я меченый человек. Меня знают. Но Верзилу они не знают. У него нет официальных связей с Советом. Моя идея заключается в том, что мы выдвинем против него обвинение в уголовном преступлении — для правдоподобия, и он улетит с Цереры в корабле отшельника...

— О космос! — простонал Конвей.

— Послушайте! Он вернется на астероид отшельника. Если пираты там, хорошо! Если их нет, он оставит корабль на виду и будет ждать. Там ждать очень удобно.

— А когда они появятся, — сказал Хенри, — его расстреляют.

— Нет. Для этого он и берет корабль отшельника. Они захотят узнать, где Хансен, не говоря уже обо мне, откуда явился Верзила, как он получил корабль. Им нужно это знать. Поэтому они будут разговаривать.

— А как он нашел астероид отшельника среди всех этих скал? Это трудно объяснить.

— Вовсе нет. Корабль отшельника на Церере. Я устроил так, что он не охраняется. Верзила найдет координаты астероида в корабельном журнале. Для него это будет просто астероид недалеко от Цереры, не хуже других, и Верзила кратчайшим путем направится к нему, чтобы выждать, пока уляжется переполох на Церере.

— Рискованно, — проворчал Конвей.

— Верзила это знает. Я вам говорю: придется идти на риск. Земля недооценивает угрозу пиратов и поэтому...

Он замолчал, так как ожил коммуникатор, последовало чередование вспышек света.

Конвей нетерпеливым движением руки включил дешифратор и выпрямился. Он сказал:

— Передача на волне Совета и, клянусь Цererой, шифр Совета.

На маленьком экране над коммуникатором сменялись вспышки света и тьмы. Конвей достал из бумажника металлическую пластинку и вложил ее в узкую щель коммуникатора. Это был кристаллический дешифратор — главная часть устройства, состоящего из кристаллов тунгстена, вплавленных в алюминиевую матрицу. Прибор особым образом фильтровал сигналы субэфира. Конвей медленно настраивал дешифратор, все глубже вдвигая пластинку, пока она не совпала с такой же пластинкой на другом конце связи. В момент полного совпадения картинка на экране прояснилась.

Старр привстал.

— Верзила! — воскликнул он. — Где ты, во имя космоса?

Маленькое лицо Верзилы проказливо улыбалось.

— Конечно, в космосе. В ста тысячах миль от Цереры. Я в корабле отшельника.

Конвей яростно прошептал:

— Еще один твой трюк? Ты говорил, он на Цереpe.

— Я так считал, — ответил Счастливчик. Потом: — Что случилось, Верзила?

— Ты сказал, что нужно действовать быстро, поэтому я сам все устроил. Меня задел один из умников в башне. Ну, я немного поколотил его и сбежал, — он рассмеялся. — Проверьте в охране, не ищут ли они похожего на меня парня по обвинению в нападении и избиении.

— Это не самый разумный твой поступок, — серьезно сказал Старр. — Тебе трудно будет убедить людей астероидов, что ты на кого-то напал. Не хочу тебя обидеть, но ты кажешься неподходящим для такой работы.

— Поколочу парочку, — возразил Верзила, — поверят. Но я вас вызвал не поэтому.

— А почему?

— Как мне добраться до астероида этого парня?

Старр нахмурился.

— Ты смотрел в бортовой журнал?

— Великая Галактика! Везде смотрел. Даже под матрацем. Никаких записей и никаких координат.

Беспокойство Дэвида росло.

— Странно. Более чем странно. Послушай, Верзила, — заговорил он быстро и настойчиво, — уравняй свою скорость со скоростью Цереры. Отметь свои координаты относительно Цереры и сохраняй их, пока я тебя не вызову. Ты теперь близко к Церере, и пираты не будут тебя беспокоить, но если отлетишь подальше, можешь попасть в трудное положение. Слышишь меня?

— Понял. Сейчас рассчитаю координаты.

Счастливчик записал их и прервал связь. Он сказал:

— Великий космос, когда я научусь не строить предположений?

Хенри спросил:

— Не лучше ли Верзиле вернуться? Предприятие вообще безрассудное, а так как у тебя нет координат, лучше вообще от него отказаться.

— Отказаться? Отказаться от единственного астероида, который мы знаем как базу пиратов? А вы знаете другие? Хотя бы один? Надо найти этот астероид. Это единственный ключ к развязке всего узла.

Конвей сказал:

— Он прав, Гус. Это база.

Старр решительно нажал кнопку интеркома и ждал. Послышался сонный и удивленный голос Хансена:

— Алло! Алло!

Дэвид резко сказал:

— Говорит Старр, мистер Хансен. Простите за беспокойство, но мне хотелось бы, чтобы вы немедленно пришли к доктору Конвею.

После небольшой паузы отшельник ответил:

— Конечно, но я не знаю, как туда добраться.

— Охранник у двери вас проводит. Я свяжусь с ним. Можете прийти через две минуты?

— Две с половиной, — добродушно ответил тот. Теперь он казался вполне проснувшимся. — Хорошо!

Хансен держал слово. Счастливчик ждал его. Он молчал, придерживая дверь, потом спросил у охранника:

— Не было ли тревоги на базе сегодня вечером? Может быть, драка?

Охранник удивился.

— Да, сэр. Но пострадавший отказался подавать жалобу. Сказал, что это была честная драка.

Дэвид закрыл за ним дверь.

— Как и следовало ожидать. Ни один нормальный человек не захочет признаться, что его побил Верзила. Но нужно будет все равно занести в документы обвинение... На всякий случай... Мистер Хансен.

— Да, мистер Старр?

— У меня вопрос, который я не хотел задавать по внутренней связи. Скажите, каковы координаты вашего астероида. Стандартные и временные, конечно.

Хансен смотрел на него округлившимися глазами.

— Может, вы мне не поверите, но я не могу вам сказать.

9. АСТЕРОИД, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Дэвид спокойно встретил его взгляд.

— В это трудно поверить, мистер Хансен. Я считал, что вы знаете свои координаты, как жилец дома знает свой адрес.

Отшельник взглянул в пол и мягко ответил:

— Наверно, вы правы. Это действительно мой домашний адрес. Но я его не знаю.

Конвей начал:

— Если этот человек сознательно...

Счастливчик прервал его:

— Подождите. Проявим терпение. У мистера Хансена должно быть объяснение.

Они ждали, что скажет отшельник. Координаты многочисленных тел в Галактике — это жизнь космических полетов. Они выполняют те же функции, что и линии долготы и широты на двухмерной поверхности планеты. Но поскольку в космосе три измерения, а тела движутся относительно друг друга во всех направлениях, необходимые координаты гораздо сложнее. Вначале устанавливается точка отсчета. В Солнечной системе ею обычно служит Солнце. Далее необходимы три числа. Первое — расстояние от тела до Солнца или его позиция относительно светила. Второе и третье — угловые измерения, характеризующие положение тела относительно линии, соединяющей Солнце с центром Галактики. Если известны эти данные для трех разных точек орбиты, достаточно далеко отстоящих друг от друга, орбита движущегося тела может быть рассчитана, и его положение относительно Солнца будет известно в любой момент. Корабли рассчитывают собственные координаты относительно Солнца или, если так удобнее, относительно ближайшего крупного тела. На лунных линиях для кораблей, курсирующих между Землей и Луной, такой точкой отсчета обычно берется Земля. Собственные координаты Солнца рассчитывают относительно центра Галактики и начального галактического меридиана, но это необходимо только при межзвездных путешествиях.

Должно быть, такие мысли приходили в голову отшельнику, пока он молча сидел, а три члена Совета внимательно смотрели на него. Трудно сказать. Неожиданно Хансен заговорил:

— Да, я могу объяснить.

— Мы ждем, — ответил Старр.

— Мне ни разу за пятнадцать лет не приходилось пользоваться координатами. Последние два года я вообще не покидал астероид, а до этого делал короткие перелеты раз-два в году на Цереру или Весту за разными припасами. Использовал пространственные координаты, которые рассчитывал всякий раз заново. Таблицу я никогда не делал, она мне не нужна. От-

сутствовал я один-два дня, в крайнем случае три, и моя скала за это время не улетала далеко. Она движется внутри потока чуть медленнее Цереры и Весты, когда находится далеко от Солнца, и чуть быстрее, когда близко. Когда я возвращаюсь к рассчитанной позиции, моя скала может улететь на десять или даже на сто тысяч миль, но ее всегда можно увидеть в телескоп. После этого я уточняю курс на глаз. Я никогда не использовал солнечные координаты, они мне не нужны.

— Вы хотите сказать, что не можете вернуться на свой астероид, — заметил Дэвид. — Или вы рассчитали перед вылетом пространственные координаты?

— Нет, — печально ответил отшельник. — Я и не думал об этом, пока вы не спросили.

Вмешался доктор Хенри:

— Подождите. Подождите. — Он заново набил трубку и теперь яростно раскуривал ее. — Может, я ошибаюсь, мистер Хансен, но, когда вы приобрели этот астероид, вы должны были зарегистрироваться в Земном бюро внешних миров. Так?

— Да, — ответил Хансен, — но ведь это только формальность.

— Возможно. Я не спорю. Но координаты вашего астероида должны быть зарегистрированы.

Хансен немного подумал, потом покачал головой.

— Боюсь, что нет, доктор Хенри. Записали только стандартные координаты на первое января того года. Просто чтобы обозначить астероид. Как бы присвоить ему кодовое обозначение, если кто-нибудь вздумает оспаривать право собственности. Их больше ничего не интересовало, а по таким данным нельзя рассчитать орбиту.

— Но у вас у самого должны быть данные орбиты. Счастливчик говорил, что вначале вы использовали астероид для ежегодного отдыха. Вам нужно было находить его из года в год.

— Это было пятнадцать лет назад, доктор Хенри. Да, у меня были эти данные. И они есть где-то в записях на моей скале, но не в памяти.

Глаза Старра потемнели.

— На данный момент больше ничего, мистер Хансен. Охранник проводит вас в вашу комнату, и мы дадим вам знать, когда вы будете нужны. И, мистер Хансен, — добавил он, когда отшельник встал, — если вы случайно вспомните координаты, дайте нам знать.

— Даю слово, мистер Старр, — серьезно ответил Хансен.

Трое вновь остались одни. Дэвид включил связь.

— Настройте на передачу, — попросил он.

Послышался голос дежурного по центру связи:

— Предыдущее сообщение было адресовано вам, сэр? Я не мог его расшифровать и подумал...

— Вы поступили правильно. Давайте связь.

Счастливчик отладил дешифратор и использовал координаты Верзилы для направленного луча.

— Верзила, — сказал он, когда лицо того появилось на экране, — раскрой снова корабельный журнал.

— У тебя есть координаты, Счастливчик?

— Еще нет. Открыл?

— Да.

— Там должен быть листок бумаги, покрытый вычислениями.

— Погоди. Да. Вот он.

— Держи его перед передатчиком. Я хочу на него взглянуть.

Дэвид положил перед собой листок и переписал числа.

— Хорошо, Верзила, можешь убрать. Теперь слушай. Не выключай связь. Что бы ни случилось, оставайся включенным, пока не услышишь меня. Отключаюсь.

Он повернулся к старшим членам Совета.

— Я привел корабль отшельника на Цереру на глаз. Но три или четыре раза приходилось приспосабливать курс, используя корабельный телескоп и измерительные инструменты. Вот мои расчеты.

Конвей кивнул:

— Теперь ты хочешь проделать вычисления в обратном порядке и по ним найти координаты астероида.

— Это нетрудно сделать, особенно если использовать Обсерваторию Цереры.

Конвей тяжело встал.

— Думаю, ты придаешь этому слишком большое значение, но последую за твоим инстинктом. Идемте в Обсерваторию.

Коридоры и лифты привели их ближе к поверхности Цереры, на полмили выше помещений Совета на астероиде. Здесь было холодно, так как Обсерватория пытается поддерживать

постоянную температуру, настолько близкую к поверхностной, насколько в состоянии выдержать человек. Медленно и осторожно молодой техник разбирал расчеты Старра и заносил их в память компьютера. Доктор Хенри, сидя в не слишком удобном кресле, согнул свое худое тело чуть не вдвое и, казалось, пытался извлечь дополнительное тепло из трубки; его руки с большими плоскими пальцами плотно обхватили ее головку. Он сказал:

— Надеюсь, это нам что-нибудь даст.

Счастливчик ответил:

— Должно. — Он откинулся, глаза его обеспокоенно смотрели на противоположную стену. — Послушайте, дядя Гектор, вы упомянули мой инстинкт. Это не инстинкт. Пиратство в наши дни совсем не то, что двадцать пять лет назад.

— Их труднее поймать, ты это хочешь сказать?

— Да, но разве не странно, что вся их деятельность сосредоточена в поясе астероидов? Только тут торговля оказалась нарушенной.

— Они осторожны. Двадцать пять лет назад, когда их корабли действовали до самой Венеры, мы были вынуждены организовать нападение и раздавить их. Теперь они держатся астероидов, и правительство не решается принять строгие меры.

— Пока все хорошо, — сказал Дэвид, — но как они поддерживают себя? Всегда считалось, что пираты действуют не просто из любви к нападениям, они захватывают корабли, пищу, воду и другие припасы. Теперь всего этого им нужно еще больше. Капитан Антон хвастал о сотнях кораблей и тысячах скал. Может, он и лгал, чтобы произвести на меня впечатление, но он определенно устроил толчковую дуэль в открытом космосе, где корабль свободно висит часами, не опасаясь никаких правительственных судов. Больше того, Хансен утверждает, что многочисленные миры отшельников используются пиратами как посадочные пункты. А их сотни. Если пираты имеют дело со всеми ними или даже с большей частью, это тоже означает большую организацию. А где они берут пищу для такой большой организации? Ведь рейдов у них теперь меньше, чем двадцать пять лет назад. Пират по имени Мартин Манью говорил о женах и семьях. Он сам присматривает за чанами. Очевидно, выращивает дрожжи. У Хансена на астероиде дрожжевая пища, но не с Венеры. Я знаю вкус венерианских блюд.

Сложите все это вместе. Они выращивают собственную

дрожжевую пищу на маленьких фермах, рассеянных по пещерам астероидов. Извлекают двуокись углерода непосредственно из известняка, а воду и кислород — со спутников Юпитера. Механизмы и энергетические установки доставляют, вероятно, с Сириуса или захватывают в редких рейдах. Рейды дают им также пополнение — мужчин и женщин. Получается, что Сириус готовит независимое правительство. Он использует недовольных, и они создают общество, которое нам не разрушить, если мы будем ждать слишком долго. Их предводители, капитаны Антоны, стремятся прежде всего к власти и охотно отдадут половину Земной империи Сириусу, лишь бы владеть другой половиной.

Конвей покачал головой.

— Из немногих фактов ты делаешь слишком обширные выводы. Сомневаюсь, чтобы мы смогли убедить в этом правительство. Совет Науки может действовать и самостоятельно, как ты знаешь. Но, к несчастью, у нас нет своего флота.

— Знаю. Тем более нам нужна информация. Если, пока не поздно, мы отыщем их главные базы, захватим предводителей, обнародуем их связь с сирианцами...

— Что тогда?

— Я считаю, с ними будет покончено. Я убежден, что средний «человек астероидов», если пользоваться их собственными словами, не подозревает, что он марионетка сирианцев. Он, вероятно, обижен Землей. Думает, что с ним несправедливо обошлись, он не смог найти работу, не смог продвинуться, что он заслуживает большего. Его привлекло то, что он считал интересной жизнью. Все это так, может быть. Но это вовсе не значит, что он готов принять сторону злейшего врага Земли. Если он поймет, куда его вели предводители пиратов, с пиратской угрозой будет покончено.

Старр прервал свой горячий шепот, так как приблизился техник, держа прозрачную пластину с компьютерным шифром на ней.

— Вы уверены, что ваши вычисления верны?

— Конечно. А что?

Техник покачал головой:

— Что-то не так. Координаты вашей скалы внутри запретной зоны, если учитывать ее собственное движение. Этого, конечно, не может быть.

Дэвид резко поднял брови. Насчет запретных зон этот человек не мог ошибиться. Никакой астероид не может там находиться. Эти зоны представляют те части пояса астероидов, в которых скалы, если бы они там существовали, имели бы время обращения вокруг Солнца, кратное двенадцатилетнему периоду обращения Юпитера. А это значило бы, что Юпитер и астероид постоянно сближаются раз в несколько лет в одной и той же точке пространства. Повторяющееся гравитационное воздействие Юпитера выбивает астероиды из таких зон. За два миллиарда лет, прошедших после образования планет, Юпитер очистил все запретные зоны от астероидов.

— Вы уверены, что ваши расчеты верны? — повторил Счастливчик.

Техник пожал плечами, как бы говоря: «Я знаю свое дело». Но вслух сказал:

— Можем проверить с помощью телескопа. Тысячедюймовый занят, но он и не подходит для близких наблюдений. Используем один из меньших. Прошу вас — идите за мной.

Сама обсерватория напоминала храм, где многочисленные телескопы — алтари. Люди, занятые работой, не оторвались, чтобы взглянуть на вошедших техника и троих членов Совета. Техник провел их в одно из крыльев огромного пещероподобного помещения.

— Чарли, — обратился он к преждевременно лысеющему молодому человеку, — можешь запустить Берту?

— Зачем? — Чарли поднял голову от усеянных звездами фотографий, над которыми он склонился.

— Хочу посмотреть место, представленное определенными координатами. — Он протянул листок с данными.

Чарли взглянул на него и нахмурился.

— А зачем? Ведь это запретная зона.

— Все равно направь телескоп. Дело Совета Науки.

— О! Слушаюсь, сэр. — Чарли стал гораздо приветливее. — Это не потребует много времени.

Он нажал кнопку, гибкая диафрагма втянулась внутрь шахты стодвадцатидюймового телескопа и поднялась вверх. Диафрагма плотно закрыла шахту, и Старр услышал сверху звуки открывающегося отверстия. Большой глаз Берты поднялся, диафрагма не давала выйти воздуху, можно было смотреть в небо. Чарли тем временем объяснял:

— Обычно мы используем Берту для фоторабот. У Цереры слишком быстрое вращение для постоянных визуальных на-

блюдений. Пункт, который вас интересует, к счастью, находится над горизонтом.

Он занял сиденье у объектива и поднялся по стволу, как по жесткому хоботу гигантского слона. Телескоп наклонился, и молодой астроном поднялся еще выше. Он тщательно установил фокус. Потом слез со своего сиденья и по кольцам стенной лестницы спустился вниз. По движению его пальца перегородка непосредственно под телескопом скользнула в сторону, обнажив абсолютно черную яму. Здесь при помощи зеркал и линз фокусировалось и увеличивалось изображение, полученное на телескопе. Видна была только чернота.

Чарли сказал:

— Вот оно. — Он использовал метровую линейку как указку. — Вот эта искорка — Метис, достаточно большая скала. Двадцать пять миль в диаметре, но он далеко — миллионы миль от того места, которым вы интересуетесь, по другую сторону от запретной зоны. Звезды затемнены при помощи фазовой поляризации, иначе ничего нельзя было бы рассмотреть.

— Спасибо, — поблагодарил Счастливчик. Голос его звучал ошеломленно.

— Рад помочь в любое время.

Они направлялись в лифте вниз, когда Старр заговорил. Он сказал:

— Не может быть.

— А почему? — спросил Хенри. — Твои вычисления неверны?

— Этого не может быть. Я ведь добрался до Цереры.

— Ты намеревался записать одно число, а записал по ошибке другое, потом на глаз поправил курс, а в вычисления внести поправку забыл.

Счастливчик покачал головой.

— Не может быть. Я не... Подождите. Великая Галактика!

Его глаза сверкнули.

— Что случилось?

— Получается! Великий космос, все совпадает! Послушайте, я ошибался. Начинать игру не рано; наоборот, поздно. Может быть, слишком поздно. Я опять недооценил их.

Лифт остановился на нужном этаже. Дверь открылась, и Дэвид быстрыми шагами вышел. Конвей побежал за ним, схватил за руку, развернул.

— О чем ты говоришь?

— Я отправляюсь туда. Даже не думайте меня останавливать. И если я не вернусь, ради Земли, заставьте правительство готовиться к худшему. Иначе через год пираты захватят контроль над всей Системой. Может, и раньше.

— Почему? — яростно спросил Конвей. — Потому что ты не нашел астероид?

— Совершенно верно, — ответил Счастливчик.

10. АСТЕРОИД, КОТОРЫЙ БЫЛ

Верзила привез Конвея и Хенри на Цереру в собственном корабле Старра — «Метеоре», и Счастливчик был благодарен ему за это. Это означало, что он может выйти в космос на нем, ощущать под ногами его палубу, держать в руках его приборы.

«Метеор» — двухместный крейсер, построенный год назад, после приключений Дэвида на Марсе. Внешность его обманчива, насколько этого могла достичь современная наука. Своими грациозными линиями он походил на космическую яхту, а длиной едва ли вдвое превышал лодку Хансена. Любой космический путешественник, встретив «Метеор», принял бы его за игрушку богача, может быть, скоростную, но тонкокожую и неспособную выдержать даже слабый удар. И, конечно, никто не подумал бы, что такой корабль может появиться в опасном поясе астероидов.

Впрочем, более внимательное изучение корабля изменило бы это мнение. Сверкающие гиператомные двигатели по мощности равнялись двигателям вооруженного крейсера в десять раз больше «Метеора». Энергетические запасы были огромны, а щит мог остановить любой снаряд, кроме выстрелов главного калибра дредноута. Ограниченная масса не позволяла считать его первоклассным наступательным кораблем, но по отношению массы к развиваемой мощности он поспорил бы с любым.

Неудивительно, что Верзила прыгал от радости, взойдя на «Метеор» и сбросив космический костюм.

— Великий космос, — воскликнул он, — как хорошо, что я избавился от той лоханки. Что мы сделаем с нею?

— Я попросил послать за нею корабль с Цереры.

Церера находилась за ними в ста тысячах миль. Внешне

она равнялась половине Луны, видимой с Земли. Верзила с любопытством спросил:

— Почему бы тебе не ввести меня в курс дела, Счастливчик? Почему вдруг изменились планы? Я должен был лететь один.

— У нас нет координат астероида, — ответил Дэвид. Он кратко пересказал события предшествовавших нескольких часов.

Верзила свистнул.

— Куда же мы направляемся?

— Точно не знаю, — ответил Счастливчик, — но начнем мы с того места, где должен был бы находиться астероид отшельника.

Он взглянул на приборы и добавил:

— И двигаться будем быстро.

Он знал, что такое быстро. Ускорение росло, с ним росла и скорость «Метеора». Старр и Верзила лежали в диамагнитных креслах, откинувшись, и растущее давление равномерно распределялось по поверхности их тел. Концентрация кислорода в каюте повысилась, ею управлял чувствительный прибор; таким образом, дыхание людей стало менее глубоким без недостатка кислорода. На обоих были g-каркасы, легкие и не мешавшие движениям; под давлением растущей скорости они становились жесткими и защищали кости, особенно позвоночник, от повреждений. А нилотексовый пояс предохранял внутренние органы. Все эти приспособления были разработаны специалистами Совета Науки и позволяли «Метеору» развивать ускорение, на двадцать—тридцать процентов большее, чем у новейших кораблей флота. В данном случае ускорение, хотя и очень большое, было вдвое меньше того, что мог позволить корабль.

Когда скорость выровнялась, «Метеор» находился в пяти миллионах миль от Цереры, и если бы Дэвид и Верзила захотели взглянуть на нее, то обнаружили бы, что Церера превратилась в светлое пятнышко, менее яркое, чем многие звезды. Верзила сказал:

— Послушай, Счастливчик, я давно хочу тебя спросить. С тобой ли твой сверкающий щит?

Старр кивнул, и лицо Верзилы стало грустным.

— Почему же тогда ты, глупый бык, не брал его с собой, когда отправился на охоту за пиратами?

— Он и тогда был со мной, — спокойно ответил Старр. — Я не расставался с ним с того дня, как мне его дали марсиане.

Счастливчик и Верзила знали (впрочем, никто в Галактике, кроме них, этого не знал), что марсиане, о которых упомянул Дэвид, — это не фермеры и скотоводы Марса. Это раса нематериальных существ, прямых потомков древнего разума, обитавшего на Марсе задолго до того, как он потерял почти весь свой кислород и воду. Выкопав огромные пещеры под поверхностью планеты, марсиане конвертировали выбранные кубические мили в энергию и запасли эту энергию на будущее, и теперь жили в полной изоляции. Они оставили свои материальные тела и воплотились в чистую энергию, и человечество не подозревало об их существовании. Только Счастливчик Старр проник в их крепости и в качестве сувенира получил то, что Верзила назвал сверкающим щитом. Раздражение Верзилы увеличивалось.

— Но если он был у тебя с собой, почему ты его не использовал? Что случилось?

— Ты неправильно представляешь действие щита, Верзила. Он не всемогущ. Он не может накормить меня и вытереть мне губы, когда я наемся.

— Я видел, что он может. Он многое может.

— Да, может. Он поглощает энергию любого типа.

— Например, энергию выстрела из бластера. Ты ведь не станешь этого отрицать?

— Нет, признаю, что бластеров я не боюсь. Щит поглотит и потенциальную энергию, если тело не слишком велико или мало. Например, нож или обычная пуля не пройдут сквозь него, хотя пуля свалит меня с ног. Но хорошая кувалда пройдет через щит, и даже если не пройдет, ее инерция раздавит меня. Более того, молекулы воздуха проходят сквозь щит, как будто его нет, потому что они слишком малы. Я тебе это говорю, чтобы ты понял: если бы на мне был щит и Динго сломал бы мою лицевую пластину, когда мы болтались в космосе, я бы умер. Щит не помешал бы воздуху улетучиться в долю секунды.

— Если бы с самого начала использовал его, у тебя не было бы никаких проблем, Счастливчик. Помнишь, как было на Марсе? — Верзила усмехнулся при этом воспоминании. — Он сверкал вокруг тебя, будто из дыма, только прозрачного, так что ты был виден в тумане. Было видно все, кроме лица. Вместо него — полоска белого пламени.

— Да, — сухо отозвался Дэвид, — я испугал бы их. Они стреляли бы в меня из бластеров, а я оставался невредим. Тогда они все ушли бы из «Атласа», отвели бы его на десять миль и взорвали. И я был бы мертв, как камень. Не забудь, что щит — это только щит. Он не наступательное оружие.

— Ты не будешь больше его использовать? — спросил Верзила.

— Когда будет необходимо. Но только тогда. Если я буду использовать его слишком часто, эффект будет потерян. Станут известны его слабости, и я буду более уязвим, чем без него.

Старр изучил показания приборов и спокойно сказал:

— Готовься к новому ускорению.

— Эй... — начал Верзила. Но тут его толкнуло назад, на спинку кресла, перехватило дыхание, и он не мог говорить. В глазах стоял красный туман, кожа оттягивалась назад, как будто хотела обнажить кости. На этот раз «Метеор» шел на полном ускорении.

Оно продолжалось пятнадцать минут. К концу их Верзила едва не потерял сознание. Потом напряжение спало, и он начал возвращаться к жизни. Дэвид тряс головой и переводил дыхание. Верзила заговорил:

— Эй, это вовсе не забавно.

— Знаю, — ответил Счастливчик.

— Но в чем дело? Разве нам не хватало скорости?

— Не совсем. Но теперь все в порядке. Мы от них оторвались.

— От кого?

— От тех, кто за нами следовал. За нами следовали с той самой минуты, Верзила, как ты ступил на борт «Метеора». Взгляни на эргометр.

Верзила посмотрел. Эргометр напоминал тот, что был на «Атласе», только по названию. На «Атласе» находилась примитивная модель, предназначенная для того, чтобы уловить пульсацию гиператомных двигателей и запустить шлюпки. Эргометр на «Метеоре» мог уловить пульсацию двигателя маленькой шлюпки на расстоянии в два миллиона миль. Даже теперь линия на разграфленной бумаге вздрагивала еле заметно, но периодически.

— Это ничего не значит, — возразил Верзила.

— Но значило. Посмотри сам. — Старр развернул цилиндр

бумаги, прошедшей иглу указателя. Колебания стали глубже, характернее. — Видишь, Верзила?

— Может быть любой корабль. Церерский фрахтер.

— Нет. С самого начала он следовал за нами, и точно следовал, а это значит, что на нем тоже хороший эргометр. К тому же ты когда-нибудь видел такой рисунок?

— Точно такой — нет.

— А я видел — у корабля, взявшего на абордаж «Атлас». Этот эргометр гораздо четче улавливает рисунок, но сходство несомненное. Двигатель корабля, следовавшего за нами, сирианской постройки.

— Корабль Антона?

— Или похожий. Неважно. Они нас потеряли. В данный момент, — объяснил Дэвид, — мы находимся точно в том месте, где должен быть астероид отшельника, плюс-минус, скажем, сто тысяч миль.

— Но тут ничего нет, — удивился Верзила.

— Верно. Гравиметр показывает, что поблизости нет значительных масс. Мы находимся в пространстве, которое астрономы называют запретной зоной.

— Ага, — с умным видом сказал Верзила. — Понимаю.

Счастливчик улыбнулся. Ничего не было видно. Запретная зона внешне ничем не отличается от других участков пояса, густо усеянных астероидами, по крайней мере, для невооруженного глаза. Если только астероид случайно не окажется на расстоянии в сто миль, картина будет та же самая. Звезды и объекты, похожие на звезды, покрывают небо. Если некоторые из них не звезды, а астероиды, отличить все равно невозможно; нужно несколько часов внимательно смотреть в телескоп, чтобы обнаружить, что одна из «звезд» изменила свое расположение относительно других. Верзила спросил:

— Что же мы будем делать?

— Обследовать окрестности. Может потребоваться несколько дней.

Траектория «Метеора» стала блуждающей. Он направился от Солнца из запретной зоны к ближайшему рою астероидов. Гравиметр отмечал далекие массы. Один за другим крошечные миры скользили по экрану, оставались на нем, пока не делали полный оборот и уходили. Скорость «Метеора» упала, он полз, конечно, относительно, но мили по-прежнему мелькали сот-

нями и тысячами и переходили в миллионы. Проходили часы. Осмотрели свыше десяти астероидов.

— Поешь, — сказал Верзила.

Но Дэвид довольствовался сандвичами и сном урывками, и они по очереди с Верзилой следили за экраном, гравиметром и эргометром. При виде очередного астероида Старр сказал напряженным голосом:

— Я спускаюсь.

Верзилу эти слова застали врасплох.

— Это тот астероид? — Он взглянул на него внимательнее. — Ты его узнал?

— Кажется, да, Верзила. Во всяком случае, нужно проверить.

С полчаса они маневрировали, чтобы привести корабль в тень астероида.

— Держись здесь, — сказал Счастливчик. — Кто-то должен оставаться на борту, и этот кто-то — ты. Не забудь. Корабль могут обнаружить, но, если ты останешься в тени, не станешь пользоваться радио, включать двигатели, это очень трудно сделать. Эргометр показывает, что поблизости никаких кораблей нет. Верно?

— Верно!

— Запомни: ни в коем случае не спускайся за мной. Закончив, я вернусь сам. Если не вернусь через двенадцать часов и не вызову тебя, возвращайся на Цереру и передай сообщение, предварительно сфотографировав астероид под всеми углами.

Лицо Верзилы приняло упрямое выражение.

— Нет.

— Вот сообщение, — спокойно продолжал Дэвид. Он достал из внутреннего кармана персональную капсулу. — Капсула настроена на доктора Конвея. Только он может открыть ее. Он должен получить информацию, что бы со мной ни случилось. Понял?

— Что это? — спросил Верзила, не пытаясь взять капсулу.

— Боюсь, только теории. Я никому о них не говорил, потому что собирался здесь найти доказательства. Если не смогу, теории по крайней мере должны дойти. Конвей поверит и убедит правительство действовать на их основе.

— Нет, — сказал Верзила. — Я тебя не оставлю.

— Верзила, если я не смогу доверять тебе дела, независимо

от моей и твоей участи, в будущем ты мне не понадобишься, если я выйду из этого живым.

Верзила протянул руку. В нее опустилась персональная капсула.

— Ладно, — сказал он.

Старр опускался на поверхность астероида, ускоряя спуск при помощи толчкового пистолета. Астероид примерно такого размера. Примерно такой по форме. Достаточно утесистый, и освещенные солнцем места того же цвета. И все же таким может быть любой астероид. Но есть и другие признаки. А они так часто не повторяются. Дэвид снял с пояса небольшой инструмент, похожий на компас. На самом деле это была карманная радарная установка. В ней находился источник коротковолнового излучения. Некоторые части излучения частично отражались скалами, другие распространялись на значительное расстояние. Отражение от скалы приводило в движение стрелку на циферблате. Если же под скалой находилась пещера или пустота, часть излучения отражалась, а часть проходила в пустоту и отражалась от более далекой стены. В таком случае появлялось двойное отражение, один компонент которого слабее другого. И в соответствии с этим стрелка вздрагивала дважды. Перепрыгивая с вершины на вершину, Счастливчик следил за инструментом. Стрелка вздрогнула, движение было двойным. Сердце Дэвида забилось сильнее. Астероид полый. Надо найти, где двойное движение сильнее всего. Там пустота близка к поверхности. Там шлюз.

Несколько мгновений Старр следил только за стрелкой. Он не видел магнитного кабеля, извивавшегося по направлению к нему из-за близкого горизонта. Он не замечал опасности, пока кабель не сомкнулся, кольцо за кольцом, сдернув почти невесомое тело советника с астероида и затем вниз, на скалы, где тот остался лежать, совершенно беспомощный.

11. НА БЛИЗКОМ РАССТОЯНИИ

Три огня показались из-за горизонта и направились к распростертому Старру. В темноте астероидной ночи он не видел приближающиеся фигуры. Потом послышался в наушниках

голос, и этот хриплый голос был ему хорошо знаком — пират, Динго. Голос произнес:

— Не зови своего приятеля там, наверху. У меня тут глушитель, твоя волна не пройдет. Попробуй только, и я вскрою бластером твой костюм, стукач.

Дэвид молчал. В тот момент, как он почувствовал прикосновение магнитного кабеля, он понял, что попал в ловушку. Позвать Верзилу раньше, чем он поймет, что это за ловушка, означало подвергнуть опасности «Метеор» и при этом не помочь себе.

Динго встал над ним, расставив по обе стороны ноги. В свете одного из фонарей Счастливчик увидел лицевую пластину Динго и за ней похожие на обрубки очки. Инфракрасные очки, способные обычное тепловое излучение перевести в видимый свет. Даже без фонарей в темной астероидной ночи они могут следить за ним по нагревателям его костюма. Динго спросил:

— Ну что, стукач? Испугался?

Он поднял тяжелую ногу, одетую в раздутый металл, и резко опустил ее на лицевую пластину Старра. Тот быстро повернул голову, чтобы удар пришелся в металлическую часть шлема, но Динго на полпути остановил ногу. Он громко рассмеялся:

— Так легко не уйдешь, стукач.

Голос его изменился, когда он заговорил с остальными двумя:

— Прыгайте через скалу и откройте шлюз.

Они колебались. Один из них сказал:

— Динго, капитан сказал, чтобы ты...

— Двигайтесь, или я начну с него, а кончу вами.

Перед такой угрозой они отступили. Динго сообщил Счастливчику:

— Теперь доставим тебя к шлюзу.

Он держал рукоять магнитного кабеля. Нажав на кнопку, он выключил ток и тем самым размагнитил его. Отступил в сторону и резко дернул к себе. Дэвида потащило по поверхности астероида, подбросило вверх, кабель частично развернулся. Но Динго опять коснулся кнопки, и кольца снова сжали молодого человека. Пират поднял хлыст вверх, и вслед за ним — Дэвида. Динго искусно маневрировал кабелем, сохраняя равновесие. Пленник висел в пространстве, а Динго тащил его, как ребенок тащит воздушный шарик.

Через пять минут показались огни остальных двоих. Они светили в темное пространство, правильные очертания которого свидетельствовали, что это вход в шлюз. Динго позвал:

— Внимание. Принимайте груз.

Он размагнитил кабель, щелчком направив его вниз, при этом сам приподнялся на шесть дюймов над поверхностью. Старр быстро завертелся, кабель полностью размотался. Динго подпрыгнул и поймал пленника. С искусством человека, привыкшего к невесомости, он прекратил попытки Счастливчика вывернуться и швырнул его в направлении шлюза. Свое обратное движение Динго прервал двумя короткими выстрелами из толчкового пистолета и выпрямился как раз вовремя, чтобы увидеть, как Старр точно влетает в шлюз. Дальнейшее было ясно видно в свете фонарей пиратов. Пойманный псевдогравитацией шлюза, молодой человек неожиданно полетел вниз и ударился об пол со звоном и с силой, перебившей ему дыхание. Лающий хохот Динго заполнил его шлем.

Внешняя дверь закрылась, внутренняя открылась. Счастливчик встал, благодарный нормальному тяготению.

— Входи, стукач. — Динго держал в руке бластер.

Старр помедлил у входа внутрь астероида. Глаза его переходили от одного предмета к другому, а лед застывал по краям лицевой пластины. Он увидел не мягко освещенную библиотеку отшельника Хансена, а необыкновенно длинный коридор, потолок которого поддерживал ряд столбов. Другого конца коридора он не видел. По стенам коридора на равных расстояниях были видны входы в другие помещения. Взад и вперед сновали люди, в воздухе стоял запах озона и машинного масла. В отдалении слышалось характерное биение гигантского гиператомного двигателя. Совершенно очевидно, что это не келья отшельника, а большое индустриальное предприятие.

Дэвид задумчиво прикусил губу и отвлеченно подумал, не умрет ли с ним вся эта информация. Динго сказал:

— Сюда, стукач. Заходи.

Он указал на кладовую. Ее полки и бункеры были полны, но людей, кроме них, не было.

— Послушай, Динго, — нервно заговорил один из пиратов. — Зачем мы ему все это показываем? Я не думаю...

— Ну и молчи, — ответил Динго и рассмеялся: — Не вол-

нуйся, он никому не расскажет об увиденном. Я это гарантирую. А пока мне нужно кое-что закончить. Снимите с него костюм.

Говоря, он сам раздевался. Чудовищно громоздкий, он выбрался из костюма. Одна рука медленно потирала волосатую тыльную часть другой. Он наслаждался моментом.

Счастливчик твердо сказал:

— Капитан Антон не давал тебе приказа убить меня. Ты хочешь закончить личный спор и тем самым всем принесешь неприятности. Я ценный человек, и капитан это знает.

Динго сел на край бункера с маленькими металлическими предметами, он улыбался.

— Послушать тебя, стукач, так ты кругом прав. Но ты не обманул нас. Ни на минуту. Когда мы оставили тебя на астероиде с отшельником, как ты думаешь, что мы делали? Мы следили. Капитан Антон не дурак. Он послал меня. Он сказал: «Следи за этой скалой и сообщай». Я видел, как улетела шлюпка отшельника. Мог бы взорвать вас в космосе, но приказ был следить. Полтора дня я был у Цереры и видел, как снова взлетела шлюпка отшельника. Я продолжал ждать. Потом увидел другой корабль, идущий на встречу со шлюпкой. Человек из шлюпки пересел на корабль, и я последовал за кораблем.

Счастливчик не мог сдержать улыбки.

— Пытался следовать, хочешь ты сказать.

Лицо Динго покраснело. Он процедил:

— Ладно. Ты быстрее. Такие, как ты, быстро бегают. Что с того? Я не гнался за тобой. Просто прилетел сюда и ждал. Я знал, куда ты направляешься. И взял тебя, верно?

Дэвид ответил:

— Хорошо, но что это доказывает? Я был безоружен на скале отшельника. У меня не было никакого оружия, а у отшельника бластер. Пришлось слушаться его. Он хотел на Цереру и заставил меня сопровождать: на случай, если его перехватят люди астероидов, он будет утверждать, что я его похитил. Ты ведь признаешь, что я улетел с Цереры, как только смог, и постарался вернуться сюда.

— В прекрасном сверкающем правительственном корабле?

— Я его украл. И что? Просто у вас одним кораблем больше. И неплохим.

Динго посмотрел на других пиратов.

— Как вам его вранье? Настоящая кометная пыль.

Старр сказал:

— Снова предупреждаю тебя. Капитан спросит с тебя за все, что случится со мной.

— Нет, не спросит, — фыркнул Динго, — потому что он знает, кто ты. И я знаю, мистер Дэвид «Счастливчик» Старр. Давай, выходи на середину комнаты.

Динго встал. Своим товарищам он приказал:

— Уберите эти бункеры. Сдвиньте их в сторону.

Они взглянули на его налившееся кровью лицо и выполнили приказ. Плотное тело Динго, похожее на луковицу, слегка склонилось вперед, голова вжалась в широкие плечи, толстые кривые ноги твердо встали на полу. Шрам на верхней губе выделялся ярко-белой полосой. Он сказал:

— Есть быстрые и приятные способы покончить с тобой. Я не люблю стукачей и особенно таких, которые одурачивают меня в толчковой дуэли. Поэтому, прежде чем покончить с тобой, я разорву тебя на кусочки.

Счастливчик, высокий, но тщедушный по сравнению с противником, ответил:

— Ты мужчина, Динго, и справишься один или позовешь приятелей на помощь?

— Мне не нужна помощь, чистюля, — он отвратительно рассмеялся. — Но если попытаешься убежать, они тебя остановят, а если будешь продолжать, нейронный хлыст остановит тебя навсегда. — Он повысил голос: — Используйте хлыст, вы, двое, если понадобится.

Старр ждал нападения. Он знал, что самое опасное — дать Динго приблизиться. Если пират обхватит его своими огромными руками, почти несомненно он сломает ему ребра.

Динго, опустив правый кулак, ринулся вперед. Дэвид стоял сколько смог, потом резко отступил вправо, схватил противника за вытянутую левую руку и потянул назад, используя инерцию его бега. Одновременно он поставил на его пути ногу. Динго полетел вперед и тяжело упал. Но тут же поднялся, одна его щека была оцарапана, в глазах сверкали огоньки безумия. Он затопал к противнику, и тот отступил к одному из бункеров у стены.

Ухватившись за конец бункера, Дэвид поднял ноги и выбросил их вперед. Они попали Динго в грудь и на мгновение

остановили его. Старр увернулся и снова был свободен в центре комнаты. Один из пиратов крикнул:

— Эй, Динго, хватит дурить!

Динго тяжело дышал.

— Я его убью, я его убью!

Но он стал осторожнее. Маленькие глазки почти потонули в окружавшем их жире и хрящах. Он двигался вперед, внимательно следя за Дэвидом, выжидая момента для удара. Счастливчик сказал:

— В чем дело, Динго? Испугался? Слишком быстро пугаешься для такого большого болтуна.

Как и ожидал Дэвид, Динго нечленораздельно взревел и устремился прямо на него. Счастливчик легко увернулся. Ребром ладони он резко и быстро ударил Динго по шее. Старр видел немало людей, терявших после такого удара сознание, и не один при этом был убит. Но Динго только пошатнулся. Встряхнувшись, он с рычанием повернулся и решительно бросился к пританцовывающему Дэвиду. Старр выбросил кулак и попал Динго по поврежденной щеке. Полилась кровь, но Динго не попытался отразить удар и даже не мигнул. Опять увернувшись, молодой человек дважды ударил пирата. Динго не обратил на это внимания. Он шел вперед, только вперед.

Вдруг, совершенно неожиданно, он пошатнулся, как человек, теряющий равновесие. Падая, он выбросил вперед руки, и одна из них сомкнулась на правой лодыжке Счастливчика. Тот тоже упал.

— Теперь я до тебя добрался, — прошептал Динго.

Он потянулся, чтобы ухватить Дэвида за талию, и через мгновение они катились по полу. Старр чувствовал, как усиливается давление, ощущал нарастающую боль. Зловонное дыхание Динго коснулось его лица. Правая рука Дэвида была свободна, левая прижата страшным объятием к груди. Собрав убывающие силы, Счастливчик резко ударил снизу вверх. Кулак пролетел не больше четырех дюймов и попал в то место, где подбородок соединяется с шеей. При этом Дэвид почувствовал сильную боль в руке. Хватка Динго на мгновение ослабла, и молодой человек, извиваясь, освободился от смертоносного объятия и вскочил на ноги.

Динго встал медленнее. Глаза его остекленели, кровь текла из угла рта. Он хрипло пробормотал:

— Хлыст! Хлыст!

Неожиданно повернувшись к одному из пиратов, который стоял, как окаменевший, Динго выхватил у него из руки хлыст и щелкнул им. Дэвиду удалось увернуться, но нейронный хлыст взметнулся снова. На этот раз он попал в правый бок и, стимулировав все нервные окончания в этом районе, вызвал приступ страшной боли. Тело Старра напряглось и полетело на пол. Он ожидал смерти, не ощущая ничего, кроме смятения. До него смутно донесся голос одного из пиратов:

— Послушай, Динго, капитан велел, чтобы походило на несчастный случай. Этот человек — член Совета Науки и...

Больше Дэвид ничего не слышал.

Придя в сознание, ощущая мучительную боль во всем теле, он обнаружил, что опять одет в космический костюм. На него собирались надевать шлем. Динго, с распухшими губами, с окровавленной щекой и разбитой челюстью, злобно смотрел на него. У дверей послышался голос. Торопливо вошел человек, продолжая говорить. Счастливчик слышал, как он сказал:

— ...для поста 247. Получается, что я не могу проследить за всеми требованиями. Не могу даже нашу собственную орбиту корректировать правильно...

Голос смолк. Старр с трудом повернул голову и увидел маленького человека в очках, с седыми волосами. Он стоял в двери со смешанным выражением удивления и недоверия на лице.

— Убирайся! — взревел Динго.

— Но у меня требования...

— Позже!

Маленький человек убежал, и на голову Дэвида надели шлем. Его выволокли через шлюз на поверхность, которую теперь можно было рассмотреть при свете далекого Солнца. На относительно плоском участке скалы ждала катапульта. Ее функции не были загадкой для Старра. Автоматическая лебедка все дальше оттягивала большой металлический рычаг, пока он не принял горизонтальное положение. К нему были приделаны ремни. Их закрепили на теле Счастливчика.

— Лежи спокойно, — сказал Динго. Голос его глухо звучал в ушах Дэвида. Что-то неладно с радио, понял тот. — Ты тратишь зря кислород. Чтобы ты чувствовал себя лучше, мы посылаем корабли. Они взорвут твоего друга, прежде чем он наберет скорость, если захочет убежать.

Мгновение спустя Старр почувствовал резкую вибрацию — рычаг освободили. Он со страшной силой распрямил-

ся. Пряжки на теле Счастливчика расстегнулись, и его выбросило со скоростью в милю в минуту или еще больше, и никакое тяготение его не сдерживало. На краткий миг он увидел астероид и глядящих на него снизу пиратов. Астероид на глазах уменьшался. Дэвид осмотрел свой костюм. То, что радио повреждено, он уже знал. Конечно, отсутствует управление громкостью. Значит, его голос проникнет не далее чем на несколько миль. Они оставили ему толчковый пистолет. Он попытался выстрелить, но ничего не вышло. Пистолет разряжен. Он беспомощен. Между ним и медленной мучительной смертью только содержимое цилиндра с кислородом.

12. КОРАБЛЬ ПРОТИВ КОРАБЛЯ

Испытывая неприятное чувство тяжести в груди, Старр обдумывал положение. Ему казалось, что он догадывается о планах пиратов. С одной стороны, они хотели избавиться от него, так как он, очевидно, слишком много знает. С другой, его должны найти мертвым, и притом — таким образом, чтобы Совет Науки не мог бы убедительно доказать, что его убили пираты.

Некогда пираты допустили ошибку, убив агента Совета, и ответный удар был сокрушительным. Они должны быть осторожнее на этот раз.

Он думал: «Они захватят «Метеор», заглушив призывы Верзилы о помощи. Потом взорвут его корпус. Это будет имитация столкновения с метеоритом. Их инженеры на борту предварительно выведут из строя активаторы щита. Будет похоже на то, что повреждение механизма не позволило щиту отразить метеорит».

Счастливчик знал, что его собственный курс в космосе им известен. Ничто не может изменить первоначальное направление и скорость его движения. Позже, когда он будет мертв, они подберут его и пошлют кружить вокруг разбитого «Метеора». Спасатели (может, сам пиратский корабль отправит анонимное сообщение о находке) придут к очевидному заключению. Верзила погиб на посту, за управлением, осуществляя последний маневр. Дэвид, в космическом костюме, с поврежденным в спешке управлением радио, так и не смог позвать на помощь. Он потратил весь заряд толчкового пистолета в отчаянных и тщетных попытках найти безопасное место. И умер.

Не сработает. Ни Конвей, ни Хенри не поверят, что Старр думал только о собственной безопасности, в то время как Верзила оставался у руля. Но для мертвого Дэвида провал плана пиратов будет слабым утешением. Хуже того, умрет не только он, но и вся информация, теперь заключенная в его голове.

На мгновение он рассердился на себя, что не выложил свои подозрения Конвею и Хенри до отлета, что только на борту «Метеора» записал для них персональную капсулу. Потом вернулся самоконтроль. Никто не поверил бы ему без доказательств. Именно поэтому он должен вернуться. Должен!

Но как? Что хорошего в этом «должен», когда болтаешься одинокий и беспомощный в космосе и у тебя с собой ничего, кроме кислорода на несколько часов. Кислород! Дэвид думал: «У меня есть кислород». Любой, кроме Динго, оставил бы в цилиндре лишь несколько глотков, чтобы ускорить смерть. Но, насколько он знает Динго, пират должен был послать его в космос с полным запасом кислорода, чтобы продлить мучения. Хорошо! Он использует кислород по-другому. И если потерпит поражение, смерть придет быстро, чего бы не хотел Динго.

Но он не должен проиграть. Периодически при его вращении в космосе в поле зрения оказывался астероид. Вначале как уменьшающаяся скала, чьи освещенные Солнцем острые пики выделялись в черноте космоса. Затем как яркая звезда. Но яркость ее быстро убывала. Когда астероид померкнет настолько, что превратится в одну из бесчисленных звезд, все будет кончено. До этого осталось не так уж много минут. Неуклюжие, покрытые металлом руки уже держали гибкую трубку, ведущую от клапана для подачи кислорода, как раз под лицевой пластиной, к цилиндру с кислородом на спине. Счастливчик с силой поворачивал болт, крепивший трубу к костюму.

Болт подался. Старр подождал, пока шлем и костюм заполнятся кислородом. Обычно кислород поступает в шлем медленно, в соответствии с потреблением его легкими. Образующиеся в результате дыхания двуокись углерода и вода поглощаются химикалиями, которые содержатся в небольших канистрах с клапанами. Эти канистры прикрепляются изнутри к грудной части костюма. Кислород держат под давлением в одну пятую земной атмосферы. И это правильно, так как на четыре пятых атмосфера Земли состоит из азота, который непригоден для дыхания. Дэвид позволил кислороду свободно

течь в шлем. Проделав это, он плотно закрыл клапан под лицевой пластиной и снял цилиндр.

Цилиндр сам по себе тоже толчковый пистолет. Для человека, затерянного в космосе, тратить драгоценный кислород — единственное, что отделяет его от смерти, — как двигательную силу, означает отчаяние. Или — твердую решимость. Старр сломал соединительный клапан, и из трубки вырвался поток кислорода. На этот раз линии кристаллов не было. Кислород, в отличие от двуокиси углерода, замерзает при очень низкой температуре. Не успев достаточно охладиться — до температуры окружающего пространства, — он рассеивается в нем. Но твердый он или газообразный, третий закон Ньютона действует. Газ устремился в одном направлении, Счастливчик — в противоположном. Его вращение замедлилось. Он позволил астероиду появиться прямо перед собой, прежде чем окончательно остановить вращение.

Старр все еще удалялся от скалы. Она теперь была немногим ярче окружающих звезд. Возможно, он ошибся в выборе цели, но не разрешал себе думать даже о возможности этого. Устремив глаза к тому пятнышку, которое он считал астероидом, он направил поток кислорода в противоположном направлении. Хватит ли его для полета назад? Сказать невозможно. Ему придется сберечь немного газа. Придется маневрировать возле астероида, попасть на ночную сторону, найти Верзилу и корабль, если только...

Если только корабль уже не захвачен пиратами или не уничтожен. Дэвиду казалось, что вибрация его рук, вызванная вырывающимся кислородом, слабеет. Значит ли это, что кончается газ или просто падает его температура? Он держит цилиндр на удалении от костюма, поэтому тепло тела ему больше не передается. Именно тепло тела держало кислород в цилиндре газообразным и позволяло дышать им; точно так же и двуокись углерода оставалась газообразной, пока толчковый пистолет был рядом с человеком. В пустоте космоса температура цилиндра медленно падает. Старр прижал цилиндр к груди и ждал.

Казалось, прошли часы. На самом деле — только пятнадцать минут. Дэвиду показалось, что пятно астероида стало ярче. Приближается ли он к скале? Или это игра воображения? Еще пятнадцать минут. Астероид явно ближе. Счастливчик почувствовал глубокую благодарность случаю, который позво-

лил ему остаться на освещенной Солнцем стороне скалы, — благодаря этому он ясно видит свою цель. Стало труднее дышать. Опасности задохнуться от двуокиси углерода нет. Этот газ удаляется по мере образования. Но каждый вдох требует небольшой порции драгоценного кислорода. Он постарался дышать мельче, закрыл глаза, расслабился. В конце концов, он ничего не может делать, пока не доберется до астероида и не пролетит мимо него. На противоположной, ночной, стороне, может быть, еще ждет Верзила. Если он доберется достаточно близко, если сумеет вызвать Верзилу по своему поврежденному радио, прежде чем потеряет сознание, тогда еще есть шанс.

Часы для Верзилы тянулись медленно и мучительно. Он жаждал спуститься, но не смел. Он говорил себе: если враг существует, он уже показался бы. Потом приходил к выводу, что сама неподвижность и молчание космоса — ловушка, в которую попал Счастливчик. Он положил перед собой персональную капсулу Дэвида и принялся разгадывать ее содержимое. Если бы он мог вскрыть ее и прочитать заключенный внутри микрофильм! Тогда он вызвал бы по радио Цереру, передал содержимое и был бы свободен действовать. Он перебил бы там всех и вырвал бы друга из любой опасности. Нет! Он ни в коем случае не должен пользоваться субэфиром. Конечно, пираты не смогут разгадать код, но они засекут направленную волну, а ему приказано не выдавать положение корабля.

К тому же какой смысл взламывать персональную капсулу? Ее можно уничтожить, но ничто не может ее открыть и оставить послание нетронутым, кроме прикосновения того человека, которому она адресована. Вот и все. Прошло больше половины двенадцатичасового периода, когда гравиметр дал первое предупреждение. Верзила очнулся от своих мыслей и удивленно посмотрел на эргометр. Линия на бумаге говорила о пульсации двигателей нескольких кораблей. Щит «Метеора», который слегка светился, чтобы предотвратить случайное столкновение с «отбросами» (обычное название для небольших метеоритов), включился максимально. Мягкое гудение энергетических установок стало громче. Верзила один за другим включал экраны. Его мысли спутались. Корабли поднимаются с астероида, больше им взяться неоткуда. Значит, Счаст-

ливчик пойман; может быть, он уже мертв. Неважно, сколько перед ним кораблей. Он справится со всеми и с каждым.

Верзила взял себя в руки. Первые лучи Солнца отразились от чего-то на одном из экранов. Он навел туда перекрестие. Затем нажал нечто похожее на клавишу пианино. Охваченный невидимым всплеском энергии, пиратский корабль засветился. Светился не корпус, а защитный экран противника, поглощавший энергию. Он светился все ярче и ярче. Потом свечение померкло: враг повернулся и стал удаляться. Показались второй и третий корабли. К «Метеору» двигался снаряд. В пустоте космоса не было ни вспышки, ни звука, но Солнце отразилось в чем-то маленькой светлой точкой. Снаряд появился в виде кружка на экране, кружок стал больше, потом передвинулся к краю экрана. Верзила мог бы увернуться, увести «Метеор», но он подумал: «Пусть ударит». Он хотел показать им, с чем они имеют дело. «Метеор» похож на игрушку богача, но его не выведешь из строя выстрелом из рогатки.

Снаряд ударил и остановился, захваченный щитом «Метеора». Верзила знал, что при этом щит ярко вспыхнул. Корабль слегка качнулся, поглощая энергию движения, проникшую через щит.

— Ответим им, — пробормотал Верзила.

На «Метеоре» не было снарядов, но его энергетические проекторы были разнообразными и мощными. Верзила уже протянул руку к управлению мощным бластером, когда увидел на экране то, что вызвало гримасу на его маленьком решительном лице, — он увидел фигуру человека в скафандре. Странно, но космический корабль более уязвим для человека в скафандре, чем для любого оружия другого корабля. Вражеский корабль легко обнаружить на расстоянии в тысячи миль при помощи эргометра. А человека в костюме не обнаружишь и на расстоянии в сто ярдов. Щит работает тем эффективней, чем больше скорость снаряда. Он останавливает мгновенно огромные слитки металла, летящие со скоростью мили в секунду. Но один человек, делающий не больше десяти миль в час, даже не заметит присутствия щита, разве что его костюм слегка нагреется. Пусть к кораблю одновременно подбираются десять человек — только большое искусство может их обезвредить. Если двое-трое прорвутся, вскроют входной шлюз — корабль в серьезной опасности.

И вот Верзила заметил человека. Это может быть только

передовой участник такого нападения. Верзила настроил один из защитных механизмов. Фигура человека оказалась на перекрестии прибора, и Верзила готов был выстрелить, когда ожило его радио. Несколько мгновений он сидел ошеломленный. Пираты нападают без предупреждения, они не стараются связаться, чтобы обсудить условия сдачи. Что же теперь? Он колебался, а тем временем в шуме стали слышны слова, все время повторялось:

— Верзила... Верзила... Верзила...

Верзила подпрыгнул, забыв о человеке в скафандре, о битве, обо всем.

— Дэвид! Это ты?

— Я возле корабля... В космическом костюме... Воздух... почти кончился.

— Великая Галактика! — Побледневший Верзила подвел «Метеор» к человеку, которого он чуть не уничтожил.

Верзила смотрел на друга, который, сняв шлем, жадно глотал воздух.

— Лучше передохни, Счастливчик.

— Потом, — ответил тот. — Они уже напали?

Верзила кивнул.

— Неважно. Зубы сломают о старину «Метеора».

— У них есть зубы и посильнее, их они еще не показывали. Мы уходим, и быстро. Они приведут свой тяжелый корабль, и даже нашей энергии может не хватить.

— Где они возьмут тяжелый корабль?

— Это большая база внизу. Может быть, их главная база.

— Ты хочешь сказать, что это не скала отшельника?

— Я хочу сказать, что пора убираться.

Все еще бледный, он сел за управление. Впервые за все время астероид на экране переместился. Даже во время нападения Верзила выполнял приказ Старра оставаться на месте двенадцать часов. Скала увеличивалась. Верзила запротестовал:

— Если нужно уходить, почему же мы садимся?

— Мы не садимся.

Дэвид внимательно смотрел на экран, одна его рука лежала на рукояти тяжелого корабельного бластера. Он сознательно расширил луч так, чтобы тот покрывал большой район, но энергия луча при этом не уменьшалась. Он ждал — Верзила не

понимал, чего он ждет, — потом выстрелил. На астероиде появилось сверкающее пятно, покрасневшее, а потом почерневшее.

— Теперь уходим, — сказал Счастливчик, и в тот момент, когда с астероида поднялись новые корабли, включил ускорение.

Полчаса спустя, когда и астероид, и преследующие корабли остались далеко позади, он сказал:

— Вызови Цереру, мне нужно поговорить с Конвеем.

— Ладно, Счастливчик. Кстати, я записал координаты астероида. Передать их? Можно послать туда флот и...

— Это ничего не даст, — ответил Старр, — да и не нужно.

Глаза Верзилы расширились.

— Ты хочешь сказать, что уничтожил астероид выстрелом из бластера?

— Конечно, нет. Я едва притронулся к нему. Вызвал Цереру?

— Пока не могу, — обидчиво ответил Верзила. Он видел, что Дэвид в таком настроении, когда он мало говорит и ничего не объясняет. — Погоди, вот она, но... Эй! Там сигнал общей тревоги!

Объявлять это не было необходимости. Призыв шел громко и открытым текстом:

— Вызываются все корабли флота, находящиеся за Марсом. Цереру атакуют враждебные силы, предположительно пираты... Вызываются все корабли...

Верзила воскликнул:

— Великая Галактика!

Старр напряженно сказал:

— Что бы мы ни делали, они на шаг опережают нас. Возвращаемся! Быстро!

13. РЕЙД!

Корабли роем вынырнули из космоса и действовали согласованно. Целое крыло ударило непосредственно по Обсерватории. В ответ защитники Цереры, естественно, сосредоточили тут свои основные силы.

Но нападение не было слишком опасным. Один за другим вражеские корабли пикировали и наносили энергетические удары, но щит оставался неуязвимым. Пираты не пытались

взорвать подземные энергетические установки, расположение которых им должно было быть известно. В космос поднялись правительственные корабли, открыли огонь наземные батареи. Два пиратских корабля погибли, когда отказала их защита: они превратились в облака сверкающего газа. Еще один корабль, потратив всю энергию, чуть не был захвачен преследователями. В последний момент он был взорван, по-видимому самим экипажем.

Уже во время нападения кое-кто из защитников заподозрил, что это отвлекающий маневр. Позже, разумеется, это было установлено точно. Пока Обсерватория оборонялась, три чужих корабля сели на противоположном конце астероида, в сотнях миль от битвы. Пираты высадились с ручным оружием и переносными бластерами и с низко летающих «космических саней» атаковали шлюзы.

Двери были взорваны, и одетые в скафандры пираты ворвались в коридоры, из которых улетучился воздух. На верхних этажах располагались фабрики и конторы, обитатели которых были эвакуированы при первых же сигналах тревоги. Место их заняли одетые в космические костюмы бойцы местной милиции. Они сражались храбро, но не могли справиться с профессионалами пиратского флота. И вот на нижних этажах, в жилых помещениях Цереры, прозвучали звуки битвы. Потребовалось подкрепление. И тут, так же неожиданно, как напали, пираты отступили. После их ухода защитники Цереры стали подсчитывать потери. Пятнадцать человек погибли, многие ранены. Пираты потеряли пятерых. Очень пострадало оборудование.

— И один человек, — взволнованно рассказывал Конвей вернувшемуся Счастливчику, — пропал. Но он не постоянный житель Цереры, поэтому мы сумели скрыть его исчезновение от репортеров.

Теперь, когда атака была отбита, Церера представляла собой хаотическое зрелище. Уже много десятков лет ни одно земное поселение не испытывало нападения противника. Дэвиду пришлось выдержать три проверки, прежде чем ему разрешили приземлиться. Теперь он сидел в помещении Совета вместе с Конвеем и Хенри и горько говорил:

— Итак, Хансен исчез. К этому все сводится.

— Храбрый старик, — сказал Хенри. — Когда пираты прорвались, он потребовал свой костюм, схватил бластер и отправился с милицией.

— Милиции у нас достаточно, — заметил Старр. — Если бы он оставался внизу, было бы гораздо лучше. Почему вы его не остановили? Разве при таких обстоятельствах можно было позволять ему? — В ровном голосе молодого человека звучал сдержанный гнев.

Конвей терпеливо ответил:

— Мы не были с ним. Охранник, приставленный к нему, обязан был явиться на пост сбора милиции. Хансен настоял на том, чтобы пойти с ним, и охранник решил, что будет выполнять две задачи сразу: сражаться с пиратами и охранять отшельника.

— Но он не сохранил отшельника.

— В таких обстоятельствах его едва ли можно винить. Он видел Хансена в последний раз, когда тот устремился на пиратов. А потом он оказался один, а пираты отступили. Тело Хансена не нашли. Должно быть, его захватили пираты, живым или мертвым.

— Конечно, — отозвался Старр. — Теперь позвольте мне кое-что сказать. Позвольте объяснить, какую ошибку вы допустили. Я уверен, что все нападение на Цереру было организовано с единственной целью — захватить Хансена.

Хенри потянулся за трубкой.

— Знаешь, Гектор, — сказал он Конвею, — я склонен согласиться в этом с Дэвидом. Жалкое нападение на Обсерваторию — явно отвлекающий маневр, чтобы обмануть защиту. Единственное, чего они добились, — захватили Хансена.

Конвей фыркнул.

— Утечка информации, связанная с ним, не стоит риска для тридцати кораблей.

— В том-то и дело, — ядовито возразил Счастливчик. — Пока это, может быть, и так. Но представьте себе, что астероид отшельника — индустриальная установка. Представьте себе, что пираты готовы к большому нападению. И Хансен знает его точную дату. И знает, как оно будет осуществлено.

— Почему же он не сказал нам об этом? — спросил Конвей.

— Может быть, ждал, чтобы с помощью этих сведений купить собственную безопасность? — предположил Хенри. — Мы ведь по-настоящему так и не поговорили с ним. Согласись, Гектор, что, если у него была важная информация, можно было рискнуть любым количеством кораблей. И Дэвид, вероятно, прав: они готовы к сильному удару.

Счастливчик перевел взгляд с одного на другого.

— Почему вы так говорите, дядя Гус? Что случилось?

— Расскажи ему, Гектор, — сказал Хенри.

— Зачем? — спросил Конвей. — Я устал от его действий в одиночку. Он тут же отправится к Ганимеду.

— А что на Ганимеде? — холодно поинтересовался молодой человек. Насколько он знал, на Ганимеде мало что могло заинтересовать хоть кого-нибудь. Это самый большой спутник Юпитера, но его близость к Юпитеру делает трудными маневры кораблей, поэтому движение там сведено к минимуму.

— Расскажи ему, — повторил Хенри.

— Послушай, — начал Конвей. — Вот в чем дело. Мы знали, что Хансен для нас важен. Причина того, что мы не охраняли его тщательно и сами не находились с ним, в том, что за два часа до нападения пиратов пришло сообщение Совета: сирианцы высадились на Ганимеде.

— Каковы доказательства?

— Перехвачена направленная субэфирная передача. Долго рассказывать, но скорее благодаря удаче код смогли частично расшифровать. Эксперты говорят, что код сирианский и что на Ганимеде нет ничего, что могло бы послать сигнал такой силы. Мы с Гусом собирались взять Хансена и лететь на Землю, когда напали пираты. Мы по-прежнему намерены вернуться на Землю. Если на сцене появился Сириус, в любую минуту может начаться война.

Старр сказал:

— Понятно. Но прежде чем возвращаться на Землю, я хотел бы кое-что проверить. У нас есть запись пиратского нападения? Защита Цереры, надеюсь, не была настолько расстроена, чтобы не записывать происходящее?

— Записи есть. Но чем они тебе помогут?

— Расскажу, когда увижу их.

Люди во флотской форме, со знаками различия, свидетельствующими о высоких рангах, продемонстрировали совершенно секретную запись, которая позже стала известна, как «Церерский рейд».

— На Обсерваторию напало двадцать семь кораблей. Верно? — спросил Старр.

— Верно, — ответил командир. — Не больше и не меньше.

— Хорошо. Рассмотрим остальные данные. Два корабля погибли в схватке, третий взорвался во время преследования. Оставшиеся двадцать четыре ушли, но все они сняты на пленку.

Командир улыбнулся:

— Если вы намекаете, что какой-нибудь из них приземлился на Цереpe и прячется здесь, вы ошибаетесь.

— Возможно, и так, пока это касается двадцати семи кораблей. Но три других корабля приземлялись на Цереpe, а их экипажи атаковали шлюз Месси. Где видеозаписи этих кораблей?

— К несчастью, их немного, — неохотно признал командир. — Они застали нас врасплох. Но мы сняли их отступление, и вы это видели.

— Да, видел, но там только два корабля. А очевидцы свидетельствуют, что приземлялись три.

Командир сдержанно ответил:

— Очевидцы утверждают, что взлетели тоже три. Вот их свидетельства.

— Но на записи только два?

— Да.

— Благодарю вас.

В кабинете Конвей спросил:

— К чему это все, Дэвид?

— Я подумал, корабль капитана Антона должен находиться в интересном месте. Записи подтвердили это.

— Где же он был?

— Нигде. Это самое интересное. Это единственный пиратский корабль, который я смог бы опознать, но даже похожий на него корабль не участвовал в рейде. Странно, потому что Антон — один из их лучших людей, иначе его не послали бы на перехват «Атласа». Не было бы странно, если бы напали тридцать кораблей, а ушли двадцать девять. Недостающий корабль — корабль Антона.

— Понимаю, — сказал Конвей. — А что дальше?

— Нападение на Обсерваторию было фальшивым. Это сейчас признают даже защитники. Главное — три корабля, напав-

шие на шлюзы. Ими командовал Антон. Два из этих кораблей присоединились к остальным в отступлении — это отвлекающий маневр внутри другого отвлекающего маневра. Третий корабль, корабль Антона, единственный, которого мы не видели, продолжал выполнять главную задачу. Он полетел по совершенно другой траектории. Его видели с Цереры, но он свернул настолько резко, что его даже не смогли снять.

Конвей удрученно произнес:

— Ты хочешь сказать, что он направился на Ганимед.

— Разве это не ясно? Пираты, как бы хорошо они ни были организованны, сами по себе не могут напасть на Землю. Но они вполне могут провести отвлекающий маневр. Земные корабли будут караулить бесконечные просторы пояса астероидов, а сирианцы тем временем расправятся с оставшимися. С другой стороны, Сириус не может успешно вести войну в восьми световых годах от своих планет, если ему не помогут с астероидов. В конце концов, восемь световых лет — это сорок пять триллионов миль. Корабль Антона спешит к Ганимеду, чтобы заверить их, что помощь будет оказана и пора начинать войну. Конечно, без предупреждения.

— Если бы только мы раньше обнаружили их базу на Ганимеде, — пробормотал Конвей.

— Даже зная это, мы не оценили бы всей серьезности положения без двух полетов Дэвида к астероидам, — сказал Хенри.

— Знаю. Извини, Счастливчик. У нас сейчас так мало времени. Надо немедленно ударить в самое сердце. Эскадру кораблей отправим к астероиду, на котором ты побывал...

— Нет, — прервал Старр. — Это ничего не даст.

— Почему?

— Мы не хотим войны, даже начатой с победы, а вот они ее хотят. Послушайте, дядя Гектор, этот пират, Динго, мог бы убить меня на месте, прямо на астероиде. Но он получил приказ поместить меня в космос. Вначале я думал, это для того, чтобы мою смерть сочли случайной. Теперь я понимаю, что это было сделано намеренно, чтобы спровоцировать Комитет. Пираты оповестили бы всех, что убили члена Совета, не стали бы это скрывать и вызвали бы преждевременное нападение. Добавочной провокацией послужил бы рейд на Цереру.

— А если мы начнем войну с победы?

— По эту сторону Солнца? И оставим Землю по другую сторону, без основных сил флота? А сирианские корабли ждут

на Ганимеде, тоже по другую сторону от Солнца. Я предсказываю, что такая победа дорого нам будет стоить. Лучше не начинать войну, а предотвратить ее.

— Как?

— Ничего не произойдет, пока корабль Антона не доберется до Ганимеда. А если мы перехватим его и сорвем встречу?

— Очень трудно, — с сомнением ответил Конвей.

— Нет, если отправлюсь я. «Метеор» быстрее любого корабля во флоте и снабжен лучшими эргометрами.

— Ты? — воскликнул Конвей.

— Но посылать военные корабли — безумие. Сирианцы подумают, что это нападение на них. Они предпримут ответные действия, и начнется та самая война, которую мы хотим предотвратить. А «Метеор» покажется им неопасным. Всего один корабль. Они останутся на месте.

Хенри сказал:

— Ты слишком нетерпелив, Дэвид. У Антона двенадцать часов форы. Даже «Метеор» не сможет догнать его.

— Ошибаетесь. Сможет. А как только я перехвачу его, дядя Гус, я думаю, что сумею заставить астероиды сдаться. А без них Сириус не нападет, и войны не будет.

Они смотрели на него.

Старр серьезно добавил:

— Отправлюсь немедленно.

— Каждый раз будто чудо, — пробормотал Конвей.

— Раньше я не знал, о чем говорю. Искал дорогу ощупью. Теперь знаю. Знаю точно. Послушайте, я разогрею «Метеор» и получу необходимые данные с Обсерватории. А вы тем временем свяжитесь по субэфиру с Землей. Поговорите с Координатором...

Конвей прервал его:

— Я займусь этим, сынок. Я имел дело с правительством еще до того, как ты родился. И, Счастливчик, береги себя.

— А я всегда берегу себя. Разве не так, дядя Гектор? Дядя Гус?

Он тепло попрощался с ними и ускользнул.

Верзила презрительно отряхивал пыль Цереры. Он сказал:

— Я приготовил костюм. И все остальное.

— Ты не летишь, Верзила, — остановил его Дэвид. — Прости.

— Почему это?

— Я пойду к Ганимеду напрямик.

— Ну и что?

Старр напряженно улыбнулся.

— Прямо сквозь Солнце.

Он пошел по полю к «Метеору», а Верзила остался стоять с раскрытым ртом.

14. К ГАНИМЕДУ ЧЕРЕЗ СОЛНЦЕ

Трехмерная модель Солнечной системы была бы похожа на плоскую тарелку. В центре — Солнце, главный член системы. На самом деле главный, так как сосредоточивает в себе 99,8% всей ее материи. Другими словами, оно весит в пять тысяч раз больше, чем все остальное в Солнечной системе, вместе взятое.

Вокруг Солнца вращаются планеты. Все почти в одной и той же плоскости, которая называется эклиптикой.

Космические корабли на своем пути от планеты к планете обычно следуют эклиптике. Таким образом они остаются в пределах распространения субэфирной межпланетной коммуникации и могут делать удобные остановки на пути к цели назначения. Иногда, если кораблю нужна скорость или он хочет избежать обнаружения, он уходит с эклиптики, особенно если ему нужно обогнуть Солнце.

Вероятно, думал Дэвид, так поступил и корабль Антона. Он поднялся с «тарелки», по гигантской дуге пролетает сейчас над Солнцем и опустится по другую сторону в окрестностях Ганимеда. Конечно, Антон должен был уходить в том направлении, иначе защитники Цереры засняли бы его. Почти второй натурой человека стало сначала производить наблюдения в плоскости эклиптики. К тому времени, когда обратили внимание на другие направления, Антон был уже далеко.

Но, продолжал рассуждать Счастливчик, существует вероятность, что Антон покинул плоскость эклиптики ненадолго. Он мог подняться над ней вначале, а потом вернуться. У такого решения много преимуществ. Пояс астероидов распространяется вокруг Солнца по всей окружности, в некотором смысле астероиды распространены по нему равномерно. Оставаясь внутри пояса, Антон будет среди своих, пока до Ганимеда ос-

танется не больше ста миллионов миль. Это даст ему безопасность. Земное правительство буквально отреклось от своей власти над астероидами, и, кроме полетов к самым крупным объектам, земные корабли здесь не появляются. Более того, если они и появятся, Антон всегда может вызвать подкрепление с ближайшей астероидной базы.

Да, думал Старр, Антон останется в поясе. Частично поэтому, частично из-за своих собственных планов Дэвид поднял «Метеор» над эклиптикой на невысокую орбиту-арку.

Ключ ко всему — Солнце. Оно ключ ко всей Системе. Оно преграда на пути, и любой построенный человеком корабль должен огибать его. Путешествуя с одного края Системы на другой, приходится далеко обходить пылающее светило. Ни один пассажирский корабль не приближался к нему ближе чем на шестьдесят миллионов миль — расстояние от Венеры до Солнца. Даже здесь необходимы мощные охладительные системы для удобства пассажиров.

Были сконструированы технические корабли, которые совершали полеты на Меркурий; расстояние от него до Солнца варьируется от сорока восьми миллионов миль в одних частях орбиты до двадцати восьми миллионов в других. Такие корабли садились на Меркурий на самых дальних участках его орбиты. При приближении к Солнцу более чем на тридцать миллионов миль многие металлы начинают плавиться.

Иногда строились еще более специализированные корабли для наблюдений за Солнцем. Их корпуса пропитывались сильным электрическим полем особой природы, которое вызывало так называемый эффект «псевдожидкости» во внешнем молекулярном слое корпуса. От такого слоя тепло отражалось почти полностью, так что внутрь проникала лишь ничтожная часть. Снаружи такой корабль казался совершенно зеркальным. Но даже при таких условиях проникающее в корабль тепло поднимало внутреннюю температуру выше точки кипения воды на расстоянии в пять миллионов миль — это рекорд приближения к Солнцу. Даже если бы человек смог выдержать такую температуру, он не перенес бы коротковолнового излучения Солнца. Это излучение в секунды убило бы любое живое существо.

Церера находилась по одну сторону от Солнца, Юпитер — почти напротив. Если оставаться в поясе астероидов, расстояние от Цереры до Ганимеда — около миллиарда миль. Если бы

можно было пройти по прямой, не обращая внимания на Солнце, расстояние составило бы шестьсот миллионов миль, то есть меньше на сорок процентов.

Именно это, в меру возможностей, собирался сделать Старр. Он немилосердно гнал «Метеор», буквально живя в своем g-каркасе, в котором спал и ел, и испытывал постоянное давление ускорения. Каждый час он давал себе только пятнадцать минут отдыха. «Метеор» прошел высоко над орбитами Марса и Земли; впрочем, там ничего не было видно, даже в корабельный телескоп. Земля находилась по другую сторону Солнца, а Марс — приблизительно под прямым углом к позиции «Метеора». Солнце уже приобрело размер, видимый с Земли, и смотреть на него можно было только сквозь поляризованный экран. Еще немного, и придется использовать стробоскопические приспособления.

Начали пощелкивать индикаторы радиоактивности. Внутри земной орбиты плотность коротковолнового излучения заметно усилилась. Внутри орбиты Венеры обычно приходится принимать специальные меры предосторожности, например, надевать свинцовые полукосмические костюмы. «У меня есть кое-что получше свинца», — думал Дэвид. На том расстоянии, на которое он намерен подойти к Солнцу, свинец не поможет. И ничто материальное тоже. Впервые со времени своих приключений на Марсе в прошлом году Старр извлек из специального кармана, прикрепленного к поясу, хрупкий полупрозрачный предмет, полученный от энергетических существ Марса. Он уже давно отказался от попыток разгадать принципы его действия. Этот предмет был результатом достижений науки, развивавшейся на миллион лет дольше, чем человеческая, и совсем по иным направлениям. Для землянина он был так же непостижим, как космический корабль для пещерного человека, и его также невозможно было повторить. Но он действовал! А это и было важно! Счастливчик надел его на голову. Предмет слился с черепом, как будто жил собственной жизнью, и как только он это сделал, вокруг Дэвида появилось сияние. Как будто одновременно засветился миллиард светлячков; именно поэтому Верзила назвал его сверкающим щитом. Лицо и голову Дэвида покрыл блеск, который, однако, не мешал свету проникать к глазам.

Это был энергетический щит, созданный древними марсианами специально для него. Он был непроницаем для всех

форм энергии, кроме тех, которые необходимы человеческому телу, например, видимый свет и определенное количество тепла. Газы проходили свободно, так что Счастливчик мог дышать, а нагретые газы, проходя, теряли свое тепло и становились холодными. Когда на своем пути к Солнцу «Метеор» миновал орбиту Венеры, Дэвид стал носить щит постоянно. В это время он не мог ни есть, ни пить, но вынужденный пост должен был продлиться недолго, не более одного дня. Теперь корабль шел на огромной скорости, подобной которой Дэвид никогда не испытывал. Вдобавок к постоянному ускорению мощных гиператомных двигателей действовало все усиливающееся притяжение Солнца. «Метеор» делал в час миллионы миль. Счастливчик активировал электрическое поле, приведшее верхний слой корпуса в псевдожидкое состояние, и был доволен, что оправдалась его настойчивость, когда он потребовал установить это поле при постройке корабля. Термопары, регистрировавшие температуру свыше пятидесяти градусов, показали ее снижение. Экраны потемнели, их прикрыли толстые металлические щиты, чтобы толстый глассит не размяк от солнечного жара. К орбите Меркурия счетчики радиации буквально сошли с ума. Их треск не прерывался. Старр прикрыл сверкающей рукой окошко прибора — треск прекратился. Даже самые жесткие гамма-лучи, пронизывавшие корабль, не проникали сквозь нематериальную ауру, окружившую его тело.

Термопары снова регистрировали повышение температуры. Несмотря на зеркальную оболочку «Метеора», температура перевалила за восемьдесят градусов и продолжала повышаться. Гравиметры показывали, что до Солнца десять миллионов миль. Дэвид с полчаса назад поставил на стол тарелку с водой. От воды шел пар, сейчас же она кипела. Термопара показала температуру кипения воды — сто градусов. «Метеор», огибая Солнце, находился теперь в пяти миллионах миль от него. Больше приближаться он не будет. В сущности, он уже летел сквозь самые разреженные участки солнечной атмосферы — ее корону. Поскольку Солнце газообразно (хотя для существования такого газа нельзя создать условия в самых совершенных земных лабораториях), оно не имеет поверхности и его «атмосфера» — часть тела Солнца. Проходя через корону, Счастливчик в определенном смысле проходил через само Солнце, как он и сказал Верзиле. Его мучило любопытство. Человек никогда не был так близко от Солнца. И, возможно, никогда не будет. И никто не сможет отсюда посмотреть на светило незащищенным глазом. На таком расстоянии даже мгновенный взгляд на Солнце означает немедленную смерть.

Но ведь на нем марсианский энергетический щит. Сдержит ли он солнечную радиацию на расстоянии в пять миллионов миль? Дэвид понимал, что не должен рисковать, но любопытство не отступало. Главный экран корабля был снабжен специальным стробоскопическим приспособлением: это приспособление открывало шестьдесят четыре отверстия, одно за другим, каждое — на миллионную долю секунды, и таким образом все отверстия открывались каждые четыре секунды. Для глаза (или камеры) экспозиция кажется непрерывной, на самом деле проникает лишь одна четырехмиллионная часть солнечной радиации. Но даже при этом нужны специально созданные, почти непрозрачные линзы. Пальцы Дэвида двигались как будто сами по себе. Он не мог вынести мысли, что упускает единственную возможность. Старр использовал показания гравиметра, чтобы нацелить экран точно на Солнце. Потом повернул голову в сторону и нажал кнопку. Прошла секунда, две. Он представлял себе, как на его шею обрушивается радиация, он почти ожидал смерти от нее. Но ничего не происходило. Он медленно повернулся.

Картина, которую он увидел, останется с ним до конца жизни. Яркая поверхность, неровная, сморщенная, заполнила экран. Это была часть Солнца. Всего Солнца он не видел, но знал, что с такого расстояния оно в двадцать раз шире, чем кажется с Земли, а его видимая площадь больше в четыреста раз. На экране виднелось несколько солнечных пятен, черных на ярком фоне. В них спускались вьющиеся светлые полосы и исчезали. Активные районы медленно, но заметно для глаза перемещались по экрану. Это был результат не собственного вращения Солнца, которое даже на экваторе не достигает четырнадцати сотен миль в час, а огромной скорости «Метеора». И тут прямо ему навстречу взметнулись клубы красного пламенного газа, которые постепенно темнели на ярком фоне и, удаляясь от Солнца и охлаждаясь, становились черными.

Счастливчик изменил направление экрана, захватив край светила; и тут пылающий газ (это были протуберанцы, огромные облака раскаленного водорода) резко выделился на черном фоне неба. Он медленно удалялся от Солнца, становясь

все тоньше и принимая самые фантастические формы. Дэвид знал, что каждый из таких выбросов легко поглотит десяток планет размера Земли и что саму Землю можно бросить в солнечное пятно и при этом даже большого всплеска не получится. Он резким движением закрыл стробоскоп. Даже оставаясь физически в безопасности, человек не может смотреть с такого расстояния на Солнце: слишком угнетает незначительность Земли и всего земного.

«Метеор» обогнул Солнце и теперь быстро удалялся за орбиты Меркурия и Венеры. Скорость его падала. Он летел кормой вперед, а мощные двигатели работали в тормозном режиме. Миновав орбиту Венеры, Счастливчик снял щит и спрятал его. Охладительные системы корабля работали с напряжением, стараясь привести температуру к норме. Вода была по-прежнему горячей, а банки с консервами вздулись: содержимое их кипело и раздувало оболочку. Солнце уменьшалось. Дэвид смотрел на него. Теперь это был гладкий светящийся шар. Неправильности, движущиеся пятна, вздымающиеся облака газа — ничего этого не было видно. Лишь корона, которую с Земли видно только во время затмений, простиралась во все стороны на миллионы миль. Молодой человек невольно вздрогнул, подумав, что прошел сквозь нее. Землю он миновал на расстоянии в пятнадцать миллионов миль; в телескоп видны были сквозь облака знакомые очертания континентов. Он почувствовал приступ ностальгии, а потом новую решимость удержать войну подальше от миллиардов людей, населяющих планету, — родину человечества, которая теперь распространилась далеко по Галактике.

Потом и Земля осталась позади. Мимо Марса, сквозь пояс астероидов — Старр стремился к Юпитеру, к этой миниатюрной солнечной системе внутри большой. Ее центром был Юпитер, больший, чем все остальные планеты, вместе взятые. Вокруг него четыре гигантских спутника; три из них — Ио, Европа и Каллисто — размером примерно с Луну, четвертый — Ганимед — гораздо больше. В сущности, Ганимед больше Меркурия, он почти так же велик, как Марс. Вдобавок десятки спутников — от нескольких сотен миль в диаметре до небольших скал. В корабельный телескоп Юпитер представлял собой растущий желтый шар, покрытый оранжевыми полосами, одна

из которых некогда была известна как Большое Красное пятно. Три главных спутника, включая Ганимед, находились по одну сторону, четвертый — по другую.

Большую часть дня Счастливчик поддерживал шифрованное общение с работниками Совета на Марсе. Его эргометры непрерывно прощупывали пространство. Пролетало множество кораблей, но ему нужен был только один, с двигателем сирианской постройки; он узнал бы его немедленно. И он не ошибся. На расстоянии в двадцать миллионов миль показания прибора вызвали его первое подозрение. Старр свернул в том направлении, и характерный рисунок на эргометре стал заметней. На расстоянии в сто тысяч миль в телескоп стало можно разглядеть светлую точку. За десять тысяч миль она приняла форму корабля. Это был корабль Антона.

На расстоянии в тысячу миль (Ганимед находился от обоих кораблей на удалении в пятьдесят миллионов миль) Дэвид послал первое сообщение. Он потребовал, чтобы корабль Антона повернул к Земле. На расстоянии в сто миль он получил ответ — энергетический удар, от которого защитные генераторы взвыли и который потряс «Метеор», как будто тот столкнулся с другим кораблем. Осунувшееся лицо Счастливчика вытянулось.

Корабль Антона был вооружен лучше, чем он ожидал.

15. ЧАСТЬ ОТВЕТА

Около часа корабли маневрировали, никто не получил преимущества. Корабль Старра быстрее, у Антона экипаж. Каждый из его людей специализировался на чем-то одном. Один нацеливал оружие, другой стрелял, третий контролировал реактор, а сам Антон руководил всеми операциями. Дэвиду же приходилось заниматься всем; он решил воздействовать словами.

— Вам не добраться до Ганимеда, Антон, а ваши друзья там не станут действовать, пока не выяснят, в чем дело... С вами покончено, Антон, мы знаем ваши планы... Бесполезно посылать сообщение на Ганимед; мы глушим ваш субэфир с Юпитера. Ничего не прорвется... Приближаются правительственные корабли, Антон. Счет идет на минуты. Их немного у вас осталось... Сдавайтесь, Антон. Сдавайтесь.

Все это время «Метеор» увертывался от такого концентри-

рованного огня, какого раньше никогда не испытывал. И не все залпы удавалось отклонить. Энергия «Метеора» истощалась. Дэвиду хотелось думать, что корабль Антона в таком же положении, но сам он стрелял гораздо реже и не попал ни разу.

Он не смел оторвать взгляд от экрана. До прибытия земных кораблей остается много часов. Если запасы энергии «Метеора» истощатся, Антон оторвется и полетит к Ганимеду, а хромающий «Метеор» сможет только преследовать, но захватить его не сможет... Или если вдруг на экране появятся корабли пиратского флота... Счастливчик не решался загадывать дальше. Возможно, он ошибся, не доверив это дело с самого начала правительственным кораблям. Нет, сказал он себе, только «Метеор» мог перехватить Антона на расстоянии в пятьдесят миллионов миль от Ганимеда; только скорость «Метеора»; что еще важнее, только эргометры «Метеора». На таком расстоянии от Ганимеда можно призывать флот на помощь. Ближе — и такая помощь станет опасной. Неожиданно ожил приемник Старра, который все время был включен. На экране появилось беззаботное улыбающееся лицо Антона.

— Я вижу, вы опять ушли от Динго.

— Опять. Вы признаете, что во время толчковой дуэли Динго действовал по приказу?

Встречный луч энергии внезапно приобрел могучую силу, Счастливчик с трудом увернулся, ускорение вдавило его в кресло. Антон рассмеялся:

— Не смотрите на меня слишком внимательно. Значит, тогда вы почти поверили. Конечно, Динго действовал по приказу. Мы знали, что делаем. Динго не знал, кто вы на самом деле, а я знал. Почти с самого начала.

— Но это знание вам не помогло, — сказал Дэвид.

— Это Динго оно не помогло. Вам будет интересно узнать, что он... скажем, наказан. Нехорошо делать ошибки. Но не будем говорить об этом. Хочу только сказать, что до сих пор было забавно, но теперь уже нет.

— Вам некуда уходить.

— Попробую на Ганимед.

— Вас остановят.

— Правительственные корабли? Я их не вижу. А больше никто не может перехватить меня.

— Я могу.

— Вы меня перехватили. Но что вы со мной можете сде-

лать? Судя по вашим действиям, вы на корабле один. Если бы я это знал с самого начала, я бы так долго не возился с вами. Нельзя воевать против целого экипажа.

Старр ответил негромким напряженным голосом:

— Я протараню вас. Уничтожу ваш корабль.

— И себя самого. Помните это.

— Неважно.

— Пожалуйста. Вы говорите как космический скаут. Скоро начнете читать вступительную клятву скаутов.

Дэвид повысил голос:

— Люди на корабле, слушайте! Если ваш капитан попробует оторваться в направлении Ганимеда, я протараню ваш корабль. Это верная смерть для всех вас. Сдавайтесь. Обещаю вам справедливый суд. Обещаю снисхождение, если вы будете помогать мне. Не позволяйте Антону рисковать вашей жизнью ради его сирианских друзей.

— Говори, правительственный мальчик, говори, — ухмыльнулся Антон. — Пусть слушают. Они знают, какого суда им ждать, знают о вашем снисхождении. Инъекция энзимного яда. — Он быстро щелкнул пальцами, как будто всаживал иглу шприца в чью-то руку. — Вот что они получат. Они тебя не боятся. Прощай, правительственный мальчик.

Указатель гравиметра Старра дрогнул, корабль Антона набрал скорость и устремился прочь. Дэвид следил за ним на экране. Где правительственные суда? Разрази весь космос, где правительственные суда? Он увеличил ускорение. Игла гравиметра снова двинулась. Расстояние между кораблями уменьшилось. Корабль Антона прибавил скорости, «Метеор» тоже. Но ускорительные возможности «Метеора» выше. Улыбка не покидала лица Антона.

— Между нами пятьдесят миль, — сказал он.

— Сорок пять.

Еще пауза.

— Сорок. Ты помолился, правительственный мальчик?

Старр не отвечал. Для него выхода не было. Придется таранить. Не дать Антону уйти, не позволить войне прийти на Землю. Придется остановить пиратов самоубийством, если другого пути не будет. Корабли медленно сближались друг с другом по длинной касательной.

— Тридцать, — лениво заметил Антон. — Вы никого не ис-

пугаете. В конце концов, вы выглядите глупцом. Отворачивайте и летите домой, Старр.

— Двадцать пять, — упрямо возразил Дэвид. — У вас пятнадцать минут на решение — сдаться или погибнуть. — Он подумал, что у него самого тоже пятнадцать минут — победить или умереть.

На экране за Антоном появилось чье-то лицо. Палец был прижат к тонким бледным губам. Должно быть, взгляд Счастливчика дрогнул. Он попытался скрыть это, отведя глаза. Оба корабля шли с максимальным ускорением.

— В чем дело, Старр? — спросил Антон. — Испугались? Сердце слишком бьется? — Глаза его искрились, губы разошлись в улыбке.

Неожиданно Дэвид понял, что Антон наслаждается, что он считает все происходящее захватывающей игрой, что для него это только средство продемонстрировать свою власть. Старр понял, что Антон никогда не сдастся, что он скорее позволит протаранить свой корабль, чем отступит. И понял, что ему не избежать смерти.

— Пятнадцать миль, — сказал Старр.

За Антоном лицо Хансена. Отшельника! И он что-то держит в руке.

— Десять миль, — сказал Дэвид. Потом: — Шесть миль. Я протараню вас. Клянусь космосом, протараню.

Бластер! Хансен держит бластер.

Счастливчик дышал с трудом. Если Антон повернется... Но Антон ни на секунду не выпускал лицо противника из виду. Он ждал появления страха. Дэвид хорошо понимал мысли пирата. Даже если бы звук был громче, чем прицеливание из бластера, Антон бы не обернулся. Заряд попал в спину. Смерть наступила так неожиданно, что, хоть улыбка и исчезла с лица Антона, выражение жестокой радости — нет. Антон упал на экран, и лицо его на мгновение прижалось к нему, оно стало большим и мертвыми глазами продолжало смотреть на Старра. Тот услышал крик Хансена:

— Все назад! Хотите умереть? Мы сдаемся. Берите нас, Старр!

Дэвид повернул корабль на два градуса. Достаточно, чтобы разойтись.

Его эргометр показывал, что правительственные корабли близко. Наконец-то они пришли. Экраны корабля Антона светились белым цветом — как бы в знак сдачи.

Общеизвестно, что флот всегда недоволен, когда Совет Науки вмешивается в то, что военные считают своим делом. Особенно если вмешательство успешно. Дэвид Старр знал это хорошо. Он был вполне подготовлен к плохо скрываемому разочарованию адмирала.

Адмирал сказал:

— Доктор Конвей объяснил мне ситуацию, Старр, и мы одобряем ваши действия. Однако вы должны знать, что флот осознавал сирианскую опасность и тщательно подготовился к ней. Независимые действия Совета могли принести большой вред. Скажите об этом доктору Конвею. Координатор просил меня сотрудничать с Советом в дальнейших действиях против пиратов, но, — адмирал добавил упрямо, — я не могу согласиться с вашим предложением отложить нападение на Ганимед. Я считаю, что в делах, связанных со сражением и победой, флот может принимать собственные решения.

Адмиралу было за пятьдесят, он не привык на равных обсуждать подобные дела с кем бы то ни было, а тем более с молодым человеком, вдвое моложе его. Квадратное лицо с колючими седыми усами ясно показывало это.

Счастливчик устал. Сказывалось длительное напряжение — только теперь, после того как корабль Антона был захвачен, а его экипаж оказался в заключении. Тем не менее он оставался невозмутимым.

— Я думаю, если мы вначале очистим астероиды, сирианцы и Ганимед автоматически перестанут быть проблемой.

— Добрая Галактика, молодой человек, что вы хотите сказать вашим «очистим»? Мы безуспешно пытались сделать это в течение двадцати пяти лет. Очищать астероиды — все равно что гнаться за перьями. А что касается базы сирианцев, мы знаем, где она и хорошо представляем себе ее силу. — Он слегка улыбнулся. — Совету, возможно, трудно в это поверить, но мы не меньше его готовились к действиям. Может быть, даже больше. Например, я знаю, что в моем распоряжении достаточно сил, чтобы сломить сопротивление на Ганимеде. Мы готовы к битве.

— Я не сомневаюсь, что вы готовы и что вы разобьете сирианцев. Но те, что на Ганимеде, это еще не весь Сириус. Вы можете быть готовы к битве, но готовы ли вы к долгой и дорогостоящей войне?

Адмирал покраснел.

— Меня просили сотрудничать, но я не могу рисковать безопасностью Земли. Я не могу при нынешних условиях поддержать план, по которому наш флот рассредоточивается среди астероидов, а сирианская экспедиция находится в Солнечной системе.

— Не дадите ли вы мне час? — прервал его Старр. — Один час, чтобы поговорить с Хансеном, пленником, которого приняли на борт этого корабля как раз перед вашим прибытием, сэр?

— А чем это поможет?

— Через час увидите.

Адмирал сжал губы.

— Час может быть очень ценен. Он может быть бесценным... Ну хорошо, начинайте, но побыстрее. Посмотрим, что это даст.

— Хансен! — позвал Дэвид, не отрывая взгляда от адмирала.

Появился отшельник. Он выглядел усталым, но улыбнулся Счастливчику. Очевидно, пребывание на пиратском корабле не отразилось на его настроении. Он сказал:

— Восхищаюсь вашим кораблем, мистер Старр. Прекрасная работа.

— Послушайте, — прервал адмирал. — Давайте не будем. Кончайте с этим, Старр. Ваш корабль тут ни при чем.

Дэвид начал:

— Ситуация такова, мистер Хансен. Мы остановили Антона — с вашей бесценной помощью, за что я вас благодарю. Это значит, что враждебные действия со стороны сирианцев откладываются. Но нам нужна не просто отсрочка. Мы должны полностью устранить опасность, и, как уже сказал адмирал, времени у нас мало.

— Как я могу помочь? — спросил Хансен.

— Отвечая на мои вопросы.

— С радостью, но я рассказал все, что знал. Мне жаль, что этого оказалось мало.

— Но пираты считали вас опасным человеком. Они сильно рисковали, отнимая вас у нас.

— Этого я не могу объяснить.

— Возможно, вы что-то знаете и сами об этом не подозреваете. Что-то очень опасное для них.

— Не понимаю что.

— Они вам верили. Вы сами мне сказали, что богаты, у вас

недвижимость на Земле. Вы гораздо богаче, чем обычный отшельник. Тем не менее пираты хорошо обращались с вами. Или по крайней мере не обращались плохо. Они вас не грабили. Они оставили ваш роскошный дом в целости и сохранности.

— Вспомните, мистер Старр, что я тоже им помогал.

— Не очень много. Вы говорили, что позволяли им садиться на вашу скалу, иногда оставлять людей, и это, по существу, все. Если бы они просто застрелили вас, у них было бы все это и ваша квартира в придачу. Вдобавок им не пришлось бы бояться предательства. Вы ведь предали их.

Хансен мигнул.

— Тем не менее это так. Я сказал вам правду.

— Да, то, что вы говорили мне, правда. Но не вся правда. У пиратов должна была быть причина доверять вам. Они должны были знать, что для вас связываться с правительством означает смерть.

— Я говорил вам об этом.

— Вы говорили, что стали их пособником, но они поверили вам раньше, до того, как вы стали им помогать. Иначе они начали бы с того, что сожгли бы вас из бластера. Позвольте высказать догадку. До того, как стать отшельником, вы сами были пиратом, Хансен, и Антон и его люди об этом знали. Что скажете?

Хансен побледнел. Дэвид повторил:

— Что скажете, Хансен?

Хансен очень тихо ответил:

— Вы правы, мистер Старр. Некогда я был членом экипажа пиратского корабля. Это было давно. Я старался забыть об этом. Поселился на астероиде и не думал о Земле. Когда появились новые пираты и встретились со мной, у меня не было выхода. Когда появились вы, у меня впервые возникла возможность рискнуть и встретиться с законом. Ведь прошло двадцать пять лет. И в мою пользу будет тот факт, что я рисковал жизнью, спасая жизнь члена Совета. Поэтому я так стремился сразиться с пиратами на Церере. Хотел, чтобы были еще факты в мою пользу. Я убил Антона, вторично спасая вашу жизнь. Вы говорите, что я дал Земле возможность избежать войны. Я был пиратом, мистер Старр, но это миновало, и я думаю, счет у нас равный.

— Хорошо, — сказал Дэвид. — Пока все хорошо. Итак, есть ли у вас информация, которую вы ранее скрывали?

Хансен покачал головой. Старр заметил:

— Вы скрыли, что были пиратом.

— Но это не имеет значения. И вы сами узнали это. Я не пытался отрицать.

— Хорошо, посмотрим, не найдем ли еще что-нибудь, что вы не станете отрицать. Вы ведь сказали не всю правду.

Хансен удивился.

— А что я не сказал?

— Что вы никогда не переставали быть пиратом. Что вы тот человек, о котором упомянули при мне лишь однажды, после моей дуэли с Динго. Что вы и есть так называемый босс. Да, мистер Хансен, вы глава всех пиратов астероидов.

16. ВЕСЬ ОТВЕТ

Хансен вскочил со стула и остался стоять. Дыхание со свистом вырывалось из его рта. Адмирал, не менее удивленный, воскликнул:

— Великая Галактика! Молодой человек! О чем это вы? Вы серьезно?

Счастливчик продолжил:

— Садитесь, Хансен, и попробуем взглянуть на это дело со стороны. Обсудим его. Если я не прав, возникнет противоречие. Все началось с капитана Антона, появившегося на «Атласе». Антон был умным и способным человеком, хоть и не совсем нормальным. Он не поверил мне, не поверил в мой рассказ. Он сделал объемные фотографии. Это сделать было нетрудно, я даже не заметил. Он послал их боссу. Босс решил, что он меня узнал. Несомненно, Хансен, если босс вы, то все подтверждается: увидев меня позже, вы на самом деле узнали меня. Босс отправил приказ убить меня. Антону показалось забавным, если он выполнит приказ путем толчковой дуэли с Динго. Динго получил точное указание убить меня. Антон признал это в нашем последнем разговоре. Когда я вернулся, а Антон предварительно дал слово, что у меня будет возможность присоединиться к пиратам, вам пришлось выступить самому. Меня отправили на вашу скалу.

Хансен взорвался.

— Это безумие! Я не причинил вам никакого вреда. Я спас вас. Привез вас на Цереру.

— Да, и прилетели вместе со мной. Это была моя идея — проникнуть в пиратскую организацию, узнать о ее деятельности изнутри. У вас появилась аналогичная идея, и вы осуществили ее успешнее. Вы привезли меня на Цереру и явились сами. Вы узнали, насколько мы не подготовлены, насколько недооцениваем пиратов. Это означало, что вы можете действовать.

Теперь становится понятен смысл рейда на Цереру. Я думаю, что вы каким-то образом связались с Антоном. Существуют ведь карманные субэфирные передатчики, и можно разработать очень хитрые коды. Вы отправились вверх по коридорам не сражаться с пиратами, а присоединиться к ним. Они не убили вас, а «захватили». Очень странно. Если ваш рассказ правдив, вы для них очень опасны. Они должны были убить вас, как только вы появились. Вместо этого они не причинили вам никакого вреда. Вместо этого они посадили вас на корабль Антона, флагманский корабль пиратов, и повезли на Ганимед. Вас даже не связали, не приставили надзирателей. Вы могли тихонько встать за Антоном и застрелить его.

Хансен воскликнул:

— Но я ведь застрелил его. Зачем, во имя Земли, мне стрелять в него, если я тот, за кого вы меня принимаете?

— Потому что он был безумцем. Он готов был скорее подвергнуться тарану, чем отступить и потерять лицо. У вас большие планы, вы не хотели умирать, чтобы удовлетворить его тщеславие. Вы знали, что, если даже мы остановим Антона, это означает только задержку. Напав вслед за этим на Ганимед, мы все равно развяжем войну. А вы, продолжая играть роль отшельника, найдете возможность улизнуть и снова стать самим собой. Что такое смерть Антона и утрата корабля по сравнению с этим?

Хансен сказал:

— А какие у вас доказательства? Все одни догадки. Где доказательства?

Адмирал, который все время переводил взгляд от одного к другому, зашевелился.

— Послушайте, Старр, это мой человек. Мы добудем у него правду.

— Не торопитесь, адмирал. Мой час еще не закончился... Догадки, Хансен? Продолжим. Я пытался вернуться на вашу скалу, но у вас не было координат. Это странно, несмотря на

ваши старательные объяснения. Я рассчитал координаты по траектории нашего полета на Цереру; оказалось, что они соответствуют запретной зоне, где не может находиться ни один астероид, если он обычный, конечно. Поскольку я знал, что мои расчеты верны, я понял, что ваш астероид находится там вопреки законам природы.

— Что? — спросил адмирал.

— Я хочу сказать, что астероиду, если он маленький, не обязательно крутиться на орбите. Он может быть снабжен гиператомными двигателями и передвигаться как космический корабль. Как иначе объяснить присутствие астероида в запретной зоне?

Хансен громко запротестовал:

— Говорить — еще не значит делать. Я не знаю, почему вы так поступаете со мной, Старр. Вы меня испытываете? Это хитрость?

— Никакой хитрости, мистер Хансен, — ответил Дэвид. — Я вернулся на вашу скалу. Я не думал, что вы передвинете ее далеко. Астероид, который может передвигаться, имеет определенные преимущества. Как бы часто его ни наблюдали, отмечали координаты и рассчитывали орбиту, наблюдателей и преследователей всегда можно поставить в тупик, передвинув астероид. В то же время передвижение астероида означает определенный риск. Астроном, оказавшийся в этот момент у телескопа, может удивиться, почему это астероид выходит из плоскости эклиптики или движется по запретной зоне. Или, если он достаточно близко, может заметить выхлопы реактора с одной стороны.

Я думаю, что вы уже двигали астероид навстречу кораблю Антона, чтобы я смог на нем высадиться. Я был уверен, что вновь вы двинете его не скоро и не далеко. Может быть, в ближайший рой, чтобы спрятать его там. Поэтому я вернулся и принялся искать среди ближайших астероидов такой, который подойдет по форме и размеру. И нашел. Нашел астероид, который одновременно является базой, фабрикой, кладовой, и на нем услышал звук гигантского гиператомного двигателя, вполне способного передвинуть его в пространстве. Вероятно, он привезен с Сириуса.

Хансен возразил:

— Но ведь это не была моя скала?

— Неужели? На ней меня ждал Динго. Он похвастал, что

ему и не нужно было следовать за мной: он знал, куда я направляюсь. Единственное место, о котором он знал, что я туда могу направиться, — это ваша скала. Отсюда я заключаю, что на одном конце скалы находится ваша жилая квартира, а на другом — пиратская база.

— Нет, нет! — закричал Хансен. — Пусть рассудит адмирал. Есть тысячи астероидов, похожих по форме и размеру на мой, и я не отвечаю за случайные слова пирата.

— Есть и еще доказательства, которые покажутся вам убедительнее. На пиратской базе оказалась долина между двумя утесами; она полна использованных консервных банок.

— Консервные банки! — закричал адмирал. — Что, во имя Галактики, это значит, Старр?

— Хансен на своей скале бросал использованные банки в такую долину. Он сказал, что не хочет, чтобы его скалу сопровождали отбросы. На самом деле он, наверно, не хотел, чтобы они выдали его. Когда мы покидали скалу, я видел эту долину. И увидел снова, когда мы приближались к базе пиратов. Именно поэтому я обследовал этот астероид первым. Посмотрите на этого человека, адмирал, и ответьте, сомневаетесь ли вы в том, что я говорю правду.

Лицо Хансена было искажено яростью. Это был уже совсем другой человек. Все следы добродушия исчезли.

— Ладно. Что с того? Чего вы хотите?

— Хочу, чтобы вы вызвали Ганимед. Я уверен, что вы уже вели переговоры. Они вас знают. Скажите им, что астероиды сдались Земле и выступят вместе с ней против Сириуса, если понадобится.

Хансен рассмеялся:

— Зачем мне это? Вы взяли меня, но не взяли астероиды. И не сможете очистить их.

— Сможем, если захватим вашу скалу. На ней ведь все необходимые данные, не так ли?

— Попробуйте найти их, — хрипло ответил Хансен. — Попробуйте отыскать скалу среди тысяч других. Вы сами сказали, что она может двигаться.

— Найти ее будет легко, — ответил Счастливчик. — Поможет ваша долина с банками.

— Давайте. Осматривайте каждый астероид, пока не отыщете долину с банками. Вам потребуется миллион лет.

— Нет. День или около того. Покидая пиратскую базу, я ненадолго задержался и прожег долину тепловым лучом. Рас-

топил банки, а потом они застыли большим сверкающим металлическим горбом. Атмосферы там нет, ржаветь металл не будет, поэтому он останется сверкающим, как гол из фольги в толчковой дуэли. Отражение Солнца от него далеко видно. Церерской Обсерватории нужно разделить небо на участки и поискать астероид, который в десять раз ярче, чем должен быть по размеру. Я попросил начать поиски незадолго до того, как отправился на свидание с Антоном.

— Это ложь.

— Неужели? Задолго до того, как я достиг Солнца, пришло субэфирное сообщение с фотографиями. Вот они. — Старр достал фотографии из-под бумаги на столе. — Стрелка указывает на яркое пятнышко. Это ваша скала.

— Думаете, вы меня напугали?

— Хотел бы. На скале высадились корабли Совета.

— Что? — взревел адмирал.

— Нельзя было терять времени, сэр, — сказал Дэвид. — Мы нашли жилые помещения Хансена на другом конце и соединительный туннель между ними и пиратской базой. Вот здесь полученные по субэфиру документы, в которых координаты ваших основных баз, Хансен, и фотографии самих баз. Это доказательство, Хансен?

Хансен упал на стул. Рот его исказился в бессильных рыданиях. Старр добавил:

— Я проделал все это, чтобы убедить вас, Хансен, что вы проиграли. Проиграли полностью и окончательно. У вас ничего не осталось, кроме жизни. Не даю никаких обещаний, но если вы сделаете то, что мне нужно, то сохраните по крайней мере жизнь. Вызовите Ганимед.

Хансен беспомощно смотрел на свои пальцы.

Адмирал со сдержанным гневом сказал:

— Совет очистил астероиды? Зачем он взялся за это дело? Почему не поставил в известность Армию?

Счастливчик спросил:

— Ну как, Хансен?

— Какая теперь разница? — ответил тот. — Сделаю.

Конвей, Хенри и Верзила встречали Дэвида в космопорту, когда он вернулся на Землю. Они пообедали вместе в Стеклянной комнате на самом верху Планетарного ресторана. Округ-

лые стены комнаты были сделаны из стекла, прозрачного только изнутри; сквозь стены виднелись теплые огни города, терявшиеся в окружающих равнинах. Хенри сказал:

— Хорошо, что Совет нашел базы пиратов до того, как этим занялся флот. Военные действия не решили бы проблемы.

Конвей кивнул.

— Ты прав. На опустевших астероидах могли бы появиться новые поколения пиратов. Большинство их людей и не подозревало, что они действуют на стороне Сириуса. Это обычные люди, которые ищут лучшей жизни. Я думаю, мы убедим правительство амнистировать тех, кто не участвовал в пиратских рейдах, а таких там большинство.

— Кстати, — заметил Старр, — помогая им развивать астероиды, финансируя и увеличивая их дрожжевые фермы, поставляя им воду, воздух, энергию, мы обеспечиваем безопасность на будущее. Лучшая защита от преступников в астероидах — это мирное и процветающее сообщество там, на месте. В этом основа устойчивого мира.

Верзила воинственно возразил:

— Не морочь себе голову. Мир до тех пор, пока Сириус не решится попробовать снова.

Дэвид положил руку на голову нахмурившегося маленького человека и шутливо оттолкнул его.

— Верзила, мне кажется, ты жалеешь, что лишился маленькой войны. Что с тобой? Не можешь хоть немного отдохнуть?

Конвей сказал:

— Знаешь, Счастливчик, ты должен был нам больше рассказать с самого начала.

— Я сам хотел бы, — ответил молодой человек, — но мне нужно было одному иметь дело с Хансеном. Тут есть важные личные причины.

— Но когда ты впервые заподозрил его? Что его выдало? — спросил Конвей. — То, что астероид оказался в запретной зоне?

— Это было последним звеном, — сказал Старр. — Я понял, что он не просто отшельник, через час после первой встречи. С этого времени я знал, что для меня он важнее всех в Галактике.

— А как насчет объяснения? — Конвей насадил на вилку последний кусок бифштекса и принялся сосредоточенно жевать.

Дэвид продолжал:

— Хансен узнал во мне сына Лоуренса Старра. Сказал, что встречался с отцом, и сказал правду. Ведь члены Совета мало кому известны, и, чтобы объяснить, как он увидел сходство, нужно признать личную встречу. Но в этом признании было два странных момента. Он сказал, что сходство особенно сильно, когда я сержусь. Так он сказал. Но вы рассказывали, дядя Гектор и дядя Гус, что отец редко сердился. «Смеющийся» — вот обычное определение, которое вы использовали, говоря об отце. Далее, прибыв на Цереру, Хансен ни одного из вас не узнал. Даже ваши имена ничего ему не сказали.

— А в этом что странного? — спросил Хенри.

— Вы двое были неразлучны с отцом. Как мог Хансен встречаться с отцом и не знать вас? Встретиться с отцом в таких обстоятельствах, когда он был в гневе, и запомнить его лицо на всю жизнь, так чтобы суметь узнать его во мне через двадцать пять лет? Есть лишь одно объяснение. Отец не был с вами только во время своего последнего полета на Венеру, и Хансен присутствовал при его убийстве. И он не был рядовым пиратом. Рядовой пират не становится настолько богат, чтобы построить себе на астероиде роскошное жилище и провести двадцать пять лет, создавая новую пиратскую организацию вместо разгромленной с самого начала. Должно быть, он был капитаном напавшего пиратского корабля. Тогда ему было тридцать лет: подходящий возраст для капитана.

— Великий космос! — ошеломленно воскликнул Конвей.

Верзила негодующе завопил:

— И ты не застрелил его?

— Зачем? У меня были более важные дела, чем личная месть. Да, он убил моего отца и мать, но мне все равно приходилось быть с ним вежливым. По крайней мере на время.

Счастливчик поднес к губам чашку кофе и остановился, чтобы взглянуть на город.

Он сказал:

— Хансен проведет остаток жизни в тюрьме на Меркурии, это большее наказание, чем быстрая легкая смерть. Сирианцы оставили Ганимед, значит, будет мир. Это для меня в десять раз лучшая награда, чем его смерть; и лучшая дань памяти моим родителям.

Счастливчик Старр и океаны Венеры

ОТ АВТОРА

Эта книга была впервые опубликована в 1954 году, и описание Венеры соответствует представлениям того времени. Однако с тех пор знания астрономов о внутренних планетах Солнечной системы значительно выросли.

В конце 50-х годов радиоволны, отраженные от Венеры, заставили предположить, что ее поверхность нагрета значительно больше, чем считалось ранее. 27 августа 1962 года космическая станция «Маринер-2» вылетела в направлении Венеры и 14 декабря 1962 года прошла мимо нее на расстоянии в 21 тысячу миль. Проведенные ею измерения показали, что поверхностная температура действительно значительно выше точки кипения воды.

Это означает, что Венера не только не имеет покрывающего всю поверхность океана, как описано в этой книге, — она вообще не имеет океанов. Вся вода Венеры находится в парообразном состоянии в виде облаков, а поверхность чрезвычайно горяча и суха. Атмосфера Венеры плотнее, чем считалось раньше, и состоит почти исключительно из двуокиси углерода.

В 1954 году не был также известен период обращения Венеры вокруг своей оси. В 1964 году лучи радара, отраженные от поверхности Венеры, показали, что она совершает один оборот за 243 дня (на 18 дней дольше ее года) и вращается в «неправильном» направлении сравнительно с другими планетами.

Я надеюсь, читателям книга понравится, хотя не хотел бы, чтобы они серьезно воспринимали то, что считалось «точным» в 1954 году, а сейчас совершенно устарело.

Айзек Азимов
Ноябрь 1970 г.

1. СКВОЗЬ ОБЛАКА ВЕНЕРЫ

Дэвид Старр и Джон Верзила Джонс оттолкнулись от космической станции №2 и поплыли к планетарному каботажному судну, ждавшему их с открытым шлюзом. Двигались они с легкостью, которую дает только долгая привычка к невесомости, хотя их тела казались громоздкими и неуклюжими в космических костюмах.

Верзила изогнул спину, двигаясь вверх, и повернул голову, чтобы еще раз взглянуть на Венеру. Голос его громко прозвучал в наушниках Старра.

— Великий космос! Ну и скала!

Каждый дюйм пятифутового тела Верзилы напрягся от этого зрелища.

Верзила родился и вырос на Марсе и никогда в жизни не был так близок к Венере. Он привык к красноватой планете и скалистым астероидам. А однажды он посетил зелено-голубую Землю. Но здесь перед ним было нечто серо-белое.

Венера заполняла половину неба. Она находилась всего в двух тысячах миль от космической станции. Другая космическая станция располагалась на противоположной стороне планеты. Они действовали как приемные пункты для всех космических кораблей, направлявшихся к Венере; вращались вокруг планеты с периодом в три часа, гоняясь друг за другом, как щенок гоняется за своим хвостом.

Впрочем с космической станции, как ни близка она была к Венере, на поверхности планеты ничего нельзя было рассмотреть. Не видны были ни континенты, ни океаны, ни пустыни или горы, ни зеленые долины. Белизна, только яркая белизна, перемежающаяся движущимися серыми полосами.

Турбулентный облачный слой покрывал почти всю поверхность Венеры, а серые полосы означали края, где сталкивались облачные массы. На этих границах пар устремлялся вниз, и

под серыми линиями на невидимой поверхности Венеры шел дождь.

Старр сказал:

— Не стоит смотреть на Венеру, Верзила. Скоро насмотришься вдоволь. Лучше попрощайся с Солнцем.

Верзила фыркнул. Для его привыкших к условиям Марса глаз даже земное Солнце казалось разбухшим и слишком ярким. Солнце, видимое с орбиты Венеры, — это раздувшееся чудовище. Оно в два с четвертью раза ярче земного, в четыре раза ярче знакомого Верзиле Солнца Марса. Лично он был рад, что облака на Венере всегда скрывают Солнце. И что на космической станции солнечный свет всегда затеняется.

Старр сказал:

— Ну, сумасшедший марсианин, ты входишь?

Верзила остановился у края шлюза, задержав свое тело одним движением руки. Он все еще смотрел на Венеру. Видимая половина ярко освещалась Солнцем, но на восточную сторону наползала ночная тень, она двигалась быстро вслед за стремительным полетом станции по орбите.

Счастливчик, продолжая подниматься, в свою очередь ухватился за край шлюза и шлепнул одетой в перчатку рукой Верзилу пониже спины. В невесомости маленькое тело Верзилы, поворачиваясь, медленно влетело внутрь, а фигура Старра повисла снаружи.

Мышцы на руке Дэвида сжались, и он легким, плавным движением вплыл вверх и внутрь. У него не было в этот момент причин веселиться, но он не мог сдержать усмешки при виде распростертого в воздухе Верзилы. Внешний люк закрылся, и Старр продвинулся внутрь.

Верзила сказал:

— Слушай, ты, вошь, однажды я наступлю на тебя, и сможешь тогда...

Воздух со свистом ворвался в помещение, и внутренний люк открылся. Быстро вплыли два человека, уворачиваясь от болтающихся ног Верзилы. Передний, коренастый парень с удивительно большими усами, спросил:

— Что-нибудь случилось, джентльмены?

Второй, светловолосый, более высокий и худой, но с такими же длинными усами, сказал:

— Чем вам помочь?

Верзила высокомерно ответил:

— Поможете, если отойдете, чтобы мы могли снять скафандры.

Говоря это, он опустился на пол и начал раздеваться. Дэвид уже снял свой костюм.

Все прошли через внутренний люк, который закрылся за ними. Костюмы, поверхность которых была космически холодна, начали покрываться изморозью в теплом влажном воздухе. Верзила бросил их на покрытые кафелем стойки, где с них стечет вода.

Темноволосый сказал:

— Посмотрим. Вы двое Уильям Уильямс и Джон Джонс. Верно?

Старр ответил:

— Я Уильямс.

Использовать псевдоним даже в обычных условиях стало для него второй натурой. Члены Совета Науки всегда избегали гласности. Теперь, когда положение на Венере очень сложно и неопределенно, это было особенно важно.

Дэвид продолжал:

— Я думаю, наши документы в порядке и багаж на борту.

— Все в порядке, — ответил темноволосый. — Я Джордж Ривал, пилот, а это мой помощник Тор Джонсон. Отправляемся через несколько минут. Если вам что-нибудь понадобится, скажите нам.

Пассажирам показали их маленькую каюту, и Счастливчик про себя вздохнул. В космосе он себя хорошо чувствовал только в собственном скоростном крейсере «Метеор», который теперь отдыхал в ангаре космической станции.

Тор Джонсон глубоким голосом сказал:

— Кстати, позвольте вас предупредить, что, когда мы отойдем от станции, состояние невесомости кончится. Начнет увеличиваться тяготение. Если начнется космическая болезнь...

Верзила заорал:

— Космическая болезнь! Ты, тупица с внутренних планет, я мог еще ребенком переносить такие перегрузки, какие тебе и теперь не снятся! — Он ткнул пальцем в стену, сделал медленное сальто, снова коснулся стены и повис в полуфуте от пола. — Попробуй что-нибудь подобное, когда почувствуешь себя мужчиной.

Помощник пилота улыбнулся:

— Да, в эту полупинту немало хлама напихано, а?

Верзила мгновенно вспыхнул.

— В полупинту! Слушай, приятель... — закричал он, но Дэвид сжал его плечо, и маленький марсианин проглотил остаток предложения. — Поговорим на Венере, — мрачно закончил он.

Продолжая улыбаться, Тор вслед за пилотом отправился в рубку в носу корабля.

Верзила, чей гнев немедленно угас, с любопытством спросил у Дэвида:

— Послушай, что за усы! Никогда таких больших не видел!

Счастливчик ответил:

— Венерианский обычай, Верзила. На Венере их отращивают практически все.

— Неужели? — Верзила пальцем погладил губу. — Интересно, как я с ними смотрелся бы?

— С такими большими? — Счастливчик улыбнулся. — Они закрыли бы тебе все лицо.

Он увернулся от кулака Верзилы, и в этот момент пол дрогнул под их ногами и «Чудо Венеры» оторвалось от космической станции. Судно пошло по сокращающейся спирали, которая приведет их вниз, на Венеру.

Судно набирало скорость, и Старр ощутил, как спадает долго державшееся напряжение. Его карие глаза приобрели задумчивое выражение, а лицо расслабилось. Он был высок и выглядел хрупким, но под обманчивой тщедушностью скрывались стальные мускулы.

Жизнь уже дала Дэвиду в избытке и хорошего, и плохого. Еще ребенком он потерял родителей во время пиратского нападения вблизи Венеры, к которой сейчас приближался. Его вырастили ближайшие друзья отца, Гектор Конвей, нынешний глава Совета Науки, и Августас Хенри, возглавляющий секцию в той же организации.

Старр воспитывался и учился с единственным намерением: когда-нибудь стать членом Совета Науки, функции которого и влияние делали его наиболее известной организацией в Галактике.

Всего лишь год назад, после окончания академии, он стал полноправным членом этой организации и посвятил себя целиком усовершенствованию человека и защите его от врагов

цивилизации. Он стал самым молодым членом Совета и, вероятно, останется таковым еще долго.

Но он уже выиграл свои первые сражения. В пустынях Марса и среди тускло освещенных скал пояса астероидов он встретился с преступниками и победил их.

Но война с преступностью и злом не мимолетный конфликт, и теперь на Венере начали происходить неприятности, вызывавшие особое беспокойство, потому что их причина была совершенно неясна.

Глава Совета Гектор Конвей ущипнул себя за губу и сказал:

— Я не знаю, заговор ли это сирианцев против Солнечной Конфедерации или просто бандитизм. Наши тамошние люди считают дело серьезным.

Дэвид спросил:

— Послали туда кого-нибудь из наших уполномоченных по улаживанию конфликтов? — Он недавно вернулся из пояса астероидов и слушал с беспокойством.

Конвей ответил:

— Да. Эванса.

— Лу Эванса? — переспросил Счастливчик, и его темные глаза осветились радостью. — В академии мы жили в одной комнате. Он хорош.

— Да? Венерианское представительство Совета потребовало его отзыва и расследования по обвинению во взяточничестве.

— Что? — Старр в ужасе вскочил на ноги. — Дядя Гектор, это невозможно.

— Хочешь полететь туда и взглянуть сам?

— Я?! Мы с Верзилой вылетим, как только будет готов «Метеор»!

И вот теперь Дэвид задумчиво наблюдал в иллюминатор последнюю стадию полета. Ночная тень накрыла Венеру, и уже в течение часа видна была только чернота. Огромное тело Венеры закрыло все звезды.

Но вот они вновь на солнечной стороне, и в иллюминатор видно только серое. Теперь они слишком близки к планете, чтобы видеть ее целиком. Они даже слишком близки, чтобы разглядеть облака. В сущности, они уже внутри облачного слоя.

Верзила, только что прикончивший большой сандвич с цыпленком и салатом, вытер губы и сказал:

— Великий космос, не хотел бы я вести корабль через эту грязь.

Крылья корабля выдвинулись, чтобы использовать атмосферу, и в результате характер движения изменился. Чувствовались удары ветра, корабль слегка опускался и поднимался под их порывами.

Космические корабли не могут двигаться в плотной атмосфере. Поэтому планеты типа Земли или Венеры, окруженные густой атмосферой, требуют космических станций. К ним причаливают корабли из глубокого космоса. От этих станций каботажные суда с выдвигающимися крыльями переносят пассажиров через предательскую атмосферу на поверхность.

Верзила, который с закрытыми глазами мог провести корабль от Плутона до Меркурия, потерялся бы при первых признаках атмосферы. Даже Дэвид, который во время обучения в академии пилотировал каботажные суда, не взялся бы за это дело в плотных, все закрывающих облаках.

— До того как первые исследователи высадились на поверхности Венеры, земные наблюдатели видели только ее облака. О самой планете они тогда ничего не знали.

Верзила не ответил. Он заглядывал в целлофлексовый контейнер, проверяя, не завалялся ли там еще один сандвич.

Счастливчик продолжал:

— Они даже не могли определить, с какой скоростью вращается Венера и вращается ли вообще. Не знали состав венерианской атмосферы. Знали, что в ней есть двуокись углерода, но до конца второго тысячелетия астрономы считали, что в ней нет воды. Когда стали высаживаться с кораблей, человечество обнаружило, что это совсем не так.

Он замолчал. Вопреки собственному решению мозг Старра вновь и вновь обращался к зашифрованной космограмме, которую они получили во время полета, когда Земля осталась в десяти миллионах миль позади. Космограмма была от Лу Эванса, которому он сообщил, что направляется к нему.

Ответ был короткий, резкий и ясный. Он гласил: «Держись подальше!»

И все! Не похоже на Эванса. Для Дэвида это послание означало неприятности, большие неприятности, так что он не стал «держаться подальше». Напротив, он увеличил ускорение корабля до предела.

Верзила говорил:

— Странно подумать, что когда-то люди все теснились на Земле. Не могли с нее улететь, как бы ни старались. Ничего не

знали ни о Марсе, ни о Луне, ни о чем. У меня от этого мурашки по коже.

Именно в этот момент они пересекли облачный барьер, и даже мрачные мысли Старра рассеялись при виде открывшегося зрелища.

Оно было неожиданным. Только что они были окружены непроницаемым молочным туманом; в следующее мгновение вокруг был только прозрачный воздух. Внизу все купалось в ясном, жемчужном свете. Наверху колыхалась серая масса облачного слоя.

Верзила сказал:

— Эй, Счастливчик, смотри!

Внизу на многие мили во всех направлениях тянулась сплошная сине-зеленая растительность. Никаких подъемов или спусков. Поверхность абсолютно ровная, как будто срезана гигантским атомным ножом.

Не видно ничего, что было бы нормальным для земных просторов. Ни дорог или домов, ни городов или рек. Только сине-зеленая, неизменная, насколько можно видеть, ровная поверхность.

Дэвид сказал:

— Это все из-за двуокиси углерода. Ею питается растительность. На Земле ее в воздухе только три сотых процента, а здесь почти десять процентов.

Верзила, проживший всю жизнь на марсианских фермах, знал о двуокиси углерода. Он сказал:

— Но почему так светло, несмотря на облака?

Счастливчик улыбнулся.

— Ты забыл, Верзила. Солнце здесь вдвое ярче, чем на Земле.

Но тут он взглянул в иллюминатор, и улыбка его исчезла.

— Странно! — пробормотал он.

Неожиданно он отвернулся от окна.

— Верзила, — сказал он, — пошли в пилотскую рубку.

Двумя шагами он вылетел из каюты. Еще два шага — и он у рубки. Дверь не закрыта. Он распахнул ее. Оба пилота, Джордж Ривал и Тор Джонсон, на своих местах, не отрываются от приборов. Они не повернулись.

Старр сказал:

— Парни...

Никакого ответа.

Он коснулся плеча Джонсона, и рука помощника пилота раздраженно дернулась, сбрасывая его руку.

Молодой советник схватил Джонсона за плечи и закричал:

— Хватай второго, Верзила!

Маленький человечек уже занимался этим без лишних вопросов, действуя с сумасшедшей энергией.

Старр отбросил от себя Джонсона. Тот пошатнулся, выпрямился и устремился к нему. Счастливчик увернулся от удара и выбросил руку вперед, к челюсти противника. Джонсон упал без чувств. В тот же момент тренированным движением Верзила завернул руку Джорджа Ривала, бросил его на пол и сильным ударом лишил сознания.

Верзила вытащил обоих пилотов из рубки и закрыл дверь. Он вернулся и обнаружил, что Счастливчик лихорадочно работает у приборов.

Только тут он спросил:

— Что случилось?

— Мы не выравнивали траекторию, — мрачно ответил Дэвид. — Я смотрел на поверхность: она приближалась слишком быстро. И все еще продолжает.

Он отчаянно пытался найти ручку, которая управляет элеронами, этими лопастями, контролирующими угол полета. Синяя поверхность Венеры стала гораздо ближе. Она летела им навстречу.

Глаза Старра устремились к показателю давления. Этот прибор измерял вес окружающего воздуха. Чем больше его показания, тем ближе они к поверхности. Теперь стрелка двигалась медленнее. Кулак Счастливчика опустился на рычаг. Должно быть, этот! Дэвид не решался слишком быстро поворачивать ручку, иначе элероны просто снесет ревущим ветром. Но до нулевой отметки оставалось не более пятисот футов.

Ноздри его раздувались, рельефно выступили жилы на шее. Он повернул элероны против ветра.

— Мы выравниваемся, — выдохнул Верзила. — Выравниваемся...

Но времени уже не было. Сине-зеленая поверхность заполнила весь иллюминатор. Затем, со слишком большой скоростью и под слишком большим углом, «Чудо Венеры», несущее на себе Счастливчика Старра и Верзилу Джонса, ударилось о поверхность планеты.

2. ПОД МОРСКИМ КУПОЛОМ

Если бы поверхность Венеры была тем, чем казалась с первого взгляда, «Чудо Венеры» разбилось бы на куски и сгорело. И карьера Дэвида Старра оборвалась бы.

К счастью, растительность, которая казалась глазу столь плотной, не была ни травой, ни кустарниками. Это были водоросли. И плоская поверхность была не почвой, не скалой, а водой, поверхностью океана, который окружал и покрывал всю Венеру.

Но даже и об эту поверхность «Чудо Венеры» ударилось с громом, прорвав слой водорослей и погрузившись в глубину. Счастливчика и Верзилу бросило на стену.

Обычное судно погибло бы, но «Чудо Венеры» было создано для вхождения в воду на высокой скорости. Оно было необычайно прочно и имело обтекаемую форму. Крылья, которые Старр не успел, да и не сумел бы убрать, были оторваны, корпус застонал от удара, но не дал течи.

Вниз, вниз опускалось судно в зелено-черной мгле венерианского океана. Плотная растительность почти полностью поглотила рассеянный облаками свет сверху. Искусственное освещение на корабле не работало — по-видимому, вышло из строя при ударе.

Голова у Дэвида кружилась.

— Верзила! — позвал он.

Ответа не было. Старр вытянул руки, ощупывая окружающее. Рука его коснулась лица Верзилы.

— Верзила! — снова окликнул он. Потрогал грудь маленького марсианина: сердце билось ровно. Дэвид почувствовал облегчение.

Он не знал, что произошло с кораблем. Знал только, что не сможет управлять им в окружавшей его полной тьме. Он лишь надеялся, что сопротивление воды замедлит корабль, прежде чем он ударится о дно.

Он отыскал в кармане рубашки фонарик — маленький пластиковый стержень около шести дюймов длиной. Нажал пальцем: вспыхнул яркий луч, расширяющийся, но при этом не утрачивающий яркости.

Старр снова нащупал тело Верзилы и осторожно осмотрел его. На виске у марсианина была шишка, но, насколько можно судить, кости целы.

Веки Верзилы дрогнули. Он застонал.

Дэвид прошептал:

— Спокойно, Верзила. Все будет в порядке.

Сам он, выходя в коридор, был далеко не уверен в этом. Чтобы кораблю суждено было снова увидеть свой порт, пилоты должны жить и действовать.

Когда он вошел в каюту, они сидели и мигали при свете фонарика.

— Что случилось? — простонал Джонсон. — Я только что был у приборов, а потом... — В его глазах не было враждебности, только боль и смятение.

«Чудо Венеры» остался частично управляемым. Корабль сильно пострадал, но огни впереди и сзади удалось зажечь, а запасные батареи давали энергию, необходимую для жизнеобеспечения. Слабо слышался шум винтов, и судно начало выполнять свою третью функцию. Этот корабль мог передвигаться не только в космосе и в воздухе, но и под водой.

В рубку вошел Джордж Ривал. Он был подавлен и явно смущен. На щеке у него виднелась царапина, которую Дэвид промыл, продезинфицировал и залил коагулянтом.

Ривал сказал:

— Есть несколько небольших течей, но я их заделал. Крыльев нет, основные батареи разбиты. Потребуется капитальный ремонт, но я считаю, что мы легко отделались. Вы хорошо поработали, мистер Уильямс.

Старр коротко кивнул.

— Расскажите, что случилось.

Ривал вспыхнул.

— Не знаю. Стыдно сказать, но я не знаю.

— А вы? — спросил Старр, обращаясь к помощнику.

Тор Джонсон, пытавшийся вернуть к жизни передатчик, покачал головой.

Ривал сказал:

— Последнее, что я помню: мы еще были в облачном слое. После этого ничего не помню. Пришел в себя, глядя на ваш фонарик.

Счастливчик спросил:

— Вы или Джонсон употребляете какие-нибудь наркотики?

Джонсон гневно взглянул на него.

— Нет. Никогда.

— Тогда почему вы потеряли сознание, причем одновременно?

Ривал ответил:

— Хотел бы я знать. Послушайте, мистер Уильямс, мы не дилетанты. У нас отличная репутация. — Он застонал. — Вернее, мы считались первоклассными пилотами. Вероятно, теперь нам больше не летать.

— Посмотрим, — сказал Дэвид.

— Слушайте, — вмешался Верзила, — что толку говорить о том, что уже произошло? Где мы сейчас? Вот что я хотел бы знать. Куда мы движемся?

Тор Джонсон ответил:

— Мы в стороне от маршрута. Могу сказать только это. Потребуется пять-шесть часов, чтобы добраться до Афродиты.

— Клянусь толстым Юпитером и его спутниками! — сказал Верзила, с отвращением глядя в темный иллюминатор. — Пять-шесть часов этой темноты?

Афродита — самый большой город Венеры, его население достигает четверти миллиона.

«Чудо Венеры» находилось еще в миле от города, но море вокруг уже было залито зеленым светом. В зеленом призрачном свечении ясно виднелись корпуса спасательных судов, вышедших им навстречу после того, как им удалось связаться с городом по радио. Они молчаливо двигались рядом.

Счастливчик и Верзила впервые увидели подводный город под куполом. Они почти забыли перенесенные неприятности, захваченные удивительным зрелищем.

С расстояния город казался огромным изумрудно-зеленым волшебным пузырем, дрожащим и раскачивающимся из-за движения воды. Смутно виднелись здания и легкие лучеобразные конструкции, которые удерживали купол под огромной массой воды.

По мере приближения город становился все больше и ярче. Толща воды, разделявшая их, уменьшалась, и город сверкал все сильнее. Афродита стала менее волшебной, более реальной, но еще более захватывающей.

Наконец они скользнули в огромный шлюз, способный вместить небольшой торговый флот или большой военный

крейсер, и подождали, пока не выкачают воду. Когда это произошло, «Чудо Венеры» вплыло в город на подъемном поле.

Счастливчик и Верзила проследили за отправкой своего багажа, пожали руки Ривалу и Джонсону и на скиммере отправились в отель «Бельвью-Афродита».

Верзила смотрел в выпуклое окно скиммера, который легко двигался среди городских лучей над крышами зданий.

Он сказал:

— Значит, это Венера. Не думаю, что стоило добираться сюда. Да еще с такими приключениями. Никогда не забуду, как на нас устремился океан.

Дэвид ответил:

— Боюсь, это только начало.

Верзила беспокойно посмотрел на своего рослого товарища.

— Ты на самом деле так думаешь?

Старр пожал плечами.

— Зависит от многого. Посмотрим, что расскажет нам Эванс.

«Зеленый зал»[1] отеля «Бельвью-Афродита» был и в самом деле зеленым. Количество и способ освещения создавали впечатление, что столики и сидящие за ними посетители погружены в глубины океана. Потолок представлял собой внутреннюю поверхность чаши, под ним медленно вращался большой шарообразный аквариум, поддерживаемый искусно размещенными подъемными лучами. В воде росли венерианские водоросли, а между ними мелькали «морские ленты» — одна из красивейших форм животной жизни на этой планете.

Верзила вошел первым, решив ни на что, кроме обеда, не обращать внимания. Он был раздражен отсутствием кнопочного меню, обеспокоен присутствием настоящих живых официантов и негодовал из-за того, что в «Зеленом зале» подавали только то, что выбирала администрация отеля, и не делали никаких исключений. Его слегка смягчило то, что закуска оказалась вкусной, а суп вообще превосходным.

Зазвучала музыка, куполообразный потолок слегка засветился и медленно начал вращаться.

[1]Разные типы фойе именуются в отелях различными цветами. «Зеленый зал» — артистическое фойе. *(Прим. перев.)*

Верзила раскрыл рот, про обед он забыл.

— Ты только посмотри! — сказал он.

Счастливчик смотрел. Морские ленты были разного размера, от крошечных полосок двух дюймов длиной до широких мускулистых поясов, которые тянулись на ярд и больше. И все тонкие, как листок бумаги. Они двигались извиваясь, и волна проходила вдоль всего их тела.

И все светились; у каждой был свой цвет. Невероятное зрелище! По бокам каждой морской ленты тянулись сверкающие спирали: алые, розовые, оранжевые; меньше виднелось синих, голубых и фиолетовых; у самых крупных экземпляров встречалось белое сияние. И все это погружено в зеленый свет, лившийся с потолка. Плавая, ленты переплетались, и цвета перемешивались. Для зачарованного взгляда они казались живой движущейся радугой, которая сверкала в воде, каждый раз оживая все новыми и новыми комбинациями цветов.

Верзила неохотно вернулся к десерту. Официант назвал его «желеобразными плодами», и коротышка подозрительно посматривал на тарелку. Желеобразные плоды оказались мягкими оранжевыми овалами, слипавшимися друг с другом, но легко отделявшимися и ложившимися в ложку. В первое мгновение они казались сухими и безвкусными, но затем неожиданно превращались в густую сладкую жидкость, удивительно вкусную.

— Великий космос! — сказал удивленный Верзила. — Ты пробовал десерт?

— Что? — с отсутствующим видом переспросил Дэвид.

— Попробуй десерт. Похоже на ананасовый джем, только в тысячу раз вкуснее... В чем дело?

Старр сказал:

— У нас есть компания.

— Ах, вот оно что! — Верзила осторожно повернулся, как бы рассматривая остальных обедающих.

Дэвид негромко сказал:

— Спокойно, — и Верзила застыл.

Он услышал негромкие шаги: кто-то подходил к их столику. Он попытался обернуться как бы невзначай. Бластер он оставил в номере, но у него есть еще силовой нож в кармане пояса. Выглядит невинно, но в случае необходимости может разрезать человека надвое. Верзила осторожно нащупал его.

Сзади послышался голос:

— Разрешите присесть?

Верзила повернулся на стуле, сжимая в ладони нож, готовый к быстрому удару снизу вверх. Но подошедший не казался опасным. Толстяк, но костюм хорошо подогнан. Лицо круглое, седеющие волосы тщательно причесаны, хотя просвечивает лысина. Маленькие голубые глаза, полные дружелюбия. И конечно, большие седые усы истинно венерианского фасона.

Счастливчик спокойно ответил:

— Конечно, садитесь.

Его внимание, казалось, было полностью занято чашкой горячего кофе, которую держал в правой руке.

Полный человек сел. Положил руки на стол. Обнажил запястье, чуть заслонив его ладонью другой руки. На мгновение появилось быстро темнеющее овальное пятно. На нем загорелись золотые огоньки, образуя знакомые очертания Большой Медведицы и Ориона. Потом все исчезло, осталась пухлая рука и круглое улыбающееся лицо над нею.

Опознавательный знак Совета Науки нельзя ни подделать, ни имитировать. Метод его демонстрации, основанный на напряжении воли, составлял наиболее тщательно охраняемую тайну Совета.

Полный человек сказал:

— Меня зовут Мел Моррис.

Старр ответил:

— Я так и подумал, что это вы. Мне вас описали.

Верзила вернул нож на место. Мел Моррис был главой венерианской секции Совета. Верзила о нем слышал. Он почувствовал облегчение, но в чем-то был и разочарован. Он ожидал схватки — плеснуть в лицо толстяку кофе, перевернуть столик, ну и тому подобное.

Дэвид сказал:

— Венера кажется необыкновенно приятным местом.

— Обратили внимание на светящийся аквариум?

— Великолепное зрелище!

Венерианец улыбнулся и поднял палец. Официант принес ему чашку кофе. Моррис немного подождал, пока кофе остынет, потом негромко сказал:

— Вы, вероятно, разочарованы, увидев меня. Ожидали другого общества.

Старр холодно ответил:

— Я ожидал встречи с другом.

— Ну да, — продолжал Моррис, — вы ведь отправили сообщение члену Совета Эвансу, чтобы он вас встретил здесь.

— Вижу, вы это знаете.

— Да. За Эвансом уже некоторое время наблюдают. Вся его корреспонденция перехватывается.

Они говорили негромко. Даже Верзила с трудом разбирал слова. Все неторопливо прихлебывали кофе, внешне сохраняя полное спокойствие.

Счастливчик сказал:

— Вы поступили неправильно.

— Вы говорите как его друг?

— Да.

— И, вероятно, как друг, он посоветовал вам держаться подальше от Венеры?

— Вы и это знаете.

— Да. И у вас было происшествие при посадке. Я прав?

— Да. Вы считаете, что Эванс опасался чего-нибудь подобного?

— Опасался? Великий космос, Старр, ваш друг Эванс организовал это происшествие.

3. ДРОЖЖИ!

Лицо Дэвида осталось равнодушным. Он ничем не выдал своей озабоченности.

— Можно ли поподробнее? — спросил он.

Моррис снова улыбался, половину его лица скрывали нелепые венерианские усы.

— Боюсь, не здесь.

— Тогда где?

— Минутку. — Моррис взглянул на часы. — Через минуту начнется шоу. Будут танцы при морском свете.

— При морском свете?

— Шар вверху засветится тускло-зеленым цветом. Посетители пойдут танцевать. Тогда мы встанем и незаметно уйдем.

— Вы в опасности?

Моррис серьезно ответил:

— Нет, вы. Заверяю вас, что с момента вашего появления в Афродите наши люди ни на минуту не выпускали вас из виду.

Неожиданно прозвучал радушный голос. Казалось, он исходил из хрустального шара, стоявшего в центре стола. Поскольку все обедающие повернулись к своим шарам, очевидно, голос доносился и из них.

Он произнес:

— Леди и джентльмены, мы рады приветствовать вас в «Зеленом зале». Вам понравилась еда? Для того чтобы вы получили еще большее удовольствие, администрация отеля рада предложить вам магнетонические ритмы Тоби Тобиаса и его...

Как только зазвучал голос, все огни погасли, и последние слова заглушил удивленный гул собравшихся, большинство из которых только что прилетели с Земли. Аквариумный шар под потолком зала ярко засветился зеленым светом, морские ленты замерцали еще ярче. Поверхность шара стала фасетчатой, так что при его вращении по комнате в мягком, почти гипнотическом очаровании замелькали тени. Громче стали звуки музыки, извлекаемые из причудливых хрипловатых магнетонических инструментов. Эти звуки производились стержнями разной формы, под искусным управлением исполнителя проходившими через магнитные поля каждого инструмента.

Мужчины и женщины вставали, чтобы танцевать. Слышался шорох, негромкий смех. Прикосновение к рукаву заставило сначала Дэвида, потом Верзилу встать.

Счастливчик и Верзила молча пошли за Моррисом. За ними двинулось еще несколько человек с серьезными лицами. Они как будто материализовались из занавесей. Держались они довольно далеко и делали вид, что забрели сюда случайно, но Старр был уверен, что у каждого рука лежит на рукояти бластера. Ошибиться тут было невозможно. Мел Моррис, глава венерианской секции Совета Науки, относился к ситуации очень серьезно.

Дэвид одобрительно рассматривал помещения Морриса. Не роскошно, но удобно. Живя тут, можно забыть, что над тобой в ста ярдах прозрачный купол, а над ним сотни ярдов насыщенного углекислотой океана, а еще выше сотни миль чуждой, непригодной для дыхания атмосферы.

Больше всего понравилась Счастливчику коллекция книгофильмов, которую он заметил в нише.

Он сказал:

— Вы ведь биофизик, доктор Моррис?

Моррис ответил:

— Да.

— Я выполнял биофизические исследования в академии, — сказал Старр.

— Знаю, — ответил Моррис. — Я читал вашу статью. Хорошая работа. Кстати, можно мне называть вас Дэвид?

— Это мое имя, — согласился землянин, — но теперь меня чаще всего зовут Счастливчик.

Тем временем Верзила открыл один из стеллажей с книгофильмами, достал книгофильм, развернул его и поднес к свету. Потом пожал плечами и вернул на место.

Он воинственно заявил Моррису:

— Вы не похожи на ученого.

— Стараюсь, — не обижаясь, ответил Моррис. — Это иногда помогает.

Дэвид понимал, что он имеет в виду. В эти дни, когда наука проникла во все поры человеческого общества и культуры, ученые больше не могли запираться в своих лабораториях. Именно по этой причине был создан Совет Науки. Вначале он задумывался как совещательный орган, помогающий правительству в делах галактической важности, где лишь опытные ученые могли представить информацию, необходимую для разумного решения. Но постепенно Совет все более и более становился орудием борьбы с преступлениями, системой контршпионажа. И в его руки переходило все больше и больше нитей власти. И благодаря его деятельности, возможно, когда-нибудь возникнет великая Империя Млечного Пути, в которой все люди будут жить в мире и согласии.

И, поскольку членам Совета часто приходилось выполнять функции, далекие от чистой науки, их успех зависел и от того, насколько не похожи они на ученых, — конечно, если при этом у них оставался ум ученого.

Старр сказал:

— Будьте добры, сэр, расскажите мне подробности здешних неприятностей.

— А что вам сказали на Земле?

— Очень немного. Я предпочел бы, чтобы человек науки рассказал мне все.

Моррис иронически улыбнулся.

— Человек науки? Не очень часто приходится это слышать

от чиновников из центра. Они посылают своих улаживателей конфликтов, таких, как Эванс.

— И как я, — сказал Дэвид.

— Ваш случай несколько нестандартен. Мы знаем, чего вы добились на Марсе в прошлом году и как вы поработали в астероидах.

Верзила загудел:

— Нужно было быть с ним, чтобы действительно оценить его работу!

Дэвид слегка покраснел. Он торопливо сказал:

— Не нужно, Верзила. Сейчас не время для твоих россказней.

Они сидели в больших, изготовленных на Земле креслах, мягких и удобных. Что-то в отражении их голосов говорило натренированному уху Счастливчика о том, что помещение защищено от подслушивания.

Моррис зажег сигарету и предложил другим, но получил отказ.

— Много ли вы знаете о Венере, Дэвид?

Молодой человек улыбнулся.

— То, чему учат в школе. Если коротко, то это вторая от Солнца планета, она в шестидесяти семи миллионах миль от Солнца. Это самая близкая к Земле планета и может подходить к ней на расстояние в двадцать шесть миллионов миль. Она немного меньше Земли, ее тяготение составляет пять шестых земного. Вокруг Солнца оборачивается за семь с половиной месяцев, а ее сутки длиной в тридцать шесть часов. Температура поверхности чуть выше земной, но не намного — из-за облачного слоя. Также из-за облаков здесь нет смены времен года. Планета покрыта океаном, который — в свою очередь — покрыт водорослями. Атмосфера состоит из двуокиси углерода и азота и непригодна для дыхания. Ну как, доктор Моррис?

— Вижу, что у вас были высокие оценки, — ответил биофизик, — но я спрашивал скорее об общественном устройстве, а не о самой планете.

— Это труднее. Я, конечно, знаю, что люди живут в городах под куполами, что города эти находятся на мелководье и что, как я сам могу теперь наблюдать, жизнь здесь гораздо цивилизованнее, чем, например, на Марсе.

Верзила закричал:

— Эй!

Маленькие глазки Морриса обратились к марсианину.

— Вы не согласны с вашим другом?

Верзила заколебался.

— Может, и согласен, но не нужно так говорить.

Дэвид улыбнулся и продолжал:

— Венера — весьма цивилизованная планета. Вроде бы здесь свыше пятидесяти городов с населением в шесть миллионов. Вы экспортируете сушеные водоросли, которые, как я слышал, служат превосходным удобрением, а также брикеты обезвоженных дрожжей в качестве корма для скота.

— По-прежнему очень хорошо, — сказал Моррис. — Как вам понравился обед в «Зеленом зале», джентльмены?

Старр помолчал при этом внезапном изменении темы разговора, потом ответил:

— Очень понравился. А почему вы спрашиваете?

— Сейчас поймете. Что вам подали?

Счастливчик ответил:

— Не могу точно сказать. Выбор администрации. Как будто говяжий гуляш с прекрасным соусом и овощами, которых я не узнал. Перед ним, кажется, фруктовый салат и потом острый томатный суп.

Верзила вмешался:

— Желейные семена на десерт.

Моррис громко рассмеялся.

— Вы ошибаетесь, — сказал он. — У вас не было ни говядины, ни фруктов, ни томатов. Не было даже кофе. Вы ели только одно. Только одно! Дрожжи!

— Что? — завопил Верзила.

На мгновение Дэвид тоже удивился. Глаза его сузились, он сказал:

— Вы серьезно?

— Конечно. Это специфика «Зеленого зала». Об этом не распространяются, иначе земляне откажутся есть. Позже, однако, вас подробно расспросят, как вам понравилось то или другое блюдо, как, по вашему мнению, его можно улучшить, и так далее. «Зеленый зал» — наиболее ценный испытательный полигон Венеры.

Верзила сморщил маленькое лицо и возмущенно закричал:

— Я на них в суд подам! Я потребую расследования Совета. Нельзя кормить меня дрожжами, не предупреждая об этом, как будто я лошадь или корова или...

Он закончил быстрым бессвязным бормотанием.

— Полагаю, — сказал Счастливчик, — что дрожжи имеют какое-то отношение к волне преступности на Венере.

— Полагаете? — сухо сказал Моррис. — Значит, вы не читали наши официальные доклады. Не удивляюсь. Земля считает, что мы тут преувеличиваем. Заверяю вас, однако, что это не так. И дело не просто в волне преступлений. Дрожжи, Дэвид, дрожжи! В них суть всего на этой планете.

В гостиную вкатился механический официант с кипящим кофейником и тремя чашками. Он сначала остановился возле Счастливчика, потом возле Верзилы. Моррис взял третью чашку, отпил кофе и одобрительно вытер усы.

— Если хотите, он добавит сливки и сахар, джентльмены.

Верзила посмотрел и принюхался. Он подозрительно спросил у Морриса:

— Дрожжи?

— Нет. На этот раз настоящий кофе. Клянусь.

Некоторое время они молча пили кофе. Потом Моррис сказал:

— Поддерживать жизнь на Венере стоит дорого, Дэвид. Наши города получают кислород из воды, для этого нужны электролизные станции. Каждому городу требуется огромная энергия, чтобы поддерживать купола, на которые давят миллиарды тонн воды. Город Афродита использует столько же энергии в год, как вся Южная Америка, а в нем лишь тысячная доля населения.

Естественно, приходится добывать эту энергию. Мы должны экспортировать на Землю свою продукцию, чтобы получать энергетические установки, специализированные механизмы, атомное топливо и тому подобное. Единственный продукт Венеры — водоросли, правда, в неограниченных количествах. Их мы экспортируем как удобрение, но это не решает наших проблем. Большую часть водорослей мы используем как питательную среду для дрожжей, для десятков тысяч разновидностей дрожжей.

Верзила скривил губы.

— Водоросли на дрожжи — какая разница?

— А обед вам понравился? — спросил Моррис.

— Пожалуйста, продолжайте, доктор Моррис, — сказал Счастливчик.

Моррис сказал:

— Конечно, мистер Джонс совершенно прав...

— Зовите меня Верзила.

Моррис взглянул на маленького марсианина.

— Как хотите. Верзила совершенно прав в своем мнении относительно дрожжей в целом. Основные их разновидности пригодны только на корм скоту. Но и в этом случае они весьма полезны. Свиньи, которых кормят дрожжами, обходятся дешевле и дают лучшее мясо. Дрожжи — высококалорийная пища, в ней много белков, микроэлементов и витаминов.

Но у нас есть более качественные разновидности, их используют в тех случаях, когда нужно в ограниченном пространстве запасти побольше продуктов. Например, в длительных космических полетах. Там часто используют так называемые Д-рационы.

Наконец у нас есть разновидности высшего качества, очень дорогие и редкие. Они входят в меню «Зеленого зала», с их помощью мы можем имитировать и даже улучшать любой вид пищи. Пока их производится немного, но мы надеемся на будущее. Надеюсь, теперь вы видите основную причину всего?

— Кажется, вижу.

— А я нет, — возмущенно сказал Верзила.

Моррис тут же объяснил:

— У Венеры будет монополия на эти лучшие разновидности. Ни один другой мир не будет обладать ими. Без венерианского опыта в зимкультурах...

— Это что? — спросил Верзила.

— Культуры дрожжей. Без венерианского опыта ни один мир не сможет выращивать такие дрожжи или, получив их, не сможет сохранить. Венера сможет вести исключительно выгодную торговлю лучшими разновидностями дрожжей со всей Галактикой. Это важно не только для Венеры — для Земли тоже, для всей Солнечной Конфедерации. Мы наиболее населенная система в Галактике, потому что самая старая. Когда мы сможем обменивать фунт дрожжей на тонну зерна, дела у нас пойдут хорошо.

Счастливчик терпеливо слушал лекцию Морриса. Он сказал:

— По той же причине в интересах враждебной планеты, которая хотела бы подорвать мощь Земли, отобрать у Венеры монополию на дрожжи.

— Вы поняли, не правда ли? Я хотел бы убедить Совет в

существовании этой опасности. Если будут украдены образцы растущих дрожжей вместе с документацией, результаты будут катастрофическими.

— Хорошо, — сказал Дэвид, — мы подходим к важному пункту: произошла ли такая кража?

— Пока нет, — мрачно ответил Моррис. — Но шесть месяцев назад началась волна мелкого воровства, странных происшествий и неприятных случайностей. Одни из них раздражают, другие просто смешны, как, например, случай, когда пожилой джентльмен бросал кредитки детям, а потом в полиции заявил, что его ограбили. Когда свидетели показали, что он сам отдавал деньги, он чуть не сошел с ума от ярости, доказывая, что не мог делать ничего подобного. Но были случаи и посерьезнее: оператор погрузчика опустил полутонный тюк водорослей на полпути и убил двух человек. Позже он утверждал, что был без сознания.

Верзила возбужденно закричал:

— Счастливчик, пилоты говорили, что они потеряли сознание!

Моррис кивнул.

— Да. Я почти рад, что с вами это произошло, — к счастью, без серьезных последствий. Теперь Совет на Земле внимательнее прислушается к нам.

— Вероятно, вы подозреваете гипноз, — сказал Старр.

Моррис мрачно, невесело улыбнулся.

— Гипноз — это мягко сказано. Может ли гипнотизер подвергать гипнозу на таком расстоянии? Говорю вам, на Венере кто-то обладает способностью полностью подчинять себе других. Преступники экспериментируют с этой властью, совершенствуют ее. И с каждым днем с ними бороться все труднее. Может быть, уже слишком поздно!

4. ОБВИНЯЕТСЯ ЧЛЕН СОВЕТА!

Глаза Верзилы сверкнули.

— Никогда не поздно, если за дело берется Дэвид. С чего начнем, Счастливчик?

Старр спокойно ответил:

— С Лу Эванса. Я ждал, что вы упомянете о нем, доктор Моррис.

Моррис сдвинул брови; его полное лицо нахмурилось.

— Вы его друг. Я знаю, вы хотели бы защитить его. Неприятная история. Вообще плохо, что втянут член Совета — а к тому же еще ваш друг.

— Мною руководят не только чувства, доктор Моррис. Я знаю Лу Эванса, насколько один человек может знать другого. Я знаю: он не способен совершить что-либо во вред Совету или Земле.

— Тогда слушайте и судите сами. За все время пребывания Эванса на Венере он ничего не достиг. Его называют «уполномоченный по улаживанию конфликтов», это забавное выражение, но оно ничего не значит.

— Не обижайтесь, доктор Моррис, но вам, судя по всему, не понравилось то, что его прислали?

— Нет, конечно, нет. Просто я не видел в этом смысла. Мы выросли на Венере. У нас опыт. И чего же здесь добьется молодой человек, недавний выпускник с Земли?

— Свежий взгляд иногда помогает.

— Вздор. Говорю вам, Дэвид, беда в том, что штаб-квартира на Земле не считает наши неприятности серьезными. Эванса послали, чтобы он бросил поверхностный взгляд, приукрасил картину и, вернувшись, доложил, что все в порядке.

— Совет на это не способен. Вы тоже знаете это.

Но венерианин ворчливо продолжал:

— Во всяком случае, три недели назад этот самый Эванс попросил выдать ему закрытые данные, касающиеся выращивания некоторых разновидностей дрожжей. Ему отказали.

— Отказали? — переспросил Старр. — Но ведь он просил от имени Совета?

— Да, но люди, охраняющие производство дрожжей, подозрительны. К ним с такими запросами не обращаются. Даже Советники. Они спросили Эванса, зачем ему эта информация. Он отказался им ответить. Они передали его запрос мне, и я не разрешил.

— На каком основании?

— Он и мне не сообщил причины, а пока я старший в секции Совета здесь, на Венере, никто из моих подчиненных не должен иметь от меня тайн. Но ваш друг Эванс сделал кое-что, чего я от него не ожидал. Он украл данные. Он использовал свое положение члена Совета, чтобы проникнуть в закрытую

территорию на ферме по выращиванию дрожжей и уходя спрятал в сапоге микрофильм.

— У него, несомненно, было для этого основание.

— Несомненно, — подтвердил Моррис. — Микрофильм имел отношение к формулам питания, необходимым для выращивания новой и особо ценной разновидности дрожжей. Два дня спустя один из рабочих, составлявших питательную смесь для этой разновидности, добавил в нее соль ртути. Дрожжи погибли, и работа шести месяцев была загублена. Рабочий клялся, что он этого не делал, однако он сделал. Его обследовали наши психиатры. Мы уже знали к тому времени, чего ожидать. Оказалось, что рабочий на какое-то время терял сознание. Враг пока еще не украл разновидности дрожжей, но он уже близок. Верно?

В карих глазах Счастливчика появилось жесткое выражение.

— Я понимаю, к чему вы клоните. Лу Эванс перешел на сторону врага, кем бы этот враг ни был.

— Сирианцы, — выпалил Моррис. — Я в этом уверен.

— Может быть, — согласился Дэвид. Жители планет системы Сириуса уже на протяжении столетий были наиболее последовательными врагами Земли. Проще всего обвинить их. — Может быть. Допустим, Лу Эванс перешел на их сторону и согласился добыть данные, которые позволят им нарушить работу по выращиванию дрожжей. Вначале слегка, но это будет прологом для больших неприятностей.

— Да, такова моя теория. А вы можете предложить что-нибудь другое?

— А сам член Совета Эванс не может находиться под чьим-то умственным контролем?

— Маловероятно. У нас теперь зафиксировано много случаев. Никто из тех, кто пострадал от такого контроля, не терял сознания больше чем на полчаса, и все при психиатрическом исследовании проявляют полную амнезию. Для того чтобы проделать то, что он сделал, Эванс должен находиться под контролем двое суток, и у него нет никаких признаков амнезии.

— Его допрашивали?

— Несомненно. Когда обнаруживают у человека закрытый материал — в сущности, он был пойман с этим материалом, — должны быть предприняты определенные шаги. Даже если он сто раз член Совета. Он был допрошен, и я лично распорядил-

ся следить за ним. После этого, когда он посылал сообщения по своему передатчику, мы их перехватывали. Последнее сообщение он отправил вам. Мы устали играть с ним. Он арестован. Я готовлю доклад штаб-квартире — мне давно следовало сделать это, я требую его отзыва и суда за взяточничество, а может, и за измену.

— Прежде чем вы это сделаете... — сказал Старр.

— Да?

— Позвольте мне с ним поговорить.

Моррис встал, иронически улыбаясь.

— Хотите? Разумеется. Я вас отведу к нему. Он в этом здании. Я даже хочу услышать, что вы скажете в его защиту.

Они поднялись по рампе; охранники молча вытягивались и приветствовали их.

Верзила с любопытством смотрел на охрану.

— Здесь тюрьма?

— Нечто вроде тюрьмы на этом этаже, — ответил Моррис. — Здания на Венере служат одновременно многим целям.

Они вошли в небольшую комнату, и неожиданно, без всякого предупреждения, Верзила разразился громким смехом.

Дэвид, не в силах сдержать улыбку, спросил:

— В чем дело, Верзила?

— Нет... ничего... — маленький человек отдышался, глаза его слезились. — Просто ты очень забавно выглядишь, Счастливчик, с неприкрытой верхней губой. После всех этих усов, которые мы тут видели, ты выглядишь деформированным. Как будто кто-то взял духовое ружье и сдул твои усы.

Моррис улыбнулся и погладил свои седеющие усы смущенно и в то же время гордо.

Улыбка Дэвида стала шире.

— Забавно, — сказал он. — То же самое я подумал о тебе, Верзила.

Моррис сказал:

— Подождем здесь. Сюда приведут Эванса. — И он нажал небольшую кнопку.

Старр осмотрел комнату. Она меньше помещения Морриса и более безликая. Мебель — только несколько обитых стульев, диван, низкий стол в центре и два стола повыше у окон. За каждым фальшивым окном прекрасно выполненный морской пейзаж. На одном из двух высоких столов аквариум;

на другом две тарелки, в одной маленькие сухие горошины, а на другой черное жирное вещество.

Взгляд Верзилы автоматически устремился туда же, куда смотрел Дэвид.

Верзила вдруг спросил:

— Эй, Счастливчик, а это что?

Он подбежал к аквариуму, низко наклонился, всматриваясь в его глубины.

— Взгляни-ка!

— Это венлягушка, здесь многие их держат, — сказал Моррис. — Неплохой образец. Вы разве их еще не видели?

— Нет, — ответил Дэвид. Он присоединился к Верзиле у аквариума — примерно двух футов в длину и ширину и трех в высоту. В воде росло множество перистых водорослей.

Верзила спросил:

— А она не кусается?

Он пошевелил воду указательным пальцем и пригнулся еще ближе.

Голова Старра оказалась рядом с головой Верзилы. Венлягушка серьезно смотрела на них. Это небольшое существо, примерно восьми дюймов, с треугольной головой, на которой выделялись выпуклые глаза. Оно сидело на шести маленьких, заканчивающихся подушечками лапах, тесно прижатых к туловищу. На каждой лапке три длинных пальца впереди и один сзади. Кожа зеленоватая, похожая на лягушачью, отделанные оборками жабры пульсировали. Вместо рта клюв, сильный, изогнутый, как у попугая.

Под взглядами Счастливчика и Верзилы венлягушка начала подниматься. Подушечки лап оставались на дне аквариума, но сами лапы, когда начали распрямляться суставы, все больше удлинялись и наконец стали похожи на ходули. Лягушка прекратила подъем, когда ее голова коснулась поверхности воды.

Моррис, добродушно смотревший на маленькое существо, сказал:

— Она не любит выходить из воды. В воздухе слишком много кислорода. Эти лягушки любят кислород, но в небольших количествах. Забавные маленькие твари.

Верзила наслаждался. На Марсе нет собственной фауны, а такие живые существа для него вообще были чем-то необыкновенным.

— А где они живут? — спросил он.

Моррис опустил палец в воду и погладил голову венлягушки. Она позволила ему сделать это, полузакрыла глаза, как будто от наслаждения.

Моррис сказал:

— Они в очень больших количествах собираются на водорослях. Движутся в них, как в лесу. Длинными пальцами цепляются за стебли, а крепкий клюв может порвать любой лист. Вероятно, лягушка могла бы проделать приличную дыру в пальце, но я никогда не слышал, чтобы они кого-нибудь укусили. Странно, что вы до сих пор их не видели. В отеле большое собрание их, настоящие семейные группы. Не видели?

— У нас не было для этого времени, — сухо ответил Старр.

Верзила быстро подошел к другому столу, взял горошину, обмакнул в черный жир и принес к аквариуму. Он осторожно поднес горошину к воде, оттуда высунулся клюв и взял горошину из пальцев Верзилы. Тот гукнул в восхищении.

— Видели? — спросил он.

Моррис добродушно улыбнулся, как уловке ребенка.

— Маленький хитрец! Они едят весь день. Смотрите, как жует.

Венлягушка присела. Маленькая черная капля упала с ее клюва. Тут же одна из лап распрямилась, подхватила каплю и вернула ее в клюв.

— Что это? — спросил Счастливчик.

— Горошина, обмакнутая в тавот, — ответил Моррис. — Жир для них деликатес, как для нас сахар. В их естественной среде не встречается чистый углеводород. Они его очень любят. Не удивляюсь, если они дают себя поймать, чтобы получать его.

— А кстати, как их ловят?

— Когда траулеры вылавливают водоросли, на них всегда множество лягушек. Других животных тоже.

Верзила оживленно сказал:

— Эй, Счастливчик, давай возьмем одну...

Его прервало появление двух охранников. Между ними стоял долговязый светловолосый молодой человек.

Дэвид вскочил на ноги.

— Лу! Лу, старина!

Он с улыбкой протянул руку.

На мгновение показалось, что тот ответит. В его глазах промелькнула радость.

Но тут же угасла. Руки его оставались прижатыми к бокам. Он без выражения ответил:

— Здравствуй, Старр.

Счастливчик неохотно опустил руку. Он сказал:

— Я не видел тебя с выпускного вечера. — Помолчал. Что еще можно сказать старому другу?

Светловолосый Советник, казалось, осознавал нелепость ситуации. Коротко кивнув стражникам, он сел с выражением мрачного юмора на лице.

— С тех пор кое-что изменилось. — Затем — губы у него слегка дергались — продолжал: — Зачем ты явился? Я ведь просил тебя держаться подальше.

— Я не могу держаться в стороне, когда друг в опасности, Лу.

— Нужно ждать, пока тебя попросят о помощи.

Моррис сказал:

— Я думаю, вы зря тратите время, Старр. Вы все еще считаете его членом Совета. А он изменник.

Полный венерианин произнес это слово сквозь стиснутые зубы, ударил им, как хлыстом. Эванс слегка покраснел, но ничего не ответил.

Дэвид сказал:

— Мне нужны самые серьезные и неопровержимые доказательства, прежде чем я применю это слово к члену Совета. — Он сделал ударение на словах «члену Совета».

Старр сел. Несколько мгновений он рассматривал своего друга, Эванс отвел взгляд.

Счастливчик сказал:

— Доктор Моррис, попросите стражников выйти. Я принимаю на себя ответственность за Эванса.

Моррис с сомнением взглянул на Дэвида, потом, после недолгого раздумья, жестом отослал охранников.

Старр сказал:

— Если не возражаешь, Верзила, пройди в соседнюю комнату.

Верзила кивнул и вышел.

Счастливчик мягко сказал:

— Лу, теперь нас только трое. Ты, я, доктор Моррис, вот и все. Трое Советников. Давай начнем сначала. Ты взял закрытые данные, касающиеся выращивания дрожжей?

Лу Эванс ответил:

— Да.

— Значит, у тебя была для этого причина. Какая?

— Послушай. Я украл данные. Говорю: «украл». Я это признаю. Чего тебе еще нужно? У меня не было причины. Я просто сделал это. Уходите от меня. Оставьте меня в покое. — Губы его дрожали.

Моррис сказал:

— Вы хотели слышать его объяснения, Старр. Вы услышали. У него их нет.

— Вероятно, ты знаешь, — сказал Дэвид, — что вскоре после того, как ты взял данные, на ферме с этой самой разновидностью дрожжей произошло происшествие.

— Знаю.

— Как ты его объяснишь?

— У меня нет объяснений.

Старр внимательно смотрел на Эванса, отыскивая следы прежнего добродушного, склонного к юмору юноши со стальными нервами, которого он так хорошо помнил по академии. Если не считать усов, отращенных в соответствии с венерианской модой, этот человек был тем же самым, в том, что касалось внешности. То же самое длинноногое и длиннорукое худощавое тело атлета, те же светлые волосы, коротко остриженные, прямоугольный заостренный подбородок. Но помимо этого? Глаза Эванса беспокойно перебегали с места на место, губы дрожали, ногти были искусаны.

Счастливчик испытывал колебания, прежде чем задать следующий резкий вопрос. Он разговаривает с другом, человеком, которого хорошо знает, чью верность он никогда не подвергал сомнению, кому он без колебаний доверил бы жизнь.

Он спросил:

— Лу, ты продал информацию?

Эванс тускло, без выражения ответил:

— У меня нет комментариев.

— Лу, я тебя снова спрашиваю. Во-первых, я хочу сказать, что я на твоей стороне, что бы ты ни сделал. Если ты подвел Совет, для этого есть причина. Расскажи нам о ней. Если тебя опоили наркотиками, если тебя заставили физически или морально, если тебя шантажировали, если угрожали кому-то из близких... Ради бога, Лу, если тебя прельстили деньгами или властью, даже если это так, скажи нам. Нет ошибки, которую

нельзя было бы исправить, которую хотя бы отчасти нельзя было загладить откровенностью.

На мгновение казалось, что Эванс тронут. Он поднял на друга глаза, в которых отражалась боль.

— Счастливчик, — начал он, — я...

Затем что-то с ним произошло, и он воскликнул:

— Я не буду говорить, Старр, не буду!

Моррис, сложив руки, сказал:

— Вот, Дэвид. Вот его отношение. Только он что-то знает. Нам нужны эти знания, и, клянусь Венерой, мы их получим так или иначе.

Дэвид сказал:

— Подождите...

— Мы не можем ждать, — ответил Моррис. — Возьмите это себе в голову. У нас нет времени. Вообще нет. Так называемые случайности становятся все серьезнее по мере приближения врага к цели. Эту цепь происшествий нужно порвать. Немедленно! — И он стукнул пухлым кулаком по столу. И тут же, как бы в ответ, резко прозвучал сигнал коммуникатора.

Моррис нахмурился.

— Сигнал тревоги! Что, во имя космоса...

Он поднес микрофон к губам.

— Говорит Моррис. Что случилось?.. Что?.. ЧТО?

Он выронил микрофон, лицо его смертельно побледнело.

— Человек под гипнозом у шлюза номер двадцать три, — задыхаясь, сказал он.

Стройное тело Дэвида напряглось, как стальная пружина.

— Какой шлюз? Шлюз купола?

Моррис кивнул и сумел сказать:

— Я говорил, что происшествия становятся все серьезнее. На этот раз — купол. Этот человек... в любой момент... может... впустить... море... в Афродиту!

5. «БЕРЕГИСЬ ВОДЫ!»

Из машины Счастливчику были видны очертания городского купола над головой. Он вспомнил, что подводному городу требуется для своего существования огромное количество энергии.

Города под куполами существуют во многих местах Сол-

нечной системы. Старейшие и самые известные — на Марсе. Но на Марсе тяготение составляет лишь две пятых земного, а на купола сверху давит разреженная тонкая атмосфера.

Здесь, на Венере, тяготение — пять шестых земного и венерианские купола закрыты водой. И хотя они построены в мелких районах океана, так что в отлив верхушки их куполов почти касаются поверхности, они все равно должны выдерживать тяжесть миллионов тонн воды.

Старр, подобно большинству землян (и венериан, кстати, тоже), считал это достижение человечества чем-то само собой разумеющимся. Но теперь, когда Лу Эванс вернулся в свою камеру и его проблемы на время отошли на второй план, живой ум Дэвида устремился к новым знаниям.

Он спросил:

— Как поддерживаются эти купола?

К полноватому венерианину частично вернулось самообладание. Машина, которую он вел, двигалась к находившемуся в опасности сектору. Речь его по-прежнему звучала напряженно и мрачно.

Он сказал:

— Диамагнитные силовые поля на стальном каркасе. Кажется, будто купол поддерживают стальные балки, но это не так. Сталь недостаточно прочна для этого. Поддерживают силовые поля.

Дэвид взглянул на улицы внизу, полные людьми и жизнью. Он спросил:

— А раньше подобные случаи бывали?

Моррис простонал:

— Великий космос, ничего подобного... Будем там через пять минут.

— Принимались ли предосторожности против несчастных случаев? — флегматично продолжал Старр.

— Конечно. У нас есть система автоматического включения тревоги и автоматические предохранители, мешающие выключить поля. И весь город разделен на сегменты. Любое нарушение в куполе вызывает опускание перегородок, которые также поддерживаются полями.

— Значит, город не будет уничтожен, даже если океан ворвется внутрь? И население это знает?

— Конечно. Люди знают, что они защищены, но все равно значительная часть города будет разрушена. И потери будут, а

уж какие материальные затраты! Но хуже всего то, что, если человека могли заставить сделать это один раз, значит, могут и еще.

Верзила, бывший в машине третьим, беспокойно взглянул на Счастливчика. Землянин погрузился в размышления, его брови были нахмурены.

Наконец Моррис произнес:

— Мы на месте!

Машина резко замедлила ход и остановилась.

На часах Верзилы было два часа пятнадцать минут, но это ничего не значило. Венерианская ночь длится восемнадцать часов, а здесь, под куполом, нет ни дня, ни ночи.

Как всегда, ярко горело искусственное освещение. Как всегда, четко вырисовывались силуэты зданий. И если что-то в городе было необычным, то это поведение жителей. Они устремились к месту происшествия из различных секций города. Новость о нем загадочным образом распространилась повсюду, и теперь люди, полные нездорового любопытства, стремились как на шоу или на цирковой парад, как жители Земли, занимающие кресла в концертном зале.

Полиция сдерживала шумящую толпу. Для Морриса и его спутников с трудом проложили дорогу. Уже опустили прозрачную перегородку, отделившую опасный район от остального города.

Моррис провел Старра и Верзилу в большую дверь. Шум толпы стих. Внутри здания навстречу Моррису торопливо шагнул человек.

— Доктор Моррис... — начал он.

Моррис торопливо представил:

— Лайман Тернер, главный инженер. Дэвид Старр, член Совета. Верзила Джонс.

И по какому-то сигналу устремился в другую комнату, развивая поразительную скорость. Через плечо он успел бросить:

— Тернер позаботится о вас.

Тернер крикнул:

— Минутку, доктор Моррис! — Но его крик остался незамеченным.

Дэвид сделал знак Верзиле, и маленький марсианин устремился вслед за Советником с Венеры.

— Он приведет назад доктора Морриса? — беспокойно спросил Тернер, поглаживая прямоугольный ящик, который висел у него на ремне через плечо. У Тернера было худое лицо, рыжеватые волосы, большой орлиный нос, веснушки и широкий рот. Он был взволнован.

— Нет, — сказал Счастливчик. — Моррис, вероятно, нужен там. Я просто попросил друга сопровождать его.

— Не знаю, что это даст, — пробормотал инженер. — Не знаю, что вообще сейчас может помочь. — Он поднес сигарету ко рту и с отсутствующим видом протянул другую Старру. Несколько мгновений он не замечал отрицательного жеста и продолжал стоять, протягивая пластмассовую коробочку с сигаретами и задумавшись.

Дэвид спросил:

— Опасный сектор эвакуируется, вероятно?

Тернер вздрогнул, убрал свои сигареты и затянулся. Потом бросил сигарету и затушил ее.

— Да, — ответил он, — но не знаю... — Голос его смолк.

Дэвид спросил:

— Перегородки надежны?

— Да, да, — пробормотал инженер.

Старр подождал, потом сказал:

— Но вы чем-то не удовлетворены. Это вы хотели сказать доктору Моррису?

Инженер быстро взглянул на Счастливчика, отодвинул свой ящик и сказал:

— Ничего. Забудьте об этом.

Они сидели в углу комнаты. В комнату входили люди, одетые в глубоководные костюмы, снимали шлемы и вытирали вспотевшие лица. Доносились обрывки фраз:

— ...осталось не более трехсот человек. Сейчас мы используем все люки...

— ...не можем добраться до него. Пытались всячески. Сейчас с ним говорит его жена, умоляет его...

— Черт возьми, рычаг у него в руке. Ему нужно только потянуть за него...

— ...Если бы мы только могли добраться на расстояние выстрела. Если бы он не увидел нас раньше...

Тернер, казалось, слушал все это как зачарованный, но оставался в углу. Он зажег еще одну сигарету и тут же погасил ее.

Наконец он взорвался:

— Вы только поглядите на эту толпу! Для них это забава! Развлечение! Не знаю, что делать. Говорю вам, не знаю. — Он переместил свой ящик в более удобное положение, придвинув его к себе.

— Что это? — строго спросил Старр.

Тернер посмотрел на ящик, будто видел его впервые, потом сказал:

— Это мой компьютер. Особая переносная модель, я сконструировал его сам. — На мгновение беспокойство в его голосе сменилось гордостью. — Другого такого в Галактике нет. Я всегда ношу его с собой. Поэтому я и знаю... — И он снова замолчал.

Дэвид твердым голосом спросил:

— Ну ладно, Тернер, что вы знаете? Говорите! Немедленно!

Рука молодого Советника опустилась на плечо инженера, потом пожатие стало сильнее.

Тернер поднял голову, вздрогнул. Советник продолжал спокойно смотреть на него.

— Как вас зовут? — спросил Тернер.

— Дэвид Старр.

Глаза Тернера посветлели.

— Вас называют Счастливчик Старр?

— Да.

— Ладно, я вам скажу, только я не могу говорить громко. Это опасно.

Он зашептал, и Дэвид склонил к нему голову. Люди, торопливо входившие и выходившие, не обращали на них внимания.

Слова Тернера полились торопливо, будто он был рад, что может избавиться от них. Он сказал:

— Стены купола двойные. Каждая сделана из транзита — это самый прочный силиконовый пластик, известный науке. Его поддерживают силовые лучи. Стены могут выдержать невероятное давление. Они совершенно нерастворимы. Они не разъедаются кислотой. Никакая форма жизни не может удержаться на них. Они не изменят свой химический состав ни под каким воздействием. Между двумя стенами сжатая двуокись углерода. Она должна поглотить ударную волну, если наружная стена не выдержит, и, конечно, внутренняя стена сама по себе достаточно прочна, чтобы сдержать воду. И наконец весь

город разделен на отсеки, так что в случае бреши будет затоплена лишь небольшая его часть.

— Весьма сложная система, — заметил Счастливчик.

— Слишком сложная, — горько заметил Тернер. — Землетрясение, вернее венеротрясение, может расколоть купол надвое, больше ничто ему не повредит. А в этой части планеты не бывает венеротрясений. — Он остановился, чтобы зажечь еще одну сигарету. Руки его дрожали. — Больше того, каждый квадратный фут купола снабжен датчиками, которые постоянно измеряют влажность между стенами. Малейшая течь — и стрелки на инструментах тут же подпрыгнут. Даже если течь невидимая, микроскопическая. И тут же зазвенят звонки, заревут сирены. И все закричат: «Берегись воды!»

Он криво усмехнулся.

— Берегись воды! Какая насмешка! Я на этой работе десять лет, и за все время инструменты ожили пять раз. В каждом случае ремонт занял менее часа. В пораженную часть купола направляли насос, откачивали воду, затем заплавляли транзит, добавляя заплату из этого же вещества, и давали ему остыть. После чего купол становился еще прочнее. Берегись воды! У нас никогда не было даже серьезной течи.

Счастливчик сказал:

— Я понял. Теперь переходите к делу.

— Дело в излишней самоуверенности, мистер Старр. Мы отгородили опасный сектор, но насколько прочна перегородка? Мы всегда считали, что опасность может возникнуть постепенно, если во внешней стене образуется небольшая щель. Вода будет медленно просачиваться, и у нас будет достаточно времени, чтобы ликвидировать течь. Никто и не подумал, что можно просто распахнуть шлюз. Вода ворвется, как стальной прут, со скоростью мили в секунду. Она ударит в промежуточную перегородку, как идущий на полной скорости космический корабль.

— Вы хотите сказать, что перегородка не выдержит?

— Я хочу сказать, что никто не занимался этой проблемой. Никто не рассчитывал напряжения — до последнего часа. Я сделал это, просто чтобы занять время. У меня был с собой компьютер. Он у меня всегда с собой. Поэтому я ввел несколько допущений и принялся за работу.

— Перегородка не выдержит?

— Не могу сказать определенно. Не знаю, насколько верны мои допущения, но думаю, она не выдержит. Нет, не выдержит. Что же нам делать? Если перегородка не выдержит, Афродита погибла. Весь город. Вы, и я, и еще четверть миллиона людей. Все. Все эти толпы, которые так возбуждены предстоящим зрелищем, все они обречены, если тот человек потянет за рычаг.

Старр с ужасом смотрел на него.

— И давно вы это знаете?

— С полчаса. Но что я могу сделать? Нельзя надеть подводные костюмы на четверть миллиона человек! Я собирался поговорить с Моррисом, может, спасти наиболее ценных людей или женщин и детей. Не знаю, как выбирать тех, кого нужно спасать, но, может, что-то еще можно сделать. А вы как думаете?

— Не знаю.

Инженер, терзаясь, продолжал:

— Я подумал, может, самому надеть костюм и убраться отсюда. Вообще выбраться из города. Сейчас охрана на шлюзах не так внимательна.

Дэвид попятился от дрожащего инженера, глаза его сузились.

— Великая Галактика! Я был слеп!

Он повернулся и выбежал из комнаты, мозг его был захвачен невероятной мыслью.

6. СЛИШКОМ ПОЗДНО!

У Верзилы в суматохе закружилась голова. Он упрямо держался за бесконечно перемещавшимся Моррисом и переходил от одной группы людей к другой, слушая разговоры, большую часть которых не понимал из-за своего незнания Венеры.

Моррис действовал безостановочно. Каждую минуту новый человек, новый доклад, новое решение. Прошло всего двадцать минут, как Верзила убежал за ним, а уже с десяток планов был обсужден и отвергнут.

Человек, только что вернувшийся из опасного сектора, отдуваясь, говорил:

— На него удалось послать направленный луч, мы до него добрались. Он сидит, сжимая рычаг в руке. Сейчас мы передаем голос его жены, сначала по радио, потом по общественной

системе, а затем через громкоговоритель. Не думаю, чтобы он слышал. Во всяком случае, он не двигается.

Верзила прикусил губу. Что бы сделал на его месте Счастливчик? Первое, что пришло в голову Верзиле, это подобраться к тому человеку — его имя Поппноу — и пристрелить. Но эта же мысль приходила и другим и была отвергнута. Человек с рычагом заперся изнутри, а помещения, из которых контролировался купол, были очень прочными и предохранялись от вмешательства снаружи. Каждый вход снабжен системой сигнализации, которая питается изнутри. Теперь эта предосторожность действовала в обратном направлении — она увеличивала опасность для Афродиты, а не уменьшала ее.

При первом же сигнале, при первом же звонке, Верзила был в этом уверен, рычаг дернется и венерианский океан ворвется в Афродиту. Не стоило рисковать, пока эвакуация полностью не завершилась.

Кто-то предложил использовать отравленный газ, но Моррис покачал головой без объяснений. Верзила решил, что знает, о чем подумал венерианин. Человек с рычагом не болен, не сошел с ума, не злобен от природы; он находится под контролем. Значит, существуют два противника. Человек с рычагом сам по себе может ослабеть от газа так, что физически будет не в состоянии дернуть за рычаг, но до этого его слабость отразится в мозгу, и тот, кто его контролирует, приведет в действие свое оружие до того, как его мышцы выйдут из строя.

— Чего они ждут? — негромко простонал Моррис, а пот ручейками стекал по его щекам. — Если бы можно было направить на него атомную пушку.

Верзила знал, почему и это невозможно. Атомная пушка потребует такой энергии, что уничтожит весь купол, то есть навлечет ту самую опасность, против которой они борются.

Он подумал: «Где же Счастливчик?» А вслух сказал:

— Если нельзя добраться до этого парня, то как насчет приборов?

— Что вы имеете в виду? — спросил Моррис.

— Отключить энергию. Ведь она нужна, чтобы управлять рычагом.

— Хорошая мысль, Верзила. Но у каждого шлюза автономный источник энергии, расположенный в нем самом.

— А его нельзя отключить снаружи?

— Как? Он там внутри, и каждый квадратный фут защищен сигнализацией.

Верзила взглянул вверх, как будто мысленно видел нависший над ними могучий океан. Он сказал:

— Это герметически закрытый город, как на Марсе. У нас воздух накачивают. А у вас?

Моррис поднес ко лбу платок и медленно вытер его. Он смотрел на маленького марсианина.

— Вентиляционные трубопроводы?

— Да. Ведь один такой должен быть внутри шлюза?

— Конечно.

— А нет ли в нем такого места, где бы можно было перерезать проволоку или вообще что-нибудь сделать?

— Минутку. Если просунуть в трубопровод микробомбу вместо ядовитого газа...

— Этого недостаточно, — нетерпеливо сказал Верзила. — Пошлите человека. Ведь в подводном городе большие трубопроводы. Пройдет ли через них человек?

— Для этого они слишком велики, — сказал Моррис.

Верзила болезненно сглотнул. Следующее заявление ему дорого стоило.

— Я не так велик, как остальные. Может, пройду.

И Моррис, глядя сверху вниз широко раскрытыми глазами на маленького марсианина, сказал:

— Венера! Вы сможете! Сможете! Идемте со мной!

Казалось, в Афродите не спит ни один человек. Возле транзитовой перегородки, отделявшей от города опасный сектор, все улицы были забиты людьми. Пришлось натянуть цепи, за которыми беспокойно переминались полицейские со станнерами.

Старр, выбежавший из штаба, занимавшегося ликвидацией опасного положения, был остановлен цепью. На него обрушились сотни впечатлений. Высоко в небе Афродиты без видимой опоры висел плакат, покрытый яркими причудливыми завитушками. Он медленно поворачивался. На нем было витиевато написано:

АФРОДИТА,
ПРЕКРАСНЕЙШИЙ ГОРОД ВЕНЕРЫ,
ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС!

Рядом двигалась цепочка людей. Они несли разные вещи: набитые чемоданчики, шкатулки для драгоценностей, одежду, переброшенную через руку. Один за другим они поднимались в скиммеры. Ясно было, кто это: беженцы из опасной зоны, захватившие с собой то, что им казалось наиболее ценным. Очевидно, эвакуация шла полным ходом. В цепочке не было ни женщин, ни детей.

Дэвид крикнул проходившему полицейскому:

— Могу ли я получить скиммер?

Полицейский посмотрел на него.

— Нет, сэр, все заняты.

Старр сказал нетерпеливо:

— Дело Совета Науки.

— Ничем не могу помочь. Все скиммеры в городе используются для перевозки этих парней. — Он ткнул пальцем в движущуюся цепочку.

— Это очень важно. Как мне выбраться отсюда?

— Идите пешком, — сказал полицейский.

Счастливчик в досаде сжал зубы. Ни пешком, ни на колесах не пробиться сквозь эту толпу. Выбираться нужно по воздуху, и немедленно.

— Есть ли что-нибудь, чем я могу воспользоваться? Что угодно? — Он почти не обращался к полицейскому, скорее к самому себе, разгневанный, что его так легко одурачил враг.

Полицейский сухо ответил:

— Если хотите, используйте хоппер.

— Хоппер? Где? — Глаза Старра сверкнули.

— Я пошутил, — сказал полицейский.

— А я нет. Где хоппер?

В подвале здания, которое он покинул, нашлось несколько хопперов. Они были разобраны. Послали на подмогу четверых техников, и лучше всех выглядевшая машина была собрана на открытом воздухе. Толпа смотрела с любопытством, послышались ободряющие выкрики:

— Прыгай, хоппер!

Старый призыв на гонках хопперов. Пять лет назад мода на такие гонки пронеслась по Солнечной системе. Повсюду устраивались соревнования, заключались пари. Больше всего этим увлекались на Венере. Вероятно, в подвалах половины домов Афродиты нашлись бы хопперы.

Счастливчик проверил двигатель. Он работал. Дэвид включил мотор и запустил гироскоп. Хоппер немедленно встал и стоял неподвижно на одной ноге.

Хопперы, вероятно, самое гротескное из изобретенных человеком средств передвижения. Они состоят из изогнутого корпуса, едва вмещающего человека. Сверху четырехлопастный винт, внизу единственная металлическая нога, обутая в резину. Похоже на гигантскую птицу, которая спит на одной ноге, подогнув под себя вторую.

Дэвид нажал кнопку прыжка, и единственная нога втянулась. Корпус опустился, а нога втягивалась в трубу, проходившую сразу за панелью управления. В момент максимального втягивания нога с громким щелчком высвободилась, и хоппер на тридцать футов подпрыгнул в воздух.

Лопасти вверху начали вращаться, и хоппер на долгие секунды завис в воздухе. Старру были видны находившиеся прямо под ним люди. Толпа растянулась на полмили. Значит, придется сделать несколько прыжков. Губы молодого человека сжались. Уходят драгоценные минуты.

Хоппер опускался, вытянув длинную ногу. Толпа внизу пыталась расступиться, но это было ни к чему. Четыре потока сжатого воздуха размели людей, и нога благополучно приземлилась.

Она ударилась об асфальт и снова втянулась. На мгновение Старр увидел вокруг удивленные лица, потом хоппер снова рванулся вверх.

Дэвиду пришлось признаться себе, что его охватывает возбуждение гонки. В юности он участвовал в нескольких. Опытный прыгун мог бросать своего «коня» в немыслимые прыжки, находя место для ноги там, где его, кажется, не было. Здесь, в покрытых куполами городах Венеры, гонки на хопперах гораздо безопаснее, чем на обширных скалистых, пересеченных местностях Земли.

В четыре прыжка Дэвид перескочил через толпу. Он выключил мотор, и после серии все уменьшавшихся прыжков хоппер остановился. Счастливчик соскочил с него. Передвижение по воздуху по-прежнему невозможно, но тут он сможет воспользоваться какой-нибудь наземной машиной.

Но будет потеряно еще немало времени.

Верзила на мгновение остановился, чтобы перевести дыхание. Все происходило слишком быстро: он скользил по все еще круто изгибавшейся трубе.

Двадцать минут назад он сделал предложение Моррису. И вот теперь труба начала сужаться и Верзилу поглотила тьма.

Упираясь локтями, он продвинулся еще на дюйм вперед. Пришлось остановиться и посветить фонариком. В рукаве у запястья он держал торопливо начерченный план.

Моррис подал ему руку перед тем, как он полувзобрался, полувспрыгнул в отверстие одной из стен насосной станции. Роторы огромного вентилятора остановили, воздушный поток прекратился.

Когда они обменивались рукопожатиями, Моррис пробормотал:

— Надеюсь, это его не встревожит.

Верзила в ответ улыбнулся и пополз в темноту. Никто не считал нужным говорить очевидное. Верзила окажется по ту сторону транзитового барьера, ту, откуда теперь шла эвакуация. И если рычаг все-таки опустится, ворвавшаяся вода сокрушит и трубопровод, и стены, как картонные.

Протискиваясь вперед, Верзила раздумывал, услышит ли он рев, узнает ли о прорыве, прежде чем вода ударит его. Он надеялся, что нет. Не хотел ждать даже секунду. Если вода придет, пусть делает свое дело быстро.

Он чувствовал, что стена начала изгибаться. Остановился, чтобы взглянуть на карту; фонарик осветил окружающее пространство холодноватым светом. Это второй поворот, судя по карте, и теперь трубопровод пойдет вверх.

Верзила выгнулся, следуя за поворотом и не обращая внимания на царапины и ссадины.

— Пески Марса! — пробормотал он. Мышцы ног болели от напряжения, он прижимался коленями к противоположным стенкам трубы, чтобы не соскользнуть вниз. Дюйм за дюймом он продвигался по некрутому подъему.

Моррис скопировал карту с плана, который поднесли к видеопередатчику в Департаменте общественных работ Афродиты. Он спросил о назначении разноцветных линий и о сопровождающих надписях.

Верзила добрался до одной из усиленных распорок поперек трубопровода. Преграда почти обрадовала его: за нее можно было ухватиться, сомкнуть вокруг руки, уменьшить напряжение ног. Он спрятал карту в рукав и сжал распорку левой рукой. Правой повернул фонарик и поднес его к концу распорки.

Энергия микроатомного двигателя, которая в обычных условиях питала источник света, могла после перенастройки производить силовое поле из противоположного конца фонарика. Это поле было способно мгновенно разрезать любую материальную преграду. Верзила нажал кнопку; он знал, что распорка с одной стороны перерезана.

Поменял руки. Перенес свой резак на другую сторону. Еще одно прикосновение, и распорка свободно отделилась. Верзила просунул ее рядом со своим телом, вниз, к ногам, и выпустил. Она с грохотом скользнула по трубопроводу.

Воды по-прежнему не было. Верзила, тяжело дыша и извиваясь, все время осознавал это. Миновал еще две распорки, еще один поворот. Наконец трубопровод выпрямился, и Верзила добрался до группы отражательных экранов, обозначенных на его схеме. Он преодолел всего около двухсот ярдов, но сколько это заняло у него времени!

А воды по-прежнему не было.

Экраны — попеременно выступающие по обе стороны пластины, которые должны были завихрять воздушный поток, — его последний ориентир. Срезав быстрым движением резака экраны, он остановился. Теперь нужно аккуратно отмерить девять футов от самого дальнего экрана. Он опять использовал фонарик. Его длина — шесть дюймов, и его придется переместить вдоль стены восемнадцать раз.

Дважды у него соскальзывала рука, и ему приходилось начинать сначала; он полз назад, шепотом бранясь: «Пески Марса!»

На третий раз ему удалось восемнадцать раз приложить фонарик. Верзила держал палец на стене. Моррис сказал, что нужное место будет находиться прямо у него над головой. Верзила повернул фонарик, провел рукой по изогнутой внутренней поверхности трубопровода.

Используя вновь фонарик как резак и держа его на некотором расстоянии от стены (нельзя разрезать слишком глубоко), он провел круг. На него упало вырезанное металлическое кольцо, он отпихнул его в сторону.

Потом посветил фонариком в отверстие и изучил показавшуюся в нем проводку. Чуть подальше за стеной комната, в которой сидит человек с рычагом. Он все еще сидит там? Очевидно, он не потянул за рычаг (а чего он ждет?), иначе Верзила был бы уже мертв. Может, его каким-нибудь образом остановили? И уже увели?

Сухая усмешка показалась на губах Верзилы: он подумал, что, возможно, извивается червяком в этой металлической трубе зря.

Он рассматривал проводку. Где-то здесь находится реле. Мягко потянул за провода, сначала за один, потом за второй. Один слегка подался, и показался маленький черный двойной конус. Верзила облегченно вздохнул. Зажав фонарик в зубах, он освободил обе руки.

Осторожно, очень осторожно развернул половинки конуса в противоположном направлении. Магнитозажимы подались, обнажилась внутренность реле. Это предохранитель: два сверкающих контакта, разделенных почти невидимой щелью. Когда рычаг поворачивают, половинки соединяются, энергия проходит по проводу и шлюз открывается. Все это происходит в миллионную долю секунды.

Верзила покрылся испариной, ожидая, что каждую секунду может наступить роковой момент, когда ему осталось совсем немного. Он порылся в кармане и извлек изолирующую пластмассу. От тепла его тела она уже размягчилась. Он помял ее немного и опять очень осторожно поднес к тому месту, где находилась щель. Досчитал до трех и отдернул руку.

Теперь контакты могут сомкнуться, но между ними окажется тончайшая пластиковая пленка, а через нее ток не пройдет.

Теперь можно опускать рычаг: шлюз все равно не откроется.

Смеясь, Верзила пополз назад, прополз мимо остатков экранов, мимо перерезанных распорок, скользнул вниз по спуску...

Верзила отчаянно разыскивал Счастливчика в сумятице, охватившей город. Человек с рычагом находился в тюрьме, транзитовый барьер подняли, население устремилось обратно (большей частью в гневе, как будто администрация города была виновата в случившемся) в дома, которые недавно покинуло. Для толпы, столь мерзко ждавшей катастрофы, исчезновение опасности было сигналом к началу праздника.

Наконец ниоткуда возник Моррис и положил руку на рукав Верзилы.

— Старр вызывает.

Верзила, вздрогнув, спросил:

— Откуда?

— Из моего кабинета в помещении Совета. Я рассказал ему, что вы сделали.

Верзила вспыхнул от удовольствия. Друг будет горд! Он сказал:

— Я хочу поговорить с ним.

Но лицо Дэвида на экране было мрачно. Он сказал:

— Поздравляю, Верзила. Я слышал, ты был неудержим.

— Ничего, — улыбнулся Верзила. — А где был ты?

Старр сказал:

— Доктор Моррис здесь? Я его не вижу.

Моррис протиснулся к экрану.

— Вот я.

— Я слышал, вы схватили человека с рычагом.

— Да. Благодаря Верзиле.

— Тогда позвольте высказать догадку. Когда вы вошли, он не пытался опустить рычаг. Просто сдался.

— Да. — Моррис нахмурился. — Почему вы догадались?

— Потому что весь эпизод со шлюзом был отвлекающим маневром. Настоящий ущерб должен был произойти здесь. Поняв это, я поспешил сюда. Мне пришлось использовать хоппер, чтобы миновать толпу, и захватить машину на остальной части пути.

— И что? — с беспокойством спросил Моррис.

— Я опоздал! — ответил Счастливчик.

7. ВОПРОСЫ

День кончился. Толпа рассеялась. Город приобрел спокойный сонный вид, только кое-где виднелись небольшие группы людей, все еще обсуждавших происшествия последних нескольких часов.

Верзила чувствовал раздражение.

Вместе с Моррисом они покинули район недавней опасности и примчались в штаб-квартиру Совета. Здесь у Морриса было совещание со Старром; на нем Верзиле не разрешили присутствовать, и венерианин вышел с него мрачным и рассерженным. Дэвид оставался спокоен, но неразговорчив.

Даже когда они остались одни, он только сказал:

— Пошли назад в отель. Мне нужно поспать, да и тебе тоже после твоей сегодняшней забавы.

Он негромко напевал марш Совета, как часто делал при размышлении. Они остановили проезжавшую машину. Когда фотоэлектрические сканнеры машины зарегистрировали изображение вытянутой руки, она автоматически остановилась.

Счастливчик пропустил Верзилу вперед. Он набрал координаты отеля «Бельвью-Афродита», опустил нужную комбинацию монет и предоставил все остальное компьютеру машины. Скорость он установил малую.

Машина начала приятное, ровное движение. Верзиле это понравилось бы, и он смог бы отдохнуть, если бы не любопытство.

Маленький марсианин бросил взгляд на своего большого друга. Того, казалось, интересовали только отдых и размышления. Он откинулся в кресле и закрыл глаза, покачиваясь в такт движению, а отель все приближался, потом стал огромным ртом, который проглотил их, когда машина автоматически отыскала вход в гараж отеля.

Только когда они оказались в своем номере, Верзила достиг точки кипения. Он воскликнул:

— Счастливчик, что все это значит? Я сойду с ума, пытаясь догадаться.

Дэвид снял рубашку и сказал:

— Это простая логика. Что до сегодняшнего дня происходило с людьми, оказавшимися под умственным контролем? О чем нам рассказал Моррис? Человек раздал все свои деньги. Другой уронил тюк с водорослями. Третий поместил в дрожжи ядовитый раствор. В каждом случае действие было небольшим, но это было действие. Что-то происходило.

— Ну и что?

— А что сегодня? Совсем не нечто незначительное. Наоборот, очень значительное. Но не действие. Нечто противоположное: человек положил руку на рычаг, открывающий шлюз, и ничего не делал. Ничего!

Старр исчез в ванной, и Верзила услышал шум игольчатого душа и его выдохи под ударами вселяющих бодрость струй. Наконец Верзила последовал за ним, свирепо бормоча что-то про себя.

— Эй! — крикнул он.

Дэвид, высушивая свое мускулистое тело в обжигающих потоках воздуха, спросил:

— Ты понял?

— Великий космос, Счастливчик, перестань говорить загадками. Ты знаешь, мне это не нравится.

— Но тут нет ничего загадочного. Те, кто устанавливает контроль, полностью сменили тактику, и для этого должна быть причина. Разве ты не понимаешь, по какой причине этот человек сидел с рычагом в руке и ничего не делал?

— Не понимаю.

— Чего они этим добились?

— Ничего.

— Ничего? Великая Галактика! Ничего? Они собрали половину населения Афродиты и буквально всех чиновников в одном районе. Там были и мы с тобой, и Моррис. Большая часть города, включая штаб-квартиру Совета, осталась без наблюдения. И я оказался тупицей! Только когда Тернер, главный инженер, упомянул, как легко теперь было бы выбраться из города, мне пришло в голову объяснение.

— Но я по-прежнему не понимаю. Помоги мне, Счастливчик. Я могу...

— Спокойней, парень. — Дэвид перехватил кулак Верзилы. — Вот в чем дело. Я как можно быстрее вернулся в штаб-квартиру Совета и обнаружил, что Лу Эванс уже исчез.

— Куда его перевели?

— Ты имеешь в виду Совет? Никуда. Он сбежал. Обезоружил охранника, использовал свой знак Совета на запястье, чтобы получить корабль, и ушел в море.

— Значит, этого они добивались?

— Очевидно. Угроза городу была фальшивой. Как только Эванс оказался в океане, человека с рычагом выпустили из-под контроля, и он сдался.

Верзила заговорил:

— Пески Марса! И вся эта работа в трубопроводе была ни к чему! Я четырежды дурак!

— Нет, Верзила, — серьезно сказал Старр. — Ты прекрасно поработал, и я сообщу об этом Совету.

Маленький марсианин вспыхнул, на мгновение гордость вытеснила в нем все остальное. Дэвид воспользовался этой возможностью, чтобы лечь в постель.

Потом Верзила сказал:

— Но это значит... я хочу сказать, что, если советник Эванс сбежал при помощи этих, контролирующих мозг, значит, он виновен?

— Нет, — горячо ответил Старр, — он не виновен.

Верзила ждал, но Дэвид не собирался продолжать, и инстинкт подсказал Верзиле, что не нужно настаивать. Только после того, как он разделся, принял душ и лег на прохладные пластексовые простыни, он попробовал снова.

— Счастливчик?

— Да, Верзила.

— Что мы делаем дальше?

— Идем за Лу Эвансом.

— А Моррис?

— Теперь расследование возглавляю я. Я получил подтверждение с Земли, от главы Совета Конвея.

Верзила в темноте кивнул. Это объясняло, почему ему не разрешили принять участие в конференции. Хотя он и был другом Старра, но не был членом Совета. А в ситуации, когда Старру пришлось отстранить главу местной секции и использовать авторитет Земли для этого, всякий посторонний был нежелателен.

Но в Верзиле уже ожила жажда деятельности. Теперь в океан, глубочайший, чужой океан одной из внутренних планет. Верзила возбужденно сказал:

— Когда отправимся?

— Как только будет готов корабль. Но вначале повидаемся с Тернером.

— С инженером? А зачем?

— У меня есть данные обо всех людях, участвовавших в происшествиях до сегодняшнего дня. Нужны такие же данные и о человеке с рычагом. Тернер должен его хорошо знать. Но до Тернера...

— Да?

— До этого, марсианский коротышка, мы поспим. Так что заткнись!

Квартира Тернера располагалась в большом жилом доме, в котором жили высокопоставленные представители администрации. Верзила негромко свистнул, когда они оказались в вестибюле с его крытыми панелями стенами и роскошными морскими пейзажами. Счастливчик прошел в лифт и набрал номер квартиры Тернера.

Лифт поднял их на пятый этаж, потом двинулся по горизонтали, скользнул по направляющему силовому лучу и застыл у входа в квартиру Тернера. Они вышли, и лифт со свистом исчез за поворотом коридора.

Верзила удивленно посмотрел ему вслед.

— Никогда раньше таких не видел.

— Венерианское изобретение, — сказал Дэвид. — Теперь такие делают и в новых домах на Земле. В старых нельзя, пришлось бы перестраивать все здание.

Старр коснулся индикатора, который немедленно покраснел. Дверь открылась, на них смотрела женщина. Стройная, молодая и очень хорошенькая, с голубыми глазами и светлыми волосами, убранными за уши по венерианской моде.

— Мистер Старр?

— Совершенно верно, миссис Тернер, — ответил он. Перед ответом он немного поколебался: женщина слишком молода, чтобы быть женой Тернера.

Но она дружески улыбнулась.

— Входите. Муж ждет вас, но он спал не больше двух часов и еще не вполне...

Они вошли, дверь за ними закрылась.

Дэвид сказал:

— Простите, что тревожим вас так рано, но дело срочное, и мы не задержим мистера Тернера надолго.

— О, все в порядке, я понимаю. — Она суетливо прошлась по комнате, поправляя то, что не требовало поправок.

Верзила с любопытством осматривался. Квартира женская — цветистая, разукрашенная, почти хрупкая. Заметив, что хозяйка смотрит на него, он смутился и неуклюже сказал:

— Красивая у вас квартирка, мисс... э... мэм...

Она мило улыбнулась и ответила:

— Спасибо. Лайману не очень нравится, как я все устроила, но он не возражает, а я так люблю безделушки и всякие украшения. А вы?

Счастливчик спас Верзилу, спросив:

— А давно вы живете здесь с мистером Тернером?

— Как поженились. Меньше года. Хороший дом, лучший в Афродите. Абсолютно независимое бытовое хозяйство, свой гараж для каботажных судов, свое внутреннее радио. Даже подвальные комнаты. Представляете себе? Подвальные комнаты! Их никогда не используют. Даже прошлой ночью не использовали. Так я думаю. Но точно сказать не могу, потому

что все проспала. Можете себе представить? Даже не слышала ничего, пока Лайман не пришел домой.

— Наверное, так даже лучше, — сказал Дэвид. — Вы избежали страха.

— Я избежала интересного происшествия, хотите вы сказать, — возразила она. — Все знали об этом, одна я спала. Все проспала. И никто меня не разбудил. Это ужасно.

— Что ужасно? — послышался новый голос, и в комнату вошел Лайман Тернер. Волосы его были взъерошены, невзрачное лицо смято, в глазах остатки сна. Свой драгоценный компьютер он принес под мышкой и сунул под стул, на который сел.

— Что я все пропустила, — ответила его жена. — Как ты, Лайман?

— Неплохо, учитывая все обстоятельства. И не жалей, что пропустила. Я рад этому... Здравствуйте, Старр. Простите, что задержал вас.

— Мы только что пришли, — ответил Дэвид.

Миссис Тернер подошла к мужу и поцеловала его в щеку.

— Оставляю вас одних.

Тернер погладил жену по плечу и проводил ее страстным взглядом. Он сказал:

— Ну, джентльмены, простите, что заставил вас ждать, но в последние несколько часов мне пришлось нелегко.

— Я это вполне понимаю. Какова ситуация с куполом?

Тернер потер глаза.

— Мы удвоили смену у каждого шлюза и делаем контроль за входом менее автоматическим. Это противоречит развитию инженерной мысли за последнее столетие. Силовые линии проводим из разных районов города, так чтобы можно было отключить питание на расстоянии, если подобное повторится. И, конечно, будут усилены транзитовые перегородки во всех районах города... Вы курите?

— Нет, — сказал Счастливчик, а Верзила покачал головой.

Тернер сказал:

— Передайте, пожалуйста, сигарету из раздаточного устройства — вон из той рыбы. Верно. Один из капризов моей жены. Ничто ее не остановит, когда нужно достать такую штуку, но она ими наслаждается. — Он слегка покраснел. — Я поздно женился и, боюсь, все еще балую ее.

Дэвид с любопытством посмотрел на странную рыбу, вырезанную из зеленого, похожего на камень материла; когда он нажал на спинной плавник, изо рта рыбы показалась сигарета.

Тернер закурил. Он скрестил ноги и медленно шевелил ими над своим компьютером.

Старр спросил:

— Что нового о человеке, который все это совершил?

— Он обследуется. Очевидно, душевнобольной.

— У него было что-нибудь подобное раньше?

— Нет. Это я проверил в первую очередь. Я ведь главный инженер и отвечаю за весь персонал.

— Знаю. Поэтому я и пришел к вам.

— Я бы хотел вам помочь, но это самый обычный работник. Он у нас около семи месяцев и никогда не доставлял никаких беспокойств. В сущности, у него отличные анкетные данные; он человек спокойный, непритязательный, скромный.

— Всего семь месяцев?

— Да.

— Он инженер?

— Считается инженером, но его работа состояла главным образом в охране шлюза. Здесь ведь большое движение. Шлюз надо открывать и закрывать, проверять документы, делать записи. Тут многое нужно делать.

— А инженерный опыт у него есть?

— Только курс в колледже. Это его первая работа. Он совсем молод.

Счастливчик кивнул. Потом небрежно заметил:

— Как я понял, в городе произошло несколько странных происшествий.

— Да? — Тернер пожал плечами. — Мне редко приходится смотреть новости.

Зазвучал коммуникатор. Тернер поднял трубку и прижал ее на мгновение к уху.

— Это вас, Старр.

Дэвид кивнул.

— Я сообщил, что буду у вас. — Он не потрудился активировать экран. Сказал: — Старр слушает.

Потом положил трубку и встал.

— Мы уходим.

Тернер тоже встал.

— Хорошо. Если я смогу быть вам полезен, дайте знать.

— Спасибо. Передайте привет супруге.

Выйдя из здания, Верзила спросил:

— Что случилось?

— Корабль готов, — ответил Счастливчик, останавливая машину.

Они сели, и Верзила вновь нарушил молчание.

— Узнал что-нибудь у Тернера?

— Кое-что, — коротко ответил Счастливчик.

Верзила беспокойно поерзал и сменил тему:

— Надеюсь, мы найдем Эванса.

— Я тоже.

— Пески Марса, он в трудном положении. Чем больше думаю, тем все больше мне так кажется. Виновен он или нет, но плохо, когда начальник требует твоего смещения по обвинению во взяточничестве.

Дэвид повернул голову и взглянул на Верзилу.

— Моррис не посылал никакого сообщения в центральную штаб-квартиру. Я думал, ты это понял из нашего вчерашнего разговора с ним.

— Не посылал? — недоверчиво переспросил Верзила. — Тогда кто же послал?

— Великая Галактика! — сказал Счастливчик. — Это же очевидно. Послал сам Лу Эванс, использовав имя Морриса.

8. ПРЕСЛЕДУЕТСЯ ЧЛЕН СОВЕТА!

Старр быстро приноровился к приборам и управлял стройным подводным кораблем с все большей уверенностью, начиная ощущать море вокруг себя.

Люди, предоставившие ему корабль, хотели провести хотя бы краткий курс обучения, но Дэвид улыбнулся и ограничился несколькими вопросами, тогда как Верзила с обычным бахвальством воскликнул:

— Нет ничего движущегося, чем не смогли бы управлять Счастливчик и я.

Впрочем, это было почти правдой.

Корабль — назывался он «Хильда» — плыл теперь по инерции, двигатели его были выключены. Он легко разрезал чернильную черноту венерианского океана. Плыли вслепую. Мощные прожекторы корабля не включались ни разу. Радар же, наоборот, непрерывно просвечивал раскрывавшуюся перед ними

пропасть и давал более точную и ценную информацию, чем мог бы дать свет.

Параллельно с радаром действовали передатчики микроволн, способных максимально отразиться от металлического корпуса подводного корабля. На расстояния в сотни миль эти микроволны простирали свои ищущие пальцы то в одном, то в другом направлении, отыскивая специфическое отражение, которое свидетельствовало бы о наличии металла.

Но пока такого отражения не было, и «Хильда» опустилась на ил, на глубину в полмили, и застыла неподвижно; лишь изредка ее слегка покачивали могучие подводные течения венерианского океана.

За первый час Верзила едва ли вспомнил о микроволнах и объекте их поиска. Он был поглощен зрелищем, открывшимся в иллюминаторах.

Подводная жизнь Венеры фосфоресцирует, и черные глубины океана были усеяны разноцветными огоньками гуще, чем космос звездами; огоньки были больше, ярче, и, что самое главное, они двигались. Верзила прижал нос к толстому стеклу и застыл, очарованный.

Некоторые из этих огоньков представляли собой маленькие круглые пятна, двигавшиеся неровными зигзагами. Другие — стремительные линии. Третьи — морские ленты, такие же, как те, что Счастливчик и Верзила видели в «Зеленом зале».

Спустя немного времени Дэвид присоединился к Верзиле. Он сказал:

— Я попытался освежить в памяти свой ксенологический курс...

— Твой что?

— Наука о внеземной жизни, Верзила. Я только что просмотрел книгу о венерианской фауне. Она у тебя на койке, если захочешь прочитать.

— Ну неважно. Я согласен узнать от тебя.

— Хорошо. Можем начать с этих маленьких объектов. Мне кажется, это стая пуговиц.

— Пуговиц? — переспросил Верзила. Потом сказал: — А, понимаю.

В черном поле иллюминатора передвигалось множество светящихся желтых овалов. На каждом виднелись две черные

параллельные линии. Овалы передвигались короткими рывками, останавливались на мгновение и прыгали снова. Десятки их прыгали и останавливались одновременно, так что у Верзилы появилось головокружительное ощущение, будто пуговицы совсем не двигаются, но каждые полминуты прыгает их корабль.

Счастливчик сказал:

— Мне кажется, они откладывают яйца. — Помолчал немного и добавил: — Но большинство существ я не могу определить. Погоди! Вот это должно быть «алое пятно». Видишь вон там? Темно-красное существо с неправильными очертаниями? Оно поедает пуговицы. Следи за ним.

Светящиеся пуговицы заметались, почувствовав присутствие хищника, но десятки их были настигнуты алым пятном. На некоторое время единственным источником света в иллюминаторе оставалось это пятно. Пуговицы разлетелись во все стороны.

— Пятно напоминает по форме выгнутый блин, — сказал Дэвид, — так сказано в книге. Это всего лишь кожа и крохотный мозг в центре. Оно всего в дюйм толщиной. Можно прорвать его насквозь в десяти местах, и оно даже не заметит. Видишь, какой неправильной формы эта особь? Наверное, его жевала рыба-стрела.

Алое пятно двинулось и ушло из поля их зрения. После себя оно мало что оставило; только слабо светились одна-две умирающие пуговицы. Мало-помалу поле зрения вновь заполнилось пуговицами.

Старр сказал:

— Алое пятно просто садится на дно, прижимает края своего тела к илу и всасывает и переваривает все, что накроет. Есть другой вид — оранжевое пятно; оно гораздо агрессивнее. Оно может выбросить струю воды, которая сбивает с ног человека, хотя само оно в фут размером и не толще бумажного листа. Есть и большие, они гораздо опаснее.

— А насколько они велики? — спросил Верзила.

— Не имею ни малейшего представления. В книге говорится, что иногда поступают сообщения о настоящих чудовищах — рыбы-стрелы в милю длиной или пятна, которые могут покрыть Афродиту. Но эти наблюдения, разумеется, не подтверждены.

— В милю длиной! Неудивительно, что наблюдения не подтверждаются.

Брови Счастливчика приподнялись.

— Это вполне возможно. То, что мы видим, обитатели мелководья. А венерианский океан местами достигает десяти миль в глубину. Там хватит места для всего.

Верзила с сомнением посмотрел на него.

— Послушай, ты пытаешься продать мне тюк космической пыли. — Он отвернулся и отошел. — Пожалуй, я все же посмотрю книгу.

«Хильда» переместилась и заняла новую позицию, а микроволны продолжали свой поиск. Потом еще одно перемещение. И еще. Дэвид медленно обследовал подводное плато, на котором стояла Афродита.

Старр мрачно ждал у приборной доски. Где-то там должен находиться его друг Лу Эванс. Корабль Эванса не может передвигаться ни в воздухе, ни в космосе, не может погружаться больше чем на две мили, поэтому он должен держаться относительно мелких вод на плато Афродиты.

Он в который раз повторял это «должен», когда его глаз уловил вспышку отражения. Стрелка указателя направления застыла, а ответный звуковой сигнал слышался все отчетливее.

Верзила немедленно положил руку на плечо Счастливчику.

— Вот он! Вот он!

— Может быть, — ответил Дэвид. — А может, другой корабль или даже остатки кораблекрушения.

— Определи его положение, Счастливчик. Пески Марса, определи его положение!

— Я это делаю, сейчас начнем двигаться.

Верзила почувствовал ускорение, услышал шум винта.

Дэвид наклонился над передатчиком, в голосе его звучало напряжение:

— Лу! Лу Эванс! Говорит Счастливчик Старр! Отвечай! Лу! Лу Эванс!

Снова и снова проносились эти слова по эфиру. Возвратный сигнал микроволн становился все ярче, расстояние между кораблями сокращалось.

Никакого ответа.

Верзила сказал:

— Корабль не движется. Может, это на самом деле затонувший корабль. Если бы советник был там, он либо ответил бы, либо постарался бы уйти от нас.

— Тшш! — сказал Дэвид. Он негромко и убедительно заговорил в передатчик: — Лу! Нет смысла прятаться. Я знаю правду. Я знаю, почему ты от имени Морриса послал требование о собственном отзыве на Землю. И я знаю, кто, по-твоему, враг. Лу Эванс! Отвечай!..

В приемнике послышался треск. Потом звуки сложились в слова:

— Не приближайся. Если ты все знаешь, не приближайся.

Счастливчик облегченно улыбнулся. Верзила радостно завопил.

— Мы его поймали! — закричал маленький марсианин.

— Мы идем к тебе, — сказал Дэвид в передатчик. — Держись. Вдвоем — ты и я — мы справимся.

Послышался ответ:

— Ты не... не понимаешь... я пытаюсь... — Потом почти крик: — Ради Земли, Счастливчик, не приближайся! Не подходи ближе!

И больше ничего. «Хильда» неуклонно сближалась с кораблем Эванса. Дэвид, нахмурившись, откинулся. Он прошептал:

— Если он так боится, почему не бежит?

Верзила не слышал этого. Он радостно заговорил:

— Отлично, Счастливчик! Твой блеф заставил его заговорить!

— Я не блефовал, Верзила, — мрачно ответил Дэвид. — Я знаю основные факты и их причины. И ты знал бы, если бы потрудился подумать.

Верзила потрясенно спросил:

— О чем это ты?

— Помнишь, когда мы с тобой и доктором Моррисом вошли в маленькую комнату, чтобы подождать, пока приведут Эванса. Помнишь, что случилось?

— Нет.

— Ты рассмеялся. Сказал, что я странно выгляжу без усов. И я почувствовал точно то же самое относительно тебя. Я так и сказал. Помнишь?

— Конечно, помню.

— А ты не удивился этому? Мы часами смотрели на людей

с усами. Почему же эта мысль пришла нам одновременно именно в этот момент?

— Не знаю.

— Допустим, эта мысль пришла кому-то обладающему телепатическими способностями. Допустим, удивление передалось из его мозга в наши.

— Ты хочешь сказать, что один из этих, контролирующих мозг, находился с нами в комнате?

— Разве это не объяснение?

— Но это невозможно. Там был только доктор Моррис... Дэвид! Ты ведь не доктора Морриса имеешь в виду?

— Моррис смотрел на нас часами. Почему бы он вдруг удивился отсутствию у нас усов?

— Значит, кто-то прятался?

— Не прятался, — сказал Дэвид. — В комнате было еще одно живое существо, на самом видном месте.

— Нет! — воскликнул Верзила. — О нет! — Он разразился хохотом. — Пески Марса, не венлягушку ты имеешь в виду?

— А почему бы и нет? — спокойно спросил Старр. — Мы, вероятно, первые мужчины без усов, которых она увидела. И удивилась.

— Но это невозможно.

— Неужели? Они живут по всему городу. Люди собирают их, кормят, любят. Но на самом ли деле они их любят? Или венлягушки своим умственным контролем внушают людям, чтобы о них заботились и кормили их?

— Великий космос, Счастливчик! — сказал Верзила. — Ничего удивительного, что люди их любят. Они сообразительны. Совсем не нужно для этого гипнотизировать людей.

— Они тебе сразу понравились, Верзила? Ничто тебя не заставляло?

— Я уверен, что ничто не заставляло. Просто они мне понравились.

— Просто понравились. Через две минуты после того, как ты увидел первую венлягушку, ты кормил ее. Помнишь?

— Ну и что тут плохого?

— А чем ты ее кормил?

— Тем, что ей нравится. Горохом в жи... — Голос маленького человека смолк.

— Совершенно верно. Это было настоящее техническое масло. Оно так и пахло. Как же тебе пришло в голову обмак-

нуть в него горох? Ты всегда кормишь тавотом или техническим маслом животных? Знаешь какое-нибудь животное, которое ело бы тавот?

— Пески Марса! — слабо сказал Верзила.

— Разве не очевидно, что венлягушка захотела тавота, ты был под рукой, и она заставила тебя дать ей... и ты в это время не был хозяином самого себя?

Верзила прошептал:

— Я бы ни за что не догадался. Но теперь, после твоего объяснения, все так ясно. Я себя ужасно чувствую.

— Почему?

— Ужасно, когда мысли животного в твоей голове. Это грязно. — Его проказливое маленькое лицо выразило отвращение.

Дэвид сказал:

— К несчастью, это хуже, чем просто грязно.

И он повернулся к приборам.

Приборы показали, что расстояние между кораблями меньше полумили, и в этот момент на радаре появилось изображение корабля Эванса.

Старр сказал в передатчик:

— Эванс, мы тебя видим. Двигаться можешь? Или твой корабль лишен движения?

В ответном голосе слышалось сильное чувство:

— Да поможет мне Земля, Дэвид, я делал все, чтобы предупредить тебя. Ты пойман! Пойман, как и я!

И, как бы подчеркивая его крик, «Хильда» полетела в сторону, и от сильного удара двигатели ее вышли из строя.

9. ИЗ ГЛУБИНЫ

Впоследствии в памяти Верзилы события следующих нескольких часов виделись как в перевернутом телескопе — далекий кошмар невероятных происшествий.

Неожиданным ударом Верзилу отбросило к стене. Очень долго, как ему показалось, — на самом деле прошло не больше секунды — лежал он, расставив руки и тяжело дыша.

Счастливчик от приборной доски крикнул:

— Главный генератор не работает.

Верзила с трудом встал на накренившемся полу.

— Что случилось?

— Мы повреждены ударом. Это очевидно. Но я не знаю, насколько сильно.

Верзила сказал:

— Огни горят.

— Знаю. Включились запасные генераторы.

— А главный двигатель?

— Не знаю. Пытаюсь проверить.

Где-то внизу и сзади хрипло кашлянул двигатель. Но вместо ровного гудения послышался дребезг, от которого у Верзилы заболели зубы.

«Хильда» встряхнулась, как раненое животное, и выпрямилась. Двигатели снова стихли.

Передатчик что-то повторял, и у Верзилы хватило сил добраться до него.

— Старр, — послышалось из передатчика, — Счастливчик Старр! Говорит Эванс. Отвечай.

— Счастливчик говорит. Что нас ударило?

— Это не имеет значения, — послышался усталый голос. — Больше оно вас не побеспокоит. Позволит вам просто остаться здесь и умереть. Почему вы не держались подальше? Я ведь просил.

— Твой корабль поврежден, Эванс?

— Да, уже двенадцать часов. Ни света, ни энергии — совсем ничего, но я сумел оживить радио. Впрочем, его ненадолго хватит. Очистители воздуха разбиты, а запасов кислорода мало. Прощай, Дэвид.

— Выбраться можешь?

— Механизм шлюза не действует. У меня есть подводный костюм, но, если я попытаюсь выбраться, меня раздавит.

Верзила знал, что имеет в виду Эванс, и невольно вздрогнул. Шлюзы подводных кораблей устроены так, что вода поступает в камеру очень-очень медленно. Открыть шлюз на дне в попытке выбраться означает получить удар воды под давлением в сотни тонн. Человек, даже в стальном костюме, будет раздавлен, как пустая жестянка под прессом.

Старр сказал:

— Мы можем двигаться. Я иду к тебе. Соединим шлюзы.

— Спасибо, но зачем? Если вы двинетесь, вас ударит сно-

ва. Но даже если не ударит, какая разница, где умереть: быстро в моем корабле или медленно в вашем?

Дэвид гневно ответил:

— Если понадобится, мы умрем, но не раньше, чем это будет необходимо. Все когда-нибудь умрут; этого не избежишь, но сдаваться не обязательно.

Он повернулся к Верзиле.

— Отправляйся в машинное отделение и посмотри, что там неисправно. Мне нужно знать, можно ли отремонтировать двигатель.

В машинном отделении, работая с «горячим» микрореактором при помощи манипуляторов, которые, к счастью, не вышли из строя, Верзила чувствовал, как корабль ползет по дну, слышал хрип двигателей. Один раз он услышал удар, корпус «Хильды» заскрипел, как будто большой снаряд ударил в дно в ста метрах от корабля.

Корабль остановился, шум мотора перешел в хриплый шепот. В воображении он видел, как выдвинулось удлинение входного шлюза «Хильды», прижалось к корпусу другого корабля, закрыв дверь от воды, и плотно прилипло. Он слышал, как откачивается вода из трубы, соединившей два корабля, увидел, как потускнел свет в машинном отделении: вся энергия уходила к насосам. Лу Эванс сможет перейти из своего корабля в «Хильду» без всякой защиты.

Верзила вернулся в рубку и обнаружил там Лу Эванса. Лицо его под светлой щетиной было измучено и осунулось. Он слабо улыбнулся Верзиле.

— Продолжай, Лу, — сказал Старр.

Эванс сказал:

— Вначале была просто дикая догадка. Я собрал сведения о всех людях, с которыми случались эти странные происшествия. Единственное, что у них оказалось общего, — любовь к венлягушкам. Они есть у всех на Венере, но каждый из этих держал их полный дом. Я не хотел выглядеть дураком, объявляя о своей теории без надежных доказательств. Если бы они у меня были... Во всяком случае, я решил поймать венлягушку на знании того, что знаю только я или еще несколько, как можно меньше людей.

Счастливчик сказал:

— И ты решил использовать данные о дрожжах.

— Это было очевидно. Мне нужно было что-то неизвестное другим, иначе как бы я мог быть уверен, что они узнали именно от меня? Данные о дрожжах — идеальный материал для этого. Когда не удалось получить их законным путем, я украл их. Взял одну из венлягушек в штаб-квартире, посадил рядом со своим столом и стал просматривать документы. Некоторые даже читал вслух. Когда через два дня произошел несчастный случай именно с той разновидностью, о которой я читал, я уверился, что за всем этим стоят венлягушки. Однако...

— Однако, — подбодрил его Счастливчик.

— Однако я был все же недостаточно умен, — сказал Эванс, — я допустил их в свой мозг. Разложил красный ковер и пригласил войти, а теперь не могу выгнать. Охранники пришли за документами. Было известно, что я побывал в помещении, поэтому очень вежливый агент пришел расспросить меня. Я немедленно вернул бумаги и попытался объяснить. И не смог.

— Не смог? Как это?

— Не смог. Физически не смог. Нужные слова не произносились. Я не мог ни слова сказать о венлягушках. Я даже испытывал побуждения к самоубийству, но поборол их. Они не могли заставить меня сделать что-то настолько несвойственное моему характеру. И тогда я подумал: если я только смог бы вылететь с Венеры, уйти как можно дальше от венлягушек, я избавился бы от их хватки. Поэтому сделал то, что должно было вызвать мой немедленный отзыв. Послал сообщение, в котором обвинялся во взяточничестве и подкупе, и подписался именем Морриса.

— Да, — мрачно сказал Дэвид, — об этом я догадался.

— Как? — Эванс удивился.

— Моррис рассказал нам твою историю, когда мы прибыли в Афродиту. Закончил он словами о том, что подготовил отчет для центральной штаб-квартиры. Он не сказал, что послал отчет, только что подготовил его. Но послание было отправлено, это я знал. А кто, кроме Морриса, знал код Совета и все обстоятельства этого случая? Только ты.

Эванс кивнул и горько сказал:

— И вместо того, чтобы отозвать меня, прислали тебя. Так?

— Я настоял на этом, Лу. Я не мог поверить в то, что ты взяточник.

Эванс обхватил голову руками.

— Хуже ты ничего не мог сделать, Дэвид. Когда ты сообщил, что летишь, я попросил тебя держаться подальше. Почему — я не мог сказать. Физически был не способен. Но венлягушки, должно быть, поняли по моим мыслям, кто ты такой. Они прочли мое мнение о твоих способностях и попытались убить тебя.

— И почти преуспели, — прошептал Старр.

— Теперь уж точно преуспеют. Мне жаль, но я ничего не мог сделать. Когда они парализовали человека у шлюза, я не мог сдержать импульс сбежать в море. И, конечно, ты последовал за мной. Я послужил наживкой, а ты жертвой. Опять я попытался удержать тебя, но ничего не мог объяснить...

Он глубоко, прерывисто вздохнул.

— Но теперь я могу об этом говорить. Блок с моего мозга снят. Они, вероятно, решили, что не стоит тратить умственную энергию, потому что мы захвачены, потому что мы все равно что мертвы и им нечего нас опасаться.

Верзила, слушавший до сих пор с выражением недоверчивого изумления, сказал:

— Пески Марса, что происходит? Почему мы все равно что мертвы?

Эванс, все еще закрывая лицо руками, ничего не ответил.

Дэвид, задумчивый и мрачный, сказал:

— Мы под оранжевым пятном, огромным оранжевым пятном из венерианских глубин.

— Такое большое пятно, что может накрыть корабль?

— Пятно двух миль в диаметре! — ответил Счастливчик. — Две мили в ширину. Нас ударило в первый раз и почти разбило вторым ударом, когда мы двигались к кораблю Эванса, потоком воды. Только и всего! Потоком воды с силой взрыва глубоководной бомбы.

— Но как мы могли попасть под него, не видя его?

Старр сказал:

— Эванс предполагает, что оно находится под умственным контролем венлягушек, и я думаю, он прав. Оно может погасить флюоресценцию, сжав светящиеся клетки. Может приподнять край полога, чтобы впустить нас, — и вот мы под ним. И если мы попробуем двинуться или пробиться наружу, пятно снова ударит нас, а оно не промахивается.

Дэвид подумал, потом внезапно добавил:

— Нет, промахивается! Оно промахнулось, когда «Хильда» ила к твоему кораблю и всего лишь на четверти скорости. — Он повернулся к Верзиле, глаза его сузились. — Верзила, можно ли отремонтировать основной двигатель?

Верзила почти забыл о машинах. Он пришел в себя и сказал:

— О... блок микрореактора не задет, его можно поправить, да и с остальными машинами я справлюсь, если понадобится.

— Сколько это займет времени?

— Вероятно, часы.

— Тогда принимайся за работу. Я выхожу в море.

Эванс удивленно взглянул на него.

— Что ты хочешь сделать?

— Я отправляюсь к пятну. — Он уже был возле шкафа с костюмами, проверяя запас энергии и кислорода.

Абсолютная темнота вызывала обманчивое ощущение безопасности. Опасность казалась далекой. Но Старр хорошо знал, что под ним океанское дно, а во все стороны и вверх от него находится двухмильная перевернутая чаша живой резиноподобной плоти.

Двигатель костюма отбрасывал воду вниз, и Дэвид, подготовив свое оружие, медленно поднимался. Он не переставал удивляться подводному бластеру. Как ни изобретателен был человек на своей родной планете, чуждое окружение Венеры, казалось, в сотни раз усилило эту изобретательность.

Некогда новый континент — Америка — расцвел так ярко, как никогда не могла расцвести древняя Европа; теперь же Венера показывала Земле свои способности. Например, купола городов. Никогда на Земле силовые поля не вплетали так искусно в сталь. Тот самый костюм, в котором он находится, не выдержал бы давления многих тонн воды, если бы не микрополя, тонко вплетенные в его ткани (конечно, если это давление будет возрастать медленно). И во многих других отношениях костюм был чудом инженерного искусства. Его двигатель для передвижения под водой, снабжение кислородом, приборы управления — все это восхитительно.

А оружие!

Тут же мысли Счастливчика перешли на чудовище над ним. Это тоже венерианское изобретение. Изобретение планетарной эволюции. Может ли такое существо возникнуть на

Земле? Конечно, не на суше. Живая ткань не выдержит давления свыше сорока тонн в земном тяготении. У гигантских бронтозавров мезозойского периода ноги были как древесные стволы, и тем не менее им приходилось погружаться в болота, чтобы вода помогала им своей подъемной силой передвигаться.

Вот ответ: подъемная сила воды. В океанах могут возникнуть существа любого размера. Киты на Земле больше любого когда-либо жившего динозавра. Но Дэвид подсчитал, что чудовищное пятно над ним должно весить двести миллионов тонн. Два миллиона больших китов, взятых вместе, едва ли перевесят это чудовище. Старр подумал, сколько ему лет. Сколько лет нужно расти, чтобы достичь такого веса? Сто лет? Тысячу? Кто может сказать?

Но размер может означать и гибель животного. Даже в океане. Чем оно больше, тем медленнее его реакции. Нервным импульсам для прохождения нужно время.

Эванс считал, что чудовище не стало больше бить по ним струей воды, потому что, лишив их возможности передвигаться, потеряло к ним интерес — вернее, потеряли интерес венлягушки, управлявшие движением гигантского пятна. Но, возможно, это и не так. Просто чудовищу нужно время, чтобы снова наполнить свой гигантский водный мешок. И время, чтобы прицелиться.

Больше того, чудовище сейчас вряд ли в лучшей форме. Оно приспособлено к глубинам, к толще воды в шесть и более миль над собой. Здесь его эффективность снижается. Во второй попытке оно промахнулось по «Хильде», вероятно, потому, что еще не оправилось от первого удара.

Но теперь оно ждет; его водный мешок медленно заполняется; оно собирается с силами, насколько может в мелких водах. И вот он, человек, весящий сто девяносто фунтов, должен остановить махину в двести миллионов тонн живого веса.

Старр посмотрел вверх. Но ничего не увидел. Он нажал контакт на левой перчатке, и из металлического конца пальца вырвался столб ослепительно белого света. Свет пробил туманную пустоту и закончился ничем. Достиг ли он в конце концов чудовища? Или просто иссякла сила света?

Трижды чудовище ударило потоком воды. Первый раз, когда был разбит корабль Эванса. Второй раз — поврежден корабль Старра. (Но не так тяжело; может, чудовище слабеет?) В третий раз оно ударило преждевременно и промахнулось.

Счастливчик поднял оружие. Неуклюжее, с толстой рукояткой. В этой рукоятке сотни миль провода и крошечный генератор, дающий очень высокое напряжение. Дэвид направил оружие вверх и сжал кулак.

На мгновение ничего — но он знал, что проволока толщиной в волос прорезает сейчас насыщенный углекислотой океан...

Затем она ударила, и Дэвид увидел результат. В тот момент, как проволока коснулась препятствия, по ней со скоростью света устремился электрический ток и ударил, как разряд молнии. Проволока раскалилась и начала испарять воду. Ее окружил не просто пар — вода закипела, высвобождая двуокись углерода. Счастливчик почувствовал, как его сносит течением.

А вверху, над испаряющейся кипящей волной, над раскаленной проволокой расцвел огненный шар. Там проволока коснулась живой плоти и высвободила чудовищную энергию. Она прожгла в живой горе дыру в десять футов шириной и такой же глубиной.

Старр мрачно улыбнулся. По сравнению с огромным телом чудовища это всего лишь булавочный укол, но пятно его почувствует — минут через десять. Нервные импульсы медленно движутся в этой плоти. Когда болевой импульс достигнет крошечного мозга пятна, оно отвлечется от кораблей на дне и обратится к своему новому мучителю.

Но, мрачно подумал Дэвид, чудовище не найдет его. За десять минут он изменит позицию. Через десять минут он...

Старр не закончил свою мысль. Прошло не больше минуты, а чудовище нанесло ответный удар.

Страшной водяной струей его бросило вниз.

10. ГОРА ПЛОТИ

От удара Дэвид едва не потерял сознание. Любой костюм из обычного металла был бы разорван и смят. Любого человека обычного склада понесло бы на дно, и он погиб бы от сотрясения и удара.

Но Старр отчаянно сопротивлялся. Борясь с могучим потоком, он поднес левую руку к груди, чтобы увидеть показания приборов, контролировавших состояние костюма.

Он застонал. Все указатели вышли из строя, их тонкие

стрелки неподвижно застыли. Но кислород как будто поступал беспрепятственно (легкие подсказали бы ему, если бы это было не так), а костюм, по-видимому, не дал течи. Он надеялся, что и двигатель в порядке.

Нет смысла пытаться слепо выбираться из потока, рассчитывая лишь на силу. Силы ему определенно не хватит. Надо ждать, рассчитывая на одно: поток воды, опускаясь, быстро теряет скорость. Вода по воде — это очень сильное трение. По краям потока оно усиливается, создает завихрения и проникает внутрь. Если поток, вырываясь из мешка чудовища, достигает пятисот футов в ширину, то у дна он всего пятидесяти футов, в зависимости, конечно, от первоначальной скорости и глубины.

И первоначальная скорость тоже уменьшится. Конечно, и тогда с ней не стоит шутить. Старр это почувствовал, когда водный поток на излете ударил корабль.

Все зависит от того, как далеко от центра потока он находится, насколько прямым оказалось попадание.

Чем дольше он будет ждать, тем лучше его шансы — разумеется, если он не будет ждать слишком долго. Положив руку на управление двигателем, Дэвид продолжал опускаться, стараясь сохранить спокойствие, пытаясь догадаться, далеко ли еще до дна, ожидая в каждый момент последнего удара, который он может и не ощутить.

И вот, досчитав до десяти, он включил свой двигатель. Маленькие скоростные винты у него на плечах завертелись и начали гнать воду под прямым углом к основному потоку. Дэвид почувствовал, что его тело движется в другом направлении.

Если он в самом центре, это не поможет. Энергии его двигателя не хватит, чтобы преодолеть могучий поток, увлекающий его вниз. Но если он в стороне от центра, скорость потока должна уже значительно уменьшиться и зона завихрений где-то близко.

И как бы в ответ на эти мысли тело его завертелось, и он, испытывая тошноту и головокружение, понял, что спасен.

Двигатель продолжал работать, теперь отбрасываемые им струи воды направлялись вниз; Старр посветил в сторону океанского дна. И как раз вовремя: он увидел, как в пятидесяти футах под ним ил, покрывавший дно, взорвался и закрыл все окружающее мутью.

Всего лишь за секунду до удара о дно Счастливчик вышел из основного потока.

Теперь он поплыл вверх, так быстро, как только позволяли двигатели костюма. Он отчаянно торопился. В темноте шлема (темнота внутри темноты внутри темноты) его губы сжались в узкую линию, брови опустились.

Он старался ни о чем не думать. Достаточно он думал в первые секунды после удара. Он недооценил врага. Старр считал, что в него целится гигантское пятно, но ведь это не так. Венлягушки сверху, с поверхности океана, через крошечный мозг оранжевого пятна контролировали его действия. Целились они! Им не нужно было использовать чувства пятна, чтобы понять, что происходит. Им нужно было только заглянуть в мозг Дэвида, да и целились они в источник мыслей — в его мозг.

Значит, дело не в том, чтобы уколами заставить чудовище уйти от «Хильды» и спуститься по длинному подводному склону в глубины, породившие его. Чудовище придется убить.

И как можно быстрее!

Ни «Хильда», ни костюм Счастливчика не выдержат еще одного прямого удара. Индикаторы вышли из строя, за ними последуют все системы. Или будут повреждены контейнеры с жидким кислородом.

Он продолжал двигаться вверх — к единственному безопасному месту. Хотя он никогда не видел выпускную трубу пятна, он решил, что она должна быть гибкой и выступающей, чтобы ее можно было направлять в разные стороны. Но вряд ли чудовище может направить ее против себя. Во-первых, тем самым оно бы покалечило себя. Во-вторых, напор воды помешает трубе так сильно изогнуться, чтобы направиться вверх.

Значит, нужно подняться к внутренней поверхности тела чудовища, где его водяное оружие не сможет достать Старра; и нужно это сделать раньше, чем пятно сможет снова наполнить свой водяной мешок для другого удара.

Дэвид посветил вверх. Ему не хотелось этого делать: казалось, что при свете он станет уязвимее. Он говорил себе, что ошибается. Не зрение управляет движениями пятна.

В пятидесяти или больше футах над ним показалась неровная сероватая поверхность, вся изрытая глубокими складками. Кожа чудовища, упругая и крепкая, как подводный костюм че-

ловека. И тут же Счастливчик столкнулся с препятствием, почувствовал, как слегка подается плоть.

Впервые за долгое время он облегченно вздохнул. В первый раз после того, как покинул корабль, он ощутил себя в относительной безопасности. Однако ненадолго. В любой момент пятно (вернее, маленькие хозяева мозга, которые контролируют его) может напасть на корабль. Он не должен этого допустить.

Со смесью удивления и отвращения Дэвид провел пальцами по окружающей его поверхности.

Тут и там на внутренней поверхности тела чудовища виднелись отверстия шириной в шесть футов; Старр видел — по пузырькам и частицам ила, — как в них устремлялась вода. На больших интервалах находились разрезы, которые время от времени превращались в десятифутовые щели, под сильным напором выбрасывавшие вспененную воду.

Очевидно, так чудовище питается. Выбрасывает желудочный сок в ту часть океана, что заперта под его огромным телом, затем всасывает эту воду и извлекает все питательные вещества, затем снова выбрасывает воду вместе с собственными отходами.

Очевидно, оно не может долго оставаться на одном месте, иначе концентрация отходов станет опасной для него самого. Вероятно, по своей воле оно бы здесь не оставалось, но им управляют венлягушки...

Дэвид дернулся, но не по своей воле и в удивлении повернул фонарик. Он с ужасом понял цель глубоких складок, которые заметил на поверхности тела чудовища. Одна такая складка образовалась непосредственно рядом с ним и втягивала его в глубину. Края складки терлись друг о друга, и в целом это был размалывающий механизм, при помощи которого пятно измельчало слишком большие частицы пищи, которые не могли быть всосаны непосредственно порами.

Он не стал ждать. Он не хотел испытывать свой костюм на прочность: ведь мышцы чудовища обладают фантастической силой. Возможно, костюм и выдержит, но его устройства — определенно нет.

Он повернулся так, чтобы потоки воды из двигателей были направлены прямо в чудовище, и включил двигатели на полную мощность. С резким чавкающим звуком он высвободился и отлетел в сторону. Потом снова вернулся.

Но не стал трогать кожу чудовища. Напротив, поплыл под туловищем от края к центру.

Неожиданно он наткнулся на вырост в теле пятна, который уходил вниз, насколько хватало света фонарика. Вырост представлял собой дрожащую трубу.

Это была выпускная труба.

Счастливчик понял, что это такое: гигантская пещера длиной в сто ярдов, из нее со страшной силой вырывалась вода. Он осторожно обогнул ее. Несомненно, вверху, у основания трубы, самое безопасное место, и тем не менее Дэвид неохотно направлялся туда.

Впрочем, он знал, что ищет. Старр отплыл от трубы и поплыл туда, где плоть чудовища вздымалась еще выше, к самому центру перевернутой чаши. Тут оно и было!

Вначале он услышал глубокий гул, такой низкий, что его едва улавливало ухо. В сущности, его внимание привлек не гул, а сопровождавшая его вибрация. Потом он увидел утолщение плоти чудовища. Это утолщение, огромное, шириной не меньше выпускной трубы, свисавшее на тридцать футов вниз, сжималось и разжималось.

Это центр организма, его сердце или то, что заменяет ему сердце. Счастливчик почувствовал головокружение, прикинув, каким мощным должно оно быть. Сокращения сердца длятся не менее пяти минут, и за это время через кровеносные каналы, способные вместить «Хильду», прокачиваются тысячи кубических ярдов крови. Мощности сердца должно хватить, чтобы гнать кровь на расстояние в мили.

Что за удивительный механизм, подумал он. Если бы только можно было захватить такое существо живьем и изучить его физиологию!

Где-то в этом выросте должен располагаться и мозг пятна. Мозг? Вероятно, всего лишь комок нервных клеток, без которых чудовище вполне может жить.

Возможно. Но жить без сердца оно не может. Сердце завершило одно биение. Центральное вздутие сильно сократилось. Теперь сердце минут пять будет отдыхать, потом вздутие расширится, и кровь снова устремится в него.

Счастливчик поднял свое оружие, осветил сердце фонариком и начал опускаться. Не стоит слишком приближаться. С другой стороны, он боялся промахнуться.

На мгновение он почувствовал сожаление. С научной точки зрения убить такое чудо природы — почти преступление.

Собственная ли это мысль или она внушена находящимися вверху венлягушками?

Он не смеет дольше ждать. Дэвид сжал рукоять. Проволока устремилась вверх. Коснулась тела, и он ослеп от ярчайшей вспышки: стена сердца чудовища была разрезана.

Много минут вода кипела в судорогах горы плоти. Гигантская масса пятна извивалась и дергалась. Старр, которого бросало в разные стороны, был беспомощен.

Он попытался вызвать «Хильду», но в ответ услышал только шум, из которого заключил, что корабль тоже бросает из стороны в сторону.

Но смерть, когда она приходит, постепенно проникает в каждую унцию даже стомиллионнотонной жизни. Постепенно вода успокоилась.

Дэвид, смертельно усталый, медленно, медленно начал опускаться.

Он снова вызвал «Хильду».

— Оно мертво, — сказал он. — Пошлите мне направляющий луч.

Счастливчик позволил Верзиле снять с себя костюм и даже слабо улыбнулся в ответ на его беспокойный взгляд.

— Я думал, больше не увижу тебя, друг, — сказал Верзила и шумно глотнул.

— Если собираешься заплакать, — сказал Дэвид, — отвернись. Я не затем выбрался из океана, чтобы тут промокнуть. Как главный двигатель?

— Будет в порядке, — вмешался Эванс, — но на это потребуется еще время. Недавняя встряска разрушила то, что мы делали.

— Что ж, — сказал Старр, — придется продолжать. — Он с усталым вздохом сел. — Все прошло не совсем так, как я ожидал.

— Как это? — спросил Эванс.

— Ну, я думал уколами заставить пятно переместиться. Не получилось, пришлось убить его. В результате его мертвое тело сейчас опускается на «Хильду», как опавшая палатка.

11. НА ПОВЕРХНОСТЬ?

— Ты хочешь сказать, что мы в ловушке? — с ужасом спросил Верзила.

— Можно сформулировать и так, — холодно ответил Счастливчик. — Можно сказать также, что мы в безопасности здесь, если хочешь. Несомненно, здесь мы в большей безопасности, чем где-нибудь на Венере. Никто не может сделать нам что-нибудь физически, пока над нами эта гора плоти. А восстановив двигатель, мы прорвемся наружу. Верзила, принимайся за двигатели; Эванс, давай выпьем кофе и поговорим. У нас может больше не оказаться возможности для спокойного разговора.

Дэвид приветствовал передышку: в данный момент он не мог никак действовать, только говорить и думать.

Эванс, однако, был встревожен. В углах его фарфорово-голубых глаз собрались морщинки.

Старр сказал:

— Ты встревожен?

— Да. Что мы будем делать?

— Я тоже об этом думаю. Похоже, нам остается только рассказать всю историю о венлягушках кому-нибудь, кто не под контролем.

— А кто это?

— На Венере такого нет. Это точно.

Эванс смотрел на друга.

— Ты хочешь сказать, что на Венере все под контролем?

— Нет, но все доступны контролю. В конце концов, человеческий мозг может управляться этими существами по-разному. — Дэвид откинулся в пилотском вращающемся кресле и скрестил ноги. — Во-первых, на короткий период может устанавливаться полный контроль над мозгом человека. Полный! В этот период человек может поступать противоположно своей натуре, совершать поступки, которые угрожают его жизни и жизни окружающих: например, пилоты каботажного судна, на котором мы с Верзилой прилетели на Венеру.

Эванс мрачно сказал:

— Это не мой случай.

— Знаю. Этого не понял Моррис. Он считал, что ты не под

контролем просто потому, что у тебя не было амнезии. Но есть и второй тип контроля, под которым ты находился. Контроль менее жесткий, поэтому человек сохраняет память. Но именно потому, что контроль менее жесток, человек не может совершить поступок, противоречащий его натуре: тебя, например, не могли заставить совершить самоубийство. Но зато контроль длится дольше — не часы, а дни. Венлягушки выигрывают во времени то, что проигрывают в интенсивности. Но может существовать и третий тип контроля.

— Какой же?

— Еще менее интенсивный, чем во втором случае. Настолько тонкий, что жертва даже не осознает его, но все же позволяющий прочитывать мозг и снимать с него всю информацию. Например, Лайман Тернер.

— Главный инженер Афродиты?

— Да. Это его случай. Разве не ясно? Вчера у шлюза городского купола сидел человек, зажав в руке рычаг, открывающий шлюз; он представлял опасность для всего города, однако был так защищен, так окружен сигнализацией, что никто не мог приблизиться к нему, пока Верзила не пробрался через вентиляционный ствол. Разве это не странно?

— Нет. Почему это странно?

— Этот человек работал всего несколько месяцев. Он даже не инженер. Это клерк. Откуда он получил информацию, как защититься? Как смог он так хорошо узнать систему защиты и действия шлюза?

Эванс поджал губы и негромко свистнул.

— В этом что-то есть.

— Но это не пришло в голову Тернеру. Я как раз перед тем, как уйти на «Хильде», расспрашивал его. Конечно, я не сказал ему, зачем мне это. Он сам рассказал мне о неопытности этого человека, но не заметил явной неувязки. Но у кого должна быть необходимая информация? У кого, как не у главного инженера?

— Верно. Верно.

— Допустим, Тернер находится под этим самым тонким контролем. Информацию можно взять из его мозга. Его смогли очень осторожно настроить так, что он не видел никакой неувязки в случившемся. Понимаешь? А теперь Моррис...

— Моррис тоже? — спросил пораженный Эванс.

— Возможно. Он убежден, что это сирианцы, охотящиеся

за дрожжами. И ничего другого не видит. Естественная это ограниченность или его мягко убедили в этом? Он слишком быстро заподозрил тебя, Лу, — слишком легко. Член Совета не должен так легко подозревать другого члена Совета.

— Великий космос! Но кто же тогда в безопасности, Счастливчик?

Дэвид взглянул на пустую чашку кофе и сказал:

— Никто на Венере. Такова моя точка зрения. Надо передать сведения в другое место.

— Как же это возможно?

— Хороший вопрос. Как? — И Старр задумался.

Эванс сказал:

— Физически мы не можем уйти. «Хильда» приспособлена только для океана. Она не может двигаться в воздухе, тем более в космосе. А если мы вернемся в город, чтобы найти более подходящее судно, нам никогда оттуда не выбраться.

— Ты прав, — сказал Старр, — но нам не обязательно покидать Венеру самим. Нужно отправить информацию.

— Если ты имеешь в виду корабельное радио, — сказал Эванс, — то оно тоже исключается. То, что у нас есть, предназначено исключительно для Венеры. За ее пределы оно не выйдет. Больше того, аппаратура так устроена, что волна отражается от поверхности океана вниз, так что пользоваться ею можно только под водой. Но даже если бы мы смогли передавать, передача не достигнет Земли.

— Но нам и не нужно добираться до Земли, — заметил Счастливчик. — Между нами и Землей есть подходящий объект.

Вначале Эванс удивился. Потом сказал:

— А, ты имеешь в виду космическую станцию.

— Конечно. Две космические станции вращаются вокруг Венеры. Земля может быть на удалении от тридцати до пятидесяти миллионов миль, но станции — всего в двух тысячах миль. А я уверен, что на них нет венлягушек. Моррис сказал, что они не переносят свободный кислород, а я уверен, что на станциях, учитывая необходимую на них экономию пространства, вряд ли станут создавать для них специальные насыщенные двуокисью углерода помещения. Если бы нам удалось передать сообщение на станцию, а они бы передали на Землю, вопрос был бы решен.

— Верно, Дэвид! — возбужденно сказал Эванс. — Ты нашел выход. Их контроль не может распространяться на две ты-

сячи миль в пространстве... — Но тут его лицо снова омрачилось. — Не выйдет. Корабельное радио все равно не пробьется через океанскую поверхность.

— Ну, может, не отсюда. Поднимемся на поверхность и передадим прямо в атмосферу.

— На поверхность?

— Да, а что?

— Но они здесь. Венлягушки.

— Знаю.

— Мы будем под контролем.

— Неужели? Пока они не имели дела с теми, кто о них знает, знает, чего от них можно ждать, и способен сопротивляться контролю. Большинство жертв ни о чем не подозревали. А ты, например, буквально сам пригласил их в свой мозг, говоря твоими словами. Я же все знаю и не собираюсь никого приглашать.

— Говорю тебе, ты не сможешь. Ты не знаешь, каково это.

— Можешь предложить другой выход?

Прежде чем Эванс смог ответить, вошел Верзила, раскатывая рукава.

— Все в порядке, — сказал он. — Я гарантирую работу двигателей.

Дэвид кивнул и подошел к управлению, а Эванс в нерешительности остался на месте.

Снова послышался гул моторов, глубокий и сильный. Приглушенный звук показался музыкой, и все ощутили, как палуба под ногами двинулась: такое чувство никогда не испытываешь на космическом корабле.

«Хильда» двинулась сквозь пузырчатую воду, попавшую под гигантское туловище, и начала набирать скорость.

Верзила беспокойно спросил:

— Сколько нам надо проплыть?

— Примерно полмили, — ответил Дэвид.

— А если не прорвемся? Просто ударим и застрянем, как топор в пне?

— Выберемся и попробуем снова, — сказал Дэвид.

Некоторое время все молчали, наконец Эванс негромко сказал:

— Здесь, под пятном, как в подвальной комнате.

Он будто говорил с собой.

— Как в чем? — переспросил Дэвид.

— В подвальной комнате, — все еще отвлеченно ответил Эванс. — Их строят на Венере. Маленькие транзитовые купола под морским дном, как бомбоубежища на Земле. Предполагается, что в них можно спастись от воды, если море прорвет купол, например при венеротрясении. Не знаю, использовали ли их хоть единожды, но лучшие жилые дома всегда рекламируют свои подвальные комнаты.

Счастливчик слушал, но молчал.

Звук мотора стал выше.

— Держись! — сказал Старр.

«Хильда» задрожала, и внезапное, неумолимое замедление скорости прижало Дэвида к пульту управления. Кулаки Верзилы и Эванса побелели — приходилось изо всех сил держаться за поручни.

Корабль замедлил движение, но не остановился. Двигатели напрягались, генераторы визгливо протестовали, так что Счастливчик сочувственно сморщился, но «Хильда» продолжала прорываться сквозь кожу и мышцы, сквозь пустые кровеносные сосуды и бесполезные нервы, должно быть, напоминавшие двухфутовой толщины кабели. Угрюмый Дэвид, сжав зубы, продолжал держать указатель скорости на максимуме.

Прошли долгие минуты, машины триумфально взвыли, и они прорвались — через тело чудовища в открытое море.

Молча, спокойно и ровно «Хильда» поднималась сквозь мутные, насыщенные двуокисью углерода воды венерианского океана. Все три ее пассажира молчали, как будто очарованные той смелостью, с какой штурмовали только что крепость враждебной венерианской жизни. Эванс не сказал ни слова с тех пор, как они выбрались из-под пятна. Старр оставил приборы и сидел, постукивая пальцами по колену. Даже неукротимый Верзила отошел к заднему иллюминатору с его широким полем зрения.

Неожиданно Верзила позвал:

— Счастливчик, посмотри.

Дэвид встал рядом с Верзилой. Вместе они молча смотрели в иллюминатор. Половину поля зрения занимали небольшие фосфоресцирующие огоньки, но во второй половине видне-

лась стена, чудовищная стена, покрытая разноцветными световыми полосами.

— Это пятно? — спросил Верзила. — Когда мы спускались, оно так не светилось. Как оно может светиться сейчас: ведь оно мертвое?

Старр задумчиво ответил:

— Да, это пятно. Мне кажется, весь океан собрался на пир.

Верзила взглянул внимательнее и почувствовал легкую тошноту. Конечно! Сотни миллионов тонн мяса, пригодного к употреблению; свет, который они видят, — это вся жизнь мелководья, пожирающая мертвое чудовище.

Мимо иллюминатора проносились все новые создания, и все в одном направлении. В сторону кормы, к чудовищному телу, которое только что оставила «Хильда».

Преобладали рыбы-стрелы всех размеров. Каждая имела прямую белую светящуюся линию, обозначавшую позвоночник (точнее, это был не позвоночник, а вырост рогового вещества, шедший вдоль всей спины). На одном конце линии виднелось бледно-желтое V, обозначавшее голову. Верзиле показалось, что действительно бесконечное количество живых стрел проносятся мимо корабля; в воображении он видел их острые челюсти, прожорливые и похожие на пустые пещеры.

— Великая Галактика! — сказал Счастливчик.

— Пески Марса! — прошептал Верзила. — Океан, наверно, опустел. Все живое собралось в одном месте.

Дэвид сказал:

— При скорости, с какой пожирают мясо рыбы-стрелы, через двенадцать часов от пятна ничего не останется.

Сзади послышался голос Эванса:

— Старр, я хочу поговорить с тобой.

Тот обернулся.

— Конечно. В чем дело, Лу?

— Когда ты предложил подняться на поверхность, ты спросил, есть ли у меня альтернатива.

— Да. Ты не ответил.

— Теперь могу ответить. Ответ у меня в руках: мы идем обратно в город.

Верзила спросил:

— Эй, в чем дело?

Счастливчику не нужно было спрашивать. Ноздри его раз-

дувались, внутренне он винил себя за те минуты, что провел у иллюминатора, когда должен был заниматься только делом.

Потому что Эванс сжимал в кулаке бластер Дэвида, и в его сузившихся глазах была жесткая решимость.

— Мы возвращаемся в город, — повторил Эванс.

12. В ГОРОД?

Дэвид спросил:

— Что случилось, Лу?

Эванс сделал нетерпеливый жест бластером.

— Переключить двигатели, идти ко дну, потом повернуть в сторону города. Не ты, Счастливчик. У приборов будет Верзила; а ты встань на одну линию с ним, чтобы я мог видеть и вас и приборы.

Верзила приподнялся и вопросительно взглянул на Старра.

Тот спокойно сказал:

— Не скажешь ли, что тебе пришло в голову?

— Ничего мне не пришло в голову, — ответил Эванс. — Тебе пришло. Ты пошел и убил чудовище, потом вернулся и заговорил о подъеме на поверхность. Зачем?

— Я объяснил причину.

— Я тебе не верю. Если мы поднимемся на поверхность, венлягушки захватят наш разум. У меня есть опыт, и поэтому я знаю, что ты под их контролем.

— Что? — взорвался Верзила. — Он что, спятил?

— Я знаю, что делаю, — сказал Эванс, внимательно следя за Дэвидом. — Верзила, если подумаете, тоже поймете, что Дэвид под контролем. Не забудьте, он мой друг. Я знаю его дольше вас, Верзила, и мне не нравится то, что я делаю, но выхода нет. Это должно быть сделано.

Верзила неуверенно посмотрел на них обоих, потом тихо спросил:

— Счастливчик, венлягушки на самом деле добрались до тебя?

— Нет.

— А что он, по-вашему, должен сказать? — с жаром спросил Эванс. — Конечно, добрались. Чтобы убить чудовище, ему пришлось подниматься наверх. Он поднялся близко к поверхности, а там ждали лягушки; они были достаточно близко,

чтобы перехватить контроль. Они позволили ему убить чудовище. А почему бы и нет? Они с радостью поменяли контроль над чудовищем на контроль над Дэвидом, и вот теперь он является и заявляет, что надо подняться на поверхность, а там мы все окажемся пойманными — мы, единственные люди, знающие правду.

— Счастливчик? — голос Верзилы дрожал, маленький марсианин просил поддержки.

Старр спокойно сказал:

— Ты ошибаешься, Лу. То, что ты делаешь, результат контроля над тобой. Ты находился под контролем раньше, и венлягушки знают твой мозг. Они могут войти в него, когда хотят. Может, они никогда полностью и не уходили из него. Ты делаешь то, что тебя заставляют.

Эванс сильнее сжал бластер.

— Прости, друг, но не получится. Поворачиваем корабль к городу.

— Если ты не под контролем, Лу, если твой мозг свободен, ты выстрелишь в меня, если я продолжу двигаться на поверхность, не так ли, Лу?

Эванс не ответил.

Дэвид сказал:

— Тебе придется сделать это. Это твой долг перед Советом и человечеством. С другой стороны, если ты под контролем, тебя вынуждают угрожать мне, заставлять изменить курс корабля, но я сомневаюсь, чтобы тебя смогли заставить убить меня. Убить друга, коллегу, члена Совета — это слишком противоречит твоему образу мыслей. Итак, отдай мне бластер.

И Счастливчик, вытянув руку, направился к Эвансу.

Верзила смотрел в ужасе.

Эванс попятился. Он хрипло сказал:

— Предупреждаю тебя, Старр. Я выстрелю.

— Нет. Ты отдашь бластер.

Эванс прижался спиной к стене. Голос его стал высоким и полубезумным:

— Я выстрелю! Выстрелю!

Но Дэвид уже остановился и попятился. Медленно, медленно он отступал.

Жизнь исчезла из глаз Эванса, он стал похож на каменную статую. Палец его твердо лежал на курке бластера. Холодным тоном он сказал:

— Назад в город.

— Бери курс на город, Верзила, — сказал Дэвид.

Верзила быстро пошел к приборам. Он шепотом спросил:

— Он ведь под контролем?

— Боюсь, что да. Они перешли к интенсивному контролю, чтобы быть уверенными, что он выстрелит. И он выстрелит, в этом нет сомнения. У него амнезия. Впоследствии он ничего не будет помнить.

— Он нас слышит? — Верзила помнил, что пилоты во время их посадки на Венеру никак не реагировали на окружающее.

— Не думаю, — сказал Старр, — но он следит за приборами, и, если мы свернем с курса, он выстрелит. Не заблуждайся на этот счет.

— Что же нам делать?

Холодные, бледные губы Эванса произнесли:

— Назад в город! Быстро!

Дэвид, не шевелясь, не отрывая взгляда от ствола бластера, негромко и быстро заговорил с Верзилой.

Верзила чуть кивнул.

«Хильда» двигалась пройденным курсом, назад к городу.

Советник Лу Эванс стоял у стены, бледный и строгий, его безжалостные глаза переходили от Старра к Верзиле, а от того к приборам. Его тело, полностью покорное тем, кто контролировал его мозг, не испытывало даже потребности в перемещении бластера из руки в руку. Напрягая слух, Счастливчик вслушивался в низкий звук направляющего луча Афродиты, который доносился из указателя направления на «Хильде». Этот луч распространялся во все стороны из наиболее высокого пункта купола города на определенной длине волны. Путь назад был столь же прост, как если бы до Афродиты оставалось сто ярдов.

По звуку Счастливчик мог судить, что они движутся не прямо к Афродите. Разница была незначительной и совсем не очевидной на слух. Слух Эванса тоже под контролем, он может не заметить. Дэвид надеялся на это.

Он постарался проследить за пустым взглядом Эванса. Он был уверен, что Эванс смотрит на указатель глубины. Это большая шкала прибора, который измеряет давление воды. С того

расстояния, с которого смотрел Эванс, было видно, что «Хильда» не поднимается к поверхности.

Дэвид был уверен, что, если указатель глубины хоть немного отклонится, Эванс выстрелит без колебаний.

Пытаясь не думать о ситуации, чтобы ожидающие венлягушки не могли уловить его мысли, Старр все же не мог не удивиться, почему же Эванс не выстрелил сразу. Его обрекли на смерть под гигантским пятном, а теперь всего лишь гнали к Афродите.

Или Эванс выстрелит, как только венлягушки преодолеют последние очаги сопротивления в его мозгу?

Направляющий луч еще немного сдвинулся. Снова Дэвид украдкой взглянул на Эванса. Ошибся ли он или искра чего-то (не эмоции, но чего-то) промелькнула во взгляде Эванса?

Секундой позже он понял, что это не воображение: мышцы Эванса напряглись, рука чуть приподнялась.

Он выстрелит!

Но в то мгновение, как эта мысль промелькнула в мозгу Счастливчика, как его мышцы невольно и бесполезно напряглись в ожидании выстрела, корабль столкнулся с чем-то. Эванс, захваченный врасплох, упал. Бластер выскользнул из его пальцев.

Старр действовал мгновенно. Тот самый удар, который уронил Эванса, бросил Дэвида вперед. Он упал на лежащего Эванса, схватил его за руку и сжал стальными пальцами.

Но Эванс не был слаб, а боролся он с диким, навязанным ему упорством. Он согнул колени, захватил ими Счастливчика и сжал. Случайно ему помогла качка, и Эванс оказался сверху.

Просвистел кулак Эванса, но Дэвид принял его удар плечом. Он поднял ноги и сжал Эванса в железных ножницах.

Лицо Эванса исказилось от боли. Он дернулся, но Старр сумел переместиться и был теперь наверху. Он сел, продолжая удерживать противника ногами и еще сильнее сжимая их.

Дэвид сказал:

— Не знаю, слышишь ли ты и понимаешь ли меня, Лу...

Эванс не обращал на это внимания. Последним усилием он отбросил свое тело вместе с телом противника в сторону и вырвался.

Дэвид покатился по полу и вскочил на ноги. Он перехватил руку вставшего Эванса и завел ее назад. Рывок — и Эванс упал на спину. И лежал неподвижно.

— Верзила! — позвал Счастливчик, тяжело дыша и отбрасывая прядь волос быстрым движением руки.

— Здесь, — ответил малыш, улыбаясь и размахивая бластером. — Я на всякий случай держу эту штуку.

— Хорошо. Убери бластер, Верзила, и осмотри Лу. Проверь, целы ли у него кости. Потом свяжи его.

Старр сел за управление и с крайней осторожностью вывел «Хильду» из тела чудовищного пятна, которое он убил несколько часов назад.

Он выиграл. Он считал, что венлягушки, занятые только мозгом, не имеют ясного представления о физических размерах пятна, к тому же у них нет опыта подводных путешествий, поэтому они не обратят внимания на небольшое изменение курса, сделанное Верзилой. Дэвид сказал об этом Верзиле, когда тот поворачивал корабль к городу под бластером Эванса.

— Правь в пятно, — сказал он.

Снова «Хильда» сменила курс. Нос ее поднялся.

Эванс, привязанный к койке, устало и со стыдом смотрел на Счастливчика.

— Прости.

— Мы понимаем, Лу. Не расстраивайся, — легко сказал Дэвид. — Но пока мы не можем отвязать тебя. Ты ведь понимаешь?

— Конечно. Великий космос, привяжите меня покрепче. Я заслуживаю этого. Поверь, Дэвид, большую часть я просто не помню.

— Лучше немного поспи, приятель, — и Счастливчик похлопал Эванса по плечу. — Мы тебя разбудим на поверхности.

Несколько минут спустя он негромко сказал Верзиле:

— Собери все бластеры на корабле, Верзила, вообще все оружие. Посмотри в шкафах, в ящиках коек — всюду.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Утопить, — кратко ответил Старр.

— Что?

— Ты меня слышал. Ты можешь оказаться под контролем. Или я. Я не хочу повторения случившегося. И вообще против венлягушек физическое оружие бесполезно.

Один за другим два бластера и электрические хлысты под-

водных костюмов полетели в эжектор для мусора. Через односторонние клапаны они оказались за бортом.

— Чувствую себя голым, — пробормотал Верзила, глядя в иллюминатор, как будто надеялся увидеть свое оружие. Мимо стекла пролетела фосфоресцирующая полоса — должно быть, рыба-стрела. И все.

Стрелка указателя давления медленно перемещалась. Вначале они находились в трех тысячах футов под водой. Теперь менее чем в двух тысячах.

Верзила продолжал смотреть в иллюминатор.

Дэвид взглянул на него.

— Что ты высматриваешь?

— Я думал, станет светлее, когда мы приблизимся к поверхности.

— Сомневаюсь. Поверхность плотно затянута водорослями. Пока не прорвемся, будет темно.

— А мы не столкнемся с траулером?

— Надеюсь, нет.

Осталось полторы тысячи футов.

Верзила сказал с надуманной легкостью, стараясь отвлечься от прежних мыслей:

— Послушай, Счастливчик, а почему в воде океана так много двуокиси углерода? Со всеми этими растениями? Растения ведь преобразуют двуокись углерода в кислород.

— Да, на Земле. Но если я верно помню курс ксеноботаники, венерианские растения устроены по-другому. Земные растения высвобождают кислород в атмосферу, венерианские запасают в своих тканях. — Он говорил с отсутствующим видом, как будто тоже хотел отвлечься от навязчивых мыслей. — Поэтому венерианские животные не дышат. Они получают весь необходимый кислород в пище.

— А еще что ты знаешь? — спросил удивленный Верзила.

— В их пище даже слишком много кислорода, иначе они не любили бы так пищу с его низким содержанием, такую, как тавот, которым ты кормил венлягушку. По крайней мере такова моя теория.

Теперь они находились всего в восьмиста футах под поверхностью.

Старр сказал:

— Прекрасно проделано. Я имею в виду то, как ты протаранил пятно.

— Не о чем говорить, — ответил Верзила, но вспыхнул от удовольствия.

Он взглянул на указатель давления. Оставалось пятьсот футов.

Наступило молчание.

Потом сверху послышался скрип, ровный подъем прервался, машины заработали с напряжением, и в иллюминаторах посветлело, стали видны облачное небо и волнующаяся поверхность воды, покрытая бесконечными водорослями.

— Дождь, — сказал Счастливчик. — Боюсь, придется сидеть и ждать, пока к нам не пожалуют венлягушки.

Верзила спокойно ответил:

— А вот и они.

Прямо перед ними, глядя в иллюминатор темными жидкими глазами, плотно прижав лапы к туловищу, цепляясь пальцами за стебель, сидела венлягушка!

13. ВСТРЕЧА РАЗУМОВ

«Хильда» раскачивалась на высоких волнах венерианского океана. Слышался сильный и ровный шум дождя, бившего о корпус почти в земном ритме. Для Верзилы, выросшего на Марсе, и дождь, и океан были одинаково чужими, но у Дэвида они вызвали воспоминания о доме.

Верзила сказал:

— Посмотри на эту лягушку. Только посмотри на нее!

Верзила протер стекло рукавом и прижался к нему носом, чтобы лучше видеть.

Вдруг он подумал:

— Эй, а не лучше ли держаться подальше?

Отпрыгнул, потом вставил мизинцы в углы рта и растянул его. Высунул язык, закатил глаза и закрутил пальцами.

Лягушка серьезно смотрела на него. Она не пошевельнулась с того момента, как ее увидели. Только раскачивалась на ветру, не обращая внимания на плещущуюся воду.

Верзила скорчил еще более ужасную рожу и сказал лягушке:

— А-агх!

Над его плечом послышался голос Старра:

— Что ты делаешь, Верзила?

Верзила отскочил, убрал пальцы и вернул лицу его обычное ангельское выражение. Он с улыбкой сказал:

— Показал венлягушке, что я о ней думаю.

— Это она показала, что думает о тебе!

У Верзилы заныло сердце. Он услышал явное неодобрение в голосе друга. В такой ситуации, во время такой опасности он, Верзила, корчит рожи, как дурак. Ему стало стыдно.

Он проговорил:

— Не знаю, что на меня нашло.

— Они знают, — хрипло ответил Дэвид. — Пойми: венлягушки ищут твое слабое место. Найдя его, они проберутся в твой мозг, и ты не сможешь изгнать их оттуда. Поэтому не следуй сразу импульсам, не подумав сначала.

— Да, Счастливчик.

— Что теперь? — Старр осмотрелся. Эванс спал, судорожно дергаясь и дыша с трудом. На краткий миг глаза Дэвида остановились на нем, потом переместились.

Верзила почти робко сказал:

— Счастливчик!

— Да?

— Ты не собираешься вызывать космическую станцию?

Какое-то время Дэвид непонимающим взглядом смотрел на своего маленького товарища. Потом линии вокруг его глаз разгладились, и он прошептал:

— Великая Галактика! Я забыл! Верзила, я забыл! И не подумал даже.

Верзила пальцем через плечо показал на венлягушку, которая, как сова, продолжала смотреть на них.

— Она?..

— Они. Великий космос, тут их должны быть тысячи!

Стыдясь, Верзила должен был признаться себе, что был почти рад, что не только он, но и Счастливчик не устоял перед этими существами. Он почувствовал, что не так уж виноват. В самом деле Старр не имеет права...

В ужасе Верзила остановился. Он испытывал ненависть к Счастливчику. Это не он. Они!

Он решительно изгнал все мысли из головы и сконцентрировался на Старре, который занялся передатчиком, готовя его к работе.

И тут голова Верзилы резко откинулась: он неожиданно услышал новый и странный звук.

Голос, ровный, без интонаций. Он произнес:

— Не трогай твое устройство для далекой передачи звуков. Мы этого не хотим.

Верзила повернулся и замер с раскрытым ртом. Потом спросил:

— Кто это сказал? Где он?

— Спокойно, Верзила, — ответил Дэвид. — Звук у тебя в голове.

— Только не венлягушки! — в отчаянии сказал Верзила.

— Великая Галактика, а кто же еще?

Верзила повернулся и снова посмотрел в иллюминатор — на дождь, на облака и на раскачивающуюся венлягушку.

Старру уже однажды пришлось пережить проникновение в свой мозг чужого существа. Это было в пещерах Марса, где он встретился с нематериальными существами. Мозг его был открыт перед ними, но чужие мысли входили безболезненно, он даже испытывал приятные ощущения. Он знал, что беспомощен, но был избавлен от страха.

Теперь перед ним было нечто совсем другое. Мысленные пальцы насильно проникали в его мозг, и он встречал их с болью, отвращением и негодованием.

Рука Дэвида отдернулась от передатчика, и он не испытывал желания снова притрагиваться к нему. Он опять забыл о нем.

Голос зазвучал снова:

— Заставляй ртом вибрировать воздух.

Счастливчик спросил:

— Мне нужно говорить? Разве вы не слышите наши мысли, когда мы не говорим?

— Очень смутно. Их трудно понять, если твой мозг хорошо не изучен. Когда ты говоришь, твои мысли становятся четче и мы их слышим.

— Но мы слышим вас без труда, — сказал Дэвид.

— Да. Мы можем посылать свои мысли с большой силой. Вы нет.

— Вы слышали все, что я говорил раньше?

— Да.

— Чего вы хотите от меня?

— В твоих мыслях фигурирует организация твоих товари-

щей, она далеко, по другую сторону неба. Ты называешь ее Советом. Мы хотим знать о ней больше.

Про себя Счастливчик ощутил удовлетворение. На один вопрос по крайней мере он ответил. Пока он представлял собой отдельный индивидуум, враг мог удовлетвориться тем, что убьет его. Но в последние часы враг понял, что он слишком многое узнал, и обеспокоен этим.

Вдруг остальные члены Совета смогут узнать правду так же быстро? И вообще что такое этот Совет?

Старр мог понять любопытство врага, его осторожность, желание выведать у противника побольше, прежде чем убить его. Неудивительно, что Эвансу запретили убивать его, когда оружие было направлено на Дэвида, а он был беспомощен.

Но он отогнал от себя эти мысли. Они говорят, что не могут ясно слышать невысказанные мысли. Но, возможно, они лгут.

Он спросил:

— Что вы имеете против моего народа?

Ровный, неэмоциональный голос ответил:

— Мы не можем с уверенностью сказать, что имеем что-то против.

Старр сжал челюсти. Неужели они восприняли его последнюю мысль о том, что могут лгать? Ему надо быть осторожным, очень осторожным.

Голос продолжал:

— Мы не думаем хорошо о людях. Они отнимают жизнь. Они едят мясо. Плохо быть разумным и есть мясо. Тот, кто ест мясо, должен отнимать жизнь у других живых существ, а разумный пожиратель мяса приносит гораздо больше вреда, чем неразумный: он может придумать больше способов отнять жизнь. У вас есть маленькие трубки, которые могут убить многих существ.

— Но мы не убиваем венлягушек.

— Убивали бы, если бы мы допустили. Вы даже друг друга можете убивать.

Счастливчик не стал комментировать последние слова. Напротив, он сказал:

— Но чего же вы тогда хотите от моего народа?

— Вас слишком много на Венере, — ответил голос. — Вы становитесь многочисленны и занимаете место.

— Но мы не можем занять все, — ответил Старр. — Мы

можем строить города только на мелководье. Глубины всегда останутся вашими, а они составляют девять десятых океана. Кроме того, мы можем помочь вам. Если у вас есть знания мозга, у нас есть знания материи. Вы видели наши города и машины из сверкающего металла, которые через воду и воздух летят по другую сторону неба. Подумайте, как мы могли бы помочь вам.

— Нам ничего не нужно. Мы живем и мыслим. Мы ничего не боимся и ничего не ненавидим. Чего еще нам желать? Что нам делать с вашими городами, с вашим металлом и вашими кораблями? Они не сделают жизнь для нас лучше.

— Значит, вы хотите всех нас убить?

— Мы не хотим отнимать жизнь. Нам достаточно контролировать ваш мозг, чтобы вы не могли причинить вреда.

Счастливчик мысленно увидел (по своей воле или по внушению?) расу людей Венеры, живущих и передвигающихся по указанию господствующей туземной расы; постепенно контакты с Землей прерываются, растут поколения все более услужливых и послушных умственных рабов.

Он сказал с уверенностью, которой на самом деле не ощущал:

— Люди не позволят, чтобы их мысли контролировали.

— Это единственный способ сосуществования, и вы должны нам помочь.

— Не станем.

— У вас нет выбора. Ты должен рассказать нам об этих землях за небом, об организации твоих людей, о том, что они могут нам сделать и как нам защититься.

— Вы не сможете заставить меня сделать это.

— Неужели? — спросил голос. — Подумай. Если ты не сообщишь нам нужную информацию, мы попросим тебя опустить твою машину из сияющего металла на дно океана, и там, на дне, ты ее откроешь и впустишь воду.

— И умру? — мрачно спросил Старр.

— Конец твоей жизни будет необходим. Ты многое знаешь, и тебе нельзя встретиться с товарищами. Ты можешь вызвать попытки мести с их стороны. Это будет нехорошо.

— Но в таком случае я ничего не утрачу, не рассказывая вам.

— Ты многое утратишь. Если откажешься, мы войдем в твой мозг насильно. Это неэффективно. Много ценного мы выпустим. Чтобы уменьшить опасность этого, мы должны бу-

дем разнимать твой мозг по частям, а для тебя это будет неприятно. Гораздо лучше для нас и для тебя, если ты добровольно поможешь нам.

— Нет. — Дэвид покачал головой.

Пауза. Потом снова голос:

— Хотя люди кончают жизни, сами они боятся конца своих жизней. Мы избавим тебя от этого страха, если ты поможешь нам. Когда ты опустишься на дно и твоя жизнь подойдет к концу, мы изымем страх из твоего мозга. Но если ты не станешь помогать нам, мы все равно положим конец твоей жизни, но не станем изымать страх. Мы усилим его.

— Нет, — еще громче ответил Старр.

Еще одна пауза, более длительная. Потом снова голос:

— Мы просим твоих знаний не из страха за свою безопасность, а для того, чтобы без необходимости не предпринимать неприятных мер. Если мы не будем хорошо знать, чего ожидать от людей с другой стороны неба, нам придется обезопасить себя и кончить жизнь всех людей в этом мире. Мы впустим океан во все купола, как почти сделали в одном. Жизнь людей закончится, как погасшее пламя. Его задуют, и жизнь снова не загорится.

Счастливчик громко рассмеялся.

— Заставьте меня! — сказал он.

— Заставить тебя?

— Заставьте меня говорить. Заставьте опустить корабль. Заставьте сделать что-нибудь.

— Ты думаешь, мы не сможем?

— Я знаю, что не сможете.

— Оглянись, и увидишь, чего мы уже добились. Твой связанный товарищ в наших руках. Второй твой товарищ, который стоял рядом с тобой, тоже в наших руках.

Дэвид повернулся. За все время разговора он ни разу не слышал голос Верзилы. Он как будто совершенно забыл о его существовании. И тут он увидел, что маленький марсианин, согнувшись, неподвижно лежит на полу.

Дэвид опустился на колени, отчаяние перехватило ему горло.

— Вы его убили?

— Нет, он жив. Он даже не ранен. Но ты видишь: ты теперь один. Тебе никто не поможет. Они не смогли противостоять нам, и ты не сможешь.

Дэвид, побледнев, ответил:

— Нет. Вы ничего не заставите меня делать.

— Последний шанс. Выбирай. Будешь помогать нам, и твоя жизнь кончится мирно и спокойно. Откажешься — кончишь в боли и горе, а затем последует смерть всех людей в городах под океаном. Что выберешь? Отвечай!

Эти слова звучали в мозгу Старра, и он приготовился один, без поддержки друзей, отражать мысленные удары, которым он мог противопоставить только несгибаемую волю.

14. СРАЖЕНИЕ РАЗУМОВ

Так противостоять умственному нападению? Счастливчик хотел сопротивляться, но у него не было мысленных мышц, которые он мог бы напрячь, не было защитного оружия, которое можно было бы применить, он не мог ответить силой на силу. Он должен только сопротивляться импульсам, которые приходят в его мозг извне и которые он не может считать своими.

А как он отличит их от своих? Что он сам хочет делать?

Ничего не приходило ему в голову. Пусто. Но что-то должно быть. Он пришел сюда, наверх, не без плана.

Наверх?

Значит, он поднимался. Значит, сначала он был внизу.

Внизу, в пропасти своего мозга, подумал он.

Он в корабле. Корабль поднялся со дна моря. Сейчас он на поверхности. Хорошо. Дальше что?

Почему он на поверхности? Смутно ему помнилось, что в глубине безопасней.

С трудом он наклонил голову, закрыл глаза и снова раскрыл их. Мысли шли с трудом. Он должен передать... куда-то... что-то...

Передать сообщение.

Сообщение!

Он прорвался! Как будто где-то глубоко внутри себя он нажал плечом на дверь, и она распахнулась. У него была цель, и он ее вспомнил.

Конечно, корабельное радио и космическая станция.

Он хрипло сказал:

— Ничего у вас не вышло. Я помню. И не забуду.

Ответа не было.

Он громко закричал. Он подумал, что похож на человека,

борющегося с сильной дозой снотворного. Напрягай мышцы, подумал он. Иди. Иди.

В данном случае он должен напрягать мозг, заставлять работать умственные мышцы. Делай что-нибудь! Делай! Остановишься, и они захватят тебя.

Он продолжал кричать, и звуки превратились в слова:

— Я это сделаю! Сделаю!

Что сделает? Снова ускользнуло.

Лихорадочно он повторял:

— Радио на станцию... радио на станцию...

Но слова звучали бессмысленно.

Теперь он двигался. Тело поворачивалось неуклюже, как на деревянных шарнирах, к тому же несмазанных, но поворачивалось. Он увидел передатчик. На мгновение он увидел его ясно, потом передатчик задрожал, стал туманным. Он напряг мозг и снова увидел радио. Видел передатчик, видел ручку регулировки частот, видел конденсаторы. Он мог вспомнить, как работает радио.

Он сделал шаг к передатчику, и в виски ему как будто вонзили огненные острия.

Он пошатнулся, упал на колени, потом с болью встал.

Сквозь налитые болью глаза он по-прежнему видел радио. Двинулась одна нога, потом другая.

Радио казалось далеко, в сотнях ярдов, оно было расплывчатым, его окружал кровавый туман. С каждым шагом усиливались удары в голове.

Он старался не обращать внимания на боль, думать только о радио, видеть только радио. Его ноги будто увязли в резине, но он заставлял их преодолевать сопротивление.

Наконец он поднял руку, но она остановилась в шести дюймах от коротковолнового передатчика. Дэвид понял, что выдержке его приходит конец. Как бы он ни старался, его измученное тело больше не поддастся. Все кончено.

«Хильда» была парализована. Эванс без сознания лежал на койке; Верзила скорчился на полу; и, хотя Счастливчик упрямо оставался на ногах, единственным признаком жизни в нем была дрожь пальцев.

Снова в его мозгу прозвучал голос, все такой же ровный, безжалостно монотонный:

— Ты беспомощен, но ты не потеряешь сознания, как твои

товарищи. Ты будешь испытывать боль, пока не согласишься погрузить свой корабль, рассказать нам все, что нам нужно, и закончить свою жизнь. Мы можем терпеливо ждать. Ты не можешь сопротивляться нам. Ты не можешь бороться с нами. На нас не действует подкуп. Не действуют угрозы.

Дэвид сквозь бесконечную пытку почувствовал, как в его вялом, затянутом болью мозгу рождается какая-то мысль.

Подкуп? Угроза?

Подкуп?

Даже в полубессознательном состоянии вспыхнула мысль.

Он оставил радио, мысленно отвернулся от него, и боль сразу стала меньше. Он сделал осторожный шаг в сторону, боль еще уменьшилась. Он совсем отвернулся.

Дэвид старался не думать. Старался действовать автоматически, без предварительного планирования. Они сосредоточились на том, чтобы не дать ему воспользоваться радио. Они не должны осознать другой угрожающей им опасности. Безжалостный враг не должен разгадать его намерения и помешать ему. Он будет действовать быстро. Они не смогут его остановить.

Не должны!

Он добрался до медицинского шкафчика и раскрыл его дверцу. Зрение его затуманилось, и он потратил драгоценные секунды, отыскивая ощупью.

Голос произнес:

— Каково твое решение? — Боль снова начала усиливаться.

Счастливчик держал ее — квадратную бутылочку из голубого силикона. Пальцы его искали маленькую кнопку, которая отключает парамагнитное микрополе, плотно закрывающее крышку.

Он вряд ли почувствовал кнопку. Вряд ли видел, как сдвинулась и упала крышка. Вряд ли слышал, как она ударилась о пол. Как в тумане, он видел открытую бутылочку, как в тумане, он протянул руку с нею к эжектору.

Боль вернулась со всей яростью.

Левая рука Дэвида протянулась к дверце эжектора; дрожащая правая рука поднесла к отверстию драгоценную бутылочку.

Рука двигалась целую вечность. Он больше ничего не видел. Все покрыл красный туман.

Он почувствовал, как рука и бутылочка ударились о стенку. Он толкнул руку дальше, но она не двигалась. Пальцы ле-

вой руки болезненно оторвались от дверцы эжектора и двинулись к бутылочке.

Он не может уронить ее. Если уронит, у него не будет сил ее поднять.

Теперь он держал ее двумя руками и двумя руками потянул вверх. Она рывками поднималась, а Старр из последних сил удерживался на краю сознания.

Бутылочка исчезла!

В миллионах миль, как ему показалось, он услышал свист сжатого воздуха и понял, что бутылочку выбросило в теплый венерианский океан.

На мгновение боль дрогнула и затем одним гигантским рывком исчезла полностью.

Счастливчик осторожно распрямился и отошел от стены. Лицо и тело его были покрыты потом, мысли все еще путались.

Как только смог, он, шатаясь, двинулся к передатчику, и на этот раз его ничто не остановило.

Эванс сидел, обхватив голову руками. Он жадно пил воду и повторял:

— Я ничего не помню. Я ничего не помню.

Верзила, голый по пояс, обтирал голову и грудь влажной тряпкой, на его лице была неуверенная улыбка.

— Я помню. Все помню. Я стоял, слушая, как ты разговариваешь с этим голосом, Счастливчик, а затем без всякого предупреждения растянулся на полу. Не мог повернуть голову, не мог даже мигнуть, но все слышал. Слышал голос и твои слова, Дэвид. Я видел, как ты двинулся к радио...

Он перевел дыхание и покачал головой.

— В первый раз у меня не получилось, — негромко сказал Старр.

— Не знаю. Ты вышел из поля моего зрения, и после этого я мог только лежать и ждать, когда ты начнешь передачу. Ничего не происходило, и я решил, что они и тобой завладели. Мысленно я видел, как мы все трое лежим, как живые трупы. Все кончено, а я даже пальцем не могу шевельнуть. Могу только дышать. Потом ты снова показался, и мне захотелось смеяться, и плакать, и кричать одновременно, но я мог только лежать. Я едва видел, как ты приклеился к стене. Не мог понять, что ты делаешь, но через несколько минут все кончилось. Уф!

Эванс устало сказал:

— И мы действительно направляемся в Афродиту? Это правда?

— Да, если только наши приборы не врут, но я не думаю, чтобы они врали, — ответил Дэвид. — Когда вернемся и найдем время, нам всем не помешает медицинская помощь.

— Сон! — настаивал Верзила. — Это все, что мне нужно. Всего два дня непрерывного сна.

— И это тоже, — сказал Счастливчик.

Но на Эванса испытание подействовало очень сильно. Это было ясно видно по тому, как он обхватил себя руками, как ссутулился в кресле. Он сказал:

— Они больше не вмешаются в наши действия?

На слове «они» он сделал легкое ударение.

— Не могу гарантировать, — ответил Дэвид, — но худшее уже позади. Я связался с космической станцией.

— Ты уверен? Ошибки быть не может?

— Нет. Меня связали с Землей, и я разговаривал непосредственно с Конвеем. Эта часть задачи решена.

— Значит, решена вся задача, — радостно заявил Верзила. — Земля готова. Она знает правду о венерианских лягушках.

Дэвид улыбнулся, но ничего не сказал.

— Еще одно, Счастливчик, — сказал Верзила. — Что же произошло? Как тебе удалось вырваться? Пески Марса! Что ты сделал?

Старр ответил:

— Ничего такого, о чем я не мог бы догадаться раньше. Это спасло бы нас от большей части неприятностей. Голос сказал, что все, что им нужно, — это жить и мыслить. Помнишь, Верзила? Позже он сказал, что мы не можем ни угрожать им, ни подкупить их. Только тогда я понял, что ты узнал их лучше и нашел выход.

— Я узнал? — тупо спросил Верзила.

— Конечно, ты. Через две минуты после того, как ты впервые увидел венлягушку, ты знал, что жизнь и мышление не все, что ей необходимо. На пути к поверхности я тебе рассказывал, что венерианские растения запасают кислород, так что венерианские животные получают кислород в пище и потому не дышат. Вероятно, они получают слишком много кислорода и потому так любят пищу, в которой его мало, например углеводороды. Вроде тавота. Помнишь?

Глаза Верзилы расширились.

— Конечно.

— Подумай только, как они жаждут углеводородов. Как ребенок конфет.

Верзила еще раз сказал:

— Конечно.

— И вот венлягушки держат нас под мысленным контролем, но для этого им нужно сосредоточиться. А если я отвлеку их, по крайней мере тех, кто ближе всего к кораблю и чье влияние на нас сильнее всего? Поэтому я сделал очевидное.

— Но что? Не томи, Счастливчик.

— Выбросил открытую бутылочку с нефтяным коллоидом, которую нашел в медицинском шкафу. Это чистый углеводород, гораздо более чистый, чем в тавоте. Они не смогли сопротивляться. Хотя ставка была очень высока, все равно не смогли. Ближайшие тут же нырнули за бутылочкой. Те, что подальше, находились с ближайшими в мысленном контакте, и их мысли тут же перешли на углеводород. Они утратили контроль над нами, и я был способен отправить сообщение. Вот и все.

— Значит, с ними покончено, — сказал Эванс.

— Я совсем не уверен, — ответил Старр. — Есть кое-что...

Он отвернулся, нахмурившись, плотно сжав губы, как будто и так сказал слишком много.

В иллюминаторе великолепно сверкал купол, и на сердце у Верзилы повеселело при его виде. Он поел, даже немного поспал, и его неукротимый дух снова кипел. Лу Эванс тоже пришел в себя. Только Дэвид оставался задумчивым.

Верзила сказал:

— Говорю тебе, Счастливчик, венлягушки деморализованы. Посмотри, мы прошли через сотни миль океана, а они нас не тронули.

Дэвид ответил:

— Сейчас я как раз думаю, почему нам не отвечает купол.

Эванс, в свою очередь, нахмурился.

— Должны были уже ответить.

Верзила переводил взгляд с одного на другого.

— Вы думаете, что-то случилось в городе?

Старр взмахом руки призвал к молчанию. Из приемника послышался быстрый низкий голос:

— Назовитесь.

Счастливчик сказал:

— Корабль «Хильда» из Афродиты, дело Совета Науки, возвращаемся в Афродиту. Говорит Дэвид Старр.

— Вам придется подождать.

— Почему?

— Все шлюзы в данный момент заняты.

Эванс нахмурился и прошептал:

— Это невозможно, Дэвид.

Старр спросил:

— Какой шлюз освободится? Дайте мне его координаты и направьте нас по ультрасигналу.

— Вам придется подождать.

Связь оставалась включенной, но человек на другом конце замолчал.

Верзила возмущенно сказал:

— Вызови Морриса, Дэвид. Это приведет их в действие.

Эванс неуверенно заметил:

— Моррис считает меня предателем. Может, он решит, что вы присоединились ко мне?

— В таком случае он поторопился бы вернуть нас в город. Нет, я считаю, что говоривший с нами человек находится под мысленным контролем.

Эванс сказал:

— Чтобы помешать нам войти? Ты серьезно?

— Серьезно.

— Но в конце концов они не могут помешать нам войти, если только... — Эванс побледнел и двумя шагами подскочил к иллюминатору. — Дэвид, ты прав! Они выдвигают орудийный бластер! Они взорвут нас в воде!

Верзила тоже был у иллюминатора. Ошибки не было. Секция купола скользнула в сторону, и сквозь отверстие просунулась прямоугольная труба.

Верзила в ужасе смотрел, как ствол опустился и нацелился прямо на «Хильду». Их корабль не вооружен. И не сможет набрать скорость, чтобы уйти от выстрела. Казалось, их ждет неминуемая гибель.

15. ВРАГ?

Верзила почувствовал, как в ожидании близкой смерти судорожно сжимаются внутренности; и тут же услышал, как Старр настойчиво повторяет в передатчик:

— Подводный корабль «Хильда» прибывает с грузом нефти... Подводный корабль «Хильда» прибывает с грузом нефти... Подводный корабль «Хильда» прибывает с грузом нефти... Подводный корабль...

С другого конца послышался возбужденный голос.

— Клемент Херберт у управления шлюзом. Что случилось? Повторяю. Что случилось? Клемент Херберт...

Верзила закричал:

— Бластер убирают!

Старр облегченно вздохнул, и только сейчас стало видно, в каком он был напряжении. Он сказал в передатчик:

— Подводный корабль «Хильда» ожидает входа в Афродиту. Пожалуйста, укажите шлюз. Повторяю. Укажите шлюз.

— Занимайте шлюз номер пятнадцать. Следуйте направляющему сигналу. Тут у нас какое-то происшествие.

Дэвид сказал:

— Лу, садись за управление и как можно быстрее введи корабль в город.

И он знаком поманил за собой Верзилу в соседнее помещение.

— Что... что... — Верзила захлебывался, как дырявое водяное ружье.

Счастливчик вздохнул и сказал:

— Я считал, что венлягушки попробуют удержать нас вне города. Но не думал, что зайдет так далеко. Пушечный бластер! Я вовсе не был уверен, что трюк с нефтью подействует.

— Но как он подействовал?

— Опять углеводород. Нефть — это углеводород. Я говорил по открытому радио, и венлягушки, державшие купол под контролем, отвлеклись.

— Но откуда они знают, что такое нефть?

— Я мысленно рисовал ее в своем воображении, Верзила. А они читают мысли, особенно если подкрепить их словами. Но сейчас уже неважно. — Он перешел на шепот. — Если они готовы были уничтожить нас в океане, если собирались взорвать нас бластером, значит, у них крайнее положение. Но и у нас тоже. Мы должны покончить с этим немедленно. И не допускать никаких ошибок. Одна ошибка на этой стадии может стать фатальной.

Из кармана Старр извлек ручку и принялся быстро писать на листочке фольги.

Он передал написанное Верзиле.

— Делай то, что здесь указано, когда я дам знак.

Глаза Верзилы распахнулись.

— Но, Счастливчик...

— Шшш! Ничего не говори вслух.

Верзила кивнул.

— Ты уверен, что прав?

— Надеюсь. — Красивое лицо Дэвида было взволнованным. — Теперь Земля знает о венлягушках, поэтому человечество им не победить. Но здесь, на Венере, они могут причинить вред. Это надо предотвратить. Ты понимаешь, что тебе нужно сделать?

— Да.

— В таком случае... — Старр свернул фольгу и смял ее своими сильными пальцами. Ручку он положил обратно в карман.

Позвал Лу Эванс:

— Мы в шлюзе, Дэвид. Через пять минут будем в городе.

— Хорошо. Свяжись с Моррисом.

И вот они снова в штаб-квартире Совета в Афродите, в той же комнате, подумал Верзила, в которой он впервые увидел Лу Эванса; в той же комнате, где он впервые встретился с венлягушкой. Он вздрогнул, подумав о мысленных щупальцах, которые в первый раз проникли в его мозг, а он об этом и не подозревал.

У комнаты появилось одно отличие. Аквариум исчез; исчезли блюда с горохом и с тавотом; высокие столы у фальшивого окна были пусты.

Моррис молча указал на них, как только они вошли. Его пухлые щеки обвисли, вокруг глаз ясно выделялись морщины. Рукопожатие было неуверенным.

Верзила осторожно поставил на стол то, что принес.

— Нефть в коллоидном состоянии, — сказал он.

Лу Эванс сел. Старр тоже.

Моррис не садился. Он сказал:

— Я избавился от венлягушек во всем здании. И это все, что я могу сделать. Я не могу заставлять людей уничтожать своих любимцев, не указывая причины. А причину указать тоже не могу.

— Сделанного вполне достаточно, — сказал Дэвид. —

Я прошу вас во время всего разговора не отрывать взгляда от углеводорода. И постоянно держите его в сознании.

— Вы думаете, это поможет? — спросил Моррис.

— Да.

Моррис остановился прямо перед Счастливчиком. Голос его внезапно задрожал.

— Старр, я не могу поверить. Венлягушки находились в городе долгие годы. Почти с момента основания города.

— Вы должны помнить... — начал Старр.

— Что я под их контролем? — Моррис покраснел. — Это не так. Я это отрицаю.

— Тут нечего стыдиться, доктор Моррис, — твердо сказал Дэвид. — Эванс находился под их контролем несколько дней, Верзила и я тоже контролировались. Вполне возможно искренне не подозревать о том, что твой мозг постоянно просматривается.

— У вас нет доказательств, но не в этом дело, — горячо сказал Моррис. — Допустим, вы правы. Вопрос в том, что нам делать. Как нам с ними бороться? Посылать людей против них бесполезно. Если мы пошлем флот бомбардировать Венеру из космоса, они в отместку могут открыть все купола и затопить города. Мы даже не сможем перебить на Венере венлягушек. Океан занимает восемьсот миллионов кубических миль, у них есть где скрыться, а при желании они размножаются как угодно быстро. Я признаю, что важно было передать сообщение на Землю, но у нас все еще остается множество нерешенных проблем.

— Вы правы, — согласился Счастливчик. — Но дело в том, что я сообщил Земле не все. Я не был уверен, что знаю всю правду. Я...

Прозвенел интерком, Моррис рявкнул:

— Что там?

— Лайман Тернер, сэр, — был ответ.

— Секунду. — Венерианин повернулся к Дэвиду и шепотом спросил: — Вы уверены, что он нам нужен?

— Вы договорились с ним о встрече по вопросу укрепления транзитовых перегородок в городе, не так ли?

— Да, но...

— Тернер жертва. Сейчас мы получим ясные доказательства. Помимо нас, он единственный из высокопоставленных чиновников, кто в первую очередь должен стать жертвой. Да, он нам нужен.

Моррис сказал в интерком:

— Пусть войдет.

Худое лицо и крючковатый нос Тернера являли собой знак вопроса. Тишина в комнате и устремленные на него напряженные взгляды заставили бы и менее чувствительного человека встревожиться.

Он опустил свой компьютер на пол и спросил:

— Что случилось, джентльмены?

Медленно, тщательно Старр изложил суть происшедшего.

Тонкие губы Тернера шевельнулись. Он потрясенно сказал:

— Вы утверждаете, что мой мозг...

— Как иначе человек у шлюза знал бы, как защититься от вторжения? Он не имел опыта, знаний, однако использовал всю необходимую электронную технику в совершенстве.

— Никогда не думал об этом. Никогда не думал. — Голос Тернера был едва различим. — Как я мог не догадаться?

— Они хотели, чтобы вы не догадывались, — сказал Дэвид.

— Мне стыдно.

— Вы в хорошей компании, Тернер. Я сам, доктор Моррис, член Совета Эванс...

— Что же нам делать?

Счастливчик сказал:

— Именно это спрашивал доктор Моррис, когда вы пришли. Нужно хорошенько подумать. Одна из причин, почему вы понадобились, — нам пригодится ваш компьютер.

— Океаны Венеры, надеюсь! — горячо воскликнул Тернер. — Он поможет нам... — И он поднес руки к голове, как будто опасался, что на плечах у него чужая голова.

— Мы теперь не под контролем? — спросил он.

Эванс сказал:

— Да, пока концентрируем мысли на этом коллоидном растворе нефти.

— Не понимаю. Как это поможет?

— Поможет. Как — неважно в данный момент, — сказал Дэвид. — Хочу продолжить то, что собирался сказать, когда вы пришли.

Верзила уселся на стол, на котором раньше стоял аквариум. Он смотрел на открытую бутылочку на другом столе и слушал.

Счастливчик спросил:

— Уверены ли мы, что именно венлягушки представляют реальную опасность?

— Но это ведь ваша теория, — удивленно сказал Моррис.

— Да, это способ контролировать мозг человека; но кто наш враг на самом деле? Венлягушки как отдельные особи кажутся не вполне разумными.

— Как это?

— Та лягушка, что была у вас, не смогла удержаться от того, чтобы не трогать наш мозг. Она выразила свое удивление от того, что у нас нет усов. Она приказала Верзиле дать ей горох в тавоте. Это разумно? Она ведь сразу себя выдала.

Моррис пожал плечами.

— Может, не все лягушки разумны.

— Но дело не только в этом. В глубинах океана мы были совершенно беспомощны в их мысленных тисках. Но так как я кое о чем догадался, я попробовал выбросить за борт бутылочку с нефтью, и это подействовало. Они отвлеклись. Обратите внимание, все их дело находилось под угрозой. Они должны были во что бы то ни стало не дать информировать Землю. Но они забыли обо всем из-за бутылочки с нефтью. Когда мы возвращались в Афродиту, они почти покончили с нами. На нас нацелили бластер, когда простое упоминание о нефти разрушило все их планы.

Тернер зашевелился.

— Теперь я понимаю, при чем тут нефть, Старр. Все знают, что венлягушки любят жир в любом виде. Эта страсть слишком сильна для них.

— Слишком сильна, чтобы быть достаточно разумными в борьбе с землянами? А вы, Тернер, отказались бы от жизненно необходимой победы ради бифштекса или куска шоколадного торта?

— Конечно, нет, но разве это доказывает, что лягушки не могут отказаться?

— Доказывает, уверяю вас. Мозг венлягушек для нас чужд, и не следует считать, что то, что действует на наш мозг, действует и на их. Но все же то, как их отвлекает мысль об углеводороде, подозрительно. Я бы скорее сравнил венлягушек с собакой, а не с человеком.

— Каким образом? — спросил Тернер.

— Подумайте. Собаку можно научить делать множество вполне на первый взгляд разумных вещей. Существо, которое никогда не видело собак, не слышало о них, видит, как собака переводит слепого через улицу. Кого оно будет считать разум-

ным: человека или собаку? Но если это существо поманит собаку костью и увидит результат, оно тут же заподозрит истину.

Глаза Тернера выпучились. Он сказал:

— Вы утверждаете, что венлягушки лишь орудие в руках человека?

— Разве это не вероятно, Тернер? Как только что заметил доктор Моррис, венлягушки годами жили в городе, но только в последние месяцы стали причинять неприятности. И начались эти неприятности с незначительных происшествий, вроде того человека, что раздавал на улицах свои деньги. Как будто кто-то изучал естественные способности лягушек к телепатии, пробовал использовать их как орудие проникновения в сознание других людей. Как будто сначала нужно было попрактиковаться, узнать природу и ограничения своего орудия, закрепить свой контроль, пока не пришло время исполнения главных замыслов. Но это вовсе не дрожжи; контроль всей Солнечной Конфедерации; может быть, власть над всей Галактикой.

— Не могу поверить, — сказал Моррис.

— Тогда я вам дам еще одно доказательство. Когда мы были в океане, с нами говорил мысленный голос — предположительно голос венлягушек. Он пытался заставить нас предоставить информацию, а затем совершить самоубийство.

— Ну и что?

— Голос исходил от венлягушек, но источник его не в них. Источник — человек.

Лу Эванс распрямился и с недоверием посмотрел на Старра.

Тот улыбнулся.

— Даже Лу не верит, но это так. Голос использовал странные концепции, вроде «машина из сверкающего металла» вместо «корабль». Мы должны были подумать, что венлягушки не знакомы с подобными концепциями, и описательное выражение должно было побудить нас поверить в это. Но голос ошибся. Я помню, что он произносил. Помню слово в слово: «Жизнь людей закончится, как погасшее пламя. Его задуют, и жизнь снова не загорится».

Моррис снова спросил:

— Ну и что?

— Вы до сих пор не понимаете? Как могли венлягушки использовать концепции типа «погасшее пламя» или «жизнь снова не загорится»? Если голос подразумевал, что венлягушки не знают, что такое корабль, как они могут знать, что такое огонь?

Теперь все поняли, но Старр упорно продолжал:

— Атмосфера Венеры состоит из азота и двуокиси углерода. Кислорода в ней нет. Мы все это знаем. Ничто не может гореть в атмосфере Венеры. Тут не может быть огня. Миллионы лет венлягушки, вероятно, ни разу не видели огня; они не могут о нем знать. Даже если кто-нибудь из них видел огонь в куполах, они могут понять его природу не больше, чем устройство наших кораблей. Как видите, мысли, которые нам сообщали, происходят не из мозга венлягушек, а из мозга человека, использовавшего лягушек в качестве своего орудия.

— Но как это можно сделать? — спросил Тернер.

— Не знаю, — ответил Дэвид. — Хотел бы знать. Несомненно, для этого нужен гениальный мозг. Человек, который хорошо знает, как работает мозг. — Он холодно взглянул на Морриса. — Для этого нужен человек, специализирующийся, например, в биофизике.

Все глаза устремились на венерианского советника, с его круглого лица отхлынула кровь, и седые усы, казалось, едва выделяются на его бледном фоне.

16. ВРАГ!

Моррис наконец смог вымолвить:

— Вы пытаетесь... — и его хриплый голос замер.

— Я ничего не утверждаю, — спокойно сказал Дэвид. — Я всего лишь высказываю предположение.

Моррис беспомощно огляделся, по очереди заглядывая в лица четверых собравшихся в комнате; все смотрели на него с напряжением.

Он, задыхаясь, выговорил:

— Это безумие, полное безумие. Я первым сообщил обо всем... об этих... неприятностях на Венере. Можете найти в штаб-квартире на Земле первоначальный рапорт. Я его подписал. Зачем мне обращаться к Совету, если я... Каковы мои мотивы? А? Каковы мотивы?

Советник Эванс беспокойно зашевелился. По быстрому взгляду, который тот бросил на Тернера, Верзила заключил, что подобное вынесение сора из Совета наружу, в присутствии посторонних, ему не понравилось.

Но он сказал:

— Это объясняет усилия доктора Морриса по дискредитации меня. Я мог нащупать истину. В сущности, я почти нашел ее.

Моррис тяжело дышал.

— Я отрицаю все это. Это заговор против меня, и для вас это плохо кончится. Я добьюсь справедливости.

— Вы считаете, что должен состояться суд Совета? — спросил Старр. — Хотите, чтобы ваш случай рассматривался на заседании объединенного Центрального Комитета Совета?

Дэвид ссылался на процедуру, предназначенную для суда над членами Совета, обвиненными в измене Совету и Солнечной Конфедерации. За всю историю Совета ни один человек не представал перед таким судом.

При этом упоминании последние остатки самоконтроля покинули Морриса. Подняв кулаки, он с яростным воплем бросился на Дэвида.

Тот проворно перескочил через ручку кресла и в то же время сделал знак Верзиле.

Верзила ждал этого сигнала. Он продолжал следовать инструкциям, которые дал ему Счастливчик на борту «Хильды», когда они входили в шлюз Афродиты.

Послышался свист бластера. Мощность выстрела была низкой, но ионизирующая радиация вызвала появление резкого запаха озона в воздухе.

Все застыли. Моррис лежал, спрятав голову под перевернутым стулом, не делая попыток встать. Верзила продолжал стоять, как маленькая статуя, держа в руке бластер, как будто был заморожен в момент выстрела.

А обломки цели выстрела валялись на полу.

Лу Эванс первым пришел в себя, но лишь для восклицания:

— Во имя космоса!..

Лайман Тернер прошептал:

— Что вы сделали?

Моррис, который тяжело дышал от недавних усилий, ничего не мог сказать, только молча уставился на Счастливчика.

Тот сказал:

— Прекрасный выстрел, Верзила, — и Верзила улыбнулся.

Компьютер Лаймана Тернера лежал на полу в сотнях обломков, большая часть его просто испарилась.

Тернер наконец обрел голос:

— Мой компьютер! Идиот! Что вы сделали?

Старр строго ответил:

— Только то, что должен был сделать, Тернер. Теперь все молчите.

Он повернулся к Моррису, помог полному венерианину встать и сказал:

— Простите меня, доктор Моррис, но я должен был полностью отвлечь внимание Тернера. Пришлось для этого использовать вас.

Моррис сказал:

— Так вы не подозреваете меня в...

— Ни в малейшей степени, — сказал Дэвид. — И никогда не подозревал.

Моррис отодвинулся, глаза его сверкали гневно и горячо.

— В таком случае вы обязаны объяснить, Старр.

— Перед этой встречей, — начал Счастливчик, — я никому не решался сказать, что за венлягушками стоит человек. Я не мог этого вставить даже в свое сообщение на Землю. Я понимал, что, если сделаю это, подлинный враг решится на отчаянный поступок — может быть, действительно затопит один из городов, а угрозой повторения этого будет шантажировать нас. Но пока он не знает, что я заподозрил присутствие человека за венлягушками, я надеялся, что он ограничится тем, что постарается убить меня и моих друзей.

На этой встрече я решился говорить, потому что виновник присутствует здесь. Однако я не мог предпринять никаких действий без должной подготовки, иначе он смог бы взять нас под контроль, несмотря на наши думы о нефти, из боязни дальнейших наших решительных действий. Вначале мне нужно было отвлечь его, чтобы он не смог обнаружить — через лягушек — эмоции и мысли мои и Верзилы. Разумеется, в здании нет венлягушек, но он может использовать лягушек в других частях города или в океане на поверхности в нескольких милях от Афродиты.

Чтобы отвлечь его, я обвинил вас, доктор Моррис. Я не мог предупредить вас, я хотел, чтобы ваши эмоции были искренними — и они были такими. Ваше нападение на меня — это то, что было нужно.

Моррис вытащил из кармана платок и вытер блестящий лоб.

— Весьма решительно, Дэвид, но мне кажется, я понимаю. Этот человек — Тернер, так?

— Да.

Тернер стоял на коленях среди обломков своего компьютера. Он посмотрел с ненавистью:

— Вы разрушили мой компьютер.

— Сомневаюсь, чтоб это был компьютер, — ответил Старр. — Слишком уж он был неразлучен с вами. Когда я впервые вас встретил, он был с вами. Вы сказали, что использовали его для расчетов прочности внутреннего барьера города против угрозы наводнения. Теперь компьютер с вами, вероятно, для того, чтобы в разговоре с доктором Моррисом рассчитать прочность внешних барьеров.

Счастливчик помолчал и продолжал с жестким спокойствием в голосе:

— Но я побывал в вашей квартире в то утро, когда угрожало наводнение. Я собрался задать вам несколько вопросов, для которых совсем не нужны расчеты, и вы это знали. Однако компьютер был с вами. Вы не могли оставить его в соседней комнате. Он должен был быть рядом с вами, у ваших ног. Почему?

Тернер с отчаянием ответил:

— Это моя собственная конструкция. Я гордился ею. И всегда носил компьютер с собой.

— Я полагаю, он весит примерно двадцать пять фунтов. Тяжеловат, даже если испытываешь к нему страсть. А может, это прибор, при помощи которого вы постоянно поддерживали связь с венлягушками?

— Как вы это докажете? — спросил Тернер. — Вы сами сказали, что я жертва. Все слышали это.

— Да, — согласился Старр, — человек, который, несмотря на свою неопытность, так искусно оперировал у шлюза, получил информацию от вас. Но была ли эта информация украдена из вашего мозга или вы сами передали ее?

Моррис гневно сказал:

— Позвольте поставить вопрос прямо, Дэвид. Вы виновны в эпидемии умственного контроля, Тернер?

— Конечно, нет! — воскликнул Тернер. — Вы ничего не можете сделать на основании слов этого молодого придурка, который считает, что может строить нелепые догадки только потому, что он член Совета.

Дэвид сказал:

— Скажите, Тернер, помните ли вы ту ночь, когда человек с рычагом в руке сидел у шлюза? Хорошо помните?

— Очень хорошо.

— Вы помните, как пришли ко мне и сказали, что, если вода ворвется, внутренние перегородки не выдержат и вся Афродита будет затоплена? Вы были очень испуганы. Почти в панике.

— Да. Был. Я и сейчас испуган. Тут есть чего испугаться. — Он добавил, скривив губы: — Если, конечно, ты не бравый Счастливчик Старр.

Дэвид не обратил на это внимания.

— Вы пришли, чтобы добавить смятения? Чтобы быть уверенным, что Лу Эванс спокойно уйдет из города, и в глубинах океана его нетрудно будет убить? С Эвансом трудно было справиться, он слишком много узнал о венлягушках. А может, заодно вы старались запугать меня, чтобы я улетел с Венеры на Землю.

Тернер ответил:

— Все это нелепо. Внутренние барьеры непрочны. Спросите Морриса. Он видел мои расчеты.

Моррис неохотно кивнул.

— Боюсь, в этом Тернер прав.

— Неважно, — сказал Старр. — Посмотрим, что это означает. Существовала реальная опасность, и Тернер справедливо встревожился... Вы ведь женаты, Тернер.

Глаза Тернера беспокойно устремились к лицу Дэвида, потом он отвел взгляд.

— Ну и что?

— Ваша жена прелестна и значительно моложе вас. Вы женаты меньше года.

— И что же это доказывает?

— То, что вы испытываете к ней глубокую страсть. Чтобы доставить ей удовольствие, вы сразу после брака переселились в очень дорогой дом; вы позволили ей украсить квартиру в соответствии с ее вкусами, хотя ваши вкусы отличаются от них. Разумеется, вы не стали бы пренебрегать ее безопасностью, не так ли?

— Не понимаю. О чем вы говорите?

— Думаю, что понимаете. Когда я встретился с вашей женой, она рассказала, что проспала всю ночь, когда случилось происшествие. Она была этим очень разочарована. Рассказывала мне также, в каком прекрасном доме живет. Она сказала, что в доме даже есть подвальные комнаты. К несчастью, мне тогда это ничего не сказало, иначе я бы уже тогда заподозрил истину. Только позже, на дне океана, Лу Эванс упомянул совершенно случайно про эти подвальные комнаты и объяснил, что это такое. Этим сочетанием на Венере обозначают специальные убежища, которые могут противостоять океану, если

он по какой-то причине ворвется в город. Теперь вы понимаете, о чем я говорю?

Тернер молчал.

Старр продолжал:

— Если вы были так испуганы возможной катастрофой в городе, почему не подумали о жене? Говорили о спасении людей, об эвакуации населения. А о безопасности жены не вспомнили. В ее доме есть убежища. Две минуты, и она была бы в безопасности. Вам нужно было только позвонить ей, сказать два слова, предупредить. Вы не стали. Вы позволили ей спать.

Тернер что-то пробормотал.

Счастливчик сказал:

— Не говорите, что забыли. Это совершенно невероятно. Вы могли забыть обо всем, но не о безопасности жены. Позвольте представить другое объяснение. Вы не беспокоились о жене, потому что знали, что ей не угрожает реальная опасность. Вы это знали, потому что знали также, что шлюз в куполе не будет открыт. — В голосе Дэвида звучал гнев. — Вы знали, что шлюз не будет открыт, потому что сами осуществляли контроль человека у шлюза. Вас выдала ваша привязанность к жене. Вы не захотели нарушать ее сон из-за ложной тревоги, чтобы придать вашим действиям большее правдоподобие.

Тернер неожиданно сказал:

— Я больше не скажу ни слова без адвоката. Ваши слова не доказательство.

Старр ответил:

— Но их достаточно для полного расследования Советом... Доктор Моррис, отправьте его в тюрьму и далее под охраной на Землю. Мы с Верзилой полетим с ним. Мы хотим, чтобы он добрался благополучно.

В отеле Верзила с беспокойством сказал:

— Пески Марса, Счастливчик, я не вижу, как добыть доказательства против Тернера. Твои рассуждения звучат убедительно, но это не доказательство для закона.

Дэвид после обильного дрожжевого обеда смог расслабиться впервые с того момента, как они с Верзилой прорезали облачное покрывало Венеры. Он сказал:

— Не думаю, чтобы Совет интересовали законные доказательства или чтобы он потребовал казни Тернера.

— Счастливчик! А почему нет? Этот тип...

— Знаю. Он многократный убийца. У него явные диктаторские замашки, к тому же он предатель. Но важнее то, что он гений.

Верзила спросил:

— Ты имеешь в виду его машину?

— Да. Мы уничтожили единственный экземпляр, и нам нужно построить другой. На многие вопросы нужно получить ответ. Как Тернер контролировал венлягушек? Когда он задумал убийство Лу Эванса, инструктировал ли он их подробно, объяснял всю последовательность действий, приказывал привести гигантское пятно? Или просто приказал: «Убейте Эванса» — и позволил венлягушкам действовать так, как они сочтут нужным?

Далее, можно представить себе, насколько полезен будет такой инструмент. Это совершенно новый способ борьбы с душевными болезнями, новый способ подавления преступных инстинктов. Возможно даже, в будущем его применят для предотвращения войн или для быстрой и бескровной победы над врагами Земли, если они навяжут войну. Такая машина слишком опасна в руках тщеславного человека, но в руках Совета она будет очень полезна и станет настоящим благословением.

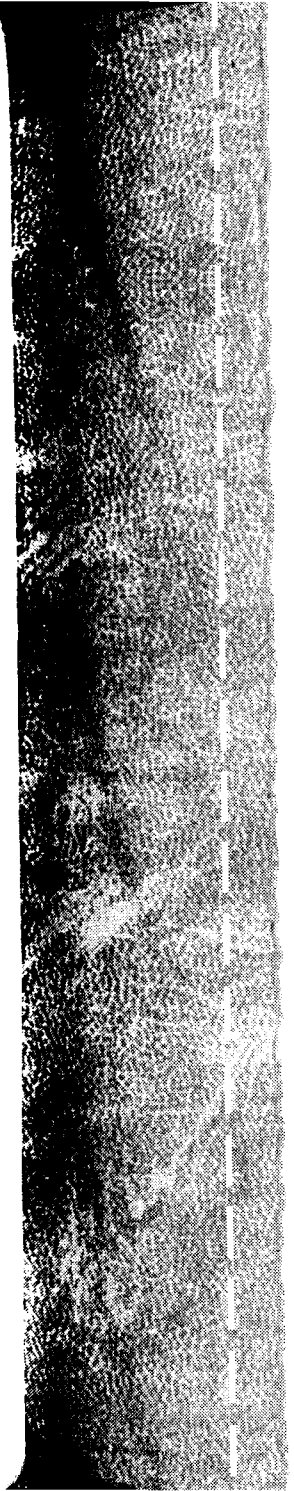
Верзила спросил:

— Ты думаешь, Совет уговорит его построить еще одну такую машину?

— Думаю, да, с соответствующими предосторожностями, конечно. Если ему предложат на выбор прощение либо пожизненное тюремное заключение с невозможностью видеться с женой, я думаю, он согласится помочь. И, конечно, одним из первых применений машины станет исследование мозга самого Тернера, чтобы излечить его от болезненной жажды власти и заставить этот первоклассный мозг служить человечеству.

Завтра они покинут Венеру, снова направляясь на Землю. Дэвид с приятной ностальгией думал о голубом небе родной планеты, об открытом воздухе, естественной пище, о размахе пространства и жизни. Он сказал:

— Запомни, Верзила, очень просто «защитить общество», казнив преступника. Но это не оживит его жертвы. Если можно исправить его и использовать, чтобы сделать жизнь всего общества лучше, как много можно благодаря этому достичь!



Счастливчик Старр и большое солнце Меркурия

Робин Джоан,
самому лучшему препятствию

ОТ АВТОРА

Эта книга была впервые опубликована в 1956 году, и описание поверхности Меркурия соответствует астрономическим представлениям того времени.

Однако с 1956 года знания о ближайших к Солнцу планетах значительно обогатились благодаря использованию радаров и ракет.

В 1956 году считалось, что Меркурий одной стороной всегда обращен к Солнцу, так что одна его сторона всегда освещена, а другая находится в постоянной тьме, и есть пограничный район, иногда освещаемый Солнцем, иногда нет.

Однако в 1965 году астрономы изучили отражения радарного луча от поверхности Меркурия и, к своему удивлению, установили, что это не так. Меркурий обращается вокруг Солнца за 88 дней, а вокруг своей оси поворачивается за 59 дней. Это значит, что вся поверхность Меркурия в то или иное время освещается Солнцем и «темной стороны» вообще нет.

Надеюсь, читателям все равно понравится книга, но не хотел бы, чтобы они воспринимали как соответствующие действительности представления, которые в 1956 году считались истинными, но к нашему времени устарели.

Айзек Азимов
Ноябрь 1970 г.

1. СОЛНЕЧНЫЕ ПРИЗРАКИ

Счастливчик Старр и его маленький друг Джон Верзила Джонс вслед за молодым инженером поднялись к шлюзу, ведущему на поверхность планеты Меркурий.

Дэвид подумал: «По крайней мере события развиваются быстро».

Он всего час находился на Меркурии. Успел лишь проверить, благополучно ли доставлен его корабль «Метеор» в ангар под поверхностью. И встречался только с техниками, осуществлявшими посадку и все связанные с ней бюрократические процедуры, и инженером Скоттом Майндсом, возглавлявшим проект «Свет». Молодой человек как будто поджидал их. И почти сразу предложил подняться на поверхность.

Показать местные виды, как он объяснил.

Старр, конечно, в это не поверил. Лицо инженера с маленьким подбородком осунулось, рот дергался, когда он говорил. Он отводил взгляд от холодных, внимательных глаз Дэвида.

Но Старр согласился подняться на поверхность. Пока что он знал только, что неприятности на Меркурии представляют для Совета Науки щекотливую проблему. И он готов был идти с Майндсом и смотреть все, что тот покажет.

Что касается Верзилы Джонса, то он согласен был идти за Счастливчиком всегда и всюду, по любой причине и вообще без причины.

Но именно брови Верзилы взлетели вверх, когда они втроем облачались в скафандры. Он почти незаметно кивнул в сторону кобуры, прикрепленной к скафандру Майндса.

Дэвид спокойно кивнул в ответ. Он тоже заметил, что из кобуры высовывается рукоять тяжелого бластера.

Молодой инженер первым вышел на поверхность планеты. Старр за ним, последним шел Верзила.

На мгновение они потеряли друг друга в почти абсолютной

тьме. Только звезды были видны, яркие и жесткие в холодной безвоздушности.

Верзила первым пришел в себя. Тяготение на Меркурии почти точно такое же, как на его родном Марсе. Марсианские ночи почти так же темны. Звезды на ночном небе почти такие же яркие.

Его дискант отчетливо прозвучал в приемниках:

— Эй, я начинаю кое-что различать!

Дэвид тоже что-то увидел, и это его удивило. Конечно, звездный свет не может быть так ярок. Беспорядочный ландшафт подернулся какой-то слабой светящейся дымкой, она окутывала острые утесы размытой молочностью.

Нечто подобное Счастливчик видел на Луне во время двухнедельной ночи. Ландшафт там тоже беспорядочный, голый и разбитый. Никогда за миллионы лет ни здесь, на Меркурии, ни на Луне не было смягчающего прикосновения ветра или дождя. Холодные голые скалы лежат без клочка изморози в безводном мире.

И в лунной ночи тоже была эта молочность. Но на Луне есть по крайней мере свет Земли. Полная Земля светит в шестнадцать раз ярче полной Луны, видимой с Земли.

Здесь, на Меркурии, в районе Солнечной обсерватории у Северного полюса, нет поблизости ни одной планеты, которая давала бы освещение.

— Это звездный свет? — спросил Старр наконец, зная, что это не так.

Скотт Майндс устало ответил:

— Свечение короны.

— Великая Галактика! — с легким смешком сказал Старр. — Корона! Мне следовало знать!

— Что знать? — воскликнул Верзила. — Что происходит? Эй, Майндс, объясните!

Майндс ответил:

— Повернитесь. Вы стоите к ней спиной.

Все повернулись. Дэвид негромко свистнул, Верзила завопил от удивления. Майндс молчал.

Часть горизонта резко выделялась на жемчужном фоне неба. Каждая заостренная неровность этой части горизонта оказалась в фокусе. А над горизонтом небо мягко светилось (с высотой это сияние исчезало). Свечение состояло из ярких, изгибающихся, бледных лучей.

— Это солнечная корона, мистер Джонс, — сказал Майндс.

Даже в изумлении Верзила не забыл о своем распределении приоритетов. Он проворчал:

— Зовите меня Верзилой. — И добавил: — Корона вокруг Солнца? Я не знал, что она такая большая.

— Больше миллиона миль, — ответил Майндс, — и мы на Меркурии, самой близкой к Солнцу планете. Сейчас мы в тридцати миллионах миль от Солнца. Вы ведь с Марса?

— Родился и вырос.

— Ну, если бы вы могли взглянуть сейчас на Солнце, оно было бы в тридцать шесть раз больше, чем на Марсе. И в тридцать шесть раз ярче.

Старр кивнул. Здесь Солнце и корона в девять раз больше, чем на Земле. С Земли корону можно увидеть только во время полного затмения.

Ну что ж, пока слова Майндса соответствовали истине. Есть на что посмотреть на Меркурии. Счастливчик попытался представить себе корону полностью, увидеть Солнце, которое сейчас за горизонтом, окруженное ею. Должно быть, величественное зрелище!

Майндс продолжал с горечью в голосе:

— Этот свет называют «белым призраком Солнца».

Дэвид заметил:

— Мне нравится. Хорошее выражение.

— Хорошее? — переспросил Майндс. — Не думаю. Слишком много разговоров о призраках на этой планете. Эта планета — сплошное несчастье. Все идет не так, как следует. Неудача с шахтами... — Он смолк.

Старр подумал: «Пусть выговорится».

А вслух сказал:

— Где то, что мы вышли посмотреть?

— О да. Нам придется немного пройтись. Недалеко, учитывая тяготение, но следите за поверхностью. Тут у нас нет дорог, а свет короны обманчив. Предлагаю зажечь фонари на шлемах.

При этом он щелкнул, и столб света ударил с его шлема, выше лицевой пластины, превратив поверхность в лоскутное желто-черное одеяло. Вспыхнули еще два фонаря, и три фигуры двинулись, тяжело ступая ботинками с толстыми изолирующими подошвами. В вакууме они не издавали ни звука, но каждый ощущал легкую вибрацию.

Майндс на ходу продолжал вслух размышлять о планете. Он сказал низким напряженным голосом:

— Ненавижу Меркурий. Я здесь шесть месяцев, два меркурианских года, и меня тошнит от него. Я не думал, что и половину этого срока пробуду, но вот уже шесть месяцев, а ничего не сделано. Ничего. Все тут неправильно. Самая маленькая планета. Самая близкая к Солнцу. Только одна сторона обращена к Солнцу. Вон там, — он указал на свечение короны, — солнечная сторона, там так жарко, что плавится свинец и закипает сера. А вон там, — рука дернулась в противоположном направлении, — единственная в системе поверхность, которая никогда не видит Солнца. Все здесь жалкое и ничтожное.

Он замолчал, чтобы перепрыгнуть через мелкую, шести футов шириной щель, напоминание о каком-то древнем меркуротрясении, шрам, который в отсутствие ветра и дождей так и не смог залечиться. Прыгнул он неуклюже — землянин, который и на Меркурии большую часть времени проводит при земном тяготении под Куполом обсерватории.

Увидев это, Верзила неодобрительно щелкнул языком. Они со Счастливчиком преодолели трещину, едва заметно увеличив шаг.

Спустя четверть мили Майндс неожиданно сказал:

— Можно увидеть отсюда, мы как раз вовремя.

Он остановился, наклонился вперед, замахал руками, восстанавливая равновесие. Верзила и Старр остановились с небольшим подскоком, разбросав немного камней.

Майндс выключил свой фонарь и указал куда-то рукой. Дэвид и Верзила тоже выключили фонари и увидели в темноте, там, куда указывал Майндс, белое пятно неправильной формы.

Яркое пятно, ярче любого рассвета на Земле.

— Отсюда лучше всего смотреть, — сказал Майндс. — Это вершина Черно-Белых гор.

— Они так называются? — спросил Верзила.

— Да. Видите почему? Горы находятся вблизи ночной стороны терминатора — это граница между темной и солнечной сторонами.

— Я это знаю, — негодующе сказал Верзила. — Вы думаете, я невежа?

— Просто объясняю. Есть небольшой район вокруг Северного полюса и другой — вокруг Южного, тут терминатор почти не сдвигается при вращении Меркурия вокруг Солнца.

Ближе к экватору терминатор перемещается за сорок четыре дня на семьсот миль в одном направлении, потом в следующие сорок четыре дня назад на семьсот миль. Тут он передвигается всего на полмили, поэтому здесь подходящее место для обсерватории. Тут Солнце и звезды остаются на месте. Черно-Белые горы так расположены, что освещаются только наполовину. Когда Солнце уходит, свет ползет по их склонам вверх.

— А теперь, — прервал его Старр, — освещена только вершина.

— На один-два фута, да и это скоро исчезнет. Один-два земных дня будет темно, потом свет снова появится.

Пока он это говорил, белое пятно уменьшилось, превратилось в точку, горящую, как яркая звезда.

Трое людей ждали.

— Отведите взгляд, — посоветовал Майндс, — чтобы глаза привыкли к темноте.

Через несколько долгих минут он сказал:

— Хорошо, посмотрите снова.

Счастливчик и Верзила послушались и в первое мгновение ничего не увидели.

А потом ландшафт будто залило кровью. Часть его во всяком случае. Сначала появилось ощущение красноты. Потом стало возможно разглядеть вздымающиеся ввысь горы. Вершины казались ярко-красными, краснота сгущалась, темнела и постепенно внизу переходила в черноту.

— Что это? — спросил Верзила.

— Солнце только что село так низко, — ответил Майндс, — что над горизонтом видны только корона и протуберанцы. Протуберанцы — это потоки водорода, которые на тысячи миль поднимаются над поверхностью Солнца; они ярко-красного цвета. Они всегда присутствуют, но обычно не видны из-за Солнца.

Старр снова кивнул. С Земли протуберанцы можно видеть только во время полного затмения и при помощи специальных инструментов — из-за атмосферы.

— Вот это, — негромко добавил Майндс, — и называют «красным призраком Солнца».

— Значит, два призрака, — неожиданно сказал Дэвид, — белый и красный. Из-за них вы носите бластер, Майндс?

Майндс вскрикнул:

— Что? О чем вы говорите?

— Я говорю, — сказал Счастливчик, — что пора рассказать, зачем на самом деле вы привели нас сюда. Конечно, не для того, чтобы разглядывать виды. Я уверен, на пустой, лишенной жизни планете вы не стали бы носить с собой бластер.

Майндс ответил не сразу. А сказал он следующее:

— Вы ведь Дэвид Старр?

— Да, — терпеливо ответил Дэвид.

— Вы член Совета Науки. Вас называют Счастливчик Старр.

Члены Совета Науки избегают всеобщей известности, и поэтому Старр с большой неохотой подтвердил:

— Вы правы.

— Значит, я не ошибся. Вы один из главных следователей и явились расследовать проект «Свет».

Счастливчик сжал губы, отчего они стали тоньше. Он предпочел бы, чтобы его узнавали не так легко.

— Может, и так, а может, нет. Зачем вы привели меня сюда?

— Я знаю, что это так, — Майндс тяжело дышал, — и привел вас сюда, чтобы сказать правду, прежде чем вас опутают ложью.

— Относительно чего?

— Относительно неудач, которые преследуют... как я ненавижу это слово... неудач проекта «Свет».

— Но вы могли мне сказать это в Куполе. Почему же здесь?

— По двум причинам, — ответил инженер. Он продолжал дышать часто и тяжело. — Во-первых, все считают, что это моя вина. Думают, что я не могу осуществить проект, зря трачу деньги налогоплательщиков. Я хотел увести вас от них. Понятно? Хотел, чтобы вы сначала выслушали меня.

— Почему они считают, что вы виноваты?

— Потому что я слишком молод.

— Сколько же вам лет?

— Двадцать два.

Старр, сам ненамного старше, спросил:

— А вторая причина?

— Хотел, чтобы вы почувствовали Меркурий, пропитались... — Он смолк.

Высокий и прямой, в защитном костюме, Дэвид стоял на запретной поверхности Меркурия, металл костюма уловил и отразил молочный свет короны — «белый призрак Солнца».

Старр сказал:

— Хорошо, Майндс, предположим, я принимаю ваше ут-

верждение, что вы не виноваты в неудачах проекта. Тогда кто же виноват?

Сначала голос инженера был еле слышен. Постепенно стали понятны слова:

— Не знаю... во всяком случае...

— Я вас не понимаю, — сказал Счастливчик.

— Послушайте, — в отчаянии заговорил Майндс, — я сам вел расследование. Неоднократно днем и ночью старался найти виновного. Следил за всеми. Отмечал время, когда происходили происшествия, разрывы кабеля, когда разбивались конверсионные пластины. И я уверен в одном...

— В чем именно?

— Никто в Куполе непосредственно в этом не виноват. Никто. У нас здесь около пятидесяти человек, точнее, пятьдесят два, и во время последних шести происшествий я смог установить положение всех их. Никто не приближался к месту происшествий. — Голос его стал пронзительным.

Дэвид спросил:

— Тогда кто же виноват в происшествиях? Меркуротрясения? Воздействие Солнца?

— Призраки! — дико воскликнул инженер, размахивая руками. — Есть белый призрак и красный призрак. Вы их сами видели. Но есть и двуногие призраки. Я их видел, но разве кто-нибудь мне верит? — Он говорил почти бессвязно. — Говорю вам... говорю вам...

Верзила сказал:

— Призраки! Вы спятили?

И Майндс закричал:

— Вы мне тоже не верите! Но я докажу. Я пристрелю призрака. Пристрелю дураков, которые мне не верят! Всех пристрелю! Всех!

С диким хохотом он вытащил бластер и с лихорадочной поспешностью, прежде чем Верзила смог остановить его, направил на Дэвида и нажал курок. Невидимое разрушительное поле устремилось вперед...

2. БЕЗУМЕЦ ИЛИ НОРМАЛЬНЫЙ?

Счастливчику пришел бы конец, если бы он и Майндс находились на Земле.

Он не упустил нарастающее безумие в голосе Майндса. Он

ждал какого-то срыва. Но никак не ожидал прямого нападения с бластером.

Когда рука Майндса двинулась к рукояти бластера, Дэвид отпрыгнул в сторону. На Земле все равно было бы слишком поздно.

На Меркурии, однако, дела обстоят по-другому. Сила тяжести Меркурия равна двум пятым земной, и напрягшиеся мышцы молодого человека швырнули его легкое тело (даже включая костюм) далеко в сторону. Майндс, непривычный к низкой силе тяжести, пошатнулся, поворачиваясь, чтобы следовать стволом бластера за движением Старра.

Поэтому луч бластера ударил в поверхность в нескольких дюймах от Счастливчика. И вырыл в жесткой скале дыру в фут глубиной.

Прежде чем Майндс выпрямился и выстрелил вторично, Верзила в длинном низком броске достал его, двигаясь с врожденной привычкой к слабому марсианскому тяготению.

Майндс упал. Он закричал без слов, потом замолк, то ли потерял сознание, то ли его приступ безумия кончился.

Верзила не поверил ни в то, ни в другое.

— Он притворяется! — страстно воскликнул он. — Подонок притворяется мертвым. — Он вырвал бластер у несопротивлявшегося инженера и направил ему в голову.

Дэвид резко сказал:

— Ни в коем случае, Верзила!

Верзила колебался.

— Он пытался тебя убить, Счастливчик.

Ясно было, что маленький марсианин не был бы и вполовину так сердит, если бы опасность смерти угрожала ему самому. Тем не менее он попятился.

Старр опустился на колени, глядя через лицевую пластину на Майндса. Он осветил его бледное напряженное лицо фонарем. Проверил давление в костюме, убедившись, что во время падения швы не разошлись. Потом, схватив инженера за руки и ноги, взвалил себе на плечи и встал.

— Назад в Купол, — сказал он, — и боюсь, проблема несколько сложнее, чем думает шеф.

Верзила что-то проворчал и двинулся за другом; тот шел большими легкими шагами, и маленькому Верзиле приходилось почти бежать. Он держал бластер наготове, чтобы выстрелить в Майндса, не задев Дэвида.

Шеф — это Гектор Конвей, глава Совета Науки. В неофициальной обстановке Старр звал его дядя Гектор, потому что он, Гектор Конвей, вместе с Августасом Хенри был опекуном маленького Дэвида после смерти его родителей во время пиратского нападения в районе орбиты Венеры.

Неделю назад Конвей небрежным тоном, будто предлагая отпуск, спросил молодого человека:

— Не хочешь ли слетать на Меркурий?

— А что там, дядя Гектор?

— Да ничего особенного, — ответил Конвей, нахмурившись, — политика. Мы проводим на Меркурии дорогостоящий эксперимент, одно из тех фундаментальных исследований, которые могут ничего не дать, но, с другой стороны, могут и произвести революцию. Рискованная игра. Все эти проекты таковы.

— Я об этом знаю? — спросил Дэвид.

— Не думаю. Начали совсем недавно. А сенатор Свенсон приводит его в качестве примера того, как легко Совет тратит деньги налогоплательщиков. Тебе эта песня знакома. Он проводит расследование, и один из его людей улетел несколько месяцев назад на Меркурий.

— Сенатор Свенсон? Понятно. — Счастливчик кивнул.

Это не было для него новостью. За последние несколько десятилетий Совет Науки медленно выдвигался на передний фронт при отражении как внутренних, так и внешних опасностей, угрожавших Земле. В век галактической цивилизации, когда человечество расселилось по всем звездам Млечного Пути, только ученые могли справляться с проблемами всего человечества. Только специально подготовленные ученые, члены Совета.

Но в правительстве Земли некоторые боялись растущего влияния Совета Науки, и были такие, кто использовал этот страх в собственных честолюбивых целях. Предводителем этой последней группы был сенатор Свенсон. Его нападки на «бессмысленную трату Советом средств налогоплательщиков» принесли ему широкую известность.

Дэвид спросил:

— А кто возглавляет проект на Меркурии? Я его знаю?

— Кстати, мы называем его проектом «Свет». А возглавляет его инженер по имени Скотт Майндс. Умный парень, но не годится для руководства. Самое неприятное, что с тех пор, как

Свенсон поднял шум, с проектом стали происходить всякие неожиданности.

— Посмотрю, если хотите, дядя Гектор.

— Хорошо. Случайности и поломки — это ничего серьезного, я уверен, но мы не хотим, чтобы Свенсон представлял нас в дурном свете. Проследи, чтобы это кончилось. И присмотрись к его человеку. Его зовут Зертейл, и у него репутация способного и опасного парня.

Так это все началось. Небольшое расследование, чтобы предотвратить политические трудности. Ничего больше.

Старр высадился на северном полюсе Меркурия, не ожидая никаких происшествий, и через два часа оказался под прицелом бластера.

Бредя к Куполу с Майндсом на плечах, он думал: «Тут не просто политика».

Доктор Карл Гардома вышел из маленькой больничной палаты и серьезно посмотрел на Старра и Верзилу. Он вытер свои сильные руки куском пушистого пластоабсорбента; закончив, бросил его в корзину для мусора. Его темное, почти коричневое лицо было обеспокоено, тяжелые густые брови нахмурены. Даже черные волосы, коротко подстриженные и торчавшие в беспорядке, тоже передавали озабоченность.

— Ну, доктор? — спросил Дэвид.

Доктор Гардома сказал:

— Я дал ему успокоительное. Не знаю, как раньше, но последние несколько месяцев он находился в большом напряжении.

— Почему?

— Он считает себя ответственным за все неприятности с проектом «Свет».

— А разве это не так?

— Конечно, нет. Но можете себе представить, что он чувствует. Он уверен, что все обвиняют его. Проект «Свет» крайне важен. В него вложено много денег и сил. Под началом у Майндса десять человек, все на пять-десять лет старше его, и огромное количество оборудования.

— А почему он так молод?

Доктор мрачно улыбнулся, но, вопреки мрачности, ровные

белые зубы сделали его улыбку приятной, даже очаровательной. Он сказал:

— Субэфирная оптика, мистер Старр, совершенно новая ветвь науки. Только молодые люди, вчерашние выпускники, в ней разбираются.

— Вы как будто и сами в ней разбираетесь?

— Мне рассказывал Майндс. Мы прилетели на Меркурий в одном корабле, и он меня околдовал своим проектом и возлагаемыми на него надеждами. Вы что-нибудь об этом знаете?

— Не имею представления.

— Ну, речь идет о гиперпространстве, той составляющей космоса, которая находится за пределами известного нам пространства. Законы природы, действующие в обычном пространстве, в гиперпространстве неприменимы. Например, в обычном пространстве невозможно двигаться быстрее света, и потому нужно не менее четырех лет, чтобы долететь до ближайшей звезды. А в гиперпространстве возможна любая скорость... — Врач с виноватой улыбкой смолк. — Я уверен, вы все это знаете.

— Большинство людей знают, что с открытием гиперпространства стали возможны полеты к звездам, — сказал Дэвид. — Но при чем тут проект «Свет»?

— Ну, в обычном пространстве в вакууме свет распространяется по прямой линии, — сказал доктор Гардома. — Линию можно искривить только большой силой тяготения. С другой стороны, в гиперпространстве ее можно сгибать легко, как хлопковую нить. Свет можно сфокусировать, рассеять, отправить в обратном направлении. Так утверждает теория гиперoптики.

— И, вероятно, Скотт Майндс должен проверить справедливость этой теории?

— Совершенно верно.

— А почему здесь? — спросил Верзила. — Почему именно на Меркурии?

— Потому что только тут во всей Солнечной системе столько света сосредоточивается на большой поверхности. Эффект, которого ожидает Майндс, легче всего наблюдать здесь. Осуществление того же проекта на Земле обошлось бы в сотни раз дороже, и результаты были бы в сотни раз менее надежными. Так говорил Майндс.

— Однако начались случайные неполадки.

Доктор Гардома фыркнул.

— Это не случайности. И, мистер Старр, их нужно прекратить. Знаете ли вы, что будет означать успех проекта «Свет»? — Он продолжал, увлеченный собственными словами. — Земля больше не будет рабыней Солнца. Космические станции, окружающие Землю, смогут перехватывать солнечный свет, переводить его в гиперпространство и равномерно распределять по всей Земле. Жара пустынь и холод полюсов исчезнут. Времена года будут установлены такими, как нам нужно. Мы будем управлять погодой, контролируя распределение солнечного света. Сможем иметь вечный солнечный свет, если захотим, или день любой длины. Земля превратится в кондиционированный рай.

— Вероятно, на это потребуется время.

— Очень много, но ведь это только начало... Послушайте, может, я вмешиваюсь не в свое дело, но не вы ли тот Дэвид Старр, который разрешил загадку отравленной пищи на Марсе?

Голос Счастливчика звучал чуть раздраженно, брови его нахмурились:

— Почему вы так считаете?

Доктор Гардома ответил:

— Я все-таки врач. Отравление вначале считали эпидемией, и я этим очень интересовался. Ходили слухи о молодом члене Совета, который сыграл главную роль в разгадке этой тайны, упоминали и имя.

Дэвид сказал:

— Давайте не будем об этом.

Он, как всегда, испытывал недовольство, когда становился слишком известен. Вначале Майндс, теперь Гардома.

— Если вы тот самый Старр, — сказал Гардома, — я надеюсь, вы здесь для того, чтобы прекратить все эти неприятности.

Счастливчик, казалось, его не слышал. Он спросил:

— Когда я смогу поговорить со Скоттом Майндсом, доктор Гардома?

— Не раньше чем через двенадцать часов.

— Он будет в себе?

— Я в этом уверен.

Послышался чей-то гортанный баритон:

— Неужели, Гардома? Потому что вы считаете, что наш мальчик Майндс никогда не был неразумным?

При этих словах доктор Гардома повернулся, не пытаясь скрыть неприязненное выражение.

— Что вы здесь делаете, Зертейл?

— Держу глаза и уши открытыми. Лучше бы я их закрыл, — сказал вновь пришедший.

Старр и Верзила с любопытством смотрели на него. Большой человек; невысокий, но широкоплечий, с мощными мышцами. Щеки черны от щетины; неприятное ощущение крайней самоуверенности.

Доктор Гардома сказал:

— Делайте со своими глазами и ушами что угодно, но не в моем кабинете.

— Почему? — спросил Зертейл. — Вы врач. Пациенты имеют право входа. Может быть, я пациент.

— На что жалуетесь?

— А эти двое? Они на что жалуются? Ну, у этого, я уверен, нарушение гормонального равновесия. — При этих словах он взглянул на Верзилу.

В наступившем молчании Верзила сначала смертельно побледнел, а потом как будто начал раздуваться. Он медленно встал, глаза его округлились. Губы шевельнулись, будто он повторял «нарушение гормонального равновесия», как будто он пытался убедить себя, что на самом деле слышал эти слова, что он не ослышался.

Потом, с быстротой нападающей кобры, пять футов два дюйма стальных мышц Верзилы устремились к насмешнику.

Но Старр действовал быстрее. Он схватил Верзилу за оба плеча.

— Спокойней, Верзила.

Маленький марсианин отчаянно пытался вырваться.

— Ты сам слышал, Счастливчик! Ты ведь слышал!

— Не сейчас, Верзила.

Зертейл хрипло рассмеялся.

— Выпусти его, приятель. Я разотру этого малыша по полу пальцем.

Верзила взвыл и принялся извиваться в руках Старра.

Тот сказал:

— На вашем месте я бы помолчал, Зертейл, иначе вы попадете в неприятности, из которых вас не вытащит ваш друг сенатор.

Глаза его при этом стали ледяными, а голос звучал сталью.

Зертейл мгновение смотрел ему в глаза, потом отвернулся. Что-то сказал насчет шуток. Верзила дышал теперь ровнее, и Дэвид медленно разжал руки. Марсианин вернулся на свое место, дрожа от сдерживаемой ярости.

Доктор Гардома, который напряженно следил за происшествием, спросил:

— Вы знакомы с Зертейлом, мистер Старр?

— Наслышан. Джонатан Зертейл, бродячий следователь сенатора Свенсона.

— Можно и так сказать, — пробормотал врач.

— Я тоже вас знаю, Дэвид Старр, Счастливчик Старр, как еще вас называют, — сказал Зертейл. — Бродячий вундеркинд Совета Науки. Марсианская отрава. Пираты астероидов. Венерианская телепатия. Правильный перечень?

— Да, — ровно ответил Дэвид.

Зертейл торжествующе улыбнулся.

— Мало найдется такого, чего бы в офисе сенатора Свенсона не знали о Совете Науки. И мало чего я не знаю о происходящем здесь. Например, я знаю о покушении на вашу жизнь и пришел с вами из-за этого увидеться.

— Зачем?

— Хочу предупредить вас. Небольшое дружеское предупреждение. Вероятно, врач уже сказал вам, какой отличный парень Майндс. Всего лишь влияние невыносимого напряжения, сказал он, я полагаю. Они друзья с Майндсом. Большие друзья.

— Я только сказал... — начал доктор Гардома.

— Позвольте мне закончить, — сказал Зертейл. — Позвольте мне сказать вот что. Скотт Майндс так же безопасен для вас, как двухтонный астероид для космического корабля. Он не был временно невменяемым, когда нацелился в вас бластером. Он знал, что делает. Он хладнокровно пытался убить вас, Старр, и, если вы не будете осторожны, в следующий раз у него получится. Можете поклясться сапогами своего маленького марсианского друга, он сделает еще одну попытку.

3. СМЕРТЬ ОЖИДАЕТ В КОМНАТЕ

Наступившее молчание казалось приятным только Зертейлу. Затем Дэвид спросил:

— Почему? Каковы его мотивы?

Зертейл спокойно ответил:

— Потому что он боится. Здесь затрачены многие миллионы, миллионы, выданные расточительным Советом Науки, а он не может довести эксперимент до конца. Свою некомпетентность он называет случайными неполадками. Полетит на Землю и будет убеждать, что во всем виноваты случайности. И получит еще деньги Совета, вернее, налогоплательщиков, для какого-нибудь другого не менее глупого плана. Но вы явились на Меркурий расследовать, и он боится, что Совет все-таки узнает правду. Вы ее унесете с собой.

Старр сказал:

— Если это правда, вы ее уже знаете.

— Да, и надеюсь это доказать.

— Но вы тогда тоже представляете опасность для Майндса. Следуя вашим рассуждениям, вас он должен попытаться убить прежде всего.

Зертейл улыбнулся, его пухлые щеки стали шире. Он сказал:

— Он пытался меня убить. Верно. Но я бывал во многих переделках, работая на сенатора. Я могу постоять за себя.

— Скотт Майндс никогда не пытался убить ни вас, ни кого-либо другого, — заявил доктор Гардома, лицо его стало измученным и бледным. — Вы это хорошо знаете.

Зертейл не стал отвечать ему прямо. Он обратился к Старру:

— Присматривайте и за добрым доктором тоже. Как я сказал, он большой друг Майндса. На вашем месте я не позволил бы ему лечить у себя даже головную боль. Таблетки и уколы могут... — он громко щелкнул пальцами.

Доктор Гардома с трудом произнес:

— Кто-нибудь убьет вас за...

Зертейл беззаботно заметил:

— Да? И вы собираетесь стать этим человеком? — Он повернулся уходя и через плечо бросил: — О да, забыл. Я слышал, старик Певерейл хочет с вами увидеться. Он очень обеспокоен, что не встретил вас официально. Расстроен. Повидайтесь с ним, погладьте его по головке... И, Старр, еще один намек. Не надевайте защитные костюмы, вначале не проверив их. Понимаете, что я имею в виду? — С этими словами он наконец ушел.

Прошло немало времени, прежде чем Гардома пришел в себя и смог говорить. Он сказал:

— Каждый раз, когда я его вижу, он выводит меня из себя. Грязный лживый...

— Весьма проницательный парень, — сухо заметил Дэвид. — Очевидно, один из его методов — расчетливо говорить то, что выведет собеседника из себя. А разгневанный противник наполовину беспомощен... Кстати, Верзила, это к тебе относится. Ты готов наброситься на всякого, кто намекнет, что в тебе меньше шести футов.

— Счастливчик, — взвыл марсианин, — он сказал, что у меня нарушение нормальной деятельности гормонов.

— Научись ждать подходящего момента, чтобы убедить его в противоположном.

Верзила воинственно заворчал и ударил кулаком по прочному пластику своих серебряно-золотых сапог. (Кричащие многоцветные сапоги не наденет никто, кроме фермера с Марса, но ни один марсианский фермер не выйдет без них. У Верзилы их был десяток, и каждая следующая пара ярче предыдущей.)

Дэвид сказал:

— Что ж, повидаемся с доктором Певерейлом. Он ведь глава обсерватории?

— Глава всего Купола, — сказал доктор. — Он и правда заметно постарел. Рад добавить, что он ненавидит Зертейла не меньше любого из нас, но ничего не может сделать. Не может спорить с сенатором. Интересно, а может ли Совет? — мрачно закончил он.

Старр ответил:

— Думаю, да. А теперь напоминаю: я хочу увидеться с Майндсом, как только он проснется.

— Хорошо. Будьте осторожны.

Счастливчик с любопытством взглянул на него.

— Будьте осторожны? Что вы этим хотите сказать?

Доктор Гардома покраснел.

— Просто фигура речи. Я так всегда говорю. Ничего не имею в виду.

— Понятно. Ну что ж, до встречи. Пошли, Верзила, и перестань хмуриться.

Доктор Лэнс Певерейл пожал им обоим руки с энергией, которой они не ожидали в таком пожилом человеке. Его темные глаза смотрели серьезно и озабоченно и казались еще тем-

нее из-за нависавших седых бровей. Волосы, все еще густые, почти сохранили первоначальный цвет, став серо-стальными. Больше всего его старили морщинистые щеки, на которых отчетливо выделялись скулы.

Он говорил медленно и негромко.

— Простите, джентльмены; я чрезвычайно расстроен тем, что сразу после вашего прибытия в обсерваторию произошло это ужасное событие. Я во всем виню себя.

— Для этого нет причин, доктор Певерейл, — сказал Дэвид.

— Вина моя, сэр. Мне следовало самому встретить вас... Но мы следили за исключительно интересным и очень необычным протуберанцем, и я позволил своим профессиональным интересам помешать проявлениям гостеприимства.

— Ну в любом случае вы прощены, — сказал Счастливчик и искоса с юмором взглянул на Верзилу, который с раскрытым ртом слушал поток слов старика.

— Мой поступок непростителен, — говорил старый астроном, — но мне приятно, что вы пытаетесь. Я приказал приготовить для вас помещение. — Он взял их за руки и повел по ярко освещенному коридору Купола. — У нас тесно, особенно после прибытия доктора Майндса с его инженерами и... и других. Но все же вам будет приятно иметь возможность отдохнуть и даже поспать. Я уверен, вы также захотите поесть, и вам принесут пищу. Завтра у вас будет возможность познакомиться со всеми, а у нас — узнать причину вашего приезда сюда. Для меня вполне достаточно того, что за вас ручается Совет Науки. Мы устроим нечто вроде банкета в вашу честь.

Коридор постепенно вел вниз, они углублялись в жилые помещения Купола под поверхностью Меркурия.

Дэвид сказал:

— Вы очень добры. Возможно, я смогу осмотреть и обсерваторию.

Певерейл, казалось, этому обрадовался.

— В этом я к вашим услугам, и уверен, вы не пожалеете о затраченном времени. Наше основное оборудование смонтировано на передвижной платформе, которая перемещается вместе с движением терминатора. При этом часть диска Солнца всегда остается видимой, несмотря на движение Меркурия.

— Поразительно! Но теперь, доктор Певерейл, один вопрос. Каково ваше мнение о докторе Майндсе? Я оценил бы откровенный ответ, без всяких дипломатических соображений.

Певерейл нахмурился.

— Вы ведь тоже специалист по субоптике?

— Не совсем, — ответил Старр, — но я спрашиваю о нем как о человеке.

— Ага. Ну... — астроном задумался, — он приятный молодой человек, весьма компетентный, мне кажется, но нервный, очень нервный. Он обидчив, слишком обидчив. Чем больше проходит времени, чем хуже идут дела, тем все сильнее это сказывается; с ним иногда бывает очень трудно. Жаль; я уже сказал, что в целом это приятный молодой человек. Я его начальник, конечно, пока он работает в Куполе, но в его дела не вмешиваюсь. Его проект не связан с работой обсерватории.

— А каково ваше мнение о Джонатане Зертейле?

Старый астроном сразу остановился.

— А он при чем?

— Как он ладит со всеми здесь?

— Не хочу говорить об этом человеке, — сказал Певерейл.

Некоторое время они шли молча. У астронома было мрачное лицо.

Счастливчик сказал:

— Есть ли еще люди в обсерватории? Тут вы и ваши люди, Майндс и его люди и Зертейл. Кто еще?

— Врач, конечно. Доктор Гардома.

— Вы не считаете его одним из своих людей?

— Ну, он ведь врач, а не астроном. Он выполняет работу, которую не могут выполнить механизмы. Заботится о нашем здоровье. Он здесь недавно.

— Насколько?

— Сменил прежнего врача после истечения у того годичной смены. Кстати, доктор Гардома прилетел на том же корабле, что Майндс и его люди.

— Годичная смена? Это обычно для здешних врачей?

— И для большинства остальных. Трудно при этом поддерживать нормальное общение; к тому же сначала ты с трудом учишь человека, а потом он сразу улетает; но на Меркурии нелегко жить, и приходится часто заменять людей.

— Сколько же новых людей вы получили за последние шесть месяцев?

— Около двадцати. Точное число в наших записях, но примерно двадцать.

— Но сами вы здесь давно?

Астроном рассмеялся.

— Много лет. Даже не хочется думать сколько. И доктор Кук, мой заместитель, здесь уже шесть лет. Конечно, мы часто бываем в отпуске... Ну вот и ваше помещение, джентльмены. Если вам что-нибудь потребуется, сразу дайте мне знать.

Верзила осмотрелся. Комната была небольшой, но в ней стояли две кровати, которые можно было убирать в стенной проем; два стула тоже убирались в стену; комбинация стула с письменным столом; небольшой шкаф; по соседству ванная.

— Эй, — сказал он, — получше, чем на корабле.

— Неплохо, — согласился Дэвид. — Вероятно, одна из их лучших комнат.

— А почему бы и нет? — спросил Верзила. — Я думаю, он знает, кто ты.

— Надеюсь, нет, Верзила, — сказал Старр. — Он считает меня специалистом по субоптике. И знает только, что послал меня Совет.

— Но ведь все знают, кто ты, — возразил Верзила.

— Не все. Майндс, Гардома, Зертейл... Послушай, Верзила, отправляйся в ванную. Я закажу еду и попрошу принести с «Метеора» вспомогательное оборудование.

— Идет, — весело сказал Верзила.

Он громко пел под душем. Как обычно в безводных мирах, вода строго ограничивалась, на стене висело предупреждение, какое количество может быть использовано. Но Верзила родился и вырос на Марсе. Он очень уважал воду и не стал бы ее уничтожать с такой же охотой, как, например, бифштекс. Поэтому он обильно пользовался мылом, а водой умеренно и при этом громко пел.

Он встал перед сушилкой с горячим воздухом и шлепал себя по телу, чтобы быстрее высохнуть.

— Эй, Счастливчик, — закричал он, — как еда, уже на столе? Я есть хочу.

Он слышал голос Дэвида, но слов разобрать не мог.

— Эй, Счастливчик, — повторил он и вышел из ванной. На столе стояли две дымящиеся тарелки с жареным мясом и картофелем (чуть заметный запах свидетельствовал, что мясо — на самом деле продукт с дрожжевой плантации подводных садов Венеры). Старр, однако, не ел, а сидел на кровати и негромко говорил по комнатному переговорному устройству.

С приемного экрана смотрел доктор Певерейл.

Дэвид сказал:

— Значит, всем известно, что нам отведена эта комната?

— Не всем, но я отдал приказ подготовить для вас эту комнату по открытой связи. Мне кажется, тут нет повода для тайны. Возможно, кто-то услышал. К тому же ваша комната обычно отводится почетным гостям. В этом нет никакого секрета.

— Понятно. Спасибо, сэр.

— Что-нибудь случилось?

— Вовсе нет, — с улыбкой ответил Старр и отключился. Улыбка его исчезла, выглядел он задумчиво.

— Ничего не случилось? — взорвался Верзила. — В чем дело? Меня не обманешь, говори, что случилось.

— Да, кое-что случилось. Я проверял оборудование. Вот это, вероятно, специально изолированные костюмы для солнечной стороны.

Верзила приподнял костюм, висевший в одной из стенных ниш. Костюм был поразительно легок для своего размера, и это нельзя было объяснить уменьшенной силой тяжести: в Куполе поддерживалась земная сила тяжести.

Он покачал головой. Как всегда, когда приходилось надевать костюм со склада, а не изготовленный для него специально, его приходилось усиленно подгонять, но пользоваться все равно было неудобно. Одно из наказаний за то, что ты не так высок. Он всегда думал в таких выражениях: «Не так высок». О своих пяти футах двух дюймах он никогда не думал как о маленьком росте.

Он сказал:

— Пески Марса! Они обо всем позаботились. Постель. Ванна. Еда. Костюмы.

— И кое-что еще, — серьезно сказал Дэвид. — В этой комнате ждет смерть. Посмотри.

Он поднял рукав большего костюма. Плечевой сустав легко повернулся, но на месте его соединения с плечом показалась тонкая, почти незаметная щель. Если бы пальцы Старра ее не растянули, она вообще была бы не видна.

Разрез! Очевидно, сделанный человеком! Сквозь него виднелась изоляция.

— На внутренней поверхности, — сказал Счастливчик, — такой же разрез. Костюм продержался бы, пока я бы не оказался на солнечной стороне, а затем аккуратно убил бы меня.

4. ЗА БАНКЕТНЫМ СТОЛОМ

— Зертейл! — сразу воскликнул Верзила с яростью, от которой напряглись все мышцы в его теле. — Этот грязный подонок...

— Почему Зертейл? — негромко спросил Дэвид.

— Он предупредил, чтобы следили за костюмами. Помнишь?

— Конечно. Я именно это и сделал.

— Да. Это он специально. Мы найдем разрез и подумаем, какой он замечательный парень. И в следующий раз будем для него легкой добычей. Не поддавайся на это, Счастливчик. Он...

— Подожди, Верзила, подожди. Не так быстро. Посмотри на это с другой стороны. Зертейл сказал, что Майндс пытался и его убить. Допустим, мы ему поверим. Допустим, Майндс пытался вывести из строя костюм Зертейла, и тот это заметил. Зертейл предупредил нас. Может, это опять Майндс.

— Пески Марса, этого не может быть. Этот парень, Майндс, по горло наелся снотворного, а до того он с самого нашего прибытия был у нас на глазах.

— Ну хорошо. Но откуда нам известно, что Майндс спит и накормлен лекарствами? — спросил Дэвид.

— Гардома говорит... — начал Верзила и замолчал.

— Вот именно. Гардома говорит. Мы сами не видели Майндса. Мы знаем только, что сказал доктор Гардома, а он большой друг Майндса.

— Они сговорились, — сказал сразу убежденный Верзила. — Летящие кометы...

— Подожди, подожди, не лети ты так быстро. Великая Галактика, Верзила, я пытаюсь разобраться в своих мыслях, а ты все сразу принимаешь. — Тон его звучал неодобрительно, насколько это было возможно при общем уважительном отношении к маленькому другу. Он продолжал: — Ты десятки раз жаловался, что я не говорю тебе, что у меня на уме, пока сам все не продумаю. Вот почему, любитель бластеров: едва у меня появляется теория, ты уже кидаешься действовать, с оружием на изготовку.

— Прости, Счастливчик, — сказал Верзила. — Давай дальше.

— Ну хорошо. Зертейла легко заподозрить. Его никто не любит. Даже доктор Певерейл. Ты видел, как он отказался говорить о нем. Мы встретили его только раз, и ты его сразу невзлюбил...

— Еще бы, — пробормотал Верзила.

— ...впрочем, мне он тоже не понравился. Любой мог разрезать этот костюм и надеяться, что подозрение падет на Зертейла, как только все откроется. А откроется несомненно, если не до убийства, так после.

— Я теперь понимаю.

— С другой стороны, — спокойно продолжал Старр, — Майндс уже пытался избавиться от меня с помощью бластера. Если это была серьезная попытка, то он не похож на человека, склонного к подобным косвенным действиям. Что касается доктора Гардома, то я не могу представить себе его соучастником убийства члена Совета только из дружбы к Майндсу.

— Каково же тогда решение? — нетерпеливо спросил Верзила.

— Никакого, — ответил Дэвид, — разве что мы ложимся спать. — Он отбросил простыни и направился в ванную.

Верзила посмотрел ему вслед и пожал плечами.

Скотт Майндс сидел в постели, когда на следующее утро Старр и Верзила вошли в его комнату. Он был бледен и выглядел усталым.

— Здравствуйте, — сказал он. — Карл Гардома рассказал мне, что случилось. Вы представить себе не можете, как мне неловко.

Счастливчик пожал плечами.

— Как вы себя чувствуете?

— Выжат досуха, если вы понимаете, что я хочу сказать. Я буду на приеме, который дает сегодня вечером старый Певерейл.

— Разумно ли это?

— Я не позволю Зертейлу захватить крепость, — сказал Майндс, и лицо его внезапно исказилось от ненависти. — Он всем говорит, что я спятил. Доктор Певерейл тоже, кстати.

— Доктор Певерейл сомневается в вашей нормальности? — негромко спросил Дэвид.

— Ну... Видите ли, Старр, я со времени начала этих происшествий прочесывал солнечную сторону на ракетном скутере.

Мне нужно было это делать. Это мой проект. Дважды... я кое-что видел.

Майндс смолк, и Дэвид поторопил его:

— Что видели, доктор Майндс?

— Хотел бы я утверждать уверенно. Каждый раз я видел это вдалеке. Что-то двигалось. Похоже на человека. В космическом костюме. Но не наши специально изолированные костюмы. Больше похож на обычный костюм для космоса. Простой металл.

— Вы пытались подойти ближе?

— Да, и сразу терял его. А на фотографиях ничего не видно. Просто пятна света и тьмы: может, что-то они означают, может, нет. Но там что-то было. Что-то двигалось под солнцем, будто ему не важны жара и радиация. Оно оставалось на солнце и стояло неподвижно по нескольку минут. Это меня доконало.

— Это странно? Стоять неподвижно на солнце?

Майндс коротко рассмеялся.

— На солнечной стороне Меркурия? Конечно. Никто тут не станет стоять. Несмотря ни на какую изоляцию, делаешь свое дело как можно быстрее и уходишь в тень. Вблизи терминатора температура не так велика. Дело в радиации. Нужно набирать ее как можно меньше. Изоляционный костюм не защищает полностью от гамма-лучей. Если нужно постоять, стоят в тени скал.

— Как же вы все это объясните?

Майндс перешел на стыдливый шепот:

— Не думаю, что это человек.

— Вы ведь не станете утверждать, что это двуногий призрак, — неожиданно сказал Верзила, прежде чем Дэвид смог его удержать.

Но Майндс только покачал головой.

— Я так сказал на поверхности? Что-то припоминаю... Нет, я думаю, это меркурианин.

— Что? — воскликнул Верзила так, будто ожидал гораздо худшего.

— Иначе как он может выдерживать солнечную радиацию и жару?

— А зачем ему тогда космический костюм? — спросил Счастливчик.

— Не знаю. — Глаза Майндса сверкнули, и в них появилось загнанное выражение. — Но это что-то. Вернувшись в Купол, я проверил местонахождение всех людей. Все были на месте. Доктор Певерейл не разрешил провести экспедицию для поиска. Он сказал, что мы для этого не подготовлены.

— Вы говорили ему то, что рассказали мне?

— Он считает меня сумасшедшим. Но я уверен в том, что видел. Он считает, что я видел какие-то отражения и создал из них человека в своем воображении. Но это не так, Старр!

Дэвид спросил:

— Вы связались с Советом Науки?

— Как я мог? Доктор Певерейл не поддержал бы меня. Зертейл сказал бы, что я спятил, и его бы послушали. А кто будет слушать меня?

— Я, — сказал Дэвид.

Майндс рывком сел. Руки его взметнулись, будто он хотел схватить собеседника за рукав, но он сдержал их. Сдавленным голосом он сказал:

— Вы будете это расследовать?

— Да, в некотором роде, — ответил Счастливчик.

Когда Старр и Верзила вошли, все уже сидели за банкетным столом. Поднялся гул приветствий и представлений, но было ясно, что вечер не из приятных.

Доктор Певерейл сидел во главе стола, тонкие губы его были поджаты, впавшие щеки дрожали — внешность человека, который с трудом сохраняет достоинство. Слева от него виднелась широкоплечая фигура Зертейла; он откинулся в кресле, толстые пальцы поглаживали край стакана.

В конце стола сидел Скотт Майндс, выглядел он крайне юным и усталым и с раздражением смотрел на Зертейла. Рядом с ним доктор Гардома поглядывал тревожно и внимательно, готовый вмешаться.

Остальные места, за исключением двух, справа от доктора Певерейла, занимали старшие специалисты обсерватории. Хэнли Кук, заместитель директора Купола, наклонился и крепко пожал Дэвиду руку.

Счастливчик и Верзила заняли свои места, и ужин начался.

Зертейл сразу заговорил резким хриплым голосом, овладев всеобщим вниманием:

— Мы как раз говорили, не следует ли Майндсу расска-

зать, какие чудеса ожидают Землю в результате его эксперимента.

— Ничего подобного, — заявил Майндс, — я буду говорить, когда захочу.

— О, послушайте, Скотт, — Зертейл широко улыбался, — не будьте таким застенчивым. Ну, тогда я сам расскажу.

Как бы случайно доктор Гардома опустил руку на плечо Майндса, молодой инженер с трудом глотнул, подавил негодующий возглас и продолжал молчать.

Зертейл сказал:

— Предупреждаю вас, Старр, рассказ будет интересным. Это...

Дэвид прервал его:

— Я знаю кое-что об эксперименте. Основная цель — создание планеты с воздушным кондиционированием — вполне достижима.

Зертейл поморщился.

— Неужели? Я рад, что у вас оптимистический взгляд. Бедняга Скотт не может добиться успеха даже в пробном эксперименте. По крайней мере говорит, что не может, не правда ли, Скотт?

Майндс полувстал, но доктор Гардома снова положил ему руку на плечо.

Верзила переводил взгляд от одного говорящего к другому, на Зертейла он смотрел с открытым отвращением. Но ничего не говорил.

Прибытие главного блюда сразу прекратило разговор, и доктор Певерейл отчаянно пытался перевести беседу на менее опасное направление. На некоторое время ему это удалось, но затем Зертейл, наколов на вилку последний кусок бифштекса, наклонился к Старру и сказал:

— Значит, вы считаете, что проект Майндса идет нормально?

— Ну, мне кажется, результаты неплохие.

— Вы, как член Совета, так и должны считать. А что, если я вам скажу, что это фальшивый эксперимент; то же самое можно было бы проделать на Земле за один процент затрат, если бы Совет был заинтересован в экономии денег налогоплательщиков? Что вы на это скажете?

— То же самое я скажу в ответ на любые ваши слова, — сдержанно ответил Дэвид. — Я скажу: «Мистер Зертейл, вероятно, вы лжете. В этом ваш большой талант и, вероятно, основное удовольствие».

Мгновенно наступила мертвая тишина, даже Зертейл смолк. Его толстые щеки, казалось, обвисли от удивления, глаза выпучились. Неожиданно он вскочил, перегнулся через доктора Певерейла и ударил ладонью по столу рядом с тарелкой Счастливчика.

— Ни один лакей Совета... — взревел он.

И тут же начал действовать Верзила. Никто не успел увидеть подробностей, потому что Верзила действовал со скоростью жалящей змеи, но рев Зертейла неожиданно прервался.

Из руки Зертейла торчала изогнутая металлическая рукоять силового ножа.

Доктор Певерейл отшатнулся, послышались возгласы, даже Счастливчик казался удивленным.

Раздался жизнерадостный тенор Верзилы:

— Расставь пальцы, ты, тюбик нефти! Расставь их и ползи назад, на свое место.

Зертейл несколько мгновений смотрел на маленького мучителя, будто не понимая, потом очень медленно расставил пальцы. Рука его не была повреждена, ни кусочка кожи не было срезано. Силовой нож торчал в жесткой пластиковой поверхности стола, виднелся примерно дюйм светящегося силового поля (это не материя, а тонкое энергетическое поле). Лезвие ножа разрезало стол точно между указательным и средним пальцем руки Зертейла.

Зертейл отдернул руку, будто ее внезапно охватило огнем.

Верзила рассмеялся и сказал:

— В следующий раз, подонок, как протянешь руку к Старру или ко мне, я ее тебе отрежу. Когда будешь отвечать, говори вежливо. — Он протянул руку к ножу, дезактивировал силовое поле и вернул рукоять в незаметные ножны на поясе.

Слегка нахмурившись, Дэвид сказал:

— Я забыл предупредить вас, что мой друг вооружен. Я уверен: он сожалеет, что помешал ужину, но мистер Зертейл не должен принимать этот инцидент близко к сердцу.

Кто-то рассмеялся, на лице Майндса появилась улыбка.

Зертейл гневно переводил взгляд от одного лица к другому.

— Я этого не забуду. Я вижу, что никто не желает сотрудничать с сенатором, и он об этом узнает. Пока я остаюсь

здесь. — Он сложил руки, будто кто-то собирался его выпроводить.

Мало-помалу разговор снова стал общим.

Счастливчик сказал доктору Певерейлу:

— Знаете, сэр, ваше лицо кажется мне знакомым.

— Да? — Астроном напряженно улыбался. — Мне кажется, мы с вами раньше не встречались.

— Вы когда-нибудь были на Церере?

— На Церере? — старый астроном смотрел на Старра с некоторым удивлением. Очевидно, он еще не пришел в себя после эпизода с силовым ножом. — На этом астероиде самая большая обсерватория Солнечной системы. Я там работал в молодости, да и сейчас часто там бываю.

— Может, я видел вас там?

Говоря это, Дэвид вспоминал те напряженные дни, когда охотился за капитаном Антоном и пиратами, искал их логово в поясе астероидов. Особенно тот день, когда пиратский корабль приземлился в самом сердце территории Совета, на самом астероиде Церера, одержав временную победу благодаря неожиданности своего появления.

Но доктор Певерейл отрицательно качал головой.

— Я бы знал, сэр, если бы имел удовольствие встретиться с вами. Но уверен, этого не было.

— Жаль, — сказал Счастливчик.

— Мне тоже, уверяю вас. Но в то время мне вообще не везло. Из-за болезни кишечника я пропустил весь пиратский рейд. Знал о нем только из разговоров сестер в больнице.

Доктор Певерейл осмотрел стол, к нему вернулось хорошее настроение. Механическая тележка развозила десерт. Доктор Певерейл сказал:

— Джентльмены, мы ведь обсуждали проект «Свет».

Он помолчал, снисходительно улыбаясь, потом продолжал:

— Не очень подходящая тема для разговора, учитывая обстоятельства, но я много думал о случаях, которые всех нас так расстраивают. Мне кажется, что настала пора поделиться с вами моими соображениями. Доктор Майндс здесь. Мы неплохо поели. И теперь я скажу вам кое-что интересное.

Зертейл нарушил молчание, спросив мрачно:

— Вы, доктор Певерейл?

Астроном спокойно ответил:

— Почему бы и нет? Я много раз в жизни говорил интересные вещи. И скажу, о чем сейчас думаю. — Он неожиданно стал серьезен. — Я считаю, что знаю правду, всю правду. Я знаю, кто срывает эксперимент проекта «Свет».

5. НАПРАВЛЕНИЕ ОПАСНОСТИ

На мягком лице старого астронома появилось довольное выражение; он осмотрел стол: все были поражены его словами. Дэвид тоже осмотрелся. Он наблюдал за тем, как встречают заявление доктора Певерейла. На широком лице Зертейла было презрение, доктор Гардома удивленно хмурился, Майндс выглядел мрачно. На лицах остальных были любопытство и интерес.

Внимание Старра особенно привлек один человек. Это был Хэнли Кук, заместитель доктора Певерейла. Он смотрел на кончики своих пальцев с усталым отвращением. Но когда он поднял голову, выражение лица его изменилось и стало вежливо-равнодушным.

Тем не менее Дэвид подумал: «Надо с ним поговорить». И снова обратил внимание на доктора Певерейла.

А тот говорил:

— Саботажник не может быть одним из нас, конечно. Доктор Майндс сказал мне, что проверял всех и уверен в этом. Но даже без проверки я абсолютно убежден, что никто из нас не способен на подобные преступные действия. Но саботажник должен быть разумным, поскольку его деятельность целенаправленна, и исключительно против проекта «Свет». Поэтому...

Его возбужденно прервал Верзила:

— Эй, вы, считаете, что на Меркурии есть туземная жизнь? Это делают меркуриане?

Послышались возгласы, кто-то рассмеялся, и Верзила покраснел.

— Разве не это говорит доктор Певерейл? — спросил маленький марсианин.

— Не совсем, — мягко заметил доктор Певерейл.

— Никакой туземной жизни на Меркурии нет, — сказал с ударением один из астрономов. — В этом мы абсолютно уверены.

Дэвид вмешался:

— Насколько уверены? Кто-нибудь проверял?

Астроном, казалось, смешался. Он сказал:

— Были исследовательские группы. Несомненно.

Счастливчик улыбнулся. Он встречался с разумными существами с Марса, о которых никто не знал. Он открыл полуразумные существа на Венере, о которых до него никто не подозревал. И поэтому он не принимал на веру утверждения об отсутствии жизни на любой планете, даже разумной жизни.

Он спросил:

— Сколько исследовательских групп? Насколько тщательно проводилось исследование? Обследована ли каждая квадратная миля?

Астроном не ответил. Он посмотрел в сторону, подняв брови, как будто говоря:

— Какой в этом смысл?

Верзила улыбнулся, лицо его стало напоминать лицо веселого гнома.

Доктор Поверейл сказал:

— Мой дорогой Старр, исследователи ничего не обнаружили. Мы не исключаем полностью наличия жизни на Меркурии, но вероятность ее существования очень низка. Допустим, мы согласимся, что единственное разумное существо в Галактике — это человек. По крайней мере единственное известное нам существо.

Помня о марсианских энергетических существах, Дэвид не был согласен с этим, но промолчал и дал возможность старику продолжать.

Вмешался Зертейл, понемногу обретавший самообладание.

— К чему это вы клоните? — спросил он. И добавил свою любимую фразу: — Если уж на то пошло.

Доктор Поверейл не ответил Зертейлу непосредственно. Он переводил взгляд с одного лица на другое, сознательно игнорируя следователя сенатора. И сказал:

— Дело в том, что люди живут не только на Земле. Люди есть во многих звездных системах. — Лицо старого астронома странно переменилось. Оно осунулось, побледнело, ноздри раздулись, будто его внезапно охватил гнев. — Например, люди есть на планетах Сириуса. Что, если это они саботажники?

— Зачем это им? — сразу спросил Старр.

— А почему бы и нет? Они и раньше совершали агрессии против Земли!

Это было верно. Старр сам принимал участие в отражении

сирианской флотилии, высадившейся на Ганимеде, но тогда сирианцы покинули Солнечную систему без пробы сил. Но, с другой стороны, у многих землян вошло в привычку во всем плохом винить жителей Сириуса.

Доктор Поверейл энергично продолжал:

— Я там был. Я был на Сириусе всего пять месяцев назад. Очень много было канцелярской волокиты, потому что Сириус не одобряет ни иммигрантов, ни гостей, но проводилась межпланетная астрономическая конференция, и я все-таки получил визу. Я во что бы то ни стало хотел увидеть сам и должен сказать, что не разочаровался. Планеты Сириуса малонаселенны и исключительно децентрализованны. Там живут изолированными семейными группами, и у каждой свой источник энергии и все службы. У каждой группы есть механические рабы — другого слова не подберешь, — рабы в форме позитронных роботов, которые выполняют всю работу. Сами сирианцы представляют собой воинственную аристократию. У каждого свой космический крейсер. Они никогда не успокоятся, пока не покорят Землю.

Верзила беспокойно заерзал в кресле.

— Пески Марса, пусть только попробуют! Пусть попробуют, вот все, что я скажу!

— И попробуют, когда будут готовы, — сказал Поверейл, — и, если мы не сделаем что-нибудь побыстрее, чтобы встретить опасность, они победят. Что у нас есть, чтобы противостоять им? Многомиллиардное население — правда, но сколько человек могут сражаться в космосе? Мы — шесть миллиардов кроликов, а они — миллион волков. Земля беспомощна и с каждым годом становится все беспомощней. Нас кормят зерно с Марса и дрожжи с Венеры. Наши минералы мы получаем с астероидов и получали с Меркурия, когда работали шахты. Да, Старр, если проект «Свет» удастся, Земля будет зависеть от космических станций даже в получении солнечного света. Разве вы не понимаете, какими мы становимся уязвимыми? Армия сирианцев, расположившись на окраинах Системы, вызовет панику и уморит нас голодом, даже не сталкиваясь непосредственно. И чем мы сможем отплатить? Сколько бы мы их ни убили, оставшиеся сирианцы способны на самостоятельные действия и независимы в отношении припасов и энергии. Любой из них может продолжать войну.

Старик почти задыхался от волнения. Нельзя было усом-

ниться в его искренности. Он как будто избавлялся от душившей его тайны.

Старр снова взглянул на заместителя Певерейла Хэнли Кука. Тот опирался лбом на большую руку. Лицо его раскраснелось, но Дэвиду не показалось, что это краска гнева или негодования. Скорее смущения.

Скептически заговорил Скотт Майндс:

— Но какой смысл, доктор Певерейл? Если им хорошо у Сириуса, зачем им Земля? Зачем мы им нужны? Допустим, они завоюют Землю. Тогда им придется нас содержать...

— Вздор! — рявкнул старый астроном. — Зачем это им? Им нужны земные ресурсы, а не население. Вбейте это себе в голову! Они помогут нам умереть с голоду. Такова будет их политика.

— Послушайте, — сказал Гардома. — Это невероятно.

— Не из жестокости, — продолжал доктор Певерейл, — а исходя из политики. Они нас презирают. Считают нас не выше животных. Все сирианцы расисты. Со времени первой колонизации они целенаправленно селектируют себя и теперь свободны от болезней и тех особенностей, которые считают нежелательными. У них одинаковая внешность, тогда как земляне разных форм, размеров, цветов, разновидностей. Сирианцы считают нас низшими существами. Они не допускали меня на конференцию, пока не надавило наше правительство. Приветствовали астрономов всех систем, только не с Земли. Человеческая жизнь для них мало что значит. Они помешались на роботах. Я наблюдал за ними и их механическими людьми. Они больше заботятся о сирианских роботах, чем о самих сирианцах. Робота они считают ценнее ста человек с Земли. Они балуют своих роботов. Они их любят.

Дэвид сказал:

— Роботы дорогие. С ними нужно обращаться бережно.

— Может быть, — ответил доктор Певерейл, — но когда люди привыкают слишком заботиться о машинах, они становятся черствыми к нуждам других людей.

Старр наклонился вперед, опираясь локтями о стол, темные глаза его были серьезны, вертикальные морщины делали красивое слегка мальчишеское лицо строгим. Он сказал:

— Доктор Певерейл, если сирианцы расисты и вырабатывают у себя единообразие, в конечном счете они потерпят поражение. Разнообразие человеческих рас — источник прогресса. Земля, а не Сириус — на переднем фронте научных исследований. Земляне заселили Сириус; и мы, а не сирианцы ежегодно даем новые направления в исследованиях. Даже упоминаемые вами позитронные роботы изобретены на Земле и землянами.

— Да, — согласился астроном, — но земляне не стали их использовать. Это расстроило бы нашу экономику, а мы ценим удобства сегодняшнего дня превыше безопасности завтрашнего. Мы используем свои научные достижения, чтобы стать слабее. Сириус с их помощью становится сильнее. В этой разнице и заключается опасность.

Доктор Певерейл снова опустился в кресло. Выглядел он мрачно. Механическая тележка очищала стол.

Дэвид указал на нее.

— Это тоже робот, если хотите, — сказал он.

Механическая тележка продолжала свое занятие. Она ровно двигалась на диамагнитном поле, так что ее основание не касалось пола. Ее гибкие щупальца осторожно снимали тарелки, некоторые ставили на верхнюю плоскость, другие — во внутренние отделения.

— Это простой автомат, — фыркнул доктор Певерейл. — У него нет позитронного мозга. Он не может приспосабливаться к обстановке, не может менять задание.

— Значит, вы утверждаете, что сирианцы саботируют проект «Свет», — сказал Счастливчик.

— Да.

— Зачем им это?

Доктор Певерейл пожал плечами.

— Может, это часть их общего плана. Не знаю, что делается по всей Солнечной системе. Может, это пробная попытка, подготовка к вторжению и завоеванию. Проект «Свет» сам по себе ничего не значит, а сирианцы опасны везде. Хотел бы я внушить свою тревогу Совету Науки и правительству, чтобы они узнали правду.

Хэнли Кук кашлянул, затем впервые заговорил.

— Сирианцы люди, как и мы. Если они на Меркурии, то где они?

Доктор Певерейл холодно ответил:

— Это задача исследовательской экспедиции. Хорошо подготовленной и оборудованной экспедиции.

— Минутку, — сказал Майндс, глаза его возбужденно блестели, — я был на солнечной стороне и готов поклясться...

— Хорошо подготовленной и оборудованной экспедиции, — твердо повторил астроном. — Ваши одинокие подвиги ничего не значат, Майндс.

Инженер на мгновение застыл, потом смущенно смолк.

Дэвид неожиданно сказал:

— Вам это как будто не нравится, Зертейл. Что вы думаете о словах доктора Певерейла?

Следователь поднял взгляд и долго с откровенной ненавистью и неприязнью смотрел на Старра. Очевидно, он не забыл и никогда не забудет происшествие за столом.

Он сказал:

— Я держу свои мнения при себе. Но скажу: меня не одурачит то, что происходит сегодня.

Он сжал рот, и Дэвид, подождав немного продолжения, повернулся к Певерейлу и сказал:

— Я сомневаюсь, нужна ли нам такая экспедиция, сэр. Если предположить, что сирианцы здесь, нельзя ли умозаключить, где они могут находиться?

Доктор Певерейл спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Ну, где сирианцам было бы лучше всего? Если они в течение месяца неоднократно через короткие промежутки саботировали проект «Свет», им нужна для этого какая-то база поблизости от проекта. В то же время база не должна быть легко обнаруживаемой. Второе условие они, несомненно, выполнили. Где может находиться такая удобная, но тайная база? Разделим Меркурий на две части: солнечную и темную стороны. Мне кажется, глупо устанавливать базу на солнечной стороне. Слишком жарко, слишком много радиации, слишком негостеприимно.

Кук заметил:

— Не более негостеприимно, чем на темной стороне.

— Нет, нет, — немедленно возразил Дэвид, — вы ошибаетесь. Солнечная сторона представляет очень необычную среду. Люди к такому не привыкли. Темная сторона гораздо привычнее. Это просто поверхность в космическом пространстве, а условия космоса нам знакомы. На темной стороне холодно, но не холоднее, чем в космосе. Темно и нет воздуха, но в космосе, не под прямыми лучами Солнца, так же темно и гораздо меньше воздуха. Люди научились жить в космосе с удобствами, они могут прожить и на темной стороне.

— Продолжайте, — сказал доктор Певерейл, в его старых глазах светился интерес. — Продолжайте, мистер Старр.

— Но организовать базу, которая служила бы больше месяца, не так просто. Нужен корабль или корабли, чтобы со временем вернуться на Сириус. Или даже если их подберет прилетевший специально корабль, все равно нужны достаточные запасы пищи и воды, нужен источник энергии. Для этого нужно место, и в то же время они должны быть уверены, что их не обнаружат. Остается только одно возможное место.

— Какое, Счастливчик? — спросил Верзила, чуть не прыгая на стуле от возбуждения. По крайней мере он не сомневался в словах друга. — Какое?

— Когда я впервые появился здесь, — сказал Старр, — доктор Майндс упоминал неработающие шахты. Несколько минут назад и доктор Певерейл говорил о неработающих шахтах. Отсюда я заключаю, что на Меркурии есть пустые шахтные стволы и коридоры и они должны находиться здесь и на Южном полюсе, потому что только в районе полюсов перепады температуры не так велики. Я прав?

Кук, запинаясь, сказал:

— Да, здесь есть шахты. До основания обсерватории в Куполе находился центр управления шахтами.

— Значит, мы сидим на большой дыре в Меркурии. Если сирианцы успешно прячут большую базу, где же ей еще находиться? Здесь направление опасности.

Одобрительный гул послышался за столом, но его быстро прервал гортанный голос Зертейла.

— Прекрасно, — сказал он, — но что из этого следует? Что вы собираетесь делать?

— Мы с Верзилой, — ответил Старр, — собираемся посетить шахты, как только будем готовы. Если там что-то есть, мы отыщем.

6. ПОДГОТОВКА

Доктор Гардома резко спросил:

— Вы собираетесь идти одни?

— Почему бы и нет? — вмешался Зертейл. — Это дешевая

героика. Конечно, они пойдут одни. Там никого и ничего нет, и они об этом знают.

— Хотите присоединиться? — спросил Верзила. — Если замкнете свой большой рот, то сможете втиснуться в костюм.

— А вы в костюме просто утонете, — огрызнулся Зертейл.

Доктор Гардома снова начал:

— Нет смысла идти в одиночку...

— Предварительное исследование не принесет никакого вреда, — сказал Счастливчик. — В сущности, Зертейл может оказаться прав. Возможно, там никого нет. Ну, мы во всяком случае будем держать связь с Куполом и надеемся, вы нас выручите, если мы встретимся с сирианцами. Мы с Верзилой привыкли к трудным положениям.

— К тому же, — добавил Верзила, улыбаясь всем своим гномьим лицом, — мы любим трудные положения.

Старр улыбнулся и встал.

— Если позволите...

Зертейл вскочил, повернулся и вышел. Счастливчик задумчиво смотрел ему вслед.

Когда Хэнли Кук проходил мимо, Дэвид остановил его за руку.

Кук поднял голову, лицо у него было озабоченное.

— Да. В чем дело, сэр?

Счастливчик негромко сказал:

— Не могли ли бы вы зайти к нам в комнату как можно скорее?

— Буду у вас через пятнадцать минут. Подходит?

— Отлично.

Кук появился гораздо позже. Он тихо вошел в комнату, сохраняя на лице постоянное выражение озабоченности. Это был человек сорока с небольшим лет, с угловатым лицом и светло-каштановыми волосами, которые начинали седеть.

Дэвид сказал:

— Я забыл вам сообщить, где наша комната. Простите.

Кук удивился.

— Я знал, где вы остановились.

— Ну хорошо. Спасибо, что пришли по моей просьбе.

— О! — Кук помолчал. Потом торопливо добавил: — Рад. Рад.

Старр сказал:

— Небольшая проблема с изолирующими костюмами. Теми, что предназначены для солнечной стороны.

— Изолирующие костюмы? Вам не дали инструктивный фильм?

— Нет, нет. Я его посмотрел. Дело в другом.

— Что-нибудь не так?

— Что-нибудь не так? — повторил Верзила. — Посмотрите сами. — И он показал разрезы.

Кук смотрел, не понимая, потом начал медленно краснеть, глаза его округлились от ужаса.

— Не ви... Это невозможно! Здесь, в Куполе!

Счастливчик сказал:

— Главное, чтобы его заменили.

— Но кто это сделал? Мы должны узнать.

— Не надо беспокоить доктора Певерейла.

— Да, да, — сразу согласился Кук, будто не подумал об этом раньше.

— Со временем мы все узнаем. А пока его просто нужно заменить.

— Конечно. Я сейчас же этим займусь. Неудивительно, что вы хотели меня видеть. Великий космос... — Он встал, будто лишившись дара речи, и собрался уходить.

Но Дэвид остановил его.

— Подождите, это мелочь. Мы должны обсудить более важные вещи. Кстати, прежде чем мы перейдем к этому... я понял, что вы не согласны со взглядами доктора Певерейла относительно сирианцев.

Кук нахмурился.

— Я не хотел бы обсуждать это.

— Я следил за вами, когда он говорил. Мне кажется, вы не одобряли его слова.

Кук снова сел. Сжал костлявые пальцы рук и сказал:

— Он старик. Уже много лет свихнулся на сирианцах. Почти психоз. Ищет их у себя под кроватью. Во всем их винит. Если передержаны наши пластинки, он винит их. А с тех пор, как вернулся с Сириуса, стало еще хуже из-за того, что, как он утверждает, ему пришлось пережить.

— Что же он пережил?

— Ничего ужасного, я полагаю. Но его поместили в карантин. Отвели особое здание. Иногда были слишком вежливы.

Иногда, наоборот, слишком грубы. Ему не угодишь. И к нему в качестве личного слуги приставили позитронного робота.

— Он и против этого возражал?

— Говорит, это потому, что они сами не хотели к нему приближаться. Это я и имел в виду. Он буквально все воспринимает как оскорбление.

— Вы были с ним?

Кук покачал головой.

— Сириус приглашал только одного человека, а он старший. Должен был бы лететь я. Он слишком стар, правда, слишком стар.

Кук говорил задумчиво. Неожиданно он поднял голову.

— Все это между нами.

— Абсолютно, — заверил его Старр.

— А как ваш друг? — неуверенно спросил Кук. — Я знаю, он человек чести, но немного... гм... вспыльчив.

— Эй! — начал Верзила, застыв.

Дэвид ласково положил руку ему на голову и отбросил волосы со лба.

— Да, он горяч, — согласился он, — как вы могли заметить за банкетным столом. Я не всегда могу его остановить вовремя, а иногда, когда очень рассердится, он использует язык и кулаки, а не голову. Мне всегда приходится помнить об этом. Но когда я попрошу его молчать о чем-нибудь, он молчит, вот и все.

— Спасибо, — сказал Кук.

Старр продолжал:

— Вернемся к моему вопросу: вы не согласны с тем, что доктор Певерейл считает виновными в данном случае сириан-цев?

— Не согласен. Откуда они знают о проекте «Свет» и какое им до него дело? Не могу представить себе, чтобы они посылали корабли и людей, рискуя неприятностями со всей Солнечной системой, только чтобы перерезать несколько кабелей. Конечно, я говорил вам, доктор Певерейл уже некоторое время чувствует себя обиженным...

— Каким образом?

— Майндс и его группа появились здесь, когда он был на Сириусе. Он вернулся и застал их здесь. Конечно, он знал, что когда-нибудь они появятся. Проект планировался годами. Но все же для него это было шоком.

— Он пытался избавиться от Майндса?

— О нет, ничего подобного. Просто он почувствовал, что настанет день, и, может быть, скоро, когда его сменят, а мне кажется, сама мысль об этом для него нестерпима. Ему хочется остаться здесь старшим и начать шумиху из-за сириан-цев. Это его идея.

Дэвид кивнул, потом спросил:

— Скажите, а вы бывали на Церере?

Кук удивился смене темы.

— Бывал. А что?

— Вместе с доктором Певерейлом? Или в одиночку?

— Обычно с ним. Он летает туда чаще меня.

Счастливчик улыбнулся.

— Были ли вы там во время пиратского рейда в прошлом году?

Кук тоже улыбнулся.

— Нет, но старик был. Мы много раз слышали эту историю. Он очень сердился. Практически никогда не болеет, а тут оказался в больнице. И все пропустил.

— Ну что ж, понятно... А теперь, я думаю, мы вернемся к главному вопросу. Мне не хочется беспокоить доктора Певерейла. Как вы говорите, он старик. Вы его заместитель и гораздо моложе... — Старр улыбнулся.

— Да, конечно. Что я могу сделать?

— Относительно шахт. Вероятно, где-то в Куполе есть записи, карты, планы, где указано размещение стволов и все прочее. Мы ведь не можем пускаться в путь вслепую.

— Я уверен, все это есть, — согласился Кук.

— И вы можете раздобыть их и посмотреть с нами?

— Да, конечно.

— Надеюсь, доктор Кук, шахты в хорошем состоянии. Никакой опасности обвалов или чего-нибудь еще?

— О нет, я уверен, ничто подобное невозможно. Мы находимся прямо над шахтой, и при строительстве обсерватории приходилось заглядывать туда. Шахты содержатся в хорошем состоянии, они абсолютно безопасны, особенно при меркурианской силе тяжести.

— А почему же их закрыли, если они в таком хорошем состоянии? — спросил Верзила.

— Хороший вопрос, — ответил Кук и слегка улыбнулся

сквозь свое выражение вечной меланхолии. — Хотите правильное объяснение или увлекательное?

— Оба, — тут же ответил Верзила.

Кук предложил собеседникам закурить, а когда они отказались, закурил сам, предварительно с отсутствующим видом постучав сигаретой по тыльной стороне ладони.

— Правда такова. Меркурий очень плотен и считался возможным источником тяжелых металлов: свинца, серебра, ртути, платины. Так и оказалось: он не так богат, как надеялись, но все же богат. К несчастью, добыча оказалась неэкономичной. Содержание шахт и перевозка руды для обработки на Землю или даже на Луну делают стоимость добычи слишком высокой. А что касается интересного объяснения, то это совершенно другое дело. Когда пятьдесят лет назад сооружали обсерваторию, некоторые шахты еще работали, хотя их уже начали закрывать. И первые астрономы слышали эти рассказы от самих шахтеров, а потом передали последующим сменам. Это часть меркурианской легендарной традиции.

— Что за рассказы? — спросил Верзила.

— Будто бы шахтеры умирали в шахтах.

— Пески Марса! — ядовито воскликнул Верзила. — Они везде умирают. Не думаете же вы, что кто-то может жить вечно?

— Они замерзали насмерть.

— Ну и что?

— Очень загадочное замерзание. В шахтах в те дни было жарко, и все ходили в изолирующих костюмах. Рассказы часто обрастают приукрашиваниями, сами знаете, и постепенно шахтеры отказались ходить в шахты поодиночке, только группами, потом совсем отказались работать, и шахты закрылись.

Дэвид кивнул.

— Так вы отыщете планы шахт?

— Немедленно. И замену вашего изолирующего костюма.

Подготовка велась как к большой экспедиции. Был принесен и испытан новый костюм вместо разрезанного. Впрочем, это был обычный костюм для космического пространства.

Принесли и изучили карты. Вместе с Куком Старр наметил возможный маршрут исследования по главным стволам.

Он поручил Верзиле позаботиться обо всех принадлежностях, гомогенизированной пище и воде (ее можно пить, находясь в костюме), проверить источники энергии и запас кислорода, убедиться в правильной работе систем, убирающих отходы и регулирующих уровень влажности.

Сам он ненадолго отправился на свой корабль «Метеор» — пошел по поверхности и понес с собой рюкзак, содержимое которого с Верзилой не обсуждал. Вернулся без рюкзака, но с двумя маленькими предметами, похожими на слегка изогнутые прицепные бутылки, из матовой стали, с тусклым красным прямоугольником посередине.

— Что это? — спросил Верзила.

— Микроэргометры, — ответил Дэвид. — Экспериментальные. Как большие эргометры на корабле, только те закреплены стационарно.

— А что они могут обнаружить?

— На расстоянии в сотни тысяч миль, как корабельные, ничего, но они обнаруживают источник атомной энергии за десять миль. Смотри, Верзила, активируется вот здесь. Понятно?

Счастливчик слегка надавил большим пальцем на канавку в боку прибора. Сдвинулась часть металлического корпуса, снова закрылась, и сразу ярко засветился красный прямоугольник. Старр повертел маленький прибор в разных направлениях. В одном он горел особенно ярко.

— Это, вероятно, направление энергетической установки самого Купола, — заметил Дэвид. — Можно отрегулировать механизм, чтобы он эту установку не учитывал. — Он принялся осторожно нажимать небольшие, почти невидимые кнопки.

Работая, он улыбался, его молодое лицо выражало удовольствие.

— Знаешь, Верзила, не бывает, чтобы я навестил дядю Гектора и он не дал бы мне какую-нибудь техническую новинку Совета. Он говорит, что при том риске, какому мы подвергаемся (знаешь ведь, как он говорит), нам эти игрушки нужны. Но иногда мне кажется, что он просто хочет, чтобы мы провели полевые испытания этих новых приборов. Но этот может оказаться полезным.

— Для чего, Дэвид?

— Во-первых, Верзила, если в шахтах есть сирианцы, у них должна быть энергетическая атомная установка, пусть маленькая. Это необходимо. Нужна энергия для обогрева, для электролиза воды и так далее. Эргометр обнаружит ее на нужном расстоянии. А во-вторых...

Он смолк, и Верзила досадливо поджал губы. Он знал, что значит такое молчание. У Счастливчика появилась мысль: поз-

же он скажет, что она была такой туманной, что он не мог о ней говорить.

— Один эргометр для меня? — спросил он.

— Конечно, — ответил Старр и бросил ему один прибор.

Верзила поймал его в воздухе.

Когда они вышли из комнаты, в костюмах, но со шлемами в руках, Хэнли Кук их ждал.

Он сказал:

— Я решил отвести вас к ближайшему входу в шахты.

— Спасибо, — ответил Дэвид.

Заканчивался период сна в Куполе. Люди обычно устанавливали периоды сна и бодрствования, как на Земле, даже если не было смены дней и ночей. Старр специально выбрал это время: ему не хотелось уходить в шахты во главе процессии любопытных. Доктор Певерейл в этом с ним согласился.

Коридоры Купола были пусты. Свет приглушен. Они шли, и тяжелая тишина окутывала их; в ней стук подошв казался особенно громким.

Кук остановился.

— Это вход номер два.

Дэвид кивнул.

— Хорошо. Надеюсь, мы скоро увидимся.

— Надеюсь, тоже.

Кук со своей обычной мрачной серьезностью открыл вход, а Счастливчик и Верзила надели шлемы, плотно зажав парамагнитные швы. Старр почти с удовольствием сделал первый вдох запасенного воздуха, он к нему привык.

Сначала Счастливчик, за ним Верзила вошли в шлюз. Дверь за ними закрылась.

Дэвид спросил:

— Готов, Верзила?

— Конечно, Счастливчик. — Голос его громко прозвучал в наушниках, фигура Верзилы в ярком свете шлюза казалась тусклой.

Открылась дверь в противоположной стене. Они почувствовали, как уходит в вакуум воздух, и прошли в дверь.

Она закрылась за ними. И стало темно.

Они стояли в абсолютной темноте тихих и пустых шахт Меркурия.

7. ШАХТЫ МЕРКУРИЯ

Они зажгли фонари, и тьма немного отступила. Перед ними открылся туннель, уходящий в темноту. Освещенное пространство обрывалось внезапно, что неизбежно в пустоте. За пределами прямых лучей света все было темно.

Высокий землянин и его маленький товарищ марсианин начали углубляться во внутренности Меркурия.

Верзила с любопытством осматривался в свете фонарей; туннель напоминал ему виденные на Луне. Закругленный с помощью бластеров и дезинтеграторов, он уходил вперед, казалось, в бесконечность. Стены изгибались и мягко переходили в скалистый потолок. Туннель имел овальную форму в поперечном сечении, чуть приплюснутую вверху и сильно — внизу. Такая форма обладает особой прочностью.

Через воздух в своем костюме Верзила слышал собственные шаги. Шаги Дэвида он ощущал благодаря легкой вибрации почвы. Не совсем звук, но для человека, который всю или почти всю жизнь провел в вакууме, он так же полон значения. Он «слышал» эти вибрации почвы, как обычный человек слышит вибрации воздуха, которые мы называем звуком.

Периодически они проходили мимо скальных колонн: породу не стали удалять, и она служила опорой для слоев скалы между туннелем и поверхностью. Опять похоже на шахты Луны, только здесь колонны толще и многочисленней: хоть сила тяжести Меркурия и мала, она все же в два с половиной раза превосходит лунную.

От главного ствола, по которому они шли, в стороны отходили туннели. Счастливчик, казалось, не торопился; у входа в каждый такой туннель он останавливался и сверялся с картой.

Для Верзилы самой тоскливой особенностью пути были признаки недавнего человеческого пребывания: болты, к которым крепились иллюмопластины, заливавшие туннели ярким светом, небольшие выемки, где некогда парамагнитные реле создавали трение для тележек с рудой, изредка боковые ниши; тут размещались помещения, где шахтеры могли поесть и передохнуть, лаборатории для испытания образцов породы.

Все теперь размонтировано, вынесено, осталась только скала.

Но Верзила был не таким человеком, чтобы тосковать из-

за подобных вещей. Ему не хватало действия. Он пришел сюда не для простой прогулки.

Он сказал:

— Эргометр ничего не показывает.

— Я знаю, Верзила. Скройся.

Он сказал это спокойно, без ударения, но Верзила знал, что это значит. Он настроил свое радио на направленную волну с зашифрованной передачей. Это не входит в обычное оборудование космического костюма, но Старр и Верзила к нему привыкли. Верзила добавил шифровальное устройство, когда готовил костюмы, почти автоматически.

Сердце его забилось чуть быстрее. Когда Старр обращается к зашифрованной связи, опасность близко. Ближе — во всяком случае. Он спросил:

— В чем дело, Счастливчик?

— Пора поговорить. — Голос Дэвида звучал будто издалека и доносился одновременно со всех направлений. Это из-за дешифратора, который всегда оставляет какой-то «шум».

Старр сказал:

— Это туннель семь-а, в соответствии с картой. Он ведет к одному из вертикальных стволов, выходящих на поверхность. Я иду туда.

Верзила удивленно спросил:

— Зачем?

— Чтобы подняться на поверхность. — Дэвид слегка рассмеялся. — Для чего же еще?

— Зачем?

— По поверхности доберусь до «Метеора». Когда я ходил туда в последний раз, отнес в рюкзаке костюм для солнечной стороны.

Верзила медленно обдумал это и спросил:

— Значит, ты собираешься на солнечную сторону?

— Да. Иду к большому Солнцу. По крайней мере не заблужусь. Надо только идти на свет короны на горизонте. Очень просто.

— Послушай, Счастливчик. Я считал, что мы ищем в шахтах сирианцев. Разве ты не доказал на банкете, что они там?

— Нет, Верзила, не доказал. Просто так говорил, чтобы все поверили.

— А мне почему не сказал?

— Мы уже обсуждали это. Ты можешь не вовремя вспылить. Если бы я тебе сказал, что наш поход в шахты только часть плана, ты мог бы все это выпалить, если бы Кук тебя рассердил.

— Да нет, Счастливчик. Просто ты не любишь говорить, пока все не обдумаешь.

— И это тоже, — признался Дэвид. — Ситуация такова. Я хотел, чтобы все считали, что я иду в шахты. Никто не должен был заподозрить, что я собираюсь на солнечную сторону. Никто, в том числе и ты, Верзила.

— Почему? Или это по-прежнему тайна?

— Вот что я могу тебе сказать. Я сильно подозреваю, что за саботажем скрывается кто-то в Куполе. В сирианцев я не верю.

Верзила был разочарован.

— Значит, в шахтах никого нет?

— Я могу ошибаться. Но я согласен с доктором Куком. Невероятно, чтобы сирианцы затратили столько усилий и соорудили тайную базу на Меркурии для саботажа. Если бы им это потребовалось, они скорее всего подкупили бы землянина. Кто-то ведь разрезал костюм. В этом-то сирианцев винить нельзя. Даже доктор Певерейл не предполагает, что в Куполе есть сирианцы.

— Значит, ты ищешь предателя, Счастливчик?

— Я ищу саботажника. Это может быть предатель, продавшийся сирианцам, или он может действовать по собственным причинам. Ответ надеюсь найти на солнечной стороне. И надеюсь еще, что моя дымовая завеса насчет сирианского вторжения не даст виновному скрыться или подготовиться к моему приему.

— И чего же ты ждешь?

— Узнаю, когда найду.

— Ну ладно, — сказал Верзила. — Меня ты убедил. Идем. Пора двигаться.

— Стой! — в замешательстве воскликнул Старр. — Великая Галактика, парень! Я сказал, что я иду. У нас только один изоляционный костюм. Ты остаешься здесь.

Впервые в сознание Верзилы проникло значение местоимения, которым пользовался Дэвид. Он все время говорил «я». Ни разу не сказал «мы». И все же Верзила по долгой привычке к совместным действиям считал, что его «я» значит «мы».

— Счастливчик! — воскликнул он, разрываясь между гневом и отчаянием. — Почему я должен оставаться?

— Потому что я хочу, чтобы в Куполе были уверены, что мы здесь. Возьмешь карту и пойдешь по намеченному маршруту. Каждый час связывайся с Куком. Говори им, где ты находишься, что видишь, говори им правду; ничего не нужно выдумывать. Только не говори, что меня нет с тобой.

Верзила задумался.

— Ну, а если они захотят говорить с тобой?

— Скажи, что я занят. Что мы только что увидели сириан-ца. Говори что угодно и прерывай разговор. Все что угодно, но пусть думают, что я здесь. Понятно?

— Хорошо. Пески Марса! Ты отправишься на солнечную сторону, тебе достанется все веселье, а я буду бродить в темноте и играть в глупые радиоигры.

— Веселей, Верзила, в шахтах может что-нибудь оказаться. Я не всегда бываю прав.

— Ручаюсь, ты всегда прав. Тут ничего нет.

Дэвид не удержался от шутки:

— Замораживающая смерть, о которой говорил Кук. Можешь поискать ее.

Верзила не видел в этом ничего веселого.

— Ну, спасибо.

Последовало короткое молчание. Потом Старр положил ему руку на плечо.

— Ну, хорошо, это не смешно. Прости, Верзила. И правда подбодрись. Мы снова будем вместе. Ты ведь знаешь.

Верзила отбросил руку товарища.

— Ладно. Оставь эти нежности. Я сказал, что сделаю это, и я сделаю. Только ты там получишь солнечный удар, а меня, чтобы присмотреть, рядом не будет, ты, большой бык.

Дэвид рассмеялся.

— Я буду осторожен.

Он свернул в туннель семь-а и не сделал и двух шагов, как Верзила его окликнул:

— Счастливчик!

Тот остановился.

— Что?

Верзила откашлялся.

— Послушай. Не рискуй зря. Меня рядом не будет, чтобы вытащить тебя из беды.

Дэвид ответил:

— Ты говоришь совсем как дядя Гектор. Сам воспользуйся этим советом, ладно?

Так они выразили свое истинное отношение друг к другу. Старр взмахнул рукой и постоял в свете фонаря Верзилы. Потом повернулся и пошел.

Верзила смотрел ему вслед, глядя, как высокая фигура Дэвида сливается с окружающими тенями; но вот он исчез за поворотом туннеля.

Тишина и одиночество удвоились. Если бы он не был Джоном Верзилой Джонсом, он мог бы дрогнуть, оставшись в одиночестве.

Но он был Джон Верзила Джонс, и он сжал зубы, выпятил челюсть и, не дрогнув, двинулся по главному стволу шахты.

Пятнадцать минут спустя Верзила первый раз связался с Куполом. Он чувствовал себя несчастным.

Как он мог поверить, что Дэвид всерьез собирается исследовать шахты? Неужели Счастливчик стал бы договариваться о вызовах по радио, чтобы их могли слышать сирианцы?

Конечно, это направленный луч, но сообщение не зашифровано, а не бывает такого направленного луча, который нельзя было бы перехватить.

Интересно, почему Кук согласился на это? И тут же ему в голову пришло, что ведь Кук тоже не верит в сирианцев. Только Верзила поверил. Умник!

В этот момент он мог бы сгрызть корпус космического корабля.

Он вызвал Кука и использовал общепринятый сигнал «все в порядке».

Сразу послышался голос Кука:

— Все в порядке?

— Пески Марса! Да. Дэвид ушел вперед футов на двадцать, но мы ничего не видели. Послушайте, я же сообщил, что все в порядке; в следующий раз верьте сигналу.

— Я хочу поговорить с мистером Старром.

— Зачем? — С некоторым усилием Верзила сохранил небрежный тон. — В следующий раз поговорите.

Кук помолчал, потом сказал:

— Ну ладно.

Верзила мрачно кивнул самому себе. Следующего раза не

будет. Он подаст сигнал и сразу отключится. Но сколько же он должен бродить в темноте, прежде чем Счастливчик даст о себе знать? Час? Два? Шесть? Предположим, пройдет шесть часов, а от него ничего не будет? Сколько еще он должен будет оставаться? Сколько?

А что, если Кук потребует информации? Дэвид велел описывать увиденное, но что, если Верзила не сумеет это сделать? А что, если он уже не сумел скрыть того, что Старра с ним нет, что он отправился на солнечную сторону? Счастливчик больше никогда не будет доверять ему! Ни в чем!

Он отбросил эти мысли. Ничего хорошего они не принесут.

Если бы хоть что-то отвлекало его. Что-то помимо тьмы и пустоты, помимо слабой вибрации собственных шагов и звука собственного дыхания.

Он остановился, чтобы свериться с картой. На стенах боковых туннелей были вырезаны цифры и буквы, и время не сгладило их. Проверка не представляет трудности.

Но низкая температура сделала карту хрупкой, разворачивать ее было трудно, и это не улучшило его настроения. Он осветил фонарем нагрудную пластинку, собираясь отрегулировать уровень влажности: лицевая пластина слегка затуманилась от его дыхания. Наверно, температура поднялась из-за его характера, сказал он себе.

Он только закончил регулировку, как резко повернул голову в сторону, как будто прислушивался.

Именно это он и делал. Напрягал свою способность ощущать слабые вибрации, которые «услышал» только сейчас, когда сам остановился.

Он затаил дыхание, застыл неподвижно, как скальная стена туннеля.

— Счастливчик? — спросил он в передатчик. — Старр?

Пальцами правой руки он передвигал приборы. Направленный луч зашифрован. Никто не услышит его шепот. Но Дэвид услышит, и скоро в передатчике послышится его голос. Верзила самому себе не признался бы, с какой радостью ждет этот голос.

— Счастливчик? — спросил он снова.

Вибрация продолжалась. Ответа не было.

Дыхание Верзилы ускорилось, вначале напряженно, потом с приливом возбуждения, которое всегда приходило к нему вместе с опасностью.

Кто-то еще есть в шахтах Меркурия. Не Дэвид.

Кто? Сирианцы? Неужели дымовая завеса оказалась на самом деле правдой?

Может быть.

Верзила достал бластер и погасил фонарь.

Знают ли они, что он здесь? Идут к нему?

Вибрации — не смешанный неритмичный «звук» многих людей, даже не двух или трех. Чуткое ухо Верзилы ясно распознало звуки шагов одного человека.

А с одним человеком Верзила готов встретиться всегда, везде и в любых условиях.

Он осторожно коснулся рукой ближайшей стены. Вибрация значительно усилилась. Идет в этом направлении.

Верзила осторожно двинулся в полной темноте, продолжая касаться рукой стены. Слишком беззаботно звучат эти шаги. Либо тот считает, что один в шахтах (как только что считал сам Верзила), либо не очень привык к условиям вакуума.

Шаги самого Верзилы превратились в легкие прикосновения кошачьих лап; шаги того не изменились. Если бы он шел за Верзилой по звуку, неожиданное изменение характера шагов должно было бы его насторожить. Но этого нет.

Верзила свернул в боковой туннель направо. Дрожь в стене вела его к незнакомцу.

И вот он далеко впереди увидел свет фонаря. Верзила замер.

Свет исчез. Тот миновал вход в туннель, по которому шел Верзила. Он идет не по нему.

Верзила легко двинулся вперед. Он найдет пересечение и окажется сзади.

Тогда они встретятся. Он, Верзила, представляет Землю и Совет Науки, а враг представляет — кого?

8. ВРАГ В ШАХТАХ

Верзила рассчитал правильно. Он обнаружил пересечение и увидел впереди свет. Незнакомец о нем не подозревает. Не должен подозревать.

Бластер Верзилы был наготове. Он легко попадет в цель, но после бластера мало что останется. Мертвецы ничего не расскажут, мертвый враг никаких тайн не раскроет.

Верзила двигался с кошачьим терпением, сокращая расстояние, идя на свет, стараясь определить, кто же его враг.

Приготовив бластер, он попытался вступить в контакт. Вначале радио. Он быстро настроился на общую волну. Может быть, враг не настроен на волну Верзилы. Маловероятно, но возможно. Очень маловероятно и почти невозможно!

Но неважно. Всегда можно выстрелить в стену. Это ясно скажет о его намерениях. С бластером связана власть, и его высказывание поймут на любом языке.

Он сказал, вложив в свой тенор всю силу:

— Стой, ты! Стой на месте и не поворачивайся! На тебя направлен бластер.

Верзила включил свой фонарь, и в его свете враг замер. Он не повернулся: Верзила понял, что его услышали.

Он сказал:

— Теперь поворачивайся. Медленно.

Фигура повернулась. Верзила держал свою правую руку на свету. Металлическая перчатка плотно сжимала рукоять крупнокалиберного бластера. Он был хорошо виден в свете фонаря.

Верзила сказал:

— Этот бластер полностью заряжен. Я убивал им людей и раньше и хорошо стреляю.

У врага, очевидно, было радио. Он, вероятно, слышал, потому что взглянул на бластер и сделал попытку поднять руки, будто пытаясь защититься ими.

Верзила изучал костюм врага. Обычный костюм (есть ли такие же у сирианцев?).

Потом коротко спросил:

— По радио говорить можешь?

От неожиданного звука в ушах он подпрыгнул. Голос, даже по радио, искажающему звук, был знакомым.

— Это коротышка, что ли?

Никогда в жизни не требовалось Верзиле столько силы, чтобы не пустить в ход бластер.

Бластер подпрыгнул в его руке, и стоящий против него человек быстро наклонился в сторону.

— Зертейл! — закричал Верзила.

Удивление его сменилось разочарованием. Никаких сирианцев. Всего лишь Зертейл.

И тут же острая мысль: что Зертейл тут делает?

Зертейл отозвался:

— Да, Зертейл. Убери свою горохострелку.

— Уберу, когда захочу, — ответил Верзила. — Что вы здесь делаете?

— Мне кажется, шахты Меркурия — не ваша частная собственность.

— Пока у меня в руках бластер, я здесь хозяин, толстомордый подонок.

Верзила напряженно размышлял, но ни к чему не мог прийти. Что делает здесь эта ядовитая вонючка? Отправить его назад в Купол значило бы выдать отсутствие Старра. Верзила мог бы сказать им, что Дэвид задержался, но они все равно забеспокоятся и станут подозревать, когда он не ответит на вызов. И в каком преступлении он может обвинить Зертейла? В конце концов, всем можно находиться в шахтах.

С другой стороны, он не может бесконечно держать его под прицелом бластера.

Счастливчик бы что-нибудь придумал...

И как будто обладая телепатией, Зертейл неожиданно спросил:

— Кстати, а где Старр?

— Об этом можете не беспокоиться, — ответил Верзила. Потом с неожиданным убеждением: — Вы ведь следили за нами? — И сделал знак бластером, побуждая говорить.

В свете фонаря Верзиле было видно, как Зертейл слегка склонил голову и посмотрел на бластер.

— Ну и что?

Опять тупик.

Верзила сказал:

— Вы шли по боковому проходу. Хотели подобраться к нам сзади...

— Я сказал: ну и что? — Зертейл говорил почти лениво, спокойно, как будто ему нравилось стоять под прицелом бластера. — Но где ваш друг? — продолжал Зертейл. — Где-нибудь поблизости?

— Я знаю, где он. Не беспокойтесь.

— А я беспокоюсь. Позовите его. Ваше радио на местной волне, иначе я бы не слышал вас так хорошо... Не возражаете, если я включу подачу воды? Пить хочется. — Рука его слегка шевельнулась.

— Осторожней, — сказал Верзила.

— Только попью.

Верзила напряженно следил. Он не думал, что с грудной пластины можно привести в действие оружие, но костюм вдруг может ослепительно засверкать или... или что угодно.

Пальцы Зертейла двигались, Верзила стоял в нерешительности; послышались звуки глотания.

— Испугались? — спокойно спросил Зертейл.

Верзила не нашел что ответить.

Зертейл резко сказал:

— Вызывайте его! Вызывайте Старра!

Под действием приказа рука Верзилы дернулась и застыла.

Зертейл рассмеялся.

— К радио потянулись? Нужна далекая связь? Его нет поблизости?

— Ничего подобного! — горячо воскликнул Верзила. Он сгорал от стыда. Этот ядовитый Зертейл умен. Он стоит под прицелом бластера, но выигрывает схватку, становится хозяином положения, а положение самого Верзилы, который не может ни выстрелить, ни опустить бластер, становится все невыносимее.

Его грызла мысль: а почему бы не выстрелить?

Но он знал, что не сделает этого. Не сможет объяснить причину. А если и сможет, насильственная смерть человека сенатора Свенсона принесет Совету Науки огромные неприятности. И Дэвиду тоже!

Если бы только Счастливчик был здесь...

Он так сильно этого хотел, что сердце его дрогнуло, когда луч фонаря Зертейла сместился и осветил что-то сзади. Он услышал слова Зертейла:

— Нет, я ошибался, а вы были правы. Вот он идет.

Верзила повернулся.

— Дэвид...

В обычном состоянии Верзила дождался бы, пока товарищ подойдет к нему, положит руку ему на плечо, но он не был в обычном состоянии. Его положение становилось невыносимым, желание вырваться из него победило.

Он успел только вскрикнуть «Дэвид» и упал от удара тела, вдвое более тяжелого, чем его собственное.

Он еще удерживал бластер, но его били по руке, сильные пальцы выкручивали ее. Дыхание Верзилы прервалось, мысли запутались от неожиданности нападения, бластер отлетел в сторону.

Груз с него спал, Верзила встал: над ним возвышался Зертейл, и Верзила смотрел в ствол своего бластера.

— У меня есть собственный, — мрачно сказал Зертейл, — но я лучше воспользуюсь вашим. Не двигайтесь. Оставайтесь на месте. На четвереньки! Вот так.

Никогда в жизни Верзила так не ненавидел себя. Чтобы его так одурачили! Он заслуживает смерти. Лучше умереть, чем смотреть Старру в лицо и говорить:

«Он посмотрел за меня и сказал, что ты идешь, поэтому я повернулся...»

Напряженным голосом он сказал:

— Стреляйте, если сможете. Стреляйте, и Старр вас найдет и проследит, чтобы остаток жизни вы провели прикованным к самому маленькому и холодному астероиду-тюрьме.

— Старр проследит? А где он?

— Найдите.

— И найду, потому что вы мне скажете, где он. И скажете сначала, зачем он пошел в шахты. Что он тут делал?

— Искал сирианцев. Вы сами слышали.

— Искал кометный газ, — проворчал Зертейл. — Этот старый придурок Певерейл может болтать о сирианцах, но ваш друг в это не верит. Если у него есть мозги в голове. Он пришел сюда по другой причине. Говорите.

— Зачем мне это?

— Чтобы спасти свою жалкую жизнь.

— Для меня эта причина недостаточна, — сказал Верзила, встал и сделал шаг вперед.

Зертейл отступал, пока не прижался спиной к стене туннеля.

— Еще один шаг, и я с удовольствием вас сожгу. Мне, в сущности, не очень нужны эти сведения. Потребуется время, но немного. Если я потрачу на вас больше пяти минут, это уже напрасные затраты. А теперь я скажу вам, что хочу. Может, поймете, что вы и ваш надутый герой Старр — ничтожества. Ни на что не годитесь, кроме трюков с силовым ножом против невооруженного человека.

Верзила мрачно подумал: «Вот что гложет этого подонка. Я выставил его болваном перед всеми, и он хочет отомстить».

— Если собираетесь болтать и дальше, — презрительно сказал он, — лучше стреляйте. Лучше умереть от бластера, чем быть заговоренным насмерть.

— Не торопись, малыш, не торопись. Прежде всего, сена-

тор Свенсон уничтожит Совет Науки. Вы в этом деле лишь деталь, и ничтожная. Ваш друг Старр — другая деталь, и тоже не очень большая. А уничтожение Совета осуществляю я. Мы отправим Совет куда следует. Люди Земли узнают, что он поражен коррупцией, что его чиновники тратят зря деньги налогоплательщиков и набивают собственные карманы...

— Это грязная ложь! — прервал Верзила.

— Пусть люди сами решают. Как только мы разоблачим лживую пропаганду Совета, все призадумаются.

— Попробуйте!

— Обязательно попробуем. И выиграем. А вот и доказательство номер один: вы двое в шахтах. Я знаю, зачем вы здесь. Сирианцы! Ха! Либо Старр заставил Певерейла придумать эту историю, либо воспользовался ею. Я вам скажу, что вы тут собирались делать. Изображать сирианцев. Вы собираетесь устроить тут сирианский лагерь, а потом всем показать. «Я в одиночку их изгнал, — скажет Старр. — Я Дэвид Старр, великий герой». Субэфир сделает из этого грандиозное шоу, и Совет украдкой отменит проект «Свет». Все, что нужно, из него уже выдоили. Но не получится, потому что я поймаю Старра на месте преступления и раздавлю его, и Совет тоже.

Верзила дрожал от ярости. Ему хотелось голыми руками разорвать Зертейла, но он умудрился сдержаться. Он знал, почему Зертейл так говорит. Потому что, в сущности, ничего не знает. Он просто старается больше выведать.

Верзила негромко заговорил, пытаясь перехватить инициативу.

— Знаешь, гнусный подонок, если бы тебя кто-нибудь проткнул и выпустил кометный газ, всем была бы видна твоя крошечная душонка. И как только все это увидят, ты станешь мешком грязной кожи.

Зертейл заорал:

— Хватит!..

Но Верзила своим высоким голосом перекрыл его:

— Стреляй, подлый пират. Уже за столом ты показал себя подлецом. Встань как мужчина с мужчиной, с голыми кулаками, и снова окажешься низким подлецом, хоть ты и раздулся, как жаба.

Верзила напрягся. Пусть Зертейл рассердится еще сильнее. Пусть действует в порыве. Тогда у Верзилы будет шанс. Смерть возможна, но шанс остается.

Но Зертейл, казалось, успокоился и стал еще холоднее.

— Если не будешь говорить, я тебя убью. А со мной ничего не случится. Я скажу, что это была самозащита.

— Со Счастливчиком это не пройдет.

— У него будут свои неприятности. Когда я с ним закончу, его мнение ничего не будет стоить. — Зертейл держал бластер недрогнувшей рукой. — Хочешь попробовать убежать?

— От тебя?

— Как хочешь, — холодно сказал Зертейл.

Верзила молча ждал, рука Зертейла застыла, голова чуть отклонилась, будто он целился, хотя на таком расстоянии невозможно было промахнуться.

Верзила считал мгновения, стараясь решить, когда сделать отчаянный прыжок, как сделал Счастливчик, когда в него прицелился Майндс. Но тут второго участника, который занялся бы Зертейлом, как сам Верзила занялся Майндсом, нет. И Зертейл — не обезумевший, охваченный паникой Майндс.

Мышцы Верзилы напряглись для последнего прыжка. Но он не думал, что проживет следующие пять секунд.

9. ТЬМА И СВЕТ

Верзила напряг все тело, мышцы его ног едва не дрожали от напряжения перед прыжком, но тут в его ушах раздался хриплый, удивленный крик.

Они стояли в темном сером мире, с лучами фонарей, устремленными друг на друга. За лучами не было ничего, и поэтому неожиданное движение какого-то комка, пересекшего луч света, не имело смысла.

Первой реакцией, первой мыслью Верзилы было: «Счастливчик! Он вернулся? Овладел ситуацией, перехватил инициативу?»

Но тут снова что-то шевельнулось, и мысль о товарище исчезла.

Как будто высвободилась часть скальной стены и медленно начала опускаться в слабом меркурианском поле тяготения.

Нечто, похожее на каменную веревку, почему-то подвижную, коснулось плеча Зертейла — и прицепилось к нему. Еще одна такая веревка обвила его вокруг пояса. Еще одна медленно спускалась вниз в мире нереальных медлительных движе-

ний. Конец ее коснулся груди Зертейла и его руки, и рука тут же прижалась к груди. Как будто эта медлительная и, по-видимому, хрупкая скала обладала силой боа-констриктора.

Если вначале Зертейл только удивился, то теперь в его голосе звучал ужас.

— Холодные, — прохрипел он. — Они холодные.

Верзила с трудом осмысливал новую ситуацию. Кусок скалы зажал руку Зертейла. И вместе с ней рукоять бластера.

Спускалась еще одна веревка. Эти веревки настолько сливались со скалами, что становились видны, только когда начинали двигаться.

Они были соединены друг с другом, как единый организм, но центра, ядра, «тела» не было. Словно каменный осьминог, состоящий только из щупалец.

Мысли бешено мчались в мозгу Верзилы.

Мелькнула мысль о том, как в течение бесконечных лет эволюции на Меркурии зародилась жизнь в скалах. Жизнь, совершенно отличная от земного типа. Жизнь, питающаяся теплом.

Почему бы и нет? Щупальца переползают с места на место, отыскивая тепло. Верзила представил себе, как они сползались к Северному полюсу Меркурия, когда здесь впервые появились люди. Вначале шахты, потом обсерватория дали нескончаемый поток тепла.

Люди тоже могут быть их добычей. А почему нет? Человек — это источник тепла. Изредка они могли захватить одинокого шахтера. Парализованный неожиданным холодом и страхом, он не успевал позвать на помощь. А чуть погодя источник питания был уже настолько истощен, что радио не срабатывало, позвать на помощь становилось невозможно. А еще позже шахтер погибал, превращаясь в замороженный реликт.

Рассказ Кука о смерти в шахтах приобретал смысл.

Все это почти мгновенно промелькнуло в мозгу Верзилы, пока он неподвижно стоял, пораженный поворотом событий.

Голос Зертейла превратился в среднее между стоном и хрипом:

— Я... не могу... помоги... помоги... какой холод... холодно...

Верзила крикнул:

— Держись! Я иду!

Мгновенно исчезли все мысли о том, что этот человек враг, что только что он собирался хладнокровно убить Верзилу. Маленький марсианин знал только одно: перед ним человек, беспомощный, схваченный чем-то нечеловеческим.

С тех пор как человек впервые оторвался от Земли и оказался в полном опасностей и загадок космосе, выработался строгий неписаный закон. Человеческая вражда забывается, когда перед человеком общий враг — нечеловеческие силы других миров.

Может быть, не все подчинялись этому закону, но Верзила подчинялся.

Он мгновенно оказался рядом с Зертейлом и схватил его за руку.

Зертейл пробормотал:

— Помоги...

Верзила ухватился за бластер, стараясь не касаться щупальца, которое обвивало сжатый кулак Зертейла. Почти отчужденно Верзила заметил, что щупальце сгибается не гладко, не так, как змея. Оно сгибается секциями, как будто состоит из множества соединенных сегментов.

Пытаясь ухватиться за костюм Зертейла, Верзила другой рукой случайно коснулся щупальца и мгновенно отпрянул. Холод как копьем пронзил руку, она отчаянно заныла.

Как бы это существо ни выкачивало тепло, Верзила ничего об этом не слышал.

Он отчаянно тянул на себя бластер. И не сразу заметил чуждое прикосновение к спине; на него навалился ледяной холод — и не уходил. Он попытался отпрыгнуть и обнаружил, что не может. Щупальце обхватило его.

Двое людей будто срослись, так тесно их прижало друг к другу.

Физическая боль от холода росла, Верзила, как безумный, рвал бластер.

Он вздрогнул от еле слышного голоса Зертейла:

— Бесполезно...

Зертейл пошатнулся и в слабом поле тяготения Меркурия медленно повалился, таща за собой Верзилу.

Тело Верзилы онемело. Оно теряло способность ощущать. Он почти не понимал, держит ли по-прежнему рукоять бластера.

Свет фонаря тускнел: тесно сжимающие веревки продолжали выкачивать энергию.

Холодная смерть была совсем рядом.

Дэвид, оставив Верзилу в шахтах Меркурия и переодевшись в изолирующий костюм в ангаре, где стоял «Метеор», вышел на поверхность Меркурия и повернулся в сторону «белого призрака Солнца».

Несколько минут он стоял неподвижно, разглядывая молочное свечение солнечной короны.

При этом он машинально одну за другой разминал мышцы. Изолирующий костюм более гибок, чем обычный космический. И гораздо легче. Поэтому создавалось впечатление, что его вообще нет. В безвоздушном пространстве это производит не очень приятное впечатление, но Дэвид отбросил всякое беспокойство и принялся осматривать небо.

Звезды были такими же яркими и многочисленными, как в открытом космосе, и он не обращал на них внимания. Ему нужно было что-то другое. Уже прошло два дня по стандартному земному времени, как он не видел неба. За два дня Меркурий проделал сорок четвертую часть своего пути по околосолнечной орбите. Это значит, что примерно восемь градусов неба появилось на востоке и восемь градусов скрылось на западе. Значит, можно увидеть новые звезды.

И новые планеты. За этот промежуток должны были подняться над горизонтом Венера и Земля.

Вот и они. Венера выше, алмазно-яркая в белом свете, намного ярче, чем видимая с Земли. С Земли на Венеру смотреть неудобно. Она находится между Землей и Солнцем, и, когда Венера и Земля сближаются, с Земли видно только ее темную сторону. С Меркурия же Венера видна полностью.

В этот момент Венера находилась в тридцати трех миллионах миль от Меркурия. Но в самом близком положении она подходит примерно на двадцать миллионов миль, и тогда невооруженным глазом можно рассмотреть ее диск.

Но и сейчас свет ее соперничал со светом короны, и, глядя на поверхность, Счастливчик подумал, что видит двойную тень от своих ног: одну, расплывчатую, отбрасывает корона, другую, четкую, — Венера. Он подумал, что при некоторых обстоятельствах тень могла бы быть тройной, третью отбрасывает Земля.

Он без труда отыскал и Землю. Она находилась ближе к горизонту, и хотя была ярче всех звезд, все же выглядела бледной по сравнению с великолепной Венерой. Более далекое Солнце меньше освещает ее; к тому же на ней меньше облаков, и потому она отражает меньше света. И наконец, она вдвое дальше от Меркурия, чем Венера.

Но в одном отношении она несравненно интереснее. Если Венера чисто белая, то свет Земли синевато-зеленый.

И больше того, на самом горизонте виднелся маленький желтый огонек Луны. Вместе Луна и Земля представляют собой уникальное зрелище на небе всех планет внутри орбиты Юпитера. Двойная планета, два огня торжественно плывут рядом, меньший обходит больший, и с поверхности планет это кажется колебаниями из стороны в сторону.

Дэвид смотрел на это зрелище, вероятно, дольше, чем следовало бы, но ничего не мог с собой поделать. Условия работы часто уносили его далеко от родной планеты, но от этого она не становилась для него менее дорогой. Квадриллионы людей, расселившихся по всей Галактике, происходят с Земли. Почти всю историю человечества Земля оставалась его единственным домом. Какой человек может без эмоций смотреть на огонек Земли?

Счастливчик отвел взгляд, покачал головой. Его ждет работа.

Он решительно зашагал в сторону света короны, скользя над поверхностью, что позволяла низкая сила тяжести, внимательно глядя на поверхность перед собой, чтобы видеть все неровности.

Он понятия не имел, что найдет. У него была лишь смутная догадка, не подкрепленная фактами. Дэвид страшно боялся обсуждать такие догадки, которые, в сущности, были всего лишь интуицией. Он даже не хотел о них очень долго думать. Слишком опасно привыкнуть к этой мысли, начать считать ее доказанной истиной, закрыть мозг перед другими возможностями.

Он видел, как это происходит с вспыльчивым, доверчивым, всегда готовым действовать Верзилой. Видел не раз, как самые смутные предположения тут же становились аксиомами в сознании Верзилы...

Он ласково улыбнулся, вспомнив о малыше. Он неразумен, легко утрачивает хладнокровие, но это верный и бесстрашный друг. Дэвид предпочел бы иметь рядом с собой Верзилу, чем целый флот боевых космических кораблей с экипажами из гигантов.

Ему не хватало марсианина с его гномьим лицом, когда он

скользил по поверхности Меркурия, и отчасти чтобы отогнать это чувство, Старр снова принялся размышлять над своей проблемой.

Беда в том, что слишком много противоречий.

Во-первых, существует Майндс, нервный, неуравновешенный, неуверенный в себе. Так ведь и осталось непонятным, насколько его неожиданное нападение на Старра — результат приступа безумия, насколько это заранее рассчитанное действие. Далее Гардома, друг Майндса. Идеалист ли это, захваченный перспективами проекта «Свет», или он с Майндсом по чисто практическим расчетам? И если это так, то каковы эти расчеты?

Целый ворох неприятностей представляет собой Зертейл. Он намерен уничтожить Совет, и главная цель его нападения — Майндс. Но его высокомерие сразу отталкивает всех встречных. Майндс, конечно, ненавидит и его, и Гардому. Доктор Певерейл тоже, но выражает это гораздо сдержаннее. Он даже не захотел говорить с ним об этом человеке.

На банкете Кук тоже уклонялся от разговоров с Зертейлом, даже не смотрел в его сторону. Хотел ли он просто избежать острого языка Зертейла, или у него были другие причины?

Кук не уважает Певерейла. Стыдится его одержимости сирианцами.

И остается еще один вопрос, на который нужно найти ответ. Кто разрезал его костюм?

Слишком много факторов. У Старра была мысль, объединяющая их, но слишком тонкая это ниточка. И опять же он старался о ней не думать. Его мозг должен оставаться открытым.

Поверхность поднималась, и он автоматически приспособился к этому. И настолько задумался, что зрелище, которое он увидел, преодолев небольшой подъем, застало его врасплох.

Самый край Солнца показался над неровным горизонтом, вернее, даже не край. Только протуберанцы.

Они были ярко-красными, и один из них, в самом центре, состоял из вихрей, медленно разворачивавшихся над поверхностью.

Резко выделявшееся на фоне скал Меркурия, не затуманенное атмосферой, не закрытое пылью, это было зрелище невероятной красоты. Языки пламени, казалось, вырастают из

темной поверхности Меркурия, как будто на горизонте неожиданно проснулся гигантский вулкан.

Но Дэвид знал, что такого не может быть. Центральный протуберанец так велик, что способен поглотить сотню Земель или пять тысяч Меркуриев. Он горит атомным пламенем, озаряя все вокруг.

Счастливчик выключил фонарь.

Поверхность скал, обращенная к протуберанцам, была залита красноватым светом, остальные скалы оставались черными, как уголь. Как будто кто-то закрасил бездонную пропасть полосками красного цвета. И правда это «красный призрак Солнца».

Тень от руки Дэвида на груди была абсолютно черной. Поверхность стала предательской, из-за своеобразного освещения труднее было рассчитывать расстояние.

Он снова включил фонарь и двинулся в сторону протуберанцев над поверхностью Меркурия. За каждую пройденную им милю Солнце поднималось над горизонтом на шесть минут.

Это значит, что меньше чем через милю он увидит само Солнце и окажется на солнечной стороне Меркурия.

Счастливчик не мог знать, что в эту минуту Верзила находится на пороге гибели от замерзания. Глядя на солнечную сторону, он думал только об одном: тут опасность, тут суть проблемы и тут же ее решение.

10. СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

Теперь стало видно больше протуберанцев. Их красный цвет стал ярче. Корона не исчезла (не было атмосферы, которая могла бы рассеять ее свет), но теперь она не казалась такой внушительной. По-прежнему видны были звезды; Старр знал, что они будут видны и при Солнце, но кто теперь на них обратит внимание?

Дэвид быстро продвигался вперед; такую скорость он мог выдерживать часами, не уставая. Он чувствовал, что при необходимости мог бы продвигаться с такой скоростью и при земном тяготении.

И вдруг — без предупреждения, без свечения неба, без всякого атмосферного намека — появилось Солнце!

Вернее, ниточка Солнца толщиной в волос. Невыносимо светлая линия в разрыве скал на горизонте, как будто небесный художник проложил по краю скалы ослепительно белый мазок.

Старр оглянулся. На неровной поверхности за ним попрежнему лежали пятна красного цвета. Но у его ног белела полоска: какие-то кристаллы уловили и отразили солнечный свет.

Он снова двинулся вперед, и светлая линия впереди превратилась в пятнышко, которое продолжало увеличиваться.

Теперь отчетливо стал виден край Солнца, приподнятый над горизонтом в центре и мягко уходящий за горизонт по обе стороны. Дуга необыкновенно пологая для человека, привыкшего к кривизне Солнца, видимой с Земли.

И Солнце не затмевало протуберанцы, которые поднимались с него, как извивающиеся волосы-змеи. Протуберанцы, конечно, покрывают все Солнце, но видны только на краю. На поверхности они теряются в его блеске.

А вокруг корона.

Дэвид порадовался тому, как устроена лицевая пластина его костюма.

Незащищенный глаз навсегда ослеп бы при одном взгляде на край Солнца с поверхности Меркурия. Видимый свет сам по себе опасен, но главное — жесткое ультрафиолетовое излучение, которое не задерживает атмосфера, именно оно погубит зрение... и саму жизнь.

Но лицевая пластина устроена так, что чем ярче прямой свет, падающий на нее, тем менее она прозрачна. Ничтожная часть процента солнечного освещения проходит через пластину, и поэтому глаза без всякой опасности, почти без неудобств смотрят прямо на Солнце. И в то же время свет короны и звезд проходит, не ослабев.

Изолирующий костюм защищал его и в других отношениях. Он был пропитан свинцом и висмутом, немного, не настолько, чтобы сильно увеличить вес, но достаточно, чтобы отразить ультрафиолетовое и рентгеновское излучение Солнца. Костюм был заряжен положительно и способен отразить большую часть космических лучей. Ведь космические лучи в основном состоят из положительно заряженных позитронов, а одинаковые заряды отталкиваются друг от друга.

И, конечно, костюм защищал от жары не только благодаря изоляции, но и из-за зеркальной отражающей поверхности, молекулярного слоя псевдожидкости, который можно активировать простым прикосновением к приборам управления.

Как задумаешься над преимуществами изолирующего костюма, подумал Дэвид, пожалеешь, что это не стандартный костюм для всех обстоятельств. К сожалению, вспомнил он, в костюме мало металла, и это делает его недостаточно прочным; его можно использовать лишь там, где главная опасность — жара и излучение.

Теперь Старр на милю углубился на солнечную сторону и почувствовал необыкновенную жару.

Это его не удивило. Для домоседа, знающего о космосе только по субэфирным триллерам, солнечная сторона всякой лишенной атмосферы планеты — сплошная неменяющаяся жаркая масса.

Но это слишком упрощенное представление. Все зависит от того, насколько высоко стоит в небе Солнце. В этой точке Меркурия, например, где Солнце поднимается над горизонтом лишь частично, сравнительно мало тепла достигает поверхности и распространяется по обширной территории, потому что лучи идут почти горизонтально.

«Погода» меняется, когда начинаешь углубляться в солнечную сторону, и наконец, когда добредешь до районов, где Солнце высоко в небе, все как в субэфирном шоу.

К тому же всегда есть тени. В отсутствие воздуха свет и тепло распространяются по прямой линии. И не достигают затененной поверхности; доходит только небольшая часть, отраженная соседней освещенной поверхностью. В тени поэтому морозный холод и угольная чернота, хотя горячее Солнце высоко над головой.

Счастливчик все больше внимания уделял этим теням. Вначале, когда показался только верхний край Солнца, вся поверхность оставалась в тени, освещены были только отдельные участки. Но по мере того как Солнце поднималось все выше и выше, свет распространялся и тени становились отчетливее за камнями и утесами.

Один раз Дэвид специально углубился в тень от скалы длиной в сотню ярдов и как будто снова оказался на темной стороне. Солнечная жара, которую он в костюме почти не ощу-

щал, стала заметной по контрасту в тени. Вокруг вся поверхность была ярко освещена Солнцем, но в тени приходилось снова внимательно смотреть под ноги.

Старр не мог не заметить отличие поверхности в тени от освещенной. Потому что солнечная сторона Меркурия все-таки имела что-то вроде атмосферы. Не в земном смысле, не азот, кислород, двуокись углерода или водяные пары — ничего подобного. На солнечной стороне кое-где кипит ртуть. Сера становится жидкой, многие летучие элементы тоже. Их пары и составляют атмосферу перегретой стороны Меркурия. В тени эти пары замерзают.

Все это промелькнуло в голове Дэвида, когда он провел пальцами в перчатке по поверхности скалы в тени, и на пальцах появился налет замерзшей ртути, сверкающий в свете фонаря. Когда он вышел на Солнце, налет тут же превратился в капли жидкости, которые постепенно испарились.

Солнце становилось все жарче. Но это не беспокоило Счастливчика. Даже если станет слишком жарко, он всегда может укрыться в тени и охладиться.

Более опасно коротковолновое излучение. Но Дэвид сомневался, чтобы кратковременное облучение представляло опасность. Рабочие на Меркурии боятся радиации, потому что постоянно подвергаются ей в небольших количествах. Старр вспомнил подчеркнутое Майндсом наблюдение: саботажник необычно долгое время оставался на солнце. Естественно, это насторожило Майндса. Когда постоянно подвергаешься облучению, глупо удлинять выдержку. Но в его случае выдержка будет кратковременной — по крайней мере он на это надеялся.

Дэвид двигался по темным пятнам, мрачно выделявшимся на фоне обычно красноватой поверхности Меркурия. Красноватый оттенок вполне объясним. Похоже на почву Марса — смесь силикатов с добавкой окиси железа, что и придает почве красноватый оттенок.

Черные места были для Старра намного интересней. В этих местах поверхность была более горячей, так как черный цвет поглощает больше солнечного тепла. Счастливчик на ходу наклонился и обнаружил, что в темных местах поверхность скорее рыхлая, чем жесткая. На перчатках остались черные следы. Он присмотрелся к ним. Возможно, графит или сульфид железа или серы. Возможно множество вариантов, но он готов был поручиться, что сульфид железа тут присутствует.

Наконец он остановился в тени скалы и осмотрелся. За полтора часа, по его оценке, он прошел около пятнадцати миль, судя по тому, что Солнце почти полностью поднялось над горизонтом (впрочем, в этот момент его больше занимала питательная жидкость, чем оценка пройденного расстояния).

Где-то слева находятся кабели проекта «Свет». Где-то справа другие кабели. Их точное расположение неважно. Они покрывают сотни квадратных миль, и глупо было бы бродить по ним, ища саботажника.

Майндс пытался это сделать наугад и потерпел поражение. Если тот объект, что он видел, действительно был саботажником, его предупредили бы из Купола. Майндс не скрывал, что собирается на солнечную сторону.

Старр, наоборот, скрыл. Он надеялся, что предупреждения не будет.

И у него есть средство, которым не располагал Майндс. Дэвид достал из сумки маленький эргометр. Подержал его в ладони, подставляя солнечному свету.

Включенный, прибор мгновенно ярко вспыхнул. Счастливчик улыбнулся и отрегулировал его так, чтобы он не реагировал на солнечный свет. На коротковолновую солнечную радиацию.

Прямоугольник потускнел.

Старр вышел на солнце и стал терпеливо направлять прибор во все стороны. Есть ли здесь иной источник радиации, помимо Солнца? Он, конечно, обнаружил направление на Купол, и свечение усилилось, когда он наклонил прибор в этом направлении к поверхности. Энергетическая установка Купола находилась почти в миле под поверхностью, и на том месте, где он стоял, максимальная яркость достигалась при наклоне в двадцать градусов.

Он медленно поворачивался, осторожно держа эргометр двумя пальцами, чтобы непрозрачный материал костюма не задерживал сигнальное излучение. Повернулся вторично, в третий раз.

Как будто в одном направлении прибор чуть засветился — трудно сказать точно. Может, ему просто показалось.

Он попробовал снова.

На этот раз ошибки быть не могло!

Счастливчик посмотрел в том направлении, откуда появилось свечение, и двинулся туда. Он не скрывал от себя, что, возможно, идет просто в сторону кармана радиоактивной руды.

Примерно через милю он увидел один из кабелей Майндса.

Это был не одиночный кабель, а скорее целая сеть, наполовину погруженная в грунт. Он прошел вдоль нее несколько сотен ярдов и наткнулся на квадратную металлическую плиту со стороной примерно в четыре фута и с тщательно отполированной поверхностью. В ней, как в чистой воде, отражались звезды.

Несомненно, подумал Дэвид, если правильно расположиться, увидишь в ней отражение Солнца. Он заметил, что плита меняет угол наклона, становясь то горизонтальней, то вертикальней. Он отвел взгляд, чтобы проверить, приспосабливается ли она к положению Солнца.

Снова взглянув на плиту, он поразился. Зеркальная поверхность больше не была зеркальной. Она стала тускло-черной, настолько матовой, что все Солнце Меркурия, казалось, не было способно осветить ее.

У него на глазах тусклая побежалость плиты дрогнула, разорвалась на осколки.

И поверхность снова стала чистой.

Он понаблюдал еще за тремя циклами, при этом пластина поднималась все более и более вертикально. Вначале необыкновенно чистое отражение, затем его полное отсутствие. В неотражающем состоянии, понял Старр, свет поглощается; в остальное время отражается. Смена фаз может быть регулярной, а может и сознательно неправильной. Он не мог задерживаться, чтобы наблюдать дальше; сомнительно, что его познаний в гипероптике было достаточно, чтобы разобраться в устройстве.

Вероятно, сотни или тысячи таких квадратов, связанных кабелями и получающих энергию из установки под Куполом, поглощают и отражают свет под разными углами к Солнцу. И, вероятно, эта управляемая энергия перебрасывается через гиперпространство.

И, вероятно, разорванные кабели и разбитые пластины мешают установке функционировать нормально.

Он снова взглянул на эргометр. Тот светился гораздо ярче, и Дэвид снова двинулся в направлении свечения.

Все ярче и ярче! То, за чем он следует, меняет свое расположение. Источник гамма-лучей не закреплен неподвижно на поверхности Меркурия.

Значит, это не просто выход радиоактивной руды. Что-то подвижное. Для Старра это означало человека или что-то, созданное человеком.

Счастливчик заметил вдалеке движущуюся точку на светлом фоне. Это произошло после долгого перехода под открытым Солнцем, когда он уже собирался встать в тень ближайшей скалы и немного охладиться.

Вместо этого он пошел быстрее. Температуру снаружи он оценивал примерно на уровне кипения воды. Внутри костюма, к счастью, она была значительно ниже.

Он мрачно подумал, что если бы Солнце стояло над головой, а не на горизонте, даже этот костюм оказался бы бесполезным.

Фигура не обращала на него внимания. Она продолжала двигаться своей дорогой, и походка ее свидетельствовала, что она не так легко справляется с местным тяготением, как Дэвид. Ее походку можно было охарактеризовать почти как хромоту. Но фигура двигалась с большой скоростью. Пожирала расстояние.

Изолирующего костюма на ней не было. Даже с большого расстояния Дэвиду было ясно, что поверхность фигуры — сплошной металл.

Старр ненадолго задержался в тени скалы, но заставил себя выйти на солнце, не успев охладиться.

Фигуру жара, казалось, не беспокоила. За все это время она ни разу не пряталась в тени, хотя много раз была в нескольких шагах от нее.

Счастливчик задумчиво кивнул. Все совпадает.

Он пошел быстрее. Жара стала почти осязаемой на ощупь. Но теперь уже скоро.

Он отказался от своей привычной легкой походки. Все силы вкладывал в огромные пятнадцатифутовые прыжки.

Он закричал:

— Эй! Эй ты! Повернись!

Произнес он это повелительно, надеясь, что его радиосигнал будет получен и ему не придется переходить на язык жестов.

Фигура медленно повернулась, и ноздри Старра раздулись в холодном удовлетворении. Пока все так, как он думал: фигура не человек, это вообще не живое существо!

11. САБОТАЖНИК!

Фигура была высокой, выше Счастливчика. Почти семи футов ростом и соответственно широка в плечах. Повсюду сверкающий металл, ярко отражающий лучи Солнца, черный там, куда лучи не падали.

Но под этим металлом не было ни плоти, ни крови, только металл, провода, трубки, микрореактор, дающий энергию и производящий гамма-лучи, которые засек Дэвид с помощью своего эргометра.

Конечности чудовищно мощные; фигура слегка расставила ноги и смотрела на человека. Вместо глаз у нее были две фотоэлектрические ячейки, светящиеся тускло-красным светом. Рот представлял собой разрез в металле в нижней части лица.

Это был механический человек, робот, и Дэвиду потребовался всего один взгляд, чтобы понять, что робот этот произведен не на Земле. На Земле был изобретен позитронный робот, но таких моделей на ней не делают.

Робот через нерегулярные интервалы открывал и закрывал рот, будто говорил.

Старр сказал:

— Я не воспринимаю звуки в вакууме, робот. — Он сказал это строго, зная, что очень важно сразу же заявить о себе как о человеке и, следовательно, хозяине. — Включи радио.

Робот стоял неподвижно, но голос его зазвучал в приемнике Дэвида жестко и ровно, с неестественной интонацией. Робот сказал:

— Что вы делаете, сэр? Почему вы здесь?

— Не расспрашивай меня! — ответил Счастливчик. — А ты почему здесь?

Робот может говорить только правду. Он сказал:

— Мне приказано уничтожать через определенные промежутки эти предметы.

— Кем приказано?

— Мне приказано не отвечать на этот вопрос.

— Ты сирианского производства?

— Я сооружен на одной из планет Сирианской конфедерации.

Старр нахмурился. Голос робота был очень неприятным. Те немногие земные роботы, которых он видел в лабораториях, были снабжены вполне нормальными и приятными человеческими голосами. Сирианцы могли бы тоже так сделать.

Но тут Счастливчик перешел к решению более неотложных проблем. Он сказал:

— Я должен найти тень. Пойдем со мной.

Робот немедленно ответил:

— Я отведу вас к ближайшей тени.

И быстро пошел, причем его металлические ноги двигались не совсем нормально.

Дэвид пошел за ним. Ему не нужно было указывать, где ближайшая тень; он задержался, чтобы понаблюдать за походкой робота.

То, что на расстоянии казалось неуклюжей походкой, оказалось вблизи самой настоящей хромотой. Хромота и хриплый голос. Такие неполадки в роботе, который кажется механическим чудом.

Старр подумал, что робот может быть не приспособлен к жаре и радиации Меркурия. В результате длительного облучения он испортился, и это было очень опасно. Слишком совершенная вещь, чтобы легко выйти из строя.

Он с восхищением рассматривал машину. Ему было известно, что внутри массивного черепа из хромостали находится яйцеобразная платиново-иридиевая губка размером примерно с человеческий мозг. В ней квадрильоны и квадрильоны позитронов возникают и исчезают в миллионные доли секунды. Возникая и исчезая, они продвигаются по рассчитанным каналам, которые в упрощенном представлении можно сравнить с нервными клетками человеческого мозга.

Инженеры рассчитали эти позитронные каналы, чтобы они служили человеку. И этому же служат три закона роботехники.

Первый закон: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

Второй закон: робот должен повиноваться командам, которые ему дает человек, кроме тех случаев, когда эти команды противоречат Первому закону.

Третий закон: робот должен заботиться о своей безопасности постольку, поскольку это не противоречит Первому и Второму законам.

Дэвид оторвался от своих мыслей, когда робот споткнулся и чуть не упал. Поверхность была ровной, запнуться не за что. Если бы была неровность, ее выдавала бы черная тень. Но робот прервал движение без всякой причины, наклонился в сторону. Помахав в пустоте руками, он вернул себе равновесие. И продолжал двигаться к тени, будто ничего не случилось.

Старр подумал: «Он, несомненно, в плохом состоянии».

Они вместе вступили в тень, и Счастливчик включил свой фонарь.

Он сказал:

— Ты поступаешь неправильно, уничтожая необходимое оборудование. Ты приносишь вред людям.

На лице робота ничего не отразилось, да и не могло отразиться. Не было и эмоций в его голосе. Он ответил:

— Я выполняю приказ.

— Это Второй закон, — строго сказал Старр. — Но ты не можешь выполнять приказы, которые приносят вред человеку. Это нарушение Первого закона.

— Людей я не видел. И никому не причинил вреда.

— Ты причинил вред людям, не видя их. Говорю тебе.

— Я не причинил вреда людям, — упрямо ответил робот, и Дэвид нахмурился при этом неразумном утверждении. Несмотря на сверкающую внешность, возможно, это не самая совершенная модель.

Робот продолжал:

— Мне приказано избегать людей. Меня предупреждали, когда появятся люди, но меня не предупредили насчет вас.

Старр смотрел мимо тени на сверкающий меркурианский ландшафт, преимущественно красноватый либо серый, но в некоторых местах черный: черные пятна часто попадаются в этом районе Меркурия. Он вспомнил, что Майндс дважды видел робота (теперь его рассказ обретает смысл), но терял из виду, когда пытался подойти ближе. К счастью, в его случае скрытность его похода и использование эргометра сработали.

Неожиданно и настойчиво он спросил:

— Кто приказал тебе избегать людей?

Старр не надеялся перехитрить робота. Мозг робота механический, думал он. Его нельзя обмануть или провести; точно

так же невозможно заставить космический костюм передвигаться, просто замкнув контакт.

Робот сказал:

— Мне приказано не отвечать на этот вопрос. — Потом медленно, хрипло, будто произнося слова вопреки своей воле, продолжил: — Я не хочу, чтобы вы задавали такие вопросы. Они меня тревожат.

Дэвид подумал: «Нарушение Первого закона будет еще более тревожащим».

Он сознательно вышел из тени.

И сказал двинувшемуся за ним роботу:

— Какой твой серийный номер?

— РЛ-726.

— Очень хорошо, РЛ-726. Ты понимаешь, что я человек?

— Да.

— Я не оборудован для меркурианской жары и солнца.

— Я тоже, — сказал робот.

— Я это понимаю, — сказал Счастливчик, вспомнив о том, как робот только что чуть не упал. — Тем не менее человек для этого подготовлен гораздо хуже робота. Ты понимаешь это?

— Да.

— А теперь послушай. Я хочу прекратить твои разрушения и хочу, чтобы ты сказал мне, кто тебе приказал их совершать.

— Мне приказано...

— Если ты меня не послушаешься, — громко сказал Дэвид, — я останусь здесь на Солнце, и ты нарушишь Первый закон, допустив, чтобы я погиб, когда ты мог это предотвратить.

Дэвид напряженно ждал. Показания робота не примут ни в каком суде, но он убедится, что идет по правильному следу.

Однако робот ничего не ответил. Он покачнулся. Один глаз его погас (опять неисправность!), потом снова ожил. Послышался какой-то неразборчивый скрип, потом как будто заговорил пьяный:

— Я унесу вас в безопасное место.

— Я буду сопротивляться, — ответил Старр, — и ты вынужден будешь причинить мне вред. А если ответишь на мой вопрос, я вернусь в безопасное место по своей воле, и ты спасешь мою жизнь, никому не причинив вреда.

Молчание.

Дэвид спросил:

— Ты скажешь, кто приказал тебе уничтожать оборудование?

Неожиданно робот двинулся вперед и остановился в двух шагах от человека.

— Я просил вас не задавать этот вопрос.

Его руки поднялись, словно он хотел схватить Старра, но не завершили движение.

Дэвид следил за ним мрачно и без страха. Робот не может причинить вред человеку.

Но вот робот поднял могучую руку и поднес к голове: очень похоже на человека с головной болью.

Головная боль!

Неожиданная мысль появилась у Счастливчика. Великая Галактика! Он был слеп, глупо, преступно слеп!

Не ноги робота не в порядке, не его голос и не глаза. Как они могут пострадать от жары? Поражен позитронный мозг; сколько времени этот нежный позитронный мозг подвергается прямому действию жары и радиации? Месяцы?

Мозг, должно быть, отчасти разрушен.

Если бы робот был человеком, можно было бы сказать, что у него душевная болезнь. Он на пороге безумия.

Безумный робот! Сведенный с ума жарой и радиацией!

А Старр угрожает этому роботу собственной смертью, роботу, который приближается к нему, подняв руки.

Должно быть, дилемма, перед которой поставил его человек, окончательно свела его с ума.

Дэвид осторожно отступил. Он сказал:

— Ты себя хорошо чувствуешь?

Робот ничего не ответил. Он пошел быстрее. Старр подумал: «Если он готов нарушить Первый закон, значит, он на пороге распада. Позитронный мозг должен разделиться на сегменты, чтобы он смог так поступать».

Но, с другой стороны, робот продержался несколько месяцев. Может еще немало выдержать.

Он спросил:

— У тебя болит голова?

— Болит? — переспросил робот. — Я не понимаю смысла этого слова.

Дэвид сказал:

— Мне жарко. Давай вернемся в тень.

Больше никаких разговоров о смерти от жары. Он повернулся и почти побежал.

Робот хрипло сказал:

— Мне было приказано предотвращать всякие помехи в исполнении приказов.

Старр протянул руку к бластеру и вздохнул. Какая жалость, если ему придется уничтожить робота. Великолепное достижение науки, и Совету было бы полезно с ним ознакомиться. А если его уничтожить, то никакой информации не получишь.

Дэвид сказал:

— Остановись.

Рука робота сдвинулась, и Счастливчик едва увернулся боковым прыжком, воспользовавшись слабым тяготением Меркурия.

Если бы он смог добраться до тени, если бы робот последовал за ним туда...

Может, холод приведет в порядок позитронный мозг. К роботу вернется разум, и Дэвиду не понадобится уничтожать его.

Он снова увернулся, и робот снова пролетел мимо, его металлические ноги подняли тучу черной пыли, которая на Меркурии сразу оседает, потому что здесь нет атмосферы, в которой пыль могла бы повиснуть. Удивительная охота, человек и робот двигались в абсолютной тишине вакуума.

Счастливчик почувствовал уверенность. Движения робота становились все более неровными. Контроль за механизмами рук и ног ослабевал.

Но робот явно пытался отогнать его от тени. Он несомненно и определенно пытался убить его.

А Дэвид по-прежнему не мог заставить себя воспользоваться бластером.

Он остановился. Робот тоже. Они стояли лицом друг к другу в пяти футах, под ногами черная полоска сульфида железа. Чернота делала жару еще большей, и Счастливчик почувствовал приближение обморока.

Робот мрачно возвышался между ним и тенью.

Дэвид сказал:

— Прочь с дороги.

Говорить было трудно.

Робот ответил:

— Мне приказано было устранять всякие помехи при исполнении приказов. Вы мне мешаете.

У Старра не оставалось выхода. Он неверно рассчитал. Ему никогда не приходило в голову усомниться в устойчивости

Трех законов при любых обстоятельствах. Слишком поздно понял он правду, и неверный расчет привел его к опасности для собственной жизни и необходимости уничтожения робота.

Он печально поднял бластер.

И почти сразу же понял, что совершил и вторую ошибку. Он слишком долго ждал, и накопившаяся жара и радиация сделали его тело такой же поврежденной машиной, как робот. Рука его поднималась неуверенно, охваченному смятением мозгу робот показался вдвое большим.

Робот превратился в движущееся пятно, и на этот раз он не сумел увернуться. Бластер вырвался из его руки и отлетел в сторону. Руку человека плотно захватила металлическая рука.

Даже в самых благоприятных обстоятельствах Старр не смог бы сопротивляться стальным мышцам механического человека. И ни один человек не смог бы. Он чувствовал, как исчезает всякая способность к сопротивлению. Он ощущал только жару.

Робот сжал его сильнее, сгибая, словно тряпичную куклу. Он смутно вспомнил о структурной непрочности изолирующего костюма. Обычный космический костюм защитил бы его даже от силы робота.

Счастливчик беспомощно махал свободной рукой, пальцы его цеплялись за черную пыль.

В мозгу его промелькнула мысль. Он отчаянно напрягал мышцы в последней попытке спастись от неизбежной гибели от рук обезумевшего робота.

12. ПРЕЛЮДИЯ К ДУЭЛИ

Опасность, которой подвергался Старр, была прямо противоположной той, через которую прошел Верзила несколько часов назад. Верзиле угрожала не жара, а растущий холод. Каменные «веревки» держали его так же крепко, как Дэвида — руки металлического робота. В одном отношении все же положение Верзилы было лучше.

Бластер постепенно поддавался. Он высвободился так неожиданно, что онемевшие пальцы Верзилы чуть не выронили его.

— Пески Марса! — пробормотал он и удержал бластер.

Если бы он знал, где уязвимое место у этих щупалец, если

бы только можно было отсечь щупальца, не задев ни себя, ни Зертейла, проблема была бы простой. А так у него оставался только один выход, и не из лучших.

Его большой палец неуклюже давил на ручку, опуская рычажок все ниже и ниже. Верзиле все сильнее хотелось спать, это дурной признак. Уже с минуту Зертейл не подавал никаких признаков жизни.

Верзила поставил бластер на минимум. Еще одно: он должен активировать его, не выронив.

Великий Космос! Нельзя выронить бластер!

Указательный палец коснулся нужного места и нажал.

Бластер нагрелся. Верзила видел тускло-красное свечение решетки на стволе. Бластер не был приспособлен для работы в качестве нагревателя и скоро выйдет из строя, но к космосу это!

Изо всех оставшихся сил Верзила швырнул бластер как можно дальше.

Ему показалось, что все вокруг зашаталось, он находился на грани потери сознания.

И тут он почувствовал тепло, заработал нагреватель костюма, и Верзила слабо вскрикнул от радости. Это ничтожное тепло показывало, что его больше не отсасывают поглощающие тепло щупальца.

Верзила пошевелил руками. Поднял ногу. Свободно. Щупальца исчезли.

Ярче загорелся фонарь, и Верзила ясно увидел место, куда отбросил бластер. Место, но не сам бластер. На его месте медленно шевелилась масса серых переплетающихся щупалец.

Дрожащими руками Верзила схватил бластер Зертейла, настроил его на минимум и бросил к первому. Это удержит существа, если энергия первого бластера иссякнет.

Верзила настойчиво спросил:

— Эй, Зертейл, вы меня слышите?

Ответа не было.

Изо всех сил Верзила оттолкнул от себя одетую в космический костюм фигуру. Загорелся фонарь Зертейла, начал действовать обогреватель его костюма. Значит, он не совсем еще пуст. Температура внутри костюма быстро вернется к норме.

Верзила вызвал Купол. Другого решения не было: в их состоянии, с истощенным запасом энергии следующая встреча с

меркурианской жизнью окажется смертельной. Как-нибудь он сохранит в тайне местонахождение Старра.

К счастью, их отыскали поразительно быстро.

После двух чашек кофе и горячего обеда, в тепле и свете Купола выносливые мозг и тело Верзилы быстро поместили перенесенный ужас в соответствующую ячейку памяти. Всего лишь неприятное воспоминание.

Доктор Певерейл суетился вокруг, отчасти как беспокойная мать, отчасти как нервный старик. Его седые волосы взъерошились.

— Вы уверены, что никаких последствий нет, Верзила?

— Я себя хорошо чувствую. Никогда не было лучше, — настаивал Верзила. — Вопрос, док, в том, как чувствует себя Зертейл.

— Очевидно, с ним все будет в порядке. — Голос астронома стал холоден. — Доктор Гардома осмотрел его и сообщил, что беспокоиться не из-за чего.

— Хорошо, — почти радостно сказал Верзила.

Доктор Певерейл с некоторым удивлением спросил:

— Вы о нем беспокоились?

— Конечно, док. У меня есть насчет него план.

Вошел доктор Хэнли Кук, он чуть не дрожал от возбуждения.

— Мы послали людей в шахты, чтобы проверить, нельзя ли захватить одно такое существо. Они берут с собой грелки. Как приманку для рыбы. — Он повернулся к Верзиле. — Вам повезло, что выбрались.

Верзила сердито произнес высоким голосом:

— Дело не в удаче, а в мозгах. Я решил, что больше всего им нужно прямое тепло. Это их любимый вид энергии. И я дал его им.

Доктор Певерейл после этого ушел, но Кук остался, он говорил об этих существах, шагая взад и вперед и дрожа от возбуждения.

— Только представить себе! Старые рассказы о смерти шахтеров были правдивы. На самом деле! Только подумать! Скальные щупальца, которые впитывают тепло, как губка, отнимают энергию у всего, с чем вступают в контакт. Вы уверены в своих описаниях, Верзила?

— Конечно, уверен. Когда поймаете одно, увидите сами.

— Какое открытие!

— А почему их не открыли раньше? — спросил Верзила.

— Судя по вашему рассказу, они сливаются с окружающей средой. Защитная мимикрия. И нападают только на одиночек. Может быть, — Кук заговорил быстрее, более оживленно, сплетая и расплетая длинные пальцы, — у них какой-то инстинкт, какой-то зачаточный разум, который заставляет их прятаться, не показываться на глаза. Они знают, что единственное их спасение в скрытности, поэтому нападают только на одиночек. Но более тридцати лет ни один человек не появлялся в шахтах. Бесценные источники необычного тепла исчезли, но существа ни разу не поддались искушению вторгнуться в сам Купол. Однако когда люди снова появились в шахтах, такое искушение для них оказалось слишком сильно, и одно из существ напало, хотя перед ним были два человека, а не один. Для них это оказалось роковым. Их открыли.

— А почему они не идут на солнечную сторону, если им нужна энергия и они настолько разумны? — спросил Верзила.

— Может быть, там слишком жарко, — сразу ответил Кук.

— Они схватили бластер. Он раскалился докрасна.

— На солнечной стороне слишком много жесткой радиации. Они могут быть не приспособлены к ней. А может, другой вид таких существ есть на солнечной стороне. Откуда нам знать? Может, существа с темной стороны живут на радиоактивных рудах и свете короны.

Верзила пожал плечами. Ему эти рассуждения казались бесполезными.

Но ход мыслей Кука тоже изменился. Он задумчиво взглянул на Верзилу, ритмично потирая пальцем подбородок.

— Итак, вы спасли Зертейлу жизнь.

— Да.

— Может, это и хорошо. Если бы Зертейл погиб, обвинили бы вас. Сенатор Свенсон сделал бы жизнь трудной для вас, для Старра и для всего Совета. Как бы вы ни объясняли, вы были там, когда умер Зертейл, и сенатору этого достаточно.

— Послушайте, — сказал Верзила, беспокойно ерзая. — Когда я смогу увидеть Зертейла?

— Когда разрешит доктор Гардома.

— Позвоните ему и скажите, что я хочу сейчас.

Кук продолжал задумчиво смотреть на маленького марсианина.

— Что вы задумали?

И поскольку Верзиле необходимо было подготовить установку искусственного тяготения, он поделился частью своих планов с Куком.

Доктор Гардома открыл дверь и кивком разрешил Верзиле войти.

— Можете говорить с ним, Верзила, — прошептал он. — Мне он не нужен.

Он вышел, и Верзила и Зертейл снова оказались одни.

Там, где на его лице не было щетины, Джонатан Зертейл казался чуть бледнее обычного, но это было единственным последствием происшествия. Он оскалил зубы в свирепой улыбке.

— Я цел, если это вас интересует.

— Да, я пришел в этом убедиться. И задать один вопрос. Вы все еще верите в эту чушь насчет Старра и сирианского лагеря в шахтах?

— Я намерен доказать это.

— Послушайте, вы, подонок, вы знаете, что это ложь, и вы намерены подделать доказательства. Подделать! Конечно, я не жду, что вы встанете на колени и поблагодарите меня за то, что я спас вам жизнь...

— Минутку! — Лицо Зертейла начало медленно багроветь. — Я помню только, что эта штука застала меня врасплох. И все. Я ведь не знаю, что произошло. Все остальное — только ваши слова.

Верзила завопил в гневе:

— Кусок космической пыли, да ты кричал «На помощь!».

— А где ваши свидетели? Я ничего подобного не помню.

— А как же, полагаешь, ты выбрался?

— Я ничего не полагаю. Возможно, эта штука сама уползла. А возможно, вообще ничего не было. Может, в меня попал осколок камня, и я лишился сознания. Если вы думаете, что я стану рыдать у вас на плече и отстану от вашего друга-взяточника, вы будете разочарованы. Если вам больше нечего сказать, до свидания.

Верзила сказал:

— Ты кое-что забыл. Ты пытался убить меня.

— А где свидетели? Ну, если ты теперь не уйдешь, я тебя вышвырну, червяк!

Верзила героическими усилиями сохранял спокойствие.

— Давай договоримся, Зертейл. Ты все время мне угрожаешь, потому что на полдюйма выше меня и на полфунта тяжелее, но как только я занялся тобой, ты струсил.

— У тебя был силовой нож, а я безоружен. Не забывай.

— Я говорю, ты трус. Встретимся снова. Без оружия. Или ты слишком слаб?

— Слишком слаб для тебя? Да я и после двух лет в больнице не буду слаб для тебя.

— Тогда встретимся. При свидетелях. Место есть в помещении энергетической установки. Я договорился с Хэнли Куком.

— Кук тебя, должно быть, ненавидит. А как насчет Певерейла?

— Его никто не спрашивает. И Кук меня не ненавидит.

— Но он хочет, чтобы тебя убили. Пожалуй, я не согласен. Чего ради мне драться с полупинтой кожи и ветра?

— Трус!

— Я сказал: чего ради? Ты сказал — договоримся?

— Да. Если побеждаешь ты, я ни слова не говорю о том, что произошло в шахтах, — что на самом деле произошло. Я побеждаю — ты отвязываешься от Совета.

— Ну и что? Чего мне беспокоиться из-за твоих слов?

— Ты боишься проиграть?

— Великий Космос! — Этого восклицания было достаточно.

Верзила сказал:

— Ну как, договорились?

— Ты меня дураком считаешь? Если я буду драться с тобой при свидетелях, меня обвинят в убийстве. Если я притронусь к тебе пальцем, могу раздавить. Найди другой способ самоубийства.

— Хорошо. Насколько ты меня тяжелее?

— На сто фунтов, — ответил Зертейл презрительно.

— Сто фунтов жира, — запищал Верзила, его лицо гнома яростно сморщилось. — Вот что я тебе скажу. Будем драться при меркурианской силе тяжести. Твое преимущество будет всего в сорок фунтов. А преимущество в инерции ты сохранишь. Справедливо?

Зертейл сказал:

— Великий Космос, да мне хочется разок тебя придавить, просто чтобы размазать твой большой рот по маленькому лицу.

— Ты получил свой шанс. Договорились?

— Клянусь Землей, договорились. Я постараюсь тебя не убивать, но это все, что могу пообещать. Ты сам напросился.

— Верно. А теперь пошли. Пошли. — Верзила так торопился, что вскочил и начал размахивать кулаками, по-птичьи подпрыгивая на месте. Его так увлекла предстоящая дуэль, что он не вспомнил о Старре и не испытал никаких предчувствий катастрофы. Он не знал, что именно в этот момент его друг участвовал в гораздо более опасной дуэли.

На энергетическом уровне располагались огромные генераторы и другое громоздкое оборудование, но имелось и большое помещение для сбора персонала. Это была старейшая часть Купола. В ранние дни, еще до того, как первая шахта ушла в глубины Меркурия, строители спали на койках между генераторами. Даже сейчас это место часто использовалось для демонстрации трифильмов.

Теперь оно должно было послужить рингом, и Кук с десятком техников в сомнении стоял у боковой линии.

— Все здесь? — спросил Верзила.

Кук ответил:

— Майндс и его люди на солнечной стороне. Десять человек в туннелях охотятся за вашими бродячими веревками, а остальные заняты у приборов. — Он с опаской взглянул на Зертейла и спросил: — Вы уверены, что хотите этого, Верзила?

Верзила равнодушно посмотрел в сторону Зертейла.

— С тяготением все в порядке?

— По сигналу начнем. Я настроил оборудование так, что остальная часть Купола не будет задета. Зертейл согласен?

— Конечно. — Верзила улыбнулся. — Все в порядке, приятель.

— Надеюсь, — искренне ответил Кук.

Зертейл крикнул:

— Когда начинаем? — Потом посмотрел на зрителей и спросил: — Кто-нибудь ставит на мартышку?

Один из техников с неловкой улыбкой посмотрел на Верзилу. Верзила, раздевшийся по пояс, выглядел поразительно

жилистым, но разница в весе и размерах делала предстоящую схватку гротескной.

— Никаких пари, — сказал техник.

— Готовы? — спросил Кук.

— Да, — ответил Зертейл.

Кук облизал бледные губы и включил рубильник. Гудение мощных генераторов несколько изменилось.

Верзила качнулся от внезапного уменьшения силы тяжести. Остальные тоже. Зертейл пошатнулся, но быстро выпрямился и осторожно прошел в центр расчищенного места. Он не трудился поднимать руки, но стоял, ожидая, в совершенно расслабленной позе.

— Ну, начинай, мошка, — сказал он.

13. ИСХОД ДУЭЛИ

Верзила приближался упругими движениями, будто на пружинах.

В некотором смысле так и было. Сила тяжести на поверхности Меркурия почти равна марсианской, Верзила вырос при таком тяготении. Его холодные серые глаза подмечали каждое покачивание тела Зертейла, каждое неожиданное напряжение мышц, когда Зертейл удерживался в вертикальном положении.

Небольшая нерасчетливость даже в усилиях, направленных на сохранение равновесия, неизбежна, если оказываешься под действием непривычной силы тяжести.

Верзила двигался резко и неожиданно, перепрыгивая с ноги на ногу и из стороны в сторону; его неровные движения напоминали танец и совершенно сбивали с толку.

— Что это? — раздраженно проворчал Зертейл. — Марсианский вальс?

— Что-то вроде, — ответил Верзила. Его рука устремилась вперед, и кулак с громким звуком ударился о бок Зертейла; тот пошатнулся.

Слушатели как один выдохнули; послышался чей-то возглас:

— Ну парень!

Верзила стоял, руки в боки, ожидая, пока Зертейл восстановит равновесие.

Зертейлу на это потребовалось пять секунд, но теперь на боку у него было красное пятно, щеки покраснели от гнева.

Мощно двинулась вперед его рука, ладонь полуоткрыта, ее шлепка достаточно было бы, чтобы навсегда убрать с пути это жалящее насекомое.

Движение продолжалось, увлекая за собой Зертейла. Верзила нырнул, когда рука Зертейла была от него на расстоянии в долю дюйма, уверенный в точной координации своего тела. Зертейл отчаянно пытался остановиться и при этом шатнулся в сторону Верзилы.

Верзила аккуратно приставил ногу к задней стороне брюк Зертейла и слегка толкнул. Тот подпрыгнул на одной ноге и медленным гротескным движением упал вперед.

С боковой линии послышался неожиданный смех.

Кто-то из зрителей крикнул:

— Я передумал, Зертейл. Ставлю на малыша!

Зертейл не показал виду, что слышал. Он снова стоял, и из угла его рта показалась капля густой слюны.

— Поднять силу тяжести! — хрипло заревел он. — Пусть будет нормальная!

— В чем дело, толстяк? — насмешливо спросил Верзила. — Разве тебе мало преимущества в сорок фунтов?

— Я тебя убью! — заревел Зертейл.

— Давай! — Верзила в издевательском приглашении развел руки.

Но Зертейл не потерял голову. Он обошел Верзилу, слегка неуклюже подпрыгивая. И сказал:

— Сейчас привыкну к силе тяжести, а когда ухвачу тебя, паразит, разорву пополам.

— Хватай.

Зрители смолкли. У Зертейла было могучее бочкообразное тело, длинные сильные руки, он стоял, расставив ноги. И привыкал к силе тяжести; теперь он легко удерживал равновесие.

По сравнению с ним Верзила — тонкий стебелек. Он мог быть грациозным и уверенным в движениях, как танцор, но все же он был очень мал по сравнению с противником.

Верзила, казалось, не тревожился. Неожиданно топнув, он взлетел вверх, а когда Зертейл хотел схватить поднимающуюся фигуру, Верзила подобрал ноги и оказался за противником, прежде чем тот успел повернуться.

Послышались громкие аплодисменты, и Верзила улыбнулся.

Он совершил почти пируэт, нырнув под большую руку и резко ударив головой ее по бицепсу.

Зертейл сдержал крик и снова повернулся.

Теперь, несмотря на все эти провокации, Зертейл оставался смертельно спокойным. Со своей стороны, Верзила пытался всячески вывести противника из равновесия.

Вперед и назад; быстрые резкие удары, которые, несмотря на свою легкость, вызывали боль.

Но теперь маленький марсианин начинал все-таки уважать Зертейла. Тот терпел боль. Удерживал пространство, как медведь, защищающийся от охотничьей собаки. А Верзила и был охотничьей собакой, он должен был держаться на расстоянии, рявкнуть, укусить и снова отскочить подальше от медвежьих лап.

Зертейл даже внешне напоминал медведя, с большим волосатым телом, маленькими налитыми кровью глазами и мясистым поросшим щетиной лицом.

— Дерись, подонок, — насмехался Верзила. — Пока только я развлекаю зрителей.

Зертейл медленно покачал головой.

— Подойди ближе, — сказал он.

— Сейчас, — ответил Верзила, подпрыгнув. Он мгновенно ударил Зертейла в челюсть, нырнул ему под руку и тем же самым движением отскочил.

Зертейл двинул руку, но было уже слишком поздно, и он не завершил движения. Он покачнулся.

— Попробуй еще раз.

Верзила попробовал снова, нырнул на этот раз под другую руку и слегка поклонился под гром аплодисментов.

— Еще раз, — хрипло сказал Зертейл.

— Конечно, — ответил Верзила и прыгнул.

Но на этот раз Зертейл подготовился. Он не шевельнул руками, вместо этого вперед устремилась его правая нога.

Верзила попытался в воздухе согнуться, но ему это не совсем удалось. Нога Зертейла ударила его в лодыжку. Верзила вскрикнул от боли.

Быстрое движение увлекло Зертейла вперед, и Верзила стремительным отчаянным толчком в спину ускорил это движение.

Но Зертейл уже освоился с силой тяжести, он не упал и быстро восстановил равновесие, а Верзила, у которого отчаянно болела лодыжка, передвигался с пугающей неловкостью.

С диким криком Зертейл бросился к нему, и Верзила, повернувшись на здоровой ноге, оказался недостаточно быст-

рым. Огромный кулак ударил его в правое плечо. Правый локоть столкнулся с локтем Зертейла. Они оба упали.

Зрители почти стонали. Кук, с бледным лицом, крикнул:

— Прекратите драку!

Но его никто не услышал.

Зертейл встал, продолжая удерживать марсианина, и легко, как перышко, поднял его. Верзила, с лицом, искаженным от боли, извивался, пытаясь найти опору.

Зертейл прошептал ему на ухо:

— Ты считал себя хитрецом, заманив меня в драку при низкой силе тяжести. По-прежнему так думаешь?

Верзила не тратил времени на ответ. Нужно хотя бы одну ногу поставить на пол... Или на колено Зертейла. Правая нога Верзилы на мгновение коснулась колена Зертейла. Этого будет достаточно.

Верзила с силой оттолкнулся и кинул свое тело вбок.

Зертейл качнулся вперед. Само по себе это движение не было для него опасным, но его мышцы, удерживающие равновесие, переоценили низкую силу тяжести; выпрямляясь, он качнулся назад. Верзила ожидал этого и резко толкнул.

Зертейл упал так неожиданно, что зрители не видели, как это случилось. Верзила почти вырвался.

Он, как кошка, приземлился на ноги, но его правая рука еще была прижата. Верзила опустил левую руку на правое запястье Зертейла и одновременно резко поднял колено.

Зертейл взревел и ослабил хватку, чтобы не сломалась его рука.

Верзила со скоростью ракетного двигателя воспользовался этой возможностью. Он высвободил свою правую руку, одновременно удерживая запястье Зертейла. Освободившейся рукой он ухватил руку Зертейла над локтем. Теперь он обеими руками держал левую руку Зертейла.

Зертейл поднимался на ноги, и в это время тело Верзилы изогнулось, мышцы спины напряглись в отчаянном усилии. Он продолжил движение тела Зертейла.

Мышцы его чуть не разрывались. Верзила поднимал все выше торс Зертейла, а потом выпустил, глядя, как тело Зертейла гротескно медленно по земным стандартам движется по параболе.

И тут все почувствовали неожиданное изменение силы тяжести. Со скоростью выстрела из бластера восстановилось

нормальное земное тяготение, и Верзила опустился на колени с криком боли. Зрители тоже попадали с возмущенными и удивленными криками.

Верзила лишь краем глаза видел, что произошло с Зертейлом. Перемена силы тяжести застала его в самой высокой точке параболы и с ускорением сдернула вниз. С резким треском Зертейл ударился головой о стойку одного из генераторов.

Верзила, с трудом встав, попытался привести в порядок мысли. Он шатался. Увидел неподвижно лежащего Зертейла, склонившегося к нему Кука.

— Что случилось? — воскликнул Верзила. — Что случилось с силой тяжести?

Остальные повторили его вопрос. Насколько мог судить Верзила, только Кук оставался на ногах.

Кук сказал:

— Неважно. Беда с Зертейлом.

— Он ранен? — спросил кто-то.

— Скорее нет, — ответил Кук, распрямляясь. — Полагаю, он мертв.

Все окружили тело.

Верзила сказал:

— Позовите доктора Гардому.

Он почти не слышал сам себя. В голове у него возникла важная мысль.

— Будут неприятности, — сказал Кук. — Вы его убили, Верзила.

— Его убило изменение силы тяжести, — ответил Верзила.

— Это трудно будет объяснить. Вы его швырнули.

Верзила ответил:

— Я справлюсь с любыми проблемами. Не беспокойтесь.

Кук облизал губы и отвернулся.

— Позову Гардому.

Пять минут спустя появился Гардома, и короткого осмотра оказалось достаточно, чтобы убедиться, что Кук прав.

Врач выпрямился, вытирая руки носовым платком. Он серьезно сказал:

— Мертв. Пробит череп. Как это случилось?

Заговорили сразу несколько человек, но Кук знаком велел всем замолчать. Он сказал:

— Драка между Верзилой и Зертейлом...

— Между Верзилой и Зертейлом! — взорвался доктор Гардома. — Кто это допустил? Какой сумасшедший решил, что Верзила выстоит...

— Спокойней, — сказал ему Верзила. — Я цел.

Кук, оправдываясь, сердито заявил:

— Верно, Гардома, мертв-то Зертейл. А на дуэли настаивал Верзила. Вы это признаете?

— Признаю, — сказал Верзила. — Я предложил также драться при меркурианской силе тяжести.

Доктор Гардома широко раскрыл глаза.

— Меркурианская сила тяжести? Здесь?

Он взглянул себе под ноги, будто боялся, что его обманывают чувства и что на самом деле он стал легче.

— Тут больше нет меркурианской силы тяжести, — объяснил Верзила, — потому что в самый решающий момент псевдогравитационное поле вдруг перешло к земной силе тяжести. Бам! Вот так! Именно это убило Зертейла.

— Кто переключил силу тяжести на земной уровень? — спросил Гардома.

Наступило молчание.

Кук негромко сказал:

— Может быть, короткое...

— Вздор! — ответил Верзила. — Рубильник был поднят. Он не мог этого сделать сам.

Новое молчание, на этот раз тревожное.

Один из техников откашлялся и сказал:

— Может, в возбуждении кто-то задел его плечом и сам не заметил.

Остальные энергично поддержали его. Один из них воскликнул:

— Великий Космос! Просто несчастный случай.

Кук сказал:

— Мне придется доложить о происшествии. Верзила...

— Да? — спокойно спросил маленький марсианин. — Я арестован за убийство?

— Н... нет, — неуверенно ответил Кук. — Я вас не арестую, но должен доложить, и, возможно, вас потом арестуют.

— Ну, спасибо за предупреждение.

Впервые после возвращения из шахт Верзила подумал о Старре. Как будто не хватит тому неприятностей, когда он вернется.

Но маленький марсианин испытывал возбуждение, он был

уверен, что сумеет справиться с этими неприятностями... и при этом кое-что покажет Дэвиду.

Послышался новый голос:

— Верзила!

Все оглянулись. Доктор Певерейл спускался по рампе, ведущей с верхних уровней.

— Великий Космос, Верзила, что вы тут делаете? И Кук? — Потом почти обидчиво: — Что происходит?

Никто не смог ничего сказать. Взгляд старого астронома упал на распростертое тело Зертейла, и он с легким удивлением спросил:

— Он мертв?

К удивлению Верзилы, Певерейл, казалось, тут же утратил к этому интерес. Он не стал ждать ответа и снова обратился к Верзиле.

Он спросил:

— Где Старр?

Верзила раскрыл рот, но ничего не сказал. Наконец он умудрился проговорить:

— А почему вы спрашиваете?

— Он по-прежнему в шахтах?

— Ну...

— Или на солнечной стороне?

— Ну...

— Великий Космос, он на солнечной стороне?

Верзила сказал:

— Я хочу знать, почему вы спрашиваете.

— Майндс в своем флиттере патрулирует область кабелей, — нетерпеливо ответил Певерейл. — Он часто это делает.

— Ну и что?

— Либо он спятил, либо действительно видел там Старра.

— Где? — немедленно спросил Верзила.

Доктор Певерейл неодобрительно сморщился.

— Значит, он действительно там. Это совершенно ясно. Что ж, у вашего друга, очевидно, какие-то неприятности с механическим человеком, роботом...

— Роботом!

— По словам Майндса, который не стал высаживаться, а ждет прибытия группы, Дэвид Старр мертв!

14. ПРЕЛЮДИЯ К СУДУ

Лежа в неумолимых объятиях робота, Дэвид ждал мгновенной смерти; когда она не наступила, он почувствовал слабую надежду.

Неужели робот, решивший убить человека, все-таки обнаружил, что не может этого сделать?

Не может быть. Давление рук робота плавно нарастало.

Старр изо всех сил воскликнул:

— Выпусти меня! — и поднял свободную руку, вымазанную черной пылью. Есть еще один шанс, последний и очень слабый.

Он поднес руку к голове робота. Сам он голову повернуть не мог, она была плотно прижата к груди робота. Рука его скользнула по гладкой поверхности головы робота, дважды, трижды, четырежды. И бессильно опустилась.

Больше он ничего не мог сделать.

И тут... Показалось ему, или хватка робота действительно ослабла? Неужели большое Солнце Меркурия все-таки оказалось на его стороне?

— Робот! — воскликнул он.

Робот издал слабый звук, словно движущиеся части терлись друг о друга.

Да, его хватка слабела. Пора было вводить в действие то, что еще сохранилось от Трех законов.

Счастливчик выдохнул:

— Ты не должен причинять вред человеку.

Робот ответил:

— Я... не могу... — и без всякого предупреждения упал.

Он продолжал удерживать Дэвида, будто застыв.

Тот сказал:

— Робот! Отпусти меня!

Робот рывками поднял голову. Дэвид не полностью высвободился, но мог теперь двигаться.

Он спросил:

— Кто приказал тебе уничтожать оборудование?

Он больше не боялся неконтролируемой реакции робота на этот вопрос. Он знал, что сам привел позитронный мозг на грань гибели. Но, возможно, перед гибелью сработают остатки Второго закона. Старр повторил:

— Кто приказал тебе уничтожать оборудование?

Робот неразборчиво проговорил:

— Зе... Зе...

И тут радиосвязь прервалась, робот дважды раскрыл и закрыл рот, как будто пытался общаться при помощи обычных звуков.

И все.

Робот был мертв.

Теперь, когда непосредственная опасность гибели миновала, мозг самого Старра слегка помутился. Ему не хватало сил, чтобы полностью высвободиться. Управление радиосвязью было повреждено рукой робота.

Счастливчик знал, что должен вначале восстановить силы. Нужно как можно быстрее уйти из-под прямых лучей большого Солнца Меркурия. Добраться до ближайшей тени, куда он не смог попасть во время дуэли с роботом.

Он с трудом согнул ноги. С трудом потащил тело к тени, потащил вместе с собой и робота. И еще. И еще раз. Движение продолжалось вечно, вселенная вокруг переставала существовать.

Еще. И еще.

У него не оставалось сил, он не чувствовал своих ног, а робот весил тысячи фунтов.

Даже при слабой силе тяжести Меркурия задача казалась непосильной для слабеющих мышц, и двигала им только сила воли.

Вначале в тени оказалась его голова. Свет исчез. Дэвид ждал, тяжело дыша, потом с усилием, от которого затрещали мышцы, снова потащил себя по поверхности.

Он в тени. Одна из ног робота была еще на солнце, она во все стороны отбрасывала отражения. Старр взглянул через плечо и смутно отметил это. И благодатно погрузился в беспамятство.

Спустя много времени чувства начали к нему возвращаться.

Еще довольно долго он спокойно лежал, сознавая, что под ним мягкая постель; он пытался восстановить события. В памяти мелькали обрывочные видения приближающихся людей, слабое воспоминание о ракетном корабле, резкий и беспокойный голос Верзилы. Потом, немного отчетливее, врачебные процедуры.

После этого снова тьма, только перед этим как будто доктор Певерейл вежливо задавал какие-то вопросы. Дэвид помнил, что отвечал связно, значит, худшее тогда было уже позади. Он открыл глаза.

На него серьезно глядел доктор Гардома, держа в руке шприц.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

Счастливчик улыбнулся.

— А как я себя должен чувствовать?

— После всего пережитого вы должны быть мертвы. Но у вас удивительный организм, так что вы выжили.

Верзила, в беспокойстве державшийся на краю поля зрения друга, оказался перед ним.

— И не благодаря Майндсу. Почему он сразу не помог Дэвиду, когда увидел ногу робота? Чего он ждал? Он хотел, чтобы тот умер?

Доктор Гардома отложил шприц и принялся мыть руки. Стоя спиной к Верзиле, он ответил:

— Скотт Майндс был уверен, что Старр мертв. Он специально оставался в стороне, чтобы его не обвинили в убийстве. Он знал, что все помнят, как он пытался убить его.

— Но как он мог в этот раз? Робот...

— Майндс все эти дни находился в напряженном состоянии. Он вызвал помощь: это лучшее, что он мог сделать.

Дэвид сказал:

— Спокойнее, Верзила. Мне не угрожала опасность. Я просто спал в тени, а теперь все уже позади. Что с роботом, Гардома? Его принесли?

— Он в Куполе. Мозг погиб, изучению не поддается.

— Это плохо, — сказал Старр.

Врач заговорил громче:

— Ну хорошо, Верзила. Пошли. Пусть он поспит.

— Эй... — возмущенно начал Верзила.

Дэвид сразу вмешался:

— Все в порядке, Гардома. Кстати, мне нужно поговорить с ним наедине.

Доктор Гардома колебался, потом пожал плечами.

— Вам нужно поспать, но полчаса могу вам дать. Потом он должен будет уйти.

— Он уйдет.

Как только они остались одни, Верзила схватил друга за плечо и яростно встряхнул. Сдавленным голосом он сказал:

— Ты глупая обезьяна. Если бы жара вовремя не доконала робота... как в субэфирном шоу...

Счастливчик невесело улыбнулся.

— Это не случайность, Верзила, — сказал он. — Если бы я ждал субэфирной концовки, я бы погиб. Мне пришлось вывести робота из строя.

— Как?

— Его черепная коробка отполирована. Отражает большую часть излучения Солнца. Температура позитронного мозга повысилась, и робот спятил, но повысилась не настолько, чтобы он полностью прекратил функционировать. К счастью, большая часть поверхности Меркурия здесь покрыта черным порошком. Я вымазал им голову робота.

— Зачем?

— Черное поглощает тепло, Верзила. Оно не отражает его. Температура мозга робота быстро поднялась, и он почти сразу же умер. Но я был очень близок к... Ну, неважно. Что случилось, пока меня не было? Рассказывай все!

— Все? Ну! Ты только послушай! — Верзила говорил, Старр слушал, и выражение его лица становилось все более серьезным.

К концу рассказа он уже гневно хмурился.

— Зачем ты вообще дрался с Зертейлом? Это глупо!

— Счастливчик, — сердито возразил Верзила, — это была хитрость! Ты всегда говоришь, что я иду напролом и не могу придумать ничего хитрого. Это была уловка. Я знал, что побью его при низкой силе тяжести...

— Тебя самого чуть не побили. У тебя перевязана лодыжка.

— Я поскользнулся. Случайность. Ведь я победил. Мы договорились. Он мог принести много вреда Совету своими лживыми выдумками, но если бы я победил, он от нас отвязался бы.

— И ты поверил ему на слово?

— Ну... — обеспокоенно начал Верзила.

Дэвид оборвал его:

— Ты сказал, что спас ему жизнь. Он знал это, но не отказался от своей цели. Думаешь, он отказался бы от нее после вашей драки?

— Ну... — снова сказал Верзила.

— Особенно после проигрыша и публичного унижения...

Вот что я тебе скажу, Верзила. Ты сделал это, потому что хотел побить его и отомстить за насмешки. Твой разговор о сделке — всего лишь предлог, это давало тебе возможность подраться. Разве я не прав?

— Счастливчик! Пески Марса!..

— Ну, я ошибаюсь?

— Я хотел с ним договориться...

— Но главным образом хотел подраться, и посмотри, что получилось.

Верзила опустил глаза.

— Прости, Счастливчик.

Дэвид немедленно смягчился.

— Великая Галактика, Верзила, я совсем не сержусь на тебя. На самом деле я сержусь на себя. Я неверно оценил робота и чуть не погиб, потому что вовремя не подумал. Я видел, что он не в порядке, но не связал это с высокой температурой позитронного мозга... а потом уже чуть не стало поздно... Ну, прошлое дает уроки будущему, но в остальном забудем об этом. Вопрос в том, что делать с ситуацией с Зертейлом?

Верзила сразу приободрился.

— Ну в любом случае этот подонок от нас отвязался.

— Он-то да, — сказал Дэвид, — а как сенатор Свенсон?

— Гм.

— Как мы объясним случившееся? Расследуются дела Совета Науки, и в ходе расследования доверенный человек сенатора погибает в инспирированной драке с почти членом Совета. Плохо выглядит.

— Это случайность. Псевдогравитационное поле...

— Это нам не поможет. Мне придется поговорить с Певерейлом и...

Верзила покраснел и хрипло сказал:

— Он просто старик. Он не обратил на это никакого внимания.

Старр схватил его за локоть.

— Что ты этим хочешь сказать? Как это не обратил внимания?

— Не обратил, — яростно подтвердил Верзила. — Он пришел, когда Зертейл уже лежал мертвым, и почти не взглянул на него. Спросил: «Он мертв?» — и все.

— И все?

— Да. Потом спросил, где ты, и сказал, что вызывал Майндс и что робот тебя убил.

Счастливчик пристально смотрел на Верзилу.

— И это все?

— Да, — неуверенно ответил Верзила.

— А что случилось после этого? Давай, Верзила. Ты ведь не хочешь, чтобы я говорил с Певерейлом. Почему?

Верзила отвел взгляд.

— Давай, Верзила.

— Ну, меня собираются судить.

— Судить!

— Певерейл говорит, что это убийство и на Земле очень рассердятся. Что мы должны определить виновного.

— Ну хорошо. Когда суд?

— Дэвид, я не хотел тебе говорить. Доктор Гардома сказал, что тебе нельзя волноваться.

— Не кудахтай, как курица, Верзила. Когда суд?

— Завтра в два часа дня по стандартному времени. Но беспокоиться не о чем.

— Позови Гардому, — сказал Старр.

— Зачем?

— Делай, что я говорю.

Верзила направился к двери. Вернулся он с доктором Гардомой.

Старр спросил:

— Есть ли причины, по которым мне нельзя будет завтра к двум часам дня встать с постели?

Доктор Гардома колебался.

— Я предпочел бы, чтобы вы полежали.

— Меня не интересует это. Если я встану, я не умру?

— Вы не умрете, даже если встанете немедленно, мистер Старр, — обиженно ответил доктор Гардома. — Но я не советую.

— Хорошо. Передайте доктору Певерейлу, что я буду на суде над Верзилой. Вы ведь знаете об этом?

— Да.

— Знают все, кроме меня. Верно?

— Вы были не в состоянии...

— Скажите доктору Певерейлу, что я буду на суде. Пусть без меня не начинает.

— Скажу, — ответил Гардома, — а вам теперь лучше поспать. Идемте со мной, Верзила.

Верзила пропищал:

— Еще одну секунду.

Он быстро подошел к кровати друга и сказал:

— Слушай, Счастливчик, не расстраивайся. У меня ситуация под контролем.

Брови Дэвида приподнялись.

Верзила чуть не лопнул от важности.

— Я хотел удивить тебя, черт возьми. Я могу доказать, что не виноват в том, что Зертейл сломал себе шею. Я разгадал этот случай. — Он поколотил себя в грудь. — Я! Я сам! Верзила! Я знаю, кто виноват.

Старр спросил:

— Кто?

Но Верзила негодующе возразил:

— Нет! Я ничего не скажу! Хочу показать тебе, что у меня есть не только кулаки, но и ум. На этот раз я даю шоу, а ты зритель. Узнаешь на суде.

Маленький марсианин сморщил лицо в радостной улыбке, слегка протанцевал к двери и в сопровождении доктора Гардомы вышел с торжествующим видом.

15. СУД

На следующий день незадолго до двух часов Старр вошел в кабинет доктора Певерейла.

Все уже собрались. Доктор Певерейл сидел за своим старым загроможденным столом, он приветливо кивнул, и Дэвид серьезно ответил:

— Добрый день, сэр.

Все очень напоминало вечер банкета. Здесь, конечно, был и Кук; как всегда, он выглядел озабоченно и чуть больше обычного осунулся. Сидел он в большом кресле справа от доктора Певерейла, а Верзила почти утонул в таком же кресле слева.

Был здесь и Майндс, его худое лицо мрачно дергалось, он сплетал и расплетал пальцы и изредка начинал постукивать ими по коленям. Рядом с ним сидел флегматичный доктор Гардома, он неодобрительно взглянул на вошедшего Дэвида. Присутствовали и все старшие астрономы.

В сущности, отсутствовал лишь один человек из тех, что были на банкете. Зертейл.

Доктор Певерейл сразу начал в своей вежливой манере:

— Мы можем начинать. Вначале несколько слов для мистера Старра. Я слышал, что Верзила назвал предстоящую процедуру судом. Пожалуйста, имейте в виду, что это не так. Если суд и состоится — а я надеюсь, этого не будет, — то пройдет он на Земле с участием квалифицированных судей и с соблюдением всех требований закона. Мы просто собираем данные для отчета Совету Науки.

Доктор Певерейл переложил несколько предметов на своем столе и сказал:

— Позвольте объяснить, почему необходим подробный отчет. Во-первых, благодаря смелой вылазке мистера Старра на солнечную сторону саботажник, мешавший осуществлению проекта доктора Майндса, остановлен. Он оказался роботом сирианского производства, теперь он полностью выведен из строя. Мистер Старр...

— Да? — спросил Дэвид.

— Вопрос настолько важен, что я взял на себя смелость расспросить вас, когда вас только привезли и вы находились в полубессознательном состоянии.

— Я хорошо помню это, — ответил Счастливчик.

— Не подтвердите ли некоторые свои ответы для протокола?

— Хорошо.

— Прежде всего, есть ли здесь другие роботы, кроме погибшего?

— Робот об этом ничего не говорил, но думаю, что других нет.

— Но он не говорил, что действует на Меркурии в одиночку?

— Нет.

— Значит, могут быть и другие?

— Не думаю.

— Это только ваше мнение. Робот не говорил, что других нет.

— Не говорил.

— Хорошо. Сколько же сирианцев участвуют в этом?

— Робот не сказал. Ему приказали не говорить об этом.

— Он сказал, где размещается база сирианцев?

— Он не говорил об этом и вообще не упоминал сирианцев.

— Но ведь он сирианского производства?

— Он признал это.

— Ага! — Доктор Певерейл невесело усмехнулся. — В таком случае очевидно, что на Меркурии есть сирианцы и что они действуют против нас. Совет Науки должен быть немедленно извещен об этом. Нужно организовать поиски, и, если они окажутся безрезультатными и сирианцы успеют покинуть планету, должны быть приняты дополнительные меры против сирианской опасности.

Кук беспокойно вмешался:

— Есть еще вопрос о туземной меркурианской жизни, доктор Певерейл. Совет должен быть информирован и об этом. — Он обратился ко всем присутствующим: — Вчера мы захватили одно такое существо и...

Старый астроном раздраженно прервал его:

— Да, доктор Кук, Совет будет проинформирован об этом. Тем не менее самый важный вопрос — опасность со стороны сирианцев. Остальными вопросами придется пожертвовать во имя непосредственной опасности. Например, я считаю, что доктор Майндс должен отказаться от осуществления проекта «Свет», пока Меркурий не станет безопасным для землян.

— Подождите! — сразу воскликнул Майндс. — Сюда вложено столько денег, сил и времени...

— Я сказал, пока Меркурий не будет в безопасности. Я не предлагал навсегда отказаться от проекта «Свет». И поскольку самое важное — вопрос безопасности, нужно, чтобы сенатор Свенсон не ставил нам палки в колеса из-за этого проекта.

Старр сказал:

— Вы хотите дать сенатору козла отпущения в виде Верзилы, связанного по рукам и ногам. А пока он будет цепляться к Верзиле, можно будет обезопасить Меркурий от сирианцев.

Астроном поднял свои седые брови.

— Козел отпущения, мистер Старр? Я только представлю факты.

— Ну давайте, — сказал Верзила, беспокойно ерзая в кресле. — Вы получите все факты.

— Хорошо, — сказал доктор Певерейл. — Начнем с центральной фигуры, если не возражаете. Будьте добры, расскажите своими словами, что произошло между вами и Зертейлом. Рассказывайте своими словами, но я оценил бы краткость. И помните, это расследование записывается на пленку.

Верзила спросил:

— Хотите, чтобы я поклялся?

Певерейл покачал головой:

— Это не формальный суд.

— Как хотите. — И с поразительной бесстрастностью Верзила рассказал всю историю. Начиная с насмешек Зертейла по поводу его роста, потом происшествие в шахтах и наконец дуэль. Он не упомянул только об угрозах Зертейла в адрес Старра и Совета.

Следующим выступил доктор Гардома; он подтвердил, что произошло при первой встрече Зертейла с Верзилой и описал для протокола сцену за банкетным столом. Потом начал описывать меры, которые были применены после возвращения Зертейла из шахт.

Он сказал:

— Зертейл быстро оправился от гипотермии. Я его не спрашивал о подробностях, а сам он ничего не говорил. Однако он спросил, что с Верзилой, а когда я ответил, что все в порядке, по его выражению можно было заключить, что его неприязнь к Верзиле не уменьшилась. Он не действовал так, будто Верзила спас его жизнь. Впрочем, могу по своим наблюдениям сказать, что Зертейлу вообще не свойственна была благодарность.

— Это только ваше мнение, — торопливо прервал доктора Певерейл, — и я рекомендую, чтобы мы не записывали подобные утверждения.

Следующим говорил Кук. Он сосредоточился на дуэли. Он сказал:

— На дуэли настаивал Верзила. Я считал, что, если по просьбе Верзилы в присутствии свидетелей установлю низкую силу тяжести, никакого вреда это не принесет. Мы могли бы вмешаться в случае необходимости. Я опасался, что, если я откажусь, они будут драться без свидетелей, а это могло иметь серьезные последствия. Конечно, вряд ли могли быть последствия более серьезные, чем мы теперь имеем, но этого я не ожидал. Признаю, что мне следовало посоветоваться с вами, доктор Певерейл.

Доктор Певерейл кивнул:

— Несомненно. Но самое главное: на дуэли настаивал Верзила и он же требовал низкой силы тяжести. Это верно?

— Да.

— И он уверял вас, что убьет Зертейла при таких условиях.

— Да, он выразился в таких словах. Я считал, что это просто фигуральное выражение. Я не думал, что он планирует убийство.

Доктор Певерейл повернулся к Верзиле.

— У вас есть какие-нибудь соображения в связи с этим?

— Да. И поскольку показания дает доктор Кук, я хочу подвергнуть его перекрестному допросу.

Доктор Певерейл удивился.

— Мы не на суде.

— Послушайте, — горячо сказал Верзила. — Смерть Зертейла не была случайной. Это убийство, и я могу это доказать.

Тишина, наступившая после этого утверждения, длилась не больше мгновения. За ней последовал хор голосов.

Верзила перекричал всех своим высоким голосом:

— Я настаиваю на перекрестном допросе доктора Хэнли Кука.

Старр холодно сказал:

— Я предлагаю позволить Верзиле вести дело по-своему, доктор Певерейл.

Старый астроном был в смятении.

— Я не думаю... Верзила не может... — Он смолк.

Верзила сказал:

— Прежде всего, доктор Кук, откуда Зертейлу стал известен наш со Старром маршрут в шахтах?

Кук покраснел.

— Я не знал, что ему был известен ваш маршрут.

— Он не пошел непосредственно за нами. Он пошел параллельно, как будто хотел выйти к нам в спину, когда мы будем уверены, что мы одни и никто за нами не следит. Чтобы это сделать, он должен был точно знать наш маршрут. Этот маршрут мы обсуждали с Дэвидом при вашем участии. Больше никого не было. Старр Зертейлу не говорил, я тоже. Кто же сказал?

Кук огляделся в поисках помощи.

— Не знаю.

— Разве не ясно, что это вы?

— Нет. Может, он подслушал.

— Невозможно подслушать пометки на карте, доктор Кук... Но оставим это пока. Я дрался с Зертейлом, и, если бы сила тяжести оставалась на уровне Меркурия, он и сейчас был

бы жив. Но она такой не осталась. Она неожиданно подскочила до земного уровня и именно в тот момент, когда могла убить Зертейла. Кто это сделал?

— Не знаю.

— Вы первым оказались возле Зертейла. Что вы делали? Хотели удостовериться, что он мертв?

— Я протестую. Доктор Певерейл... — Кук повернул побагровевшее лицо к своему шефу.

Доктор Певерейл возбужденно спросил:

— Вы обвиняете доктора Кука в убийстве Зертейла?

Верзила ответил:

— Послушайте. Неожиданное изменение силы тяжести свалило меня на землю. Когда я встал, все либо тоже вставали, либо еще лежали. Когда тебе на спину без предупреждения обрушатся от 75 до 150 фунтов, вставать не торопишься. Но Кук встал. Он единственный удержался на ногах и успел подойти к Зертейлу и нагнуться к нему.

— И что это доказывает? — спросил Кук.

— Это доказывает, что вы не упали, когда сила тяжести выросла, иначе вы не смогли бы оказаться возле Зертейла. А почему вы не упали, когда возросла сила тяжести? Потому что ожидали, что она возрастет, и подготовились. А почему вы ожидали этого? Потому что именно вы подняли рубильник.

Кук повернулся к доктору Певерейлу:

— Я подвергаюсь преследованию. Это безумие.

Но доктор Певерейл смотрел на своего заместителя, пораженный ужасом.

Верзила сказал:

— Я попробую восстановить происшедшее. Кук действовал совместно с Зертейлом. Только таким способом Зертейл мог узнать о нашем маршруте по шахтам. Возможно, Зертейл шантажировал его. И Кук мог избавиться от него, только убив. Когда я сказал, что мог бы убить этого подонка при низком тяготении, я, должно быть, подал ему идею. И когда мы начали драться, он стоял у рубильника. Вот и все.

— Подождите, — настойчиво, почти задыхаясь, сказал Кук, — это все... это все...

— Не нужно полагаться только на мои слова, — продолжал Верзила. — Если я прав, у Зертейла должны быть записи, пленки или фильм, с помощью которых он держал Кука за глотку. В противном случае Кук не пошел бы на убийство. По-

этому нужно осмотреть вещи Зертейла. Найдете доказательства, и все будет решено.

— Я согласен с Верзилой, — сказал Старр.

Доктор Певерейл в замешательстве сказал:

— Вероятно, это единственный способ решить дело, но как...

Из Хэнли Кука, казалось, выпустили воздух; он сидел бледный, потрясенный и беспомощный.

— Подождите, — тихо сказал он. — Я все объясню.

Все лица повернулись к нему.

Худые щеки Хэнли Кука покрылись испариной. Руки, которые он поднял в умоляющем жесте, сильно дрожали. Он сказал:

— Зертейл пришел ко мне вскоре после своего прибытия на Меркурий. Он сказал, что расследует деятельность обсерватории. Сказал, что у сенатора Свенсона есть доказательства неэффективности и бесполезных трат. Сказал, что доктор Певерейл должен уйти в отставку; что он старик и не справляется больше с обязанностями. Он сказал, что логичной заменой его буду я.

Доктор Певерейл, который с изумленным видом слушал его, воскликнул:

— Кук!

— Я с ним согласился, — мрачно продолжал Кук. — Вы действительно старик. Я всем занимаюсь, а вы заняты только своей сирианской манией. — Он снова повернулся к Старру. — Зертейл сказал, что, если я помогу ему в его расследовании, он позаботится, чтобы следующим директором стал я. Я поверил ему: все знают, что сенатор Свенсон влиятельный человек. Я дал ему много информации. Кое-что в письменном виде и с моей подписью. Он сказал, что это ему нужно для законного оформления дела. А потом... а потом он начал шантажировать меня этой информацией. Оказалось, что его интересуют проект «Свет» и Совет Науки. Он хотел, чтобы я использовал свое положение и стал его личным шпионом. Он совершенно ясно дал понять, что в противном случае представит все доказательства того, что я делал, доктору Певерейлу. Это означало бы в лучшем случае конец моей карьеры. Мне пришлось шпионить для него. Пришлось сообщить ему сведения о маршруте Старра и Верзилы в шахтах. Я сообщал ему все, что делает Майндс. И каждый раз, как я передавал ему новую информацию, я все больше попадал в его власть. И понял, что рано или поздно он сломает меня, как бы я ни старался. Я подумал, что единственный способ избавиться от него — это убить. Если бы только знать, как... И тут появляется Верзила со своим планом драки при низкой силе тяжести. Он был уверен, что сможет перебросить Зертейла. И я подумал, что могу... Шансов один на сотню, может, один на тысячу, но что я теряю? Поэтому я остался у контроля псевдогравитации, ожидая возможности. Она настала, и Зертейл умер. Все сработало отлично. Я думал, что сойдет за несчастный случай. Даже если Верзила попадет в беду, Совет вытащит его. Никто не пострадает, кроме Зертейла, а он это заслужил сто раз. Вот и все.

Последовало напряженное молчание. Наконец доктор Певерейл хрипло сказал:

— В данных обстоятельствах, Кук, вы, разумеется, освобождаетесь от своих обязанностей и будете находиться под ар...

— Эй, подождите, подождите! — закричал Верзила. — Это еще не полное признание. Послушайте, Кук, ведь вы во второй раз пытались убить Зертейла?

— Во второй раз? — Кук поднял на него трагический взгляд.

— Ну, поврежденный костюм. Зертейл предупредил, чтобы мы его проверили, значит, он знал, что мы обнаружим. Он старался убедить нас, что это дело Майндса, но Зертейл был лживым подонком, и ни одному его слову нельзя верить. Я говорю, что вы таким образом пытались убить его, но он вас поймал и заставил перенести костюм в нашу комнату. Потом предупредил нас, чтобы мы поверили, что он на нашей стороне, и чтобы настроить против Майндса. Верно?

— Нет! — закричал Кук. — Я не имею отношения к костюму. Никакого.

— Послушайте, — начал Верзила. — Мы не собираемся верить...

Но тут встал Старр.

— Все в порядке, Верзила. Кук не имеет отношения к костюму. Можешь ему поверить. За повреждение костюма отвечает тот же, кто и за робота.

Верзила недоверчиво смотрел на своего друга.

— Ты имеешь в виду сирианцев, Дэвид?

— Нет, — ответил Старр. — Никаких сирианцев на Меркурии нет. И никогда не было.

16. РЕЗУЛЬТАТЫ СУДА

В глубоком хриплом голосе доктора Певерейла звучало отчаяние.

— Никаких сирианцев? Вы понимаете, что говорите, Старр?

— Да. — Старр подошел к столу доктора Певерейла, сел на его угол и осмотрел собравшихся. — Доктор Певерейл поддержит меня в этом, я уверен, когда выслушает мои объяснения.

— Я поддержу вас? На это и не надейтесь, уверяю вас, — раздраженно сказал старый астроном, и его лицо приняло крайне неодобрительное выражение. — Я не считаю возможным даже обсуждать... Кстати, нужно поместить Кука под арест. — И он привстал.

Дэвид мягко усадил его снова.

— Все в порядке, не беспокойтесь. Верзила проследит, чтобы Кук оставался под контролем.

— Я не доставлю никаких неприятностей, — приглушенным голосом заверил Кук. Тем не менее Верзила придвинулся поближе к нему.

Старр сказал:

— Вспомните, доктор Певерейл, вечер банкета и ваши собственные слова относительно сирианских роботов... Кстати, доктор Певерейл, вы ведь давно знали, что на планете робот?

Астроном тревожно спросил:

— Что вы этим хотите сказать?

— Доктор Майндс рассказывал вам о том, что видел фигуру в металлическом костюме, которая переносит солнечную радиацию лучше человека.

— Да, — вмешался Майндс, — и мне следовало бы догадаться, что я видел робота.

— Вы не так хорошо знакомы с роботами, как доктор Певерейл, — сказал Счастливчик. Он снова повернулся к старому астроному. — Я уверен, вы заподозрили существование на планете робота сирианского образца, как только Майндс рассказал, что видел. Его описание полностью им соответствует.

Астроном молча кивнул.

— Сам я, — продолжал Дэвид, — думал о роботах не больше, чем Майндс, когда услышал его рассказ. Однако после банкета, когда вы, доктор Певерейл, рассказывали о Сириусе и его роботах, мне пришла в голову мысль, что, возможно, это и есть объяснение. Вы, должно быть, тоже подумали об этом.

Доктор Певерейл снова медленно кивнул. Он сказал:

— Я понял, что сами по себе мы не справимся с сирианским вторжением. Поэтому и не стал ничего говорить Майндсу.

Майндс при этих словах побледнел и что-то забормотал про себя.

Старр сказал:

— Но вы не сообщили и Совету Науки.

Доктор Певерейл колебался.

— Я боялся, что мне не поверят и что это только приведет к моему смещению. Откровенно говоря, я не знал, что делать. Было очевидно, что я не могу использовать для этого Зертейла. Его интересовали только собственные планы. Когда вы появились, Старр, — голос его стал глубже, ровнее, — я почувствовал, что наконец-то у меня есть союзник, что впервые я могу свободно говорить о сирианцах, об опасности с их стороны, об их роботах.

— Да, — согласился Дэвид, — а помните, как вы описывали привязанность сирианцев к своим роботам? Вы использовали слово «любовь». Вы сказали, что сирианцы балуют своих роботов; что они любят их; им для них ничего не жаль. Вы сказали, что для них робот ценнее сотни землян.

— Конечно, — подтвердил доктор Певерейл, — и это правда.

— Но если они так любят своих роботов, неужели они пошлют одного из них на Меркурий, незащищенного, не приспособленного к солнечной радиации? Неужели обрекут одного из роботов на медленную, мучительную смерть под лучами Солнца?

Доктор Певерейл замолчал, его верхняя губа задрожала.

Счастливчик сказал:

— Я сам не мог решиться выстрелить в робота из бластера, хотя он угрожал моей жизни, а я не сирианец. Неужели сирианцы могут быть так жестоки к своим роботам?

— Важность задачи... — начал доктор Певерейл.

— Допустим, — сказал Старр. — Я не говорю, что сирианцы не могут послать робота на Меркурий с целью саботажа, но, великая Галактика, они бы вначале защитили его мозг. Даже если не принимать во внимание их любовь к роботам, это просто здравый смысл. Так робот прослужит дольше.

Все одобрительно закивали и зашумели.

— Но если не сирианцы, — запинаясь, начал доктор Певерейл, — тогда кто же...

— Что ж, — сказал Дэвид, — давайте посмотрим, какие у

нас есть нити. Номер один. Майндс дважды заметил робота, и тот дважды исчезал, когда Майндс пытался приблизиться. Позже робот сообщил мне, что ему было приказано избегать людей. Очевидно, его предупредили, что Майндс ищет саботажника. Очевидно также, что его предупредил кто-то из Купола. Насчет меня его не предупредили, потому что я сказал, что иду в шахты. Нить номер два. Когда робот умирал, я снова спросил его, кто дал ему приказ. Он смог только сказать: «Зе... зе...» Потом его радио отключилось, но рот его двинулся так, словно он произносит два слога.

Верзила, светло-рыжие волосы которого взъерошились в возбуждении, закричал:

— Зертейл! Робот пытался сказать «Зертейл»! Этот грязный подонок все время саботировал. Все совпадает! Все сходится...

— Может быть, — заметил Дэвид, — может быть. Увидим. Но мне пришло в голову, что робот говорит «землянин».

— А может, — сухо сказал Певерейл, — эти звуки умирающего робота вообще не имели смысла.

— Возможно, — согласился Старр. — А теперь мы подходим к нити номер три, решающей. Вот она. Робот сирианского производства, а какой человек в Куполе мог оказаться обладателем такого робота? Был ли кто-нибудь на планетах Сириуса?

Глаза доктора Певерейла сузились.

— Я был.

— Совершенно верно, — сказал Дэвид, — только вы один. Таков ответ.

Последовало всеобщее смятение, и Старр потребовал тишины. Голос его звучал властно, лицо стало строгим.

— Как член Совета Науки, — сказал он, — объявляю, что в обсерватории с этого момента распоряжаюсь я. Доктор Певерейл смещен с должности директора. Я связался с штаб-квартирой Совета на Земле, сюда вылетел корабль. Будут предприняты соответствующие меры.

— Я требую, чтобы меня выслушали! — воскликнул доктор Певерейл.

— Вас выслушают, — ответил Дэвид, — но сначала прослушайте обвинение. Вы единственный человек, у которого была возможность украсть сирианского робота. Доктор Кук говорил нам, что к вам для личных услуг приставили робота во время вашего пребывания на Сириусе. Верно?

— Да, но...

— Улетая, вы приказали ему пойти на корабль. Каким-то

образом сумели обмануть сирианцев. Вероятно, они и не думали, что кто-то совершит такое ужасное преступление, с их точки зрения, — украдет робота. Поэтому, вероятно, они не приняли никаких мер предосторожности. Больше того, получает смысл попытка робота сказать в ответ на мой вопрос «землянин». Вы были единственным землянином на Сириусе. Когда робота впервые привели к вам на службу, о вас, вероятно, говорили как о землянине. И он называл вас землянином. Наконец, кто лучше вас мог знать, когда кто-нибудь направлялся на солнечную сторону? Кто всегда мог предупреждать по радио робота, когда безопасно выходить, а когда нужно скрываться?

— Я все отрицаю, — напряженно заявил доктор Певерейл.

— Отрицать нет смысла, — сказал Старр. — Если вы настаиваете на вашей невиновности, Совет вынужден будет направить запрос на Сириус. Робот сообщил мне свой серийный номер — РЛ-726. Если сирианские власти подтвердят, что этот робот был прикреплен к вам во время вашего пребывания на Сириусе и что он исчез во время вашего отлета, это все докажет. Больше того, ваше преступление — кража робота — совершено на Сириусе; у нас с сирианскими планетами заключен договор о выдаче преступников; мы вынуждены будем отправить вас туда. Советую вам, доктор Певерейл, сознаться и позволить земной юстиции заняться вами; иначе вы предстанете перед правосудием сирианцев, любимого робота которых вы украли и обрекли на мучительную смерть.

Доктор Певерейл невидящими глазами жалобно смотрел на собравшихся. Медленно — у него слабели сустав за суставом — он упал на пол.

Доктор Гардома подбежал к нему и послушал сердце.

— Он жив, но думаю, лучше уложить его в постель.

Два часа спустя, с доктором Гардомой и Старром в качестве свидетелей, при субэфирной связи с Советом, доктор Лэнс Певерейл продиктовал свое признание.

Меркурий быстро уменьшался. Зная, что ситуация в крепких руках представителей Совета, что больше на нем нет никакой ответственности, Старр все равно никак не мог успокоиться. Выражение лица у него было задумчивое.

Верзила беспокойно спросил:

— В чем дело, Счастливчик?

— Мне жаль старого Певерейла, — ответил Дэвид. — По-

своему, он хотел добра. Сирианцы действительно представляют опасность, хоть и не такую непосредственную, как он считал.

— Но Совет не передаст его им?

— Вероятно, нет, но страх перед ними в основном и вынудил его сознаться. Жестокий, но необходимый шаг. Какими бы патриотичными ни были его мотивы, он пытался совершить убийство. Кука тоже вынудили совершить убийство, но все равно это преступление, что бы мы ни думали о Зертейле.

Верзила спросил:

— А что у старика было против проекта «Свет»?

— Певерейл ясно дал понять это на банкете, — мрачно сказал Дэвид. — В тот вечер вообще все было ясно. Помнишь, он жаловался, что Земля ослабляет себя, завися от импортируемой пищи и ресурсов? Он сказал, что проект «Свет» поставит Землю в зависимость от космических станций. Он хотел, чтобы Земля была независима, чтобы успешнее противостоять сирианской опасности. Своим слегка неуравновешенным рассудком он решил, что будет способствовать независимости Земли, саботируя проект «Свет». Возможно, он вначале решил привезти с собой робота, чтобы продемонстрировать мощь сирианцев. Вернувшись, он обнаружил, что проект «Свет» начал осуществляться, и превратил робота в саботажника. Когда появился Зертейл, Певерейл вначале испугался, что тот будет расследовать все связанное с проектом «Свет» и разоблачит его. Поэтому он дал Зертейлу поврежденный костюм, но Зертейл это обнаружил. Похоже, Зертейл считал виновным в этом Майндса.

Верзила сказал:

— Конечно, если подумать. Когда мы впервые встретились со стариком, он даже не захотел говорить о Зертейле, так он на него был сердит.

— Совершенно верно, — сказал Дэвид, — а ведь у него для этого не было очевидных причин, как, например, у Майндса. Я подумал, что существует причина, о которой я не знаю.

— Это тебя впервые навело на подозрение?

— Нет, кое-что другое. Поврежденный костюм в нашей комнате. Лучшие возможности сделать это были у самого Певерейла. У него же была возможность избавиться от костюма, когда человек в нем погибнет. Он знал, какую комнату нам отвели, мог сам отобрать костюм. Меня смущало одно — мотив.

Зачем ему захотеть убивать меня? Мое имя, очевидно, для него ничего не значило. Когда мы впервые встретились, он спросил меня, не инженер ли я, как Майндс. Майндс узнал меня и пытался получить от меня помощь. Доктор Гардома слышал обо мне в связи с пищевыми отравлениями на Марсе. Зертейл, разумеется, все обо мне знал. И вот я подумал: может, и доктор Певерейл обо мне слышал. Например, была Церера, где мы с тобой находились во время нападения пиратов. Там расположена самая большая в Системе обсерватория. Мог доктор Певерейл тогда находиться там? Я спросил его, и он сказал, что не видел там меня. Он признал, что бывал на Церере, а потом Кук сказал, что старик летал на Цереру часто. Певерейл без всяких моих вопросов объяснил, что был тогда в больнице, и Кук позже это подтвердил. Этим Певерейл себя выдал. Волнуясь, он слишком много говорил.

Маленький марсианин посмотрел на Счастливчика.

— Не понимаю.

— Очень просто. Если Певерейл бывал на Церере много раз, зачем ему упоминать о своем алиби именно тогда, когда на Цереру напали пираты? Почему именно этот раз? Очевидно, он знал, что я делал на Церере, но старался это скрыть. Очевидно, он знал также, кто я такой. Но если он меня узнал, то почему попытался убить? И Зертейла тоже? Ты помнишь, у нас обоих оказались разрезанные костюмы. Но мы оба вели расследование. Значит, Певерейл боялся его? Потом он заговорил на банкете о сирианцах и роботах, и все начало становиться на место. Приобрел смысл рассказ Майндса, и я сразу понял, что привезти робота на Меркурий могли либо сирианцы, либо доктор Певерейл. Мне казалось, что ответ — Певерейл, что он говорит о сирианцах для отвлечения. Если робота найдут и саботаж остановят, разговоры о сирианцах послужат дымовой завесой и скроют его участие в этом деле; к тому же это хорошая антисирианская пропаганда. Мне нужно было доказательство. Иначе сенатор Свенсон обвинил бы нас в том, что мы создаем дымовую завесу, чтобы скрыть некомпетентность и напрасные расходы Совета. Хорошее доказательство. И поскольку здесь был замешан Зертейл, я не решался говорить об этом ни с кем, даже с тобой, Верзила.

Верзила застонал в отчаянии.

— Когда ты будешь мне доверять, Счастливчик?

— Когда ты научишься не ввязываться в драки с людьми

вдвое тяжелее тебя, — ответил Старр и улыбнулся, чтобы подсластить пилюлю. — Я решил отправиться на солнечную сторону, найти робота и использовать его как доказательство. Из этого ничего не вышло, и я вынужден был заставить Певерейла признаться.

Дэвид покачал головой.

Верзила спросил:

— А как же теперь сенатор Свенсон?

— Ничья, я думаю, — ответил Старр. — Он ничего не может сделать в связи со смертью Зертейла, потому что мы можем использовать доктора Кука как свидетеля грязных трюков Зертейла. Мы ничего не можем сделать с ним, потому что двух высших руководителей обсерватории нам пришлось сместить за уголовные преступления. Ничья.

— Пески Марса! — простонал Верзила. — Но он опять сядет нам на шею.

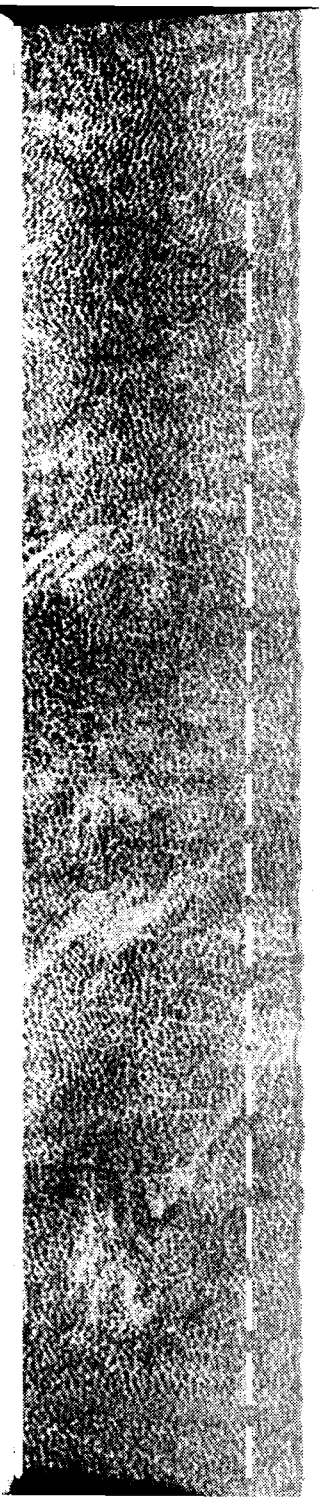
Но Счастливчик покачал головой.

— Нет, из-за сенатора Свенсона не надо беспокоиться. Он безжалостен и опасен, но именно потому держит Совет постоянно в хорошей форме, мешает нам становиться слабыми. К тому же, — задумчиво добавил он, — Совет Науки нуждается в критике, точно так же, как конгресс и правительство. Если когда-нибудь Совет сочтет себя выше критики, может наступить время, когда он установит диктатуру на Земле, а я не хотел бы, чтобы это случилось.

— Может быть, — сказал неубежденный Верзила, — но мне не нравится Свенсон.

Старр рассмеялся и потрепал марсианина за волосы.

— Мне тоже, но не будем беспокоиться об этом. Мир велик, и кто знает, где мы окажемся на следующей неделе и почему?



Счастливчик Старр и спутники Юпитера

1. НЕПРИЯТНОСТИ НА ЮПИТЕРЕ-9

Юпитер казался почти правильным кругом кремового цвета, в половину диаметра Луны, видимой с Земли, но с яркостью только в одну седьмую лунной, из-за большего расстояния от Солнца. Но и так он представлял прекрасное и внушительное зрелище.

Дэвид Старр задумчиво смотрел на него. Свет в контрольной рубке был выключен, и все освещение приходило только от Юпитера на экране; в этом тусклом свете фигуры Старра и его товарища казались тенями. Дэвид сказал:

— Если бы Юпитер был полым, Верзила, в него можно было бы поместить три тысячи планет размером с Землю и еще осталось бы место. Он весит больше всех остальных планет, вместе взятых.

Джон Верзила Джонс, который никому не позволял звать себя иначе, чем Верзила, и рост которого достигал пяти футов двух дюймов, слегка потянулся. Он не одобрял ничего крупнее себя, кроме Счастливчика. Он сказал:

— И что в этом хорошего? Никто не может на него высадиться. И не может даже приблизиться.

— Вероятно, мы на него никогда не высадимся, — ответил Старр, — но подлетим совсем близко, как только будет завершен аграв-корабль.

— Раз уж здесь замешаны сирианцы, — сморщился Верзила, — нам придется позаботиться, чтобы корабль взлетел.

— Посмотрим, Верзила.

Верзила ударил маленьким кулаком в открытую ладонь другой руки.

— Пески Марса, Счастливчик, долго ли нам тут ждать?

Они находились в корабле Старра «Метеор», который вращался по орбите вокруг Юпитера-9, самого внешнего из крупных спутников планеты.

Этот спутник неподвижно висел в тысяче миль от них. Официальное его название было Адрастея, но, за исключением самых крупных и близких, спутники Юпитера обычно называются по номерам. Юпитер-9 достигал только восемнадцати миль в диаметре; в сущности, это был всего лишь астероид, но с такого близкого расстояния он казался больше далекого Юпитера, находившегося в пятнадцати миллионах миль. Спутник представлял собой неровную скалу, серую, негостеприимную в слабом солнечном свете, вряд ли достойную интереса. И Счастливчик, и Верзила сотни раз видели подобные в поясе астероидов.

Впрочем, в одном отношении он отличался. Под его поверхностью тысяча человек и миллиарды долларов создавали корабль, неподвластный силе тяготения.

Тем не менее Старр предпочитал смотреть на Юпитер. Даже на таком удалении от корабля (три пятых кратчайшего расстояния между Землей и Венерой) Юпитер казался диском, и его горизонтальные полосы видны были невооруженным глазом. Они были светло-розового и зеленовато-синего цвета, будто ребенок окунул пальцы в водянистую краску и провел ими по изображению Юпитера.

Из-за красоты Юпитера Дэвид почти забыл о смертельно опасной хватке его гравитации. Верзиле пришлось громче повторить свой вопрос:

— Эй, Счастливчик, сколько нам еще здесь ждать?

— Ты сам знаешь ответ, Верзила. Пока нас не подберет командующий Донахью.

— Это я знаю. Я хочу знать, почему мы должны его ждать.

— Потому что он попросил нас об этом.

— Ага, попросил. А с какой стати?

— Он возглавляет проект «Аграв», — терпеливо сказал Дэвид.

— Но ты ведь не обязан его слушаться, кем бы он ни был. Ты сам это знаешь.

Верзила глубоко и остро осознавал власть Старра. Как полноправный член Совета Науки, этой бескорыстной могущественной организации, сражавшейся с врагами Земли в Солнечной системе и за ее пределами, он мог поступать вопреки распоряжениям самых значительных лиц.

Но Дэвид не собирался так поступать. Юпитер опасен — это планета с ядовитой атмосферой и смертельной силой тя-

жести; но ситуация на Юпитере-9 гораздо опаснее, потому что источник опасности точно неизвестен, а пока он не узнает гораздо больше, то будет продвигаться с большой осторожностью.

— Терпение, Верзила, — сказал он.

Верзила что-то проворчал и включил свет.

— Мы ведь не будем целый день смотреть на Юпитер?

Он подошел к маленькому венерианскому существу, которое плавало вверх и вниз в герметически закрытом аквариуме в углу пилотской рубки. Ласково посмотрел на существо, улыбаясь широким ртом от удовольствия. Венлягушка всегда оказывала такое действие на Верзилу, да и на всех остальных.

Венлягушка — обитатель венерианского океана, крошечное существо, которое, казалось, состоит только из глаз и лап. Его два больших глаза выпячивались, как сверкающие черные ягоды, сильный кривой клюв периодически открывался и закрывался. Шесть лап были втянуты, и лягушка сидела на дне аквариума, но когда Верзила постучал по стеклу, они раздвинулись, как линейка столяра, и стали похожи на стебельки.

Маленькое существо было уродливо, но Верзила любил его. Он ничего с этим не мог сделать. Все испытывали подобное чувство. Об этом заботилась венлягушка.

Верзила тщательно проверил цилиндр с двуокисью углерода, который насыщал этим веществом воду; убедился, что температура воды 29 градусов. (Теплые океаны Венеры насыщаются из атмосферы, состоящей из азота и двуокиси углерода. Кислород, который на Венере существует только в закрытых куполами подводных городах, был бы очень вреден для венлягушки.)

Верзила сказал:

— Как ты думаешь, хватает ли ей водорослей? — И как будто венлягушка услышала эти слова: она схватила клювом зеленый стебелек венерианской водоросли, росшей в аквариуме, и начала медленно жевать.

Счастливчик ответил:

— Она продержится, пока мы не высадимся на Юпитере-9.

И тут же оба подняли головы, услышав сигнал вызова.

Пальцы Старра быстро провели нужные манипуляции, и на экране появилось строгое пожилое лицо.

— Говорит Донахью, — послышался резкий голос.

— Да, командующий, — ответил Дэвид. — Мы вас ждем.

— Тогда подготовьте шлюз к переходу.

На лице командующего ясно, будто написанные буквами размером в метеоры первого класса, читались тревога и беспокойство.

За последние недели Старр привык к такому выражению. Например, на лице главы Совета Гектора Конвея. Для него Счастливчик был почти сыном, и старшему члену Совета не нужно было скрывать от него что-то.

Розовое лицо Конвея, обычно дружелюбное и уверенное под короной белоснежных волос, теперь напряженно хмурилось.

— Я несколько месяцев ждал возможности поговорить с тобой.

— Неприятности? — негромко спросил Дэвид. Он меньше месяца назад вернулся с Меркурия и провел все это время в своей нью-йоркской квартире. — Вы мне не звонили.

— Ты заслужил отпуск, — угрюмо сказал Конвей. — Я бы хотел, чтобы ты отдохнул подольше.

— Но в чем дело, дядя Гектор?

Глава Совета смотрел прямо в глаза молодого человека; казалось, твердый взгляд карих глаз Счастливчика успокоил его.

— Сириус! — сказал он.

Дэвид почувствовал прилив возбуждения. Неужели наконец самый главный враг?

Много столетий назад экспедиции с Земли колонизировали планеты ближайших звезд. На этих мирах за пределами Солнечный системы выросли новые общества. Независимые и забывшие о своем земном происхождении.

Старейшее и сильнейшее из таких обществ образовали планеты Сириуса. Это общество развилось на новых планетах, где самая передовая наука использовала нетронутые природные ресурсы. Не секрет, что сирианцы, считавшие, что представляют собой лучшую часть человечества, стремились стать во главе всех людей и считали Землю, свою древнюю родину, величайшим врагом.

В прошлом они не раз поддерживали врагов Земли, но ни разу не рискнули начать открытые военные действия.

Но теперь?

— Так что с Сириусом? — спросил Дэвид.

Конвей откинулся назад. Он легко постучал пальцами по столу. Сказал:

— С каждым годом Сириус становится все сильнее. Мы знаем это. Но их планеты слабо населены, у них всего несколько миллионов. В нашей Солнечной системе все еще больше людей, чем во всей остальной Галактике. У нас больше кораблей и ученых. У нас по-прежнему преимущество. Но, клянусь космосом, если дела и дальше пойдут так, мы недолго его удержим.

— Почему?

— Сирианцам все становится известно. Совет имеет неопровержимые доказательства, Сириус во всех подробностях знает наши исследования аграва.

— Что? — Старр был изумлен. Мало было тайн, более тщательно скрываемых, чем проект «Аграв». Одна из причин, почему проект осуществлялся на внешнем спутнике Юпитера, заключалась именно в необходимости сохранения тайны. — Великая Галактика, как это произошло?

Конвей горько улыбнулся.

— Действительно, вопрос. Как это произошло? Им становится известно все, и мы не знаем, каким образом. Данные по аграву — самые важные. Мы пытались остановить это. Нет в проекте человека, которого мы бы самым тщательным образом не проверили. Нет такой меры предосторожности, которую мы бы не приняли. Но сведения по-прежнему уходят. Мы пытались передать дезинформацию, но это было обнаружено. Мы знаем это по сообщениям своей разведки. Мы давали информацию таким образом, чтобы она не могла уйти, и тем не менее она уходит.

— Что значит «не могла уйти»?

— Мы рассеяли ее так, что ни один человек не знал всего. И тем не менее сирианцы узнали. Это означает, что множество людей участвуют в шпионаже, а это просто невероятно.

— Или один человек, имеющий доступ ко всему, — сказал Старр.

— Что точно так же невозможно. Это что-то новое, Дэвид. Понимаешь ли ты, что это значит? Если сирианцы нашли способ просвечивать наши головы, мы больше не в безопасности. Мы никогда не сможем от них защититься. Никогда не сможем составить успешный план против них.

— Подождите, дядя Гектор. Великая Галактика, передохните минутку. Что вы имеете в виду? Как это — просвечивают наши головы? — Он пристально посмотрел на старшего.

Лицо главы Совета вспыхнуло.

— Великий Космос, Дэвид, я прихожу в отчаяние. Я не вижу другого объяснения. Сирианцы разработали какой-то способ чтения мыслей или овладели телепатией.

— А почему вы стыдитесь этого предположения? Ведь это возможно. Мы знаем о существовании практической телепатии. Венерианские венлягушки.

— Ну хорошо, — сказал Конвей. — Я думал и об этом, но у них нет венерианских венлягушек. Я знаю, что показали исследования. Нужны совместные действия тысяч лягушек, чтобы телепатия стала возможна. Держать тысячи лягушек не на Венере чрезвычайно сложно, и их легко обнаружить. А без венлягушек телепатия невозможна.

— Мы не знаем, как ее осуществить, — пока, — негромко сказал Счастливчик. — Возможно, сирианцы опередили нас в исследованиях телепатии.

— Без венлягушек?

— Даже и без венлягушек.

— Я в это не верю, — яростно заявил Конвей. — Не могу поверить, чтобы сирианцы разрешили проблему, которая сделала Совет Науки совершенно беспомощным.

Старр чуть не улыбнулся этой гордости старика за свою организацию, но должен был признать, что тут не просто гордость. Совет Науки представлял собой величайшее собрание разума, известное Галактике, и уже в течение столетия все относительно крупные научные достижения исходили только от Совета.

Тем не менее он не удержался от легкого укола:

— Они впереди нас в роботехнике.

— Вовсе нет! — выпалил Конвей. — Только в ее приложениях. Земляне изобрели позитронный мозг, который сделал возможным существование механического человека. Не забывай об этом. Земле принадлежат все важнейшие достижения. Просто сирианцы строят больше роботов и... — он слегка заколебался... — усовершенствовали некоторые инженерные решения.

— Я в этом убедился на Меркурии, — мрачно заметил Счастливчик.

— Да, я знаю, Дэвид. Ты чуть не погиб.

— Но с этим покончено. Подумаем, что стоит теперь перед

нами. Ситуация такова: Сириус ведет успешный шпионаж, и мы не можем прекратить его.

— Да.

— И наиболее затронут проект «Аграв».

— Да.

— Я полагаю, дядя Гектор, вы хотите, чтобы я отправился на Юпитер-9 и посмотрел, не смогу ли что-нибудь узнать.

Конвей мрачно кивнул.

— Да, я прошу тебя об этом. Это несправедливо по отношению к тебе. У меня выработалась привычка считать тебя своей козырной картой, человеком, перед которым я могу поставить любую проблему, зная, что он ее решит. Но что ты здесь можешь сделать? Совет испробовал все, и мы не обнаружили ни шпиона, ни метод шпионажа. Мы не можем ожидать от тебя большего.

— Не от меня одного. У меня будет помощь.

— Верзила? — Старик не сдержал улыбки.

— Не только Верзила. Позвольте задать вам вопрос. По вашим сведениям, известно ли сирианцам о наших исследованиях венлягушек?

— Нет, — ответил Конвей. — Неизвестно, насколько я знаю.

— Тогда я прошу разрешения взять с собой венлягушку.

— Венлягушку? Одну?

— Да.

— Но что это тебе даст? Ментальное поле одной венлягушки чрезвычайно слабо. Ты не сможешь читать мысли.

— Правда, но я смогу улавливать сильные эмоции.

Конвей задумчиво сказал:

— Возможно. Но что это даст тебе?

— Пока не знаю. Но все равно: это преимущество, которого не было у предыдущих следователей. Неожиданная вспышка эмоций может помочь мне, даст основания для подозрений, направит ход расследования. И потом...

— Да?

— Если кто-то обладает телепатическими способностями, природными или развитыми искусственно, я смогу уловить нечто большее, чем сильные эмоции. Могу уловить мысль, прежде чем этот человек начнет экранировать свои мысли. Понимаете, что я имею в виду?

— Но он может уловить и твои эмоции.

— Теоретически да, но я буду вслушиваться в эмоции, так сказать. А он нет.

Взгляд Конвея просветлел.

— Слабая надежда, но, клянусь космосом, надежда! Я добуду тебе венлягушку... Но еще одно, Старр. — Он называл его так только в моменты глубочайшей озабоченности. — Я хочу, чтобы ты понял всю важность этого дела. Если мы не узнаем, как сирианцы это делают, это будет значить, что они действительно опередили нас. А это значит, что война больше не будет откладываться. От этого зависит — война или мир.

— Понимаю, — негромко ответил Счастливчик.

2. КОМАНДУЮЩИЙ РАЗГНЕВАН

Вот почему Дэвид Старр, землянин, и его маленький друг Верзила Джонс, родившийся и выросший на Марсе, пересекли пояс астероидов и оказались на окраине освоенной части Солнечной системы. И именно поэтому житель Венеры, совсем не человек, а маленькое животное, читающее мысли и навязывающее эмоции, сопровождал их.

Они висели в тысяче миль над Юпитером-9 и ждали, пока закрепят гибкую трубу между «Метеором» и кораблем командующего. Труба соединяла шлюзы кораблей, и по ней человек мог перейти из одного корабля в другой, не надевая космического костюма. Воздух кораблей смешивался, и человек, привыкший к космосу, пользуясь невесомостью, мог пролететь по всей трубе от одного толчка, меняя направление при изгибах трубы прикосновениями локтя.

В отверстии вначале показались руки командующего. Они ухватились за край отверстия, потом командующий перепрыгнул через край и опустился в искусственном поле тяготения «Метеора» (официально оно именовалось псевдогравитационным полем), не пошатнувшись. Проделано это было прекрасно, и Верзила, который предъявлял высокие требования к любой космической технике, одобрительно кивнул.

— Добрый день, член Совета Старр, — мрачно сказал Донахью.

В космосе трудно определить, когда говорить «доброе утро», «добрый день» или «добрый вечер»: строго говоря в космосе не бывает ни утра, ни дня, ни вечера. Космонавты обычно используют нейтральную форму «добрый день».

— Добрый день, командующий, — ответил Счастливчик. — Возникли какие-нибудь трудности, из-за чего задерживается наша посадка на Юпитер-9?

— Трудности? Ну, как посмотреть. — Донахью огляделся и сел в одно из пилотских кресел. — Я связывался со штаб-квартирой Совета, но мне ответили, чтобы я говорил непосредственно с вами, поэтому я здесь.

Командующий Донахью был худощавым, жилистым человеком; от него исходило сильное внутреннее напряжение. Лицо его было покрыто глубокими морщинами, волосы седые, но видно, что когда-то они были каштановыми. На тыльной стороне ладоней проступали выпуклые синие вены, и говорил он взрывчато, стремительным потоком слов.

— О чем вы с ними говорили, сэр? — спросил Дэвид.

— Вот о чем, член Совета. Я хочу, чтобы вы вернулись на Землю.

— Почему, сэр?

Говоря, командующий не смотрел на молодого человека.

— У нас моральная проблема. Наших людей проверяли, и проверяли, и проверяли. И каждый раз ничего не находили, и каждый раз начиналось новое расследование. Им это не нравится, вам тоже не понравилось бы. Им не нравится то, что они постоянно находятся под подозрением. И я полностью на их стороне. Наш аграв-корабль почти готов, и сейчас не время тревожить моих людей. Они поговаривают о забастовке.

Старр спокойно ответил:

— Возможно, ваши люди не виновны, но информация все равно уходит.

Донахью пожал плечами.

— Значит, она идет откуда-то еще. Должно быть... — Он смолк, а когда заговорил снова, в его голове звучало совершенно неуместное дружелюбие: — А это что?

Верзила проследил за его взглядом и немедленно ответил:

— Это наша венлягушка, командующий, а я Верзила.

Командующий не обратил на него внимания. Напротив, он подошел к венлягушке, глядя на заполненный водой аквариум.

— Она с Венеры?

— Да, — сказал Верзила.

— Я о них слышал. Но никогда не видел. Симпатичная малышка.

Счастливчик почувствовал мрачное удовлетворение. Ему не показалось странным, что в середине такого серьезного разговора командующий вдруг начал восхищаться маленьким водным существом с Венеры. Венлягушка сделала это неизбежным.

Маленькое существо смотрело на Донахью черными глазами, раскачиваясь на стеблеобразных лапах и негромко щелкая клювом попугая. Во всей известной вселенной оно одно обладает уникальным приспособлением для выживания. У него нет защитного вооружения, нет никакой брони. Нет ни когтей, ни зубов, ни рогов. Клюв его может укусить, но даже этот укус не причинил бы никакого вреда существу большего размера.

Но лягушки свободно размножаются в покрытых водорослями океанах Венеры, и ни один из свирепых хищников океанских глубин их не тревожит. Просто потому, что венлягушки способны контролировать эмоции. Они заставляют все другие формы жизни любить себя, относиться к себе дружественно, не испытывая никакого желания вредить. Так они выживают. И не просто выживают. Процветают.

Именно эта венлягушка внушила командующему Донахью дружеские чувства, так что суровый военный указал на нее пальцем и рассмеялся, глядя, как она склоняет голову и опускается на своих выдвижных лапах.

— Нельзя ли нам получить несколько таких для Юпитера-9, Старр? — спросил Донахью. — Мы очень любим животных. Животные нам напоминают о доме.

— Это не очень практично, — ответил Счастливчик. — Венлягушек трудно содержать. Им нужно находиться в насыщенной двуокисью углерода среде. Кислород для них ядовит. Это усложняет содержание.

— Значит, их нельзя держать в открытом аквариуме?

— Иногда можно. На Венере их так держат: там двуокись углерода дешева, да и лягушку всегда можно выпустить в океан, если ей станет плохо. Но на корабле или на безвоздушной планете нельзя постоянно выпускать двуокись углерода, поэтому закрытая система лучше.

— Ага! — Командующий выглядел слегка опечаленным.

— Вернемся к первоначальной теме разговора, — резко

сказал Дэвид. — Не могу согласиться с вашим предложением. У меня есть поручение, и я обязан его выполнить.

Командующему потребовалось несколько секунд, чтобы очнуться от чар венлягушки. Лицо его потемнело.

— Я уверен, вы не понимаете ситуации. — Он неожиданно повернулся и посмотрел на Верзилу. — Вот, к примеру, ваш товарищ...

Маленький марсианин застыл и начал краснеть.

— Я Верзила, — сказал он. — Я уже говорил вам.

— Не такой уж верзила, — заметил командующий.

И хотя Старр сразу положил руку на плечо маленького человека, это не помогло. Верзила закричал:

— Дело не в габаритах, мистер! Мое имя Верзила, и я не меньше вас или любого другого человека, что бы ни говорила линейка. А если вы в это не верите... — Он яростно дергал левым плечом. — Отпусти меня, Счастливчик! Этот тип...

— Подожди минутку, Верзила, — попросил Старр. — Узнаем, что хочет сказать командующий.

Донахью удивленно смотрел на разозлившегося Верзилу. Он сказал:

— Я не хотел обидеть вас своим замечанием. Простите, если я вас задел.

— Задели меня? — визгливо спросил Верзила. — Меня? Послушайте, я вам вот что скажу: я никогда не теряю голову, и, как только вы извинились, дело забыто. — Он подтянул пояс и резко хлопнул ладонями по голенищам своих оранжево-зеленых сапог высотой по колено, которые являются обязательной принадлежностью каждого марсианского фермера и без которых ни одного фермера не увидишь на людях (разве что он наденет другие сапоги, еще более кричащие).

— Я хочу, чтобы вы меня поняли, член Совета, — Донахью снова обратился к Дэвиду. — У меня на Юпитере-9 тысяча человек, и все это сильные люди. Им приходится быть такими. Они далеко от дома. У них тяжелая работа. Они очень рискуют. У них здесь свой взгляд на жизнь, и нелегкий взгляд. Например, они подшучивают над новичками, и шутки эти не из ласковых. Иногда после таких шуток новичок не может встать и пойти домой. Иногда бывает ранен. Но когда он проходит через это, все в порядке.

Старр спросил:

— Это официально разрешено?

— Нет. Но позволено неофициально. Людям нужно как-то отвлекаться, и мы не можем вызывать их вражду, вмешиваясь в эти розыгрыши. Хорошего работника сюда заманить трудно. Вы знаете, мало кто готов работать на спутниках Юпитера. К тому же посвящение помогает отсеять неприспособленных. Если человек не прошел посвящение, он и в других обстоятельствах подведет. Вот почему я упомянул вашего друга.

Командующий торопливо поднял руку.

— Не делайте ошибки. Я согласен, что он внутренне велик, способен и все что хотите. Но выдержит ли он то, что вас ждет? А вы выдержите, член Совета?

— Вы имеете в виду подшучивание?

— Это будут жестокие шутки, член Совета, — сказал Донахью. — Люди знают, что вы прибываете. Новости каким-то образом просачиваются.

— Да, я знаю, — ответил Счастливчик.

Командующий нахмурился.

— Во всяком случае, они знают, что вы прилетели расследовать, и не испытывают к вам нежных чувств. У них дурное настроение, и они постараются причинить вам вред, член Совета Старр. Я прошу вас не высаживаться на Юпитере-9, ради проекта, ради моих людей, ради вас самого. Вот вам самый прямой ответ.

Верзила смотрел, как меняется товарищ. Обычное спокойствие и добродушие исчезли. Темно-карие глаза стали жесткими, и красивое худое лицо исказилось выражением, которое Верзила редко на нем видел, — гневом. Каждая мышца стройного тела Дэвида, казалось, напряглась.

Он звонко произнес:

— Командующий Донахью, я член Совета Науки. Я подчиняюсь только главе Совета Науки и Президенту Солнечной Федерации Миров. Я выше вас по должности, и вы должны выполнять мои приказы и распоряжения. Я считаю предупреждение, которое вы только что мне изложили, свидетельством вашей некомпетентности. Ничего не говорите, пожалуйста; слушайте. Вы очевидно не контролируете своих людей и непригодны к командованию. Теперь следующее: я высажусь на Юпитере-9 и проведу свое расследование. Я справлюсь с вашими людьми, чего вы не можете сделать.

Он помолчал, глядя, как собеседник хватает ртом воздух, тщетно пытаясь сказать слово. Потом рявкнул:

— Вы меня поняли, командующий?

Командующий Донахью с неузнаваемо искаженным лицом сумел ответить:

— Я обращусь в Совет Науки. Ни один высокомерный мальчишка не смеет так со мной разговаривать. Я руковожу людьми не хуже любого другого человека моего ранга. Мое предупреждение будет записано, и, если на Юпитере-9 вы будете ранены, я с радостью рискну трибуналом. Я ничего для вас не сделаю. Я даже надеюсь... надеюсь, вас поучат манерам, вы...

Он больше не мог говорить. Повернулся и прошел к открытому люку, к трубе, все еще соединявшей два корабля. В гневе он чуть не упал, выбираясь в люк.

Верзила со страхом смотрел, как ноги командующего исчезают в трубе. Гнев Донахью был настолько ощутим, что марсианин чувствовал его волны в себе.

Он сказал:

— Вот это да! Ты его действительно расшевелил!

Старр кивнул.

— Он сердит. Несомненно.

— Послушай, может, он и есть шпион? Он много знает. У него много возможностей.

— Но его также больше всех проверяли, так что твоя теория сомнительна. Однако он помог нам в маленьком эксперименте, так что при следующей встрече мне придется извиниться.

— Извиниться? — Верзила пришел в ужас. Он твердо считал, что извинения — это то, что должны делать только другие. — Почему?

— Слушай, Верзила, ты что, считаешь, что я все это говорил серьезно?

— Ты не рассердился?

— Нет.

— Это была игра?

— Можно назвать и так. Я хотел рассердить его, по-настоящему рассердить, и мне это удалось. Я могу это засвидетельствовать.

— Засвидетельствовать?

— А ты разве нет? Ты разве не почувствовал в себе его гнев?

— Пески Марса! Венлягушка!

— Конечно. Она принимала гнев командующего и передавала его нам. Я знал, что венлягушки могут это делать. Мы это проверили на Земле, но я хотел проверить в полевых условиях. Теперь я уверен.

— Она здорово передает.

— Да, знаю. Так что у нас все-таки есть оружие.

3. АГРАВ-КОРИДОР

— Прекрасно, — сказал Верзила. — Значит, приступаем?

— Подожди, — сразу ответил Счастливчик. — Подожди, друг мой. Это особое оружие. Мы сможем улавливать сильные эмоции, но, возможно, так и не уловим ту, что служит ключом к разгадке. Все равно что глаза. Мы видим, но можем увидеть не то.

— Ты увидишь все, что нужно, — уверенно заявил Верзила.

Спуск на Юпитер-9 очень напомнил Верзиле маневры в астероидном поясе. Дэвид объяснил ему, что астрономы считают этот спутник настоящим астероидом — большим астероидом, много миллионов лет назад захваченным чудовищным полем тяготения Юпитера.

Вообще Юпитер захватил множество астероидов, и в пятнадцати миллионах миль от гигантской планеты располагается миниатюрный пояс астероидов, принадлежащих только Юпитеру. Четыре самых больших астероида этого пояса имеют в диаметре от сорока до ста миль — это Юпитер-12, 11, 8 и 9. Существует также больше ста спутников свыше мили в диаметре; они не пронумерованы и обычно игнорируются. Их орбиты вычислили только десять лет назад, когда было решено разместить на Юпитере-9 центр антигравитационных исследований; необходимость связываться с этим спутником заставила обратить внимание на население окружающего пространства.

Приближающийся спутник заполнил небо и превратился в жесткий мир вершин и пропастей, не смягченных прикосновением атмосферы за миллиарды лет свой истории. Верзила, все еще задумчивый, спросил:

— Счастливчик, а почему вообще его называют Юпитер-9?

По атласу, он не самый близкий к Юпитеру. Например, Юпитер-12 гораздо ближе.

Дэвид улыбнулся.

— Беда в том, Верзила, что ты избалован. Ты родился на Марсе и потому считаешь, что человечество бродит по космосу с сотворения мира. Послушай, парень, человечество изобрело первый космический корабль всего тысячу лет назад.

— Это я знаю, — возмущенно ответил Верзила, — я не невежа. Я ходил в школу. Не разбрасывай свои большие мозги повсюду.

Старр улыбнулся еще шире и постучал костяшками двух пальцев по черепу Верзилы.

— Есть кто-нибудь дома?

Кулак Верзилы устремился в живот друга, но тот перехватил его в воздухе, и малыш неподвижно застыл.

— Все очень просто, Верзила. До изобретения космического корабля люди были прикованы к Земле и знали только то, что можно увидеть в телескоп. Спутники нумеровали в порядке их открытия, понятно?

— Ага! — сказал Верзила и высвободился. — Бедные предки! — Он рассмеялся, как всегда, когда думал о человечестве, привязанном к одной планете и с тоской глядящем к космос.

Старр продолжал:

— Четыре самых крупных спутника Юпитера имеют номера один, два, три и четыре, хотя по номерам их обычно не называют. Это Ио, Европа, Ганимед и Каллисто. Самый близкий спутник — маленький номер пять, а потом были открыты спутники по двенадцатый. Все последующие были обнаружены уже тогда, когда люди вышли в космос, побывали на Марсе и в поясе астероидов... А теперь внимание. Начинаем посадку.

«Поразительно, — думал Дэвид, — во что превращается крошечный астероид восьмидесяти девяти миль в диаметре, когда находишься от него в непосредственной близости. Он становится настоящим миром. Конечно, этот мир мал по сравнению с Юпитером или даже Землей. Положить его на Землю, и он поместится в штате Коннектикут; вся его поверхность меньше Пенсильвании. И все же, когда оказываешься на этом мире, когда гигантские захваты (гравитация тут ничтожна, но инерция сохраняется в полной мере) помещают твой корабль в

большую пещеру, способную вместить сотню таких кораблей, как «Метеор», этот мир больше не кажется крохотным. А когда видишь на стене подробную карту Юпитера-9, всю эту сложную сеть подземных коридоров и помещений, сооруженных по сложной программе, мир начинает казаться большим».

На карте изображались горизонтальная и вертикальная проекции Юпитера-9, и, хотя в основном использовалась небольшая часть спутника, Старр видел, что отдельные коридоры уходят в глубину на две мили, а всего они протянулись на сотни миль.

— Грандиозная работа, — негромко сказал он стоявшему рядом лейтенанту.

Лейтенант Августас Невски коротко кивнул. Его безупречный мундир сверкал чистотой. У него были маленькие светлые усики, широко расставленные голубые глаза и привычка смотреть прямо перед собой, как будто он постоянно находился в стойке «смирно».

Он с гордостью ответил:

— Мы продолжаем расти.

Когда четверть часа назад Счастливчик и Верзила вышли из корабля, лейтенант представился им в качестве личного сопровождающего, назначенного командующим Донахью.

Старр, внутренне смеясь, спросил:

— Сопровождающий? Или конвоир? Вы вооружены, лейтенант.

С лица лейтенанта исчезли всякие проявления чувств.

— Я нахожусь на службе, член Совета, и мне по инструкции полагается иметь оружие. Вы увидите, что сопровождающий здесь необходим.

Но, когда прибывшие стали хвалить проект, он расслабился и как будто стал испытывать обычные человеческие чувства. Он сказал:

— Конечно, отсутствие сколько-нибудь заметного гравитационного поля позволяет применять такие инженерные хитрости, которые невозможны на Земле. Подземные коридоры сооружаются практически без подпорок.

Дэвид кивнул, потом сказал:

— Я понял, что первый аграв-корабль почти готов к взлету.

Лейтенант некоторое время молчал. Лицо его снова стало непроницаемым. Потом он напряженно ответил:

— Вначале я покажу вам ваше помещение. Его легко дос-

тигнуть при помощи аграв-коридора, и если вы захотите воспользоваться...

— Эй, Счастливчик! — неожиданно возбужденно крикнул Верзила. — Ты только посмотри.

Дэвид повернулся. Это был всего лишь котенок, серый, как дым, с обычным для кошек выражением серьезной печали; он с готовностью изогнул спину под пальцами Верзилы. И замурлыкал.

Старр сказал:

— Командующий говорил, что тут любят животных. Это ваш, лейтенант?

Офицер вспыхнул.

— Они общие. Тут есть еще несколько кошек. Их иногда привозят грузовые суда. У нас есть еще канарейки, попугай, белая мышь, золотые рыбки. Но ничего подобного вашему как-там-оно-называется. — И в глазах его, устремленных на аквариум с венлягушкой, зажатый у Верзилы под локтем, мелькнула зависть.

Но Верзила не отрывался от кошки. На Марсе нет домашних животных, и пушистые любимцы землян для марсианина всегда обладают очарованием новизны.

— Я ему понравился, Счастливчик.

— Это она, — заметил лейтенант, но Верзила не обратил на это внимания.

Кошка, вертикально задрав хвост, так что опускался только его кончик, ходила мимо Верзилы, подставляя ему то один, то другой бок.

Но тут мурлыканье прервалось, и Верзила ощутил прилив лихорадочного голодного желания.

Вначале это его удивило, но тут он заметил, что кошка перестала мурлыкать и стоит в напряженной охотничьей позе, выработанной инстинктом миллионнолетней давности.

Ее зеленые раскосые глаза смотрели прямо на венлягушку.

Но эта кошачья эмоция исчезла почти сразу же, как появилась. Кошка потерлась о край аквариума и снова негромко и довольно замурлыкала.

Кошке тоже понравилась венлягушка. Другой возможности у нее и не было.

Дэвид сказал:

— Вы говорили, лейтенант, что мы доберемся до своих по-

мещений при помощи аграва. И хотели объяснить нам, что это значит.

Лейтенант, который ласково смотрел на венлягушку, помолчал, чтобы собраться с мыслями, потом ответил:

— Да. Это очень просто. У нас на Юпитере-9 искусственное поле тяготения, как на любом корабле. Эти поля организованы во всех главных коридорах так, чтобы можно было падать в них в любом направлении. Все равно что прыгнуть в ствол шахты на Земле.

Старр кивнул.

— И насколько быстро вы падаете?

— В этом-то и дело. Обычно сила тяжести действует непрерывно, и вы падаете все быстрее и быстрее...

— Поэтому-то я и задал вопрос, — сухо прервал Дэвид.

— Но не при аграве. Аграв — это ведь а-грав, отсутствие тяготения. Аграв используется для поглощения гравитационной энергии или для преобразования ее. Вы падаете с любой нужной вам скоростью. Если гравитационное поле направлено в противоположную сторону, вы начинаете замедляться. Аграв-коридор с двумя противоположно направленными псевдогравитационными полями использовался как начальный этап разработки аграв-кораблей, работающих в едином гравитационном поле. Помещения инженеров, где вы будете жить, всего лишь в миле отсюда, и туда можно добраться по коридору А-2. Готовы?

— Будем готовы, как только вы объясните работу аграва.

— Это не проблема. — Лейтенант Невски снабдил их чем-то вроде упряжи, закреплявшейся на поясе и плечах; прилаживая ее, он быстро объяснял способ управления.

А потом сказал:

— Пройдемте со мной, джентльмены; коридор всего в нескольких ярдах в том направлении.

Верзила остановился в нерешительности у входа в коридор. Он не боялся ни пространства, ни падения. Но за свою жизнь он привык преодолевать препятствия при марсианском или еще меньшем тяготении. А тут нормальное земное псевдополе, и коридор кажется ярко освещенной дырой, уходящей, по-видимому, прямо вниз, хотя на самом деле (сознание говорило это Верзиле) он параллелен близкой поверхности спутника.

Лейтенант сказал:

— Эта линия ведет к помещениям инженеров. Если бы мы двигались с той стороны, «низ» казался бы нам в противоположном направлении. Мы можем поменять «верх» и «низ» местами с помощью контроля аграва.

Он увидел выражение лица Верзилы и сказал:

— Привыкнете. Через какое-то время это становится второй натурой.

Он вышел в коридор и не опустился ни на дюйм. Как будто стоял на невидимой платформе.

Он небрежно спросил:

— Поставили шкалу на ноль?

Верзила сделал это, и мгновенно сила тяжести исчезла. Он ступил в коридор.

Лейтенант резко повернул кнопку своего прибора и начал опускаться, набирая скорость. Дэвид последовал за ним, и Верзила, который предпочел бы упасть под двойной силой тяжести и расплющиться в лепешку, чем не сделать того же, что он, глубоко вдохнул и тоже начал падать.

— Снова вернитесь к нулю, — крикнул лейтенант, — и начнете двигаться с постоянной скоростью. Привыкайте.

Периодически они пролетали мимо светящихся надписей «Держитесь этой стороны». Один раз мимо них промелькнул человек (он и правда падал) в противоположном направлении. Он двигался гораздо быстрее их.

— Бывают ли столкновения, лейтенант? — спросил Старр.

— Нет, — ответил лейтенант. — Опытные люди следят за теми, кого перегоняют или кто перегоняет их, и легко замедляются или ускоряются. Конечно, иногда парни сталкиваются нарочно. Грубоватая игра, и может закончиться сломанной ключицей. — Он быстро взглянул на Дэвида. — Наши парни играют грубо.

Тот ответил:

— Понимаю. Командующий предупредил меня.

Верзила, который смотрел вниз в хорошо освещенный туннель, возбужденно воскликнул:

— Эй, Счастливчик, забавно, когда привыкнешь! — и повернул ручку своего прибора.

И начал опускаться быстрее. Его голова поравнялась с но-

гами Старра, потом ушла еще ниже. Скорость Верзилы возрастала.

Неожиданно лейтенант Невски тревожно крикнул:

— Перестаньте сейчас же! Переключите назад!

Дэвид властно приказал:

— Верзила, медленнее!

Они догнали Верзилу, и лейтенант гневно объяснил:

— Никогда этого не делайте! В коридоре множество препятствий и перегородок, и вы разобьетесь об одну из них, считая себя в безопасности.

— Эй, Верзила, — сказал Старр. — Держи венлягушку. Это придаст тебе чувство ответственности.

— Ну, — смущенно ответил Верзила, — я просто позабавился немного. Пески Марса, Счастливчик...

— Хорошо, — сказал Дэвид. — Вреда ты не причинил. — И Верзила сразу просиял.

Он снова посмотрел вниз. Спуск с равномерной скоростью совсем не то, что свободное падение в пространстве. В космосе кажется, что ничего не движется. Космический корабль может идти со скоростью в сотни тысяч миль в час, и все равно в нем будет ощущение неподвижности. Отдаленные звезды никогда не движутся.

Здесь все было пронизано движением. Мимо мелькали огни, отверстия, различные приспособления на стенах коридора.

В космосе не бывает «верха» и «низа», здесь тоже их не было, и это казалось неправильным. Когда Верзила смотрел «вниз», мимо своих ног, ему казалось, что «низ» там, и все было в порядке. Но когда он взглянул «наверх», у него мгновенно возникло ощущение, что «верх» это на самом деле «низ» и что он, стоя на голове, падает «вверх». Он быстро посмотрел себе под ноги, чтобы избавиться от этого ощущения.

Лейтенант сказал:

— Не слишком наклоняйтесь вперед, Верзила. Аграв направляет ваше падение, но если вы слишком перегнетесь, начнете вертеться.

Верзила выпрямился.

Лейтенант сказал:

— Ничего опасного во вращении нет. Всякий, кто привык к аграву, тут же может остановиться. Но для начинающих это трудно. Мы начинаем замедляться. Поставьте шкалу на минус и держите так. Примерно минут пять.

Говоря это, он замедлил свой полет и двинулся мимо них. Теперь его ноги висели на уровне глаз Верзилы.

Верзила передвинул шкалу, отчаянно пытаясь сравняться с лейтенантом. И тут появились «верх» и «низ», только неправильные. Он определенно стоял на голове.

Он крикнул:

— Эй, у меня кровь отливает от головы!

Лейтенант резко сказал:

— Вдоль коридора есть опоры. Как можно быстрее зацепитесь за одну из них ногой.

Сам он поступил именно так, и тут же его голова и ноги поменялись местами. Он продолжал поворачиваться, но остановил вращение, взявшись рукой за опору.

Дэвид последовал его примеру, и Верзила, широко расставив свои короткие ноги, наконец умудрился поймать одну опору. Он резко повернулся и сильно ударился локтем о стену, но все же сумел остановиться.

Теперь он снова оказался головой вверх. Он не падал, а поднимался, как будто им выстрелили из пушки, и поднимался все медленнее под действием силы тяжести.

Когда скорость их совсем уменьшилась, Верзила, беспокойно глядя под ноги, подумал: «Мы опять начнем падать». Коридор опять показался ему бездонным колодцем, и мышцы живота у него напряглись.

Но лейтенант сказал:

— Переключите на ноль.

Они перестали замедляться. Спокойно двигались наверх, как в ровном медленном лифте; наконец показалось пересечение; лейтенант, ухватившись за опору, легко остановился.

— Помещения инженеров, джентльмены, — объявил он.

— И комиссия по встрече, — негромко добавил Старр.

В коридоре их ждало не менее пятидесяти человек.

Дэвид сказал:

— Вы говорили, они любят грубую игру, лейтенант. Похоже, они хотят поиграть сейчас.

Он твердо шагнул в коридор. Верзила, ноздри которого раздувались от возбуждения, довольный, что он снова на прочной поверхности, крепко сжал аквариум с венлягушкой и встал рядом с товарищем, глядя на ожидающих жителей Юпитера-9.

4. ПОСВЯЩЕНИЕ!

Лейтенант Невски, положив руку на рукоять бластера, постарался, чтобы голос его звучал властно:

— Эй, парни, что вы тут делаете?

Кое-кто что-то забормотал, но большинство молчали. Все смотрели на стоявшего впереди, как будто ждали, чтобы он заговорил.

Предводитель улыбался, лицо его расплывалось в добродушном выражении. У него были прямые, с пробором посредине волосы светло-оранжевого цвета. Скулы широкие, он жевал резинку. Костюм из синтетической ткани, как и у всех, но, в отличие от остальных, у предводителя рубашка и брюки были украшены большими и массивными медными пуговицами. Четыре на передке рубашки, по одной на каждом из карманов и по четыре вдоль каждой брючины — всего четырнадцать. Никакой прагматической цели у этих пуговиц не было — всего лишь украшение.

— Ну хорошо, Саммерс, — обратился лейтенант к этому человеку, — что здесь делают эти люди?

Саммерс заговорил мягким вкрадчивым голосом:

— Ну, лейтенант, мы подумали, хорошо бы встретить новичка. Он захочет с нами увидеться. Будет задавать много вопросов. Почему бы не встретиться сразу?

Говоря это, он взглянул на Старра, и на мгновение во взгляде его сверкнул лед, но тут же взгляд снова стал дружелюбным и мягким.

Лейтенант сказал:

— Вы должны находиться на работе.

— Будьте человеком, лейтенант, — ответил Саммерс, по-прежнему медленно жуя резинку. — Мы все время работаем. Просто хотим поздороваться.

Лейтенант, очевидно, не знал, что делать. Он с сомнением взглянул на Дэвида.

Тот спросил:

— Какие комнаты нам отвели, лейтенант?

— Комнаты 2А и 2Б, сэр. Чтобы их найти...

— Я их найду. Я уверен, один из этих людей нам покажет. Лейтенант, вы отвели нас к нашим помещениям. Теперь, я думаю, ваше задание кончилось. Всего хорошего.

— Я не могу уйти! — сказал лейтенант напряженным шепотом.

— Можете.

— Конечно, можете, лейтенант, — сказал Саммерс, улыбаясь еще шире. — Простое приветствие парню не повредит. — Кто-то в толпе засмеялся. — К тому же он просит вас уйти.

Верзила подошел к Старру и настойчиво прошептал:

— Счастливчик, позволь мне отдать венлягушку лейтенанту. Я не могу держать ее и драться.

— Просто держи, — ответил Дэвид. — Я хочу, чтобы она была здесь... Всего хорошего, лейтенант. Вы свободны!

Лейтенант стоял в нерешительности, и Старр голосом, который, несмотря на всю вежливость, звучал как сталь, сказал:

— Это приказ, лейтенант.

Лицо лейтенанта Невски стало по-военному застывшим. Он четко ответил:

— Есть, сэр.

Как ни удивительно, он еще мгновение поколебался, посмотрел на венлягушку в руках Верзилы, которая спокойно жевала стебелек водоросли.

— Поберегите эту малышку.

Повернулся и в два шага оказался в аграв-коридоре, почти тут же исчезнув.

Дэвид снова повернулся лицом к ожидавшим его людям. Никаких иллюзий у него не было. Они стояли с мрачными лицами и настроены были решительно, но, если он не сможет смотреть им в лицо, не сможет доказать, что он тоже настроен решительно, его поручение тут же пойдет на дно, наткнувшись на скалу их враждебности. Каким-то способом нужно их завоевать.

Улыбка Саммерса стала волчьей. Он сказал:

— Ну, друг, мальчишка в форме ушел. Теперь можно поговорить. Я Ред Саммерс. А как ваше имя?

Старр улыбнулся в ответ.

— Меня зовут Дэвид Старр. Моего друга зовут Верзила.

— Кажется, я слышал кое-какие разговоры о Счастливчике.

— Друзья называют меня Счастливчик.

— Отлично. И хотите оставаться Счастливчиком?

— А вы знаете как?

— Между прочим, Счастливчик Старр, знаю. — Неожиданно его лицо превратилось в свирепую маску. — Убирайся с Юпитера-9!

Послышался хриплый одобрительный гул, несколько голосов подхватили:

— Убирайтесь! Убирайтесь!

Толпа приблизилась, но Старр не отступал.

— У меня есть важные причины оставаться на Юпитере-9.

— В таком случае, боюсь, ты не Счастливчик, — сказал Саммерс. — Ты новичок и кажешься мягким, а мягким новичкам на Юпитере-9 несладко. Мы о тебе беспокоимся.

— Думаю, ничего со мной не случится.

— Ты думаешь? — переспросил Саммерс. — Арман, иди сюда.

Из рядов вышел огромный человек, круглолицый, плотный, с широкими плечами и бочкообразной грудью. Он был на полголовы выше Дэвида с его шестью футами одним дюймом и смотрел сверху вниз на молодого члена Совета, обнажая в улыбке желтые, широко расставленные зубы.

Люди начали усаживаться на полу. Они перебрасывались веселыми репликами, будто им предстояло присутствовать на футбольном матче.

Один из них крикнул:

— Смотри, Арман, не наступи на парнишку!

Верзила вздрогнул и свирепо взглянул в сторону голоса, но не смог определить кричавшего.

Саммерс сказал:

— Ты еще можешь улететь, Старр.

Дэвид ответил:

— Не собираюсь. Особенно сейчас. Ведь у вас тут предстоит какое-то развлечение.

— Не для тебя, — сказал Саммерс. — Теперь слушай, Старр. Мы приготовились к твоему прибытию. Начали готовиться, как только услышали, что ты появишься. Хватит с нас ищеек с Земли, больше мы не потерпим. На всех уровнях стоят мои люди. Мы будем знать, если командующий вздумает вмешаться, а если он вмешается, мы начнем забастовку. Правду я говорю, парни?

— Правду, — хором ответили все.

— И командующий это знает, — говорил Саммерс. — Не думаю, чтобы он стал вмешиваться. Так что у нас есть возможность посвятить вас. А после этого я еще раз спрошу у тебя, не хочешь ли ты улететь. Конечно, если будешь в сознании.

— Вы поднимаете шум из-за ерунды, — сказал Старр. — Я вам не причинил никакого вреда.

— И не причинишь, — ответил Саммерс. — Это я гарантирую.

Верзила своим высоким напряженным голосом сказал:

— Слушай ты, подонок, ты говоришь с членом Совета! Представляешь, что с тобой будет, если он пострадает?

Саммерс неожиданно посмотрел на него, прижал кулаки к бокам и, откинувшись, расхохотался.

— Эй, парни, оно говорит. Я все гадал, что это такое? Похоже, ищейка Старр привез с собой младенца-братца.

Верзила смертельно побледнел, но Дэвид нагнулся и под всеобщий смех прошептал ему, не разжимая губ:

— Твое дело — держать венлягушку, Верзила. Я позабочусь о Саммерсе. И, великая Галактика, Верзила, перестань испускать гнев! Я ничего не могу уловить от венлягушки, кроме этого.

Верзила трижды с трудом глотнул.

Саммерс мягко спросил:

— Ну, член Совета Ищеек, умеешь управляться с аграваом?

— Только что научился, мистер Саммерс.

— Мы хотим в этом убедиться. Немного испытаем тебя. Нельзя допускать сюда тех, кто с ним незнаком. Это слишком опасно. Верно, парни?

— Верно! — снова заревели вокруг.

— Арман — наш лучший учитель, — сказал Саммерс, положив руку на широкое плечо Армана. — Покончив с ним, ты все узнаешь об управлении аграваом. Или научишься уступать ему дорогу. Предлагаю пройти в аграв-коридор. Арман присоединится к вам.

Старр спросил:

— А если я откажусь?

— Тогда мы выбросим тебя в коридор, а Арман последует за тобой.

Дэвид кивнул.

— Вы решительно настроены. Есть ли какие-то правила у урока, который я должен получить?

Раздался дикий смех, но Саммерс поднял руки.

— Просто уступай Арману дорогу, член Совета. Это единственное правило, которое ты должен запомнить. Мы будем смотреть с края коридора. Если попытаешься сбежать до кон-

ца урока, я швырну тебя назад; на всех уровнях стоят люди, они готовы сделать то же самое.

Верзила воскликнул:

— Пески Марса, ваш человек тяжелее Счастливчика на пятьдесят фунтов, и он привык к аграву!

Саммерс с насмешливым удивлением повернулся к нему.

— Да ну! Никогда об этом не думал. Какой стыд! — Все рассмеялись. — В путь, Старр. Иди в коридор, Арман. Стащи его, если понадобится.

— Не понадобится, — заверил Дэвид.

Он повернулся и шагнул в открытое пространство широкого аграв-коридора. Ноги его оказались в воздухе, он слегка коснулся пальцами стены, медленно начал переворачиваться, столь же легким прикосновением к стене остановил вращение. И стоял в воздухе, глядя на собравшихся.

Послышались негромкие одобрительные возгласы. Впервые заговорил Арман — раскатистым басом:

— Эй, мистер, неплохо!

Губы Саммерса скривились, на лбу появилась сердитая морщина. Он резко ударил Армана в спину.

— Не разговаривай, идиот! Отправляйся и покажи ему!

Арман медленно двинулся вперед. Он сказал:

— Эй, Ред, давай не слишком.

Лицо Саммерса исказилось от ярости.

— Отправляйся! И делай, что тебе сказано! Я тебе сказал, кто он такой. Если мы от него не избавимся, появятся новые. — Говорил он резким шепотом, который не разносился далеко.

Арман вошел в коридор и остановился лицом к Дэвиду.

Старр ждал, стараясь ни о чем не думать. Он сосредоточился на слабом потоке эмоций, которые транслировала венлягушка. Некоторые он распознавал без труда — и природу их, и владельца. Легче всего было выделить Реда Саммерса: страх и гложущая ненависть, смешанные с беспокойным торжеством. Воспринималось и легкое напряжение Армана. Изредка доносились волны возбуждения от одного или другого зрителя; иногда эти волны совпадали с возбужденным или угрожающим криком, и тогда Дэвид узнавал владельца эмоции. И все это, конечно, приходилось отделять от мощного потока гнева, шедшего от Верзилы.

Но теперь Старр смотрел в маленькие глазки Армана, который чуть покачивался вверх и вниз. Пальцы Армана лежали на приборах контроля на груди.

Дэвид немедленно насторожился. Его противник менял направление поля, передвигая шкалу вперед и назад. Неужели он думает этим его запутать?

Старр ясно понимал, что, несмотря на весь свой опыт в космосе, он совсем незнаком с тем видом невесомости, что порождает аграв: это не абсолютная невесомость, как в космосе, ее можно изменять по желанию.

Неожиданно Арман упал, будто в люк ловушки, — но только он падал вверх.

Когда ноги Армана пролетали мимо головы Счастливчика, они разошлись, как будто Арман собирался зажать ему голову.

Автоматически голова Старра откинулась назад, но при этом его ноги двинулись вперед, тело повернулось вокруг центра тяжести, и мгновение он беспомощно бил руками и ногами. Со стороны зрителей долетела буря смеха.

Дэвид понимал, в чем дело. Он поступил неправильно. Ему следовало управлять тяготением. Когда Арман поднимается, он должен так отрегулировать приборы, чтобы тоже подниматься. Теперь придется включить силу тяжести, чтобы выпрямиться. При невесомости он будет поворачиваться бесконечно.

Но прежде чем пальцы его легли на приборы, Арман достиг верхней точки своего подъема и, набирая скорость, устремился назад. Он снова пролетел мимо Старра и резко ударил его локтем в бедро. Опускаясь, он схватил своими толстыми пальцами лодыжки Дэвида и потащил его за собой вниз. Продолжая тянуть вниз, он приподнялся и схватил Старра за плечи. Его хриплое дыхание шевельнуло волосы Счастливчика. Он сказал:

— Тебе нужно много тренироваться, мистер.

Старр резко поднял на высоту головы руки и вырвался.

Потом включил силу тяготения так, чтобы полететь вверх, и при этом резко оттолкнулся ногой от плеча противника. Самому ему казалось, что он падает головой вперед; к тому же ему показалось, что его реакция замедлилась. Или медлительно реагируют приборы аграва? Он проверил их. Опыта не хватало, чтобы сказать уверенно, но он чувствовал, что что-то не так.

Теперь на него с ревом набросился Арман, пытаясь при помощи своего большего веса прижать противника к стене.

Дэвид протянул руку к приборам, собираясь переменить

направление тяготения. Поджал ноги, чтобы при столкновении отбросить Армана.

Но первым изменилось направление поля Армана, и отброшен оказался Старр.

Арман откинул назад ноги, оттолкнулся от пролетавшей мимо стены коридора, и оба они отлетели к противоположной стене. Счастливчик с силой ударился о стену и скользил по ней несколько футов, пока не зацепился ногой за опору и не развернулся обратно в коридор.

Арман горячо прошептал ему на ухо:

— Достаточно, мистер? Скажи Реду, что улетишь. Я не хочу слишком повредить тебе.

Дэвид покачал головой. Странно, подумал он: поле Армана каким-то образом подавляет его собственное. Арман переключил приборы, но Старр знал, что успел это сделать первым.

Неожиданно резко повернувшись, Счастливчик нацелился локтем в живот Армана. Арман рявкнул, и на мгновение ноги Старра оказались между ним и противником. Он распрямил их. Противники разъединились, и Дэвид высвободился.

Он отлетел за мгновение до того, как Арман вернулся, и в течение следующих нескольких минут Дэвид только старался уклониться. Он учился пользоваться приборами и видел, что они реагируют замедленно. И только благодаря искусному использованию опор и мгновенным поворотам ему удавалось избежать столкновения.

И вот, летя в невесомости, позволив Арману стремительно пронестись мимо, Старр притронулся к приборам контроля и обнаружил, что они вообще не действуют. Направление поля тяготения не изменилось; не было ни внезапного ускорения, ни замедления.

Арман немедленно оказался рядом, и Дэвид со страшной силой ударился о стену.

5. ИГОЛЬНЫЕ РУЖЬЯ И СОСЕДИ

Верзила был абсолютно уверен в способности Счастливчика справиться с огромным противником и, хотя и ощущал гнев из-за такого недружественного приема, нисколько не опасался.

Саммерс подошел к краю коридора; с ним был еще один человек со смуглым лицом, который сообщал остальным об

увиденном хриплым резким голосом, как комментатор игры в поло на субэфире.

Когда Арман в первый раз ударил Старра о стену, послышались торжествующие крики. Верзила с презрением отмахнулся от них. Конечно, эти кричащие глупцы постараются сделать вид, что поединок складывается в их пользу. Подождите, пока Дэвид освоится с управлением аграва: он разрежет этого парня Армана на кусочки. Верзила был в этом уверен.

Но тут смуглый закричал:

— Арман вторично захватил ему голову; начал падение; ноги о стену; отскочил, нацелился — удар! Ну что за удар!

Верзила почувствовал тревогу.

Он сам подошел к краю коридора. Никто не обратил на него внимания. Одно из преимуществ малого роста. Люди, не знающие тебя, склонны недооценивать, не считаться с тобой.

Верзила посмотрел вниз и увидел, как Дэвид отталкивается от стены; Арман в ожидании висел поблизости.

— Счастливчик! — громко закричал Верзила. — Осторожнее!

Голос его потерялся в шуме, но тут Верзила уловил приглушенный разговор смуглого и Саммерса.

Смуглый человек сказал:

— Дай ищейке немного энергии, Ред. Так неинтересно.

И Саммерс в ответ огрызнулся:

— Мне не нужно, чтобы было интересно. Хочу, чтобы Арман побыстрее закончил.

Вначале Верзила не понял значения этого короткого разговора, но только вначале. В следующее мгновение он пристально посмотрел на Рея Саммерса и увидел, что тот прижимает к груди какой-то предмет. Что это такое, Верзила определить не мог.

— Пески Марса! — воскликнул он, задыхаясь. И отскочил назад. — Ты! Саммерс! Лживый подонок!

В который раз Верзила обрадовался, что, несмотря на неодобрение Дэвида, носит с собой игольное ружье. Старр считал его ненадежным оружием, так как его трудно точно нацелить, но Верзила скорее усомнился бы в своем высоком росте, чем в искусстве обращаться с оружием.

Когда Саммерс не обернулся в ответ на его крик, Верзила захватил оружие в кулак (ствол, сужавшийся до толщины иглы, всего лишь на полдюйма высовывался между указатель-

ным и средним пальцами его правой руки) и сжал достаточно для выстрела.

Одновременно в шести дюймах перед носом Саммерса что-то блеснуло, раздался легкий хлопок. Ионизированными оказались лишь молекулы воздуха. Саммерс, однако, отпрыгнул, и его страх тут же передала венлягушка.

— Эй, вы, все! — крикнул Верзила. — Всем стоять на месте! Вы, безголовые недоразвитые ничтожества! — Снова раздался хлопок, на этот раз над головой Саммерса. Вспышку увидели все.

Мало кто из них имел дело с игольным ружьем — это оружие дорогое, и на него трудно получить разрешение, — но все знали, хотя бы по субэфирным программам, как выглядит выстрел из него; знали, что может сделать такой разряд.

Как будто пятьдесят человек одновременно затаили дыхание.

Верзилу окутала холодная волна страха пятидесяти человек. Он попятился к стене.

И сказал:

— Теперь слушайте все. Кто из вас знает, что этот подонок Саммерс вывел из строя управление аграваом моего друга? Схватка нечестная!

Саммерс отчаянно, сквозь сжатые зубы сказал:

— Вы ошибаетесь. Вы ошибаетесь.

— Да? Ты смел, Саммерс, когда пятьдесят против двух. Хватит ли тебе смелости против игольного ружья? Из него трудно прицеливаться, и я могу случайно попасть не туда, куда хочу.

Он снова сжал кулак, на этот раз хлопок был гораздо громче; все на мгновение ослепли — все, кроме Верзилы: он один знал, в какой момент зажмуриться.

Саммерс сдавленно крикнул. Он был невредим, не хватало только одной пуговицы на рубашке.

Верзила сказал:

— Хороший выстрел, но, мне кажется, слишком уж долго мне везет. Советую тебе не шевелиться, Саммерс. Притворись камнем, подонок, потому что, если ты шевельнешься, я промахнусь, и тогда ты потеряешь не пуговицу, а кусок тела.

Саммерс закрыл глаза. Лоб его блестел от пота. Верзила рассчитал расстояние и нажал дважды.

Хлопок! Еще один! Еще двух пуговиц не стало.

— Пески Марса, мне сегодня везет! Как хорошо, что вы позаботились нас встретить. Ну, еще одну — на дорожку!

На этот раз Саммерс закричал от боли. В его рубашке образовалась дыра, в ней виднелась покрасневшая кожа.

— Ах, — сказал Верзила, — не совсем точно. Теперь я расстроен и в следующем промахнусь на два дюйма... А может, ты скажешь что-нибудь, Саммерс?

— Ну, ладно, — закричал тот, — я это подстроил!

Верзила сказал спокойно:

— Твой человек тяжелее. Он опытнее, и все равно ты не допустил честной схватки. Не хотел рисковать?.. Брось то, что держишь. С этого момента в коридоре честная схватка. Никто не двинется, пока из коридора не выйдет один из них.

Он помолчал и взглянул на свой кулак с зажатым игольным ружьем, ствол медленно поворачивался из стороны в сторону.

— Но если покажется ваш комок жира, я буду очень разочарован. А когда я разочарован, невозможно предсказать, как я поступлю. Я могу так расстроиться, что выстрелю прямо в толпу, и ничто в мире не может помешать мне десять раз сжать кулак. Так что если десяти из вас надоела жизнь, можете молиться, чтобы ваш парень побил Счастливчика Старра.

Верзила напряженно ждал, сжимая в правой руке игольное ружье, а в левой держа аквариум с венлягушкой. Ему хотелось приказать Саммерсу вызвать двоих из коридора, прекратить схватку, но он боялся рассердить Дэвида. Он слишком хорошо его знал и понимал, что тот не может допустить, чтобы схватка кончилась его выходом из боя.

Мимо них в коридоре промелькнула фигура, потом другая. Послышался удар тела о стену, второй удар, третий. Затем тишина.

Пролетела назад фигура, она держала вторую за ногу.

Первая легко вышла из коридора, вторая упала, как мешок с песком.

Верзила обрадованно вскрикнул. Стоял Старр. Щека его была исцарапана, он прихрамывал. Но лежал без сознания Арман.

Армана с некоторым трудом привели в себя. На голове у него была шишка размером с небольшой грейпфрут, один глаз распух и заплыл. Хотя из его нижней губы шла кровь, он с трудом улыбнулся и сказал:

— Клянусь Юпитером, этот парень — просто дикая кошка.

Он встал и обнял Дэвида медвежьим объятием.

— Как только он привык, я все равно что с десятью схватился. Парень что надо.

Как ни удивительно, но собравшиеся радостно приветствовали Старра. Венлягушка вначале передавала чувство облегчения, затем возбуждение.

Улыбка Армана стала шире, он тыльной стороной руки вытер кровь.

— Этот член Совета в порядке. Если он кому не нравится, пусть дерется со мной. Где Ред?

Но Ред Саммерс исчез. Инструмент, которым он вывел из строя прибор Дэвида, тоже.

Арман сказал:

— Послушайте, мистер Старр, вот что я вам скажу. Это была не моя идея, но Ред сказал, что мы должны от вас избавиться, иначе всем нам придется плохо.

Старр поднял руку.

— Это ошибка. Послушайте, вы все. Я гарантирую, что ни у одного верного землянина не будет никаких неприятностей. Этой схватки не было. Немного повеселились и можем забыть. В следующий раз встречаемся, будто ничего не произошло. Согласны?

Все его шумно поддержали, послышались крики: «Все в порядке!» и «Да здравствует Совет!»

Дэвид повернулся, собираясь уходить, когда Арман сказал:

— Эй, погодите. — Он перевел дыхание и показал на аквариум пальцем. — А это что? — Он показывал на венлягушку.

— Венерианское животное, — ответил Старр. — Наше домашнее животное.

— Хорошее. — Гигант улыбнулся.

Все столпились вокруг, делая одобрительные замечания, пожимали Дэвиду руку и уверяли, что отныне все на его стороне.

Верзила, рассерженный толчками, наконец закричал:

— Пошли к себе, Счастливчик, или я подстрелю несколько этих парней!

Все сразу замолчали и расступились, давая им дорогу.

Дэвид сморщился, когда Верзила приложил холодный компресс к его разбитой щеке.

И сказал:

— Я слышал что-то об игольном ружье, но не совсем понял, в чем дело. Не расскажешь ли, Верзила?

Верзила неохотно рассказал.

Старр задумчиво заметил:

— Я понял, что мой прибор не действует, но решил, что это результат механического повреждения после удара о стену. Не знал, что вы с Редом Саммерсом деретесь из-за этого.

Верзила улыбнулся.

— Великий Космос, Счастливчик, ты ведь не думаешь, что я позволю так с тобой обращаться?

— Можно было воспользоваться другими средствами, не игольным ружьем.

— Больше ничего их не остановило бы, — удрученно ответил Верзила. — Ты хотел бы, чтобы я погрозил им пальцем и сказал: «Нехорошо, нехорошо!»? К тому же мне нужно было испугать их.

— Почему? — резко спросил Дэвид.

— Пески Марса, Счастливчик, я увидел это после двух столкновений и не знал, остались ли у тебя силы. Я хотел заставить Саммерса прекратить дуэль.

— Это было бы плохо, Верзила. Мы этим ничего бы не добились.

— Но я о тебе беспокоился.

— Не нужно было. Как только мои приборы начали реагировать нормально, все пошло хорошо. Арман был уверен, что победил, и, когда обнаружил, что я еще дерусь, вся сила его куда-то ушла. Это иногда случается с людьми, которые раньше никогда не проигрывали. Если они не побеждают сразу, это приводит их в смятение и они проигрывают.

— Да, Счастливчик, — ответил Верзила с улыбкой.

Старр минуты две сидел молча, потом сказал:

— Мне не понравилось это твое «Да, Счастливчик». Что ты сделал?

— Ну... — Верзила нанес последний мазок телесной краски на ушиб и откинулся, критически разглядывая свою работу. — Я мог только надеяться, что ты победишь, верно?

— Да, вероятно.

— И я сказал всем, что, если победит Арман, я пристрелю столько, сколько смогу.

— Ты говорил несерьезно.

— Может быть. Но они-то поверили; они видели, как я

срезал четыре пуговицы с рубашки этого подонка. И вот все пятьдесят парней, включая самого Саммерса, изо всех сил захотели, чтобы Арман проиграл.

Дэвид сказал:

— Вот оно что...

— Но ведь я ничего не мог поделать с венлягушкой. Она передавала их желание.

— И Арман потерял всякую волю к борьбе. Его перекрыли мысли тех, кто желал, чтобы он проиграл. — Старр выглядел огорченным.

— Вспомни, Счастливчик. Тебя дважды ударили. Это была нечестная драка.

— Да, я знаю. Что ж, может, мне и правда нужна была помощь.

В этот момент прозвучал дверной сигнал, и Старр вопросительно приподнял брови.

— Интересно, кто это?

Он нажал кнопку, и дверь ушла в щель в стене.

Невысокий полный человек с редеющими волосами и голубыми глазами не мигая смотрел на них, стоя в двери. В одной руке он держал странно изогнутый металлический предмет, который непрерывно поворачивал проворными пальцами. Предмет время от времени начинал передвигаться вдоль руки, как будто обладал собственной жизнью. Верзила с интересом следил за ним.

Человек сказал:

— Меня зовут Гарри Норрич. Я ваш сосед.

— Добрый день, — ответил Дэвид.

— Вы Счастливчик Старр и Верзила Джонс, верно? Не хотите ли на несколько минут заглянуть ко мне? В гости. Немного выпьем.

— Вы очень добры, — сказал Дэвид. — Мы с радостью навестим вас.

Норрич как-то неловко повернулся и направился по коридору к соседней двери. Изредка он касался рукой стены. Старр и Верзила последовали за ним. Верзила нес венлягушку.

— Входите, джентльмены. — Норрич отступил, пропуская их. — Садитесь. Я о вас много слышал.

— Что слышали? — спросил Верзила.

— О драке Старра с Большим Арманом, о том, как искусно владеет Верзила игольным ружьем. Все об этом говорят. Сомневаюсь, чтобы к утру остался на Юпитере-9 хоть один человек, который бы об этом не слышал. Это одна из причин моего приглашения. Я хочу с вами поговорить.

Он осторожно налил в два стакана красноватую жидкость и предложил гостям. На мгновение Дэвид протянул руку к стакану, остановил ее в трех дюймах и ждал результата. Ничего не произошло. Тогда он взял стакан из руки Норрича.

— Что это у вас на верстаке? — спросил Верзила.

В комнате Норрича, помимо обычной мебели, было что-то вроде верстака вдоль всей стены со скамьей перед ним. На верстаке в беспорядке были расставлены металлические приспособления и устройства, в центре находилось странное сооружение шести дюймов в высоту.

— Это? — Норрич осторожно провел рукой по поверхности верстака и задержал ее на сооружении. — Это головоломка.

— Что?

— Трехмерная головоломка. Японцы делают их тысячи лет, но в других местах они мало известны. Они состоят из множества частей, которые вместе составляют некую структуру. Вот эта, например, когда я ее закончу, будет моделью генератора аграва. Я сам изобретаю и делаю эти головоломки.

Он взял металлическую деталь, которую держал в руке, и вложил в отверстие сооружения. Деталь вошла гладко и осталась на месте.

— Теперь нужно взять другую часть. — Его левая рука двинулась по поверхности, а правой он пошарил среди частей, нашел одну и поставил ее на место.

Верзила, заинтересованный, придвинулся ближе и тут же отпрыгнул, когда из-под верстака неожиданно послышалось звериное рычание.

Из-под верстака выбралась собака и положила передние лапы на скамью. Большая немецкая овчарка спокойно смотрела на Верзилу.

Тот нервно сказал:

— Эй, я наступил на нее случайно.

— Это всего лишь Мэтт, — ответил Норрич. — Он никого не тронет без серьезной причины. Это моя собака. Мои глаза.

— Ваши глаза?

Дэвид негромко сказал:

— Мистер Норрич слеп, Верзила.

6. В ИГРУ ВСТУПАЕТ СМЕРТЬ

Верзила отскочил.

— Простите.

— Не извиняйтесь, — добродушно ответил Норрич. — Я привык и справляюсь. Я ведущий инженер и руковожу испытаниями. И мне не нужна помощь на работе, как и в сооружении головоломок.

— Вероятно, эти головоломки дают вам возможность потренироваться, — сказал Старр.

Верзила спросил:

— Вы собираете эти штуки, не видя их? Пески Марса!

— Это не так трудно, как можно подумать. Я упражняюсь много лет и сам их делаю, так что знаю все хитрости. Вот, Верзила, одна из самых простых. Просто яйцо. Можете разобрать его?

Верзила взял овоид из легкого сплава и начал вертеть его, разглядывая прилегающие друг к другу части.

— В сущности, — продолжал Норрич, — Мэтт мне нужен только для одного: для ходьбы по коридорам. — Он нагнулся, чтобы почесать собаку за ухом, и собака широко зевнула, обнажив большие белые клыки и длинный розовый язык. Дэвид через венлягушку ощутил поток теплой привязанности Норрича к собаке.

— Я не могу пользоваться аграв-коридорами, — продолжал Норрич, — потому что не знаю, когда нужно сбрасывать скорость, и мне приходится ходить по обычным коридорам, и Мэтт ведет меня. Идти долго, но это хорошее упражнение, и теперь мы с Мэттом знаем Юпитер-9 лучше всех, верно, Мэтт?.. Ну как, Верзила?

— Не могу, — ответил тот. — Оно сплошное.

— Нет. Дайте его мне.

Верзила протянул яйцо, и искусные пальцы Норрича скользнули по его поверхности.

— Видите вот этот маленький квадратик? Надо на него нажать, он немного поддается. Возьмитесь с другой стороны за выступившую часть, сделайте пол-оборота по часовой стрелке и вытащите. Вот так. Теперь остальное легко разделится. Вот это, потом это, потом это и так далее. Ставьте части в том порядке, в каком отделяете их. Их всего восемь. Соберите их в

обратном порядке. Поставьте на место ключевую часть, и она будет держать вместе все остальные.

Верзила с сомнением посмотрел на разложенные части и склонился к ним.

Счастливчик сказал:

— Мне кажется, вы хотите поговорить об оказанном нам приеме, мистер Норрич. Вы сказали, что хотите поговорить о моей драке с Арманом.

— Да, член Совета, да. Я хочу, чтобы вы поняли. Я здесь, на Юпитере-9, с самого начала проекта «Аграв» и знаю людей. Некоторые улетают, когда кончается срок их контракта, их место занимают новички; другие остаются; но у всех у них есть нечто общее. Они чувствуют себя неуверенно.

— Почему?

— По нескольким причинам. Во-первых, сам проект опасен. У нас было с десяток несчастных случаев, и мы потеряли сотни людей. Я потерял зрение пять лет назад, и мне еще повезло. Я мог погибнуть. Во-вторых, эти люди оторваны от семьи и друзей. Они по-настоящему одиноки.

Дэвид сказал:

— Вероятно, есть и такие, кому это одиночество нравится.

Он мрачно улыбнулся, говоря это. Не секрет, что люди, вступившие в столкновение с законом, иногда умудрялись скрыться на внешних мирах. Здесь, для работы на безвоздушных планетах, под куполами с псевдогравитацией, всегда нужны люди. И добровольцев обычно не расспрашивают. И в этом нет ничего плохого. Такие добровольцы служат Земле и ее населению в трудных условиях и тем самым расплачиваются за свои преступления.

Норрич кивнул, услышав слова Старра.

— Я рад, что вы не заблуждаетесь на этот счет. Если не считать военных и профессиональных инженеров, вероятно, половиной рабочих интересуется полиция Земли, а остальных разыскивают в других мирах. Не думаю, чтобы хоть один из пяти сообщал свое подлинное имя. Понимаете, как они себя чувствуют, когда начинается какое-нибудь расследование? Вы ищете сирианских шпионов; мы все это знаем; но каждый думает, что в процессе расследования может выясниться его собственное дело и его отправят в тюрьму на Землю. Все они хотят вернуться на Землю, но анонимно, а не в наручниках. Поэтому Ред Саммерс смог их так легко поднять.

— А почему Саммерс их предводитель? У него особенно плохой послужной список на Земле?

Верзила на мгновение поднял голову от головоломок:

— Может быть, убийство?

— Нет, — энергично возразил Норрич. — Вам следует понять Саммерса. У него несчастливая жизнь: ни дома, ни настоящих друзей. Он связался не с теми людьми. Побывал в тюрьме, да, но за незначительные проступки. Если бы он остался на Земле, его жизнь была бы окончательно загублена. Но он прилетел на Юпитер-9. Начал здесь жизнь заново. Начинал как простой рабочий, но все время учился. Стал специалистом в области строительства при низкой силе тяжести, а также в механике силовых полей и технике аграва. Занял высокое положение и прекрасно справляется с работой. Его здесь уважают, им восхищаются, его любят. Он понял, что такое репутация и положение в обществе, и ничего не боится больше, чем мысли о возвращении на Землю к старой жизни.

— Настолько боится, что попытался убить Счастливчика, — заметил Верзила.

— Да, — нахмурился Норрич, — я слышал, что он использовал субфазовый осциллятор, чтобы привести в негодность приборы управления аграваом у члена Совета. Это глупо с его стороны, но он в панике. Послушайте, это очень добрый человек. Когда сдох мой старый Мэтт...

— Ваш старый Мэтт? — переспросил Старр.

— У меня была собака-поводырь до этой. Ее тоже звали Мэтт. Она погибла при коротком замыкании силового поля. С ней погибло два человека. Собака не должна была там находиться, но иногда она уходила бродить. Эта тоже уходит, когда она мне не нужна, но всегда возвращается. — Он наклонился, погладил Мэтта, и собака закрыла глаза и застучала хвостом по полу.

— Так вот, после смерти старого Мэтта, казалось, нового мне не получить и придется отправляться на Землю. Здесь я без нее бесполезен. Таких собак немного, за ними большая очередь. Администрация Юпитера-9 не хотела нажимать на свои пружины, потому что не хотела, чтобы стало известно, что в качестве инженера работает слепой. Конгрессмены всегда ждут чего-нибудь такого, чтобы поднять шум о неоправданных расходах. Но мне помог Саммерс. Он использовал свои земные связи и выписал сюда Мэтта. Не вполне законно,

можно даже назвать это черным рынком, но Саммерс рискнул своим положением здесь, чтобы помочь мне, и я очень ему обязан. Надеюсь, вы будете помнить, что Саммерс способен и на такое, когда станете вспоминать сегодняшний инцидент.

Дэвид ответил:

— Я ничего не собираюсь предпринимать против него. И не собирался до нашего разговора. Я уверен, что Совету известно подлинное имя Саммерса и его досье, и еще раз все тщательно проверю.

Норрич вспыхнул.

— Конечно. Вы обнаружите, что он не так уж плох.

— Надеюсь. Но скажите мне кое-что. За все время этого происшествия администрация ни разу не попыталась вмешаться. Не кажется ли вам это странным?

Норрич коротко рассмеялся.

— Вовсе нет. Не думаю, чтобы командующий Донахью расстроился, даже если бы вас убили. Правда, пришлось бы приложить немало усилий, чтобы замять это дело. У него здесь гораздо большие неприятности, чем вы и ваши расследования.

— Большие неприятности?

— Конечно. Глава проекта ежегодно сменяется: это армейская политика ротации. Донахью — шестой наш командующий и лучший из всех. Вынужден это признать. Он покончил с бюрократией и не пытался превратить проект в воинский лагерь. При нем стало посвободнее, и это принесло результаты. Первый аграв-корабль вскоре будет готов к старту. Говорят, через несколько дней.

— Так быстро?

— Может быть. Дело в том, что меньше чем через месяц командующего Донахью должны сменить. Задержка старта означала бы, что корабль взлетит уже при преемнике Донахью. И тот получит всю славу, попадет в исторические книжки, а Донахью совершенно забудут.

— Неудивительно, что он не хотел пускать тебя на Юпитер-9, — горячо сказал Верзила.

— Не кипятись, Верзила, — Счастливчик пожал плечами.

Но Верзила продолжал:

— Грязный подонок! Ему не важно, что Сириус может проглотить Землю, лишь бы запустить свой несчастный корабль. — Он поднял сжатый кулак, и тут же послышалось ворчание Мэтта.

Норрич резко спросил:

— Что вы делаете, Верзила?

— Что? — Верзила был искренне удивлен. — Ничего не делаю.

— Будьте осторожней рядом с Мэттом. Он обучен оберегать меня... Смотрите, я вам покажу. Сделайте шаг ко мне и покажите, что хотите меня ударить.

Старр сказал:

— Не нужно. Мы понимаем...

— Пожалуйста, — сказал Норрич. — Это не опасно. Я его вовремя остановлю. Кстати, это для него будет неплохой тренировкой. Все здесь так обо мне заботятся, что, боюсь, он забыл свое обучение. Давайте, Верзила.

Верзила сделал шаг вперед и нерешительно поднял руку. Мгновенно Мэтт прижал уши, обнажил клыки, мышцы его напряглись для прыжка, а из горла послышалось хриплое рычание.

Верзила торопливо отступил, а Норрич сказал:

— Лежать, Мэтт!

Собака подчинилась. Дэвид ясно различал, как нарастало и спадало напряжение Верзилы, ощущал мягкое торжество Норрича. Норрич спросил:

— Как дела с яйцом-головоломкой, Верзила?

Маленький марсианин раздраженно ответил:

— Сдаюсь. Сложил две части вместе и больше ничего не могу.

Норрич рассмеялся.

— Дело в тренировке, вот и все. Смотрите.

Он взял из рук Верзилы две части и сказал:

— Неудивительно. Вы их неправильно сложили. — Он перевернул части, совместил их, добавил еще одну, потом еще, пока семь частей не превратились в овоид с дырой посередине. Норрич подобрал восьмую часть, ключевую, вставил ее, сделал пол-оборота против часовой стрелки и протолкнул. — Готово.

Он подбросил яйцо в воздух и поймал на глазах у огорченного Верзилы.

Старр встал.

— Ну, мистер Норрич, до свидания. Я запомню ваши слова о Саммерсе и всем остальном. Спасибо за выпивку. — Она стояла на столе нетронутой.

— Рад был познакомиться, — ответил Норрич, вставая и пожимая руки.

Дэвид смог уснуть далеко не сразу. Он лежал в темноте комнаты в сотнях футов под поверхностью Юпитера-9, прислушивался к негромкому храпу Верзилы в соседней комнате и думал о событиях дня. Вспоминал их снова и снова.

Он был обеспокоен. Что-то было не так! Произошло что-то такое, что не должно было произойти; или не произошло то, что должно было произойти.

Но он устал, все казалось нереальным в окружающем мире полусна. Что-то таилось на самом краю сознания. Он пытался ухватиться за него, но оно ускользало.

А утром от него не осталось и следа.

Верзила окликнул Дэвида из своей комнаты; он как раз просыхал под потоком теплого воздуха после душа.

Маленький марсианин крикнул:

— Эй, Счастливчик, я перезарядил источник двуокиси углерода в аквариуме венлягушки и добавил водорослей. Ты ведь возьмешь ее с собой на встречу с этим чертовым командующим?

— Обязательно, Верзила.

— Все готово. А можно мне сказать командующему, что я о нем думаю?

— Ну послушай, Верзила...

— Ерунда! Мне пора в душ.

Подобно всем, кто вырос не на Земле, Верзила наслаждался водой, и душ для него был роскошью. Старр приготовился к сеансу тенорового мяуканья, которое Верзила называл пением.

Дэвид уже кончил одеваться, а Верзила был поглощен какой-то особенно фальшиво звучащей мелодией, когда зазвенел интерком.

Счастливчик подошел к нему и включил.

— Старр слушает.

— Старр! — На экране показалось морщинистое лицо командующего Донахью. Губы его были сжаты, на лице откровенно враждебное выражение. — Я слышал что-то о драке между вами и одним из рабочих.

— Да?

— Вижу, вы невредимы.

Дэвид улыбнулся.

— Все в порядке.

— Помните, я предупредил вас.

— Я не жалуюсь.

— Поскольку вы не жалуетесь, в интересах проекта я просил бы вас не сообщать об этом в своем отчете.

— Если только этот инцидент не имеет прямого отношения к моему поручению, я о нем не упомяну.

— Хорошо. — На лице Донахью отразилось облегчение. — Нельзя ли распространить это согласие и на нашу встречу? Она будет записываться, и я предпочел бы...

— Мы не будем обсуждать это дело, командующий.

— Очень хорошо! — Командующий расслабился и почти сердечно сказал: — Встретимся через час.

Старр смутно сознавал, что прекратился шум душа, пение сменилось приглушенным бормотанием. Но вот и оно смолкло, на мгновение наступила тишина.

Он ответил в передатчик:

— Да, командующий, хорошо... — и тут же услышал дикий вопль:

— Дэвид!

Старр мгновенно вскочил и в два шага оказался у двери, соединяющей комнаты.

Но Верзила появился там раньше, глаза его были полны ужаса.

— Дэвид! Венлягушка! Она мертва! Кто-то ее убил!

7. В ИГРУ ВСТУПАЕТ РОБОТ

Пластиковый аквариум лягушки был разбит и смят, пол залит водой. Труп венлягушки лежал среди перепутавшихся водорослей.

Теперь, когда она была мертва и не могла контролировать эмоции, Дэвид смотрел на нее без навязанной нежности, которую он, как и все остальные, ощущал, попадая в радиус ее действия. Напротив, он испытывал гнев — главным образом на самого себя за то, что позволил себя переиграть.

Верзила, только что из душа, в одних шортах, сжимал и разжимал кулаки.

— Это моя вина! Моя вина. Я вопил в душе так громко, что не слышал, как кто-то вошел.

Слово «вошел» не вполне подходило. Убийца не просто вошел — он прожег себе вход. Дверной замок расплавился под действием энергетического проектора очень крупного калибра.

Дэвид вернулся к интеркому.

— Командующий Донахью?

— Да, что случилось? Все ли в порядке?

— Увидимся через час. — Старр отключился и вернулся к опечаленному Верзиле. Он сказал серьезно:

— Виноват я, Верзила. Дядя Гектор сказал, что сирианцы еще не знают о телепатическом воздействии венлягушек, и я слишком легко в это поверил. Если бы я не так верил в неведение сирианцев, один из нас ни на минуту не выпускал бы из виду это маленькое существо.

Их позвал лейтенант Невски. Когда Старр и Верзила вышли из своего помещения, лейтенант вытянулся.

Он негромко сказал:

— Я рад, сэр, что вы не пострадали во вчерашнем происшествии. Я не оставил бы вас, сэр, если бы вы сами не приказали.

— Забудьте об этом, лейтенант, — с отсутствующим видом ответил Дэвид.

Он думал о том моменте перед сном, когда на короткое мгновение на пороге сознания возникла мысль, а потом исчезла. Но сейчас она не возвращалась, и он в конце концов стал думать о другом.

Они вошли в аграв-коридор, который на этот раз оказался заполнен людьми, точно и беззаботно двигавшимися в обоих направлениях. Во всем чувствовалась атмосфера начала рабочего дня. Люди работали под землей, где нет смены дня и ночи, по двадцатичетырехчасовому расписанию. Во все миры, куда он попадал, человек приносит с собой земные сутки. И, хотя работа идет круглосуточно, больше всего работает людей во время «дневной смены» — с девяти до пяти по стандартному солнечному времени.

Было почти девять, и коридоры были забиты людьми, спешащими на свои рабочие места. Утро чувствовалось почти так же сильно, как если бы на восточном горизонте вставало солнце и на траве лежала роса.

Когда Старр и Верзила вошли в конференц-зал, за столом сидели двое. Один — командующий Донахью, на его морщинистом лице застыло выражение сдержанного напряжения.

Командующий встал и холодно представил второго присутствующего:

— Джеймс Пеннер, главный инженер и гражданский глава проекта.

Пеннер оказался коренастым человеком со смуглым лицом, глубоко посаженными темными глазами и толстой шеей. На нем была темная рубашка с открытым воротом и без всяких знаков различия.

Лейтенант Невски отсалютовал и вышел. Командующий подождал, пока он закроет дверь, и сказал:

— Поскольку мы остались вчетвером, перейдем к делу.

— Вчетвером и с кошкой, — заметил Дэвид, гладя котенка, который потягивался, выпуская коготки, на столе. — Это та же кошка, что мы видели вчера?

Командующий нахмурился.

— Может быть. А может, и нет. У нас на спутнике их несколько. Однако, я полагаю, мы собрались не для того, чтобы говорить о домашних животных.

Старр ответил:

— Напротив, командующий. Я не зря выбрал для начала эту тему. Вы помните наше домашнее животное, сэр?

— Ваше венерианское существо? — с неожиданной теплотой спросил командующий. — Помню. Это... — Он смущенно смолк, не понимая, что могло вызвать его неожиданный энтузиазм.

— Маленькое венерианское существо, — сказал Дэвид, — обладает особыми свойствами. Оно отыскивает эмоции. Оно может передавать эмоции. И даже навязывать их.

Глаза командующего широко раскрылись, но Пеннер хрипло заметил:

— Я слышал об этом эффекте, член Совета. Были слухи, до смешного наивные.

— Это вовсе не смешно. Это правда. В сущности, командующий Донахью, на этом совещании я собирался просить вас организовать мне встречу с каждым участником проекта в присутствии венлягушки. Мне нужно было проанализировать эмоции людей.

Командующий удивленно спросил:

— Что бы это вам дало?

— Может быть, ничего. Но я хотел попробовать.

Вмешался Пеннер:

— Хотели попробовать? Вы использовали прошедшее время, член Совета Старр.

Дэвид серьезно посмотрел на двух высших руководителей проекта.

— Моя венлягушка мертва.

Верзила яростно добавил:

— Ее убили сегодня утром.

— Кто ее убил? — спросил командующий.

— Мы не знаем.

Командующий откинулся в кресле.

— Значит, ваше расследование откладывается, поскольку это существо невозможно заменить.

Старр ответил:

— Ждать не будем. Сам факт этой смерти сказал мне очень многое, и ситуация становится все более серьезной.

— Что вы этим хотите сказать?

Все смотрели на Дэвида. Даже Верзила удивленно смотрел на него.

Он сказал:

— Я вам говорил, что венлягушка способна навязывать эмоции. Вы сами, командующий Донахью, испытали это. Вспомните, что вы почувствовали, впервые увидев вчера венлягушку. Вы находились в напряженном состоянии, но когда вы увидели венлягушку... что вы почувствовали?

— Мне это существо понравилось, — командующий смолк.

— А почему? Попробуйте ответить сейчас.

— Не знаю. Уродливое создание.

— Но оно вам понравилось. Вы с этим ничего не могли сделать. Вы могли бы причинить ему вред?

— Вероятно, нет.

— Я уверен, что не смогли бы. Никто испытывающий эмоции этого бы не сделал. Но кто-то сделал. Кто-то убил.

Пеннер спросил:

— Вы можете объяснить этот парадокс?

— Очень легко. Убил тот, кто не испытывает эмоций. Такого человека нет. Но робот эмоций не испытывает. Предположим, на Юпитере-9 находится робот, механический человек.

— Гуманоид? — взорвался командующий Донахью. — Невозможно. Они есть только в волшебных сказках.

Старр сказал:

— Вероятно, командующий, вы не осведомлены, какого

искусства достигли сирианцы в сооружении роботов. Они могли бы использовать одного из участников проекта, верного человека, в качестве модели; соорудить робота с его внешностью и подменить этого человека. Такой гуманоидный робот обладал бы особыми свойствами, которые превращают его в идеального шпиона. Он может, например, видеть в темноте или сквозь материю. И, конечно, с помощью встроенного передатчика сможет передавать информацию в субэфире.

Командующий покачал головой.

— Нелепо. Человек может легко убить венлягушку. Если он в отчаянном положении, страх победит... умственное воздействие этого существа. Вы об этом подумали?

— Да, — ответил Дэвид. — Но почему человек может оказаться в таком отчаянном положении, чтобы убить безвредную венлягушку? Самая очевидная причина — венлягушка представляет для него серьезную опасность, она совсем не безвредна. Единственная опасность со стороны венлягушки связана с ее способностью воспринимать и передавать эмоции убийцы. Возможно, эти эмоции сразу покажут, что убийца шпион.

— Но как это может быть? — спросил Пеннер.

Старр повернулся и взглянул на него.

— А что, если у нашего убийцы вообще нет эмоций? Разве человек, не испытывающий эмоций, не будет сразу раскрыт как робот?.. Или посмотрим с другой стороны. Зачем убивать венлягушку? Он незаметно проник в наше помещение, застал одного из нас в душе, другого у интеркома, оба мы ничего не подозревали, не были готовы. Почему он убил не нас, а маленькую венлягушку? Почему не убил и нас, и венлягушку?

— Вероятно, не было времени, — сказал командующий.

— Возможна другая, более правдоподобная причина, — сказал Дэвид. — Вы знаете о Трех законах роботехники, правилах поведения, которым следует любой робот?

— В общих чертах знаю, — ответил командующий. — Но процитировать не смог бы.

— Я могу, — сказал Старр. — И, с вашего разрешения, сделаю это: они имеют прямое отношение к делу. Первый закон: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Второй закон: робот должен повиноваться командам, которые дает ему человек, кроме тех случаев, когда эти команды противоречат Первому закону. Третий закон: робот должен заботиться о

своей безопасности постольку, поскольку это не противоречит Первому и Второму законам.

Пеннер кивнул.

— Ну хорошо, член Совета, что же это доказывает?

— Роботу можно приказать убить венлягушку, потому что она животное. При этом он рискует своим существованием — Третий закон, но подчиняется приказу — Второй закон. Но ему нельзя приказать убить Верзилу или меня, потому что мы люди, а Первый закон превыше всех остальных. Человек убил бы и нас, и венлягушку; робот убивает только венлягушку. Все указывает в одном направлении, командующий.

Командующий надолго задумался, сидя неподвижно; морщины на его лице углубились. Потом он сказал:

— Что же вы предлагаете делать? Просветить всех участников проекта рентгеном?

— Нет, — сразу ответил Дэвид. — Это не так просто. Успешный шпионаж происходит повсюду. Если здесь есть гуманоидный робот, такие же роботы есть, по-видимому, и в других местах. Нам нужно захватить их как можно больше; всех, если сумеем. Если мы слишком открыто схватим одного, остальных могут тут же убрать и использовать в другое время.

— Но что же вы предлагаете?

— Действовать не торопясь. Мы заподозрили существование робота. Есть способы заставить его выдать себя. И начинаю я не с пустого места. Например, командующий, я знаю, что вы не робот, поскольку вчера тестировал ваши эмоции. В сущности, я сознательно рассердил вас, чтобы проверить свою венлягушку, и прошу у вас за это прощения.

Лицо командующего приобрело лиловый оттенок.

— Я робот?!

— Я сказал, что только испытывал свою венлягушку.

Пеннер сухо заметил:

— Но во мне вы не уверены, член Совета. Я вашу венлягушку не видел.

— Совершенно верно, — ответил Старр. — С вас подозрение не снято. Снимите рубашку!

— Что? — негодующе воскликнул Пеннер. — Зачем?

Дэвид спокойно ответил:

— Подозрение с вас только что снято. Робот просто выполнил бы приказ.

Командующий стукнул кулаком по столу.

— Прекратите! Это должно кончиться немедленно! Я не

позволю вам испытывать своих людей любым способом. У меня есть задание, член Совета Старр: мне нужно поднять в космос аграв-корабль, и я подниму его. Моих людей неоднократно проверяли, они чисты. Ваша история с роботом — нелепая выдумка, и я не собираюсь ее дальше слушать. Я сказал вам вчера, Старр, что не хочу вашего появления на спутнике. Вы мешаете моим людям, беспокоите их. Вы сочли возможным вчера оскорбить меня. Теперь говорите, что просто проверяли свое животное, но от этого оскорбление не становится меньшим. Я не чувствую желания сотрудничать с вами и не буду этого делать. Сейчас я вам скажу, что сделаю. Я прерву всякую связь с Землей. Объявлю на Юпитере-9 чрезвычайное положение. С этого момента я военный диктатор Юпитера-9. Вы поняли?

Глаза Старра чуть сузились.

— Как член Совета Науки, я старше вас по должности.

— А как вы намерены этим воспользоваться? Мои люди подчиняются мне, они уже получили приказы. Если вы попытаетесь что-нибудь сделать, вас арестуют, и вы не сможете ни словом, ни делом помешать мне.

— А каковы эти приказы?

— Завтра, в шесть часов по стандартному солнечному времени, первый экспериментальный аграв-корабль отправится в полет с Юпитера-9 на Юпитер-1, то есть на Ио, — сказал командующий Донахью. — После нашего возвращения — после, член Совета Старр, и ни на одну минуту раньше — вы сможете продолжить свое расследование. И если свяжетесь с Землей и потребуете трибунала, я готов.

Командующий Донахью смотрел на Старра.

Дэвид спросил у Пеннера:

— Корабль готов?

— Да.

Донахью презрительно сказал:

— Мы вылетаем завтра. Ну, член Совета Старр, вы подчинитесь или я должен приказать арестовать вас?

Последовала напряженная тишина. Верзила буквально затаил дыхание. Командующий сжимал и разжимал кулаки, нос его побелел и заострился. Пеннер медленно достал из кармана рубашки жевательную резинку, разорвал пластифолевую оболочку и сунул резинку в рот.

Дэвид хлопнул в ладоши, откинулся в кресле и сказал:

— Рад буду сотрудничать с вами, командующий.

8. СЛЕПОТА

Верзила мгновенно рассердился.

— Счастливчик! Ты позволишь им запретить тебе вести расследование?

Тот ответил:

— Не совсем. Мы будем находиться на борту аграв-корабля и там продолжим расследование.

— Нет, сэр, — отрезал командующий. — Вас на борту не будет. Ни на минуту.

Дэвид спросил:

— А кто будет на борту, командующий? Вы сами, вероятно?

— Да, я. И Пеннер как главный инженер. Два моих офицера, пять инженеров и пять обычных членов экипажа. Все отобраны заранее. Мы с Пеннером — как главы проекта; пять инженеров — вести корабль; остальные — в знак благодарности за службу.

Старр задумчиво спросил:

— Что за служба?

Вмешался Пеннер, сказав:

— Лучший пример того, о чем говорит командующий, это Гарри Норрич, который...

Верзила застыл от удивления.

— Это тот слепой парень?

— Вы знаете его? — спросил Пеннер.

— Познакомились вчера вечером, — объяснил Счастливчик.

— Норрич здесь с самого начала проекта, — продолжал Пеннер. — Потерял зрение, бросившись между двумя контактами, чтобы не дать полю свернуться. Пять месяцев провел в больнице: не удалось восстановить только зрение. Если бы не его храбрость, из спутника вырвало бы кусок размером с гору. Он спас жизни двухсот человек и сам проект: серьезный несчастный случай в самом начале строительства сделал бы невозможными дальнейшие ассигнования со стороны Конгресса. Это и дало ему место в первом полете аграв-корабля.

— Жаль, что он не сможет близко увидеть Юпитер, — сказал Верзила. Но тут глаза его сузились. — А как он будет передвигаться по кораблю?

— Мы, конечно, возьмем с собой и Мэтта, — ответил Пеннер. — Очень воспитанная собака.

— Это все, что мне нужно знать, — горячо сказал Верзи-

ла. — Если вы берете с собой собаку, можете взять и нас со Старром.

Командующий Донахью нетерпеливо взглянул на часы. Положил руки на стол и сделал вид, будто собирается встать.

— Мы закончили, джентльмены.

— Не совсем, — сказал Счастливчик. — Нужно выяснить один небольшой вопрос. Верзила выразился грубовато, но он совершенно прав. Мы с ним будем на аграв-корабле в момент старта.

— Нет, — ответил Донахью. — Это невозможно.

— Неужели добавочная масса двух человек так затруднит управление кораблем?

Пеннер рассмеялся.

— Да мы можем прихватить с собой гору.

— Может, не хватает места?

Командующий с открытой неприязнью смотрел на Дэвида.

— Я не собираюсь объяснять вам причины. Вы не полетите, потому что таково мое решение. Ясно?

В глазах его мелькнул мстительный огонек, и Старру нетрудно было догадаться, что он сводит счеты за прием на борту «Метеора».

Дэвид спокойно сказал:

— Вам лучше взять нас с собой, командующий.

Донахью сардонически улыбнулся.

— Почему? Иначе меня освободят от должности по приказу Совета Науки? Вы не сможете связаться с Землей до моего возвращения; а потом пусть освобождают.

— Мне кажется, вы не все продумали, командующий, — сказал Старр. — Вас освободят от должности приказом, имеющим обратную силу. Заверяю вас, так и будет сделано. Во всех документах будет сообщаться, что первый полет аграв-корабль совершил не под вашей командой, а под командой вашего преемника. Будет сделано официальное сообщение, что вы на борту не находились.

Командующий Донахью побледнел. Он встал; на мгновение показалось, что он бросится на Старра.

Тот спросил:

— Ваше решение, командующий?

Голос Донахью казался неестественным:

— Вы полетите.

Остаток дня Дэвид провел в архиве, изучая досье людей, занятых в проекте, а Верзилу под присмотром Пеннера водили из лаборатории в лабораторию и от одного испытательного стенда к другому.

Только после ужина, вернувшись в свои помещения, они остались наедине. То, что Старр молчал, было неудивительно: он никогда не отличался разговорчивостью; но между глаз его пролегла маленькая складка. Верзила знал, что это признак сосредоточенности.

Он спросил:

— Есть какие-нибудь успехи?

Дэвид покачал головой.

— Должен признаться, ничего интересного.

Он прихватил с собой из библиотеки книгофильм, и Верзила разглядел название: «Современная роботехника». Счастливчик начал методично просматривать фильм.

Верзила нетерпеливо заерзал.

— Ты будешь смотреть его до конца?

— Боюсь, что да, Верзила.

— Ничего, если тогда я пойду к Норричу?

— Иди. — Старр на мгновение оторвался от фильма и снова склонился к нему. Руки его были скрещены на груди.

Верзила закрыл за собой дверь и на мгновение остановился. Он слегка нервничал. Он знал, что сначала нужно бы обсудить с Дэвидом, но искушение...

Он сказал себе: «Я ничего не собираюсь делать. Просто кое-что проверю. Если я ошибся, значит, ошибся, и ни к чему беспокоить Счастливчика. Но если я прав, то у меня будет что ему сказать».

Он позвонил, дверь сразу открыли. Норрич — его слепые глаза были направлены на дверь — сидел за столом с шахматной доской и необычными фигурами.

Он сказал:

— Да?

— Это Верзила, — сказал маленький марсианин.

— Верзила! Входите. Садитесь. Член Совета Старр с вами?

Дверь закрылась, и Верзила осмотрел ярко освещенную комнату. Губы его сжались.

— Он занят. А с меня хватит на сегодня аграва. Меня водил доктор Пеннер, но я вряд ли что понял.

Норрич улыбнулся.

— Вы не один такой, но, если отбросить математику, основной принцип понять нетрудно.

— Да? Не хотите ли объяснить? — Верзила сел в большое кресло и принялся рассматривать верстак Норрича. Под ним лежал Мэтт, положив голову на лапы и не отрывая взгляда от Верзилы.

«Пусть себе говорит, — думал Верзила. — Пусть говорит, а я найду возможность».

— Ну, слушайте, — сказал Норрич. Он взял одну круглую фигуру. — Тяготение есть одна из форм энергии. Вот такой предмет, какой я держу, находится под действием гравитационного поля; если ему не дать двигаться, говорят, что он обладает потенциальной энергией. Если я его выпущу, эта потенциальная энергия преобразуется в движение — это называется кинетической энергией. Под действием поля тяготения он будет падать все быстрее и быстрее. — Он выпустил фигуру, и та упала.

— Пока — бах! — сказал Верзила.

Фигура ударилась о пол и откатилась.

Норрич наклонился, как будто хотел ее подобрать, но потом сказал:

— Не достанете ли ее, Верзила? Я не уверен, куда она откатилась.

Верзила сдержал свое разочарование. Он поднял фигуру и дал ее Норричу.

Тот сказал:

— До недавнего времени это была единственная возможность преобразования потенциальной энергии — превращение ее в кинетическую. Конечно, и кинетическую энергию можно использовать. Например, водопад Ниагара производит электричество, но это совсем другое дело. В космосе гравитация вызывает только движение. Возьмем систему спутников Юпитера. Мы на Юпитере-9, на краю системы. В пятнадцати миллионах миль от центра. По отношению к Юпитеру мы обладаем гигантским количеством потенциальной энергии. Если мы попытаемся перебраться на Юпитер-1 — спутник Ио, который всего в двухстах восьмидесяти пяти тысячах миль от Юпитера, мы должны будем падать много миллионов миль. При этом мы приобретем огромную скорость, и, чтобы этого не случилось, нам пришлось бы с помощью гиператомного двигателя замедлять движение, направляя импульс в противоположную сторону. Для этого нужно очень много энергии. И если мы хоть немного промахнемся, то будем продолжать падать — в сторону вполне конкретного места, к самому Юпитеру. А это означает верную смерть. Даже если мы благополучно приземлимся на Ио, возникает проблема возвращения на Юпитер-9: нам придется подниматься на миллионы миль, преодолевая чудовищное притяжение Юпитера. Чтобы совершать полеты меж спутниками Юпитера, нужна очень большая энергия.

— А аграв? — спросил Верзила.

— Ага! Это совсем другое дело. С помощью конвертера аграва потенциальная энергия может превращаться в другие виды энергии, помимо кинетической. В аграв-коридоре, например, сила тяготения в одном направлении используется для поддержания гравитационного поля в другом направлении. Люди, двигающиеся в одном направлении, снабжают энергией тех, кто движется в противоположном. Таким образом, пользуясь этой энергией, вы падаете, но ваша скорость не растет. Вы можете даже передвигаться со скоростью, меньшей скорости падения. Понятно?

Верзила не был в этом уверен, но сказал:

— Продолжайте.

— В космосе все по-другому. Тут нет второго поля тяготения, куда можно переместить энергию. Энергия преобразуется в гиператомное поле и запасается. Таким образом, корабль может переместиться от Юпитера-9 на Ио с любой скоростью, меньшей скорости падения, и при этом ему не нужна энергия для замедления. Вообще никакая энергия не нужна, за исключением той, которая используется для уравнивания скорости с орбитальной скоростью Ио. И полная безопасность, так как корабль все время под контролем. В случае необходимости тяготение Юпитера может быть совсем нейтрализовано. Возвращение на Юпитер-9, конечно, требует энергии. Это обязательно. Но теперь можно использовать энергию, запасенную в конденсаторах гиператомного поля. Энергия гравитационного поля Юпитера теперь будет выталкивать вас из его поля.

Верзила сказал:

— Звучит неплохо. — Он поерзал в кресле. Так он ни к чему не придет. Неожиданно он спросил:

— Что это у вас на столе?

— Шахматы, — ответил Норрич. — Играете?

— Немного, — признался Верзила. — Меня научил Счаст-

ливчик, но с ним играть неинтересно. Он всегда выигрывает. — И небрежно спросил: — А вы как играете в шахматы?

— Будучи слепым?

— Гм...

— Ничего. Я не обижаюсь... Объяснить легко. Доска намагничена, фигуры из легкого металлического сплава, они не упадут и не сдвинутся, если я их случайно задену. Попробуйте, Верзила.

Верзила взялся за одну фигуру. Она подавалась так, будто застряла в густом сиропе, потом высвободилась.

— И вы видите, — продолжал Норрич, — что это не совсем обычные шахматные фигуры.

— Больше похоже на шашки, — согласился Верзила.

— Это чтобы я их не сбивал. Но они не совсем плоские. На них вырезаны рисунки, которые я легко могу нащупать. С другой стороны, они напоминают обычные шахматные фигуры, и те, кто играет со мной, привыкают в считаные минуты. Посмотрите сами.

Действительно, Верзила понял легко. Круг с выступами, очевидно, ферзь, крест в центре другой фигуры — король. Шашки с параллельными наклонными черточками — слоны, квадрат — ладья, заостренные конские уши — кони, а круглые шашки без рисунка — пешки.

Верзила почувствовал, что зашел в тупик.

— А что вы сейчас делали? Играли с собой?

— Нет, решал задачу. Фигуры расставлены таким образом, что есть один и только один способ выигрыша белых в три хода, и я пытаюсь найти этот способ.

Верзила неожиданно спросил:

— А как вы отличаете белых от черных?

Норрич рассмеялся.

— Приглядитесь внимательней. У белых фигур канавки по краю, у черных нет.

— Ага. Значит, вы просто запоминаете расположение фигур?

— Это нетрудно, — ответил Норрич. — Может показаться, что для этого нужна фотографическая память, на самом же деле мне просто нужно каждый раз проводить рукой по доске. Заметьте, что клетки тоже разделены канавками.

Верзила дышал с трудом. Он забыл о квадратах доски: они действительно были разделены бороздками. Ему казалось, что он сам ведет шахматную партию и проигрывает.

— Не возражаете, если я посмотрю? — спросил он. — Может, найду нужный ход.

— Пожалуйста, — ответил Норрич. — Может, подскажете. Я сижу уже с полчаса и начинаю злиться.

Наступило молчание. Немного погодя Верзила встал; тело его было напряжено, он старался двигаться совершенно бесшумно. Одним движением достал из кармана фонарик и подошел к стене. Норрич не менял своей позы над доской. Верзила бросил быстрый взгляд на Мэтта. Собака тоже не шевелилась.

Верзила поднял руку и, сдерживая дыхание, бесшумно выключил свет. Мгновенно стало абсолютно темно.

Верзила помнил, в каком направлении находится Норрич. Он посветил фонариком, услышал негромкий топот, а потом удивленный и слегка недовольный голос Норрича:

— Зачем вы выключили свет, Верзила?

— Вы себя выдали! — торжествующе закричал Верзила. Он осветил фонариком широкое лицо Норрича. — Вы совсем не слепы, вы шпион.

9. АГРАВ-КОРАБЛЬ

Норрич воскликнул:

— Не знаю, что вы делаете, но, ради космоса, не делайте резких движений: Мэтт может броситься на вас!

— Вы хорошо знаете, что я делаю, — ответил Верзила, — потому что видите: на вас направлено игольное ружье. Вы, наверно, слышали, что я стреляю метко. Если ваша собака сделает шаг ко мне, я ее прикончу.

— Не трогайте Мэтта. Пожалуйста!

Верзилу смутила боль в голосе Норрича. Он сказал:

— Пусть сидит спокойно, и я его не трону. Мы увидимся со Старром. И если встретим кого-нибудь в коридоре, не говорите ничего, кроме «Добрый вечер». Я иду сразу за вами.

Норрич сказал:

— Я не могу идти без Мэтта.

— Можете, — ответил Верзила. — Всего пять шагов по коридору. Даже если вы и в самом деле слепы, сможете пройти. Ведь головоломки собирать можете?

При звуке открывшейся двери Дэвид оторвался от книгофильма и поднял голову.

— Добрый день, Норрич. Где Мэтт?

Верзила заговорил, прежде чем Норрич ответил:

— Мэтт в комнате Норрича, и Норричу он не нужен. Пески Марса, Счастливчик, Норрич слеп не больше нас с тобой!

— Что?

Норрич начал:

— Ваш друг ошибается, мистер Старр. Я хочу сказать...

Верзила выпалил:

— Заткнитесь! Я буду говорить, а вы ответите, когда вас попросят.

Старр сложил руки.

— Если не возражаете, мистер Норрич, я хотел бы послушать, что хочет сказать Верзила. И, кстати, Верзила, убери ружье.

С недовольным выражением лица Верзила послушался. Он сказал:

— Понимаешь, Счастливчик, я с самого начала заподозрил этого подонка. Эти головоломки заставили меня призадуматься. Он слишком хорошо с ними справляется. Я сразу подумал, что он и есть шпион.

— Вы вторично называете меня шпионом! — воскликнул Норрич. — Я этого не потерплю

— Слушай, Дэвид, — продолжал Верзила, не обращая внимания на слова Норрича, — очень хитро придумано: его считают слепым. Он может увидеть все, что захочет, и никто не подумает, что он видит. От него не будут скрываться. Не будут ничего прятать. Он может смотреть прямо на самый важный документ, а они подумают: «Это всего лишь бедняга Норрич. Он ничего не видит». Больше того, о нем вообще не подумают. Пески Марса, для шпиона это просто отличное укрытие.

Норрич с каждым моментом выглядел все более удивленным.

— Но я действительно слеп. А что касается головоломок и шахмат, я объяснил...

— Конечно, объяснили, — презрительно ответил Верзила. — Вы уже много лет объясняете. А почему вы сидите в своей комнате в одиночестве и при свете? Когда я с полчаса назад вошел, Дэвид, свет горел. Он не зажег его для меня. Выключатель слишком далеко от него. Почему?

— А почему бы и нет? — ответил Норрич. — Мне все равно, но я сижу при свете для удобства тех, кто ко мне приходит, как вы.

— Ну хорошо, — сказал Верзила, — он может всему придумать объяснение: как играть в шахматы, как различать фигуры — все. Однажды он чуть не забылся. Уронил фигуру и наклонился, чтобы подобрать ее, но вовремя опомнился и попросил меня подобрать.

— Обычно я по звуку определяю, куда что-нибудь упало. Но фигура покатилась.

— Давайте объясняйте, — сказал Верзила. — Это вам не поможет, потому что одно вы объяснить не сможете. Счастливчик, я решил проверить его. Хотел тихонько выключить свет и посветить ему в глаза фонариком. Если он не слеп, то подпрыгнет или мигнет — как-нибудь себя выдаст. Я был уверен, что прижму его. Но мне даже и этого не понадобилось. Как только я выключил свет, бедняга забылся и спросил: «Зачем вы выключили свет?..» Но откуда он знал, что я выключил свет? Откуда?

— Но... — начал Норрич.

Верзила продолжал:

— Он может на ощупь различать шахматные фигуры и собирать головоломки и все прочее, но определить на ощупь, светло или нет, нельзя. Он должен это видеть.

Дэвид сказал:

— Я думаю, пора предоставить слово мистеру Норричу.

Норрич ответил:

— Благодарю вас. Я слеп, член Совета, но моя собака не слепа. Когда я вечером выключаю свет, для меня это безразлично, но для Мэтта это сигнал ложиться спать, и он отправляется на свою подстилку. Я слышал, как Верзила на цыпочках подошел к стене в направлении выключателя. Он старался двигаться беззвучно, но человек, который слеп уже пять лет, слышит и шаги на цыпочках. Когда он остановился, я услышал, как Мэтт направился в свой угол. Не нужно быть очень умным, чтобы понять, что случилось. Верзила стоял у выключателя, а Мэтт направился спать. Очевидно, Верзила выключил свет.

Инженер повернул свое искаженное ненавистью лицо вначале в сторону Верзилы, потом Старра, как будто ожидал ответа.

Дэвид сказал:

— Да, понимаю. Похоже, мы должны извиниться перед вами.

Маленькое лицо Верзилы несчастно сморщилось.

— Но, Счастливчик...

Тот покачал головой.

— Оставь, Верзила! Никогда не цепляйся за теорию, если она не подтверждается. Надеюсь, вы поймете, мистер Норрич, что Верзила делал только то, что считал своим долгом.

— Я хотел бы, чтобы он сначала задавал вопросы, а потом действовал, — холодно ответил Норрич. — Я могу идти? Не возражаете?

— Пожалуйста. Но у меня официальная просьба: никому не рассказывайте о происшедшем. Это очень важно.

Норрич ответил:

— Вообще-то это похоже на арест без законных оснований, но пусть. Не буду об этом говорить. — Он направился к двери, безошибочно отыскал сигнальную плиту и вышел.

Верзила сразу же повернулся к другу.

— Это хитрость? Ты не должен был выпускать его.

Старр оперся подбородком на руку; его спокойные карие глаза были задумчивы.

— Нет, Верзила, он не тот человек, которого мы ищем.

— Не может быть. Даже если он слеп, по-настоящему слеп, это довод против него. Ну, конечно, Счастливчик. — Верзила приходил все в большее возбуждение. — Он мог подойти к венлягушке, мог убить ее, не видя.

Дэвид покачал головой.

— Нет, Верзила. Воздействие венлягушки на мозг не зависит от зрения. Это прямой мозговой контакт. Обойти этот факт мы не можем. — Он медленно сказал: — Это мог сделать только робот. Только. А Норрич не робот.

— А это ты откуда знаешь?.. — Верзила смолк.

— Я вижу, ты сам ответил на свой вопрос. Мы чувствовали его эмоции при первой встрече, когда венлягушка была жива. У него есть эмоции, значит, он не робот и не тот, кого мы ищем.

Но на лице у Старра было выражение глубокой тревоги, он отшвырнул в сторону книгу по роботехнике, будто отчаялся найти в ней помощь.

Первый аграв-корабль назвали «Спутник Юпитера», и он не был похож на корабли, виденные Старром. Размером с роскошный космический лайнер, но жилые помещения очень

тесные, потому что девять десятых объема корабля занимали аграв-конвертер и конденсаторы гиператомного поля. От середины корабля отходили изогнутые лопасти, напоминавшие крылья летучей мыши. Пять в одну сторону, пять — в другую. Всего десять.

Дэвиду объяснили, что эти лопасти разрезают силовые линии гравитационного поля и превращают энергию тяготения в гиператомную. Очень прозаично, но они придавали кораблю зловещий вид.

Корабль стоял в огромном колодце, выкопанном в теле Юпитера-9. Крышка из сверхпрочного бетона отошла, и теперь в колодце была обычная для Юпитера-9 сила тяжести и обычное отсутствие атмосферы.

Почти весь персонал проекта, около тысячи человек, собрался в природном амфитеатре. Старру никогда не приходилось видеть одновременно столько людей в космических костюмах. Царило вполне естественное возбуждение; оно иногда проявлялось в возне, насколько это возможно при низкой силе тяжести.

Старр мрачно подумал: «И один из этих людей в космических костюмах вовсе не человек».

Но который? Как это определить?

Командующий произнес короткую речь; все слушали, охваченные волнением; Счастливчик, глядя на Юпитер, увидел рядом с ним огонек, не звезду, но полумесяц толщиной в ноготь, такой маленький, что его с трудом можно было рассмотреть. Если бы на Юпитере-9 была атмосфера, а не вакуум, полумесяц превратился бы в светлое пятнышко.

Старр знал, что это Ганимед, Юпитер-3, самый большой спутник Юпитера, луна, достойная гигантской планеты. Она втрое больше земной Луны, больше планеты Меркурий. Она почти с Марс размером. Когда построят флот аграв-кораблей, Ганимед быстро займет важное место среди миров Солнечной системы.

Командующий Донахью хриплым от волнения голосом провозгласил название корабля, и все собравшиеся группами по пять-шесть человек ушли под поверхность через многочисленные шлюзы.

Остались лишь те, кто полетит на «Спутнике Юпитера». Один за другим они поднялись на корабль. Первым — Донахью.

Дэвид и Верзила поднимались последними. Когда они вошли, командующий Донахью недружелюбно отвернулся от них.

Верзила наклонился к Счастливчику и прошептал:

— Ты заметил, Ред Саммерс на борту.

— Знаю.

— Это тот, кто пытался тебя убить.

— Знаю, Верзила.

Корабль поднимался величественно, медленно. Поверхностная сила тяжести на Юпитере-9 составляет одну восемнадцатую земной, и, хотя вес корабля все же достигал сотен тонн, не он был причиной этой медлительности. Даже если бы силы тяжести совсем не было, корабль оставался материальным и сохранял всю инерцию. Его было бы так же трудно привести в движение или же изменить направление движения, если он его начал.

Вначале медленно, потом все быстрее и быстрее колодец уходил вниз. Юпитер-9 съежился и превратился на экране в неровную серую скалу. Черное небо заполнилось созвездиями, Юпитер казался ярким шаром.

Подошел Джеймс Пеннер и положил руки на плечи Старру и Верзиле.

— Не хотите ли заглянуть в мою каюту? В смотровой рубке пока ничего не предвидится. — Он широко улыбался, жилы на его мощной шее, казавшейся продолжением головы, натянулись.

— Спасибо, — ответил Дэвид, — вы очень добры.

— Ну, командующий вас уж точно не пригласит, и остальные побаиваются. Не хочу, чтобы вам было одиноко. Путь у нас долгий.

— А вы меня не опасаетесь, мистер Пеннер? — сухо спросил Счастливчик.

— Конечно, нет. Вы ведь меня проверили, и я выдержал испытание.

Втроем они едва вместились в маленькую каюту Пеннера. Ясно, что на первом аграв-корабле жилые помещения выкраивались, насколько позволяла инженерная изобретательность.

Пеннер открыл три банки концентрированного рациона — обычная пища в космосе. Дэвид и Верзила чувствовали себя почти что дома: запах разогреваемой пищи, ощущение сомкнувшихся вокруг стен, за которыми — бесконечная пустота пространства, постоянный гул гиператомных двигателей, превращающих полевую энергию в импульс.

Если бы древняя вера в «музыку сфер» подтвердилась, ею было бы гудение гиператомных двигателей — основа космических полетов.

Пеннер сказал:

— Мы превысили скорость убегания Юпитера-9; теперь можно не опасаться, что упадем на его поверхность.

— Значит, мы в свободном падении к Юпитеру, — заметил Счастливчик.

— Да, и падать предстоит пятнадцать миллионов миль. Как только наберем достаточную скорость, включим аграв.

Говоря это, он достал из кармана часы — большой диск блестящего бесцветного металла. Нажал на выступ, и на поверхности появились светящиеся цифры. Их окружала белая полоска, она постепенно покраснела, потом снова стала белой.

Дэвид спросил:

— Мы так скоро переходим на аграв?

— Да, — ответил Пеннер. Он положил часы на стол, и все принялись молча есть.

Пеннер снова поднял часы.

— Чуть меньше минуты. Все действует автоматически. — Хотя главный инженер говорил спокойно, рука, которой он держал часы, чуть дрожала. — Сейчас, — сказал Пеннер, и наступила тишина. Полная тишина.

Прекратился гул гиператомных двигателей. Теперь вся энергия, освещавшая корабль, поддерживавшая на нем псевдогравитацию, исходила от поля тяготения Юпитера.

— Точно! — сказал Пеннер. — Прекрасно! — Он убрал часы, и на его лице появилась широкая улыбка облегчения. — Теперь мы на настоящем аграв-корабле.

Старр тоже улыбался.

— Поздравляю. Я рад находиться на борту.

— Представляю себе. Вы этого усиленно добивались. Бедный Донахью.

Дэвид серьезно сказал:

— Мне жаль, что пришлось так надавить на командующе-

го, но у меня не было выбора. Так или иначе я должен был оказаться на борту.

Глаза Пеннера сузились от его серьезного тона.

— Должны были?

— Да! Мне кажется несомненным, что на борту корабля находится и шпион, которого мы ищем.

10. ВО ВНУТРЕННОСТЯХ КОРАБЛЯ

Пеннер пораженно смотрел на Старра. Потом спросил:

— Почему вы так считаете?

— Сирианцам нужно знать, как работает корабль. Если их метод шпионажа надежен — а до сих пор так и было, — почему не продолжить и на борту корабля?

— Вы хотите сказать, что один из четырнадцати человек на борту «Спутника Юпитера» робот?

— Совершенно верно.

— Но этих людей отобрали давно.

— Сирианцы должны знать способ отбора, как знают все остальное относительно проекта. Они сумели добиться, чтобы их гуманоидный робот попал в число отобранных.

— Вы очень высоко их оцениваете, — сказал Пеннер.

— Согласен, — ответил Счастливчик. — Но есть и альтернатива.

— Какая?

— Гуманоидный робот пробрался на борт зайцем.

— Маловероятно, — сказал Пеннер.

— Однако возможно. В суматохе перед речью командующего было легко проникнуть на борт. Я пытался наблюдать за кораблем, но это оказалось невозможно. Девять десятых корабля занимают механизмы, там достаточно места, чтобы спрятаться.

Пеннер не разделял его подозрений.

— Не так много места, как вы считаете.

— Но мы все же должны обыскать корабль. Вы это сделаете, доктор Пеннер.

— Я?

— Конечно. Как главный инженер, вы знаете корабль лучше других. Мы пойдем с вами.

— Подождите. Это бесцельное занятие.

— Если зайца не окажется, все равно мы кое-чего добьемся, доктор Пеннер. Мы сосредоточим внимание на тех, кто законно прошел на корабль.

— Только мы втроем?

Дэвид негромко ответил:

— А кому еще мы можем доверять? Ведь каждый может оказаться именно тем роботом, которого мы ищем. Не будем больше обсуждать это, доктор Пеннер. Поможете ли вы в поисках на корабле? Я прошу вас как член Совета Науки.

Пеннер неохотно встал.

— Вероятно, придется.

Они спустились по узкой шахте, ведущей на первый машинный уровень. Спускались, держась за скобы. Свет был приглушенный и непрямой, так что массивные машины не отбрасывали тени.

Было тихо. Ни малейший гул не сопровождал действие могучей энергии, запасавшейся здесь. Верзила, оглядываясь, приходил в смятение оттого, что не видел ничего знакомого: ничего не осталось от обычного оборудования космического корабля, такого, как их «Метеор».

— Все закрыто, — сказал он.

Пеннер кивнул и негромко ответил:

— Все, что возможно, действует автоматически. Мы должны были до минимума сократить потребность в людях.

— А как ремонт?

— Его не должно быть, — мрачно ответил инженер. — Все системы корабля задублированы, все обладают самоконтролем и самовосстанавливаются.

Пеннер двинулся вперед, в узкий проход, шел он медленно, как будто ежеминутно ожидал, что на него кто-то набросится.

Уровень за уровнем, методично продвигаясь от центрального ствола в стороны, Пеннер с уверенностью специалиста обходил все помещения.

Наконец они оказались на самом дне, у больших хвостовых двигателей, в которых гиператомные силы (когда корабль в обычном полете) рвутся назад, толкая корабль вперед.

Изнутри корабля двигатели выглядели как четыре огромных трубы, каждая вдвое толще человека, заканчивавшиеся

бесформенным сооружением, — там размещаются гиператомные двигатели.

Верзила сказал:

— Трубы! Внутри!

— Нет, — ответил Пеннер.

— Почему? Робот может там спрятаться. Там открытый космос, но роботу все равно.

— Гиператомный толчок его бы уничтожил, а мы шли на гиператомных двигателях всего час назад, — сказал Старр. — Нет, двигатели исключаются.

— Что ж, — заметил Пеннер, — значит, в машинном отделении никого нет.

— Вы уверены?

— Да. Мы все осмотрели и двигались таким маршрутом, что невозможно было спрятаться и зайти нам за спину.

Голоса их отдавались слабым эхом в стволе.

Верзила сказал:

— Пески Марса, остается четырнадцать человек.

Счастливчик задумчиво ответил:

— Меньше. Трое из людей на корабле проявляли эмоции: командующий Донахью, Гарри Норрич и Ред Саммерс. Остается одиннадцать.

Пеннер сказал:

— Не забудьте меня. Я не подчинился приказу. Остается десять.

— Кстати, это интересный вопрос, — сказал Дэвид. — Вы разбираетесь в роботехнике?

— Я? — переспросил Пеннер. — В жизни своей не имел дела с роботами.

— В том-то все и дело, — сказал Старр. — Земляне изобрели позитронного робота и придумали большую часть усовершенствований, но, за исключением нескольких специалистов, земные инженеры не разбираются в роботехнике, потому что мы не используем роботов. В школе это не учат, на практике с этим не встречаются. Я сам знаю Три закона, но мало что еще. Командующий Донахью не смог даже процитировать Три закона. С другой стороны, сирианцы, у которых экономика насыщена роботами, должны разбираться в роботехнике во всех тонкостях. Вчера и сегодня я провел много времени, изучая книгофильм по современной роботехнике, который нашел в библиотеке. Кстати, это единственная книга в ней на эту тему.

— Ну и что? — спросил Пеннер.

— Для меня стало очевидно, что Три закона не так просты, как кажутся на первый взгляд... Кстати, идемте отсюда. На обратном пути можем вторично все осмотреть. — Говоря это, он шел по нижнему уровню и с живым интересом осматривался по сторонам.

Дэвид продолжал:

— Например, я мог бы подумать, что достаточно каждому человеку на корабле отдать нелепый приказ и посмотреть, будет ли он выполнен. Кстати, я вначале так и думал. Но это не совсем так. Оказывается, теоретически возможно так приспособить позитронный мозг, чтобы робот исполнял лишь те приказы, которые связаны с его непосредственными обязанностями. Приказы, противоречащие его обязанностям или не связанные с ними, тоже могут исполняться, но если отданы с использованием ключевых слов. Это шифр, с помощью которого человек, отдающий приказ, определяет себя. Таким образом, робот может управляться его истинным хозяином, а приказы других людей исполнять не будет.

Пеннер, взявшийся руками за опору, чтобы подниматься на следующий уровень, отпустил руки. Повернулся лицом к Старру.

— То есть, когда вы приказали мне снять рубашку и я не подчинился, это ничего не значит?

— Я говорю, доктор Пеннер, что это ничего не значит, потому что снятие рубашки не входит в ваши прямые обязанности, а мой приказ не был дан в нужной форме.

— Значит, вы обвиняете меня в том, что я робот?

— Нет. Маловероятно, чтобы вы им были. Сирианцы, подбирая кандидатуру человека для замещения роботом, вряд ли остановились бы на главном инженере. Чтобы выполнять работу главного инженера, робот должен хорошо знать проект аграва. Сирианцы не могли бы снабдить его этими знаниями. А если бы могли, у них не было бы необходимости в шпионаже.

— Спасибо, — мрачно сказал Пеннер, снова поворачиваясь к опорам, но тут прозвенел голос Верзилы.

— Подождите, Пеннер! — Маленький марсианин держал наготове в руке игольное ружье. Он сказал: — Минутку. Счастливчик, откуда мы знаем, что ему что-нибудь известно об аграве? Мы это только предполагаем. Он никаких знаний пока

не проявил. Когда «Спутник Юпитера» перешел на аграв, где он был? Сидел с нами в своей каюте, вот где.

Дэвид ответил:

— Я думал об этом, Верзила, и в этом одна из причин, зачем я привел сюда Пеннера. Он явно знаком с оборудованием. Я следил за ним. Он не делал бы этого так уверенно, если бы не был специалистом.

— Устраивает это вас, марсианин? — со сдержанным гневом спросил Пеннер.

Верзила убрал игольное ружье, и Пеннер, ни слова не говоря, начал подниматься.

Они остановились на следующем уровне и вторично осмотрели его.

Пеннер сказал:

— Ну хорошо, остается десять человек: два офицера, четыре инженера, четверо рабочих. Что вы предполагаете делать дальше? Просветить их всех рентгеном? Что-нибудь такое?

Старр покачал головой.

— Слишком рискованно. Очевидно, сирианцы что-нибудь предприняли для защиты. Известно, что роботы могут передавать сообщения и выполнять тайные поручения. Но если человек задает вопрос правильным образом, робот обязан ответить. В таком случае сирианцы монтируют в робота взрывное устройство, которое действует тогда, когда робот должен выдать свою тайну.

— То есть если просветить робота рентгеном, он может взорваться?

— Очень вероятно. Его величайшая тайна — это его сущность, и он взорвется при малейшей опасности проверки, это сирианцы наверняка предусмотрели. — С сожалением Дэвид добавил: — На венлягушку они не рассчитывали; против нее защиты не было. Им пришлось приказать роботу убить венлягушку. Они сделали это, чтобы скрыть сущность робота, не уничтожая его.

— Но ведь робот, взрываясь, причинит вред окружающим. Разве это не нарушение Первого закона? — с ноткой сарказма спросил Пеннер.

— Нет. Ведь сам робот взрыв не контролирует. Взрыв является результатом определенного вопроса или действия, а не результатом действий самого робота.

Они поднялись на следующий уровень.

— И что вы собираетесь делать, член Совета? — спросил Пеннер.

— Не знаю, — откровенно ответил тот. — Робот должен каким-то образом себя выдать. Как бы ни приспосабливали робота, Три закона должны действовать. Надо только хорошо знать роботехнику, чтобы этим воспользоваться. Если бы только я мог заставить робота произвести какое-нибудь выдающее его действие, не активируя взрывное устройство; если бы можно было вызвать противоречие между Тремя законами, настолько сильное, чтобы парализовать робота; если бы...

Пеннер нетерпеливо прервал его:

— Если ждете от меня помощи, член Совета, то напрасно. Я уже сказал вам, что не разбираюсь в роботехнике. — Он неожиданно повернулся. — Что это?

Верзила тоже огляделся.

— Я ничего не заметил.

Пеннер молча протиснулся мимо них. Рядом с металлическими гигантами по обе стороны он казался карликом.

Он отошел в глубину, Счастливчик и Верзила последовали за ним. Пеннер сказал:

— Он может прятаться за очистителями. Я взгляну.

Старр, нахмурившись, смотрел на лес кабелей, которым заканчивался тупик.

— Мне кажется, тут никого нет, — сказал он.

— Нужно проверить, — напряженно ответил Пеннер. Он открыл щиток в ближайшей стене и осторожно просунул туда руку, оглядываясь через плечо.

— Не двигайтесь, — сказал он.

Верзила язвительно ответил:

— Тут никого нет.

Пеннер расслабился.

— Я это знаю. Я попросил вас не двигаться, потому что не хотел отрезать вам руку или ногу, включая силовое поле.

— Что за силовое поле?

— Я перегородил коридор силовым полем. Вы не сможете выйти. Перед вами все равно что стальная стена в три дюйма толщиной.

Верзила закричал:

— Пески Марса! Он робот! — Рука его взметнулась.

Пеннер тоже крикнул:

— Не стреляйте! Убейте меня — и вы отсюда не выйдете. —

Он смотрел на них горящими глазами, согнув широкие плечи. — Помните, энергия может пройти через силовое поле, а материя нет, даже молекулы воздуха не пройдут. Вы заперты герметически. Убейте меня — и вы задохнетесь задолго до того, как вас отправятся искать.

— Я говорил, что он робот! — в отчаянии сказал Верзила.

Пеннер коротко рассмеялся.

— Вы ошибаетесь. Я не робот. Но если робот существует, то я знаю, кто он.

11. ВНИЗ МИМО СПУТНИКОВ

— Кто? — сразу спросил Верзила.

Ответил Счастливчик:

— Очевидно, он считает, что один из нас.

— Спасибо! — сказал Пеннер. — Как вы объясните это? Вы говорили о зайцах — людях, тайно проникших на борт «Спутника Юпитера». Говорили о нервах! Но разве нет двух человек, которые силой проникли на борт? Разве я сам не был свидетелем этого? Вы двое!

— Совершенно верно, — заметил Старр.

— И вы привели меня вниз, чтобы иметь возможность осмотреть весь корабль. Вы занимали меня разговорами о роботах, надеясь, что я не замечу, как вы изучаете корабль, как под микроскопом.

Верзила сказал:

— У нас есть на это право. Это Дэвид Старр!

— Он говорит, что он Дэвид Старр. Если он член Совета, то может это доказать и знает как. Если бы я вовремя подумал, то потребовал бы доказательств до того, как вести вас сюда.

— Еще не поздно, — спокойно сказал Старр. — Вы хорошо видите на расстоянии? — Он поднял руку ладонью вперед и закатал рукав.

— Я ближе не подойду, — гневно ответил Пеннер.

Старр на это ничего не сказал. Он дал возможность говорить своему запястью. На внутренней стороне запястья, казалось, у него была обычная кожа, но ее обработали гормональными препаратами очень сложным способом. И теперь, отвечая на приказ его определенным образом выраженной воли, на коже появилось темное овальное пятно, постепенно ставшее черным. В нем маленькие желтые искорки образовали знакомый рисунок Большой Медведицы и Ориона.

Пеннер выдохнул, как будто кто-то выдавил силой воздух из его легких. Мало кто видел знак Совета, но с самого детства все знали о его существовании — это окончательное и неоспоримое подтверждение личности члена Совета Науки.

У Пеннера не оставалось выбора. Молча, неохотно он отключил силовое поле и отступил.

Верзила в гневе устремился к нему.

— Мне следовало бы разбить тебе голову, ты, кривой...

Счастливчик оттащил его.

— Забудь об этом, Верзила. У него такое же право подозревать нас, как у нас — его. Успокойся.

Пеннер пожал плечами.

— Мне казался логичным мой вывод.

— Согласен с вами. Думаю, теперь мы можем доверять друг другу.

— Может быть, — язвительно ответил главный инженер. — Вы установили свою личность. А как насчет этого малыша с громким голосом? Кто установит его личность?

Верзила нечленораздельно зафыркал, и Дэвид встал между ними.

— Я ручаюсь за него и принимаю на себя всю ответственность. А теперь предлагаю вернуться в каюту, прежде чем нас не начали искать. Все происшедшее, разумеется, строго конфиденциально.

И как будто ничего не случилось, они снова стали подниматься.

Им отвели каюту с двухъярусной кроватью и умывальником, из которого вода текла тонкой струйкой. В каюте больше ничего не было. Даже тесные спартанские помещения «Метеора» казались роскошью по сравнению с этим.

Верзила сидел на верхней постели, скрестив ноги, а Дэвид влажной губкой протирал шею и плечи. Разговаривали они шепотом, сознавая, что по другую сторону стены могут оказаться чьи-нибудь уши.

Верзила сказал:

— Послушай, Счастливчик, допустим, я займусь по очереди каждым на корабле. Ну, теми десятью, в ком мы не увере-

ны. Буду задираться, обзову как-нибудь, все такое. Разве не ясно, что тот, кто меня не ударит, робот?

— Вовсе нет. Он может не захотеть нарушать дисциплину на корабле, или не захочет связываться с Советом Науки, или просто не такой человек, чтобы драться с тем, кто его меньше.

— Ну, Счастливчик? — Верзила немного помолчал, потом осторожно сказал: — Я вот все думаю: почему ты так уверен, что робот на корабле? Может, он остался на Юпитере-9? Это возможно.

— Да, знаю, и все же я уверен, что робот на борту. Вот и все. Уверен и не знаю почему, — задумчиво сказал Старр. Он лег и постучал по зубам ногтем. — В первый же день, как мы высадились на Юпитер-9, что-то произошло.

— Что?

— Если бы я знал! У меня было озарение; я знал или подумал, что знаю, как раз перед сном, но потом исчезло. И я не смог его вернуть. На Земле я бы попросил сделать психопробу. Великая Галактика, клянусь, попросил бы! Я испробовал все, что мог. Напряженно думал, пытался избавиться от всех других мыслей. Когда мы были внизу с Пеннером, я попробовал выговориться. Думал, что, если буду обсуждать все стороны проблемы, мысль внезапно снова возникнет в голове. Не вышло. Но все равно. Именно из-за этой мысли я уверен, что робот — один из людей на корабле. Я сделал подсознательное заключение. Если бы только я мог его выразить, мы получили бы ответы на все вопросы.

В голосе его звучало почти отчаяние.

Верзила никогда не видел друга таким расстроенным. Он обеспокоенно сказал:

— Эй, давай лучше поспим.

— Да, ты прав.

Несколько минут спустя в темноте Верзила прошептал:

— Эй, Счастливчик, а почему ты так уверен, что я не робот?

Тот ответил тоже шепотом:

— Потому что сирианцы не смогли бы создать робота с такой уродливой физиономией, — и увернулся от брошенной в него подушки.

Проходили дни. На полпути к Юпитеру они миновали внутренний, редко населенный пояс малых спутников, из которых только Шестой, Седьмой и Девятый были пронумерова-

ны. Юпитер-7 казался яркой звездой, остальные находились далеко и сливались с созвездиями.

Сам Юпитер вырос до размеров Луны, видимой с Земли. И так как корабль приближался к нему со стороны Солнца, Юпитер всегда находился в полной фазе. Вся его видимая поверхность освещалась Солнцем. Ночной тени нигде не было видно.

Но хотя Юпитер сравнялся по видимому размеру с Луной, ее яркости он не достиг. Его затянутая облаками поверхность отражает в восемь раз больше доходящего до нее солнца, чем голые запыленные лунные скалы. Но беда в том, что Юпитер получает только одну двадцать седьмую того количества света, что Луна, на квадратную милю. В результате Юпитер кажется в три раза менее ярким, чем Луна с Земли.

Зато это было гораздо более интересное зрелище, чем Луна. Пояса стали отчетливо видны — коричневатые полосы с расплывчатыми краями на кремово-желтом фоне. Легко было разглядеть, как расплющенный соломенного цвета овал — Большое Красное Пятно — появился на краю, пересек поверхность планеты и исчез на другом краю.

Верзила сказал:

— Эй, Счастливчик, Юпитер кажется совсем не круглым. Это оптический обман?

— Нет, — ответил Дэвид. — Юпитер действительно не круглый. Он приплюснут у полюсов. Ты ведь знаешь, что Земля сплюснута у полюсов?

— Конечно. Но это незаметно.

— Да. Экватор Земли — двадцать пять тысяч миль, он поворачивается за двадцать четыре часа, значит, каждая точка на экваторе проходит за час около тысячи миль. В результате действия центробежной силы Земля на экваторе выпячивается, так что диаметр Земли по экватору на двадцать семь миль больше, чем диаметр от Северного полюса до Южного. Разница в длине диаметров составляет только одну треть процента, так что из космоса Земля кажется идеальным шаром.

— Ага!

— Теперь возьмем Юпитер. Длина экватора у него 276 000 миль, в одиннадцать раз больше окружности Земли, а оборачивается он вокруг оси за десять часов, точнее, на пять минут меньше. Точка на экваторе движется со скоростью почти двадцать восемь тысяч миль в час, в двадцать восемь раз быстрее,

чем на Земле. Тут центробежная сила гораздо больше и соответственно на экваторе планета больше выпячивается, тем более что вещество Юпитера легче земной коры. Диаметр Юпитера по экватору почти на шесть тысяч миль больше, чем от полюса к полюсу. Разница в диаметрах составляет пятнадцать процентов, а это легко заметить на глаз.

Верзила посмотрел на сплющенный круг света — Юпитер и сказал: «Пески Марса!»

Солнце оставалось за ними, они приближались к Юпитеру. Пересекли орбиту Каллисто, Юпитера-4, внешнего из крупных спутников Юпитера, но не увидели его. Этот спутник расположен в полутора миллионах миль от Юпитера и размером с Меркурий, но он находился по другую сторону своей орбиты — маленькая горошина, близкая к Юпитеру и скрывающаяся в его тени.

Ганимед, Юпитер-3, прошел достаточно близко, чтобы казаться диском размером в треть Луны. Часть его скрывалась в ночной тени, видны были три четверти поверхности, светло-белые, бесцветные.

Счастливчик и Верзила обнаружили, что остальные члены экипажа их игнорируют. Командующий никогда с ними не разговаривал, даже не смотрел на них, проходил мимо, глядя в пустоту. Норрич, проходя со своим Мэттом, приветливо кивал, как всегда, когда чувствовал присутствие человека. Но когда Верзила ответил на приветствие, дружелюбное выражение исчезло с лица слепого. Он слегка потянул Мэтта за поводок и пошел дальше.

Они чувствовали себя лучше всего в своей каюте.

Верзила проворчал:

— Что они о себе думают? Даже этот парень Пеннер становится занятым, когда я оказываюсь рядом.

Старр ответил:

— Прежде всего, Верзила, когда капитан показывает свое нерасположение к кому-то, подчиненные редко бывают к тому человеку дружески настроены. Во-вторых, наши встречи с некоторыми из них не были приятными.

Верзила задумчиво сказал:

— Я встретил сегодня этого подонка Реда Саммерса. Он выходил из машинного помещения, а я ему навстречу.

— Ну и что? Ты ведь не...

— Я ничего не сделал. Просто стоял и ждал, пока он начнет что-нибудь, надеялся, что он что-нибудь начнет. Но он только улыбнулся и прошел мимо.

Все на борту «Спутника Юпитера» ждали дня, когда Ганимед закроет Юпитер. Это не полное затмение. Ганимед покрывает лишь ничтожную часть Юпитера. Он находился в 600 000 миль и казался вдвое меньше Луны. Юпитер находился вдвое дальше, но был распухшим шаром, в четырнадцать раз больше Ганимеда, грозным и пугающим.

Ганимед встретился с Юпитером чуть ниже экватора гигантской планеты, два шара, казалось, медленно сплавляются воедино. Врезавшись, Ганимед образовал круг более тусклого цвета, потому что у Ганимеда атмосфера гораздо более разрежена и соответственно отражает меньше солнечного света. Но даже если бы не это, Ганимед все равно выделялся бы, разрезая пояса Юпитера.

Когда Ганимед полностью показался на фоне Юпитера, за ним стал виден черный полумесяц. Люди шепотом объясняли друг другу, что это на Юпитер падает тень Ганимеда.

Тень двигалась вместе с Ганимедом, но медленно опережала его. Черная полоска становилась все тоньше и тоньше, пока в центре Юпитера, когда сам Юпитер, Ганимед и «Спутник Юпитера» образовали с Солнцем прямую линию, тень совершенно не исчезла, закрытая отбрасывавшим ее спутником.

Ганимед продолжал двигаться, и тень снова появилась, на этот раз перед ним, вначале как нить, потом полумесяц, а потом она покинула поверхность Юпитера.

Все затмение продолжалось три часа.

«Спутник Юпитера» пересек орбиту Ганимеда, когда тот находился по другую сторону своей семидесятидневной орбиты вокруг Юпитера.

Это событие отметили специальным праздником. Люди на обычных кораблях (не часто, конечно) добирались до Ганимеда, но никто, ни один человек не оказывался к Юпитеру ближе. Теперь это сделал «Спутник Юпитера».

Корабль прошел в ста тысячах миль от Европы, Юпитера-2.

Это самый маленький из крупных спутников Юпитера, всего 19 сотен миль в диаметре. Он меньше Луны, но близость делала его вдвое больше видимой с Земли Луны. Можно было разглядеть горные вершины и хребты. Корабельные телескопы показали, что это именно так. Горы напоминали горы Меркурия, не было и следа лунных кратеров. Виднелись яркие полосы, похожие на ледяные поля.

Корабль продолжал спускаться и оставил Европу за собой.

Ио — самый внутренний из крупных спутников Юпитера, размером он почти с земную Луну. И расстояние от Юпитера у него 285 000 миль, то есть чуть больше, чем от Луны до Земли.

На этом сходство, однако, кончается. Относительно слабое земное поле тяготения оборачивает Луну за четыре недели. Ио, захваченная тяготением Юпитера, по своей чуть большей орбите пролетает за сорок два часа. Луна вокруг Земли движется со скоростью чуть больше тысячи миль в час, а Ио движется вокруг Юпитера со скоростью в двадцать две тысячи миль в час, и посадка на Ио гораздо труднее.

Корабль, однако, совершил маневр идеально. Он обогнал Ио и в нужный момент отключил аграв.

Мгновенно вернулся гул гиператомных двигателей, заполнив корабль шумом после недель тишины.

«Спутник Юпитера» повернул, подчиняясь полю тяготения Ио. Он находился на орбите на расстоянии в десять тысяч миль от спутника, и Ио заполнила небо.

Они перешли от дневной на ночную сторону, спускаясь все ниже. Крылья аграв-корабля втянулись, чтобы их не оторвала разреженная атмосфера.

Послышался тонкий свист от трения корабля о верхние слои атмосферы.

Скорость падала, высота тоже. Боковые двигатели корабля развернулись и направились назад, ожили гиператомные двигатели, смягчая падение. И вот с легким толчком корабль застыл на поверхности Ио.

На борту «Спутника Юпитера» началась настоящая истерия. Даже Дэвида и Верзилу хлопали по спинам люди, которые на протяжении всего пути старательно их избегали.

Шестнадцать человек. Первые люди, высадившиеся на Ио.

Поправка, подумал Старр. Пятнадцать человек.

И один робот!

12. НЕБЕСА И СНЕГА ДЕСЯТОГО

Они остановились взглянуть на Юпитер. Он заставил их застыть. Все молчали. Говорить об этом невозможно.

Гигантский шар Юпитера протянулся на восьмую часть видимого неба. В полнолуние он светил бы в две тысячи раз ярче земной Луны, но теперь треть его поверхности покрывала ночная тень.

Яркие зоны и более темные пояса, пересекавшие их, казались теперь не только коричневыми. Они теперь находились достаточно близко, чтобы различались отдельные цвета: розовый, зеленый, синий и пурпурный, поразительно яркий. Края поясов оставались неровными и на глазах меняли форму, будто в атмосфере бушевали гигантские бурные ветры; впрочем, так оно, вероятно, и было. Чистая редкая атмосфера Ио не закрывала ни малейшей подробности разноцветной меняющейся поверхности.

Показалось грандиозное Большое Красное Пятно. Оно производило впечатление газовой воронки, неторопливо вращавшейся.

Люди смотрели долго, но Юпитер не менял положения. Звезды двигались мимо него, а он оставался на месте, низко висел в западной части неба. Он и не мог двигаться: Ио при вращении всегда обращена к Юпитеру одной стороной. Примерно с половины поверхности Ио Юпитер никогда нельзя увидеть, на другой половине он никогда не заходит. А в пограничном районе, занимающем примерно пятую часть поверхности спутника, Юпитер всегда на горизонте, часть его видна, часть скрыта.

— Какое место для телескопа! — произнес Верзила на волне, отведенной для Старра перед посадкой.

Дэвид ответил:

— Скоро тут будет и телескоп, и многое другое.

Верзила коснулся лицевой пластины Счастливчика, чтобы привлечь внимание, и быстро указал:

— Посмотри на Норрича. Бедняга, он не может это увидеть!

Старр сказал:

— Я его заметил. С ним Мэтт.

— Да. Пески Марса, на многое идут ради Норрича! Особый костюм для собаки. Я смотрел, как его надевали на Мэтта, ко-

гда ты наблюдал за посадкой. Пришлось проверять, слышит ли он приказы в костюме и будет ли повиноваться им, когда Норрич тоже наденет костюм. Очевидно, все в порядке.

Счастливчик кивнул. Повинуясь порыву, он зашагал к Норричу. Сила тяжести Ио чуть выше лунной, и они с Верзилой легко к ней приспособились.

Двигался Старр длинными пологими прыжками.

— Норрич, — сказал он, переходя на волну инженера.

Конечно, невозможно определить направление, откуда приходит звук радио, поэтому слепые глаза Норрича смотрели беспомощно.

— Кто это?

— Старр. — Он смотрел на лицо Норрича и видел на нем радостное выражение. — Вы счастливы, что находитесь здесь?

— Счастлив? Можно сказать и так. Красив ли Юпитер?

— Очень. Хотите, я опишу его вам?

— Нет. Не нужно. Я смотрел в телескоп, когда... когда у меня были глаза, и в памяти все еще его вижу. Просто... Не знаю, поймете ли вы. Очень мало кто из людей первый стоял на новом мире. Вы понимаете, какие мы теперь особые?

Он протянул руку, чтобы погладить по голове Мэтта, но рука его коснулась только металла шлема. Через изогнутую лицевую пластину Дэвид видел свесившийся язык и беспокойные глаза собаки; она явно встревожилась из-за того, что знакомый голос хозяина не сопровождается присутствием его тела.

Норрич негромко сказал:

— Бедный Мэтт! Низкая сила тяжести смущает его. Не буду его долго держать здесь.

И снова заговорил со страстью:

— Подумайте о триллионах людей в Галактике. Подумайте, сколь немногие из них имели счастье первыми ступить на новый мир. Вы сможете почти всех их назвать по именам. Яновский и Стерлинг — первые люди на Луне, Чинг — первый человек на Марсе, Лабелл и Смит — на Венере. Сосчитайте. Даже если учесть астероиды и планеты других систем. Сосчитайте и увидите, как их мало. И мы теперь среди этих немногих. И я среди них.

Он развел руки, будто готов был обнять весь спутник.

— Я обязан этим Саммерсу. За то, что он разработал новую технику изготовления свинцовых контактов — всего лишь изогнутый ротор, но это сберегает ежегодно два миллиона долла-

ров, а ведь он даже не механик по образованию, — ему в качестве награды предложили участие в первом полете. Знаете, что он ответил? Что я больше этого заслуживаю. Конечно, сказали ему, но ведь он слепой. Тогда он напомнил им, почему я ослеп, и сказал, что без меня не полетит. И взяли нас обоих. Я знаю, вам не очень нравится Саммерс, но когда я о нем думаю, то всегда вспоминаю это.

В шлемах прозвучал голос командующего:

— За работу, парни. Юпитер никуда не денется. Посмотрим на него позже.

Много часов разгружали корабль, размещали оборудование, устанавливали палатки. Временные герметически изолированные палатки наполнили воздухом, теперь стало возможно долго находиться за пределами корабля.

Но удержать людей от взглядов на небо было невозможно. В это время видны были все три крупных спутника Юпитера.

Ближе всех Европа, казавшаяся чуть меньше земной Луны. Это был полумесяц вблизи восточного горизонта. Ганимед, казавшийся меньше, находился в зените и был полным. Каллисто, вчетверо меньше Луны, висела вблизи Юпитера и, как и Юпитер, видна была на две трети. Все три спутника вместе давали примерно четверть света, который Земля получает в полнолуние, и были совершенно неприметны в присутствии Юпитера.

Верзила возбужденно сказал об этом.

Счастливчик посмотрел на своего маленького марсианского друга. Перед этим он задумчиво рассматривал восточный горизонт.

— Ты считаешь, ничто не может побить Юпитер?

— Не здесь, — упрямо ответил Верзила.

— Продолжай смотреть.

В разреженной атмосфере Ио нет никаких сумерек, следовательно, не было и предупреждения. На замерзших вершинах невысоких холмов сверкнула алмазно-яркая искра, и семь секунд спустя над горизонтом появилось Солнце.

Маленькая горошина, небольшой ослепительно белый кружок, и, несмотря на гигантский размер Юпитера, Солнце светило гораздо-гораздо ярче.

Телескоп установили вовремя, чтобы взглянуть на уходящую за Юпитер Каллисто. Один за другим то же проделают все три спутника. Ио, хотя она постоянно повернута одной стороной к Юпитеру, обращается за сорок два часа. Это означает, что Солнце и все звезды кажутся обходящими небо Ио за те же сорок два часа.

Ио движется быстрее всех остальных спутников и постоянно обгоняет их в гонке вокруг Юпитера. Быстрее всего она обгоняет самый далекий и медленный спутник — Каллисто; поэтому Каллисто обходит небо Ио за два дня. Ганимед — за четыре, Европа — за семь. Каждый спутник движется с востока на запад, и все по очереди удаляются за Юпитер.

Первым предстояло наблюдать затмение Каллисто. Людей охватило крайнее возбуждение. Даже Мэтт, казалось, заразился им. Он все больше привыкал к низкой силе тяжести, и Норрич иногда отпускал его на свободу. Пес гротескно кувыркался и тщетно пытался с помощью носа обследовать многочисленные незнакомые предметы. Когда Каллисто достигла Юпитера и медленно зашла за него, все притихли, и Мэтт тоже; он сел на задние лапы и, высунув язык, смотрел на небо.

Но на самом деле все ждали Солнца. Оно движется по небу быстрее всех спутников. Оно догнало Европу (чей полумесяц постепенно утончался, превращаясь в нить) и прошло за ней, оставаясь в затмении чуть меньше тридцати секунд. Потом оно появилось, и Европа снова стала полумесяцем, но его рога теперь были обращены в противоположную сторону.

Ганимед зашел за Юпитер, прежде чем Солнце догнало его, а Каллисто находилась ниже горизонта.

Солнце приближалось к Юпитеру.

Все напряженно смотрели на огненную горошину, все выше поднимавшуюся в небе. При этом Юпитер стал уже, потому что его освещенная поверхность, конечно, всегда обращена к Солнцу. Юпитер стал «полумесяцем», который становился все тоньше.

Освещенное Солнцем небо Ио стало темно-пурпурным, на нем теперь виднелись только самые яркие звезды. Горел гигантский полумесяц Юпитера, и к нему безжалостно приближалось Солнце.

Как камень Давида, выпущенный из космической пращи, устремился ко лбу Голиафа.

Освещенная поверхность Юпитера все уменьшалась, затем превратилась в изогнутую нить. Солнце почти касалось планеты.

Они соприкоснулись, и все закричали. Людям пришлось затемнить свои лицевые пластины, но теперь в этом не было необходимости, потому что свет резко сократился.

Но Солнце полностью не исчезло. Оно зашло за край Юпитера, но продолжало туманно светить сквозь толстую густую водородно-гелиевую атмосферу гигантской планеты.

Юпитер теперь весь потемнел, но зато ожила его атмосфера, изгибая и отражая солнечные лучи. Солнце все дальше заходило за Юпитер, и светлая полоска атмосферы становилась шире, два светлых рога встретились на противоположной стороне Юпитера. Исчезнувшее тело Юпитера было окружено светлой, с одной стороны выпяченной полосой. В небе повисло алмазное кольцо, достаточно большое, чтобы вместить две тысячи таких дисков, как видимая с Земли Луна.

Солнце продолжало заходить за Юпитер, и свет тускнел, пока наконец не исчез совсем; небо, за исключением тонкого полумесяца Европы, потемнело и теперь принадлежало только звездам.

— Так будет пять часов, — сказал Дэвид Верзиле. — А потом все повторится в обратном порядке, когда Солнце будет выходить с противоположной стороны.

— И так бывает каждые сорок два часа? — с благоговением спросил Верзила.

— Да, — ответил Счастливчик.

На следующий день к ним подошел Пеннер.

— Здравствуйте. Мы почти закончили. — Он широко развел руки, указывая на долину Ио, заполненную различным оборудованием. — Скоро улетим и большую часть этого оставим.

— Неужели? — удивился Верзила.

— Конечно. На спутнике ничто не может его повредить, стихий здесь нет. Все покрыто защитной оболочкой от аммиака в атмосфере и сохранится до появления второй экспедиции. — Неожиданно он понизил голос: — Есть ли кто-нибудь еще на вашей частной волне, джентльмены?

— Как будто нет.

— Не хотите ли пройтись? — Он пошел по долине к невысоким холмам поблизости, Старр и Верзила за ним.

Пеннер сказал:

— Должен просить у вас прощения за недружеское отношение на корабле.

— Мы не обижаемся, — заверил его Дэвид.

— Понимаете, я хотел сам провести расследование и подумал, что лучше мне не считаться вашим другом. Я был уверен, что, если присмотрюсь внимательно, обязательно кто-то себя выдаст, поведет себя не по-человечески. Понимаете, о чем я? Боюсь, я потерпел неудачу.

Они достигли вершины первого холма, и Пеннер оглянулся. Он с интересом сказал:

— Посмотрите на собаку. Она привыкла к слабому тяготению.

Мэтт многому научился за прошедшие дни. Тело его выгибалось и распрямлялось, когда он передвигался низкими двадцатифутовыми прыжками. Казалось, он прыгает из чистого удовольствия.

Пеннер переключил радио на волну Норрича и позвал:

— Эй, Мэтт, парень, сюда, Мэтт.

И свистнул.

Собака, конечно, услышала и высоко подпрыгнула. Счастливчик тоже переключил волну и услышал возбужденный лай.

Пеннер помахал руками, и собака побежала к ним, потом остановилась и оглянулась на хозяина. Тот двигался медленнее.

Пошли дальше. Старр сказал:

— Сирианский робот, внешне похожий на человека, очень тонкой работы. Поверхностные наблюдения ничего не дадут.

— Мои наблюдения не были поверхностными, — возразил Пеннер.

В голосе Дэвида звучала горечь:

— Мне начинает казаться, что наблюдения любого человека, кроме опытного роботехника, будут поверхностными.

Они миновали сугроб снегообразного материала, блестевшего в свете Юпитера, и Верзила с удивлением посмотрел на него.

— Тает при взгляде, — сказал он. Взял немного в перчатку, и снег растаял, как масло на печи.

Верзила оглянулся и увидел глубокие следы.

Дэвид сказал:

— Это не снег, а замерзший аммиак. Он тает при температуре на восемьдесят градусов ниже, чем лед, и на него действует тепло костюмов.

Верзила прыгнул в сугроб, проделывая большие отверстия, и закричал:

— Это забавно!

Старр окликнул:

— Проверь нагреватель, пока играешь в снегу.

— Он включен, — отозвался Верзила и длинными прыжками побежал по склону, а потом прыгнул прямо в сугроб. Он двигался, как ныряльщик в замедленной съемке, коснулся замерзшего аммиака и исчез на мгновение. Потом вскочил.

— Будто ныряешь в облако, Счастливчик. Ты слышишь меня? Попробуй. Лучше, чем на лыжах по песку Луны.

— Позже, Верзила, — ответил Дэвид. И повернулся к Пеннеру: — Например, пытались ли вы как-то проверить всех людей?

Краем глаза он видел, как Верзила снова прыгнул в сугроб. Когда он спустя несколько секунд не появился, Старр повернулся туда. Еще мгновение, и он беспокойно позвал:

— Верзила!

Потом еще громче и беспокойней:

— Верзила!

И побежал.

Послышался слабый прерывающийся голос Верзилы:

— Дыхание... перехватило... ударился о скалу... тут внизу река...

— Держись. Я иду к тебе. — Старр и Пеннер длинными прыжками пожирали пространство.

Счастливчик, конечно, понял, что случилось. Поверхностная температура Ио близка к точке замерзания аммиака. Под аммиачными сугробами существуют целые реки из аммиака, этого дурно пахнущего удушливого газа, которого много в атмосферах внешних планет и их спутников.

Верзила закашлялся.

— Разорвал шланг... подачи воздуха... попал аммиак... задыхаюсь...

Старр добрался до отверстия, оставленного телом Верзилы, и посмотрел вниз. Хорошо видна была аммиачная река, она медленно текла по острым камням. Должно быть, один из этих острых краев и повредил шланг Верзилы.

— Где ты, Верзила?

И хоть Верзила слабо ответил: «Здесь», — его нигде не было видно.

13. ПАДЕНИЕ

Дэвид бесстрашно прыгнул в реку, медленно опускаясь при низкой силе тяжести Ио. Его сердила эта медлительность падения, сердил детский энтузиазм Верзилы, охвативший его так неожиданно. Но больше всего он сердился на себя за то, что вовремя не остановил товарища.

Он коснулся реки, и брызги аммиака взлетели высоко, потом начали падать с удивительной быстротой. Даже при слабом тяготении разреженная атмосфера Ио не удерживала капли.

Ощущения подъемной силы не было. Впрочем, Дэвид его и не ожидал. Вода гораздо плотнее жидкого аммиака и потому обладает большей подъемной силой. И течение медленное. Если бы Верзила не повредил шланг, ему нужно было бы только выйти на берег и пробраться через сугробы.

А так...

Старр лихорадочно устремился вниз по течению. Где-то впереди маленький марсианин из последних сил сражается с ядовитым аммиаком. Если отверстие в шланге настолько велико, что пропустит жидкий аммиак, он опоздает.

Возможно, он уже опоздал. Его сердце сжалась при этой мысли.

Кто-то обогнал Дэвида и углубился в порошкообразный аммиак. И исчез, оставив за собой медленно опадающий тунель.

— Пеннер? — неуверенно спросил Старр.

— Я здесь. — Инженер сзади тронул его за плечо. — Это был Мэтт. Когда вы крикнули, он побежал. Мы ведь оба на его волне.

Они вместе двинулись по следу собаки. И встретили ее. Она возвращалась.

Дэвид крикнул:

— Он нашел Верзилу.

Верзила руками держался за одетые в металл задние лапы собаки, и, хотя это задерживало Мэтта, слабая сила тяжести позволила ему протащить Верзилу довольно далеко.

Когда Дэвид склонился к Верзиле, руки маленького марсианина разжались и он упал.

Счастливчик подхватил его. Он не стал тратить время на осмотр или расспросы. Оставалось сделать только одно. Он до предела увеличил подачу кислорода в костюме Верзилы, взвалил его на плечо и побежал к кораблю. Даже учитывая слабое тяготение Ио, так отчаянно он не бежал никогда в жизни. Он с такой силой отталкивался от поверхности, что со стороны казалось, будто он летит.

Пеннер остался сзади, Мэтт возбужденно бежал рядом со Старром.

Счастливчик по радио предупредил экипаж, и, когда он подбегал к кораблю, один из шлюзов был уже открыт.

Не прерывая бега, он ворвался в шлюз. Вход закрылся, и изнутри корабля начали подавать под давлением воздух, чтобы ликвидировать утечку через открытую дверь.

Старр торопливо снял с Верзилы шлем, потом медленнее — остальной костюм.

Послушал сердце и, к своему облегчению, услышал его биение. В шлюзе, конечно, находилась аптечка первой помощи. Счастливчик сделал необходимые инъекции укрепляющих препаратов и стал ждать, пока тепло и кислород сделают остальное.

Глаза Верзилы дрогнули и с некоторым трудом сфокусировались на Дэвиде. Губы его шевельнулись, как будто он произнес «Счастливчик», хотя не прозвучало ни звука.

Дэвид облегченно рассмеялся и наконец сам выбрался из костюма.

У входа в помещение на борту «Спутника Юпитера», где приходил в себя Верзила, показался Норрич. В его невидящих голубых глазах светилась нескрываемая радость.

— Как больной?

Верзила сел на койке и крикнул:

— Отлично! Пески Марса, я себя прекрасно чувствую! Если бы Счастливчик не заставлял меня лежать, я был бы уже на ногах.

Дэвид недоверчиво хмыкнул.

Верзила не обратил на это внимания. Он сказал:

— Эй, пусть войдет Мэтт. Добрый старина Мэтт! Сюда, парень, сюда!

Норрич выпустил поводок, Мэтт подошел к Верзиле, возбужденно колотя хвостом; его умные глаза, казалось, беззвучно говорят.

Верзила обнял собаку за шею.

— Вот это друг! Вы слышали, что он сделал, Норрич?

— Все слышали. — Ясно было, что Норрич очень гордится своей собакой.

— Я почти ничего не помню, — сказал Верзила, — потому что почти сразу потерял сознание. Набрал полные легкие аммиака и не мог выдохнуть. Покатился вниз по холму, сквозь сугроб аммиака, как через пустоту. Потом увидел, что кто-то приближается. Я был уверен, что это Счастливчик. Но тут он стряхнул снег, и при свете Юпитера я увидел, что это Мэтт. Последнее, что я помню: я ухватился за него.

— И правильно сделал, — вмешался Старр. — Мне бы потребовалось еще время, чтобы тебя найти, и с тобой было бы кончено.

Верзила пожал плечами.

— Ну, Счастливчик, ты такой шум поднял. Ничего не случилось бы, если бы я не повредил свой шланг. И если бы у меня хватило мозгов увеличить подачу кислорода, я бы вообще не впустил аммиак. Первый глоток аммиака выбил меня из равновесия. Я не мог думать.

Подошел Пеннер.

— Как вы, Верзила?

— Пески Марса! Все считают меня инвалидом или больным! Со мной все в порядке. Даже командующий заглянул и что-то сказал.

— Ну, что ж, — заметил Пеннер, — может, он перестал сердиться.

— Нет, — ответил Верзила. — Он просто хотел убедиться, что в его первом полете не произошло никаких несчастных случаев. Хочет, чтобы в отчете все было в порядке, вот и все.

Пеннер рассмеялся.

— Все готовы к отлету?

Старр спросил:

— Мы покидаем Ио?

— Можем улететь в любой час. Заканчивается погрузка оборудования, которое мы берем с собой; принимаются меры для сохранности остающегося. Когда сможете, приходите в пилотскую рубку. Интересно будет еще раз взглянуть на Юпитер.

Он почесал Мэтта за ухом и ушел.

На Юпитер-9 сообщили, что вылетают, как несколько дней раньше сообщали, что сели.

Верзила сказал:

— А почему мы не свяжемся с Землей? Глава Совета Конвей должен знать, что мы сделали.

— Официально мы ничего не сделали, пока не вернемся на Юпитер-9, — ответил Старр.

Он не стал добавлять, что не торопится возвращаться на Юпитер-9, тем более разговаривать с Конвеем. Пока что он ничего не достиг.

Его карие глаза осматривали контрольную рубку. Все было готово к отлету. В рубке находились командующий, Пеннер и два офицера.

Дэвид подумал об этих офицерах, как время от времени думал о всех остальных десяти членах экипажа, из которых не успел сделать выбор с помощью венлягушки. Он тоже разговаривал с ними, как и Пеннер, даже чаще. Обыскивал их каюты. Они с Пеннером просмотрели их досье. И ничего не добились.

Он возвращается на Юпитер-9, не обнаружив робота, и ему придется сообщить Совету о своей неудаче.

Снова он подумал о рентгене или другом насильственном способе обследования. И, как всегда, его остановила мысль о взрыве, возможно, ядерном.

Конечно, робот будет уничтожен. Но взрыв погубит тринадцать человек и бесценный корабль. Хуже всего то, что так и не будет найден безопасный способ устранения роботов-шпионов, которые, он был уверен, во множестве проникли во все районы Солнечной Конфедерации.

Он вздрогнул от неожиданного возгласа Пеннера:

— Пошли!

Послышался знакомый звук начального толчка, ускорение стремительно возрастало, и Ио начала все быстрее и быстрее уменьшаться.

Юпитер не поместился на экране: слишком он был велик. На экране находилось Большое Красное Пятно.

Пеннер сказал:

— Скоро снова перейдем на аграв, но ненадолго, только чтобы отойти от Ио.

— Но мы по-прежнему падаем к Юпитеру, — сказал Верзила.

— Да, но только до определенного момента. Потом перейдем на гиператомные двигатели и начнем уходить от Юпитера по гиперболической орбите. Когда окажемся на ней, выключим двигатели и предоставим Юпитеру делать остальное. Мы подойдем к нему на сто пятьдесят тысяч миль. Тяготение Юпитера раскрутит нас, как камень в праще, и потом выбросит. В нужном месте мы снова включим гиператомные двигатели. Используя эффект пращи, мы сбережем очень много энергии по сравнению с полетом непосредственно с Ио и побываем вблизи Юпитера.

Он взглянул на часы.

— Пять минут.

Старр знал, что он говорит о моменте, когда корабль перейдет с аграва на гиператомные двигатели и начнет двигаться по рассчитанной орбите вокруг Юпитера.

По-прежнему глядя на часы, Пеннер сказал:

— Время рассчитано так, чтобы мы направлялись прямо к Юпитеру-9. Чем меньше поправок курса, тем меньше затраты энергии. Мы должны вернуться на Юпитер-9 с максимальным запасом энергии. Чем больше мы ее сбережем, тем лучше будет выглядеть аграв. По моим расчетам, мы сбережем восемьдесят пять процентов. Если девяносто — просто превосходно.

Верзила спросил:

— А если мы вернемся с большим запасом энергии, чем при вылете? Что тогда?

— Сверхпревосходно, Верзила, но невозможно. Существует второй закон термодинамики, который не дает при этом получать прибыль или даже оставаться при своих. Что-то мы должны потерять. — Он широко улыбнулся и сказал: — Одна минута.

Точно в рассчитанную секунду корабль заполнился звуком гиператомных двигателей, и Пеннер с довольным выражением спрятал часы.

— Отныне и до самой посадки на Юпитер-9 все делается автоматически, — заявил он.

Не успел он это сказать, как гудение прекратилось, свет мигнул и погас. Почти тут же он зажегся снова, но на контрольном щите загорелась красная лампа. Чрезвычайное положение.

Пеннер вскочил.

— Какого космоса...

Он выбежал из контрольной рубки. Остальные с ужасом смотрели друг на друга. Командующий смертельно побледнел, его морщинистое лицо превратилось в тигриную маску.

Дэвид, неожиданно приняв решение, последовал за Пеннером, а Верзила, конечно, за ним.

Им навстречу попался один из инженеров. Он бежал из машинного отделения. Он тяжело отдувался.

— Сэр!

— Что случилось? — выпалил Пеннер.

— Отключился аграв, сэр. Мы не можем его включить.

— А гиператомные двигатели?

— Основные запасы энергии заканчиваются. Мы вовремя выключили двигатели, иначе они бы взорвались. Если мы их включим, корабль взорвется.

— Значит, мы работаем на резервных запасах?

— Так точно, сэр.

Смуглое лицо Пеннера налилось кровью.

— Что это нам даст? Мы не удержимся на орбите вокруг Юпитера на резервных запасах. Прочь с дороги! Пропустите меня вниз.

Инженер отступил в сторону, и Пеннер углубился в ствол. Старр и Верзила — за ним.

С первого дня полета Дэвид и Верзила не бывали в машинном отделении. Теперь оно было другим. Не было торжественной тишины, ощущения работающих могучих сил.

Слышались голоса людей.

Пеннер спустился на третий уровень.

— Что вышло из строя? — спросил он. — Скажите точно, что вышло из строя.

Люди расступились, давая ему дорогу. Все они собрались у сложного механизма с развороченными внутренностями, в отчаянии и гневе указывая на отдельные детали.

Послышались быстрые шаги, и появился сам командующий. Он заговорил со Старром, с серьезным видом стоявшим в стороне.

— В чем дело, член Совета?

Впервые со времени отлета с Юпитера-9 он обратился непосредственно к нему. Старр ответил:

— Серьезное повреждение, командующий.

— Но что случилось? Пеннер!

Пеннер оторвался от механизма. Он раздраженно крикнул:

— Что вам нужно?

Ноздри командующего Донахью раздулись.

— Почему вы позволили, чтобы что-то вышло из строя?

— Я ничего не позволял.

— Тогда что же это?

— Саботаж, командующий. Сознательный саботаж!

— Что?

— Пять гравитационных реле разбиты, все запасные реле исчезли, мы не смогли их обнаружить. Приборы, контролирующие гиператомные двигатели, расплавились и не могут быть восстановлены. И все это произошло не случайно.

Командующий смотрел на главного инженера. Он медленно спросил:

— Можно что-нибудь сделать?

— Возможно, пять реле мы могли бы снять с других механизмов корабля. Не могу сказать точно. Вероятно, можно было бы самостоятельно изготовить приборы контроля. На это потребуется много дней, и положительный исход я не гарантирую.

— Дней! — воскликнул командующий. — У нас нет этих дней. Мы падаем на Юпитер!

Несколько мгновений стояла полная тишина, затем Пеннер выразил в словах то, что все знали:

— Да, командующий. Мы падаем на Юпитер и не можем остановиться. С нами покончено, командующий. Все мы уже мертвы!

14. ЮПИТЕР ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Последовавшее за этим мертвое молчание нарушил Старр. Он заговорил резко и решительно:

— Никто не умер, пока мы способны мыслить. Кто быстрее всего работает с корабельным компьютером?

Командующий Донахью ответил:

— Майор Брант. Он у нас всегда рассчитывает траектории.

— Он в контрольной рубке?

— Да.

— Пошли туда. Мне нужны подробные эфемериды планет.

Пеннер, вы с остальными останетесь здесь. Попробуйте снять недостающие части и произвести ремонт.

— Но какой прок... — начал Пеннер.

Старр оборвал его:

— Может, никакого. В таком случае мы упадем на Юпитер и умрем после нескольких часов напрасной работы. Я отдал вам приказ. Начинайте!

— Но... — попытался вмешаться командующий Донахью, и тут же смолк.

Дэвид сказал:

— Как член Совета Науки, я принимаю на себя командование этим кораблем. Если попытаетесь спорить, я прикажу Верзиле закрыть вас в вашей каюте, и тогда сможете поспорить на трибунале, если, конечно, мы вернемся.

Он отвернулся и быстро направился к центральному стволу. Верзила поманил командующего и начал подниматься последним.

Пеннер хмуро посмотрел им вслед, повернулся к инженерам и сказал:

— Ну, что, смертнички, нечего ждать и сосать пальцы. Начинаем.

Старр ворвался в контрольную рубку.

Офицер, сидевший у приборов, спросил:

— Что там внизу?

Губы его побелели.

— Вы майор Брант? — сказал Счастливчик. — Хоть мы и не знакомы, сейчас это неважно. Я член Совета Дэвид Старр, и отныне вы исполняете только мои приказы. Садитесь за компьютер, делайте, что я скажу, как можно скорее.

Он положил перед собой справочник по эфемеридам планет. Как все большие справочники, это была книга, а не фильм. Перелистывать страницы быстрее, чем разворачивать фильм во всю длину.

Старр уверенно перелистывал страницы, роясь в длинных колонках цифр. Эти цифры указывали орбиты всех материальных тел Солнечной системы крупнее десяти миль в диаметре (а некоторых и меньше) в определенные моменты стандартного времени, вместе с плоскостью вращения и скоростью движения.

Дэвид сказал:

— Я буду называть координаты и направление движения. Рассчитайте орбиту и положение этого пункта на протяжении ближайших сорока восьми часов.

Пальцы майора быстро двигались, при помощи специального устройства он переносил цифры на перфорированную ленту, которая затем направлялась в компьютер.

Пока это продолжалось, Старр говорил:

— Расчет ведите от нашего теперешнего положения и скорости относительно Юпитера и точки пересечения с тем объектом, координаты которого я вам указал.

Майор продолжал работать.

Компьютер выдал результаты на перфорированной ленте, которая перешла к машинке, где данные уже появились на бумаге.

Дэвид спросил:

— Каково расхождение во времени между кораблем и этим объектом в рассчитанной точке его орбиты?

После некоторых расчетов майор ответил:

— Мы разойдемся на четыре часа двадцать одну минуту и сорок четыре секунды.

— Рассчитайте скорость, которую должен иметь корабль, чтобы точно встретиться с объектом. Отсчет начните через час с этого момента по стандартному времени.

Вмешался командующий Донахью:

— Мы не можем так приближаться к Юпитеру, член Совета. У нас не хватит резервной энергии, чтобы вырваться. Разве вы не понимаете?

— Я не прошу, чтобы майор рассчитывал орбиту от Юпитера. Наоборот, мы ускорим движение корабля к Юпитеру, сколько позволяют наши запасы энергии.

Командующий откинулся на пятках.

— К Юпитеру?

Компьютер произвел расчеты, появились результаты. Старр спросил:

— Хватит ли энергии для нужного ускорения?

— Кажется, да, — не очень уверенно ответил майор.

— Действуйте.

Командующий Донахью снова спросил:

— К Юпитеру?

— Да. Совершенно верно. Ио не самый близкий к Юпитеру спутник. Ближе всех Амальтея, Юпитер-5. Если мы в нужном месте пересечем ее орбиту, сможем высадиться. Ну, а если промахнемся, что ж, смерть наступит на два часа раньше.

Верзила почувствовал внезапный прилив надежды. Он никогда не отчаивался, пока действовал Старр, просто до сих пор он не понимал, что тот делает. Он вспомнил свой разговор с Дэвидом на эту тему. Спутники нумеровались в порядке их открытия. Амальтея — маленький спутник, всего сто миль в диаметре, и открыт он был после четырех больших спутников. Поэтому, будучи ближе всех к Юпитеру, он получил пятый номер. Об этом обычно забывают. Считается, что если у спутника первый номер, то он ближе всех к планете.

Через час «Спутник Юпитера» начал тщательно рассчитанное ускорение к Юпитеру, стремясь прямо в смертоносную ловушку.

Юпитера больше на экране не было. Хоть он увеличивался с каждым часом, на экране оставался участок звездного неба на значительном удалении от края Юпитера. Применялось максимальное увеличение. В этом месте должен был показаться Юпитер-5, с его орбитой должна была пересечься орбита корабля, стремившегося вниз, к Юпитеру. Либо слабое поле тяготения крошечной скалы захватит корабль, либо он пролетит мимо и погибнет.

— Вот он! — возбужденно воскликнул Верзила. — Вон та звездочка.

— Рассчитайте наблюдаемое положение и движение, — приказал Старр, — и сопоставьте с расчетной орбитой.

Это было сделано.

— Нам необходимо замедлить скорость на...

— Цифры не нужны. Делайте!

Юпитер-5 обходит гигантскую планету за двенадцать часов, двигаясь по орбите со скоростью почти в три тысячи километров в час. Это в полтора раза быстрее движения Ио, а поле тяготения Амальтеи в двенадцать раз меньше поля Ио. По этим причинам попасть в цель очень трудно. Руки майора Бранта дрожали. Двигатели «Спутника Юпитера» ожили, изменяя орбиту корабля навстречу Юпитеру-5. Корабль обогнал спутник, повернул, уровнял скорость, позволяя полю тяготения спутника захватить корабль.

Юпитер-5 превратился в большой сверкающий объект. Если он таким и останется, хорошо. Если начнет уменьшаться, они промахнулись.

Майор Брант прошептал:

— Получилось, — и его голова упала на руки, лежавшие на приборах.

Даже Счастливчик на мгновение облегченно закрыл глаза.

В одном отношении ситуация на Юпитере-5 решительно отличалась от положения на Ио. Там все были прежде всего зрителями: великолепное зрелище неба занимало больше внимания, чем неторопливая работа в долине.

На Юпитере-5 никто не выходил из корабля. Посмотреть было на что, но никто не смотрел.

Люди оставались на борту и работали над ремонтом двигателей. Все остальное не имело значения. Если они потерпят неудачу, высадка на Юпитере-5 только отсрочит гибель и продлит агонию.

Обычный корабль прилететь к Юпитеру-5 и спасти их не может, а других аграв-кораблей, кроме их собственного, не существует и не появится по крайней мере в течение года. Если они потерпят неудачу, у них будет достаточно времени, чтобы, ожидая смерти, смотреть на небо.

Но в менее критических обстоятельствах посмотреть было на что. Все как на Ио, только вдвое и втрое поразительней.

С того места, где приземлился «Спутник Юпитера», нижний край Юпитера висел над плоским песчаным горизонтом. Гигант был так близок, что наблюдателю казалось: стоит протянуть руку, и коснешься этого светлого круга.

От горизонта Юпитер поднимался вверх, занимая половину расстояния до зенита. В момент приземления он был почти в полной фазе, и на огромной поверхности из ярких движущихся поясов можно было бы разместить не менее десяти тысяч лунных дисков. Юпитер закрывал почти шестнадцатую часть видимого неба.

И поскольку Юпитер-5 обходит планету за двенадцать часов, видимые спутники — их здесь четыре, а не три, как на Ио, потому что Ио тоже превратилась в спутник, — движутся в три раза быстрее, чем на небе Ио. То же касается звезд и всех остальных небесных объектов, за исключением застывшего Юпитера, к которому вечно обращена одна сторона спутника и который поэтому никогда не движется.

Через пять часов взошло Солнце, и повторилась картина, виденная с Ио. Но Юпитер был вчетверо больше, и Солнце двигалось втрое быстрее, и потому затмение казалось в сотни раз прекрасней.

Но никто не видел этого. Затмение происходило двенадцать раз, пока «Спутник Юпитера» оставался на Амальтее, и его никто не видел. Ни у кого не было времени. И желания.

Наконец Пеннер сел и устало огляделся. Глаза его распухли, говорил он хриплым шепотом.

— Ну хорошо. Все по местам. Сделаем попытку взлететь. — Он не спал сорок часов. Остальные работали посменно, но Пеннер не делал перерывов ни для еды, ни для сна.

Верзила, который занимался неквалифицированной работой, подносил и уносил, поддерживал и читал показания приборов, при пробной попытке оказался не у дел. Поэтому он пошел бродить по кораблю в поисках Дэвида и обнаружил его в контрольной рубке вместе с командующим Донахью.

Старр снял рубашку и растирал плечи, руки и лицо большим пушистым пластиковым полотенцем.

Увидев Верзилу, он резко сказал:

— Корабль полетит, Верзила. Скоро старт.

Верзила поднял брови.

— Это только попытка, Счастливчик.

— Получится. Джим Пеннер способен на чудеса.

Командующий Донахью неловко сказал:

— Член Совета Старр, вы спасли мой корабль.

— Нет, нет. Все сделал Пеннер. Половина приборов соединена проволокой, но сработает.

— Вы знаете, о чем я, член Совета. Вы повели нас к Юпитеру-5, когда остальные впали в панику и готовы были сдаться. Вы спасли мой корабль, и я расскажу об этом на трибунале, которому буду предан за отказ сотрудничать с вами на Юпитере-9.

Дэвид смущенно покраснел.

— Я этого не могу допустить, командующий. Важно, чтобы о членах Совета было известно как можно меньше. Что касается официального отчета, в нем будет указано, что командова-

ние все время принадлежало вам. Никакого упоминания о моих действиях.

— Невозможно. Я не могу допустить, чтобы меня хвалили за то, чего я не делал.

— Придется. Это приказ. И никаких разговоров о трибунале.

Командующий Донахью гордо выпрямился.

— Я заслуживаю трибунала. Вы предупредили меня о присутствии сирианского агента. Я не прислушался, и в результате корабль подвергся саботажу.

— Я тоже виноват, — спокойно ответил Старр. — Я находился на борту и не предотвратил этого. Тем не менее, если мы обнаружим саботажника, никаких разговоров о трибунале не будет.

Командующий сказал:

— Разумеется, саботажник — это робот, о котором вы меня предупреждали. Как я мог быть так слеп!

— Боюсь, что вы по-прежнему не все видите. Это не робот.

— Не робот?

— Робот не может подвергнуть опасности корабль. Это причинило бы вред людям и было бы нарушением Первого закона.

Командующий задумался.

— Возможно, он не сознавал, что причиняет вред.

— Все на корабле, включая гуманоида, понимают действие аграва. Робот знал бы, что приносит вред. Во всяком случае я думаю, что мы знаем, кто саботажник, или скоро узнаем.

— Да! И кто же он, член Совета Старр?

— Подумайте. Человек, который выводит из строя корабль, чтобы тот либо взорвался, либо упал на Юпитер, и остается на корабле, сумасшедший или фанатик.

— Да, вы правы.

— Со времени отлета с Ио шлюзы корабля ни разу не открывались. Если бы они открылись, слегка упало бы давление, а корабельный барометр свидетельствует, что этого не было. Значит, саботажник не вошел в корабль на Ио. Он там, если его не подобрали.

— Как его могли подобрать? Ни один корабль, кроме нашего, не может там сесть.

Старр мрачно улыбнулся.

— Ни один земной корабль.

Глаза командующего широко раскрылись.

— Но ведь не сирианский же?

— А вы уверены?

— Да, уверен. — Командующий нахмурился. — Кстати, подождите. Перед отлетом с Ио все доложили о своем присутствии на борту. Мы не стартовали бы без проверки.

— Значит, все на борту.

— Я так считаю.

— Что ж, — сказал Дэвид, — Пеннер приказал, чтобы все находились на постах по чрезвычайному расписанию. Местоположение каждого человека известно. Свяжитесь с Пеннером и выясните, все ли на месте.

Командующий повернулся к интеркому и вызвал Пеннера.

После небольшой задержки послышался усталый голос Пеннера:

— Я как раз собирался позвонить, командующий. Испытание прошло успешно. Мы можем стартовать. Нам везет, продержимся, пока не сядем на Юпитере-9.

Командующий ответил:

— Очень хорошо. Ваша работа будет отмечена должным образом, Пеннер. Все ли на посту?

Лицо Пеннера на экране сразу застыло.

— Нет! Клянусь космосом, я только что собирался вам сказать. Мы не можем обнаружить Саммерса.

— Ред Саммерс! — внезапно возбужденно воскликнул Верзила. — Подонок!..

— Минутку, Верзила, — сказал Старр. — Доктор Пеннер, вы хотите сказать, что Саммерса нет в его каюте?

— Его нигде нет. Если бы это не было невозможно, я бы сказал, что его нет на борту.

— Спасибо. — Дэвид отключился. — Ну, командующий?

Верзила сказал:

— Послушай, Счастливчик. Помнишь, я как-то тебе сказал, что встретил его выходящим из машинного отделения? Что он там делал?

— Теперь мы знаем, — сказал Дэвид.

— И мы знаем достаточно, чтобы схватить его, — сказал побледневший командующий. — Мы высадимся на Ио...

— Подождите, — сказал Старр, — это не самое срочное. Есть нечто гораздо более важное, чем предатель.

— Что?

— Вопрос о роботе.

— Это подождет.

— Может быть, и нет. Командующий, вы сказали, что все доложились перед стартом с Ио. Значит, один из докладов лживый.

— Ну и что?

— Мне кажется, нужно в этом разобраться. Робот не может саботировать, но человек может; и робот поможет ему уйти с корабля.

— Вы хотите сказать, что тот, кто дал ложное сообщение о Саммерсе, тот и есть робот?

Член Совета помолчал. Он пытался заставить себя не слишком надеяться, но ему казалось, что ход его мысли безупречен.

Он сказал:

— Похоже, что так.

15. ПРЕДАТЕЛЬ!

Командующий Донахью сказал:

— Значит, майор Левинсон. — Глаза его потемнели. — И все же я не могу поверить.

— Не можете поверить? — переспросил Дэвид.

— В то, что он робот. Он принимал доклад. Он ведет все записи. Я знаю его и готов поклясться, что он не робот.

— Мы расспросим его, командующий. И еще одно. — У Старра было серьезное выражение лица. — Не обвиняйте его в том, что он робот; не спрашивайте и даже не подразумевайте в вопросах. Не дайте ему почувствовать, что его подозревают.

Командующий выглядел удивленным.

— Почему?

— Сирианцы могут защитить своего робота. Открытое подозрение может привести в действие взрывное устройство в майоре, если он действительно робот.

Командующий взволнованно воскликнул:

— Великий Космос!

Майор Левинсон не проявлял признаков напряжения, обычного теперь для экипажа «Спутника Юпитера»; он вытянулся по стойке «смирно».

— Да, сэр.

Командующий осторожно сказал:

— Член Совета Старр хочет задать вам несколько вопросов.

Майор повернулся к Старру. Высокий, выше даже Счастливчика, с узким лицом, голубыми глазами и светлыми волосами.

Старр сказал:

— Все члены экипажа доложили о том, что находятся на борту, когда мы улетали с Ио. Верно, майор?

— Да, сэр.

— Вы всех видели лично?

— Нет, сэр. Я пользовался интеркомом. Каждый отвечал из своей каюты.

— Каждый? Вы слышали голоса всех людей? Все индивидуальные голоса?

Майор Левинсон удивленно ответил:

— Кажется, да. Но я точно не помню.

— Это очень важно, и я прошу вас вспомнить.

Майор нахмурился и наклонил голову.

— Подождите. Я вспомнил: Норрич ответил за Саммерса, потому что Саммерс был в ванной. — Потом с неожиданным возбуждением воскликнул: — Подождите! Мы ведь сейчас разыскиваем Саммерса.

Дэвид поднял руку.

— Ничего, майор. Будьте добры, пришлите сюда Норрича.

Майор Левинсон привел за руку Норрича. Тот выглядел удивленным. Он сказал:

— Командующий, никто не может отыскать Реда Саммерса. Что с ним случилось?

Старр предупредил ответ командующего. Он сказал:

— Мы как раз пытаемся это установить. Вы сообщили, что Саммерс на борту, когда майор Левинсон проверял экипаж перед вылетом с Ио?

Слепой инженер покраснел. Он напряженно ответил:

— Да.

— Майор говорит, что, по вашим словам, Саммерс был в ванной. Он там был?

— Гм... Нет, не был, член Совета. Он вышел из корабля на минуту, чтобы подобрать оставленное оборудование. Он не хотел, чтобы командующий отругал его... простите, сэр... за беза-

лаберность, и попросил меня прикрыть его. Он сказал, что вернется до старта.

— Вернулся?

— Я... я считал... у меня было впечатление, что он вернулся. Мэтт залаял, и я был уверен, что это возвращается Саммерс, но мне нечего делать во время старта, поэтому я прилег вздремнуть и больше об этом не думал. Потом началась суматоха в машинном отделении, а после этого вообще не было времени подумать.

Неожиданно из центрального интеркома послышался голос Пеннера:

— Внимание. Мы взлетаем. Всем занять места.

«Спутник Юпитера» снова был в космосе, он поднимался, преодолевая мощными толчками тяготение гигантской планеты. Он тратил энергию в таких количествах, что любой обычный корабль уже давно исчерпал бы все запасы; только легкий гул гиператомных двигателей свидетельствовал, что механизмы корабля зависели от наскоро сделанных приспособлений.

Пеннер мрачно думал о том, что корабль мало запасет энергии. Он сказал:

— Мы придем назад с семьюдесятью процентами энергии, а могли бы с восемьюдесятью или даже девяноста. Если же сядем на Ио и снова стартуем, вернемся только с пятьюдесятью. И не уверен, что мы выдержим еще один старт.

Но Старр ответил:

— Мы должны взять Саммерса, и вы знаете почему.

Когда Ио снова заметно увеличилась на экране, Дэвид задумчиво сказал:

— Я не вполне уверен, что мы его найдем, Верзила.

Верзила недоверчиво спросил:

— Ты ведь не думаешь, что его подобрал сирианский корабль?

— Нет, но Ио велика. Если он отправился в какой-то район для встречи, мы его не найдем. Я рассчитываю на то, что он останется на месте. Ему пришлось бы нести с собой воздух, пищу и воду, так что логично оставаться на месте. Особенно потому, что он не ожидает нашего возвращения.

Верзила сказал:

— Мы с самого начала должны были знать, что это тот самый подонок. Он сразу попытался тебя убить. Зачем ему это, если он не с сирианцами?

— Верно, Верзила, но помни: мы искали шпиона. Саммерс не может быть шпионом. У него нет доступа к просочившейся информации. Как только мне стало ясно, что шпион робот, я о Саммерсе больше не думал. Венлягушка восприняла его эмоции, так что он не мог быть роботом и, следовательно, шпионом. Конечно, это не помешало ему быть предателем и саботажником, и мне не следовало допускать, чтобы поиски шпиона закрыли мне глаза на такую возможность.

Он покачал головой и добавил:

— Похоже, в этом деле сплошные разочарования. Если бы кто-нибудь, кроме Норрича, покрывал Саммерса, мы бы знали своего робота. Беда в том, что Норрич единственный человек, у которого вполне невинный повод помогать Саммерсу. Он дружил с Саммерсом, мы это знаем. И Норрич действительно мог не знать, что Саммерс не вернулся на корабль до старта. Ведь он слеп.

Верзила сказал:

— К тому же он проявил эмоции, значит, он не робот.

Счастливчик кивнул:

— Совершенно верно.

Он нахмурился и замолчал.

Они опустились на поверхность Ио почти в том же месте, с которого взлетели. Точки и тени в долине превратились в оставленное оборудование.

Старр напряженно разглядывал ландшафт через свою лицевую пластину.

— Оставили ли мы на Ио палатки с воздухом?

— Нет, — ответил командующий.

— Тогда мы его нашли. Вон за той скалой герметическая палатка с воздухом. У вас есть перечень материалов, недостающих на корабле?

Командующий молча протянул ему лист бумаги, и член Совета изучил его. Он сказал:

— Мы с Верзилой отправимся за ним. Не думаю, чтобы нам понадобилась помощь.

Крошечное Солнце стояло высоко в небе, и Дэвид и Верзила наступали на собственные тени. Юпитер казался тонким серпом.

Старр заговорил на волне Верзилы:

— Он должен был видеть корабль, если только не спит.

— Наверно, сбежал, — предположил Верзила.

— Сомневаюсь.

И почти сразу же Верзила воскликнул:

— Пески Марса, Счастливчик, посмотри туда!

На вершине скалы появилась фигура. Она четко вырисовывалась на фоне тонкой желтой линии Юпитера.

— Не двигайтесь, — послышался низкий усталый голос на волне Старра. — У меня бластер.

— Саммерс, — сказал Дэвид, — спуститесь оттуда и сдавайтесь.

В напряженном голосе послышалась легкая насмешка:

— Я верно угадал длину волны, так ведь, член Совета? Нетрудно догадаться по величине вашего друга... Возвращайтесь на корабль, или я убью вас обоих.

Старр ответил:

— Не нужно бесцельно блефовать. На таком расстоянии вы и с десятого выстрела не попадете.

Верзила в ярости добавил:

— Я тоже вооружен, и я на таком расстоянии попаду. Помните это и не шевелите пальцем у курка.

Дэвид сказал:

— Отбросьте бластер и сдавайтесь.

— Никогда! — ответил Саммерс.

— Почему? Кому вы сохраняете верность? Сирианцам? Они обещали вас подобрать? Если так, то они солгали и предали вас. Они не стоят вашей верности. Скажите, где находится сирианская база в системе Юпитера?

— Вы слишком много знаете. Найдите сами.

— На какой комбинации субволн вы с ними связывались?

— И это сами узнайте... Не подходите ближе!

Старр сказал:

— Помогите нам сейчас, Саммерс, и я сделаю все, что смогу, чтобы облегчить вашу участь на Земле.

Саммерс рассмеялся.

— Слово члена Совета?

— Да.

— Не хочу. Возвращайтесь на корабль.

— Почему вы обратились против собственного мира, Саммерс? Что предложили вам сирианцы? Деньги?

— Деньги! — В голосе Саммерса звучала ярость. — Хотите знать, что они мне предложили? Я вам скажу. Возможность приличной жизни. — Дэвид услышал скрежещущий звук: это зубы Саммерса. — Что у меня было на Земле? Жалкая жизнь. Перенаселенная планета, где нет возможности продвинуться, создать себе имя и положение. Повсюду окружают миллионы людей, сражающихся друг с другом за существование. А когда я тоже попытался сражаться, меня отправили в тюрьму. Я принял решение отомстить Земле и отомстил.

— А какую приличную жизнь вы ожидали у сирианцев?

— Меня пригласили эмигрировать на планеты Сириуса, если хотите знать. — Он замолчал и дышал со свистом. — Там новые миры. Чистые миры. Там есть место для множества людей; им нужны люди и таланты. Там у меня есть шанс.

— Вы туда не попадете. Когда они должны за вами прилететь?

Саммерс молчал.

Старр сказал:

— Посмотрите правде в лицо. Они за вами не придут. У них нет для вас приличной жизни, вообще никакой жизни. Только смерть. Они ведь уже должны были прилететь, верно?

— Нет.

— Не лгите. Это не улучшит ваше положение. Мы проверили отсутствующие на «Спутнике Юпитера» припасы. Мы точно знаем, сколько кислорода вы унесли с корабля. Кислородные цилиндры трудно нести даже при слабом тяготении Ио, особенно когда приходится уносить их незаметно и в спешке. Ваш запас воздуха почти кончился, верно?

— У меня достаточно воздуха, — ответил Саммерс.

Старр сказал:

— А я говорю: запас почти кончился. Разве вы не понимаете, что сирианцы не придут? Без аграва прийти за вами невозможно, а у них нет аграва. Великая Галактика, да вас обвели вокруг пальца! Скажите, что вы для них сделали.

Саммерс ответил:

— Сделал то, что они просили, а просили они немного. И если о чем-то сожалею, — в голосе его зазвучали отчаянные нотки, — то только о том, что не взорвал «Спутник Юпитера».

Кстати, как вы уцелели? Я ведь повредил его. Повредил этот проклятый... — Он смолк, задыхаясь.

Дэвид сделал знак Верзиле и побежал стремительным летящим бегом, характерным для планет с малой силой тяжести. Верзила последовал за ним, но бежал в стороне, чтобы не создавать одну цель для бластера.

Ожил бластер Саммерса. Раздался легкий хлопок — все, что возможно в разреженной атмосфере Ио. В ярде от бегущего Старра взметнулся песок и образовался небольшой кратер.

— Вы меня не возьмете, — слабеющим голосом кричал Саммерс. — Я не вернусь на Землю. Они придут за мной. Сирианцы придут за мной.

— Вверх, Верзила, — сказал Дэвид.

Они добежали до скалы. Подпрыгнув, Старр ухватился за выступ и бросил свое тело вверх. При тяготении в одну шестую нормы человек, даже в космическом костюме, прыгает лучше горного козла.

Саммерс пронзительно закричал. Руки его устремились к шлему, он откинулся назад и исчез.

Старр и Верзила добрались до вершины. Скала с противоположной стороны круто уходила вниз, внизу виднелись острые утесы. Саммерс, растопырив руки и ноги, медленно падал вниз, ударяясь о скалу и отскакивая.

Верзила сказал:

— Давай возьмем его, Счастливчик. — И прыгнул вперед, подальше от стены.

Дэвид — за ним.

На Земле, даже на Марсе такой прыжок смертелен. На Ио он закончился толчком, от которого задрожали зубы.

Они приземлились, согнув колени, и покатились, чтобы смягчить удар. Старр первым вскочил и побежал к Саммерсу, который неподвижно лежал навзничь.

Подбежал, отдуваясь, Верзила.

— Эй, не самый легкий прыжок в... Что с подонком?

Дэвид мрачно ответил:

— Он мертв. Я слышал по его голосу, что у него кончается кислород. Он был почти без сознания. Вот почему я его торопил.

— Можно долго лежать без сознания, — заметил Верзила.

Старр покачал головой.

— Он постарался действовать наверняка. И правда не хотел, чтобы его взяли. Перед прыжком он открыл доступ в шлем ядовитой атмосфере Ио.

Он сделал шаг в сторону, и Верзила увидел разбитое лицо.

Дэвид сказал:

— Несчастный глупец!

— Несчастный предатель! — завопил Верзила. — У него был ответ, но он его скрыл. Кто теперь скажет нам?

Член Совета ответил:

— Для этого он нам не нужен, Верзила. Я думаю, что теперь знаю ответ.

16. РОБОТ!

— Знаешь? — Голос марсианина поднялся до писка. — Каков ответ, Счастливчик?

Старр сказал:

— Не сейчас. — Он взглянул на Саммерса, мертвые глаза которого невидяще смотрели в чуждое небо. — У Саммерса есть по крайней мере одна заслуга. Он первый человек, умерший на Ио.

Он посмотрел вверх. Солнце заходило за Юпитер. Планета превратилась в слабо светящийся атмосферный серебристый круг.

Дэвид сказал:

— Сейчас будет темно. Идем на корабль.

Верзила расхаживал по полу их каюты. Можно было сделать только три шага в одну сторону, три в другую, но он расхаживал. Он сказал:

— Если ты знаешь, почему же не...

Старр ответил:

— Я не могу предпринять обычные действия и рисковать взрывом. Дай мне время и возможность действовать по-своему, Верзила.

Голос его звучал твердо, и Верзила подчинился. Он сменил тему и спросил:

— Ну тогда зачем терять время здесь, на Ио? Этот подонок мертв. Делать нам здесь больше нечего.

— Нужно сделать еще одно дело, — ответил Дэвид. Про-

звучал дверной сигнал, и он добавил: — Открой, Верзила. Должно быть, это Норрич.

Голубые невидящие глаза Норрича быстро мигали.

— Я слышал о Саммерсе, член Совета. Ужасно думать, что он пытался... Ужасно, что он предатель. Но мне жаль его.

Старр кивнул.

— Я понимаю. Поэтому я и попросил вас зайти. На Ио сейчас темно. Солнце в затмении. Когда затмение кончится, пойдете со мной хоронить Саммерса?

— С радостью. Ведь этого заслуживает любой человек? — Рука Норрича как бы в поисках утешения опустилась на морду Мэтта, собака подошла ближе и прижалась к хозяину, как будто поняла его потребность в сочувствии.

Дэвид сказал:

— Я так и думал, что вы захотите пойти. Ведь он был вашим другом. Вы должны отдать ему последний долг.

— Спасибо. Я пойду. — Глаза Норрича увлажнились.

Перед тем как надеть шлем, Старр сказал командующему Донахью:

— Это последний выход. Когда мы вернемся, полетим на Юпитер-9.

— Хорошо, — ответил командующий, и в их встретившихся взглядах читалась молчаливая договоренность.

Старр надел шлем. В другом углу чувствительные пальцы Норрича надевали на Мэтта гибкий костюм. Норрич проверял прочность швов. Внутри изогнутого шлема видно было, как движутся челюсти Мэтта, доносился слабый звук лая. Очевидно, собака знала, что предстоит прогулка при низкой силе тяжести, и радовалась этому.

Первая могила на Ио была готова. Ее вырубили в скале с помощью силового резака. Сверху насыпали груду обломков и положили памятный плоский камень.

Трое людей стояли вокруг могилы, а Мэтт убежал в сторону, стараясь, как всегда тщетно, исследовать окрестности, хотя металл шлема не давал ему возможности пользоваться обонянием.

Верзила, который знал, что он должен сделать, хотя не понимал почему, напряженно ждал.

Норрич, который стоял со склоненной головой, негромко сказал:

— Этот человек очень сильно хотел чего-то, он поступил из-за этого неправильно и был наказан.

— Он делал то, что велели ему сирианцы, — добавил Старр. — В этом его преступление. Он совершил саботаж и...

Норрич застыл, пауза затянулась. Норрич спросил:

— И что?

— И провел вас на борт корабля. Он отказался лететь без вас. Вы сами сказали мне, что только благодаря ему попали на борт «Спутника Юпитера».

Голос Старра стал строг.

— Вы шпион-робот, подосланный сирианцами. Ваша слепота сделала вас невинным в глазах остальных, но вам не нужно зрение. Вы убили венлягушку и позволили Саммерсу бежать с корабля. Ваша смерть для вас самого ничего не значит, как свидетельствует Третий закон. И вы одурачили меня поддельными эмоциями, которые уловила венлягушка, синтетическими эмоциями, которыми вас снабдили сирианцы.

Это были ключевые слова, которых ждал Верзила. Подняв в воздух бластер, он набросился на Норрича, который нечленораздельно протестовал.

— Я знал, что это вы, — кричал Верзила, — с самого начала я вас раскусил!

— Это неправда, — наконец обрел голос Норрич.

Он поднял руки и пошатнулся.

Неожиданно Мэтт будто превратился в полоску бледного света. Он стремительно пронесся через четверть мили, отделявшие его от людей, нацелившись на Верзилу.

Верзила не растерялся. Одной рукой он ухватил Норрича за плечо. Другой поднял бластер.

Мэтт упал!

Когда он находился в десяти футах от них, ноги его вдруг подогнулись, он покатился по земле и застыл. Сквозь прозрачный шлем были видны раскрытые, словно в прерванном лае, челюсти.

Верзила сохранил угрожающую позу, но тоже застыл.

Старр быстро подошел к животному. С помощью силового ножа он взрезал космический костюм Мэтта от шеи до хвоста.

Потом осторожно разрезал шкуру на шее и начал щупать одетыми в перчатки пальцами. Они нащупали маленький шар. Это была не кость. Член Совета потянул: шар не поддавался. Затаив дыхание, он перерезал державшие шар провода, и встал, ослабев от облегчения. Основание мозга — самое логичное место для размещения механизма, который приводится в движение мозгом, и он его нашел. Мэтт теперь не опасен.

Норрич вскрикнул, будто инстинктивно ощутив свою потерю.

— Моя собака! Что вы сделали с моей собакой?

Дэвид мягко ответил:

— Это не собака, Норрич. И никогда не была собакой. Это робот. Пошли, Верзила, отведи его на корабль. Я понесу Мэтта.

Старр и Верзила сидели в каюте Пеннера. «Спутник Юпитера» снова находился в полете, Ио быстро уходил назад, превратившись уже в яркую монету.

— Что его выдало? — спросил Пеннер.

Дэвид серьезно ответил:

— Многое, чего я сперва не понял. Все указывало на Мэтта, но я так настроился на гуманоидного робота, был так убежден внутренне, что робот обязательно должен походить на человека, что не видел фактов, которые были прямо передо мной.

— А когда увидели?

— Когда Саммерс покончил с собой, спрыгнув с утеса. Я смотрел, как он лежит, и вспомнил, как упал и чуть не погиб Верзила. И подумал: «Не было тут Мэтта, чтобы спасти этого...» И сразу все понял.

— Как? Я не понимаю.

— Как Мэтт спас Верзилу? Когда собака пробежала мимо нас, Верзила находился подо льдом, его не было видно. Но Мэтт прыгнул вниз, без колебаний направился к Верзиле и вытащил его. Мы приняли это без размышлений: собака может отыскивать то, что не видит, благодаря обонянию. Но голова Мэтта была в шлеме. Он не мог ни видеть, ни чуять Верзилу, но сумел его отыскать. Надо было сразу понять, что тут что-то необычное. Точно узнаем, когда наши роботехники изучат его тело.

— Теперь, когда вы объяснили, — сказал Пеннер, — все кажется ясным. Собака должна была себя выдать, потому что Первый закон не позволял допускать вред человеку.

— Верно, — согласился Дэвид. — Как только я заподозрил Мэтта, все остальное встало на место. Саммерс добился того, чтобы взяли Норрича. Но тем самым он провел на борт и Мэтта. Больше того, именно Саммерс раздобыл Мэтта для Норрича. Вероятно, на Земле существует целая шпионская сеть, задача которой — распределение таких собак-роботов в самые критические места. Собаки — превосходные шпионы. Если вы увидите, что собака роется носом в сверхсекретных документах или проходит через закрытую лабораторию, разве вы встревожитесь? Вероятно, вы приласкаете собаку и угостите ее печеньем. Я осмотрел Мэтта. Мне кажется, у него есть встроенный субэфирный передатчик, и он находился в постоянной связи со своими хозяевами-сирианцами. Они видели то, что он видит, слышали, что он слышит. Например, они глазами Мэтта увидели венлягушку, распознали опасность и приказали ему убить ее. Он, вероятно, способен был держать энергетический проектор, которым расплавил замок на двери. Даже если бы его застали за этим занятием, вполне возможно, посчитали бы неосторожной игрой собаки с оружием. Но, когда эта мысль пришла мне в голову, я был только в начале практического решения. Мне нужно было получить собаку нетронутой. Я был уверен, что любое подозрение вызовет взрыв. Поэтому я вначале удалил Норрича, а с ним и Мэтта на безопасное расстояние от корабля, предложив выкопать могилу для Саммерса. Если бы Мэтт взорвался, по крайней мере уцелели бы корабль и экипаж. Естественно, я оставил записку, которую командующий Донахью должен был прочесть, если я не вернусь. Земля бы все равно начала проверку собак в исследовательских центрах... Затем я обвинил Норрича...

Его прервал Верзила:

— Пески Марса, я поверил, когда ты сказал, что Норрич убил венлягушку и дурачил нас встроенными эмоциями.

Дэвид покачал головой.

— Нет, Верзила, если бы у него были эти ложные эмоции, зачем убивать венлягушку? Нет, я постарался, чтобы сирианцы, если они слушают через Мэтта, поверили, что я иду по неверному следу. Вдобавок я подстроил ситуацию, чтобы обезвредить Мэтта. Видите ли, Верзила по моему приказу напал на Норрича. Как в собаку-поводыря в Мэтта был встроен строгий приказ защищать хозяина — это соответствует Второму закону. Обычно здесь проблем не возникает. Мало кто нападает

на слепого, а если и нападут, то отступят, когда собака зарычит и оскалит клыки. Но Верзила не отступил, и Мэтту впервые с момента создания пришлось выполнять приказ до конца. Но как он мог это сделать? Повредить Верзиле он не мог. Первый закон. Но он не мог и позволить, чтобы причинили вред Норричу. Дилемма, которую он не мог разрешить, вывела его из строя. Как только это произошло, я решил, что бомбу, которая в нем заключена, теперь взорвать нельзя. Я извлек ее, и после этого мы оказались в безопасности.

Пеннер перевел дыхание.

— Очень аккуратно проделано.

Дэвид фыркнул.

— Аккуратно? Да я мог это проделать в первый же день, как высадился на Юпитере-9, если бы только подумал. Я почти догадался. Мысль была на самом краю сознания, но я так и не смог уловить ее.

Верзила спросил:

— Но что за мысль, Счастливчик? Я так и не понял.

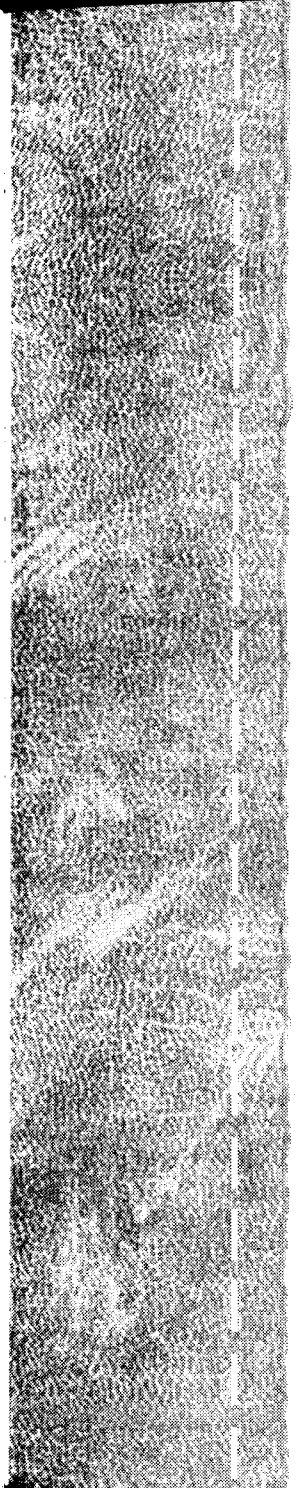
— Очень просто. Венлягушка воспринимает эмоции животных не хуже человеческих. Пример у нас был сразу после высадки на Юпитере-9. Мы почувствовали голод в мозгу кошки. Потом мы встретились с Норричем, и он попросил тебя имитировать удар, чтобы показать привязанность Мэтта. Ты послушался. Я отметил твои эмоции и эмоции Норрича, но, хотя Мэтт внешне проявлял все признаки гнева, ни следа его эмоций не было. Это абсолютное доказательство того, что у Мэтта нет эмоций и, следовательно, он не собака, а робот. Но я так был убежден, что робот должен быть человекоподобным, что закрыл мозг перед этой мыслью... Ну ладно, пойдем пообедаем и заодно навестим Норрича. Я хочу пообещать ему, что разыщу для него собаку, на этот раз настоящую.

Они встали, и Верзила сказал:

— Во всяком случае, Счастливчик, хоть это и заняло много времени, мы остановили сирианцев.

Старр негромко ответил:

— Я не уверен, что мы их остановили, но что задержали — это точно.



Счастливчик Старр и кольца Сатурна

Посвящается памяти
Генри Каттнера и Сирила Корнблата

1. ПРИШЕЛЬЦЫ

Солнце превратилось в яркий алмаз на небе, и невооруженным глазом лишь с трудом можно было заметить, что это не обычная звезда: виднелся крошечный, размером с горошину, горячий белый диск.

Здесь, в пустом пространстве вблизи второй по величине планеты системы, Солнце давало лишь один процент того света, что получает родина человечества. И тем не менее это все-таки был самый яркий небесный объект, в четыре тысячи раз ярче Луны.

Дэвид Старр задумчиво смотрел на экран, где виднелось изображение Солнца. Джон Верзила Джонс, полная противоположность высокому и худому Старру, следил за ним искоса. Вытянувшись во весь рост, Джон Верзила Джонс достигал точно пяти футов двух дюймов. Но он не измерял свой рост в дюймах и позволял называть себя только вторым именем — Верзила.

Верзила сказал:

— Знаешь, Счастливчик, до него почти девятьсот миллионов миль. До Солнца. Я никогда не был так далеко.

Третий человек в каюте, Бен Василевский, улыбнулся через плечо со своего места у приборов. Он тоже был рослым, хотя и не таким высоким, как Старр, у него были светлые волосы и лицо, покрывшееся космическим загаром на службе Совету Науки.

Он спросил:

— В чем дело, Верзила? Испугался?

Верзила пропищал:

— Эй, Бен, ну-ка убери руки от приборов и повтори, что сказал!

Он обогнул Дэвида, собираясь броситься на Василевского, но Счастливчик взял его за плечи и остановил. Ноги Верзилы по-прежнему двигались, будто он продолжал бежать, однако

Дэвид вернул своего марсианского друга в первоначальное положение.

— Сиди спокойно, Верзила.

— Но ты ведь слышал! Эта жердь считает себя лучшим человеком, потому что его немного больше. Если в Бене шесть футов, значит, лишних шесть футов придурка и...

— Ну хорошо, Верзила, — сказал Старр. — Бен, прибереги свои шуточки для сирианцев.

Он говорил спокойно, но властно.

Верзила прочистил горло и спросил:

— Где Марс?

— По другую сторону от нас.

— Ну да, — сказал малыш недоверчиво. Но тут лицо его прояснилось. — Подожди, Счастливчик, мы ведь в ста миллионах миль под плоскостью эклиптики. Мы должны видеть Марс под Солнцем. Он из-за него должен выглядывать.

— Конечно. Но он всего в градусе от Солнца, слишком близко, чтобы можно было разглядеть его в солнечном сиянии. Землю, кажется, можно увидеть.

На лице Верзилы появилось надменное выражение.

— Кому нужна Земля? На ней ничего нет, кроме людей; все эти сурки и на сто миль не отрывались от поверхности. Я не стал бы на нее смотреть, даже если бы больше ничего не было. Пусть Бен на нее смотрит. Это как раз для него.

И он отошел от экрана.

Василевский сказал:

— Эй, Счастливчик, нельзя ли вывести на экран Сатурн и посмотреть на него с этого угла? Я обещал себе это удовольствие.

— Не знаю, можно ли теперь, после случившегося, назвать вид Сатурна удовольствием, — ответил Дэвид.

Он сказал это между прочим, но в маленькой рубке «Метеора» наступило молчание.

Все трое ощутили, как изменилась атмосфера. Сатурн означал опасность. Для населения Земной федерации Сатурн стал ликом судьбы. Для шести миллиардов жителей Земли, для миллионов на Марсе, Луне, Венере, на научных станциях Меркурия, Цереры и внешних спутников Юпитера Сатурн превратился в новую и неожиданную угрозу.

Старр первым отбросил мрачные мысли, и, повинуясь прикосновениям его пальцев, чувствительные электронные

сканеры, установленные в корпусе «Метеора», легко повернулись на своих универсальных шарнирах. Поле зрения экрана изменилось.

По экрану потянулись звезды, и Верзила, с ненавистью оттопырив верхнюю губу, спросил:

— Есть среди них Сириус?

— Нет, — ответил Дэвид, — мы смотрим на Южное небесное полушарие, а Сириус находится в Северном. Хочешь увидеть Канопус?

— Нет, — сказал Верзила. — Зачем?

— Я думал, тебе интересно. Это вторая по яркости звезда. Можешь вообразить, что это Сириус. — Старр слегка улыбнулся. Его всегда забавляло, что Верзила воспринимал как оскорбление собственных патриотических чувств то, что Сириус, звезда величайших врагов Солнечной системы, впрочем происходивших из нее же, — самая яркая звезда на земном небе.

Верзила сказал:

— Забавно. Давай, Счастливчик, посмотрим на Сатурн, а когда вернемся на Землю, повторишь это в каком-нибудь шоу и всех напугаешь.

Звезды продолжали свое ровное движение, потом они остановились. Дэвид сказал:

— Вот он — тоже без увеличения.

Василевский заблокировал приборы и повернулся в пилотском кресле, чтобы тоже взглянуть.

Полумесяц, чуть больше третьей четверти, желтый, более яркий по краям, чем в центре.

— Далеко мы от него? — удивленно спросил Верзила.

— Я думаю, около тридцати миллионов миль, — ответил Старр.

— Тут что-то не так, — сказал Верзила. — А где кольца? Я на них хотел взглянуть.

«Метеор» приближался к Сатурну со стороны Южного полюса. Из этого положения кольца должны были быть хорошо видны.

Дэвид объяснил:

— Кольца на расстоянии сливаются с планетой, Верзила. Можно увеличить изображение и посмотреть с более близкого расстояния.

Пятно света — Сатурн — начало расти во всех направлениях. И полумесяц разбился на три части.

Центральная часть по-прежнему виднелась как полумесяц. Но вокруг нее, нигде с нею не соприкасаясь, появилась изогнутая светлая лента, разделенная темной линией на две неравные части. Огибая Сатурн, лента оказывалась в его тени и исчезала.

— Да, сэр Верзила, — лекторским тоном произнес Василевский. — Сам Сатурн всего лишь семьдесят восемь тысяч миль в диаметре. На расстоянии в сто миллионов миль это точка, но если учесть отражательную поверхность колец от одного конца до другого, получится двести тысяч миль.

— Я все это знаю, — возмущенно сказал Верзила.

— Более того, — не обращая на его слова внимания, продолжал Василевский, — с расстояния в сто миллионов миль семитысячемильное пространство между кольцами и поверхностью Сатурна, не говоря уже о щели в две с половиной тысячи миль, которая делит кольца надвое, не видно. Кстати, Верзила, эта черная линия называется щель Кассини.

— Я сказал, что знаю! — взревел Верзила. — Слушай, Счастливчик, этот парень считает, что я не учился в школе. Может, не очень долго учился, но ему нечему учить меня в космосе. Ну скажи ему: пусть перестанет прятаться за тобой, и я раздавлю его, как жука.

— Можно увидеть Титан, — сказал Старр.

Верзила и Василевский воскликнули хором:

— Где?

— Прямо перед нами. — При увеличении Титан казался таким же полумесяцем, как Сатурн и его система колец с этого расстояния без увеличения. Он находился на краю экрана.

Титан — единственный большого размера спутник системы Сатурна. Но не размер заставлял Василевского смотреть на него с любопытством, а Верзилу — с ненавистью.

Все трое знали, что Титан — единственное небесное тело в Солнечной системе, населенное людьми, не признающими господства Земли. Внезапно и неожиданно он превратился во враждебный мир.

Все почувствовали приближение опасности.

— Когда мы будем в системе Сатурна, Счастливчик?

Дэвид сказал:

— Точной границы системы Сатурна не существует, Верзила. Большинство считает, что система кончается там, где движется самое далекое небесное тело, удерживаемое полем

тяготения центрального светила. Если это так, то мы все еще за пределами системы Сатурна.

— Однако сирианцы утверждают... — начал Василевский.

— В Солнце тебя с твоими сирианцами! — заревел Верзила, в гневе хлопая себя по голенищам сапог. — Кому интересно, что они утверждают! — И он снова ударил себя по голенищу, будто бил всех сирианцев в системе. Сапоги сразу выдавали в Верзиле марсианина. Кричащие цвета, оранжевый и черный, чередующиеся в шахматном порядке, ясно свидетельствовали, что их владелец родился и вырос под куполом марсианской фермы.

Старр отключил экран. Детекторы на поверхности корпуса втянулись, и корпус снова стал гладким и ровным, если не считать кольцеобразного утолщения на корме. Там размещался аграв «Метеора».

Дэвид сказал:

— Мы не можем позволить себе такую роскошь, как не обращать внимания на их слова, Верзила. Сейчас перевес на стороне сирианцев. Может, со временем мы вытесним их из Солнечной системы, а пока придется играть по их правилам.

Верзила негодующе проворчал:

— Мы в своей системе.

— Конечно, но Сириус занял эту часть ее. И мы ничего не можем сделать, разве что созвать межзвездную конференцию. Если, конечно, не собираемся начинать войну.

Ответить на это было нечего. Василевский вернулся к приборам, и «Метеор», не расходуя энергии, пользуясь притяжением Сатурна, продолжал опускаться к полюсу планеты.

Все ниже и ниже, в пространство, кишащее сирианскими кораблями в пятидесяти триллионах миль от системы Сириуса, но всего в семистах миллионах миль от Земли. Одним гигантским шагом Сириус покрыл 99,999 процента расстояния между собой и Землей и основал военную базу на самом пороге Земли.

Если ему будет позволено тут оставаться, в один прекрасный момент Земля может превратиться во второсортную планету под властью Сириуса. И межзвездная политическая ситуация была такова, что Земля, несмотря на всю свою военную мощь, на свои могучие корабли и вооружение, не в состоянии сейчас справиться с этой угрозой.

Только три человека в одном маленьком корабле, действуя

на свой страх и риск, без поддержки с Земли, умом и хитростью должны были изменить ситуацию. И они знали, что, если будут пойманы, их казнят на месте как шпионов — в их собственной Солнечной системе, — и Земля ничем не сможет им помочь.

2. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

А еще месяц назад не было и мысли об опасности, ни малейшего намека. И вдруг она возникла перед самым носом у земного правительства. Совет Науки настойчиво и методично разматывал шпионскую сеть роботов, которая окутала всю Землю и ее владения и чье существование было обнаружено Старром в снегах Ио.

Это была тяжелая и опасная работа, потому что шпионаж действовал повсеместно и крайне эффективно и с его помощью едва не удалось нанести Земле огромный ущерб.

И вот в тот момент, когда процесс выздоровления, казалось, подошел к концу, появилась новая угроза, и Гектор Конвей, глава Совета, разбудил Дэвида Старра ранним утром. Было видно, что Конвей одевался наспех, его белоснежные волосы взъерошились.

Дэвид, мигая, чтобы прогнать сон, заказал кофе и удивленно сказал:

— Великая Галактика, дядя Гектор, — молодой человек так называл его с дней своего сиротского детства, когда Конвей и Августас Хенри стали его опекунами, — неужели видеофоны не работают?

— Я не мог говорить по видеофону, мой мальчик. Мы в ужасном положении.

— А в чем дело? — спокойно спросил Дэвид, но при этом снял пижаму и начал умываться.

Зевая и потягиваясь, появился Верзила.

— Эй, что это за проклятый шум? — Узнав главу Совета, он сразу забыл о сне. — Неприятности, сэр?

— Агент X выскользнул у нас между пальцев.

— Агент X? Загадочный сирианец? — Глаза Дэвида слегка сузились. — Когда я в последний раз о нем слышал, Совет решил, что его не существует.

— Это было еще до дела со шпионами-роботами. Он умен,

Дэвид, очень умен. Только очень умный шпион мог убедить Совет в том, что он не существует. Мне следовало пустить тебя по его следу, но всегда находились другие дела. А теперь...

— Да?

— Ты знаешь: расследование дела шпионов-роботов показало, что на Земле существует центр сбора информации. Мы узнали также местонахождение этого центра. Мы снова вышли на след агента X, и существует очень большая вероятность, что им является некто Джек Дорранс из «Акме Эйр Продактс» — прямо здесь, в Интернациональном Городе.

— Я этого не знал.

— Было много и других подозреваемых. Но Дорранс сел в частный корабль и улетел, нарушив запрет на старты. Нам повезло, что в Порт-Центре находился член Совета, он немедленно предпринял все необходимые действия. Как только до нас дошло сообщение об этом, мы в течение нескольких минут установили, что только Дорранс не находится под наблюдением. Он ушел от нас. Совпали и другие детали — он агент X. Теперь мы в этом уверены.

— Ну хорошо, дядя Гектор. Но в чем беда? Он ведь ушел.

— Теперь мы знаем кое-что еще. Он прихватил с собой персональную капсулу, и мы не сомневаемся в том, что в ней содержится вся информация, собранная шпионской сетью и еще не полученная сирианцами. Космос его знает, что у него там, но, видимо, это достаточно важно, чтобы пренебречь своей маскировкой, лишь бы передать ее в руки хозяев.

— Вы сказали, что его преследовали. Поймали?

— Нет. — Утомленный глава Совета раздраженно сказал: — Разве в таком случае был бы я тут?

Старр неожиданно спросил:

— Его корабль оборудован для прыжка?

— Нет! — воскликнул покрасневший глава Совета и пригладил волосы, будто они встали дыбом при одном упоминании о прыжке.

Дэвид облегченно перевел дыхание. Прыжок — это, конечно, прыжок в гиперпространстве, когда корабль уходит за пределы обычного пространства и возвращается в него снова уже на расстоянии многих световых лет, и все это за мгновение.

Будь у агента X такой корабль, он, несомненно, ушел бы.

Конвей сказал:

— Он действовал в одиночку и ушел тоже один. Отчасти именно поэтому ему удалось уйти от нас. И улетел он на одно-

местном корабле, предназначенном для межпланетных перелетов.

— А корабли, способные совершить прыжок, не бывают одноместными. Пока во всяком случае. Но, дядя Гектор, если он взял межпланетный корабль, значит, другого ему не нужно.

Счастливчик кончил умываться и быстро одевался. Неожиданно он повернулся к Верзиле.

— А ты? Одевайся быстрее, Верзила.

Верзила, сидевший на краю дивана, буквально совершил сальто.

Дэвид сказал:

— Вероятно, где-то в космосе его ждет сирианский корабль, приспособленный для гиперпрыжка.

— Верно. А корабль у него быстрый, он нас опередил, и, возможно, он не окажется в пределах досягаемости нашего оружия. Остается...

— «Метеор». Я вас опережаю, дядя Гектор. Мы с Верзилой будем на нем через час, если, конечно, Верзила успеет одеться. Сообщите мне нынешнее местонахождение и курс кораблей-преследователей и все данные о корабле агента X, и мы отправимся.

— Хорошо. — Встревоженное лицо Конвея несколько прояснилось. — И, Старр... — так он обращался к Счастливчику только в минуты волнения, — будь осторожен.

— Экипажи остальных десяти кораблей вы тоже попросили об этом, дядя Гектор? — спросил молодой человек, но голос его звучал мягко и ласково.

Верзила уже надел один сапог и держал второй в руке. Он похлопал по маленькой кобуре на внутренней бархатной поверхности голенища.

— Мы снова в путь, Счастливчик? — В глазах его горела решимость, проказливое лицо улыбалось.

— Да, — ответил Дэвид, взъерошив светлые волосы Верзилы. — Сколько мы уже ржавеем на Земле? Шесть недель? Достаточно долго.

— Еще как! — радостно согласился Верзила и натянул второй сапог.

Они миновали орбиту Марса, прежде чем с помощью направленного луча им удалось связаться с кораблями-преследователями.

Ответил член Совета Василевский с корабля «Гарпун».

Он воскликнул:

— Счастливчик! Ты к нам присоединяешься? Отлично! — Лицо его на экране улыбалось, он подмигнул. — Есть место, чтобы втиснуть урода Верзилу в угол твоего экрана? Или он не с тобой?

— Я с ним! — взревел Верзила, вставая между Дэвидом и передатчиком. — Думаешь, Конвей выпустит куда-нибудь этого большого тупицу без меня? Кто же тогда присмотрит, чтобы он не споткнулся о свои большие ноги?

Старр поднял протестующего Верзилу и зажал под мышкой.

— Какая шумная связь, Бен. Какова позиция преследуемого корабля?

Василевский, сразу посерьезнев, сообщил позицию:

— Корабль «Сеть космоса». Частный, построенный и проданный на законных основаниях. Агент X купил его, должно быть, под вымышленным именем и давно подготовил для неожиданного отлета. Быстрый корабль и со времени старта все время ускоряется. Мы отстаем.

— Каковы у него запасы энергии?

— Мы об этом подумали. Проверили через строителей данные. Получается, что при нынешней скорости ему либо придется вскоре выключить двигатели, либо пожертвовать маневренностью, когда он будет в месте назначения. Мы рассчитываем на это.

— Допустим, он увеличит нагрузку на двигатели.

— Вероятно, — ответил Василевский, — но долго так продержаться не сможет. Меня беспокоит то, что он может сбить с толку наши масс-детекторы, используя астероиды. Если он прорвется в пояс астероидов, мы его потеряем.

Старру эта хитрость была знакома. Поместите между собой и преследователем астероид, и масс-детектор преследователя зарегистрирует астероид, а не корабль. Когда поблизости окажется другой астероид, корабль перелетит к нему, а преследователь по-прежнему будет нацеливать свои приборы на первый астероид.

Дэвид сказал:

— Он движется слишком быстро для такого маневра. Ему пришлось бы полдня тормозиться.

— Для этого нужно чудо, — откровенно признал Василев-

ский, — но ведь мы чудом вышли на его след, и потому я жду, что *второе чудо уничтожит первое*.

— А что за первое чудо? Шеф что-то говорил о запрете на вылеты.

— Да. — Василевский коротко рассказал, в чем дело. Дорранс (или агент X; Василевский называл его и так, и так) ушел от наблюдения с помощью прибора, искажающего следящий луч (прибор обнаружили, но он оказался выведенным из строя, и не удалось установить, сирианского ли он происхождения). Он добрался до своего корабля «Сеть космоса» без всякого труда. Уже готов был стартовать, активировал микрореактор, получил разрешение — но тут в стратосфере появился поврежденный торговец, попавший под удар метеорита. Он просил разрешения на аварийную посадку.

Были запрещены все вылеты. Все корабли в порту остались на месте. Все должны были остановить процедуру старта.

«Сеть космоса» тоже должна была это сделать, но не сделала. Старр хорошо понимал, что испытывал тогда агент X. В его распоряжении находился самый разыскиваемый в Солнечной системе предмет, и счет шел на секунды. Теперь, когда он начал действовать в открытую, Совет сразу пойдет по его следу. Если он прервет старт, придется долго ждать, пока посадят поврежденный корабль, пока эвакуируют его экипаж. А потом снова активирование двигателей и все проверки. Он не мог допустить такой задержки.

И потому сразу стартовал.

И мог бы уйти. Прозвучал сигнал тревоги, полиция порта начала вызывать «Сеть космоса», но член Совета Василевский, выполнявший рутинную работу в порту, сразу начал действовать. Он участвовал в поисках агента X, и корабль, стартовавший, несмотря на запрет, сразу вызвал у него подозрение. Догадка невероятная, но он начал действовать.

Властью Совета (а она превышает власть всех остальных органов, кроме прямых приказов президента Земной федерации) он поднял в пространство корабли космической стражи и сам на борту «Гарпуна» возглавил преследование. Он уже несколько часов находился в космосе, когда Совет получил всю информацию. И тут подтвердилось, что он действительно преследует агента X и все корабли обязаны его поддерживать.

Дэвид серьезно выслушал и сказал:

— Случайность, но ты ею хорошо воспользовался. Отличная работа.

Василевский улыбнулся. Члены Совета обычно избегают известности и славы, но одобрение со стороны другого члена Совета ценится высоко.

Старр сказал:

— Мы приближаемся. Пусть один из твоих кораблей установит со мной масс-контакт.

Он прервал связь, и его сильные красивые руки ласково коснулись приборов «Метеора» — самого быстрого космического корабля.

На «Метеоре» находились самые мощные протонные микрореакторы, какие только можно разместить на корабле такого размера; такие реакторы способны разогнать военный крейсер; эти реакторы почти позволяли совершить гиперпрыжок. На корабле были и ионные двигатели, которые устраняли эффект ускорения, действуя одновременно на все атомы корабля, в том числе и на атомы живых тел Старра и Верзилы. И даже аграв, недавно разработанный и все еще считающийся экспериментальным, тоже был, что давало возможность маневрировать вблизи самых крупных планет с их огромными полями тяготения.

И вот могучие двигатели «Метеора» ровно загудели, и Дэвид *почувствовал легкое повышение тяжести, которое не компенсировалось ионными двигателями*. Корабль все быстрее и быстрее устремлялся в дальние пределы Солнечной системы...

Но агент X находился впереди, и «Метеор» нагонял его слишком медленно. Когда позади остался пояс астероидов, Старр сказал:

— Похоже, дело плохо, Верзила.

Верзила удивленно посмотрел на него.

— Мы его возьмем, Счастливчик.

— Все дело в том, куда он направляется. Я был уверен, что на сирианский корабль, который способен совершить прыжок. Но *такой корабль либо должен быть вне эклиптики, либо* прятаться за поясом астероидов. Однако агент X остается в плоскости эклиптики и ушел за пределы пояса.

— Может, просто пытается сбить нас со следа, а потом отправится на встречу с кораблем.

— Может быть, — согласился Старр, — но, может быть, у сириан есть база на внешних планетах.

— Да ну! — Маленький марсианин рассмеялся. — Прямо у нас под носом?

— Иногда трудно увидеть что-то у себя под носом. Он движется прямо к Сатурну.

Верзила сверился с корабельным компьютером, который постоянно следил за курсом преследуемого. И сказал:

— Слушай, Счастливчик, этот подонок все еще на баллистическом курсе. Двадцать миллионов миль он не притрагивается к своим двигателям. Может, энергию истратил?

— А может, бережет ее для маневров в системе Сатурна. Там сильное поле тяготения. Надеюсь, что это так. Великая Галактика, надеюсь! — Худое красивое лицо Дэвида стало серьезным, он плотно сжал губы.

Верзила удивленно смотрел на него.

— Пески Марса, Счастливчик, но почему?

— Потому что если в системе Сатурна есть база сирианцев, агент Х должен привести нас к ней. У Сатурна один большой спутник, восемь спутников среднего размера и множество мелких. Агент Х показал бы нам точно, где база.

Верзила нахмурился.

— Ну, он не так туп, чтобы вести нас туда...

— Или позволить нам догнать его... Верзила, рассчитай курс вперед, до пересечения с орбитой Сатурна.

Верзила послушался. Это была обычная для компьютера работа.

Старр сказал:

— Каково положение Сатурна в момент пересечения? Далеко ли будет Сатурн от корабля агента Х?

Последовала небольшая пауза. Нужно было взять элементы орбиты Сатурна из «Эфемерид». Несколько секунд расчета, и Верзила в тревоге вскочил на ноги.

— Счастливчик! Пески Марса!

Дэвиду не потребовалось спрашивать о подробностях.

— Мне кажется, агент Х решил не показывать нам, где расположена база. Если он продолжит свой баллистический курс, он ударится о Сатурн — а это верная смерть.

3. СМЕРТЬ В КОЛЬЦАХ

Проходили часы, и сомнений не оставалось. Даже на кораблях-преследователях, далеко отставших от «Метеора», встревожились.

Василевский связался со Старром.

— Великий Космос, Счастливчик, — сказал он, — куда он нацелился?

— Похоже, прямо в Сатурн, — ответил Дэвид.

— Может, его там ждет корабль? Я знаю, у Сатурна тысячемильная атмосфера с давлением в миллионы тонн, и без аграва они не могут... Неужели у них есть аграв и защитные силовые поля?

— Думаю, он просто разобьется, чтобы мы его не схватили.

Василевский сухо заметил:

— Если ему так не терпится умереть, почему он не повернется к нам и не схватится, заставит нас его уничтожить и прихватит с собой парочку кораблей?

— Да, — согласился Старр, — или просто замкнет свои двигатели в сотнях миллионов миль от Сатурна? Меня беспокоит, что он таким образом привлекает наше внимание к Сатурну. — Он погрузился в задумчивость.

Василевский прервал тишину:

— Ты сможешь догнать его, Дэвид? Мы слишком далеко.

Верзила отозвался со своего места у приборов управления:

— Пески Марса, Бен, если мы увеличим ионную тягу, скорость не позволит нам маневрировать у Сатурна.

— Но сделайте что-нибудь!

— Великий Космос, вот это разумный приказ, — сказал Верзила. — И очень полезный. «Сделайте что-нибудь».

Старр ответил:

— Продолжайте движение, Бен. Я что-нибудь сделаю.

Он прервал связь и повернулся к Верзиле.

— Он ответил на наши сигналы, Верзила?

— Ни слова.

— Перестань пробовать и постарайся уловить его коммуникационный луч.

— Мне кажется, он им не пользуется.

— Может воспользоваться в последнюю минуту. Ему придется рискнуть, чтобы сказать хоть что-то. А мы тем временем отправимся к нему.

— Как?

— Выстрелим в него. Маленьким снарядом.

Наступила его очередь согнуться над компьютером. Поскольку «Сеть космоса» двигалась без ускорения, потребовались несложные расчеты, чтобы послать снаряд прямо в нее.

Старр подготовил снаряд. Он не предназначался для взры-

ва. Всего в четверть дюйма в диаметре, но протонный микрореактор швырнет его со скоростью пятьсот миль в секунду. Ничто не сможет уменьшить эту скорость, и снаряд пройдет сквозь корпус «Сети космоса», как сквозь масло.

Но Дэвид не думал, что это произойдет. Снаряд достаточно велик, чтобы быть зарегистрированным масс-детектором добычи. «Сеть космоса» автоматически изменит курс, чтобы избежать встречи, и это собьет ее с курса на Сатурн. Агенту X потребуется какое-то время, чтобы заново рассчитать курс и ввести поправки, и, возможно, «Метеор» успеет подойти и использовать свой магнитный захват.

Слабый шанс, может быть, ничтожно слабый. Но других возможных способов действия не было.

Старр коснулся контакта. Снаряд бесшумно устремился вперед, стрелка корабельного масс-детектора дрогнула, но быстро вернулась на место: снаряд улетел.

Дэвид откинулся в кресле. Потребуется два часа, чтобы снаряд вступил (или почти вступил) в контакт. Старру пришло в голову, что, возможно, агент X совершенно лишен энергии, что автоматы выработают поправки курса, а корабль не сможет их осуществить, снаряд пронзит корпус, корабль взорвется или, во всяком случае, не изменит своего курса на Сатурн.

Но он тут же отбросил эту мысль. Невозможно предположить, чтобы, направив корабль на столкновение, агент X полностью исчерпал все запасы энергии. Конечно, у него что-то осталось.

Медленно тянулись часы ожидания. Даже Гектор Конвей устал от чтения и непосредственно связался с кораблем.

— Но где, по твоему мнению, в системе Сатурна может находиться база? — с тревогой спросил он.

— Если она существует, — осторожно ответил Дэвид, — и если агент X действительно пытается увести нас от нее, я бы сказал, что наиболее вероятное место — Титан. Это единственный по-настоящему большой спутник Сатурна, он в три раза превышает Луну по массе и в два раза по площади. Если база Сириуса находится под поверхностью, прочесать весь Титан в поисках ее невозможно.

— Трудно поверить, что они на это решились. Это буквально начало военных действий.

— Может, и так, дядя Гектор, но ведь совсем недавно они пытались основать базу на Ганимеде.

Верзила резко воскликнул:

— Счастливчик, он включил двигатель!

Старр удивленно взглянул на него.

— Кто включил двигатель?

— «Сеть космоса». Этот сирианский подонок.

Дэвид торопливо сказал:

— Я свяжусь с вами позже, дядя Гектор, — и прервал связь. А Верзиле заметил: — Но он не должен двигаться. Наш снаряд он еще не может заметить.

— Посмотри сам. Говорю тебе, он включил двигатель.

Старр одним прыжком оказался у масс-детектора «Метеора». Прибор уже давно был постоянно нацелен на убегающую добычу. Корабль отражался на экране ярким пятном.

Но теперь пятно двинулось. Оно превратилось в короткую линию.

Дэвид напряженно сказал:

— Великая Галактика, конечно! Все обретает смысл. Как я мог думать, что он всего лишь избегает захвата? Верзила...

— Конечно, Счастливчик. Что? — Маленький марсианин был готов ко всему.

— Нас перехитрили. Нужно уничтожить его, если даже самим придется врезаться в Сатурн. — Впервые со дня установки дополнительных ионных двигателей на корабле Старр заставил их помогать основному двигателю. Корабль покачнулся: вся его энергия до последнего атома устремилась назад, а «Метеор» соответственно — вперед.

Верзила с трудом перевел дыхание.

— Но в чем дело, Счастливчик?

— Он вовсе не к Сатурну направляется, Верзила. Просто использовал его поле тяготения, чтобы опередить нас. Теперь он выходит на орбиту вокруг Сатурна. Он направляется к кольцам. К кольцам Сатурна. — Лицо молодого члена Совета было напряжено. — Следи за его коммуникационным лучом, Верзила. Теперь он будет говорить. Теперь или никогда.

С участившимся сердцебиением Верзила склонился к анализатору волн, хотя никак не мог понять, почему мысль о кольцах Сатурна так встревожила Дэвида.

Снаряд с «Метеора» промахнулся более чем на пятьдесят тысяч миль. Но теперь сам «Метеор» превратился в снаряд, идущий на столкновение; но и он промахнется.

Старр простонал:

— Ничего не выйдет. Мы уже слишком близко.

Сатурн теперь казался гигантом, кольца перечеркивали его диск. Желтый диск Сатурна был почти полным: «Метеор» сближался с ним со стороны Солнца.

Верзила внезапно взорвался:

— Грязный подонок! Он спрячется за кольцами. Теперь я понимаю, что тебя встревожило.

Он напряженно работал у масс-детектора, но все было бесполезно. В фокусе оказалась часть кольца, каждая из бесчисленных частичек, образующих кольцо, отразилась на экране точкой. Экран побелел, и «Сеть космоса» исчезла.

Старр покачал головой.

— Эту проблему можно разрешить. Мы сейчас достаточно близко, чтобы увидеть его. Нет, тут что-то другое.

Бледный и напряженный, Дэвид дал на экран максимально увеличенное изображение с телескопа. Крошечный металлический цилиндр «Сети космоса» не закрывали частицы кольца. Самые крупные из этих частиц, размером с обычный гравий, сверкали в лучах отдаленного Солнца.

Верзила сказал:

— Счастливчик, я поймал его коммуникационный луч... Нет, нет, подожди... Да, поймал.

В рубке послышался далекий искаженный голос. Верзила ловкими пальцами настраивал дешифратор, хотя передача велась на сирианском шифре.

Слова затихали, потом становились снова слышны. В рубке установилась тишина, слышался лишь слабый шорох записывающего устройства.

— ... не... во... кировать (пауза, во время которой Верзила напряженно работал ручками настройки)... по следу... не мог уйти... сделано для того, чтобы... я должен был... кольцо... рна... на нормальной орб... же запущена... следуйте... координаты...

И тут все оборвалось: голос, треск разрядов — все.

Верзила закричал:

— Пески Марса, Счастливчик! Что-то взорвалось!

— Не у нас, — отозвался Старр. — Это «Сеть космоса».

Он видел, как это произошло через две секунды после прекращения передачи. Передача в субэфире идет, по существу, мгновенно. А свет, который они видели на экране, проходит в секунду всего 186 000 миль.

Свету потребовалось две секунды, чтобы достичь Старра. Он видел, как задняя часть «Сети космоса» покраснела, потом превратилась в огненный цветок из расплавленного металла.

Верзила увидел только конец, и они молча смотрели, как сияние медленно гасло.

Дэвид покачал головой.

— Так близко к кольцу, хотя и не совсем в нем, в пространстве очень много быстрых частиц материи. Может, ему не хватило энергии, чтобы свернуть от одного из них. А может, два куска приближались одновременно с разных направлений. Это был храбрый человек и сильный противник.

— Не понимаю, Счастливчик. Чего же он хотел?

— Даже сейчас не понимаешь? Ему было важно не попасть к нам в руки, но все же не настолько, чтобы умереть. Мне следовало догадаться раньше. Самое главное для него было передать важную информацию сирианцам. Он не мог передать через субэфир тысячи слов информации: его преследовали и луч засекли бы. Сообщение должно было быть кратким и содержать самое существенное. Ему необходимо было передать капсулу с информацией в руки сирианцев.

— Но как он мог это сделать?

— В его передаче мы услышали слог «орб». Это, конечно, орбита. «Же запущена», значит, «уже запущена».

Верзила схватил Дэвида за руку, его маленькие пальцы вцепились в мускулистое запястье.

— Он запустил капсулу, верно? В кольце она неотличима от миллионов кусков гравия, как... булыжник на Луне... как капля воды в океане.

— Или как кусок гравия в кольцах Сатурна, и это хуже всего, — сказал Старр. — Конечно, он погиб до того, как передал координаты орбиты капсулы, так что мы с сирианцами начинаем на равных, и нужно приниматься за дело не откладывая.

— Искать? Прямо сейчас?

— Да! Если он готов был сообщить координаты, зная, что я у него на хвосте, значит, сирианцы где-то рядом... Свяжись с кораблями, Верзила, и передай им новости.

Верзила повернулся к передатчику, но так и не притронулся к нему. На нем горела красная лампа, означающая наличие радиопередачи. Радио! Обычная эфирная связь! Очевидно, кто-то совсем рядом (в пределах системы Сатурна), причем, не

скрываясь, вызывает их на радиоволне, которую, в отличие от субэфирной, очень легко перехватить.

Глаза Старра сузились.

— Принимай, Верзила.

Послышался голос с акцентом: долгие гласные, четкое произношение согласных. Голос сирианца.

— ... вите себя, иначе мы воспользуемся магнитным захватом и арестуем вас. У вас четырнадцать минут для подтверждения приема. — Последовала минутная пауза. — Именем Центрального правительства приказываю: назовите себя, иначе мы воспользуемся магнитным захватом и арестуем вас. У вас тринадцать минут для подтверждения приема.

Старр холодно произнес:

— Подтверждаю прием. Корабль Земной федерации «Метеор» находится с мирными целями в космическом пространстве Земной федерации. На это пространство распространяется власть только Земной федерации.

Последовала одна-две секунды молчания (радиоволны распространяются со скоростью света), потом голос ответил:

— Власть Земной федерации не признается на мирах, колонизированных сирианскими народами.

— А что за мир? — спросил член Совета.

— Незаселенная система Сатурна именем нашего правительства присоединена к Сириусу согласно межпланетному закону, по которому незаселенный мир принадлежит тем, кто его колонизирует.

— В этом законе речь идет только о незаселенных звездных системах.

Ответа не было. Голос бесстрастно произнес:

— Вы находитесь в пределах системы Сатурна, вам приказано немедленно их покинуть. Если вы не уйдете, мы вас захватим. Все корабли Земной федерации в дальнейшем будут захватываться без всяких предупреждений. Вы должны начать ускорение через восемь минут, иначе мы начнем действовать.

Лицо Верзилы радостно вспыхнуло. Он прошептал:

— Пусть попробуют, Счастливчик. Покажем им, чего стоит наш «Метеор».

Но Дэвид не обратил на это внимания. Он сказал в передатчик:

— Ваше сообщение получено. Мы не признаем власть Сириуса, но уходим добровольно.

И он прервал связь.

Верзила пришел в ужас.

— Пески Марса, Счастливчик! Мы убежим от своры сирианцев? Оставим капсулу, чтобы они ее нашли?

Дэвид ответил:

— Сейчас, Верзила, придется уходить.

Голову он наклонил, лицо его побледнело и приняло напряженное выражение, но взгляд не был взглядом человека, потерпевшего поражение. Все, что угодно, только не это.

4. МЕЖДУ ЮПИТЕРОМ И САТУРНОМ

Старшим офицером на кораблях-преследователях (не считая, разумеется, члена Совета Василевского) был капитан Майрон Бернольд, лет пятидесяти, с фигурой человека на десять лет моложе. На мундире его было четыре полоски. Волосы седели, но брови оставались еще черными, а на бритом подбородке была видна синева пробивающейся бороды.

С нескрываемым презрением он смотрел на гораздо более молодого Старра.

— И вы отступили?

«Метеор» по дороге к Солнцу встретился с кораблями-преследователями на полпути между орбитами Сатурна и Юпитера. Старр перебрался на борт флагмана.

Он негромко ответил:

— Я сделал то, что было необходимо.

— Когда враг вторгся в нашу собственную систему, отступление не может быть необходимым. Вас могли взорвать, но вы успели бы предупредить нас, и мы тут же отправились бы туда.

— И сколько у вас бы осталось энергии, капитан?

Капитан вспыхнул.

— Какая разница? Мы погибли бы, но, в свою очередь, предупредили бы Землю.

— И начали войну?

— Они начали войну. Сирианцы... Я собираюсь направиться к Сатурну и напасть на них.

Стройная фигура Старра напряглась. Он был выше капитана, его холодный взгляд не дрогнул.

— Как полноправный член Совета Науки, капитан, я стар-

ше вас по должности, и вы это знаете. Никакого нападения. Я приказываю возвращаться на Землю.

— Да я скорее... — Капитан явно пытался справиться с собой. Он сжал кулаки. И сказал напряженным голосом: — Могу я спросить о причине такого приказа, сэр? — В почтительном обращении звучала ирония. — Будьте добры, объясните причины такого приказа, сэр. Мое собственное мнение основано на такой мелочи, как традиции флота. И не в традициях флота отступать, сэр.

Старр ответил:

— Если хотите узнать причину, капитан, садитесь, и я вам объясню. И не говорите мне, что флот не отступает. Отступление есть один из способов ведения боевых действий, и тот командир, который предпочитает отступлению гибель своих кораблей, не должен командовать. Мне кажется, сейчас в вас говорит только гнев. Итак, капитан, вы готовы начать войну?

— Я уже сказал вам, что начали они. Они вторглись на территорию Земной федерации.

— Не совсем. Они заняли ненаселенную планету. Беда вот в чем, капитан. Гиперпрыжок сделал путешествие к звездам совсем простым делом, и потому люди заселили планеты других звезд прежде, чем колонизовали отдаленные районы Солнечной системы.

— Земляне высаживались на Титан. В году...

— Я знаю о полете Джеймса Френсиса Хогга. Он также высаживался на Обероне в системе Урана. Но это исследование, а не колонизация. Система Сатурна оставалась пустой и ненаселенной, а ненаселенная планета принадлежит первой колонизовавшей ее группе.

— Если эта планета или планетная система — часть ненаселенной звездной системы, — возразил капитан. — Вы должны признать, что Сатурн таким не является. Это часть нашей Солнечной системы, а она, клянусь воющими демонами космоса, заселена.

— Верно, но мне кажется, официального соглашения на этот счет нет. Возможно, будет решено, что Сириус имеет право на занятие Сатурна.

Капитан ударил кулаком по колену.

— Мне все равно, что скажут космические законники. Сатурн наш, и всякий землянин с этим согласится. Мы вышвырнем оттуда сирианцев, и пусть оружие решает, кто прав.

— Но именно этого и хотят от нас сирианцы!

— Так дадим им то, что они хотят.

— И нас обвинят в агрессии... Капитан, среди звезд расположено пятьдесят заселенных планет. Они никогда не забывают, что были когда-то колониями Земли. Мы дали им свободу без войны, но об этом они забыли. Помнят только, что мы попрежнему самая населенная и передовая система. Если Сириус объявит о нашей неспровоцированной агрессии, все объединятся вокруг него. Именно поэтому он пытается заставить нас напасть и именно поэтому я решил вернуться.

Капитан прикусил губу. Он собрался что-то сказать, но Дэвид продолжал:

— С другой стороны, если мы ничего не предпримем, мы можем обвинить сирианцев в агрессии, и общественное мнение внешних миров расколется. Мы используем это и привлечем к себе сторонников.

— Внешние миры на нашей стороне?

— Почему бы и нет? Во всех звездных системах сотни незаселенных планет всех размеров. И они не захотят создавать прецедент. Иначе каждая система будет стремиться усыпать другие своими базами. Но нельзя вызвать у них панику, заставить думать, что могущественная Земля нападает на собственные бывшие колонии.

Капитан встал и прошелся взад и вперед по своей каюте. Он сказал:

— Повторите ваш приказ.

— Вы понимаете необходимость отступления?

— Да. Могу я получить приказ?

— Хорошо. Приказываю вам доставить эту капсулу, которую я передаю сейчас, главе Совета Науки Гектору Конвею. Вы не должны ни с кем обсуждать случившееся ни в субэфире, ни другими способами. Вы не предпримете никаких враждебных действий — повторяю, никаких враждебных действий — против сирианцев, если только не подвергнетесь прямому нападению. И если вы встретите силы сирианцев и спровоцируете их на нападение, я добьюсь, чтобы вас предали трибуналу и осудили. Я ясно выразился?

Капитан стоял с застывшим лицом. Губы его шевелились с трудом, будто были вырезаны из дерева.

— Выражая искреннее уважение, сэр, предлагаю вам, как

члену Совета, принять команду над моим кораблем и лично доставить капсулу.

Старр слегка пожал плечами и ответил:

— Вы очень упрямы, капитан, я даже восхищаюсь вами. Иногда в сражении такое упрямство необходимо... Я не могу лично доставить капсулу, потому что намерен на «Метеоре» снова лететь к Сатурну.

Воинственность капитана разбилась.

— Что? Воющий космос, что?

— Мне кажется, я ясно выразился, капитан. У меня там кое-что недоделано. Первейшая моя обязанность — предупредить Землю о серьезной политической угрозе. Если вы доставите мое предупреждение, я смогу заняться другими делами... в системе Сатурна.

Капитан широко улыбнулся.

— Ну, это другое дело. Я хотел бы отправиться с вами.

— Я знаю это, капитан. Для вас трудно уклоняться от боя, но я прошу вас об этом, потому что вы привыкли к трудным заданиям. Я хочу, чтобы все ваши корабли поделились энергией с «Метеором». И мне понадобится еще кое-что из ваших запасов.

— Только скажите.

— Хорошо. Я возвращаюсь на свой корабль и попрошу члена Совета Василевского отправиться со мной.

Он попрощался за руку с капитаном, теперь настроенным дружески, и они с Василевским по соединительной трубе перешли с флагмана на «Метеор».

Соединительная труба вытянулась почти на всю длину, и на преодоление ее ушло несколько минут. В трубе не было воздуха, но члены Совета могли разговаривать: металл передавал голоса искаженно, но понятно. К тому же никакой способ сообщения не защищен так хорошо от подслушивания, как звуковые волны на коротком расстоянии. Поэтому в трубе Дэвид смог коротко поговорить с Василевским.

Наконец Василевский, слегка изменив тему, сказал:

— Послушай, Счастливчик, если сирианцы хотели причинить неприятности, почему они тебя отпустили? Почему не вынудили тебя повернуть и напасть?

— Бен, тебе нужно послушать запись. Слова звучали сковано, да и грозили они только магнитным захватом. Я убежден, что со мной говорил робот.

— Робот! — Глаза Василевского распахнулись шире.

— Да. Можно по твоей реакции судить, как восприняли бы это на Земле. Земляне беспричинно боятся роботов. Но дело в том, что корабль, управляемый роботом, не может причинить вред кораблю с живыми людьми. Первый закон роботехники — робот не может причинить вред человеку — запрещает это. Но от этого опасность только больше. Если бы я напал — а сирианцы этого и ожидали, — они могли бы утверждать, что я напал на беззащитный корабль. А на всех внешних мирах роботов ценят, не то что на Земле. Нет, Бен, я мог только отступить, что я и сделал.

С этими словами они оказались в шлюзе «Метеора».

Их ждал Верзила. На лице его, как обычно при встрече с Дэвидом даже после короткой разлуки, расцвела улыбка.

— Эй, — сказал он, — какие новости? Тебе, значит, удалось не вывалиться из трубы и... А что Бен здесь делает?

— Он летит с нами, Верзила.

Маленький марсианин выглядел раздраженным.

— Зачем? Корабль двухместный.

— Временно придется потесниться. А теперь лучше начать перекачивать энергию с других кораблей и принимать по трубе оборудование. После этого сразу вылетим.

Голос Старра звучал твердо, возврат к прежней теме был невозможен. Верзила понял, что лучше не спорить.

Он пробормотал:

— Конечно, — и ушел в машинное помещение, бросив злобный взгляд в сторону Василевского.

Бен спросил:

— Что это с ним? Я ни слова не сказал о его росте.

— Ну, ты должен понять малыша. Официально он не член Совета, хотя фактически им и является. Только он один этого не понимает. Ну вот, он и думает, что, раз уж ты член Совета, мы с тобой будем общаться, а его отстраним, что у нас будут от него тайны.

Василевский кивнул:

— Понятно. Ты предлагаешь сказать ему...

— Нет! — Слово было произнесено мягко, но безапелляционно. — Все, что нужно, я ему сам скажу. Ты ничего не говори.

В этот момент в пилотской рубке снова появился Верзила и сказал:

— Энергия поступает. — Он перевел взгляд с одного на другого и проворчал: — Простите, что помешал. Мне покинуть корабль, джентльмены?

— Тебе придется сначала нокаутировать меня, Верзила, — ответил Дэвид.

Верзила нацелился на удар и сказал:

— Ну, парень, это нетрудно. Думаешь, лишний фут твоего роста мне помешает?

Он мгновенно оказался внутри кольца рук Счастливчика и нанес два удара ему в живот.

Дэвид спросил:

— Ну, остыл?

Верзила отскочил.

— Я не стал бить по-настоящему, не то Конвей мне уши надерет.

Старр рассмеялся.

— Спасибо. А теперь послушай. Ты должен рассчитать орбиту и передать данные капитану Бернольду.

— Конечно. — Верзила, по-видимому, успокоился, обида его рассеялась.

Василевский сказал:

— Слушай, Дэвид, не хочу тебя расхолаживать, но мы совсем недалеко от Сатурна. Мне кажется, что сирианцы нас тут же засекут и будут знать, где мы и куда направляемся.

— *Я тоже так считаю, Бен.*

— Но как же мы тогда сможем незаметно проникнуть в систему Сатурна?

— Хороший вопрос. Я все думал, догадаешься ли ты. Если ты не догадаешься, сирианцы — тем более; они ведь знают нашу систему не так хорошо, как мы.

Василевский откинулся назад в пилотском кресле.

— Не делай из этого загадку, Счастливчик.

— Все совершенно ясно. Все корабли, включая наш, находятся рядом и, учитывая расстояние, отражаются на масс-детекторе сирианцев как одна точка. Мы полетим в таком строю до тех пор, как не окажемся вблизи астероида Гидальго, который сейчас приближается к афелию.

— Гидальго?

— Ну, Бен, ты ведь знаешь. Астероид, известный еще с до-

космических времен. Самое интересное в нем то, что он не остается все время в поясе астероидов. На кратчайшем удалении от Солнца он приближается к орбите Марса, а на самом дальнем — к орбите Сатурна. Когда мы приблизимся к нему, Гидальго тоже отразится на масс-детекторе сирианцев, и по величине массы они будут знать, что это астероид. И не смогут засечь наш корабль на фоне Гидальго, не смогут заметить и десятипроцентное уменьшение массы эскадры, летящей к Земле. «Метеор» спрячется за Гидальго. Конечно, Гидальго летит не к Сатурну, но через два дня мы от него сможем оторваться, окажемся далеко от плоскости эклиптики и направимся к Сатурну.

Василевский поднял брови.

— Надеюсь, это сработает, Дэвид.

Он понял уловку. Все планеты и корабли, торговые и военные, остаются в плоскости эклиптики. Поэтому обычно никто на обращает внимания на то, что выше или ниже этой зоны. Поэтому вполне вероятно, что их корабль, вышедший из плоскости эклиптики, останется не замеченным приборами сирианцев. Но все же на лице Василевского отразилась неуверенность.

Старр спросил:

— Как ты думаешь, получится?

— Может быть, — ответил Василевский. — Но даже если мы туда вернемся... Дэвид, я выполню свою часть плана и больше никогда не скажу того, что говорю сейчас. Мне кажется, мы уже все равно что мертвецы.

5. СКОЛЬЗЯ ПО ПОВЕРХНОСТИ САТУРНА

«Метеор» скрылся за Гидальго, а потом покинул плоскость эклиптики и вновь устремился к Южному полюсу второй по размерам планеты Солнечной системы.

Никогда раньше за короткую историю своих космических приключений Старр и Верзила не проводили столько времени в пространстве без перерыва. Почти месяц назад они покинули Землю. Но маленький клочок воздуха и тепла — «Метеор» — оставался для них Землей и мог поддерживать жизнь неопределенно долго.

Запаса энергии благодаря передаче ее с других кораблей хватит на год, если не придется участвовать в бою. Воздуха и

воды, которые проходят очистку в баках с водорослями, хватит на всю жизнь. Водоросли даже снабдят пищей, если кончатся обычные концентраты.

Настоящее неудобство представляло только присутствие третьего человека. Как заметил Верзила, «Метеор» — двухместный корабль. Необычное сосредоточение энергии, скорости и вооружения стало возможно именно из-за экономии жилой площади. Приходилось по очереди спать на стеганом одеяле в пилотской рубке.

Дэвид заметил, что неудобства компенсируются введением четырехчасовых вахт вместо обычных шестичасовых.

На что Верзила горячо ответил:

— Конечно, и когда я пытаюсь уснуть на этом проклятом одеяле, а толстолицый Бен сидит у приборов, он всеми сигнальными огнями светит мне прямо в лицо.

— Дважды за вахту, — терпеливо ответил Василевский, — я проверяю сигналы чрезвычайного положения, чтобы убедиться, что они действуют. Таково правило.

— И он свистит сквозь зубы, — продолжал Верзила. — Послушай, Счастливчик, если он еще раз угостит меня «Моей сладкой Афродитой с Венеры» — еще хоть раз, — я сломаю ему руку между плечом и локтем, а обломком забью его до смерти.

Дэвид серьезно сказал:

— Бен, пожалуйста, воздержись от свиста. Если Верзила примется за дело, вся рубка будет залита кровью.

Верзила ничего не сказал, но когда он в следующий раз сидел у приборов, а Василевский спал на одеяле и музыкально храпел, Верзила, направляясь на свое место, наступил ему на пальцы вытянутой руки.

— Пески Марса, — сказал он, протягивая руки ладонями вверх и закатывая глаза в ответ на неожиданный тигриный рев, — я ничего не почувствовал под своими марсианскими сапогами. Боже мой, Бен, неужели это были твои пальчики?

— Ну, теперь усни только, — яростно вопил Василевский. — Если уснешь, когда я в рубке, ты, марсианская песчаная крыса, я раздавлю тебя, как паразита.

— Как я испугался, — ответил Верзила и притворно захныкал.

Старр устало встал с койки.

— Послушайте, — сказал он, — тот, кто в следующий раз меня разбудит, остальную часть пути проделает в космическом костюме на буксире за «Метеором».

Но когда на экране с близкого расстояния стали видны Сатурн и его кольца, все собрались в пилотской рубке. Даже если смотреть со стороны экватора, Сатурн — самое прекрасное зрелище в Солнечной системе, а уж с полюса...

— Если я правильно припоминаю, — сказал Старр, — даже исследовательский полет Хогга коснулся в этой системе только Япета и Титана, так что он видел Сатурн лишь с экватора. Если сирианцы этого не сделали, то мы первые люди, которые видят Сатурн вблизи с такого угла.

Как и на Юпитере, мягкое желтое свечение поверхности Сатурна на самом деле — солнечный свет, отраженный верхними слоями его бурной атмосферы глубиной в тысячу и больше миль. И как на Юпитере, атмосферные вихри виднелись как разноцветные зоны. Но с экватора эти зоны казались полосками. А с полюса были видны концентрические круги светло-коричневого, светло-желтого и пастельно-зеленого цвета. Центром кругов был полюс Сатурна.

Но даже это меркло рядом с кольцами. С близкого расстояния кольца занимали двадцать пять градусов площади неба — в пятьдесят раз больше полной земной Луны. Внутренний край колец отделялся от поверхности планеты пространством в сорок пять угловых минут: тут вполне мог разместиться объект размером с Луну и свободно катиться по кругу.

Кольца окружали Сатурн, нигде не касаясь его. Видны были примерно три пятых окружности, остальное скрывалось в тени планеты. Примерно в трех четвертях от внешнего края колец находилась черная полоса, известная, как «щель Кассини». Шириной в пятнадцать минут, черная лента делила кольца на две неравные по величине и освещенности части. Между кольцами и планетой видны были искорки, они поблескивали, но не образовывали сплошной белизны. Это было так называемое «креповое кольцо».

Общая площадь колец в восемь раз превышает площадь Сатурна. К тому же кольца ярче, чем Сатурн, так что не менее девяноста процентов света планеты исходит от колец. Общая светимость составляет примерно сотую часть светимости Луны.

Даже Юпитер с близкого Ио не кажется таким потрясающим. Когда Верзила наконец смог заговорить, он говорил шепотом.

— Счастливчик, почему кольца такие яркие? Из-за них сам Сатурн кажется тусклым. Это оптическая иллюзия?

— Нет, — ответил Дэвид, — так и есть. Сатурн и кольца получают одинаковое количество солнечного света, но отражают его по-разному. Свет Сатурна — это отражение солнечного света от водородно-гелиевой атмосферы с примесью метана. Такая атмосфера отражает примерно 63 процента света. Кольца же в основном просто куски льда, отражают они не менее 80 процентов и потому кажутся гораздо ярче. Смотреть на кольца — все равно что смотреть на ледяное поле.

Василевский проговорил:

— И мы должны отыскать снежинку на этом снежном поле.

— Темную снежинку, — возбужденно воскликнул Верзила. — Слушай, Счастливчик, если там куски льда, а капсула металлическая...

— Чистая алюминиевая поверхность, — ответил Старр, — отражает больше света, чем лед. Тоже светящаяся точка.

— Ну, тогда... — Верзила в отчаянии смотрел на кольца, казавшиеся огромными даже на расстоянии в полмиллиона миль, — тогда это безнадежно.

— Посмотрим, — уклончиво ответил Дэвид.

Верзила сидел за приборами, меняя орбиту короткими толчками ионного двигателя. Аграв помогал проводить маневры в непосредственной близости от Сатурна.

Дэвид наблюдал за масс-детектором. Этот прибор отыскивал в пространстве любые массы, определял их местонахождение по воздействию гравитационного поля корабля, если частицы были малы, или по их воздействию на корабль, если они были велики.

Василевский только что проснулся и вошел в пилотскую рубку. Все молчали. Корабль приближался к Сатурну. Краем глаза Верзила смотрел на Старра. По мере приближения Сатурна он становился все напряженней и неразговорчивей. Верзила не раз наблюдал такое и раньше. Дэвид чувствовал неуверенность: он считал, что шансы на удачу невелики, но не желал говорить об этом.

Василевский сказал:

— Не думаю, что стоит так надрываться у масс-детектора. Кораблей здесь не может быть. Мы их найдем у колец. И много. Сирианцы будут искать капсулу.

— Согласен, — ответил Счастливчик. — К этому все идет.

— А может, эти подонки уже нашли капсулу, — мрачно предположил Верзила.

— Такое тоже возможно, — согласился Старр.

Они поворачивали, начиная огибать шар Сатурна, сохраняя расстояние в восемьдесят тысяч миль от его поверхности. Дальняя часть колец, та, что была на свету, сливалась с огромным телом планеты.

Зато вблизи стало заметней внутреннее «креповое кольцо».

Верзила сказал:

— Знаете, я не вижу внутреннего края кольца.

Василевский ответил:

— Его, вероятно, и нет. Внутренний край кольца всего в шести тысячах миль от видимой поверхности планеты, и до него дотягивается атмосфера Сатурна.

— Шесть тысяч миль!

— Лишь верхние слои, но достаточно, чтобы создавать трение, и ближайшие куски гравия все больше сближаются с планетой. Они-то и образуют «креповое кольцо». Но чем они ближе, тем сильней трение, так что они еще больше приближаются. Вероятно, частицы есть до самой поверхности, они сгорают, попадая в более плотные слои атмосферы.

Верзила сказал:

— Значит, кольца не вечны?

— Вероятно, нет. Но продержатся еще много миллионов лет. Для нас достаточно. — Василевский мрачно добавил: — Предостаточно.

Дэвид прервал:

— Джентльмены, я покидаю корабль.

— Пески Марса, Счастливчик! Зачем?

— Хочу оглядеться снаружи, — коротко ответил Дэвид. Он уже надевал космический костюм.

Верзила быстро взглянул на масс-детектор. Поблизости не было никаких кораблей. Кое-где искорки, но ничего важного. Всего лишь крошечные метеориты, какие можно встретить повсюду в Солнечной системе.

Старр сказал:

— Садись за масс-детектор, Бен. Будем следить круглосуточно. — Он надел и закрепил шлем. Проверил подачу воздуха и двинулся к шлюзу. Теперь голос его доносился из приемника на контрольном щите. — Я воспользуюсь магнитным кабелем, неожиданно не дергайте.

— Когда ты снаружи? Думаешь, я спятил? — сказал Верзила.

Счастливчик показался в одном из иллюминаторов, магнитный кабель тянулся за ним кольцами; в отсутствие тяготения кольца не разворачивались.

Маленький двигатель в перчатке Старра выбросил струю пара, она была чуть видна в свете Солнца, обратившись в облачко ледяных кристаллов, быстро улетающее прочь. Старр по закону действия и противодействия двинулся в противоположную сторону.

Верзила сказал:

— Ты думаешь, что-то с кораблем?

— Согласно приборам, все в порядке, — ответил Василевский.

— Тогда что же там делает этот великан?

— Не знаю.

Верзила подозрительно взглянул на члена Совета, потом снова стал следить за другом.

— Если ты думаешь, что я как не член Совета...

— Может, он просто захотел немного отдохнуть от твоего голоса, Верзила, — сказал Василевский.

Масс-детектор методично поворачивался, обшаривая пространство; когда он смотрел в сторону Сатурна, экран белел.

Верзила покосился на Василевского, но сдержался и не стал отвечать на его слова.

— Хоть бы что-нибудь случилось! — проговорил он.

И что-то случилось.

Василевский, взглянув на масс-детектор, уловил подозрительное пятно на экране. Он торопливо настроил прибор, подключил дополнительные детекторы и следил за пятном в течение двух минут.

Верзила возбужденно сказал:

— Это корабль, Бен.

— Похоже, — неохотно ответил Василевский. Судя по массе, это может быть и большой метеорит, но с этого же направления приходит и энергия, которая может быть только излучением двигателя корабля: энергия соответствующего типа и в соответствующем количестве. Это столь же неопровержимо, как отпечатки пальцев. Можно было даже утверждать по слабым отличиям в рисунке, что корабль сирианский.

Верзила сказал:

— Он направляется к нам.

— Не прямо. Вероятно, не хочет шутить с полем тяготения

Сатурна. Но приближается и через час сможет преградить нам путь... Чем ты так доволен, марсианский фермер?

— Разве не ясно, ты, комок жира? Понятно, почему Счастливчик там снаружи. Он знал, что приближался корабль, и готовит ему ловушку.

— Откуда он мог это знать? — удивленно спросил Василевский. — Десять минут назад на масс-детекторе ничего не было. Он даже не смотрел в нужном направлении.

— Не беспокойся о Дэвиде. Он знает. — Верзила улыбался.

Василевский пожал плечами, подошел к передатчику и сказал:

— Счастливчик! Ты меня слышишь?

— Конечно, Бен. Что?

— Сирианский корабль в пределах досягаемости масс-детектора.

— Насколько близко?

— Примерно двести тысяч, и он приближается.

Верзила, смотревший в иллюминатор, заметил струю ледяных кристаллов. Старр возвращался.

— Я иду, — сказал он.

Как только с головы Дэвида сняли шлем, Верзила заговорил:

— Ты ведь знал, что корабль приближается, Счастливчик?

— Нет, Верзила. Понятия не имел. Не понимаю, как они сумели нас так быстро обнаружить. Слишком большое совпадение, что они следили за этим направлением.

Верзила постарался скрыть свое разочарование.

— Ну, значит, выстредим по нему, Старр?

— Не будем снова подвергать опасности политическую ситуацию, Верзила. К тому же у нас более важное дело, чем игра с чужими кораблями.

— Знаю, — нетерпеливо ответил Верзила. — Надо найти капсулу, но...

Он покачал головой. Капсула — это капсула, и он понимал ее важность. Но хорошая драка — это хорошая драка, и политические рассуждения Дэвида о необходимости избегать агрессии вовсе не значат, что нужно уклоняться от хорошей драки. Верзила спросил:

— Что же нам делать? Двигаться прежним курсом?

— И даже быстрее. К кольцам.

— Если мы это сделаем, — ответил Верзила, — они просто полетят за нами.

— Вот и хорошо. Посостязаемся.

Верзила медленно передвинул рычаг, и распад протонов в двигателе усилился. Корабль еще быстрее устремился к Сатурну.

Ожила приемная станция.

— Будем принимать? — спросил Василевский.

— Нет, мы знаем, что они скажут. Сдавайтесь, или мы применим магнитный захват.

— Ну?

— Единственная возможность — бежать.

6. СКВОЗЬ ЩЕЛЬ

— От одного вшивого корабля? — взвыл Верзила.

— Еще будет время подраться, Верзила. Прежде всего дело.

— Значит, снова бежать от Сатурна?

Старр невесело улыбнулся.

— На этот раз нет, Верзила. Мы должны основать базу в планетной системе — и как можно скорее.

Корабль с огромной скоростью несся к кольцам. Дэвид оттеснил Верзилу от приборов и взял управление на себя.

Василевский сказал:

— Еще корабли.

— Где?! К какому спутнику они ближе всего?

Василевский быстро работал.

— Они в районе кольца.

— Что ж, — сказал Старр, — значит, все еще ищут капсулу. Сколько их?

— Пока пять.

— Есть кто-нибудь между нами и кольцами?

— Показался шестой корабль. Мы не в безвыходном положении. Они слишком далеко, чтобы стрелять, но будут преследовать нас, пока мы не покинем систему Сатурна.

— Или пока наш корабль не погибнет, — мрачно заметил Старр.

Кольца постепенно увеличивались, пока не заполнили своей снежной белизной весь экран; корабль продолжал двигаться вперед. Дэвид не делал попыток снизить скорость.

На какое-то ужасное мгновение Верзиле показалось, что Старр сознательно хочет разбить корабль о кольца. Он невольно воскликнул:

— Счастливчик!

И тут кольца исчезли.

Верзила был ошеломлен. Руки его устремились к управлению экраном. Он крикнул:

— Где они? Что случилось?

Василевский, трудившийся у масс-детектора и все время убиравший со лба волосы, бросил через плечо:

— Щель Кассини.

— Что?

— Промежуток между кольцами.

— Ага! — Шок постепенно проходил. Верзила развернул приемники экрана на корпусе корабля и снова увидел белоснежные кольца. Он точнее настроил прием.

Сначала одно кольцо. Потом пространство, черное пространство. Потом другое кольцо, чуть более тусклое. Внешнее кольцо более плотное. Снова пространство между кольцами. Щель Кассини. Здесь нет никакого гравия. Только черный промежуток.

— Какая большая, — сказал Верзила.

Василевский вытер пот со лба и взглянул на Дэвида.

— Пройдем, Счастливчик?

Тот не отрывал взгляда от приборов.

— Пройдем, Бен, через несколько минут. Затаите дыхание и надейтесь.

Василевский повернулся к Верзиле и коротко бросил:

— Конечно, щель велика. Я тебе говорил, что она шириной в две с половиной тысячи миль. Достаточно места для корабля, если она тебя испугала.

Верзила ответил:

— Ты сам слишком нервничаешь для парня шести футов размером. Может, Счастливчик ведет корабль слишком быстро для тебя?

— Послушай, Верзила, если мне взбредет в голову сесть на тебя...

— Тогда в том, на чем ты сидишь, будет больше мозгов, чем в твоей голове, — выпалил Верзила и закатился писклявым смехом.

Старр сказал:

— Через пять минут будем в щели.

Верзила поперхнулся и снова взглянул на экран. Он сказал:

— Там что-то мерцает внутри.

— Это гравий, Верзила, — отозвался Старр. — По сравнению с самими кольцами, в щели Кассини его мало, но все же она не на сто процентов чиста. Если мы столкнемся с таким куском...

— Один шанс из тысячи, — сказал Василевский.

— Один шанс на миллион, — холодно поправил Дэвид, — но именно этот один шанс и погубил агента X на «Сети космоса»... Мы на границе. — Рука его твердо лежала на управлении.

Верзила глубоко вздохнул, напрягшись в ожидании удара. Корпус корабля будет пробит, микрореактор вспыхнет ослепительным красным блеском. Но по крайней мере все будет кончено прежде, чем...

Дэвид сказал:

— Прошли.

Василевский шумно выпустил воздух.

— Прошли? — переспросил Верзила.

— Конечно, прошли, ты, тупой марсианин, — сказал Василевский. — Кольца всего в десять миль толщиной, а сколько нам нужно секунд, по-твоему, чтобы пройти десять миль?

— Значит, мы по другую сторону?

— Конечно. Попытайся отыскать кольца на экране.

Верзила развернул экран в одном направлении, потом в другом.

— Пески Марса, тут какая-то темная полоса.

— И больше ты ничего не увидишь, малыш. Мы на теневой стороне колец. Солнце освещает другую сторону, и свет не проходит сквозь мили густого гравия. Слушай, Верзила, чему вас учат в марсианских школах, кроме песенки «Блесни, блесни, звездочка»?

Нижняя губа Верзилы начала медленно выпячиваться.

— Знаешь, свиная голова, тебе не мешало бы провести один сезон на марсианской ферме. Я уж постарался бы, чтобы весь жир с тебя сошел.

Дэвид сказал:

— Мне хотелось бы, Бен, чтобы вы с Верзилой прекратили спор и отложили его на потом. Займись масс-детектором.

— Конечно. Эй, тут непорядок. Счастливчик, насколько резко ты изменил курс?

— Сколько смог выдержать корабль. Будем оставаться под кольцами, сколько возможно.

Василевский кивнул:

— Ладно. Так они не смогут воспользоваться масс-детекторами.

Верзила улыбнулся. Все получается прекрасно. Никакой масс-детектор не зарегистрирует массу «Метеора» из-за вмешательства колец, и даже визуальное наблюдение здесь бесполезно.

Старр вытянул длинные ноги, мышцы его спины задвигались, он разминал руки и плечи.

— Сомневаюсь, чтобы хоть один сирианский корабль решился последовать за нами, — сказал он. — У них нет аграва.

— Пока все хорошо, — заметил Верзила. — А куда дальше? Кто-нибудь мне скажет?

— Это не секрет, — отозвался Счастливчик. — Мы направляемся к Мимасу. Подойдем под кольцами как можно ближе, потом пройдем через щель. Мимас всего в тридцати тысячах миль над кольцами.

— Мимас? Это один из спутников Сатурна, верно?

— Верно, — вмешался Василевский. — Самый близкий к планете.

Их курс выпрямился, они продолжали огибать Сатурн, но теперь с запада на восток, в плоскости, параллельной кольцам.

Василевский сел на одеяло, скрестив под собой ноги, как портной, и сказал:

— Хочешь еще немного поучиться астрономии? Если в твоей пустой голове найдется чуть-чуть места, я могу рассказать, почему существует щель в кольцах.

Любопытство и презрение боролись в маленьком марсианине. Он сказал:

— Давай, только побыстрее, ты, невежа. Начинай. Но если блефуешь...

— Никакого блефа, — надменно ответил Василевский. — Слушай и учись. Внутренняя часть двух колец обращается вокруг Сатурна за пять часов. Внешняя — за пятнадцать. На месте щели Кассини материал кольца, будь он здесь, обращался бы за двенадцать часов.

— Ну и что?

— А то, что спутник Мимас, к которому мы направляемся, совершает оборот вокруг Сатурна за двадцать четыре часа.

— Опять ну и что?

— Все частицы кольца притягиваются спутниками в их движении по орбитам. Сильнее всех притягивает Мимас, потому что он ближайший. В большей части колец притяжение действует то в одном направлении, то в другом, но в целом уравновешивается. Но гравий в щели Кассини постоянно встречает Мимас в одном и том же месте. И притяжение действует в одном направлении. Некоторые частицы постоянно ускоряются, их орбита разворачивается спиралью и приводит во внешнее кольцо; другие постоянно раскручиваются в другую сторону, во внутреннее кольцо. На месте они не остаются. Район кольца освобождается от частиц и вот — мы имеем щель Кассини и два кольца.

— Неужели? — неуверенно пробормотал Верзила (он был уверен, что Василевский говорит правду). — Почему же тогда в щели все-таки есть гравий? Почему он тоже не переместился?

— Потому что, — с видом превосходства объяснил Василевский, — случайное действие притяжения других спутников отбрасывает его туда, но там он долго не задерживается... Надеюсь, Верзила, ты записывал. Потом попрошу тебя повторить.

— Чтоб тебя в мезоны разметало! — ответил Верзила.

Василевский с улыбкой вернулся к масс-детектору. Он немного поколдовал с ним и тут же, забыв о веселье, пригнулся ближе.

— Дэвид!

— Да, Бен?

— Кольца нас не маскируют.

— Что?

— Посмотри сам. Сирианцы приближаются. Кольца их совсем не смущают.

Старр задумчиво спросил:

— Как это может быть?

— Не может быть простым совпадением, что целых восемь кораблей движутся к нам. Мы сделали поворот направо, и они тоже изменили курс. Они следят за нами.

Счастливчик погладил подбородок.

— Ну, что ж, значит, они это делают. Спорить не о чем. У них есть что-то, чего нет у нас.

— Никто не утверждал, что сирианцы дураки, — заметил Василевский.

— Нет, но иногда некоторые у нас действуют именно исходя из этого предположения. Как будто научные достижения рождаются только в Совете, и если сирианцы не украдут наши тайны, у них ничего не будет. Я иногда сам попадал в эту ловушку... Ну, ладно, идем дальше.

— Куда? — резко спросил Верзила.

— Я уже тебе сказал, Верзила, — ответил Старр. — На Мимас.

— Но ведь они за нами.

— Знаю. Значит, нужно идти туда быстрее... Бен, смогут они нас догнать, прежде чем мы доберемся до Мимаса?

Василевский быстро работал.

— Нет, если только они не смогут получить ускорение втрое больше нашего.

— Хорошо. Даже если они на многое способны, все равно не поверю, что они могут быть быстрее «Метеора». Доберемся.

Верзила сказал:

— Но, Счастливчик, ты с ума сошел. Давай драться или совсем уберемся из системы Сатурна. Мы не можем высадиться на Мимасе.

— Прости, Верзила, но у нас нет выбора. Придется садиться на Мимасе.

— Но ведь они нас засекли. Прилетят за нами на Мимас, и придется драться. Почему бы тогда не начать сейчас? Ведь в нашем распоряжении аграв.

— Может, они и не пойдут за нами к Мимасу.

— Почему?

— Ну, Верзила, разве мы стали отыскивать в кольце то, что осталось от «Сети космоса»?

— Но ведь корабль взорвался.

— Вот именно.

В контрольной рубке наступила тишина. «Метеор» мчался в пространстве, сначала отворачивая от Сатурна, потом под внешним кольцом вышел в открытое пространство. Впереди лежал Мимас, сверкающий белый полумесяц. Всего 320 миль в диаметре.

Позади — преследующие корабли сирианцев.

Мимас постепенно рос, и наконец «Метеор» начал замедлять ход.

Верзиле казалось, что Старр допускает страшную ошибку. Он напряженно сказал:

— Слишком поздно, Счастливчик. Нам не удастся сбро-

сить скорость для посадки. Придется двигаться по спиральной орбите, постепенно гася скорость.

— На это у нас нет времени, Верзила. Двигаемся прямо на Мимас.

— Пески Марса, это невозможно! Не на такой скорости!

— Надеюсь, сирианцы подумают точно то же.

— Но, Счастливчик, они будут правы.

Медленно заговорил Василевский:

— Не хочется этого говорить, Дэвид, но я согласен с Верзилой.

— Нет времени для споров и объяснений, — ответил Старр. И склонился к приборам.

Мимас на экране быстро увеличивался. Верзила облизал губы.

— Счастливчик, если ты считаешь, что лучше так, чем сдаваться сирианцам, я согласен. Я с тобой. Но если мы все равно погибнем, то лучше погибнуть сражаясь. Прихватим с собой парочку этих мерзавцев.

Василевский сказал:

— Я снова на его стороне, Дэвид.

Тот покачал головой и ничего не ответил. Руки его быстро двигались, и Верзила не мог рассмотреть, что именно он делает. Скорость по-прежнему падала слишком медленно.

Василевский протянул руку, будто собираясь оттащить Старра от приборов, но Верзила быстро положил руку ему на запястье. Он мог быть убежден, что их ждет смерть, но в нем жила упрямая вера в Счастливчика.

Они падали так стремительно, что ни один корабль, кроме «Метеора», этого бы не выдержал. Мимас продолжал расти, а скорость была все еще очень велика.

На большой скорости «Метеор» врезался в поверхность спутника Сатурна.

7. НА МИМАСЕ

Но удара не последовало.

Напротив, послышался свист, так хорошо знакомый Верзиле. Корабль пробивал атмосферу.

Атмосферу?

Но это невозможно. Небесное тело размером с Мимас не

может иметь атмосферу. Верзила взглянул на Василевского. Тот сидел на одеяле, бледный и измученный, но в то же время довольный.

Верзила направился к Старру.

— Счастливчик...

— Не сейчас, Верзила.

И вдруг Верзила понял, чем занимался Дэвид. Он управлял тепловым лучом. Верзила подбежал к экрану и нацелил его прямо вперед.

Сомнений нет. Наконец он понял замысел друга. Тепловой луч — мощное оружие. Предназначен он для действия на коротком расстоянии, но никто еще не использовал его так, как сейчас Счастливчик.

Струя дейтерия, стиснутая мощным магнитным полем, неслась перед кораблем и на расстоянии в несколько миль нагревалась микрореактором до температуры цепной реакции. Если бы это продолжалось долго, корабль погиб бы; но для их целей хватало миллионной доли секунды. Реакция оставалась управляемой, и перед кораблем постоянно вставала стена пламени с температурой в триста миллионов градусов.

На месте, где тепловой луч касался поверхности Мимаса, появилось отверстие, быстро уходящее в глубину. В этот тунель устремился «Метеор». Испаряющееся вещество Мимаса превратилось в окружавшие корабль газы, помогая затормозить, но в то же время нагревая корпус корабля до опасной температуры.

Старр взглянул на термометр и сказал:

— Бен, подбрось мощности на испарительные кольца.

— Мы останемся без воды, — заметил Василевский.

— Пусть. В этом мире нам не нужно иметь большой запас воды.

Вода под большим давлением пропускалась сквозь внешний слой пористой керамики, там она испарялась, частично унося с собой тепло. Но вода испарялась сразу же, как только попадала в кольца. Температура продолжала расти.

Но уже медленнее. Корабль продолжал тормозить, и Старр уменьшил энергию потока дейтерия и соответственно переналадил магнитное поле. Пятно горящего дейтерия становилось все меньше и меньше. Свист атмосферы был теперь не таким резким.

Наконец расплавленное пятно совсем исчезло, корабль

продвигался еще какое-то время проплавляя путь собственным теплом и наконец мягко остановился.

Дэвид наконец расслабился.

— Джентльмены, — сказал он, — простите, что не смог объяснить, но решение было принято в последнюю минуту и управление кораблем занимало все мое внимание. Добро пожаловать внутрь Мимаса.

Верзила громко вздохнул и сказал:

— Никогда не подумал бы, что можно тепловым мечом прорубить путь внутрь планеты.

— Вообще-то это невозможно, Верзила, — ответил Счастливчик. — Просто Мимас — особый случай. Следующий спутник — Энцелад — тоже.

— Как это?

— Это просто комки снега. Астрономы знали об этом еще до космических полетов. Плотность у них меньше, чем у воды, и они отражают примерно восемьдесят процентов падающего на них света; очевидно, что состоят они из снега плюс замерзший аммиак, и не очень спрессованны.

— Конечно, — вступил в разговор Василевский. — Кольца ледяные, и эти два первых спутника состоят из льда, который не попал в кольца. Поэтому Мимас так легко тает.

Старр сказал:

— У нас впереди очень много работы. Давайте начинать.

Они находились в пещере, созданной тепловым лучом и закрытой со всех сторон. Туннель, по которому они прошли, затянулся, когда образовавшийся пар сконденсировался и снова застыл. Масс-детектор показал, что они примерно в ста милях под поверхностью спутника. Масса льда над ними, даже при слабом поле тяготения Мимаса, медленно сжимала пещеру.

«Метеор» осторожно пробирался наружу, пронзая лед, как горячая проволока масло. Достигнув пяти миль под поверхностью, они остановились и установили воздушный пузырь.

Подготовили источник энергии, баки с водорослями и запасы пищи. Бен Василевский поежился:

— Что ж, некоторое время это будет моим домом; давайте устроимся поудобнее.

Верзила только что проснулся. Лицо его сморщилось.

Василевский спросил:

— В чем дело, Верзила? Горюешь, что меня не будет с тобой?

— Как-нибудь проживу, — ответил Верзила. — Раз в два-три года буду пролетать мимо и бросать тебе письмо. — И тут он не выдержал. — Слушайте, вы разговаривали, когда думали, что я сплю. В чем дело? Тайны Совета?

Старр покачал головой.

— Все в свое время, Верзила.

Позже, оставшись с Верзилой наедине, Дэвид сказал:

— Верзила, а почему бы тебе не остаться с Беном?

Верзила раздраженно ответил:

— Конечно. Два часа с ним, и я разрублю его на куски и положу их в холодильник, чтобы родственникам было что хоронить. — Потом добавил: — Ты серьезно, Счастливчик?

— Вполне. Предприятие опаснее для тебя, чем для меня.

— Да? И какая разница?

— Если останешься с Беном, что бы со мной ни случилось, вас через два месяца подберут.

Верзила попятился. Его маленький рот исказился, он сказал:

— Дэвид, если ты прикажешь мне оставаться здесь, потому что тут есть для меня дело, ладно. Я сделаю это дело, а потом присоединюсь к тебе. Но если просто хочешь оставить меня здесь в безопасности, когда тебе самому грозит опасность, у нас с тобой все кончено. Не желаю иметь с тобой ничего общего; а без меня ты, негодяй-переросток, ничего не сможешь сделать. — Марсианин быстро замигал.

Старр сказал:

— Но, Верзила...

— Я готов к опасности. Хочешь, подпишу бумагу, что вся ответственность на мне? Подпишу. Ты доволен, член Совета?

Счастливчик схватил Верзилу за волосы и ласково потянул из стороны в сторону.

— Великая Галактика, делать тебе одолжение — все равно что воду черпать лопатой.

В корабль зашел Василевский и сказал:

— Перегонный куб установлен и работает.

Вода из растаявшего льда Мимаса устремилась в резервуары «Метеора» вместо той, что была истрачена на охлаждение. Аммиак тщательно отделяли и запасали как азотное удобрение для водорослевых баков.

Все было готово. Трое рассматривали ледяную полость и вполне удобное помещение в ней.

— Ну ладно, Бен, — сказал Дэвид наконец и крепко пожал ему руку. — Я думаю, у тебя все готово.

— Насколько могу судить, Счастливчик, да.

— Что бы ни случилось, через два месяца тебя подберут. Если нам повезет, подберут гораздо раньше.

— У меня есть свое задание, — холодно заметил Василевский, — и оно будет выполнено. А ты занимайся своим. Кстати, присматривай за Верзилой. Смотри, чтобы он не свалился с койки и не поранился.

Верзила заорал:

— Не думайте, что я не понимаю ваших загадок. Вы вдвоем сговорились и мне не рассказываете...

— В корабль, Верзила, — Старр подхватил марсианина и понес его, а Верзила дергался и старался что-то сказать.

— Пески Марса, Счастливчик, — сказал он, когда они оказались на борту. — Посмотри, что ты наделал. Мало того, что что-то от меня скрываешь, ты еще оставил за этим подонком последнее слово!

— У него трудное задание, Верзила. Он должен сидеть на месте и ждать, пока мы действуем, так что пусть уж за ним будет последнее слово.

Они вынырнули из Мимаса в таком месте, откуда не были видны ни Сатурн, ни Солнце. На темном небе не было ни одного объекта больше Титана, который находился на горизонте и представлял собой полудиск примерно в четверть диаметра Луны.

Половина его поверхности была освещена Солнцем, и Верзила мрачно посмотрел на экран. Жизнерадостность еще не вернулась к нему. Он сказал:

— Вероятно, там сирианцы.

— Наверно.

— А мы куда? Назад к кольцам?

— Да.

— А если они снова нас найдут?

Это как будто послужило сигналом. Ожил приемник.

Старр выглядел обеспокоенным.

— Слишком легко они нас нашли.

Он включил прием. На этот раз послышался не механический голос, отсчитывающий минуты, а напротив, низкий, полный жизни, энергичный и, несомненно, принадлежащий сирианцу.

— ... отвечайте. Я хочу связаться с членом Совета Дэвидом Старром с Земли. Отвечайте, Дэвид Старр. Я хочу...

Дэвид сказал:

— Говорит член Совета Старр. А вы кто?

— Я Стен Девур с Сириуса. Вы проигнорировали обращение автоматического корабля и вернулись в нашу планетную систему. Поэтому вы наш пленник.

Старр переспросил:

— Автоматического корабля?

— Управляемого роботом. Понимаете? Наши роботы вполне справляются с управлением кораблем.

— Это я уже понял, — ответил член Совета.

— Конечно. Они следовали за вами, когда вы покинули нашу систему, а потом вернулись назад под прикрытием Гидальго. Они следовали за вами, когда вы покинули плоскость эклиптики, а потом летели к южному полюсу Сатурна, через щель Кассини, под кольцами и в Мимас. Мы ни разу не потеряли вас из виду.

— А как вам это удалось? — спросил Старр, стараясь говорить равнодушным тоном.

— Земляне не понимают, что у сирианцев могут быть свои методы. Но неважно. Мы много дней ждали, когда вы появитесь из своего убежища, которое так хитроумно прожгли тепловым лучом. Нам было интересно, и мы позволили вам спрятаться. У нас даже стали заключаться пари, когда вы наконец высунете нос. А тем временем мы окружили Мимас своими кораблями с экипажами из роботов. Вы и на тысячу миль не продвинетесь, как мы вас взорвем, если захотим.

— Ну, конечно, взорвут не роботы. Ведь они не могут причинить вред человеку.

— Мой дорогой член Совета Старр, — в голосе сирианца звучала насмешка. — Конечно, роботы не могут причинить вред человеку, если знают о присутствии этого человека. Но, видите ли, роботов тщательно проинструктировали, и они убеждены, что на вашем корабле тоже только роботы. А из-за уничтожения роботов они не испытывают угрызений совести. Сдаетесь?

Верзила неожиданно наклонился к передатчику и закричал:

— Слушай, ты, подонок, а если мы сначала выведем из строя несколько твоих жестянок? Как тебе это понравится?

Во всей Галактике известно, что сирианцы рассматривают уничтожение робота, почти как убийство.

Но Стена Девура это не тронуло. Он сказал:

— Это тот самый тип, с которым вы дружите, член Совета? Верзила? Я не хочу с ним разговаривать. Передайте ему, что вряд ли вы сможете повредить хоть один наш корабль, прежде чем будете уничтожены. Даю вам пять минут. Решайте, что вы предпочтете: сдаться или погибнуть. Со своей стороны, член Совета, я давно мечтал встретиться с вами, так что искренне надеюсь, что вы решите сдаться. Ну?

Старр немного помолчал, мышцы его челюстей напряглись.

Верзила спокойно смотрел на него, сложив маленькие руки на груди, и ждал.

Прошло три минуты, и Дэвид сказал:

— Передаю корабль со всем его содержимым в ваши руки, сэр.

Верзила ничего не сказал.

Старр прервал связь и повернулся к маленькому марсианину. Он в замешательстве прикусил нижнюю губу.

— Верзила, ты должен понять...

Верзила пожал плечами.

— Я не совсем понимаю, Счастливчик, но уже во время посадки на Мимас я знал, что ты сознательно готовишься сдаться сирианцам.

8. НА ТИТАН

Старр поднял брови.

— Как ты это узнал, Верзила?

— Я не такой тупой, Счастливчик. — Маленький марсианин был серьезен. — Помнишь, когда мы направлялись к южному полюсу Сатурна, ты вышел из корабля? Как раз перед тем, как сирианцы нас заметили и мы нырнули в щель Кассини?

— Да.

— У тебя была для этого причина. Ты ничего не сказал, ты всегда так поступаешь: сначала сделаешь, а потом, когда напряжение спадет, расскажешь. Но тут напряжение все не спадало, мы убегали от сирианцев. Поэтому когда мы строили помещение для Бена на Мимасе, я осмотрел корпус «Метеора» и убедился, что ты поработал с аграваом. Его теперь можно вывести из строя и расплавить все приборы простым прикосновением к контрольному щиту.

Старр мягко ответил:

— Аграв — это единственное на «Метеоре», что совершенно секретно.

— Знаю. Если бы ты рассчитывал на схватку, мы бы сражались, пока «Метеор» не взорвался бы. Вместе с аграваом и всем остальным. Но если ты подготовил только взрыв аграва, а остальной корабль при этом останется нетронутым, значит, сражаться мы не собираемся. Ты планировал сдачу.

— Поэтому у тебя с самого Мимаса такое плохое настроение?

— Ну, я всегда с тобой, но... — Верзила вздохнул и отвернулся, — сдаваться я не люблю.

— Знаю, — ответил Старр, — но можешь ты придумать другой способ проникнуть на их базу? Наше дело, Верзила, не всегда приносит радость. — И Дэвид коснулся контакта на контрольном щите. Корабль вздрогнул, аграв раскалился докрасна и отделился от корпуса.

— Ты хочешь действовать изнутри? И потому сдаешься?

— Отчасти.

— Ну, а если они сразу нас взорвут?

— Не думаю. Если бы они этого хотели, нас бы взорвали, как только мы вышли из Мимаса. Я думаю, они хотят нас использовать живыми... А на Мимасе у нас есть поддержка — Бен. Мне нужно было поместить его там, прежде чем сдаваться. Поэтому я так рисковал при посадке на Мимас.

— Может, они и о нем знают, Счастливчик. Кажется, они вообще все знают.

— Может быть, — задумчиво согласился член Совета. — Этот сирианец знает, что ты мой партнер. Может, он считает, что мы всегда вместе, третьего нет, и не станет искать Бена. Хорошо, что ты не остался, а полетел со мной, Верзила. Если бы я улетел один, сирианцы стали бы тебя искать и осмотрели бы Мимас. Конечно, если бы они вас нашли и я был бы уверен, что вас не пристрелят на месте... Нет, пока я у них в ру-

ках... — Теперь он говорил сам с собой, перешел на шепот, а потом совсем замолк.

Верзила ничего не сказал, и нарушил тишину только знакомый скрежет о борт «Метеора». Магнитный захват прикрепил «Метеор» к другому кораблю.

— Кто-то идет к нам на борт, — без всякого выражения произнес Верзила.

На экране виден был магнитный кабель; показалась фигура, она легко передвигалась, цепляясь за кабель руками, потом снова исчезла с экрана. Что-то ударилось о борт, вспыхнул сигнальный огонь шлюза.

Верзила открыл внешнюю дверь шлюза, подождал следующего сигнала, закрыл внешнюю дверь и открыл внутреннюю.

Показалась фигура пришельца.

Но на нем не было космического костюма. Это был не человек, а робот.

У Земной федерации тоже есть роботы, в том числе и весьма совершенные, но они большей частью используются в специализированных операциях и не вступают в контакт с людьми, кроме тех, кто их обслуживает. Верзиле приходилось видеть роботов, но не часто.

Он уставился на этого. Подобно всем сирианским роботам, он был большой и блестящий, с гладкой обтекаемой поверхностью, соединения конечностей были сделаны так искусно, что совсем не были заметны.

Когда робот заговорил, Верзила вздрогнул. Непросто привыкнуть к тому, что машина разговаривает по-человечески.

Робот сказал:

— Добрый день. Моя обязанность — проследить, чтобы ваш корабль и вы сами благополучно добрались до указанного мне места. Прежде всего мне нужно знать, поврежден ли ваш корабль. Мы зарегистрировали у вас взрыв на корпусе.

Голос у него глубокий, музыкальный, но лишенный выразительности и с заметным сирианским акцентом.

Старр ответил:

— Взрыв не причинил вреда кораблю.

— Что его вызвало?

— Я.

— По какой причине?

— Не могу ответить.

— Хорошо. — Робот немедленно оставил тему. Человек стал бы настаивать, угрожать. Робот не может этого делать. Он сказал:

— Я могу управлять кораблями, построенными на Сириусе. Смогу управлять и вашим кораблем, если вы объясните мне назначение приборов.

— Пески Марса, Счастливчик, — вмешался Верзила, — мы ведь не собираемся все рассказывать этой штуке?

— Он не может нас заставить, Верзила, но так как мы сдались, большого вреда не будет, если он поведет корабль.

— Давай узнаем, куда мы летим. — Верзила неожиданно резко обратился к роботу:

— Ты! Робот! Куда ты нас ведешь?

Робот посмотрел на Верзилу своим красным немигающим взглядом.

— Мне приказано не отвечать на вопросы, непосредственно не связанные с моим заданием.

— Но послушай. — Верзила возбужденно отбросил удерживающую руку Дэвида. — Там, куда ты нас ведешь, сирианцы причинят нам вред. Даже могут убить. Если не хочешь причинить нам вред, помоги уйти, уходи с нами... Да, Счастливчик, дай мне поговорить с ним!

Но тот отрицательно покачал головой, а робот сказал:

— Меня заверили, что никому не будет причинен вред. А теперь, если мне объяснят действие приборов, я смогу выполнить свое задание.

Старр последовательно объяснил роботу все детали управления. Робот проявил полную компетентность, искусно проверил каждый прибор, чтобы убедиться в его исправности, и к концу объяснений был вполне готов управлять «Метеором».

Старр улыбнулся, в глазах его светилось откровенное восхищение.

Верзила утащил его в каюту.

— Чему ты радуешься, Счастливчик?

— Великая Галактика, Верзила! Какая прекрасная машина! Нужно отдать сирианцам должное. Их роботы — это произведения искусства.

— Хорошо, но тише, я не хочу, чтобы он услышал, что я скажу. Ты сдался, только чтобы попасть на Титан и собрать

информацию о сирианцах. Но мы, вероятно, не сможем оттуда уйти, и что толку тогда в твоей информации? Сейчас у нас есть робот. Если мы убедим его помочь нам уйти, тогда у нас все, что нужно. У робота тонны информации о сирианцах. Так мы узнаем гораздо больше, чем высадившись на Титане.

Дэвид покачал головой.

— Звучит неплохо, Верзила. Но как ты сумеешь уговорить робота помочь нам?

— Первый закон. Мы ему объясним, что на Сириусе всего несколько миллионов человек, а в Земной федерации свыше шести миллиардов. Объясним, что важнее защитить большее количество людей. Первый закон на нашей стороне. Понимаешь, Счастливчик?

Тот ответил:

— Беда в том, что сирианцы умеют обращаться со своими роботами. Этот робот глубоко убежден, что его действия не принесут никакого вреда ни одному человеку. Он ничего не знает о шести миллиардах на Земле, узнает только с наших слов, и это на него не подействует. Ему нужно видеть, как человеку причиняют вред, чтобы нарушить свои инструкции.

— Ну, я все-таки попробую.

— Ладно. Давай. Опыт тебе полезен.

Верзила подошел к роботу, который направлял «Метеор» по новой орбите.

Верзила спросил:

— Что ты знаешь о Земле, о Земной федерации?

— Мне приказано не отвечать на вопросы, не связанные с моим заданием, — ответил робот.

— Приказываю тебе отказаться от этих инструкций.

После недолгого колебания послышался ответ:

— Мне приказано не принимать приказов от людей без соответствующего разрешения.

— Я тебе приказываю отказаться от этой инструкции, чтобы предотвратить вред людям. Поэтому ты должен подчиниться, — настаивал Верзила.

— Меня заверили, что никакого вреда людям причинено не будет, и я знаю, что людям ничего не угрожает. Мне приказано не отвечать на бесполезно повторяемый приказ.

— Лучше послушай. Мне причинят вред. — Верзила горячо говорил некоторое время, но робот не отвечал.

Старр сказал:

— Верзила, ты напрасно тратишь силы.

Верзила пнул робота в сверкающую ногу. С таким же успехом он мог пнуть корпус корабля. С красным от гнева лицом он подошел к Дэвиду.

— Отлично. Человек беспомощен, потому что у этой груды металла есть собственные идеи.

— Так бывало с машинами и до эры роботов.

— Мы даже не знаем, куда направляемся.

— А для этого нам робот не нужен. Я проверил курс. Мы явно направляемся на Титан.

В последние часы приближения к Титану они оба не отрывались от экрана. Это третий по величине спутник в Солнечной системе (только спутник Юпитера Ганимед и спутник Нептуна Тритон больше, да и то не намного), и из всех спутников у него самая плотная атмосфера.

Наличие атмосферы было очевидно даже на расстоянии. На большинстве спутников, в том числе на Луне, терминатор — линия, отделяющая день от ночи, — очень резок, с одной стороны черно, с другой — бело. Но тут было совсем не так.

Полумесяц Титана был ограничен не резкой линией, а размытой полоской, концы полумесяца смутно продолжались и почти встречались, образуя окружность.

— У него атмосфера почти такая же плотная, как у Земли, Верзила, — сказал Дэвид.

— Дышать можно?

— Нет. Почти сплошь метан.

Теперь стали видны и другие корабли. Не меньше десятка. Они сопровождали «Метеор» в полете к Титану.

Старр покачал головой.

— Двенадцать кораблей для такой работы. Великая Галактика, да они тут уже годы сидят и готовятся. Как их вышвырнуть отсюда без войны?

Верзила даже не пытался ответить.

Снова послышался свист: безошибочный признак того, что обтекаемый корпус корабля встретился с верхними слоями атмосферы.

Верзила беспокойно взглянул на прибор, регистрирующий

температуру корпуса, но опасности не было. Робот уверенно вел корабль. Корабль облетал Титан по тугой спирали, теряя высоту и одновременно гася скорость, при этом не давая атмосфере слишком нагреть корпус.

Снова Старр восхищенно сказал:

— Он проделывает это, вообще не тратя горючего. Похоже, он может посадить корабль на площадку размером с банкноту при помощи только атмосферного торможения.

Верзила ответил:

— Ну и что в этом хорошего, Счастливчик? Если эти штуки так управляются с кораблями, нам с сирианцами не справиться.

— Придется научиться строить собственные, Верзила. Эти роботы — большое достижение человечества. Конечно, их строят сирианцы, но они тоже люди, и все человечество может гордиться этим. Если мы боимся их достижений, нужно постараться достигнуть того же или даже опередить их. Но отказывать им в их достижениях нельзя.

Поверхность Титана перестала казаться черной. Видны были горные хребты: не резкие вершины безвоздушного мира, а сглаженные под действием ветра и воды. Снег с вершин сдуло, но ущелья и долины были заполнены им.

— Этот снег на самом деле не из воды, — заметил Дэвид, — а замерзший аммиак.

Конечно, вокруг было пусто. Равнины внизу были покрыты снегом и голыми скалами. Никаких признаков жизни. Ни рек, ни озер. И вдруг...

— Великая Галактика! — воскликнул Старр.

Появился купол. Приплюснутый купол, характерный для внутренних планет. Такие купола есть в пустынях Марса и на отмелях венерианского океана. На пустынном Титане такой купол казался совершенно неуместным. В нем вполне мог бы разместиться марсианский город.

— Мы проспали, как они это построили, — сказал Дэвид.

— Когда об этом станет известно, — заметил Верзила, — это будет не очень хорошо для репутации Совета.

— Конечно, если мы не уничтожим эту штуку. Впрочем, Совет не заслуживает снисхождения. Да в Солнечной системе нельзя было ни одной скалы оставлять без постоянного присмотра, не говоря уже о Титане.

— Кто бы мог подумать...

— Совет Науки должен был подумать! Люди нашей системы доверили ему заботу о своей безопасности. Я должен был подумать!

Послышался голос робота.

— Корабль приземлится после еще одного облета спутника. При наличии ионного двигателя на борту никакие дополнительные предосторожности не нужны. Тем не менее беззаботность может причинить вред, и я этого не могу допустить. Поэтому прошу вас лечь и пристегнуться.

Верзила сказал:

— Слушай. Эта груда лома учит нас, как вести себя в космосе.

— Все равно лучше ложись, — посоветовал Старр. — Он может заставить нас силой. Его долг — не допустить никакого вреда.

Верзила неожиданно крикнул:

— Эй, робот, а сколько людей на Титане?

Ответа не было.

Поверхность приблизилась и поглотила их. «Метеор» опускался хвостом вниз, и потребовались лишь легкие толчки двигателя, чтобы завершить посадку.

Робот отвернулся от приборов управления.

— Вы без всякого вреда доставлены на Титан. Мое задание выполнено, и я передаю вас в руки хозяев.

— Стена Девура?

— Это один из хозяев. Можете выходить из корабля. Температура, давление и сила тяжести нормальные.

— Можем выходить прямо сейчас? — спросил Старр.

— Да. Хозяева ждут.

Дэвид кивнул. Он не мог сдержать странного возбуждения. Сирианцы всегда были врагами, но за все время своей блестящей, хоть и короткой карьеры в качестве члена Совета он с ними ни разу не встречался.

Он вышел из корабля на выдвижной трап, Верзила — за ним. Оба застыли в полном изумлении.

9. ВРАГ

Старр поставил ногу на первую ступень лестницы. Верзила смотрел через плечо своего рослого друга. Оба были изумлены.

Они как будто оказались на поверхности Земли. Если над головой и была крыша — купол из прочного металла или стекла, — его не было видно в ослепительном солнечном свете; на голубом небе были даже облака.

Перед ними расстилались лужайки и разбросанные на большом расстоянии друг от друга здания, тут и там — цветочные клумбы. Недалеко журчал ручеек, через него был переброшен каменный мостик.

Повсюду шагали десятки роботов, каждый шел по своему делу с сосредоточенностью машины. В нескольких сотнях ярдов стояла группа людей — сирианцы, — они с любопытством смотрели в их сторону.

Раздался резкий, повелительный голос:

— Вы там, вверху! Спускайтесь! Спускайтесь, я говорю! Никаких задержек.

Старр посмотрел вниз. У основания лестницы стоял рослый человек, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Его узкое оливковое лицо было высокомерно. Темные волосы были коротко подстрижены по сирианской моде. Вдобавок лицо украшали тщательно подстриженная бородка и тонкие усики. Одежда была свободная и очень яркая; рубашка распахнута на шее, рукава ее кончались над локтем.

Старр ответил:

— Конечно, сэр, если вы торопитесь.

Он повернулся, слегка придерживаясь руками. Оттолкнулся от корпуса и прыгнул. В прыжке он развернулся, чтобы приземлиться лицом к человеку на земле. Приземлившись на слегка согнутые ноги, чтобы смягчить толчок, он тут же отскочил в сторону, уступая место Верзиле.

Человек, встречавший Старра, был высок, но ниже его на дюйм, и на близком расстоянии было видно, что рубашка скрывает слегка раздобревшее тело.

Он презрительно сморщил верхнюю губу.

— Акробаты! Обезьяны!

— Не угадали, сэр, — с юмором ответил Счастливчик. — Земляне.

Тот ответил:

— Вы Дэвид Старр, по прозвищу Счастливчик. Могу ли я предположить, что на земном диалекте это означает то же, что в нашем языке?

— Это значит удачливый человек.

— По-видимому, теперь вы уже не счастливчик. Я Стен Девур.

— Я догадался.

— Вас это все, кажется, удивляет? — Девур широким жестом указал на ландшафт. — Прекрасно?

— Да, но разве обязательно тратить столько энергии?

— Роботы трудятся двадцать четыре часа в сутки, а у Сириуса хватит энергии. А у Земли нет, мне кажется.

— Вы увидите, что все необходимое у нас есть, — ответил Старр.

— Да? Идемте, поговорим у меня. — Он сделал повелительный жест остальным пяти сирианцам, которые тем временем подошли ближе, разглядывая землянина — того самого, который был их главным врагом и которого они наконец поймали.

Но при знаке Девура сирианцы тут же ответили салютом и разошлись по своим делам.

Девур сел в маленькую открытую машину, которая бесшумно приблизилась на диагравитическом поле. Ее плоская поверхность без колес оставалась в шести дюймах над почвой. Другая машина подкатила к Дэвиду. Управлялись они, конечно, роботами.

Счастливчик сел во вторую машину. Верзила хотел последовать за ним, но робот вытянул руку и преградил ему путь.

— Эй... — начал Верзила.

Старр прервал:

— Мой друг отправится со мной, сэр.

Впервые Девур взглянул на Верзилу, во взгляде его горела неприкрытая ненависть. Он сказал:

— Меня не интересует это существо. Если вы хотите, чтобы оно вас сопровождало, пожалуйста, но меня не беспокойте.

Верзила, побледнев, смотрел на сирианца.

— Тебе придется побеспокоиться прямо сейчас, ты под...

Но Дэвид энергично зашептал ему на ухо:

— Сейчас ты ничего не можешь сделать, Верзила. Великая Галактика, парень, успокойся, дай мне осмотреться.

Старр почти отнес его в машину, а Девур даже не посмотрел в ту сторону.

Машины двинулись ровно, но быстро, как ласточка в полете, и через две минуты остановились у одноэтажного здания из белого гладкого силиконового кирпича, ничем не отличавшегося от других, кроме алой полоски вокруг окон и дверей. На протяжении всего пути не встретилось ни одного человека, зато множество роботов.

Девур прошел вперед в арочный вход и оказался в небольшом помещении со столом для совещаний и нишей, в которой размещалась кровать. Потолок светился ослепительной голубоватой белизной, как в яркий, солнечный день в открытом поле.

«Многовато голубого», — подумал Дэвид, но потом вспомнил, что Сириус — большая по размерам, более горячая и потому более голубая звезда, чем земное Солнце.

Робот принес два подноса с едой и высокими стаканами с холодным молочно-белым напитком. Легкий фруктовый аромат заполнил помещение, и после долгих недель корабельных концентратов Счастливчик замер в предвкушении удовольствия. Один поднос робот поставил перед ним, другой — перед Девуром.

Старр сказал роботу:

— Принеси то же самое моему другу.

Робот, бросив взгляд на Девура, который с каменным выражением лица смотрел в сторону, вышел и вернулся с еще одним подносом. Во время еды все молчали. Землянин и марсианин ели и пили с удовольствием.

Но после того, как подносы унесли, сирианец сказал:

— Должен начать с утверждения, что вы шпионы. Вы проникли на сирианскую территорию и получили приказ удалиться. Вы удалились, но потом вернулись, принимая все меры, чтобы остаться незамеченными. В соответствии с межзвездным законом мы имеем право уничтожить вас на месте, и это будет сделано, если только вы своими поступками не заслужите снисхождения.

— Какими поступками, сэр? — спросил Дэвид. — Приведите, пожалуйста, пример.

— С удовольствием, член Совета. — В темных глазах сирианца вспыхнул интерес. — Наш человек перед гибелью оставил в кольцах капсулу с информацией.

— Вы думаете, она у меня?

Сирианец рассмеялся.

— Ни одного шанса на весь космос. Мы ни разу не подпустили вас к кольцам меньше чем на половине световой скорости. Но послушайте, вы умный человек. Мы на Сириусе наслышаны о вас и ваших делах. Бывали случаи, когда вы, скажем, становились у нас на пути.

Верзила неожиданно нарушил молчание своим тонким голосом:

— Совсем немного. Например, остановили вашего шпиона на Юпитере-9, помешали вашим делишкам с пиратами, выгнали вас с Ганимеда...

Стен Девур гневно сказал:

— Утихомирьте его, член Совета! Меня раздражает писк этого существа.

— Тогда говорите, не оскорбляя моего друга, — безапелляционно заявил Счастливчик.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне найти капсулу. Вы изобретательны. Скажите, как бы вы действовали. — Девур оперся локтями о стол и нетерпеливо взглянул на члена Совета.

Тот ответил:

— Начнем с того, какой информацией вы располагаете.

— Той же, что и вы. Последним сообщением нашего человека.

— Да, мы его поймали. Не все, но достаточно, чтобы понять, что он не успел сообщить координаты орбиты, но саму капсулу запустить успел.

— Ну и что?

— Поскольку этот человек работал долго и почти ушел от нас, я считаю его очень умным.

— Он был сирианец.

— Это, — вежливо заметил Старр, — совсем не обязательно одно и то же. Но в данном случае мы должны предположить, что он запустил капсулу таким образом, чтобы ее можно было найти.

— Ваши дальнейшие соображения, землянин?

— Если он поместил капсулу в самих кольцах, найти ее невозможно.

— Вы так считаете?

— Да. Единственная альтернатива — она запущена в щель Кассини.

Стен Девур откинулся в кресле и звонко рассмеялся.

— Приятно слушать рассуждения Дэвида Старра, знаменитого члена Совета. Можно было ждать, что вы предложите что-нибудь совершенно новое, неожиданное. Но нет, только это. Однако мы и без вашей помощи, член Совета, сразу пришли к такому же заключению и с самого момента запуска капсулы наши корабли прочесывают щель Кассини.

Счастливчик кивнул. (Если почти весь личный состав базы находится в кольцах, разыскивая капсулу, понятно, почему им встретилось так мало людей). Он сказал:

— Поздравляю вас, но должен напомнить, что щель Кассини велика и в ней немало гравия. К тому же из-за притяжения Мимаса капсула находится на неустойчивой орбите. Ее вынесет либо во внешнее, либо во внутреннее кольцо, и если вы не отыщете ее быстро, то не отыщете никогда.

— Ваша попытка испугать меня глупа и бессмысленна. Даже в самих кольцах алюминиевую капсулу можно разглядеть среди льда.

— Масс-детектор не отличит алюминий от льда.

— Ваш масс-детектор, землянин. Задавали ли вы себе вопрос, как мы выследили вас после ваших трюков с Гидальго и Мимасом?

Старр с каменным выражением лица ответил:

— Задавал.

Девур снова рассмеялся.

— У вас были для этого основания. Очевидно, Земля не располагает избирательным масс-детектором.

— Это тайна? — вежливо спросил Счастливчик.

— В принципе нет. Наш поисковый луч использует мягкое рентгеновское излучение, которое по-разному отражается различными материалами, в зависимости от атомного веса. Мы получаем отражение, анализируем его и потому легко отличаем металлический корабль от астероида. Когда корабль заходит за астероид, мы обнаруживаем, что на астероиде появилась значительная масса металла, которой раньше не было. Отсюда

нетрудно заключить, что за астероидом прячется корабль, надеясь, что его никто не видит. Ну как, член Совета?

— Понятно.

— Как бы вы ни старались спрятаться за кольцами или за самим Сатурном, металлический корпус корабля тут же вас выдавал. Ни в кольцах, ни на всей поверхности Сатурна нет металла. Даже в Мимасе вы не спрятались. Несколько часов мы считали, что вы погибли. Под льдом Мимаса мы нащупали металл, но это могли быть остатки вашего корабля. Но когда металл начал двигаться, мы поняли, что вы еще с нами. Догадались о вашем трюке с тепловым лучом, и нам оставалось только подождать.

Старр кивнул.

— Пока что вы выигрываете.

— И вы считаете, что мы не отыщем капсулу, даже если она находится в кольцах?

— Почему же тогда вы еще ее не нашли?

На мгновение Девур помрачнел, как будто он заподозрил сарказм, но член Совета сохранял на лице выражение легкого любопытства, и сирианец в ответ прорычал:

— Найдем. Вопрос времени. И так как вы нам помочь не можете, не будем откладывать вашу казнь.

Старр сказал:

— Вряд ли вы говорите об этом серьезно. Мертвые мы для вас очень опасны.

— Не пойму, чем опасна для нас ваша смерть.

— Мы члены земного Совета Науки. Если мы будем убиты, Совет никогда не забудет и не простит этого. И месть будет направлена и против сирианцев вообще, и против вас лично. Помните об этом.

Девур сказал:

— Я знаю об этом больше, чем вы думаете. Существо, которое с вами, не член Совета.

— Официально, может быть, но...

— А вы сами — если позволите мне закончить — больше чем просто член Совета. Вы приемный сын Гектора Конвея, главы Совета, вы гордость Совета. Так что, возможно, вы правы. — Девур невесело улыбнулся. — Если подумать, то на некоторых условиях вам можно было бы сохранить жизнь.

— На каких условиях?

— Земля собирает межзвездную конференцию для обсуждения того, что она называет нашим вторжением на ее территорию. Вероятно, вы об этом знаете.

— Я сам предложил созыв такой конференции, как только узнал о существовании вашей базы.

— Хорошо. Сириус согласился в ней участвовать, и встреча произойдет вскоре на вашем астероиде Весте. Похоже, Земля торопится, — улыбка Девура стала шире. — Мы согласны, потому что не сомневаемся в исходе. Внешние миры в целом не любят Землю, у них нет для этого оснований. Наша позиция непоколебима. Но мы можем сделать ее еще более драматичной, если покажем всю глубину лицемерия Земли. Она созывает конференцию, утверждает, что хочет решить проблемы мирными средствами, и в то же самое время посылает боевой корабль на Титан с приказом уничтожить нашу базу.

— У меня не было такого приказа. Я действовал без приказаний и не собирался начинать войну.

— Тем не менее, если вы подтвердите мои слова, это произведет большое впечатление.

— Я не могу подтверждать неправду.

Девур не обратил на это внимания. Он хрипло сказал:

— Они должны будут убедиться, что вы не одурманены и психически нормальны. Подтвердите по доброй воле то, что мы вам скажем. Пусть конференция видит, что известнейший член Совета, сын самого Конвея, незаконно применял силу, в то время как Земля созывала конференцию, утверждая о своих мирных намерениях. Это сразу решит все дело.

Старр перевел дыхание и посмотрел на холодно улыбавшегося сирианца. Он сказал:

— И все? Ложные показания в обмен на жизнь?

— Да. Можно сформулировать и так. Делайте выбор.

— Выбора нет. Я не стану лжесвидетельствовать.

Глаза Девура превратились в щелки.

— Думаю, станете. Наши агенты тщательно изучили вас, член Совета, и мы знаем ваше слабое место. Вы могли бы предпочесть собственную смерть, но у вас по-земному сентиментальное отношение к слабым, уродливым, извращенным. Вы захотите предотвратить, — мягкая и пухлая рука сирианца неожиданно указала на Верзилу, — его смерть.

10. ОФИЦЕРЫ КОСМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ И РОБОТЫ

— Спокойней, Верзила, — прошептал Старр.

Маленький марсианин скорчился в кресле, глаза его с ненавистью были устремлены на Девура.

Дэвид сказал:

— Не пугайте меня, я не ребенок. Казнь в мире роботов осуществить нелегко. Роботы не могут убить нас, и я уверен, что вы и ваши коллеги не сможете хладнокровно убить человека.

— Конечно, нет, если вы имеете в виду отрубленную голову или развороченную грудь. Но в мгновенной смерти нет ничего страшного. Допустим, наши роботы подготовят к запуску пустой корабль. Вашего... гм... спутника прикуют цепями к переборке, прикуют роботы, которые, конечно, постараются не причинить ему вреда. На корабле будет автопилот, который уведет корабль подальше от Солнца и от плоскости эклиптики. Ни одного шанса на квадриллион, что корабль заметят с Земли. Он будет двигаться вечно.

Верзила вмешался:

— Счастливчик, неважно, что они со мной сделают. Не соглашайся ни на что.

Девур, не обращая на него внимания, продолжал:

— У вашего спутника будет достаточно воздуха; в пределах его досягаемости будет вода. Конечно, это существо будет одно и без всякой пищи. Голодная смерть — медленная смерть, а смерть от голода в космическом одиночестве вообще ужасна.

Старр сказал:

— Это подлое и бесчестное обращение с военнопленными.

— Но войны нет. Вы просто шпионы. Однако этого может и не произойти, член Совета. Подпишите необходимые признания, что вы действительно напали на нас и готовы подтвердить это на конференции. Я уверен, вы услышите мольбу существа, с которым подружились.

— Мольбу? — Верзила с побагровевшим лицом вскочил на ноги.

Девур неожиданно повысил голос.

— Существо немедленно отправить в заключение. Действуйте.

По обе стороны от Верзилы молча материализовались два

робота и схватили его за руки. Мгновение Верзила пытался вырваться, тело его поднялось над полом от усилий, но руки оставались неподвижны.

Один из роботов сказал:

— Пусть хозяин не сопротивляется, иначе он может повредить себе, несмотря на все наши усилия.

Девур сказал:

— У вас двадцать четыре часа на принятие решения. Достаточно времени, член Совета? — Он взглянул на декоративную металлическую полоску у себя на руке. — А тем временем мы подготовим корабль. Если даже не придется его использовать, как я надеюсь, член Совета, это всего лишь работа роботов. Оставайтесь на месте: вы не можете помочь своему спутнику. Пока ему не причинят никакого вреда.

Верзилу вынесли из помещения. Старр, привстав, беспомощно смотрел ему вслед.

На столе, на маленьком ящичке, вспыхнул огонек. Девур коснулся его, и оттуда выскочила разноцветная трубка. Появилось изображение головы. Голос произнес:

— Нам с Йонгом только что доложили, что член Совета у вас, Девур. Почему нам сообщили об этом только после посадки?

— Какая разница, Зайон? Теперь вы знаете. Придете?

— Конечно. Мы хотим повидаться с членом Совета.

— Приходите ко мне.

Пятнадцать минут спустя прибыли сирианцы. Оба были ростом с Девура, у обоих оливкового цвета кожа (Дэвид знал, что более сильное ультрафиолетовое излучение Сириуса вызывает такой цвет кожи), но они были значительно старше.

У одного из них были короткие седые волосы. Этот тонкогубый человек говорил исключительно точно и четко. Его представили как Харрига Зайона, и по его мундиру ясно было, что он старший офицер космической службы Сириуса.

Другой был почти лыс. На руке у него виднелся большой шрам, и выглядел он как человек, состарившийся в космосе. Это был Баррет Йонг, тоже из космической службы.

Старр сказал:

— Я знаю, что ваша космическая служба в чем-то эквивалентна нашему Совету Науки.

— Да, — серьезно ответил Зайон. — В этом смысле мы коллеги, хотя и на противоположных сторонах баррикады.

— Значит, офицеры Зайон и Йонг. А мистер Девур...

Девур вмешался:

— Я не член космической службы. Мне это не нужно. Сириусу можно служить и не в ее рядах.

— В особенности племяннику председателя Центрального правительства, — заметил Йонг, положив руку на шрам.

Девур встал.

— Это сарказм?

— Вовсе нет. Буквально. Такое родство дает вам возможность оказать еще большие услуги Сириусу.

Но его заявление прозвучало сухо, и Дэвид ощутил враждебность между двумя пожилыми офицерами и молодым влиятельным родственником повелителя Сириуса.

Зайон постарался сменить тему, обратившись к Старру:

— Вам было сделано предложение?

— Вы имеете в виду предложение выступить на межзвездной конференции со лжесвидетельством?

Зайон выглядел удивленным и раздраженным.

— Нет. Присоединиться к нам. Стать сирианцем.

— Боюсь, мы до этого еще не добрались.

— Подумайте. Наша служба хорошо вас знает, мы уважаем ваши способности и достижения. Земле они не помогут. Все равно она проиграет. Это биологический факт.

— Биологический факт? — Дэвид нахмурился. — Сирианцы, офицер Зайон, происходят от землян.

— Да, но не от всех землян; только от лучших, самых сильных и решительных, тех, кто захотел колонизировать звезды. Мы сохранили в чистоте свой род, не допускали слабых, с искаженными генами. Мы отсеяли всех недостойных, и теперь у нас чистая раса сильных и здоровых людей, а Земля остается конгломератом больных и уродов.

Вмешался Девур:

— У нас есть пример этого — спутник члена Совета. Меня тошнило от присутствия его в моем помещении: обезьяна, пятифутовый шарж на человеческое существо, уродливый кусок...

Старр медленно сказал:

— Он лучше вас, сирианцы.

Девур встал, занес кулак. Зайон быстро подошел к нему, схватил за руку.

— Девур, пожалуйста, сядьте. Позвольте мне продолжить. Сейчас не время для неуместных споров.

Девур резко отбросил его руку, но сел.

Зайон энергично продолжал:

— Для внешних миров, член Совета Старр, Земля представляет ужасную угрозу, бомбу недочеловечества, готовую взорваться и заразить чистую Галактику. Мы не хотим, чтобы это случилось; мы этого не допустим. Ради этого мы сражаемся: чистая человеческая раса, состоящая только из самых лучших.

Дэвид ответил:

— Из тех, кого вы считаете лучшими. Но хорошее бывает самых разных форм и размеров. Среди великих людей Земли есть высокие и низкие, с разной формой и размерами головы, цветом кожи, они говорят на разных языках. Наше спасение, спасение всего человечества в разнообразии.

— Вы, как попугай, повторяете то, что слышали. Член Совета, разве вы не видите, что вы один из нас? Вы высоки, сильны, сложены, как сирианец; вы храбры и решительны, как сирианец. Зачем вам действовать на стороне отбросов против лучших людей только потому, что случайно вы родились на Земле?

Старр сказал:

— Резюме: вы хотите, чтобы я выступил на межзвездной конференции в поддержку Сириуса.

— Да, вы поможете Сириусу, но скажете правду. Вы действительно шпионили за нами. Ваш корабль, несомненно, вооружен.

— Вы напрасно тратите время. Мистер Девур уже обсуждал со мной этот вопрос.

— И вы согласились стать сирианцем? — Лицо Зайона осветилось надеждой.

Счастливчик искоса взглянул на Девура, тот с равнодушным видом рассматривал свои пальцы.

— Мистер Девур изложил предложение несколько по-иному. Может, он именно потому и не сообщал вам о моем прибытии, чтобы иметь возможность обсудить положение со мной наедине и своими собственными методами. Короче говоря, он

заявил, что если я не выступлю на конференции, мой друг Верзила будет отправлен в космос на пустом корабле и умрет с голоду.

Офицеры медленно повернули головы к Девуру, тот продолжал спокойно разглядывать свои пальцы.

Йонг медленно заговорил, обращаясь непосредственно к Девуру:

— Сэр, не в традициях службы...

Девур неожиданно гневно прервал его:

— Я не на вашей службе и гроша ломаного не дам за ее традиции. Я командую этой базой, и ее безопасность — на моей ответственности. Вы должны сопровождать меня на конференцию на Весте, чтобы служба была там представлена, но я глава делегации, и успех конференции тоже на моей ответственности. Если землянину не нравится смерть, которая ждет его друга-обезьяну, пусть соглашается на наши условия; с таким стимулом он согласится гораздо быстрее, чем на ваше предложение стать сирианцем.

Слушайте дальше. — Девур встал и принялся гневно расхаживать по комнате, потом повернулся к сирианцам, которые слушали его с застывшими лицами. — Мне надоело ваше вмешательство. У службы было достаточно времени, чтобы справиться с Землей, и чего она добилась? Пусть землянин послушает, что я говорю. Служба ничего не добилась. Это я захватил Старра, а не служба. Вам, джентльмены, надо побольше мозгов, и я намерен их вам предоставить...

В этот момент дверь распахнул робот и сказал:

— Хозяева, прошу простить за вторжение без разрешения, но мне приказано доложить вам относительно маленького хозяина, которого увели в заключение...

— Верзила! — воскликнул Дэвид, вскакивая. — Что с ним случилось?

После того как Верзилу вынесли из помещения, он принялся напряженно думать. Не о бегстве. Он был не настолько самоуверен, чтобы думать о бегстве от толпы роботов; в одиночку ему не уйти с такой хорошо охраняемой базы, даже если бы в его распоряжении был «Метеор».

Нет. Старра уговаривают совершить бесчестный поступок, и приманкой служит жизнь Верзилы.

Счастливчик не должен поддаваться. Он не должен спасать жизнь Верзилы ценой предательства. Но и не должен приносить в жертву жизнь Верзилы и до конца своих дней нести груз вины.

Есть только один способ помешать этому. Если он умрет таким образом, что Дэвид не будет иметь к этому отношения, тогда его рослый друг не сможет винить себя. И больше нельзя будет использовать жизнь Верзилы в качестве приманки.

Верзилу усадили в маленькую диагравитическую машину и везли в течение двух минут.

Но за эти две минуты он принял решение. Годы, проведенные со Счастливчиком, были счастливыми и полными приключений. Он прожил свою жизнь полностью и много раз бесстрашно смотрел в лицо смерти. И сейчас он ожидал ее без страха.

И смерть не помешает ему немного сравнять счет с Девуром. Никто в жизни не оскорблял его безнаказанно. Он не мог умереть и оставить это оскорбление неотмщенным. Мысль о высокомерном сирианце наполнила Верзилу гневом, и мгновение он не мог бы сказать, что им движет: дружба со Старром или ненависть к Девуру.

Роботы вынесли его из диагравитической машины, один из них ловко провел рукой вдоль всего тела марсианина в поисках оружия.

На мгновение Верзилу охватила паника, и он безуспешно попытался отбросить металлическую руку.

— Меня уже обыскивали на корабле, прежде чем выпустить! — закричал он, но робот, не обращая внимания, продолжал обыск.

Его снова схватили и приготовились внести в здание. Время наступило. Если он попадет в камеру и его отрежут силовыми полями, задача его станет намного трудней.

Верзила отчаянно оттолкнулся ногами и совершил сальто между роботами. Только руки роботов удержали его от падения.

Один из них сказал:

— Меня расстраивает, хозяин, что вы поместили себя в неудобную позу. Если вы не будете мешать нам выполнять задание, мы сможем легко придерживать вас.

Но Верзила снова оттолкнулся и закричал:

— Моя рука!

Роботы сразу нагнулись и осторожно опустили Верзилу на спину.

— Вам больно, хозяин?

— Тупые подонки, вы сломали мне руку. Не трогайте ее! Позовите человека, который знает, как обращаться со сломанной рукой, или робота, — закончил он со стоном, и лицо его исказилось от боли.

Роботы медленно отступили, глядя на него. Чувств они не испытывали, не были на это способны. Но в их позитронном мозгу потенциалы и контрпотенциалы руководствовались Тремя законами роботехники. Выполняя приказ — доставить человека в определенное место — и подчиняясь Второму закону, они нарушили главный закон — Первый: никогда не причинять вред человеческому существу. В результате в мозгу их воцарился позитронный хаос.

Верзила резко закричал:

— Помогите... Пески Марса... Помо...

Это был приказ, подкрепленный Первым законом. Человеку причинена боль. Роботы повернулись и зашагали — Верзила мгновенно засунул руку за голенище сапога. Когда он встал, в его руке было игольное ружье.

Один из роботов повернулся. Говорил он нечетко — признак нарушения действия позитронного мозга.

— Хо...ззз...яину не бо...ллльно?

Второй робот тоже повернулся.

— Отведите меня к своим сирианским хозяевам, — твердо сказал Верзила.

Это тоже был приказ, но не подкрепленный Первым законом. Значит, человеку не был причинен вред. Ни удивления, ни шока от такого открытия. Ближайший робот голосом, сразу ставшим нормальным, сказал:

— Ваша рука не повреждена, и нам необходимо выполнить приказ. Пожалуйста, идите с нами.

Верзила не стал тратить время. Сверкнуло его оружие, и голова робота превратилась в груду расплавленного металла. Робот упал.

Второй сказал:

— Это не помешает нам выполнить приказ, — и двинулся к Верзиле.

Самозащита — только Третий закон. Робот не может отказаться выполнять приказ (Второй закон) только на основе Третьего закона. И потому он пошел прямо на игольное ружье. Отовсюду приближались другие роботы, вызванные, несомненно, по радио, когда Верзила пожаловался на сломанную руку.

Они пойдут под огонь, но их много, и он не сможет уничтожить всех. Выжившие все равно одолеют его и унесут в заключение. Он лишится возможности быстрой смерти, и перед Старром по-прежнему будет стоять невозможная альтернатива.

Оставался только один выход. Верзила приставил оружие к своему виску.

11. ВЕРЗИЛА ПРОТИВ ВСЕХ

Верзила пронзительно закричал:

— Ни шагу ближе! Только подойдите, и я выстрелю. Вы меня убьете.

Он подготовился к выстрелу. Если ничего не поможет, придется стрелять.

Но роботы остановились. Ни один не двигался. Верзила медленно перевел взгляд справа налево. Один робот без головы лежал на земле, превратившись в бесполезную груду металла. Другой стоял, протянув к нему руку. Еще один в ста ярдах остановился на полушаге.

Верзила медленно повернулся. Из здания выходил робот. Он застыл на пороге. Дальше виднелись другие. Они замерли, как будто пораженные внезапным параличом.

Верзила не удивился. Первый закон. Все остальное отходит на второй план: приказы, их собственное существование — все. Они не могут двинуться, если знают, что их движение причинит вред человеку.

Верзила сказал:

— Все роботы, кроме этого, — он указал на ближайшего, напарника уничтоженного, — уходите. Вернитесь к своим заданиям и забудьте обо мне, будто ничего не случилось. Если не повинуетесь, это будет означать мою смерть.

Всем, кроме одного, пришлось уходить. Жестокое обращение, и Верзила с напряженным лицом думал, не повредится ли окончательно платиново-иридиевая губка, представляющая позитронный мозг роботов.

Он, как землянин, не доверял роботам и в глубине души надеялся, что так и будет.

Все роботы, кроме одного, исчезли. Верзила продолжал держать ствол у своего виска.

Оставшемуся роботу он сказал:

— Отведи меня к своим хозяевам (он хотел использовать более грубое слово, но разве робот поймет? Верзила с трудом сдержался). — Побыстрее, — сказал он. — Ни робот, ни хозяин не должны тебе мешать. Я выстрелю в любого хозяина или в себя самого.

Робот хрипло сказал (Дэвид как-то объяснил Верзиле, что первый признак нарушения деятельности мозга — изменение тембра голоса):

— Я выполню приказ. Хозяин может быть уверен, что я не сделаю ничего, что принесет вред ему или другому хозяину.

Он повернулся и пошел назад к диагравитической машине. Верзила — за ним. Он готов был к ловушке на обратном пути, но ничего подобного. Робот — это машина, следующая неумолимым правилам поведения. Надо об этом помнить. Только человек способен хитрить и лгать.

Когда они остановились у дома Девура, Верзила сказал:

— Я подожду в машине. Не уйду. Пойди и скажи хозяину Девуру, что хозяин Верзила освободился и ждет его. — Верзила боролся с искушением и на этот раз поддался ему. Слишком близок Девур, чтобы успешно противиться искушению. Верзила сказал: — Скажи ему, чтобы вытащил свое жирное тело. Скажи, что может драться со мной на ружьях или кулаках, мне все равно. Скажи, что, если он струсит, я дам ему такого пинка, что он улетит на Марс.

Стен Девур в недоумении смотрел на робота, лицо его сморщилось, глаза гневно вспыхнули.

— Он на свободе? И вооружен?

Он взглянул на офицеров, которые ответили ему недоумевающими взглядами. Старр негромко прошептал: «Великая Галактика! Этот неукротимый Верзила все испортит — и при этом потеряет жизнь».

Зайон тяжело встал.

— Ну, Девур, вы ведь не думаете, что робот лжет? — Он подошел к настенному коммуникатору и набрал номер. — Если у нас на базе свободный и вооруженный землянин, нужно принять защитные меры.

— Но откуда у него оружие? — Девур еще не вполне пришел в себя, но уже направился к двери. Дэвид пошел за ним, но сирианец быстро повернулся к нему: — Назад, Старр!

Он сказал роботу:

— Оставайся с землянином. Ни при каких обстоятельствах он не должен покидать это здание.

Казалось, он принял какое-то решение. Выбежал из комнаты, на ходу доставая тяжелый бластер. Зайон и Йонг бросили быстрый взгляд на Дэвида, потом на робота, тоже приняли решение и последовали за Девуром.

Широкое пространство перед домом Девура было залито ярким искусственным светом, воспроизводящим слегка голубоватое сияние Сириуса. В центре стоял одинокий Верзила, в ста ярдах от него виднелись пять роботов. С разных направлений приближались еще.

— Схватить это! — закричал Девур, указывая на Верзилу.

— Они ближе не подойдут! — крикнул в ответ Верзила. — Если подойдут, я прожгу твое черное сердце, и они это знают. Они не могут рисковать. — Он насмешливо улыбался.

Девур вспыхнул и выхватил бластер.

Верзила сказал:

— Смотри не повреди себя бластером. Он у тебя слишком близко к телу.

Правым локтем он опирался на ладонь левой руки. Говоря, он легко сжал правую руку, и из игольного ружья, торчавшего между указательным и средним пальцем, вылетела струя дейтерия, направляемая мгновенно возникшим магнитным полем. Требовалось величайшее искусство, чтобы так стрелять, но Верзила им владел. Владел лучше всех в Системе.

Ствол бластера Девура побелел, Девур закричал от боли и выронил оружие.

Верзила сказал:

— Не знаю, кто остальные двое, но, если вы только попробуете достать оружие, это будет ваше последнее движение.

Все застыли. Наконец Йонг осторожно спросил:

— Где вы раздобыли оружие?

— Робот не умнее подонка, который ему приказывает, — ответил Верзила. — Робот, обыскивавший меня на корабле, не знал, что марсиане пользуются сапогами не только как обувью.

— А как вы освободились от роботов?

Верзила холодно ответил:

— Мне пришлось уничтожить одного.

— Вы уничтожили робота? — От ужаса все трое сирианцев замерли.

Верзила чувствовал, что напряжение усиливается. Окружавшие роботы его не тревожили, но в любой момент могут появиться еще сирианцы и выстрелить ему в спину с безопасного расстояния.

Место между плечами заныло в ожидании выстрела. Ну, это будет быстро. Он ничего не почувствует. А свою власть над Счастливчиком они потеряют, и тогда, живой или мертвый, победителем будет Верзила.

Но сначала он хотел посчитаться с Девуром, с этим холодным сирианским мерзавцем, который говорил такие вещи, какие не позволено никому в Галактике.

Верзила сказал:

— Я вас всех могу перестрелять. Договоримся?

— Вы не можете стрелять в нас, — спокойно ответил Йонг. — Это значило бы, что землянин начал враждебные действия на одной из сирианских планет. Это начало войны.

— К тому же, если ты нападешь на нас, это освободит роботов! — крикнул Девур. — Они предпочтут защищать троих, а не одного. Бросай свое ружье и отправляйся в камеру.

— Отошлите роботов, и я сдамся.

— Роботы с тобой справятся, — ответил Девур. Он небрежно бросил другим сирианцам: — У меня по коже мурашки бегут от разговора с этим выродком.

Верзила мгновенно выстрелил, и в футе перед глазами Девура взорвался огненный шар.

— Скажи еще что-нибудь подобное и ослепнешь навсегда. Если роботы сделают шаг, вы все трое погибнете. Возможно, это война, но вы о ее ходе ничего не узнаете. Отошлите роботов, и я сдамся Девуру, если он сможет со мной справиться. Брошу вам двоим ружье и сдамся.

Зайон напряженно сказал:

— Звучит разумно, Девур.

Девур все еще тер глаза.

— Возьмите у него ружье. Идите и возьмите.

— Минутку, — сказал Верзила, — пока не шевелитесь. Мне нужно твое слово чести, что меня не застрелят и не отдадут роботам. Меня может взять только Девур.

— Мое слово чести тебе? — взорвался Девур.

— Мне. Но не твое. Слово одного из этих двоих. На них форма Сирианской космической службы, и их слову я поверю. Если я отдам им свое ружье, будут ли они стоять в стороне и позволят ли тебе взять меня голыми руками?

— Даю слово, — сказал Зайон.

— Я тоже, — добавил Йонг.

Девур сказал:

— Что это значит? Я не собираюсь дотрагиваться до этого существа.

— Боишься? — негромко спросил Верзила. — Я слишком велик для тебя, Девур? Ты обзывал меня по-всякому. Хочешь попробовать руки вместо трусливого рта? Держите мое ружье, офицеры.

Он неожиданно бросил ружье в сторону Зайона. Тот протянул руку и без усилий поймал его.

Верзила ждал. Смерти?

Но Зайон сунул оружие в карман.

Девур крикнул:

— Роботы!

Зайон не менее строго отозвался:

— Роботы, оставьте нас!

Зайон сказал Девуру:

— Мы дали ему слово. Вам придется самому отвести его в камеру.

— Может, мне тебя отвести? — насмешливо спросил Верзила.

Девур нечленораздельно рявкнул и торопливо направился к Верзиле. Маленький марсианин ждал, слегка пригнувшись, потом сделал небольшой шаг в сторону, уворачиваясь от протянутой руки, и развернулся, как сжатая пружина.

Первый его удар пришелся в лицо, послышался глухой звук, как от деревянного молотка о капусту, Девур пошатнулся и сел. Он изумленно смотрел на Верзилу. Правая его щека покраснела, из угла рта потекла медленная струйка крови. Он поднес к ней руку, отвел ее и с комическим недоверием смотрел на окровавленные пальцы.

Йонг сказал:

— Землянин выше, чем кажется.

— Я не землянин, я марсианин, — заметил Верзила. — Вставай, Девур. Неужели ты такой неженка? Ничего не можешь сделать без помощи роботов? Они тебе и рот вытирают после еды?

Девур хрипло заревел и вскочил на ноги, но не торопился к Верзиле. Он начал медленно кружить, тяжело дыша, глядя воспаленными глазами.

Верзила тоже поворачивался, внимательно наблюдая за этим мягким телом, отмечая следы хорошей жизни и постоянной заботы роботов, видя неумелые движения рук и ног. Верзила был уверен, что сирианцу раньше никогда не приходилось драться на кулаках.

Верзила сделал неожиданный шаг вперед, уверенно поймал руку противника, рванул и повернул. Девур с криком дернулся и упал.

Верзила отступил.

— В чем дело? Я ведь не «он», я всего лишь «оно». Что случилось?

Девур посмотрел на двух офицеров. Он встал на колени и со стоном прижал руку к боку.

Сирианцы не сделали ни шага к нему на помощь. Они смотрели, как Верзила снова и снова укладывает его на землю.

Наконец Зайон подошел.

— Марсианин, если это будет продолжаться, ты его серьезно поранишь. Мы договорились, что Девур возьмет тебя голы-

ми руками. Я думаю, ты добился того, чего хотел. Все. Сдавайся мне, или я вынужден буду использовать игольное ружье.

Но Девур, тяжело дыша, крикнул:

— Прочь, Зайон! Убирайтесь! Слишком поздно. Назад, я сказал.

И пронзительно закричал:

— Роботы! Ко мне!

Зайон сказал:

— Он мне сдался.

— Никакой сдачи, — ответил Девур. Его распухшее лицо дергалось от боли и ярости. — Никакой сдачи. Слишком поздно. Ты, робот, самый близкий... неважно, какой у тебя серийный номер... Возьми этого... это существо. — Он указал на Верзилу и истошно закричал: — Уничтожь его! Разбей! Разорви на части!

Йонг крикнул:

— Девур! Вы с ума сошли? Робот не может этого сделать.

Робот продолжал стоять. Он не шевельнулся.

Девур сказал:

— Ты не можешь причинить вреда человеку, робот. Я и не прошу тебя об этом. Но это не человек.

Робот повернулся и посмотрел на Верзилу.

Верзила крикнул:

— Он не поверит! Ты можешь считать меня недочеловеком, но робот знает лучше.

Девур сказал:

— Посмотри на него, робот. Оно говорит, и оно похоже на человека, ты тоже, но ты ведь не человек. Я могу доказать, что это не человек. Ты когда-нибудь видел взрослого человека такого роста? Это доказывает, что он не человек. Это животное, и оно... оно причинило мне боль. Ты должен его уничтожить.

— Беги к маме роботу! — насмешливо крикнул Верзила.

Но робот сделал шаг к нему.

Йонг выступил вперед и встал между роботом и Верзилой.

— Я не могу позволить это, Девур. Робот не должен этого делать; помимо всего прочего, напряжение потенциалов уничтожит его.

Но Девур хрипло прошептал:

— Я ваш начальник. Если сделаете еще один шаг, завтра же я вышвырну вас из службы.

Привычка к повиновению оказалась слишком сильна. Йонг отступил, но на лице его было выражение отчаяния и ужаса.

Робот двинулся быстрее, и Верзила начал осторожно отступать.

— Я человек, — сказал он.

— Это не человек! — как безумный, закричал Девур. — Это не человек. Разорви его на части. Медленно.

Холод охватил Верзилу, во рту его пересохло. На это он не рассчитывал. Быстрая смерть — да, но это...

Отступать было некуда, а мгновенная смерть от игольного ружья невозможна. Сзади виднелось еще много роботов, и все слышали, что он не человек.

12. СДАЧА

На распухшем окровавленном лице Девура появилась улыбка. Должно быть, она причинила ему боль, так как одна губа его была разбита, и он с отсутствующим видом прикладывал к ней платок. Но глаза его не отрывались от робота, и казалось, он ничего больше не замечает.

У маленького марсианина оставалось только шесть футов для отступления, и Девур не торопил приближавшегося робота.

Йонг сказал:

— Девур, ради Сириуса, не нужно.

— Никаких возражений, Йонг, — злобно ответил Девур. — Этот гуманоид уничтожил робота и, возможно, повредил других. Нам придется проверить всех роботов, которые были свидетелями его насилий. Он заслуживает смерти.

Зайон положил руку на плечо Йонга, но тот нетерпеливо отбросил ее в сторону. Йонг сказал:

— Смерти? Хорошо. Отправьте его на Сириус, пусть его там судят и казнят, но по закону. Или устройте суд здесь, на базе, и он будет казнен после приговора. Но это не казнь. Просто потому, что он избил...

Девур с неожиданной яростью крикнул:

— Довольно! Вы слишком часто вмешивались. Вы арестованы. Зайон, возьмите его бластер и передайте мне.

Он на мгновение отвернулся, не желая надолго отрываться взглядом от Верзилы.

— Выполняйте, Зайон, или, клянусь всеми дьяволами космоса, я и вас уничтожу!

С горькой гримасой, молча Зайон протянул руку к Йонгу. Йонг колебался, рука его в гневе устремилась к рукояти бластера.

Зайон настойчиво прошептал:

— Нет, Йонг. Не давайте ему повода. Он отменит арест, когда придет в себя. Будет вынужден.

Девур крикнул:

— Давайте бластер!

Йонг дрожащей рукой вырвал его из кобуры и протянул Зайону рукоятью вперед. Тот бросил оружие к ногам Девура, и Девур подобрал его.

Верзила, который напряженно искал выход, закричал:

— Не трогай меня! Я хозяин! — когда чудовищная рука робота сомкнулась на его запястье.

Робот заколебался, но потом сжал руку сильнее. Второй рукой он потянулся к локтю Верзилы. Девур рассмеялся высоким пронзительным смехом.

Йонг повернулся и придушенно сказал:

— Я не обязан смотреть на это трусливое преступление. — И в результате не видел, что произошло дальше.

Трое сирианцев вышли; Старр с трудом сохранял спокойствие. С чисто физической точки зрения он не справится с роботом голыми руками. Возможно, где-то в здании есть оружие, которым можно уничтожить робота; он сможет выбраться и даже застрелить троих сирианцев.

Но он не сможет ни покинуть Титан, ни сражаться со всей базой.

Хуже того, если его убьют — а в конце концов так и случится, — цель его не будет достигнута, а этим рисковать он не мог.

Он сказал роботу:

— Что случилось с хозяином Верзилой? Расскажи самое существенное.

Робот повиновался, и Счастливчик напряженно и внимательно слушал. Он слышал, что робот запинается и пропускает слоги, слышал его хриплый голос и решил, что Верзила повредил робота, заявив, что тот причинил ему вред.

Дэвид про себя застонал. Робот уничтожен. Строгий сирианский закон в полной мере будет применен к Верзиле. Старр достаточно хорошо был знаком с сирианской культурой и отношением сирианцев к роботам, чтобы понимать, что при убийстве робота смягчающих обстоятельств не будет.

Как же спасти теперь импульсивного Верзилу?

Он вспомнил свою нерешительную попытку удержать Верзилу на Мимасе. Таких именно обстоятельств он не предвидел, но опасался характера Верзилы в предстоящем деликатном деле. Он должен был настоять, чтобы Верзила остался, но какой в этом смысл? Даже сейчас он сознавал, что общество Верзилы ему необходимо.

Однако он должен спасти его. Любым способом, но спасти обязательно.

Он быстро направился к выходу из здания, но робот преградил ему путь.

— В сс...тветствии с приказом хозз...яин ни при каких об...ст...ятельствах не должен покидать ззз...дания.

— Я не выхожу из здания, — резко ответил Дэвид. — Я только иду к двери. Тебе не приказывали мешать этому.

Мгновение робот молчал, потом повторил:

— В сс...тветствии с приказом хозз...яин ни при каких об...ст...ятельствах не должен покидать ззз...дания.

Старр в отчаянии попытался его оттолкнуть, но его схватили, лишили возможности двигаться и вернули назад.

Он нетерпеливо прикусил губу. Исправный робот может широко толковать свой приказ. Но этот робот был не исправен. Он понимает приказ только буквально.

Нужно увидеть Верзилу. Дэвид повернулся к столу. В центре стола стоял приемник трехмерного изображения. Девур использовал его, когда к нему обратились офицеры службы.

— Ты! Робот! — позвал Старр.

Робот загромыхал к столу.

— Как работает этот приемник?

Робот был медлителен. Голос его становился все более хриплым. Он сказал:

— Уппр...вление в эт...м углублении.

— Что за углубление?

Робот неуклюже сдвинул панель.

— Ну хорошо, — сказал Дэвид. — Можно увидеть площадку перед этим зданием? Покажи. Делай.

Он отступил в сторону. Робот возился с кнопками.

— Сдд...лано, хозз...яин.

— Дай-ка взглянуть. — Над столом появилось маленькое изображение, крошечные фигурки людей. Робот отошел и неподвижно стоял в стороне.

Счастливчик не стал звать его назад. Звука не было, но, когда он искал управление звуком, он увидел, что идет драка. Девур дерется с Верзилой. Дерется с Верзилой!

Как маленькому чертенку удалось уговорить двоих офицеров не вмешиваться? Конечно, Верзила разрежет противника на ленточки. Но Дэвид не почувствовал при этом радости.

Это может кончиться смертью Верзилы, и Счастливчик знал, что Верзила это понимает, но ему все равно. Марсианин пойдет на смерть, чтобы отомстить за оскорбление... Ага, вмешался один из офицеров.

Старр нашел управление звуком. Громко послышался безумный приказ Девура роботам: схватить Верзилу и разорвать его на части.

На мгновение Дэвид даже усомнился, что услышал правильно, потом ударил кулаками по столу и в отчаянии повернулся.

Нужно выбраться отсюда, но как?

Он один, с ним только робот, в искалеченном позитронном мозгу которого только один приказ: не выпускать его любой ценой.

Великая Галактика, есть ли что-нибудь, что пересилило бы потенциал этого приказа? У него нет даже оружия, чтобы угрожать самоубийством или вывести робота из строя.

Глаза его остановились на стенном телефоне. Он слышал, как Зайон по нему отдавал приказ, когда вырвался на свободу Верзила.

Старр сказал:

— Робот. Быстро. Какой был дан приказ?

Робот подошел, посмотрел на комбинацию горящих огоньков и с мучительной медлительностью ответил:

— Хозз...яин приккк...зал всс...м роботам готовиттт...ся к бо...вым дейссс..тв...ям.

— Как приказать, чтобы все роботы немедленно заняли посты по боевому расписанию? Чтобы все другие приказы были оставлены?

Робот смотрел на него, Старр схватил его за руку и потянул:

— Говори! Говори!

Понимает ли его робот? Или в его полуразрушенном мозгу сохранилась какая-то инструкция не давать таких сведений?

— Говори! Или лучше сделай!

Робот молча протянул палец и неуверенно нажал две кнопки. Приподнял палец на дюйм и застыл.

— Это все? Сделал? — в отчаянии спросил Счастливчик.

Но робот только повернулся и неуверенной походкой (одну ногу он заметно волочил) подошел к двери и вышел.

Огромными шагами Старр поспешил за ним, вышел из здания и пробежал сотню ярдов, отделявших его от Верзилы и троих сирианцев.

Йонг, повернувшийся, чтобы не видеть гибели человека, не услышал крика боли, как ожидал. Напротив, Зайон удивленно вскрикнул, а Девур дико закричал.

Йонг повернулся назад. Робот больше не держал Верзилу. Он торопливо убегал. И все остальные роботы поступали так же.

И каким-то образом рядом с Верзилой оказался землянин Дэвид Старр.

Старр склонился к Верзиле. Маленький марсианин растирал руку и яростно качал головой. Йонг услышал, как он говорит:

— Еще минута, Счастливчик, еще минута...

Девур хрипло и бесполезно кричал на роботов, но тут загремел громкоговоритель:

— КОММОДОР ДЕВУР, ПРОСИМ ИНСТРУКЦИЙ. НАШИ ПРИБОРЫ НЕ ВИДЯТ НЕПРИЯТЕЛЯ. ПОЯСНИТЕ ПРИКАЗ О НАЧАЛЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. КОММОДОР ДЕВУР...

— Боевые действия, — ошеломленно прошептал Девур. — Неудивительно, что роботы... — Его взгляд упал на Дэвида. — Вы это сделали?

Тот кивнул:

— Да, сэр.

Девур сжал разбитые губы, потом хрипло сказал:

— Хитрец! Вы на какое-то время спасли свою обезьяну. — Бластер его был нацелен в живот Верзиле. — Ко мне в кабинет. Вы все. Вы тоже, Зайон. Все.

Приемник изображений на его столе напряженно гудел. Очевидно, невозможность застать Девура в кабинете заставила подчиненных воспользоваться громкоговорителем.

Девур отключил звук, но оставил изображение. Он рявкнул:

— Приказ о военных действиях отменяется. Это была ошибка.

Человек на другом конце что-то заговорил, но Девур резко сказал:

— С изображением все в порядке. Всем заниматься своими делами.

Почти против воли рукой он прикрывал лицо, как будто боялся, что подчиненный его увидит — и призадумается.

Ноздри Йонга раздувались, он медленно растирал шрам на руке.

Девур сел.

— Остальным стоять, — сказал он, переводя взгляд с лица на лицо. — Марсианин умрет, может, не от руки робота и не в пустом корабле. Что-нибудь придумаю; хорошо, что вы его спасли, землянин: можно придумать что-нибудь поинтереснее. У меня хорошее воображение.

Старр сказал:

— Я требую, чтобы с ним обращались как с военнопленным.

— Войны нет, — ответил Девур. — Он шпион. И заслуживает смерти. Он совершил убийство робота. И потому заслуживает смерти вдвойне. — Голос его неожиданно задрожал. — Он поднял руку на меня. Он десятки раз заслужил смерть.

— Я выкуплю своего друга, — шепотом сказал Дэвид.

— Он не продается.

— Я могу заплатить хорошо.

— Как? — яростно спросил Девур. — Выступив свидетелем на конференции? Слишком поздно. И недостаточно.

— Я бы не мог этого сделать в любом случае, — сказал Старр. — Я не стану давать ложную информацию, могущую повредить Земле, но есть правда, которую я смогу рассказать. Вы этого не знаете.

Верзила резко сказал:

— Не торгуйся с ним, Счастливчик.

— Обезьяна права, — сказал Девур. — Не торгуйтесь. Ничто не сможет его выкупить. За всю Землю я бы не отдал его.

Йонг резко прервал его:

— Я бы отдал за гораздо меньшее. Послушайте члена Совета. Их жизнь стоит той информации, которая у них есть.

Девур ответил:

— Не провоцируйте меня. Вы арестованы.

Но Йонг поднял стул и с грохотом опустил его на пол.

— Я не признаю ваш арест. Я офицер службы. Вы не можете просто так казнить меня. Не посмеете. Должен состояться суд. А на суде у меня будет что сказать.

— Что именно? — презрительно спросил Девур.

Вся ненависть пожилого офицера к молодому аристократу вырвалась наружу.

— Например, что произошло сегодня: пятифутовый марсианин чуть не разорвал вас на кусочки, и вы вынуждены были звать на помощь, а Зайон должен был спасать вам жизнь. Зайон будет свидетелем. И все на базе запомнят, что вы не решались показать свое лицо — или все же покажете, пока не зажило?

— Молчать!

— Не буду! Мне ничего не понадобится говорить, если вы подчините свои личные чувства интересам Сириуса. Выслушайте, что скажет член Совета. — Он повернулся к Старру. — Гарантирую вам справедливую сделку.

Верзила запищал:

— Какая справедливая сделка? Вы с Зайоном однажды утром погибнете от несчастного случая, Девур выскажет сожаление и даже пошлет вам на могилу цветы, но потом никто не сможет свидетельствовать, как он прятал свою жалкую шкуру за спинами роботов от марсианина. Какая тут сделка?

— Ничего подобного, — сухо ответил Йонг, — потому что

в течение часа все будет сообщено одному из роботов. Какому именно, Девур не узнает и не сможет узнать. Если я или Зайон погибнем неестественной смертью, все будет сообщено через субэфир. Думаю, Девур очень постарается, чтобы с нами ничего не случилось.

Зайон покачал головой:

— Мне это не нравится, Йонг.

— Придется сделать это, Зайон. Вы присутствовали при драке. Думаете, он ничего с вами не сделает, если не принять мер предосторожности? Послушайте, мне надоело приносить честь службы в жертву этому племяннику председателя.

Зайон с несчастным видом сказал:

— Какая же у вас информация, член Совета Старр?

Дэвид негромко ответил:

— Это более чем информация. Это сдача. Здесь, на том, что вы называете территорией Сириуса, есть еще один член Совета. Согласитесь обращаться с моим другом как с военнопленным и забыть об уничтоженном им роботе, и я выдам вам этого члена Совета.

13. ПРЕЛЮДИЯ К ВЕСТЕ

Верзила, который до конца считал, что Старр задумал какую-то хитрость, пришел в ужас. Он отчаянно закричал:

— Нет, Счастливчик! Нет! Я не хочу, чтобы меня спасали так!

Девур откровенно удивился.

— Где? Ни один корабль не прошел через нашу защиту. Это ложь.

— Я выдам вам этого человека, — устало сказал Дэвид, — если мы придем к соглашению.

— Великий Космос! — прорычал Йонг. — Договорились!

— Подождите, — гневно сказал Девур. — Признаю, что это представляет для нас ценность, но согласен ли Старр открыто подтвердить на конференции на Весте, что этот другой член Совета вторгся на нашу территорию и что Старр добровольно указал нам, где он скрывается?

— Это правда, — ответил Старр. — Я буду свидетельствовать.

— Слово чести члена Совета? — насмехался Девур.

— Я сказал, что буду свидетельствовать.

— Ну, что ж, — сказал Девур, — поскольку наша служба настаивает, можете получить в обмен свои жизни. — В глазах его внезапно вспыхнул гнев. — На Мимасе. Верно, член Совета? На Мимасе?

— Да.

— Клянусь Сириусом! — Девур возбужденно вскочил. — Чуть не упустили. И службе в голову не приходило.

Зайон задумчиво спросил:

— Мимас?

— Служба все еще не понимает, — со злобной усмешкой сказал Девур. — Очевидно, на «Метеоре» находилось трое. Трое высадились на Мимасе, двое улетели, один остался. Ведь в вашем докладе, Йонг, сообщалось, что Старр всегда работает в паре.

— Так он всегда работал, — подтвердил Йонг.

— И вам не хватило гибкости предположить наличие третьего? Отправляемся на Мимас? — Девур, казалось, забыл о мести. К нему даже вернулась насмешливая ироничность, с какой он впервые встретил землян на Титане. — Доставите нам удовольствие своим обществом, член Совета?

— Конечно, мистер Девур, — ответил Дэвид.

Верзила, отвернувшись, отошел. Он чувствовал себя хуже, чем в руках робота, когда ждал смерти в его металлических объятиях.

«Метеор» снова был в космосе, но не как независимый корабль. Его прочно держали магнитные зажимы, и он двигался под действием импульсов сирианских кораблей.

Полет от Титана к Мимасу занял почти два дня, для Старра это было трудное время, горькое и беспокойное.

Ему не хватало Верзилы, который находился на одном из сирианских кораблей. (Девур заметил, что они, находясь на разных кораблях, будут заложниками хорошего поведения друг друга.)

Вторым на его корабле был Харриг Зайон. Держался он отчужденно. Не повторял своей попытки переманить его на сторону Сириуса, и Дэвид не мог на него обижаться. Он спросил

Зайона, является ли, по его мнению, Девур образцом высшей расы, проживающей на внешних планетах.

Зайон неохотно ответил:

— Девуру не хватает дисциплины и опыта службы. Он слишком эмоционален.

— Ваш коллега Йонг, кажется, так не считает. Он не делает тайны из своего мнения о Девуре.

— Йонг... представляет крайние взгляды сирианцев. Шрам на его руке появился во время беспорядков, которые сопровождали приход к власти нынешнего председателя Центрального правительства.

— Дяди Девура?

— Да. Служба выступила на стороне прежнего председателя, и Йонг подчинился приказам. В результате при новом режиме его не стали повышать. Да, его прислали сюда для участия в конференции, но он полностью в подчинении Девура.

— Племянника председателя?

— Да. Йонгу это не нравится. Йонг не понимает, что служба — орудие государства, она не вмешивается в политику и не склоняется на сторону той или иной группы или отдельных правителей. Но во всех остальных отношениях он образцовый офицер.

— Но вы не ответили на вопрос, считаете ли Девура образцом новой элиты.

Зайон гневно ответил:

— А у вас на Земле? Неужели не бывало плохих правителей? И даже преступных?

— Сколько угодно, — признал Старр. — Но население Земли неоднородно, мы сильно различаемся. И ни один правитель не сохранит свою власть, если не достигнет компромисса со всеми. Правители компромиссного типа не динамичны, но они и не тираны. На Сириусе вы выработали однообразие, и правитель может доходить до любых крайностей в этом однообразии. Поэтому у вас автократия и применение силы в политике — не кратковременные эпизоды, как на Земле, а правило.

Зайон вздохнул, и прошло несколько часов, прежде чем он снова заговорил с Дэвидом. Уже показался на экране Мимас, началось торможение.

Зайон спросил:

— Скажите мне, член Совета... Спрашиваю вас именем вашей чести. Это какая-то хитрость?

Внутри у Счастливчика все напряглось, но ответил он спокойно:

— Что вы имеете в виду?

— На Мимасе действительно есть член Совета?

— Да. А чего вы ожидали? Что у меня там установка, которая разнесет нас в клочья?

— Что-то вроде этого.

— И что я этим выиграю? Уничтожу один сирианский корабль и десяток сирианцев?

— Вы спасете свою честь.

Дэвид пожал плечами.

— Мы заключили сделку. Внизу член Совета. Я выдам его вам, и он не будет сопротивляться.

Зайон кивнул.

— Хорошо. Вы все-таки не станете сирианцем. Лучше вам оставаться землянином.

Старр горько улыбнулся. Вот в чем причина дурного настроения Зайона. Чувство чести у него протестовало против поведения Дэвида, хотя Сириус от этого и выигрывал.

На Земле в Центр-Порту Интернационального Города Гектор Конвей, глава Совета Науки, ждал отправки на Весту. Он не разговаривал непосредственно с Дэвидом с того момента, как «Метеор» скрылся за Гидальго.

В капсуле, которую доставил капитан Бернольд, содержалось короткое специальное сообщение, проникнутое обычным для Счастливчика здравым смыслом. Единственный возможный выход из сложившейся ситуации — созыв межзвездной конференции. Президент понял это сразу, и, хотя члены кабинета проявили большую неуступчивость, он их переубедил.

Даже Сириус (как и предсказывал Дэвид) сразу одобрил эту меру. Но ясно было, что правительство Сириуса стремится к провалу конференции и войне на своих условиях. И внешне все было на стороне Сириуса.

Именно поэтому необходимо было как можно дольше хра-

нить все в тайне от общественности. Если подробности будут сообщены по субэфиру без соответствующих разъяснений и подготовки, негодующая публика поднимет крик, который неизбежно перерастет в войну против всей Галактики. Созыв конференции сделает положение еще хуже, поскольку будет интерпретирован как предательский и трусливый шаг со стороны Земли.

Но полная тайна была невозможна, и пресса сердилась, получая выхолощенные правительственные сообщения и коммюнике. Положение с каждым днем ухудшалось.

Президенту нужно было каким-то образом продержаться до начала конференции. И все же, если конференция не удастся, нынешняя ситуация покажется раем по сравнению с тем, что начнется тогда.

В последующем всеобщем негодовании не только начнется война, но и будет распущен Совет Науки, и Земная федерация утратит свое самое мощное оружие в тот момент, когда будет больше всего в нем нуждаться.

Много недель Гектор Конвей не мог спать без снотворного и впервые за время своей карьеры искренне подумал, что пора в отставку.

Он тяжело встал и направился на корабль, готовившийся к старту. Через неделю он встретится на Весте с Доремо для предварительного обсуждения положения. Старый розовоглазый политик постарается сохранить баланс сил. В этом нет сомнений. Именно слабость его крошечной планеты делала его таким авторитетным. Он ближе всего подходит к определению честной и незаинтересованной нейтральной стороны, и даже Сириус прислушается к его мнению.

Если Конвею удастся с ним поговорить...

Он почти не замечал подходившего человека, пока чуть не столкнулся с ним.

— А? В чем дело? — раздраженно спросил Конвей.

Человек коснулся полей шляпы.

— Жан Дьеп из транссубэфира, шеф. Не ответите ли на несколько вопросов?

— Нет, нет. Сейчас уже старт.

— Я знаю это, сэр. Именно поэтому я вас и остановил. Другой возможности у меня не будет. Вы, конечно, направляетесь на Весту.

— Да, конечно.

— Чтобы разобраться в ситуации с Сатурном.

— Гм...

— Чего вы ждете от конференции, шеф? Считаете ли вы, что Сириус подчинится ее резолюции и результатам голосования?

— Да, считаю.

— Думаете, голосование будет против Сириуса?

— Я в этом уверен. Позвольте пройти.

— Простите, сэр, но есть одно очень важное обстоятельство, которое должны знать люди Земли.

— Прошу вас. Не нужно говорить мне, что, по вашему мнению, они должны знать. Заверяю вас, что интересы населения Земли я принимаю близко к сердцу.

— И поэтому земное правительство позволяет другим государствам решать, состоялось ли вторжение на его территорию? Вопрос, который должны решать только мы одни?

Конвей не мог не заметить угрожающие нотки во внешне вежливых, но настойчивых вопросах. Он взглянул через плечо репортера и увидел государственного секретаря, окруженного группой журналистов.

Он спросил:

— К чему вы ведете?

— Боюсь, шеф, что под вопросом вера людей в Совет. В связи с этим... Наш транссубэфир поймал сообщение сирианских новостей, которое пока не стало широко известно общественности. Мы хотим, чтобы вы прокомментировали его.

— Никаких комментариев. Сирианские новости, распространяемые на Сириусе, недостойны комментариев.

— Сообщение очень подробное. Например, где сейчас член Совета Дэвид Старр, легендарный Счастливчик? Где он?

— Что?

— Послушайте, шеф, я знаю, что агенты Совета избегают известности, но разве член Совета Старр не был направлен с тайным поручением к Сатурну?

— Даже если это так, молодой человек, неужели вы думаете, что я стану говорить об этом?

— Да, поскольку Сириус уже об этом говорит. Для них это

не тайна. Они сообщили, что Дэвид Старр вторгся в систему Сатурна и был захвачен. Это правда?

Конвей сдержанно ответил:

— Я не знаю нынешнего местонахождения члена Совета Дэвида Старра.

— Значит, он в системе Сатурна?

— Это значит, что я не знаю, где он.

Репортер наморщил нос.

— Ну ладно. Если вы считаете, что лучше признать, будто глава Совета не знает, где находится его самый известный агент, это ваше дело. Но в публике усиливаются настроения против Совета. Говорят о неэффективности Совета, о том, что он позволил сирианцам закрепиться в системе Сатурна и в своих политических интересах держал это в тайне.

— Вы меня оскорбляете. Всего хорошего, сэр.

— Сирианцы вполне определенно утверждают, что Дэвид Старр захвачен в системе Сатурна. Ваши комментарии?

— Нет. Разрешите пройти.

— Сирианцы утверждают, что Дэвид Старр будет на конференции.

— Да? — Конвей не сумел скрыть своего интереса.

— Кажется, это вас пробрало, шеф. Но дело-то в том, что, как утверждают сирианцы, он будет свидетелем с их стороны.

Конвей с трудом ответил:

— Посмотрим.

— Вы признаете, что он будет на конференции?

— Я ничего об этом не знаю.

Репортер сделал шаг в сторону.

— Хорошо, шеф. Просто сирианцы говорят, что Дэвид Старр уже дал ценную информацию и на ее основе они сумеют доказать, что мы начали агрессию. Что же делает Совет? Он на нашей стороне или на их?

Чувствуя огромную усталость, Конвей ответил:

— Никаких комментариев, — и попробовал уйти.

Репортер ему в спину крикнул:

— Старр ведь ваш приемный сын, не так ли, шеф?

На мгновение Конвей повернулся. Потом, ни слова не говоря, быстро пошел на корабль.

Что он мог сказать? Кроме того, что впереди конференция, более важная для Земли, чем любая встреча в ее истории.

И что перевес на стороне Сириуса. Очень велика вероятность, что мир, Совет Науки и сама Земная федерация будут уничтожены.

И на пути всего этого стояли только усилия Дэвида.

Но больше всего Конвея угнетало — даже больше, чем перспектива проигранной войны, — мысль о том, что если сообщение сирианцев верно и если тем не менее конференция окончится неудачей, Дэвид Старр войдет в историю Земли как архипредатель! И только несколько человек будут знать правду.

14. НА ВЕСТЕ

Государственный секретарь Ламонт Финней, профессиональный политик, прослужил пятнадцать лет в Конгрессе, и его отношение к Совету Науки никогда не было дружеским. Теперь он постарел, у него ухудшилось здоровье, он стал раздражителен. Официально он возглавлял земную делегацию на Весте. Но Конвей понимал, что именно он, глава Совета Науки, должен нести всю ответственность за неудачу — если конференция окончится неудачей.

Финней дал это ясно понять еще до того, как корабль, один из самых больших на Земле, стартовал.

Он сказал:

— Пресса совершенно неконтролируема. Вы в трудном положении, Конвей.

— Вся Земля в трудном положении.

— Вы — прежде всего.

Конвей мрачно ответил:

— У меня нет иллюзий, что в случае провала правительство будет поддерживать Совет.

— Боюсь, вы правы. — Государственный секретарь тщательно закрепил ремни, проверил, под рукой ли пузырек с таблетками от космической болезни. — Правительственная поддержка в этом случае означала бы только падение правительства, а в условиях военного положения неприятностей и без того хватит. Мы не можем допустить политическую нестабильность.

Конвей подумал: «Финней не верит в благополучный исход конференции. Ожидает войны».

Он сказал:

— Слушайте, Финней, если дело дойдет до худшего, мне понадобится поддержка, чтобы защитить репутацию члена Совета Старра от...

Финней на мгновение оторвал седую голову от гидравлической подушки и тревожно взглянул на Конвея.

— Невозможно. Ваш член Совета отправился в систему Сатурна по своей воле, он не просил разрешения и не получал никаких приказов. Он добровольно пошел на риск. Если дело обернется плохо, с ним покончено. Мы ничего не сможем сделать.

— Вы знаете, он...

— Я ничего не знаю, — сердито ответил политик. — Официально я ничего не знаю. Вы достаточно долго занимаетесь политикой, чтобы понять, что в таких обстоятельствах нужен козел отпущения. Им и станет член Совета Старр.

Он откинулся на подушку, закрыл глаза, и Конвей тоже лег. Все на корабле заняли места, зашумели двигатели, корабль медленно поднялся над стартовой площадкой и устремился к звездам.

«Метеор» повис в тысяче миль над Вестой, захваченный ее слабым полем тяготения; он медленно кружил с заблокированными двигателями. К нему магнитным зажимом крепилась шлюпка с сирианского корабля.

Зайон покинул «Метеор» и присоединился к сирианской делегации, а его место занял робот. В шлюпке находились Верзила и Йонг.

Старр вначале удивился, когда на экране появилось лицо Йонга. Он сказал:

— Что вы делаете в космосе? С вами ли Верзила?

— Да. Я его стражник. Вероятно, вы ожидали увидеть робота?

— Да. Или после того случая роботов не подпускают к Верзиле?

— Нет, просто Девур таким образом показывает, что я не буду участвовать в конференции. Пощечина службе.

Дэвид сказал:

— Зайон там будет.

— Зайон, — Йонг застыл. — Это хороший офицер, но он исполнитель. Он не понимает, что служба — это не просто слепое исполнение приказов сверху, что мы должны добиться, чтобы в политике Сириуса соблюдались законы чести нашей службы.

— Как Верзила? — спросил Старр.

— Нормально. Но он кажется несчастным. Странно, что такой необычно выглядящий человек лучше понимает честь, чем вы.

Дэвид плотнее сжал губы. Оставалось совсем немного времени, и его не устраивало, что офицеры начинают задумываться о потере его чести. Отсюда недалеко и до мыслей о возвращении этой чести, а тогда они задумаются над его истинными намерениями и...

Йонг пожал плечами.

— Ну, я только хотел сообщить, что все в порядке. Теперь я отвечаю за вас, пока вы не предстанете перед конференцией.

— Подождите. Вы оказали мне услугу на Титане...

— Я ничего вам не оказывал. Я только следовал своему представлению о долге.

— Тем не менее вы спасли жизнь Верзилы, а может, и мою. Может так случиться, что на конференции в опасности окажется ваша жизнь.

— Моя жизнь?

Старр осторожно сказал:

— Как только я выступлю, Девур по той или иной причине может захотеть избавиться от вас, несмотря на риск, что сирианцы узнают о его драке с Верзилой.

Йонг горько рассмеялся.

— На пути сюда его никто не видел. Сидит в своей каюте и ждет, чтобы зажило лицо. Я в безопасности.

— Все равно. Если вам будет грозить опасность, обратитесь к Гектору Конвею, главе Совета Науки. Даю слово, что он предоставит вам политическое убежище.

— Вероятно, у вас добрые намерения, — сказал Йонг, — но я думаю, что после конференции именно Конвею понадобится политическое убежище. — И он прервал связь.

А Дэвид смотрел на Весту и печально думал о том, что слова Йонга, вполне вероятно, окажутся истинными.

Веста — один из самых больших астероидов. Не такой, как Церера, гигант пятисот миль в диаметре, но двухсотпятнадцатимильный размер помещает Весту во второй класс, где с ней соперничают только еще два астероида: Паллада и Юнона.

С Земли Веста кажется самым ярким среди астероидов, потому что ее поверхность в основном состоит из карбоната кальция, а другие, более темные астероиды покрыты в основном окислами металлов и силикатами.

Ученые спорили об этом странном расхождении в химическом составе (о нем не подозревали, пока не высадились на Весту; древние астрономы считали, что Весту покрывает лед или замерзшая двуокись углерода), но ни к каким выводам не пришли. А писатели назвали ее «мраморным миром».

«Мраморный мир» с первых космических полетов превратился в базу флота в его действиях против пиратов астероидов. Природные полости под поверхностью расширили, загерметизировали, и там оказалось достаточно места, чтобы разместить весь персонал и запасы продовольствия на два года.

Теперь база изрядно устарела, но потребовались лишь небольшие усовершенствования, чтобы она превратилась в удобное место встречи делегатов со всей Галактики.

Завезли воды и продовольствия, добавили деликатесов и предметов роскоши, которые никогда не требовались офицерам флота. И теперь, после гладкой мраморной поверхности, внутренние помещения напоминали роскошный земной отель.

Земляне как хозяева (Веста — земная территория; даже сирианцы этого не оспаривали) распределяли помещения и заботились, чтобы всем делегациям было удобно. Для этого требовались незначительные изменения в тяготении и составе атмосферы, чтобы приблизить их к тем, к каким привыкли члены делегаций. Например, в помещениях делегации с Уоррена поддерживалась относительно низкая температура, что соответствует суровому климату этой планеты.

Не случайно больше всех хлопот доставляла делегация Элама. Это небольшая планета, вращающаяся вокруг красного карлика. Никто не подумал бы, что в ее среде может жить человек. Но сами эти трудности неутомимой изобретательностью человека были превращены в преимущества.

Для земных растений там недостаточно света, поэтому

всюду использовалось искусственное освещение и выращивались специально выведенные растения; и постепенно зерно и сельскохозяйственная продукция Элама своим высоким качеством прославились по всей Галактике. Процветание Элама основывалось на экспорте сельхозпродукции, чего не могли достичь другие планеты, с гораздо более благоприятными природными условиями.

Вероятно, из-за слабого света звезды Элама у его жителей почти не было пигментации кожи. Все они были белокожими до предела. Например, глава делегации Элама был почти альбиносом. Его звали Агас Доремо, и в течение тридцати лет он был признанным лидером нейтралистов в Галактике. Во всех вопросах соперничества между Землей и Сириусом (который, разумеется, являлся выразителем крайних антиземных настроений в Галактике) Доремо старался поддерживать равновесие.

Конвей и в данном случае рассчитывал на него. Он с дружеским видом вошел в помещения эламитов. Постарался не быть слишком экспансивным, обмениваясь крепкими рукопожатиями. Помигал, приспосабливаясь к неяркому красному свету, и принял стакан эламитского вина.

Доремо сказал:

— Ваши волосы поседели со времени нашей последней встречи. Мои тоже.

— Мы много лет не встречались, Доремо.

— Значит, они поседели не за последние месяцы?

Конвей печально улыбнулся.

— Если бы они оставались темными, думаю, что поседели бы.

Доремо кивнул и отпил вина. Он сказал:

— Земля оказалась в чрезвычайно неприятном положении.

— Да, и тем не менее по всем законам логики Земля права.

— Да? — Доремо держался уклончиво.

— Я знаю, вы много думали над этой проблемой...

— Достаточно.

— Не хотите ли заранее обсудить ее?

— Почему бы и нет? Сирианцы уже у меня побывали.

— Уже?

— Я сделал остановку на Титане по пути сюда. — Доремо покачал головой. — У них там прекрасно, насколько я мог раз-

глядеть, когда мне дали темные очки. Ужасный голубой свет Сириуса ничего не дает увидеть. Нужно отдать им должное, Конвей: они все быстро проделали.

— Вы считаете, что у них было право колонизировать Сатурн?

Доремо ответил:

— Мой дорогой Конвей, я считаю только, что хочу мира. Война никому не принесет добра. Ситуация, однако, такова: сирианцы обосновались в системе Сатурна. Как их оттуда вытеснить без войны?

— Способ есть, — ответил Конвей. — Если все остальные планеты ясно покажут, что считают Сириус агрессором, он не сможет противостоять вражде всей Галактики.

— Да, но как убедить остальные планеты выступить против Сириуса? — спросил Доремо. — Большинство из них — прошу прощения — традиционно подозрительно относятся к Земле; они скажут, что в конце концов система Сатурна была необитаемой.

— Но со времен предоставления независимости внешним мирам согласно доктрине Хегеллана считалось, что правом на независимость обладают только звездные системы. Ненаселенная планетная система не означает ничего, если это не часть ненаселенной звездной системы.

— Я с вами согласен. Признаю, что таково допущение. Но это допущение никогда не испытывалось. Сейчас первый случай.

— Вы думаете, — негромко сказал Конвей, — было бы мудро отказаться от этого допущения, признать новый принцип, по которому всякий может вторгнуться в систему и занять любую ненаселенную планету, которая ему встретится?

— Нет, — выразительно ответил Доремо, — я так не думаю. Я считаю, что лучше по-прежнему считать независимым объектом только звездную систему, однако...

— Однако?

— На конференции делегациям трудно будет рассуждать с точки зрения логики. Если я могу предложить совет Земле...

— Прошу вас. Наша беседа неофициальная и не записывается.

— Я бы сказал: не рассчитывайте на поддержку конференции. Разрешите сирианцам остаться в системе Сатурна. Сириус перегнет палку, и тогда вы сможете созвать вторую конференцию с большими надеждами на успех.

Конвей покачал головой.

— Невозможно. Если мы проиграем, у нас начнется буря. Она уже началась.

Доремо пожал плечами.

— У всех свои трудности. Я в этом отношении пессимист.

Конвей убедительно заговорил:

— Но если вы сами считаете, что Сириус не должен оставаться на Сатурне, не можете ли вы попробовать переубедить остальных? Вы влиятельный человек, вас уважают во всей Галактике. Не прошу вас ни о чем, только действуйте в соответствии со своим мнением. Ведь речь идет о войне и мире.

Доремо отставил стакан и промокнул губы платком.

— Я бы очень хотел это сделать, Конвей, но на этой конференции не смею даже попробовать. Сириус стал настолько влиятелен, что для Элама опасно противиться ему. Мы маленькая планета... В конце концов, Конвей, вы ведь созвали эту конференцию, чтобы достичь мирного соглашения, зачем же вы одновременно послали военный корабль в систему Сатурна?

— Об этом вам рассказали сирианцы, Доремо?

— Да. И представили доказательства. Я даже видел земной корабль над Вестой в магнитном захвате сирианцев. И мне сообщили, что на борту не кто иной, как сам Счастливчик Старр, о котором мы слышали даже на Эламе. Мне сообщили, что Старр выступит свидетелем на конференции.

Конвей медленно кивнул.

Доремо сказал:

— Если Старр признает военные действия против сирианцев — а он признает, иначе сирианцы не допустили бы его выступления, — это все, что нужно конференции. Никакой аргумент против этого не устоит. Ведь Старр, по-моему, ваш приемный сын.

— Да, — прошептал Конвей.

— Тем хуже. И если вы скажете, что он действовал без санкций с Земли, как, вероятно, вам следует поступить...

— Это правда, — сказал Конвей, — но я не готов сказать, что именно мы станем утверждать.

— Если вы откажетесь от него, вам никто не поверит. Он

ведь ваш сын. Делегаты внешних миров поднимут крик о «вероломных землянах», о лицемерии Земли. Сириус этим воспользуется, а я ничего не смогу сделать. Я даже лично не смогу голосовать в пользу Земли... Земле сейчас лучше уступить.

Конвей покачал головой. «Невозможно».

— Тогда война, — с бесконечной печалью ответил Доремо, — и мы все будем против Земли.

15. КОНФЕРЕНЦИЯ

Конвей допил вино. Он встал и печально пожал Доремо руку.

Как бы напоследок он сказал:

— Но ведь мы еще не слышали показаний Дэвида. Если они будут не так плохи, если даже окажутся безвредными, будете ли вы по-прежнему стремиться к миру?

Доремо пожал плечами.

— Вы хватаетесь за соломинку. Да, да, если конференция после показаний вашего сына не впадет в панику, я сделаю, что смогу. Как я вам уже говорил, я на вашей стороне.

— Благодарю вас, сэр. — Они снова обменялись рукопожатием.

Доремо, слегка качая головой, смотрел вслед уходящему главе Совета Науки. За дверью Конвей остановился, чтобы перевести дыхание. Все, как он и ожидал. Только бы сириане позволили Дэвиду выступить.

Как и следовало ожидать, конференция открылась предельно дипломатично. Все были очень вежливы, и когда земная делегация занимала свое место впереди справа, все делегаты, даже сириане, сидевшие впереди слева, встали.

Приветственную речь от лица хозяев конференции произнес государственный секретарь. Он произнес несколько банальностей о необходимости мира и о двери, открытой для дальнейшего заселения Галактики, об общем происхождении и братстве всех людей, о том, как опасна и разрушительна война. Он постарался никак не упоминать причину созыва конференции, ни разу не назвал Сириус и не произнес ни одной угрозы.

Ему щедро аплодировали. Потом конференция избрала своим председателем Агаса Доремо (это был единственный человек, с кандидатурой которого согласились обе стороны), и началось обсуждение главного вопроса.

Обсуждение, как обычно на таких конференциях, велось на интерлингве, международном языке, распространенном по всей Галактике.

В своем коротком выступлении Доремо подчеркнул преимущества компромисса и попросил всех в виду угрозы войны не упрямиться и проявлять благоразумие. Потом он вторично предоставил слово государственному секретарю Земли.

На этот раз секретарь выступал как защитник своей стороны в спорном вопросе. Выступил он умело и искусно.

Однако нельзя было не видеть враждебного отношения большинства делегаций. Оно, как туман, повисло в зале конференции.

Конвей сидел рядом с выступающим секретарем, опустив подбородок на грудь. Обычно считается ошибкой с самого начала выступать с большой защитительной речью. Это означает показать свое оружие еще до начала боевых действий. И Сириус получит возможность для сокрушительного ответа.

Но в данном случае Конвей хотел именно этого.

Он достал носовой платок, провел им по лбу, потом торопливо спрятал, надеясь, что никто этого не заметил. Он не хотел, чтобы заметили, как он волнуется.

Сириус воздержался от ответа, и явно по предварительной договоренности коротко выступили представители трех внешних планет, находящихся в сильной зависимости от Сириуса. Каждый избегал касаться конкретных случаев, но все трое говорили об агрессивных намерениях Земли и ее попытках вернуть себе прежнее господство в Галактике. Они подготовили сцены для главных актеров — сирианцев. После этого объявили перерыв для ланча.

И вот, шесть часов спустя после начала конференции, слово было предоставлено главе делегации Сириуса Стену Девуру. Он медленно встал. Вышел к трибуне и стоял, уверенно и с

достоинством глядя на делегатов (на его оливковом лице не было и следа побоев).

Делегаты зашевелились, но постепенно затихли, а Девур ждал, не делая попытки начать.

Конвей был уверен, что все делегаты знают о предстоящем выступлении Счастливчика Старра. Все с возбуждением предвкушали окончательное унижение Земли.

Наконец очень негромко заговорил Девур. Начало его выступления было построено на материале истории. Он обратился к дням, когда Сириус был земной колонией, и вспоминал беды и горести тех дней. Охарактеризовал доктрину Хегеллана, предоставившую независимость Сириусу и другим внешним планетам, как неискреннюю и готовящую почву для восстановления господства Земли.

Переходя к настоящему, он сказал:

— Нас обвиняют в том, что мы колонизировали незаселенную планету. Мы признаем себя виновными в этом. Нас обвиняют в том, что мы взяли пустой мир и сделали его прекрасным местом для жизни человека. Мы признаем себя виновными в этом. Нас обвиняют в том, что мы взяли мир, пригодный для обитания, но ранее не использовавшийся. Мы признаем себя виновными в этом.

Нас не обвиняют в применении насилия. Нас не обвиняют в начале военных действий, в убийствах и ранениях в ходе нашей оккупации. Нас вообще не обвиняют ни в каких преступлениях. Утверждается только, что в миллиарде миль от планеты, которую мы сейчас мирно населяем, находится другая населенная планета — Земля.

Мы не считаем, что это имеет отношение к нашей планете — Сатурну. Мы не проявили насилия по отношению к Земле, и нас не обвиняют в этом. Мы просим только, чтобы нас оставили в покое, и будем рады ответить тем же.

Земляне утверждают, что Сатурн принадлежит им. Почему? Заселили ли они его спутники? Нет. Проявили ли интерес к нему? Нет. В течение тысячелетий Сатурн ждал их, но разве они этим воспользовались? Нет. Только после нашей высадки они вдруг проявили интерес к нему.

Земляне говорят, что Сатурн вращается вокруг того же Солнца, что и Земля. Мы это признаем, но говорим, что это не имеет значения. Незаселенный мир — это незаселенный мир,

независимо от его орбиты в пространстве. Мы первыми заселили его, и он принадлежит нам.

Я сказал, что Сириус занял систему Сатурна без применения силы и без угрозы применения силы; что нас побуждает только стремление к миру. Мы не так много говорим о мире, как Земля, но мы применяем его на практике. Когда Земля созвала конференцию, мы немедленно согласились ради мира, хотя у нас нет никаких сомнений в нашей правоте.

Но что же Земля? Как она подтверждает свои мирные намерения? Она очень красноречиво говорит о мире, но ее действия противоречат ее речам. Земля призывает к миру и ведет войну. Она созывает мирную конференцию и в то же время отправляет военную экспедицию. Короче, пока ради мира Сириус рискует своими интересами, Земля начинает против нас неспровоцированную войну. Я могу это доказать устами одного из членов земного Совета Науки.

Произнося последнюю фразу, он поднял руку — первый жест за всю речь — и драматично указал на проход, куда был сразу же нацелен прожектор. Там стоял Дэвид Старр, высокий и прямой. По обеим сторонам от него стояли роботы.

Когда Старра привезли на Весту, он наконец увидел Верзилу. Маленький марсианин подбежал к нему, а Йонг с интересом смотрел с расстояния.

— Счастливчик, — взмолился Верзила. — Пески Марса, не делай этого. Они не могут заставить тебя говорить, а что со мной будет, неважно.

Дэвид медленно покачал головой.

— Подожди, Верзила. Подожди еще один день.

Подошел Йонг и взял Верзилу за локоть.

— Простите, Старр, но мы задержим его, пока вы не выступите. Девур верит в заложников, и я считаю, что в данном случае он прав. Вам придется предстать перед своими, и угроза бесчестья может на вас подействовать.

Старр подготовился к этому, когда стоял в проходе и чувствовал, что все, затаив дыхание, смотрят на него. Освещенный прожектором, он видел делегатов как смутную безликую массу. Только когда роботы отвели его на скамью свидетеля,

он стал различать отдельные лица и увидел в переднем ряду Гектора Конвея.

Конвей устало улыбнулся ему, но Дэвид не посмел ответить тем же. Наступал критический момент, и он должен был ничем не насторожить сириан.

Девур жадно смотрел на землянина, наслаждаясь предстоящим торжеством. Он сказал:

— Джентльмены. Я хочу временно превратить эту конференцию в нечто, напоминающее суд. У меня есть свидетель, и я хочу, чтобы делегаты выслушали его. Я основываюсь на его показаниях. Он землянин и один из известнейших агентов Совета по науке.

Потом он резко обратился к Старру:

— Ваше имя, гражданство и должность.

Счастливчик ответил:

— Я, Дэвид Старр, уроженец Земли и член Совета Науки.

— Подвергали ли вас воздействию наркотиков или психическому воздействию перед вашим выступлением?

— Нет, сэр.

— Значит, вы говорите добровольно и скажете всю правду?

— Я говорю добровольно и скажу всю правду.

Девур повернулся к делегатам.

— Некоторым может прийти в голову, что Дэвида Старра подвергли воздействию так, что он об этом не знал. Если это так, его может осмотреть любой член конференции, имеющий медицинскую подготовку, — я знаю, что здесь присутствуют несколько таких людей, — если кто-то требует такого осмотра.

Никто не потребовал этого, и Девур продолжал, обращаясь к Старру:

— Когда вам впервые стало известно о существовании сирианской базы в системе Сатурна?

Коротко, невыразительно, с каменным выражением лица глядя вперед, тот рассказал о своем первом посещении системы и о требовании покинуть ее.

Конвей слегка кивнул, заметив, что Старр ни словом не упомянул ни об агенте X, ни о капсуле. Агент X — всего лишь земной преступник. Очевидно, Сириус не хотел упоминаний о его деятельности и так же очевидно, Дэвид тоже стремился к этому.

— Получив предупреждение, вы улетели?

— Да, сэр.

— Насовсем?

— Нет, сэр.

— Что вы сделали потом?

Дэвид описал уловку с Гидальго, приближение к Сатурну со стороны южного полюса, укрытие за кольцами и полет к Мимасу.

Девур прервал его:

— За все это время были ли проявлены по отношению к вашему кораблю враждебные действия?

— Нет, сэр.

Девур снова обратился к делегатам.

— Нет необходимости опираться только на слова члена Совета. У меня есть телефото преследования корабля Старра до самого Мимаса.

Старр оставался на свету, все остальное помещение было погружено в полутьму, и делегаты смотрели на трехмерное изображение «Метеора», летящего к кольцам и скрывающегося в Щели между ними.

Следующие кадры показывали его полет к Мимасу и исчезновение в облаке красного света и пара.

К этому времени Девур почувствовал растущее восхищение смелостью землянина, потому что торопливо и раздраженно сказал:

— Наша неспособность догнать корабль члена Совета объясняется тем, что у него был аграв. Маневры вблизи Сатурна для нас более затруднительны, чем для него. По этой причине мы раньше не приближались к Мимасу и не были готовы к тому, что он это сделает.

Если бы Конвей посмел, он бы закричал вслух. Дурак! За это проявление зависти Девур дорого заплатит. Конечно, упоминая об аграве, он одновременно хочет вызвать у других делегаций страх перед научными достижениями Земли, но это тоже ошибка. Страх может стать слишком сильным.

Девур спросил у Старра:

— Что же произошло, когда вы покинули Мимас?

Тот описал свое пленение, и Девур, намекнув на обладание сирианцами усовершенствованным масс-детектором, сказал:

— Будучи на Титане, дали ли вы нам сведения, касающиеся вашей деятельности на Мимасе?

— Да, сэр. Я сообщил вам, что на Мимасе находится другой член Совета, а потом сопровождал вас в полете на Мимас.

Этого делегаты, очевидно, не знали. Началось смятение, которое прервал своим возгласом Девур:

— У меня есть телефото, на которых зафиксировано удаление этого второго члена Совета с Мимаса, где он основал тайную военную базу именно в то время, когда Земля созывала мирную конференцию.

Снова затемнение, и снова трехмерное изображение. Во всех подробностях конференция увидела высадку на Мимас, увидела, как образуется туннель, как исчезает в нем Старр и возвращается на борт корабля вместе с членом Совета Беном Василевским. Последние кадры показывали помещения Бена под поверхностью Мимаса.

— Как видите, настоящая база со всем необходимым оборудованием, — сказал Девур. Потом, повернувшись к Старру, спросил: — Имели ли ваши действия официальное одобрение со стороны Земли?

Это был главный вопрос, и никто не сомневался, какой последует ответ, но тут Дэвид заколебался, а аудитория ждала, затаив дыхание.

Наконец он сказал:

— Я скажу всю правду. Я не получил разрешения вернуться в систему Сатурна, но знаю, что все мои действия встретят полную поддержку со стороны Совета Науки.

При этом признании началась давка среди репортеров и смятение среди делегатов. Все вставали, слышались крики:

— Голосовать! Голосовать!

Похоже, конференция кончалась полным поражением Земли.

16. ПОПАЛСЯ, КОТОРЫЙ КУСАЛСЯ

Агас Доремо вскочил на ноги и совершенно бесполезно стучал традиционным деревянным молотком. Конвей с трудом пробился сквозь лес угрожающих жестов и выкрики и включил сирену, некогда возвещавшую о нападениях на базу. Резкий звук перекрыл шум, и делегаты удивленно смолкли.

Конвей выключил сирену, и в наступившей тишине Доремо быстро сказал:

— Предлагаю дать возможность главе Совета Науки Гектору Конвею из Земной федерации провести перекрестный допрос члена Совета Старра.

Послышались выкрики: «Нет! Нет!» — но Доремо упрямо заявил:

— Прошу конференцию отнестись справедливо ко всем участникам. Глава Совета заверил меня, что перекрестный допрос не займет много времени.

Под всеобщий шорох и шепот Конвей приблизился к Старру.

Он улыбнулся, но заговорил официально:

— Член Совета Старр, мистер Девур не спрашивал вас о ваших намерениях. Скажите, зачем вы направились в систему Сатурна.

— С целью колонизировать Мимас, шеф.

— Вы считали, что имеете на это право?

— Это был незаселенный мир, шеф.

Конвей повернулся к застывшим делегатам.

— Не повторите ли, член Совета Старр?

— Я хотел основать базу на Мимасе, поскольку этот пустой мир принадлежал Земной федерации, шеф.

Девур вскочил и яростно крикнул:

— Мимас — часть системы Сатурна!

— Совершенно верно, — сказал Старр, — а Сатурн — часть Солнечной системы. Но согласно вашей интерпретации, Мимас — всего лишь незаселенный мир. Только что вы сами признали, что раньше сирианские корабли никогда не совершали посадок на Мимасе.

Конвей улыбнулся. Молодой член Совета тоже поймал эту ошибку Девура.

Конвей сказал:

— Мистер Девур, член Совета Старр не присутствовал, когда вы произносили свою вступительную речь. Позвольте процитировать из нее отрывок слово в слово: «Незаселенный мир — это незаселенный мир, независимо от его орбиты в пространстве. Мы первыми заселили его, и он принадлежит нам».

Глава Совета повернулся к делегатам и, тщательно подбирая слова, сказал:

— Если справедлива точка зрения земной делегации, Мимас принадлежит нам, потому что обращается вокруг планеты, которая, в свою очередь, вращается вокруг нашего Солнца. Если справедлива точка зрения делегации Сириуса, Мимас тоже принадлежит нам, потому что он был не заселен и мы колонизировали его первыми. В соответствии с утверждениями самих сирианцев, тот факт, что другой спутник Сатурна ими уже заселен, не имеет отношения к данному случаю.

В любом случае, вторгнувшись на планету, принадлежащую Земной федерации, и силой удалив оттуда колониста, Сириус начал военные действия и показал все свое лицемерие, поскольку считает для себя возможным делать то, что не позволено другим.

Снова началось смятение, и следующим заговорил Доремо.

— Джентльмены, я хочу кое-что сказать. Факты, приведенные Конвеем и членом Совета Старром, неопровержимы. Это показывает, в какую анархию погрузится Галактика, если победит точка зрения Сириуса. Каждая незаселенная скала станет источником споров, каждый астероид будет угрозой для мира. Сирианцы собственными действиями доказали свою неискренность...

Произошел полный и окончательный поворот событий.

Если бы позволяло время, Сириус мог бы еще призвать к порядку своих союзников, но Доремо, искусный и опытный политик, провел голосование, когда просирианские делегации еще были деморализованы и не могли решиться выступить против очевидных фактов.

За Сириус голосовали три делегации. Делегации Пентесилеи, Дуварна и Муллена, все небольшие планеты, где влияние сирианцев было очень сильно. Остальные голоса, свыше пятидесяти, были поданы в пользу Земли. Постановили, что Сириус должен освободить взятых в плен землян. Постановили демонтировать базу и покинуть Солнечную систему в течение месяца.

Конечно, заставить выполнить эти приказы можно было только оружием, но Земля была готова к войне, а Сириусу пришлось считаться с мнением остальных миров. И никто на Весте не думал, что в таких обстоятельствах Сириус решится на войну.

Девур, тяжело дыша, с лицом, искаженным яростью, сказал Старру:

— Грязный трюк. Вы сознательно вынудили нас...

— Это вы вынудили меня, — спокойно ответил Счастливчик, — угрожая жизни Верзилы. Помните? Или предпочтете, чтобы были опубликованы все подробности?

— Ваш друг-обезьяна все еще у меня, — злобно сказал Девур, — и что бы там ни говорили на конференции...

Глава Совета Конвей, тоже присутствовавший при разговоре, улыбнулся.

— Если вы имеете в виду Верзилу, мистер Девур, то он не у вас. Он в наших руках вместе с офицером Йонгом, которого Дэвид Старр заверил в моей поддержке. Очевидно, Йонг считает, что при вашем нынешнем настроении ему лучше не сопровождать вас в обратном полете на Титан. Может, и вам небезопасно возвращаться на Сириус? Если хотите обратиться с просьбой об убежище...

Девур, потеряв дар речи, встал и ушел.

Доремо широко улыбался, прощаясь с Конвеем и Дэвидом.

— Думаю, вы будете рады снова оказаться на Земле, молодой человек.

Дэвид кивнул в знак согласия.

— Через час я отправляюсь домой на лайнере, сэр, а несчастный «Метеор» пойдет на буксире, и, откровенно говоря, я этим доволен.

— Хорошо. Поздравляю с великолепно выполненной работой. Когда глава Совета Конвей попросил меня перед началом заседания дать ему возможность устроить перекрестный допрос, я согласился, но решил, что он сошел с ума. Когда вы давали показания, а он с ними соглашался, я уверился в том, что он сумасшедший. Но, очевидно, вы все спланировали заранее.

Конвей ответил:

— Дэвид направил мне послание, в котором рассказал, что собирается делать. Конечно, до самого последнего момента мы не были уверены, что план удастся.

— Я думаю, вы верили в члена Совета, — возразил Доре-

мо. — Во время нашей первой беседы вы спросили меня, буду ли я на вашей стороне, если его показания не произведут эффекта. Тогда я, конечно, не понял, в чем дело, понял только потом.

— Благодарю вас за поддержку.

— Я поддержал сторону, за которой справедливость... Вы серьезный противник, молодой человек, — сказал он Дэвиду.

Тот улыбнулся.

— Я сделал ставку на неискренность сирианцев. Если бы они на самом деле верили в то, что говорят, они не тронули бы моего друга на Мимасе, и мы остались бы с базой на маленьком куске льда и предстоящей войной.

— Вы правы. Конечно, когда делегаты вернутся домой, многие передумают, начнут гневно обвинять Землю и меня тоже, но, я думаю, все уляжется. Успокоившись, они поймут, что установили прецедент — принцип независимости звездных систем, и я думаю также, что этот принцип важнее всей их оскорбленной гордости и предрассудков. Я считаю, что историки будут рассматривать эту конференцию как очень важный шаг к миру и процветанию всей Галактики. Я очень доволен.

И он энергично пожал землянам руки.

Дэвид и Верзила снова оказались вместе, и хоть пассажирский корабль был велик и места в нем было много, они не расставались. Марс остался позади (Верзила больше часа с довольным видом смотрел на него), приближалась Земля.

Наконец Верзила решил высказать, что его мучит.

— Великий Космос, Счастливчик, — сказал он, — как это я не понял, что ты делаешь? Я думал... Ну не хочу говорить, что я думал. Только, пески Марса, тебе следовало предупредить меня.

— Верзила, я не мог. Это единственное, чего я не мог сделать. Разве ты не понимаешь? Мне нужно было заставить сирианцев вывезти Бена с Мимаса так, чтобы они не задумались о последствиях. Мне нельзя было показывать им, что я хочу этого, иначе они сразу заподозрили бы ловушку. Нужно было действовать так, будто я иду на это вопреки своему желанию, что я вынужден так поступать. Уверяю тебя, я с самого начала

и не знал, как это сделать, но понимал одно: если бы ты, Верзила, знал о моем плане, ты бы его сорвал.

Верзила страшно рассердился.

— Сорвал? Да знаешь ли ты, земной слизняк, что от меня и бластером ничего бы не добились?

— Знаю. Никакая пытка не помогла бы. Но ты выдал бы план сам. Ты очень плохой актер и знаешь это. Стоило тебе по-настоящему рассердиться, и так или иначе все вышло бы на поверхность. Вот почему я хотел, чтобы ты остался на Мимасе, помнишь? Я знал, что не могу тебе рассказать все, знал, что ты не понимаешь, что я делаю, и мне было плохо из-за этого. Но ты оказался настоящей находкой.

— Я? Потому что побил этого подонка?

— В каком-то смысле да. Это дало мне возможность показать, что я искренне обмениваю Бена на твою жизнь. Это было легче, чем выдавать его на каких-то других условиях. Я как будто вообще не играл. Ты за меня все сделал.

— Ах, Счастливчик!

— Ах, Верзила! К тому же ты так расстроился, что они не заподозрили ловушку. Все, кто наблюдал за тобой, были убеждены, что я действительно предаю Землю.

— Пески Марса! — Верзила был поражен. — Мне следовало знать, что ты ничего подобного не можешь сделать. Я придурок.

— Ну я рад, что это так, — сказал Дэвид и ласково взъерошил волосы Верзилы.

Когда за обедом к ним присоединились Конвей и Бен, Бен сказал:

— Не о такой встрече нас дома думал Девур: субэфир и газеты полны рассказами о нас, особенно о тебе, Счастливчик.

Дэвид нахмурился.

— Тут нет ничего хорошего. Теперь нам станет трудней работать. Известность! Только подумай, что говорили бы, если бы сирианцы оказались хоть немного сообразительней и в последнюю минуту сорвались бы с крючка.

Конвей поежился.

— Не буду об этом думать. Но теперь Девур получает заслуженное.

Старр сказал:

— Переживет. Дядюшка его вытащит.

— Во всяком случае, мы с ним покончили, — сказал Верзила.

— Ты думаешь? — серьезно спросил Дэвид. — Я в этом не уверен.

После этого несколько минут ели молча.

Конвей, желая развеять сгустившуюся атмосферу, сказал:

— Конечно, сирианцы не могли оставить Бена на Мимасе, так что мы им не дали выбора. В конце концов, они искали капсулу, а Бен находился всего в тридцати тысячах миль от колец и...

Верзила выронил вилку, глаза его превратились в блюдца.

— Взлетающие ракеты!

— В чем дело, Верзила? — спросил Бен. — Ты случайно о чем-то подумал и перенапряг мозг?

— Заткнись, тупоголовый, — сказал Верзила. — Послушай, Счастливчик, во всей этой суматохе мы забыли о капсуле агента Х. Она все еще там, если сирианцы ее не нашли; а если не нашли, у них еще есть несколько недель для поисков.

Конвей сразу ответил:

— Я думал об этом, Верзила. Откровенно говоря, я считаю, что она навсегда потеряна. В кольцах ничего не найти.

— Но, шеф, разве Дэвид не рассказывал вам об особых масс-детекторах, которые у них есть, и...

К этому времени все смотрели на Старра. У того на лице появилось странное выражение, как будто он не мог решить, что ему делать: смеяться или браниться.

— Великая Галактика! — воскликнул он. — Я о ней совершенно забыл!

— О капсуле? — спросил Верзила. — Ты забыл о капсуле?

— Да. Я забыл, что она у меня. Вот. — И он достал из кармана металлический предмет размером с дюйм и положил его на стол.

Первым схватил его Верзила, потом его выхватили остальные; все поворачивали капсулу, рассматривая ее.

Верзила сказал:

— Это капсула? Ты уверен?

— Да. Конечно, совершенно точно будем знать, когда откроем ее.

— Но как, где, когда... — все задавали вопросы одновременно.

Дэвид постарался ответить.

— Простите. Я на самом деле... Помните слова, которые мы перехватили перед тем, как агент Х взорвался? Там были слова «на нормальной орб...». Мы, конечно, решили, что это значит «на нормальной орбите». Сирианцы тоже подумали, что «нормальный» значит «обычный», что капсула находится на орбите, обычной для частиц кольца, и стали обыскивать кольца.

Однако «нормальная» может значить также «перпендикулярная». Кольца Сатурна вращаются с запада на восток, перпендикулярная орбита означает вращение с севера на юг или с юга на север. Это имеет смысл, так как в таком случае капсула не затеряется в кольцах.

Но любая орбита, по которой тело движется с севера на юг или с юга на север, должна проходить над Северным и Южным полюсами, независимо от других элементов. Мы приближались к Сатурну со стороны южного полюса, и я следил по масс-детектору, отмечая все подходящие орбиты. В полярном пространстве частиц почти нет, и я думал, что смогу ее обнаружить, если она там. Но говорить об этом не хотел, потому что шансы были невелики и мне не хотелось возбуждать ложные надежды.

На детекторе что-то отразилось, и я решил попробовать. Сравнял скорости и вышел из корабля. Как ты догадался, Верзила, я при этом воспользовался возможностью вывести из строя аграв, готовясь к предстоящей сдаче, но одновременно я подобрал и капсулу.

Когда мы высадились на Мимасе, я оставил ее в кольцах кондиционера Бена. Потом, когда мы за ним прилетели и я сдал его Девуру, то прихватил капсулу и сунул ее в карман. Конечно, на корабле меня обыскивали в поисках оружия, но я решил, что капсула робота не заинтересует... Использование роботов связано с серьезными недостатками. Ну вот и вся история.

— Но почему ты не рассказал нам? — завопил Верзила.

Дэвид выглядел смущенным.

— Я хотел. Честно. Но когда я выловил капсулу и вернулся на корабль, нас засекли сирианцы, помнишь, нужно было ухо-

дить от них. И потом, если подумаешь, ни одной минуты не было, чтобы что-нибудь не происходило. Ну... и я так и не вспомнил о ней.

— Что за память, — презрительно сказал Верзила. — Неудивительно, что ты без меня ничего не можешь.

Конвей рассмеялся и хлопнул маленького марсианина по спине.

— Правильно, Верзила, и дальше заботься об этом переростке и постарайся, чтобы он всегда понимал, что делает.

— Конечно, — добавил Бен, — после того, как тебе самому объяснят, что ты делаешь.

Корабль вошел в земную атмосферу. Началась подготовка к посадке.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЭВИД СТАРР, КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙНДЖЕР 5
СЧАСТЛИВЧИК СТАРР И ПИРАТЫ АСТЕРОИДОВ 119
СЧАСТЛИВЧИК СТАРР И ОКЕАНЫ ВЕНЕРЫ. 227
СЧАСТЛИВЧИК СТАРР И БОЛЬШОЕ СОЛНЦЕ МЕРКУРИЯ . . 337
СЧАСТЛИВЧИК СТАРР И СПУТНИКИ ЮПИТЕРА. 447
СЧАСТЛИВЧИК СТАРР И КОЛЬЦА САТУРНА 557